

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИНСТИТУТ АФРИКИ

ВОСТОК

Афро-азиатские общества: история и современность

2021

5

СЕНТЯБРЬ–ОКТЯБРЬ

Выходит 6 раз в год

Основан в январе 1955 г.

Выходил под названиями: “СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ” (1955–1958),

“ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ” (1959–1961),

“НАРОДЫ АЗИИ И АФРИКИ” (1961–1990)

Журнал издается под руководством

Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор

академик РАН В.В. НАУМКИН

Редколлегия

И.О. АБРАМОВА, член-корр. РАН
Л.Б. АЛАЕВ, д.и.н., проф.
Ю.Г. АЛЕКСАНДРОВ, д.э.н.
А.К. АЛИКБЕРОВ, д.и.н.
В.М. АЛПАТОВ, академик РАН
Х.А. АМИРХАНОВ, академик РАН
Турадж АТАБАКИ, проф., доктор
(Нидерланды)
Б.В. БАЗАРОВ, академик РАН
А.С. БАЛАХВАНЦЕВ, д.и.н.
Байрам БАЛДЖИ, доктор (Франция)
Н.Н. БЕКТИМИРОВА, д.и.н., проф.
А.Б. ДАВИДСОН, академик РАН
Г.М. ЕМЕЛЬЯНОВА, доктор
(Великобритания)
А.О. ЗАХАРОВ, д.и.н.
И.Д. ЗВЯГЕЛЬСКАЯ, д.и.н., проф.
Пьерфранческо КАЛЬЕРИ, проф.
(Италия)
Михаэль КЕМПЕР, доктор
(Нидерланды)

Н.Н. КРАДИН, член-корр. РАН
А.Б. КУДЕЛИН, академик РАН
ЛИ ЮНЦЮАНЬ, проф. (Китай)
Н.А. МАККАВЕЕВ, к.и.н.
Пьетро МАСИНА, проф. (Италия)
Ильбер ОРТАЙЛЫ, почетный
проф. (Турция)
Мадхаван ПАЛАТ, проф. (Индия)
Юрий ПИНЕС, проф. (Израиль)
М.Б. ПИОТРОВСКИЙ,
академик РАН
И.Ф. ПОПОВА, чл.-корр. РАН
В.Я. ПОРХОМОВСКИЙ,
д.филол.н., проф.
Энтони РЕЙД, проф. (Австралия)
И.В. СЛЕДЗЕВСКИЙ, д.и.н., проф.
А.В. СМИРНОВ, академик РАН
Билл СТРАЙФЕР, доктор (США)
Р.Р. ХАЙРУТДИНОВ, проф.

Редакция

А.С. БАЛАХВАНЦЕВ,
зам. главного редактора
Н.А. МАККАВЕЕВ,
ответственный секретарь,
Т.А. АНИКЕЕВА,
отдел культурологии
Н.Р. ВОЛЬКЕНШТЕЙН
отдел истории
Н.Н. ЦВЕТКОВА,
отдел экономики
и политологии
Н.В. БУСЫГИН
редактор

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Древний Восток

С.Е. МАЛЫХ	6	Греческая и римская керамика в африканском царстве Мероэ: пути проникновения и степень влияния
		Кавказская Албания: история, археология, культура
А.К. АЛИКБЕРОВ,
О.А. МУДРАК	18	Кавказская Албания и «Ворота» на Кавказе: Каспийские, Албанские и Аланские
А.С. БАЛАХВАНЦЕВ	31	Границы Кавказской Албании (IV в. до н.э. – III в. н.э.)
Г.О. ГОШГАРЛЫ	43	К вопросу о мотивации второго похода Помпея в Кавказскую Албанию
Дж.Т. ЭМИНЛИ,
Э.А. ИСКЕНДЕРОВ	49	Об одной детали погребального обряда античной Кабалы
Murtazali S. GADJIEV	59	The Role and Place of Middle Persian Language and Writing in Caucasian Albania
А.А. АКОПЯН	71	По поводу датировки христианизации Кавказской Албании
Frank SCHLEICHER	82	The Caucasian Territorial Churches and the Sāsānid Commonwealth
А.Г. БРУТЯН	94	Грузинский и алуанский календари по <i>Томару</i> (календарю) Анании Ширакуни
Alexander V. AKOPYAN	106	Revisiting the Question of the Time and Place of Writing of the Caucasian Albanian Palimpsest According to Numismatic Data (Part I)
Г.С. ХАРАТЯН	116	Идентификационные и самоидентификационные термины удин-христиан по материалам армянских и удинских письменных источников
		Международные отношения
Т.В. РАБУШ	129	Резолюции Организации Исламская Конференция по «афганскому вопросу» в 1980–1989 гг.
С.Г. ЛУЗЯНИН	141	Россия – Монголия – Китай: исторические и современные трансформации
Л.В. ШКВАРЯ,
С. ВАН	153	ШОС 20 лет: основные достижения и роль Китая
		Африка: вчера, сегодня, завтра
О.В. ИВАНЧЕНКО	168	Культурная память об участии танзанийских народов и вождей в работорговле XIX в.
С.В. КОСТЕЛЯНЕЦ,
Т.С. ДЕНИСОВА	180	Биафра: возрождение и распространение сепаратизма
		Россия и Восток
Д.А. ТУРЯНИЦА,
В.Г. ШУБИН	191	Воспоминания участников борьбы против апартеида об учебе в СССР (1960–1980-е гг.)

		Вопросы теории
В.А. МЕЛЬЯНЦЕВ	203	Основные тенденции, детерминанты и проблемы-противоречия современного экономического роста в развитых и развивающихся странах
		Культура и социум
Д.В. ДУБРОВСКАЯ	216	От папских послов к мученикам веры: попытка обобщения францисканской проповеди в Китае в XIII–XVIII вв.
		Культура и письменность
Е.В. КАРИМОВА, В.В. ОСТАНИН, М.А. СУБОТЯЛОВ	228	«Упадешамрита» как средневековый источник по истории философии бенгальского вишнуизма
Р.С. АБДУЛМАЖИДОВ, З.А. МАГОМЕДОВА	239	Обзор исследований дагестанских арабоязычных источников в постсоветский период
		Публикации
Н.Д. ДВУРЕЧЕНСКАЯ, Ф.В. ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ	250	Культовые надписи Узундары
К.Д. НИКОЛЬСКАЯ	259	О беседах с малабарскими язычниками (по документам Датской королевской миссии Транкебара)
		РЕЦЕНЗИИ
А.Б. ОРИШЕВ	269	[Рец. на:] Магомедханов В.М. <i>Курды – забытые союзники СССР</i> . Отв. ред. Л.М. Раванди-Фадаи, ИВ РАН; Фонд содействия технологиям XXI века. М.: ИВ РАН, 2020. 236 с. ISBN 978-5-89282-951-9
И.Д. ЗВЯГЕЛЬСКАЯ	274	[Рец. на:] Труевцев К.М. <i>Глобализация и арабский мир: до и после двух волн турбулентности</i> . Отв. ред. В.А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2020. 370 с. ISBN 978-5-907384-00-2
		PERSONALIA
		IN MEMORIAM
	279	Памяти Роберта Григорьевича Ланды

На обложке: албанский храм в с. Киш, XII в. (фото А.К. Аликберова).

Публикуемые материалы не обязательно отражают точки зрения Института востоковедения и Института Африки РАН, а также редколлегии и редакции журнала. Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами. К публикации принимаются только статьи, прошедшие двойное экспертное рецензирование.

Адрес редакции:

107031, Москва, ул. Рождественка, 12

E-mail: vostokaukt@gmail.com; www.vostokoriens.ru

facebook.com/VostokOriens

© Российская академия наук, 2021

© Составление. Редколлегия журнала
«Восток/Oriens», 2021

C O N T E N T S

ARTICLES

Svetlana E. MALYKH	6	Greek and Roman Pottery in the African Kingdom of Meroe: Ways of Penetration and Influence
Alikber K. ALIKBEROV, Oleg A. MUDRAK	18	Caucasian Albania and the “Gates” in the Caucasus: Caspian, Albanian and Alanian
Archil S. BALAKHVANTSEV	31	The Boundaries of Caucasian Albania (4 th Century BC – 3 rd Century AD)
Qoshqar O. QOSHQARLI	43	On the Reason of Pompey’s Second Campaign to Caucasian Albania
Jeyhun T. EMINLI, Emil A. ISKENDEROV	49	About One Detail of the Funeral Rite of Ancient Qabala
Murtazali S. GADJIEV	59	The Role and Place of Middle Persian Language and Writing in Caucasian Albania
Aleksan A. HAKOBYAN	71	About the Dating of the Christianization of Caucasian Albania
Frank SCHLEICHER	82	The Caucasian Territorial Churches and the Sāsānid Commonwealth
Grigor H. BROUTIAN	94	Georgian and Aluanian Calendars as presented in Anania Shirakouni’s <i>Tomar</i> (Calendar)
Alexander V. AKOPYAN	106	Revisiting the Question of the Time and Place of Writing of the Caucasian Albanian Palimpsest According to Numismatic Data (Part I)
Hranush S. KHARATYAN	116	Identification and Self-Identification Terms of Udi-Christians Based on Materials of Armenian and Udi Written Sources
Taisiya V. RABUSH	129	OIC Resolutions on the “Afghan Question” in 1980–1989
Sergey G. LUZYANIN	141	Russia – Mongolia – China: Historical and Contemporary Transformations
Liudmila V. SHKVARYA, Xizhe WANG	153	SCO 20 Years: Key Achievements and the Role of China
Oksana V. IVANCHENKO	168	Participation of Tanzanian Tribes and Tribal Chiefs in the 19 th Century Slave Trade
Sergey V. KOSTELYANETS, Tatyana S. DENISOVA	180	Biafra: the Revival and Proliferation of Separatism
Daria A. TURIANITSA, Vladimir G. SHUBIN	195	Reminiscences of Participants in the Struggle against Apartheid about Studying in the USSR (1960s–1980s)
Vitalii A. MELIANTSEV	203	Main Trends, Determinants and Problems of Modern Economic Growth in Developed and Developing Countries

- Dinara V. DUBROVSKAYA 216 From Papal Envoys to Martyrs of the Faith: An Attempt in Generalization of Franciscan Preaching in China in the 13th–18th Centuries
- Ekaterina V. KARIMOVA,
Vadim V. OSTANIN,
Mikhail A. SUBOTYALOV 228 “Upadeshmrita” as a Medieval Source on the History of the Philosophy of Bengal Vishnuism
- Ramazan S. ABDULMAZHIDOV,
Zaynab A. MAGOMEDOVA 239 Review of Studies of Dagestan Arabic-Language Sources of the Post-Soviet Period
- Nigora D. DVURECHENSKAYA,
Fedor V. SHELOV-KOVEDYAEV 250 Ritual Inscriptions from Uzundara
- Kseniia D. NIKOLSKAIA 259 Conversations with the Malabar Pagans (according to the Documents of the Danish Royal Tranquebar Mission)

BOOK REVIEWS

- Aleksandr B. ORISHEV 264 [Review of:] Magomedkhanov V.M. *Kurds-forgotten allies of the USSR*. Ed. by L.M. Ravandi-Fadai; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Foundation for the Promotion of Technologies of the 21st Century. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2020. 236 p. ISBN 978-5-89282-951-9
- Irina D. ZVYAGELSKAYA 274 [Review of:] Truettzev K.M. *Globalization and the Arab World. Before and After the Two Waves of Turbulence*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2020. 370 p. ISBN 978-5-907384-00-2

PERSONALIA

IN MEMORIAM

- 279 In Memory of Robert G. LANDA

On the cover: Albanian temple in the village of Kish, 12th century (photo by Alikber K. Alikberov).

The journal articles do not necessarily reflect the official views of the Institute of Oriental Studies or the Institute of African Studies, as well as of the editorial board and editorial staff. Only the authors are responsible for the information they report in their articles or reviews. All the manuscripts are submitted to double anonymous peer-reviewing.

Postal Address:

12 Rozhdestvenka, Moscow, 107031, Russian Federation

E-mail: vostokaut@gmail.com

www.vostokoriens.ru

facebook.com/VostokOriens

СТАТЬИ

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080013620-9

ГРЕЧЕСКАЯ И РИМСКАЯ КЕРАМИКА В АФРИКАНСКОМ ЦАРСТВЕ МЕРОЭ: ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ И СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ

© 2021

С.Е. МАЛЫХ ^а^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-2077-7285; malyh2002@mail.ru

Резюме: В статье анализируется керамический импорт, найденный на территории Мероитского царства – южного соседа Египта, существовавшего на территории современного Судана со второй половины VI в. до н.э. до середины IV в. н.э. Выявленная в ходе археологических исследований некрополей, жилых и храмовых комплексов импортная керамика в основном имеет средиземноморское происхождение и связана с эллинистическим миром, в конце I-го тыс. до н.э. вошедшим в состав обширной Римской империи. Находки в основном редки и представлены фрагментами амфор из различных областей Италии, Эгеиды, Малой Азии, Леванта, Северной Африки, а также европейских провинций Римской империи – Бетики и Галлии. Основным потребителем иноземных товаров, в небольшом количестве достигавших среднего течения и верховий Нила, вероятно, была мероитская элита. Логично предположить, что проникновению средиземноморской керамики в Мероэ способствовали торговые связи северного соседа – Египта, через речные и караванные пути которого и шел товарообмен со Средиземноморьем, хотя гипотетически нельзя исключать возможность проникновения товаров в Мероэ минуя Египет, через красно-морские порты. Несмотря на небольшую долю привозных изделий в Мероитском царстве и независимо от путей их движения, они оказали значительное влияние на местное гончарное ремесло; отражением этого процесса стало появление в африканском царстве эллинистических форм сосудов (кратеров, аскосов, лекифов, клепсидр и др.) и вазописи в греческом стиле. В результате возник совершенно особый сплав художественных идей, воплотившийся в керамике Мероэ. В нем наряду с местными нубийскими чертами узнаются египетские или эллинистические сюжеты, технические приемы и керамические формы, характерные для керамики Позднего и Птолемеевского Египта, античных Греции и Рима, что позволяет видеть в царстве Мероэ крайний южный форпост античного мира.

Ключевые слова: Мероэ, Египет, Римская империя, торговые связи, импортная керамика, древнегреческие амфоры.

Для цитирования: Малых С.Е. Греческая и римская керамика в африканском царстве Мероэ: пути проникновения и степень влияния. *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 6–17. DOI: 10.31857/S086919080013620-9

GREEK AND ROMAN POTTERY IN THE AFRICAN KINGDOM OF MEROE:
WAYS OF PENETRATION AND INFLUENCE

© 2021

Svetlana E. MALYKH^a

a – Institute of Oriental studies of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-2077-7285; malyh2002@mail.ru

Abstract: *The article analyzes the ceramic imports found on the territory of the Meroitic Kingdom – the southern neighbour of Egypt, which existed on the territory of modern Sudan since the second half of the 6th century B.C. until the middle of the 4th century A.D. The finds are mostly rare and are represented by fragments of amphorae from various regions of Italy, Aegean region, Asia Minor, the Levant, northern Africa, as well as Baetika and Gaul. The main consumer of foreign goods, in small numbers reaching the middle and upper reaches of the Nile, was probably the Meroitic elite. It is logical to assume that the penetration of Mediterranean ceramics into Meroe was facilitated by the trade ties of its northern neighbour – Egypt; although hypothetically, one cannot exclude the possibility of goods entering Meroe through the Red Sea ports. Despite a small share of imported products in the Meroitic Kingdom and regardless of the ways of their movement, they had a significant influence on the local pottery manufacturing; a reflection of this process was the appearance in the African kingdom of Hellenistic forms of vessels (kraters, askoses, lekythoi, clepsydras, etc.) and vase painting in the Greek style. As a result, a very special synthesis of artistic ideas emerged, embodied in Meroitic ceramics. Along with the local Nubian features, Egyptian and Hellenistic themes, techniques and ceramic forms are recognized there, which allows us to see the Kingdom of Meroe as the extreme southern outpost of the Hellenistic world.*

Keywords: Meroe, Egypt, Roman Empire, trade relations, import pottery, Ancient Greek amphorae.

For citation: Malykh S.E. Greek and Roman Pottery in the African Kingdom of Meroe: Ways of Penetration and Influence. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5. Pp. 6–17. DOI: 10.31857/S086919080013620-9

При археологическом изучении памятников Мeroитского царства – южного соседа Птолемеевского и Римского Египта, располагавшегося на территории современного Судана, некоторая доля находок приходится на предметы импорта – украшения и амулеты, вооружение, утварь (включая керамические сосуды). Они свидетельствуют о торговых связях и внешнем влиянии на ремесло этой углубленной в африканский материк страны, связанной с остальным миром Нилом, пустынными караванными тропами и редкими красноморскими портами.

В период своего расцвета (III в. до н. э. – II в. н. э.) Мeroитское царство занимало обширные области южной части современного Египта и основной территории современного Судана: от 1-го порога Нила и до места слияния Голубого и Белого Нила, а по последним данным простиралось и несколько южнее, включая как территории, расположенные по Голубому Нилу (Восточный Герейф, Соба, Абу Гейли), так и находящиеся в междуречье Белого и Голубого Нила (Сеннар, Гебель Мойя)¹.

¹ По крайней мере, здесь обнаружены поселения и некрополи с мeroитской керамикой. Подробнее см.: [Brass, Schwenniger, 2013, p. 1–18; Nassr, 2016, p. 146–152; Sakamoto, 2016(1), p. 125–132; Sakamoto, 2016(2), p. 82–88].

Несмотря на удаленность от средиземноморского побережья, обнаруженные на этой территории памятники и предметы свидетельствуют о контактах Мероэ не только с Египтом², но и с собственно эллинистическим и римским миром, который оказывал воздействие на многие стороны жизни мероитов, включая ремесленное производство, в частности, керамику, являвшуюся отличительной чертой мероитской цивилизации и демонстрирующую как местные африканские традиции, так и египетские и эллинистические черты.

Как свидетельствуют находки на территории Мероитского царства, ее жители (прежде всего, представители элиты) были хорошо знакомы с предметами импорта, привезенными из Средиземноморского региона. Так, некоторое количество греческих и римских предметов происходит из царских погребений в некрополе Бегравия, расположенного в двух километрах от столицы царства – города Мероэ, из погребений знати в Фарасе, Караноге и других мест [Baud, 2010, p. 85–87, fig. 94–95; Gradel, 2010, p. 99–101, fig. 117–121]. Например, в погребальной камере практически разрушенной до основания пирамиды Veg. N 24 был обнаружен фигурный ритон с амазонкой афинского мастера Сотата V в. до н. э. (ил. 1, Бостон, MFA 21.2286)³. Поскольку пирамида и ее часовня разрушены, мы не знаем, кому они принадлежали, а их постройка датируется широким интервалом от IV до I вв. до н.э., что значительно отстоит по времени от датировки ритона. Схожая ситуация наблюдается и с двумя бронзовыми головами Диониса Тавра из пирамиды Veg. N 5 царевича Ариканхарора, сына Натакамани, жившего в начале I в. н.э.: скульптурные изображения также датируются более ранним временем – II в. до н.э. [Кацнельсон, 1970, с. 320–321; Sackho-Autissier, 2010(2), p. 202–203, fig. 265; Török, 2011, p. 102].

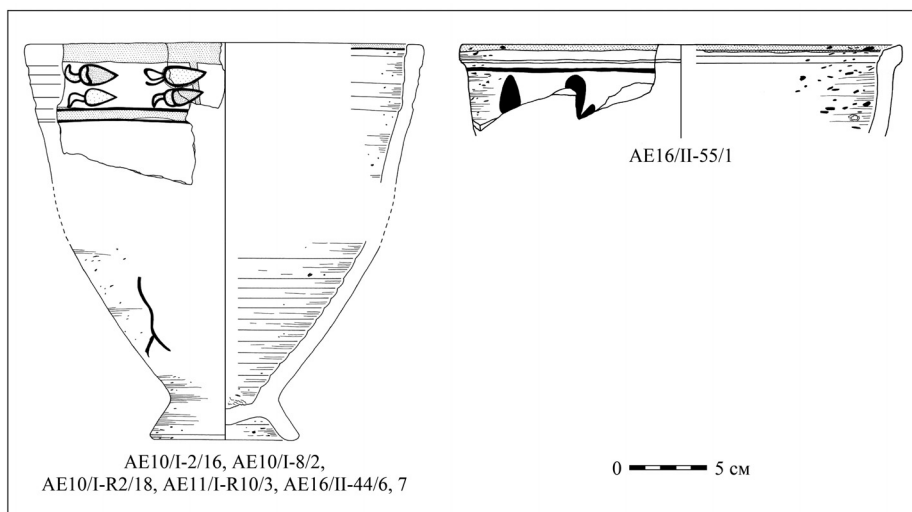
Подобные предметы в основном попадали в Мероэ в результате торговых контактов с Птолемеевским Египтом: по письменным и археологическим источникам известно об их активности – Египет, а позже и Римская империя были заинтересованы в мероитском золоте, железе, слоновой кости и экзотических товарах из Африки. На примере мероитского царя Аркамани (Эргамена греков) и Птолемея IV мы также знаем, что правители могли вести совместную строительную деятельность в храмах, в частности, на острове Филе и в Дакке [Кацнельсон, 1970, с. 198, 202, 208]. Хотя не обходилось и без военных столкновений. По сведениям античного историка и географа Страбона, мероитская царица-кандака в конце I в. до н. э. напала на южные рубежи Египта и захватила там бронзовые статуи Октавиана Августа [Strab. XVII. 1. 53–54], голова одной из которых была обнаружена в 1911 г. в ходе археологических исследований в столице – городе Мероэ [Кацнельсон, 1970, с. 222–224; Берзина, 1992, с. 52; al Sadig, 2003, p. 118, pl. V; Sackho-Autissier, 2010(1), p. 73].

Весьма примечательно, что среди местной керамики, изготовленной на территории Мероитского царства, можно выделить типы, явно свидетельствующие об эллинистическом влиянии на форму сосудов или их декор. Так, в Мероэ, Напате, Гаммаи, Караноге, Фарасе, Баллане были найдены сосуды-клевсидры из местных глин, служившие для измерения времени с помощью воды. Они датируются интервалом от II в. до н. э. до I в. н. э. и по конструкции аналогичны греческим сосудам, бытовавшим с VI в. до н. э. до I в. н. э. [Nowotnick, 2016, p. 402–404, fig. 1b, 3].

В немалом количестве встречаются и другие немероитские керамические типы из местных глин – кратеры, аскосы, лекифы, столовые амфоры. Первые служили для смешивания вина перед подачей к столу, вторые – для наполнения кратеров, третьи и четвертые – как вместилища вина во время застолий. По предположению У. Новотник, эти иноземные формы были восприняты мероитами вместе с греческими обычаями винопития и связанным с ними культом бога Диониса [Nowotnick, 2016, p. 405]. Возможность использования привоз-

²Подробнее см.: [Малых, 2021].

³Находится на цветной вклейке

Ил. 2. Расписные кратеры из Абу Эртейлы (рис. автора)
Fig. 2. Painted kraters from Abu Erteila (drawing by the author)

ных изделий для отправления вакхических обрядов наглядно иллюстрируется росписью на шарообразном сосуде из Караного, где показаны пляшущие и играющие на музыкальных инструментах темнокожие сатиры вокруг сосудов, по виду более всего похожих на итальянские амфоры типа *Dressel 2–4*, бытовавшие в конце I–II вв. н. э. и также известные в Мероэ (см. ниже).

Аскосы, судя по глине, не импортные изделия, а их местные имитации, найдены на поселениях и в некрополях IV–I вв. до н. э. в Караного, Каср Ибриме, Баллане, Фарасе, Амир Абдалла, Неллуа, Гаммаи, Мероэ, Бегравии, Хамадабе [Nowotnick, 2016, p. 404–405, fig. 1c, 5].

Фрагменты двух расписных кратеров были обнаружены Российско-итальянской экспедицией в Абу Эртейле (к югу от города Мероэ) в 2010, 2011 и 2016 гг. (ил. 2) и могут быть датированы II в. н. э. В первом случае абу-эртейльский кратер декорирован бутонами лотосов, во втором – также бутонами лотосов в сочетании со знаками-*анх* [Malukh, 2017, p. 146, fig. 6b, pl. 1b; 2019, p. 179–181, fig. 44 (AE16/II-55/1)]. Сосуды этого типа, бытовавшего со II в. до н. э. по II в. н. э., встречаются и в других регионах Мероитского царства, как в его северной части (в Каср Ибриме, Миссиминии, Сонияте, Напате), так и в столичной области (в Мероэ, Хамадабе, Аулибе, эль-Хассе, Мувейсе, Наге и Мусавварат эс-Суфре [Evina, 2018, p. 233–234]). По всей вероятности, формы колоколовидных и колонновидных кратеров пришли в Мероэ из Птолемеевского Египта, где они стали популярными с III в. до н. э. [Ballet, Południkiewicz, 2012, p. 96–984; Evina, 2018, p. 239] и, в свою очередь, были заимствованы из греческой культуры, т.к. форма сосудов на кольцевом поддоне не была свойственна египетскому гончарству.

Стиль росписи большинства мероитских кратеров также показателен. В отличие от абу-эртейльских, украшенных египтизированным орнаментом с бутонами лотоса и знаками-*анх*, многие другие кратеры были расписаны в эллинистической манере – тонкой виноградной лозой, листьями и побегамиплюща [Evina, 2018, p. 237–238, fig. 1–6], выполненными изящно, а в некоторых случаях – даже витиевато. Такая же роспись присутствует на мероитской керамике локальных морфологических типов – на шарообразных сосудах, кубках и чашах [Adams, 1964, p. 144, fig. 13]. Этот стиль, встречаемый на еги-

петской керамике Птолемеевского и раннего Римского времени, греческий по происхождению [Marchand, 2013, p. 249–250, fig. 18]. Более всего он характерен для т.н. гидрий Гадры (*Hadra hydriae*), получивших свое название по восточному некрополю в Александрии и изготовлявшихся в мастерских этого города для хранения человеческих кремированных останков, хотя первоначально заимствованных от критских сосудов [Merziam, 1885, p. 18–33; Pagenstecher, 1909, p. 387–416; Блаватский, 1953, с. 244–245; Török, 2011, p. 254–256; Nowotnick, 2016, p. 401]. Сосуды с такой росписью также отмечены в Танисе, Фивах и Асуане [Harlaut, 2000, p. 156–161, fig. 10, 12; Lecuyot, 2014, p. 107, pl. VI.b; Adams, 2018, p. 305, fig. 5]. Схожий по характеру стиль росписи можно видеть на греческой керамике с VI в. до н.э. [Evina, 2018, p. 237–242]; он широко распространился по всему северному и восточному Средиземноморью и имел сравнительно долгий период бытования: например, он применялся критскими и кипрскими вазописцами в III–I вв. до н.э., хотя для этого времени уже стал архаичным [Блаватский, 1953, с. 246; Cook, 1966, p. 35; Callaghan, 1980, p. 33–47; 1983, p. 123–129].

Расписной керамический импорт VI в. до н.э. достигал и Египта. Особенно широко он представлен в керамических комплексах Навкратиса – города-колонии ионийских и карийских греков в Западной Дельте Нила, где местные мастерские стали производить имитации импортной столовой утвари и транспортной тары [Coulson, 1996, p. 46–64, 82–90]. Предположения о художественном влиянии греческой и навкратийской керамики на мероитскую неоднократно высказывались зарубежными и отечественными учеными [Кацнельсон, 1970, с. 321]. Однако проблема поиска стилистических прототипов кроется в том, что между греческой и мероитской керамикой рассматриваемых групп стоит значительный интервал времени в несколько сотен лет. Скорее в данном случае можно говорить об опосредованном влиянии греческого стиля на мероитский через Египет и его гончарную продукцию. В настоящее время господствует точка зрения, что стиль таких кратеров, их форма и роспись имитировали не греческие образцы, а керамику Птолемеевского Египта [Török, 1994; Evina, 2018, p. 243], что гораздо более логично. Более того, этот стиль для египетской керамики, несомненно, имеющий греческие корни, наиболее характерен для Александрии, его условно можно назвать александрийским. Вероятно, и более южная египетская керамика (например, из Фив и Асуана), и мероитская керамика, расписанная мотивами виноградных лоз, скорее имитировала александрийские изделия.

В I–II вв. н.э. в Римской империи стал популярен стиль *барботин* – весьма узнаваемая разновидность объемного декора на керамике. Его растительные сюжеты, использующие виноградные лозы и гроздья, листья и побеги плюща, близки архаической греческой керамике и, видимо, унаследованы именно от нее. Барботиновая техника декора применялась в гончарнях метрополии и провинций Римской империи, в том числе Египта, где основным центром производства подобных изделий был Асуан [Малых, 2016, с. 365–367]. Как мы уже отмечали [Малых, 2021, с. 9–10], некоторое количество асуанских барботинов обнаружено на территории царства Мероэ, и это может свидетельствовать о знакомстве мероитских гончаров с подобного рода изделиями. Однако для асуанских барботинов характерно использование более простых орнаментальных и композиций, а не растительных и зооморфных, как у британских, германских и испанских барботинов. Более того, барботиновая керамика из европейских провинций Римской империи не найдена южнее Александрии Египетской [Élaigne, 2012, p. 29–63, fig. 5–20]. Вероятно, пока приходится допустить, что барботиновый орнаментальный декор и тонкий мероитский расписной растительный декор изначально имели общий греческий прототип, но развивались параллельно.

Аналогичная картина наблюдается и с тонким зооморфным мероитским расписным декором на керамике, встречавшемся значительно реже растительного. Наряду с собственно

мероитским стилем росписи гончарных изделий, имеющим египтизированные черты⁴, в погребениях мероитской знати были обнаружены сосуды, декорированные в изящном стиле [Woolley, Randall-MacIver, 1910, pl. 54 (№ 8162); Török, 2011, p. 287]: на единичных сосудах I–II вв. н.э., преимущественно из северной части Мeroитского царства (прежде всего, Каранога), можно видеть скачущих животных в обрамлении листьев плюща характерной греческой формы. Это разительно отличается от статичных и массивных изображений животного мира на мероитской керамике, напоминающих древнеегипетские изображения. Наиболее близкие стилевые параллели, синхронные по времени, опять же можно видеть на барботиновой керамике европейских провинций Римской империи, особенно в сценах охоты, где собаки преследуют скачущих зайцев и газелей в обрамлении виноградных лоз и волнистых побегов плюща [Малых, 2016, с. 367]. Однако, как мы отметили выше, подобные предметы не найдены в Мeroитском царстве, отсутствуют они и в Египте, даже в тогдашней столице провинции – в Александрии. Для птолемеевской керамики Египта этот стиль не был использован, хотя египтяне еще в доптолемеевское время были знакомы с сосудами, расписанными схожим образом: в городах дельты Нила – в Дафнах, Навкратисе, Саисе, а также в регионе Мемфиса – была найдена импортная греческая керамика VII–VI вв. до н.э., декорированная в стиле *Фикеллура* и *Wild Goat Style* [Smoláriková, 2002, p. 27–30, 33].

Можно было бы предположить, что нубийские правители, в середине VIII в. до н.э. завоевавшие Египет, основавшие XXV кушитскую династию и занимавшие египетский престол до середины VII в. до н.э., познакомились с подобной утварью, бывшей и для египтян, и для нубийцев предметом роскоши и объектом торговых операций. Однако к моменту ухода нубийских фараонов из Египта стили керамической росписи со скачущими животными лишь зарождались, а их импортирование в Египет произошло в правление следующей, уже египетской по происхождению XXVI саисской династии. Поэтому на данный момент на имеющихся источниках проследить греческие или навкратийские истоки мероитского тонкого стиля керамики практически невозможно. Наиболее логично предполагать опосредованное влияние эллинистической греческой керамики на мероитскую через Птолемеевский Египет, от которого мероиты заимствовали не только моду на подобного рода изделия, но также и некоторые религиозные культы, как, например, ставший популярным в греко-римском Египте культ Диониса, существование которого в Мероэ подтверждается предметами материальной культуры – скульптурными изображениями самого Диониса, фаянсовыми виноградными гроздьями, прямоугольными каменными жертвенниками с изображением винных амфор с черпаками, сосудами с изображением виноградных лоз, дионисийскими сюжетами на керамике [Woolley, Randall-MacIver, 1910, p. 54–55, pl. 16–17, 20 (№ 7091–7092, 7097), 42 (№ 8177), 45 (№ 8216), 51 (№ 8483), 53 (№ 8151), 55 (№ 8169), 57 (№ 8187), 67 (№ 8246, 8248), 73 (№ 8297), 79 (№ 8279), 92 (№ 8720); Almagro et al., 1965, p. 84, fig. 3; Sackho-Autissier, 2010(2), p. 202–207; Török, 2011, p. 282].

Однако мы не можем полностью отбросить предположение, что тонкая манера росписи мероитской керамики I–II вв. н.э. подражала синхронным ей сосудам сильнейшего государства-соседа – Римской империи, на тот момент – владыки мира. И заманчиво было бы допустить, что некий северомероитский мастер мог видеть незабываемые барботиновые римские сосуды со сценами охоты, воплотив затем эту идею в росписи на керамике своей страны, использованной для погребальных нужд мероитской знати.

Эта смелая гипотеза отчасти подтверждается обнаружением на территории Мeroитского царства импортированной керамики из различных регионов Средиземноморья – не только североафриканского побережья, но также из итальянских регионов, Бетики (Испания), Галлии, Эгеиды, Малой Азии и Леванта.

⁴Подробнее см.: [Малых, 2018, с. 38–49].

Керамика из Эгеиды (Крита, Кипра и Микенской Греции) и Леванта достигала Нубии уже в середине 2-го тыс. до н.э., о чем свидетельствуют находки в Анибе, Бедиере, Дебейре, Бухене, Аскуте, Западной Амаре, Саи, Солебе, Сесеби, Керме, Томбосе и Табо⁵. По всей вероятности, способствовали этому торговые связи Египта со Средиземноморским регионом, так что пути проникновения импортных изделий на территорию современного Судана шли через северного соседа по Нилу.

В Напатский период в Нубию ввозились с вином хиосские и клазоменские амфоры [Heidorn, 2018, p. 190–191, fig. 3], а также левантйские амфоры типа «*торпедо*» [Defernez, Marchand, 2006, p. 68; Heidorn, 2018, p. 193–194, fig. 4; Vincentelli, 2018, p. 132, pl. 9], причем последние найдены и в южных частях Напатского царства – в Мероэ [Nowotnick, 2018, p. 212, fig. 4].

В Мероитское время доля средиземноморского импорта и его разнообразие возросли. Понятно, что основная часть товаров имела египетское происхождение, но, как показывают археологические исследования, керамика из других регионов также достигала различных областей Мероитского царства. Так, в Напате, Бегравии и Абу Эртейле найдены фрагменты эгейских амфор III в. до н.э. – первой половины I в. н.э., в том числе с острова Родос [Bagińska, 2005, p. 15–16; Malykh, 2019, p. 179, 181, pl. CXX (AE16/II-39/1)].

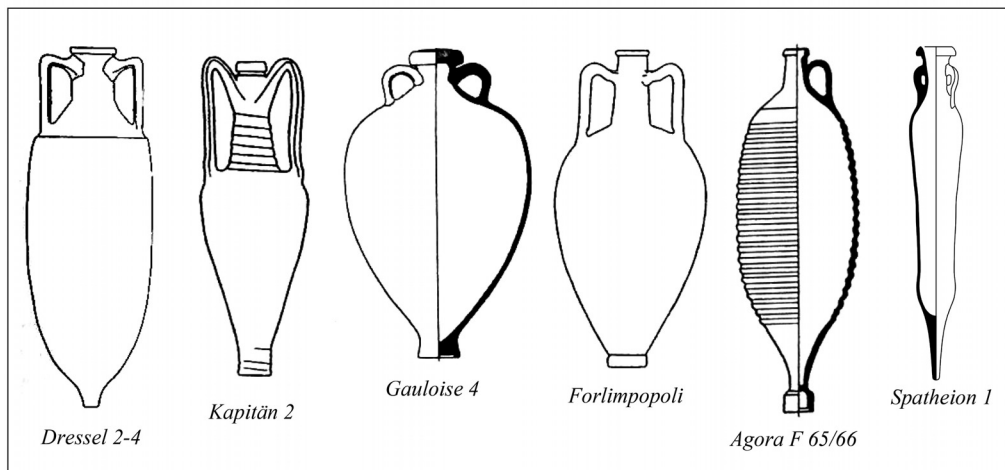
Винные амфоры типа *Dressel 2–4* (ил. 3), изготовлявшиеся в итальянских областях Лациум, Кампания, Этрурия в конце I в. до н.э. – середине II в. н.э., обнаружены в самом Мероэ (точнее, в Северном и Западном некрополях Бегравии), Селибе, Гебель Баркале (на территории царского дворца, храма В 560 и кладбища), Фарасе, Каср Ибриме [Bagińska, 2005, p. 16–18; 2015, p. 253–254; 2018, p. 501–502; Bąkowska, 2015, p. 456, 459]. Примечательно, что похожие амфоры изображены на упомянутом выше шарообразном кувшине из погребения G 112 в Караноге [Woolley, Randall-MacIver, 1910, p. 54, pl. 45 (no. 8216)]: сатиры пляшут и музицируют вокруг таких амфор. Косвенно это указывает на использование немероитской по своему происхождению утвари в дионисийских ритуалах.

Другой тип итальянских амфор, производившийся в I–III вв. н.э. в регионе Эмилия-Романья, – *Forlìmpoli* (*Peacock–Williams 42, Dressel 29, Ил. 3*), выявлен в некрополях Бегравии и Фараса, а также в храме В 560 в Гебель Баркале [Bagińska, 2005, p. 21–22; 2018, p. 502–503]. Назначение этих амфор дискуссионно, предполагается, что изначально они могли содержать вино или соус из ферментированной рыбы *гарум*, однако Д. Багинская предполагает, что в Египте и Мероэ такие амфоры вторично использовались для местного вина [Bagińska, 2005, p. 21].

Винные амфоры типа *Kapitän 2* (ил. 3) редки для Мероитского царства и пока найдены только в некрополе Фараса: они производились в Эгеиде или Малой Азии в конце II–IV вв. н.э. [Bagińska, 2005, p. 28–30]. Напротив, амфоры типа *Late Roman Amphorae 3* (*LRA 3*, точнее, их одноручная версия типа *Agora F 65/66* (*Peacock–Williams 45*), конец II–III вв. н.э.), редко встречаемые в Египте, для Мероитского царства задокументированы удивительно широко: они найдены в Вади Китна, Караноге, Кустуле, Фарасе, Наг Гамусе, Седеинге, Гаммаи, главным образом, в погребальном контексте [Woolley, Randall-MacIver, 1910, pl. 105 (F xxxiii); Bagińska, 2005, p. 25–28; Gradel, 2010, p. 99–100, fig. 117; David, Francigny, 2018, p. 261, fig. 12]. В Гебель Баркале они выявлены в храме В 560 [Bagińska, 2018, p. 500–501]. Амфоры типа *Agora F 65/66* изготовлялись в Малой Азии, в Эфесе, однако их назначение не определено.

Винные амфоры типа *Agora M54* (*Psuedo-Cos en cloche, Ил. 3*) производились на Кипре и в Малой Азии во второй половине I–II вв. н.э. Одна такая амфора, вероятно, кипрского происхождения, найдена в Гебель Баркале (храм В 560) [Bagińska, 2018, p. 502].

⁵ Подробнее об этом см.: [Budka, 2018, p. 108; Schiller, 2018, p. 91–105].

Ил. 3. Типы импортных амфор, найденные в Мероитском царстве
(по: [Bagińska, 2005, p. 16–28] с добавлениями автора)

Fig. 3. Types of imported amphorae found in the Meroitic Kingdom
(after: [Bagińska, 2005, p. 16–28] with additions by the author)

Винные амфоры середины I–III вв. н.э. из Галлии – тип *Gauloise 4* (ил. 3) – найдены в Бегравии и Седеинге [Bagińska, 2005, p. 20–21; David, Francigny, 2018, p. 260–261, fig. 11]. Североафриканские (туниские) амфоры для вина или масла середины II в. н. э. задокументированы в Седеинге [David, Francigny, 2018, p. 261–262, fig. 13].

Особняком стоит группа импортных амфор, изготовлявшихся для хранения и транспортировки рыбного соуса *гарум* (*salsamenta*); хотя пока точно не установлено, были ли они привезены в царство Мероэ с этим продуктом, или же вторично использованы для других нужд. Так, амфора типа *Beltrán 2A* (I – середина II вв. н.э.), характерного для мастерских римской провинции Бетика (совр. Испания), найдена в Седеинге [David, Francigny, 2018, p. 259–260, fig. 9]. Более поздние небольшие продолговатые амфоры типа *Spatheion 1* (ил. 3) (конец IV – середина V вв. н.э.) [Bonifay, 2004, p. 124–125, fig. 67] производились в Проконсульской Африке – в Карфагене и Неаполе (совр. Набэль в Тунисе) и использовались для хранения и перевозки *гарума*, оливок, оливкового масла и вина. Пока только одна такая амфора найдена на территории Судана – в городе Мероэ [Bagińska, 2005, p. 30–32], однако относится она уже ко времени распада Мероитского царства.

Сохранение торговых связей царств Макурия и Нобадия, образовавшихся на месте павшего Мероитского царства, иллюстрирует нахождение здесь керамического импорта (амфор типа *LRA 1* и *LRA 4*), который попадал сюда, вероятно, через Египет, и где продукция, привозимая в этих амфорах, была популярна. Так, кипрские и киликийские амфоры типа *LRA 1* (конец IV – первая половина VIII вв. н.э.), в равной степени использовавшиеся и для вина, и для масла, найдены в Вади Китне, Баллане, Кустуле, Фарасе, Донголе, Бахите, Дейге, Селибе [Strouhal, 1984, p. 156, fig. 124 (P 776); Cedro, 2017, p. 321; Żurawski et al., 2018, p. 150–151, fig. 2; Danys, 2018, p. 612]. Палестинские винные амфоры типа *LRA 4* (IV–VII вв. н.э.) выявлены в Баллане, Кустуле и Донголе [Ballet, Picon, 1987, p. 32; Danys, 2018, p. 612]. При этом весьма показательным, что керамический импорт такого рода пока не обнаружен в самом южном из «осколков» Мероитского царства – в Алве (Алодии), располагавшемся на месте Мероэ и его окружи. Видимо, сказался общий упадок и ослабление торговых отношений между Алвой и ее северными соседями.

Несмотря на кажущуюся удаленность от Средиземноморского региона и некоторую обособленность от Египта из-за нильских порогов, Мероитское царство существовало в рамках общемировой ойкумены, вполне развиваясь в ее русле. Его жители были знакомы со многими предметами импорта, привозившимися как из соседних регионов, так и более удаленных, например, римских провинций Галлия и Бетика. Каким образом осуществлялись торговые связи – караванными тропами, речными путями с обходом порогов посуху или через Красное море, сейчас ответить однозначно крайне сложно. Видимо, все варианты могли использоваться в той или иной степени.

Логично предположить, что проникновению средиземноморской керамики в Мероэ способствовали торговые связи северного соседа – Египта, а пути импортирования товаров на территорию современного Судана шли по Нилу [Кацнельсон, 1970, с. 316]. Также должны были быть задействованы египетские красноморские порты, в частности, Береника Троглодитская [Кацнельсон, 1970, с. 327; Берзина, 1992, с. 66]. Могло ли иметь место движение товаров в Мероэ, минуя Египет? Теоретически, да: если канал в Дельте, соединявший Нил и Красное море, функционировал в изучаемый период, то часть импорта могла следовать, мало затронув Египет. О существовании такого канала неоднократно упоминали античные авторы [*Hdt.* I. 158–159, IV. 42, *Strab.* II. 31, *Plin.* NH. VI. 165–166, *Diod.* I. 33], указывая, что он был прорыт еще при египетском фараоне Нехо II, затем неоднократно восстанавливался Дарием I, Птолеями, а также римским императором Траяном (от чего получил название «река Траяна»).

Итак, значительное количество разнообразного керамического импорта, найденного на территории Мероитского царства, иллюстрирует торговые отношения этого государственного образования как с ближайшими соседями, так и более отдаленными регионами. Основная часть импорта предназначалась для мероитской элиты, однако так или иначе он оказывал значительное влияние на развитие торговли, эстетических пристрастий, а также ремесленных технологий, что хорошо просматривается на керамике, где заметно последовательное внедрение иноземных форм сосудов или декора. Однако, несмотря на отчетливую связь мероитской художественной культуры в целом и гончарного дела в частности с древнеегипетской и эллинистической культурами, обращение мероитов к иноземным образцам не было их точным копированием. Мероитские мастера брали пришлые формы и символику лишь за основу, переосмысливая ее в пределах местных традиций. Они смогли создать особый стиль керамики, используя не только египетскую базу, но и в немалой степени достижения своих нубийских предков, а также некоторые черты эллинистической и римской культур. В результате возник совершенно особый сплав художественных идей, воплотившийся в декоре керамики Мероэ. В нем, с одной стороны, узнаются египетские или эллинистические сюжеты, технические приемы и керамические формы, характерные для керамики Позднего и Птолемеевского Египта, античных Греции и Рима. С другой стороны, изделия получились самобытными и узнаваемыми, ярко иллюстрирующими материальную и художественную культуру Мероитской цивилизации, расположенной у южной границы средиземноморской ойкумены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Берзина С.Я. *Мероэ и окружающий мир. I–VIII вв.* М.: Главная редакция восточной литературы, 1992 [Berzina S. Ya. *Meroe and the Neighbouring World. 1st–8th Centuries.* Moscow: Glavnaia redaktsia vostochnoi literatury, 1992 (in Russian)].

Блаватский В.Д. *История античной расписной керамики.* М.: Издательство МГУ, 1953 [Blavatsky V. D. *The History of Antique Painted Ceramics.* Moscow: Moscow University Press, 1953 (in Russian)].

Кацнельсон И.С. *Напата и Мероэ – древние царства Судана*. М.: Наука, 1970 [Katsnelson I.S. *Napata and Meroe – the Ancient Kingdoms of Sudan*. Moscow: Nauka, 1970 (in Russian)].

Малых С.Е. Египетская керамика в Нубии: этапы бытования. *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. С. 6–15 [Malykh S.E. Egyptian Pottery in Nubia: Stages of Existence. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 6–15 (in Russian)].

Малых С.Е. Керамика типа «барботин» в Римском Египте: распространение и проблема атрибуции. *Вестник древней истории*. 2016. № 2. С. 361–370 [Malykh S.E. “Barbotine” Ceramic Ware in Roman Egypt: Diffusion and the Problem of Attribution. *Journal of Ancient History*. 2016. No. 2. Pp. 361–370 (in Russian)].

Малых С.Е. Египетские мотивы в декоре керамики Мероэ: проблема межцивилизационных влияний в материальной культуре древних обществ. *Восток (Oriens)*. 2018. № 5. С. 37–55 [Malykh S.E. Egyptian Motifs in the Ceramic Decoration of Meroe: The Problem of Intercivilizational Influence in the Material Culture of Ancient Societies. *Vostok (Oriens)*. 2018. No. 5. Pp. 37–55 (in Russian)].

Adams W.Y. An Introductory Classification of Meroitic Pottery. *Kush*. 1964. Vol. 12. Pp. 126–173.

Adams W.Y. The Aswan Wares in Nubia, AD 1–1500. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. Vol. 11. *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien*. Importations, imitations et influences. Ed. R. David. Le Caire: IFAO, 2018. Pp. 303–328.

Al Sadig S. Relations Between the Meroitic Kingdom and the Mediterranean World (490 BC – 350 AD). *Kush*. 2003. Vol. 18. Pp. 109–130.

Almagro M., Blanco Caro R., Garcia-Guinea M.A., Presedo Velo F., Pellicer Catalan M., Teixidor J. Excavations by the Spanish Archaeological Mission in the Sudan, 1962–63 and 1963–64. *Kush*. 1965. Vol. 13. Pp. 78–95.

Bagińska D. Amphora Imports in Nubia. *Gdańsk Archaeological Museum African Reports*. 2005. Vol. 3. Pp. 15–36.

Bagińska D. The Meroitic Pottery from Selib. *The Kushite World. Proceedings of the 11th International Conference for Meroitic Studies. Vienna, 1–4 September 2008. Beiträge zur Sudanforschung*, Beiheft 9. Ed. M. H. Zach. Vienna: Verein der Förderer der Sudanforschung, 2015. Pp. 455–464.

Bagińska D. Meroitic Pottery from Temple B 560 at Jebel Barkal. *Nubian Archaeology in the XXIst Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies, Neuchâtel, 1st–6th September 2014. Orientalia Lovaniensia Analecta 273*. Ed. M. Honegger. Louvain: Peeters, 2018. Pp. 489–504.

Bąkowska G. Some Remarks on Meroitic Pottery from Jebel Barkal / Napata. *The Kushite World. Proceedings of the 11th International Conference for Meroitic Studies. Vienna, 1–4 September 2008. Beiträge zur Sudanforschung*, Beiheft 9. Ed. M. H. Zach. Vienna: Verein der Förderer der Sudanforschung, 2015. Pp. 249–264.

Ballet P., Picon M. Recherches préliminaires sur les origines de la céramique des Kellia (Égypte). Importations et productions égyptiennes. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 1987. Vol. 1. Pp. 17–48.

Ballet P., Południkiewicz A. *Tebtynis V. La ceramique des epoques hellenistique et imperiale. Campagnes 1988–1993. Production, consommation et réception dans le Fayoum méridional*. Le Caire: IFAO, 2012.

Baud M. Culture d’Afrique, modèles égyptiens et influences méditerranéennes. *Méroé. Un empire sur le Nil*. Ed. M. Baud. Paris: Musée du Louvre Éditions, 2010. Pp. 76–89.

Bonifay M. *Études sur la céramique romaine tardive d’Afrique*. Oxford: Archaeopress, 2004.

Brass M., Schwenniger J.-L. Jebel Moya (Sudan): new dates from a mortuary complex at the southern Meroitic frontier. *Azania: Archaeological Research in Africa*. 2013. Vol. 48. Pp. 1–18.

Budka J. Egyptian Pottery from the New Kingdom Temple Town of Sai Island. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. Vol. 11. *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien*. Importations, imitations et influences. Ed. R. David. Le Caire: IFAO, 2018. Pp. 107–133.

Callaghan P.J. The Trefoil Style and Second-Century Hadra Vases. *Annual of the British School at Athens*. 1980. Vol. 75. Pp. 33–47.

Callaghan P.J. Three Hadra hydriae in the Merseyside County Museums. *Bulletin of the University of London. Institute of Classical Studies*. 1983. Vol. 30.1. Pp. 123–129.

Cedro A. Selib 3. Pottery from the Midden. *Polish Archaeology in the Mediterranean. Reports*. 2017. Vol. 26.1. Pp. 310–328.

Cook B. F. *Inscribed Hadra Vases in the Metropolitan Museum of Art*. New York: Metropolitan Museum of Art, 1966.

Coulson D. E. *Ancient Naukratis*. Vol. II. *The Survey at Naukratis and Environs. Part 1. The Survey at Naukratis*. Oxford: Oxbow Books, 1996.

Danys K. A. Seventh Century Pottery from Old Dongola in the Light of Recent Finds from Palatial Building B.I. *Nubian Archaeology in the XXIst Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies, Neuchâtel, 1st–6th September 2014. Orientalia Lovaniensia Analecta 273*. Ed. M. Honegger. Louvain: Peeters, 2018. Pp. 609–614.

David R., Francigny V. Les céramiques importées à Sedeinga et la question des «échanges à longue distance» dans le royaume de Méroé. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. Vol. 11. *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien. Importations, imitations et influences*. Ed. R. David. Le Caire: IFAO, 2018. Pp. 255–278.

Defernez C., Marchand S. Imitations égyptiennes de conteneurs d'origine égéenne et levantine (IVe s. – IIe s. av. J.-C.). *L'apport de l'Égypte à l'histoire des techniques. Méthodes, chronologie et comparaisons (BiEtud 142)*. Eds. B. Mathieu, D. Meeks, M. Wissa. Le Caire, 2006. Pp. 63–99.

Élaigne S. *La vaisselle fine de l'habitat alexandrine*. Le Caire: IFAO, 2012.

Evina M. Painted Kraters from the Meroitic City of Muweis: Some Elements of Understanding. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. Vol. 11. *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien. Importations, imitations et influences*. Ed. R. David. Le Caire: IFAO, 2018. Pp. 233–253.

Gradel C. Méroé, royaume de relais commerciaux? *Méroé. Un empire sur le Nil*. Ed. M. Baud. Paris: Musée du Louvre Éditions, 2010. Pp. 99–101.

Harlaut C. Une nécropole populaire sur le Tell Sâh el-Hagar: Tanis. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 2000. Vol. 6. Pp. 149–170.

Heidorn L.A. The 6th Century BC Imported Amphorae at Dorginarti. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. Vol. 11. *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien. Importations, imitations et influences*. Ed. R. David. Le Caire: IFAO, 2018. Pp. 189–207.

Lecuyot G. La céramique du Ramesseum et de ses abords, état des recherches. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2014. Vol. 24. Pp. 101–120.

Malykh S.E. Late Meroitic Pottery of Abu Erteila: Local Traditions and Foreign Influence. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2017. Vol. 27. Pp. 137–180.

Malykh S.E. Pottery from the Temple. Kormysheva E., Lebedev M., Malykh S., Vetokhov S. *Abu Erteila. Excavations in Progress*. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS, 2019. Pp. 173–206.

Marchand S. Céramiques de Égypte de la fin IVe siècle av. J.-C. au IIIe siècle av. J.-C.: entre tradition et innovation. *Networks in the Hellenistic World: According to the Pottery in the Eastern Mediterranean and Beyond. BAR International Series 2539*. Eds. N. Fenn, C. Romer-Strehl. Oxford: Archaeopress, 2013. Pp. 239–253.

Merriam A. C. Inscribed Sepulchral Vases from Alexandria. *American Journal of Archaeology and the History of the Fine Arts*. 1885. Vol. 1.1. Pp. 18–33.

Nassr A.H. Sennar Capital of Islamic Culture 2017 Project. Preliminary results of archaeological surveys in Sennar East and Sabaloka East. *Sudan & Nubia. The Sudan Archaeological Research Society Bulletin*. 2016. Vol. 20. Pp. 146–152.

Nowotnick U. Hellenistic Influence on Ceramics from Meroe and Hamadab (Sudan). *Traditions and Innovations. Tracking the Development of Pottery from the Late Classical to the Early Imperial Periods*. Eds. S. Japp, P. Köglér. Wien: Phoibos Verlag, 2016. Pp. 399–414.

Nowotnick U. Napatan Ceramics from the Excavations at the Royal Bath in Meroe. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. Vol. 11. *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien. Importations, imitations et influences*. Ed. R. David. Le Caire: IFAO, 2018. Pp. 209–230.

Pagenstecher R. Dated sepulchral vases from Alexandria. *American Journal of Archaeology*. 1909. Vol. 13.4. Pp. 387–416.

Sackho-Autissier A. La guerre entre Méroé et Rome, 25–21 av. J.-C. *Méroé. Un empire sur le Nil*. Ed. M. Baud. Paris: Musée du Louvre Éditions, 2010(1). P. 73.

Sackho-Autissier A. Un aspect de la religion méroïtque: vin et culte dionysiaque. *Méroé. Un empire sur le Nil*. Ed. M. Baud. Paris: Musée du Louvre Éditions, 2010(2). Pp. 202–207.

Sakamoto T. Soba and the Meroitic Southern Frontier. *Der antike Sudan. Mitteilungen der Sudanarchäologischen Gesellschaft zu Berlin e.V.* 2016(1). Bd. 27. Pp. 125–132.

Sakamoto T. The Meroitic Cemetery of Gereif East. A glance into the regional characteristics of Khartoum province. *Sudan & Nubia. The Sudan Archaeological Research Society Bulletin*. 2016(2). Vol. 20. Pp. 82–90.

Schiller B. Aegean Pottery in Nubia: Import and Imitations. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. Vol. 11. *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien. Importations, imitations et influences*. Ed. R. David. Le Caire: IFAO, 2018. Pp. 91–105.

Smoláriková K. *Abusir VII. Greek Imports in Egypt. Graeco-Egyptian Relations During the First Millennium B.C.* Prague: Czech Institute of Egyptology, 2002.

Strouhal E. *Wadi Qitna and Kalabsha-South. Late Roman – Early Byzantine Tumuli Cemeteries in Egyptian Nubia. Vol. I. Archaeology*. Prague: Charles University, 1984.

Török L. Upper Egyptian Pottery Wares with Hellenistic Decoration. *Hommages à Jean Leclant II. (Bibliothèque d'étude 106/2)*. Eds. C. Berger, G. Clers, N. Grimal. Le Caire: IFAO, 1994. Pp. 377–387.

Török L. *Hellenizing Art in Ancient Nubia 300 BC – AD 250 and Its Egyptian Models: a Study in "Acculturation"*. Leiden: Brill, 2011.

Vincentelli I. Long Distance Trade: The Evidence from Sanam. *Nubian Archaeology in the XXIst Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies, Neuchâtel, 1st–6th September 2014. Orientalia Lovaniensia Analecta 273*. Ed. M. Honegger. Louvain: Peeters, 2018. Pp. 127–134.

Woolley C.L., Randall-MacIver D.R. *Karanòg: The Romano-Nubian Cemetery (Eckley B. Coxe Junior Expedition to Nubia. Vol. 3–4)*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum, 1910.

Żurawski B., Drzewiecki M., Wiewiora M., Cedro A. Nubian Fortifications in the Middle Ages. *Nubian Archaeology in the XXIst Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies, Neuchâtel, 1st–6th September 2014. Orientalia Lovaniensia Analecta 273*. Ed. M. Honegger. Louvain: Peeters, 2018. Pp. 149–160.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МАЛЫХ Светлана Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Svetlana E. MALYKH, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

КАВКАЗСКАЯ АЛБАНИЯ: ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, КУЛЬТУРА

DOI: 10.31857/S086919080016652-4

КАВКАЗСКАЯ АЛБАНИЯ И «ВОРОТА» НА КАВКАЗЕ:
КАСПИЙСКИЕ, АЛБАНСКИЕ И АЛАНСКИЕ¹

© 2021

А.К. АЛИКБЕРОВ^а, О.А. МУДРАК^б^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-2894-2767; alikberov@mail.ru^б – Института языкознания РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8553-7063; omudrak@yahoo.com

Резюме. Статья, посвященная Каспийским, Албанским и Аланским «воротам» на Кавказе, продолжает серию публикаций авторов по теме исторической ономастики Кавказской Албании. В центре внимания – проблема смешения названий кавказских «ворот» – важнейших горных проходов на основных маршрутах передвижений в древности, обусловленная общностью происхождения названий Алуан и Алан от старого корня *’āle-со значением «царь, князь, повелитель». Эта проблема, характерная для источников различного происхождения – греко-римских, армянских, арабо-персидских и других – решается на основе самих этих источников, в том числе с учетом данных албанского палимпсеста, в котором напрямую зафиксировано слово *aluē* в значении «старший; правитель». Интерпретация этих названий по их прямому лексическому значению без соотнесения со сложившимися у современных историков этническими наименованиями служит ключом и для объяснения проблемы смешения названий Албанских и Аланских ворот.

Не менее важной задачей является тесно связанная с этим интерпретация контекстов упоминания и возможная локализация Каспийских, Албанских и Аланских «ворот». Анализ источников позволил уточнить некоторые сложившиеся представления по местонахождениям горных проходов, дать дополнительные источниковедческие и лингвистические аргументы для подтверждения смены конкретных локализаций на протяжении времени фиксации названий «ворот» в исторических сочинениях. В ходе анализа названий, связанных с Каспийскими воротами и воротами Чора, разработаны кавказские этимологии для слов «каспи» и «Чор». Привлечение всего комплекса данных, включая наименования различных доминирующих гор с этимологически тем же словом *aluē* в словосочетаниях (Ал-Бурз / Эльбурз, Шах Ал-бурз Даг, Иалбуз, Эльбрус и др.), показывает продуктивность указанной модели построения географических названий и определяет исторические границы распространения языков северокавказской языковой семьи. Анализ других названий кавказских ворот, в том числе Сарматских и т.н. «гуннских», в настоящей статье не рассматривается, поскольку это является темой отдельных исследований.

Ключевые слова: Кавказ, арабо-персидская география, Каспийские ворота, Албанские ворота, Аланские ворота, врата Чора, Дербент.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 19-012-00160 «Внутренний этимологический словарь нахских языков. Нахские основы».

Для цитирования: Аликберов А.К., Мудрак О.А. Кавказская Албания и «Ворота» на Кавказе: Каспийские, Албанские и Аланские. *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 18–30. DOI: 10.31857/S086919080016652-4

CAUCASIAN ALBANIA AND THE “GATES” IN THE CAUCASUS: CASPIAN, ALBANIAN AND ALANIAN

© 2021

Alikber K. ALIKBEROV^a, Oleg A. MUDRAK^b

^a – Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-2894-2767; alikberov@mail.ru

^b – Institute of Linguistics of the RAS, National Research University
“Higher School of Economics”, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8553-7063; omudrak@yahoo.com

Abstracts: *The article dedicated to the Caspian, Albanian and Alanian “gates” in the Caucasus continues the series of publications by the authors on the topic of the historical onomastics of Caucasian Albania. The focus is on the problem of mixing the names of the Caucasian “gates” – the most important mountain passes on the main routes of movement in antiquity, due to the common origin of the names Aluan and Alan from the old root *’äle- meaning “king, prince, lord”. This problem, typical for sources of various origins – Graeco-Roman, Armenian, Arabo-Persian and others – is solved on the basis of these sources themselves, including using data from the Albanian palimpsest, in which the word alye is directly recorded in the meaning of ‘senior; ruler’. An equally important task is the closely related interpretation of the contexts of reference and the possible localization of the “gates” in the Caucasus. The analysis of the sources made it possible to clarify some of the prevailing views on the locations of mountain passes, to provide additional source study and linguistic arguments to confirm the change in specific localizations during the time of fixing the names of the “gates” in historical writings. Caucasian etymologies have been developed for the words “Chor” and “Caspian”. The use of the entire set of data, including the names of the dominant mountains with the etymologically the same word in phrases, shows the productivity of this model for constructing geographical names and determines the historical boundaries of the distribution of the languages of the North Caucasian language family.*

Keywords: Caucasus, Arabo-Persian geography, Caspian gates, Albanian gates, Alan gates, Chora gates, Derbent.

For citation: Alikberov A. K., Mudrak O. A. Caucasian Albania and the “Gates” in the Caucasus: Caspian, Albanian and Alanian. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5. Pp. 18–30. DOI: 10.31857/S086919080016652-4

ВОРОТА, ГОРНЫЕ ПРОХОДЫ, ПЕРЕВАЛЫ, СТЕНЫ

Все ранние упоминания о Кавказской Албании так же, как и о путях передвижения через Кавказский хребет, в греко-римских текстах неразрывно связаны с так называемыми «воротами», или горными проходами на пути через Кавказ. Они даются в закономерной форме множественного числа – др.-греч. *Πύλαι* и лат. *Portae*, что естественно для двусторчатых «ворот, дверей». Албания как раз находилась на важнейших торговых путях между кавказской металлургической провинцией и остальным миром, а также на магистральных

торговых путях с юга на север – через Дербентский проход вдоль Каспийского моря и через Алазанскую долину с последующим проходом через Дарьяльское ущелье. Семантика «пути» и «прохода» всегда связана с преодолением горных проходов и «ворот» – узкого стратегического участка, чаще всего защищенного, поскольку именно в таких местах было удобно контролировать передвижения на основных маршрутах.

Что именно в источниках подразумевалось под горным проходом и что именно под «воротами»? Только Курций Руф отождествляет их друг с другом, представляя «ворота» как узкие проходы и ущелья в горах, по которым можно передвигаться, очевидно, имея в виду на конях и с обозом. В большинстве античных текстов проводится четкое разграничение между проходом и вратами; так, наряду с Каспийскими воротами в источниках упоминается и о сквозном проходе через Кавказ вдоль западного побережья Каспийского моря, который назывался Каспийским путём: *Caspia via* [Tac. Ann. VI. 33].

В арабских текстах упоминаются *баб* и *кал'а* в контексте врата *Баб Алан* вместе со стоящей рядом с ними крепостью Алан. «Воротами» также может называться и сам крупный город, как видно по арабскому наименованию Дербента – *Баб ал-абваб* (букв. «Врата ворот»). Следуя традиции своих источников, Симеон Ереванци недвусмысленно понимал под «Аланскими воротами» город Партав: «В это время армянский царь Ашот и агванские князья в течение 13 лет находились в Аланских воротах, в Партаве» [Ереванци, X, 143]. Таким образом, здесь однозначно приводится значение, довольно далекое от конкретно-политической или этнической принадлежности: древняя столица Кавказской Албании Партав названа Аланскими воротами, а реально, исходя из этимологии, – «царскими, главными» [Аликберов, Мудрак, 2019, с. 213–231], т.е. охраняемыми, контролируемым государством. Прекрасный знаток древнеармянских источников, католикос Симеон вряд ли сделал эту оговорку случайно.

Множественная форма названий «ворот», объединенных под одним названием, может также значить не просто одиночные врата, а также некую *совокупность* горных проходов через Кавказский хребет, не важно – открытых или охраняемых крепостями. Арабские авторы называли «воротами» (*абваб*, при ед.ч. *баб*) сеть крепостей, постороенных на узких и стратегически важных участках, чаще всего защищенных, т.к. именно в таких местах было наиболее удобным контролировать передвижения на основных маршрутах. Объясняя на основе сасанидского источника название *Баб Алан* (букв. «Аланские ворота»), Ибн Хурдадбих указывает на то, что речь идет о крепостях, построенных во времена Хосрова I Ануширвана в узких проходах на пересечении важнейших путей. «А *ал-абваб* – это 360 крепостей и укреплений в горных ущельях». Эти крепости и назывались «вратами»: *Баб Сул*, *Баб Алан*, *Баб аш-Шабиран*, *Баб Лазика*, *Баб сахиб ас-Сарир*, *Баб Филаниах*, *Баб Лабаниах*, *Баб Ануширван*, расположенный за ал-Бабом (Дарбандом), и др. *Дарбанд* были главными из этих ворот, «вратами ворот» [Ибн Хурдадбих, 1986, с. 15].

Наконец, иногда в источниках можно наблюдать несоответствия в определении того, что называть «воротами»: крепости в горных ущельях, защищавшие проходы, или оборонительные форты в районе Дербентского прохода. Семантика ворот также подразумевает наличие стен, в которых они расположены. Как стены могут восприниматься и окаймляющие горные массивы или рукотворные стены. Сасаниды с V в. строили высокие и многокилометровые стены по всему маршруту вдоль Каспия – из сырцового кирпича или каменных блоков. «Стену из глины» (*сур ат-тин*) между Ширваном и Аланом упоминает ал-Ма'уди [Ma'oudi, 1863, p. 74]. Видимо, именно такие укрепления имел в виду Йакут [Yacut's geographisches, 1866, p. 221], когда объяснял значение ворот как укрепления из сырцового кирпича вдоль стены, которые были разрушены после постройки города Баб ал-абваба. Но Ибн Хурдадбих не только привел целый список крепостей, но и четко обо-

значил семантику охраняемых проходов: «Что касается “ворот” (*ал-абваб*), то они являются входами в ущелья горы *ал-Кабк*», т.е. Кавказа [Ибн Хордадбех, 1986, с. 109].

КАСПИЙСКИЕ ВОРОТА

Сообщая о Кавказском проходе и пути к скифам, древнегреческий географ Гекатей Милетский (VI в. до н.э.) впервые отметил на этом маршруте врата, которые назвал Каспийскими; в латинской традиции они переданы как *Portae Caspiae* [FGrH 1 F 286; *Scylacis*. MDCCCXXXI. 16]. О *Πόλαι Κάσπιαι* сообщал Страбон [*Strab.* XI. 5. 4, 12. 5]. Название Каспийских ворот также используется Полибием [*Polyb.* V. 44. 5], Плинием Старшим [*Plin.* NH. VI. 30] и некоторыми другими античными авторами [*Suet.* Nero. 19]. У Иосифа Флавия «Каспийский проход» зафиксирован в форме *Θύραι Κάσπιαι* [*Ios. Ant.* XVIII. 4. 4]. Ряд римских авторов именует Каспийские ворота *Caspia claustra* (*claustra Caspiarum*) [*Tac.* Hist. I. 6; *Lucan.* Phars. VII. 22; *Val. Flac.* Arg. V. 124; *Claud.* In Ruf. II. 28], что буквально переводится как «Каспийские теснины / ущелья».

У Аммиана Марцеллина, который точнее других позднеантичных авторов передает информацию о народах Кавказа, сообщается, что «в местах, где оканчиваются горы, называемые Имавскими и Апурийскими, живут в пределах Персии скифы, которые граничат с азиатскими сарматами и соприкасаются с крайними пределами земли аланов» [*Amm. Marc.* XXIII. 61]. Имавские горы сопоставляются с горами Демаванда, а Апурийские – с Табаристаном, который в древности назывался Тапурия (*Табарийа* арабских источников); как раз в этой части гор находилась первая из горных вершин с названием *Ал-бурз* и Каспийские ворота.

Понятно, что Сарматские ворота (греч. *Σαρματικάι πόλαι*, лат. *Sarmaticae Portae*), упоминаемые Клавдием Птолемеем [*Ptol.* Geog. V. 9. 11, 15], которых, как считает М.С. Гаджиев [Гаджиев, 1997, с. 117], на Кавказе было двое, определенно связаны с именем сарматов. Подобным образом можно объяснять и название Каспийских ворот. Для наиболее ранних фиксаций употребления этого обозначения представляется вполне естественным связывать данный проход с каспиями из XI и XV сатрапий. Жили они к юго-западу от Каспийского моря, названного по их имени. В XI сатрапии, которая локализуется на территории северного Ирана, они упомянуты наряду с павсиями (павсиями), пантиматами и даритами, а в XV сатрапии – на территории современного Азербайджана [*Hdt.* III. 92, 93].

Плиний описывает Каспийские ворота как «огромное создание природы, образовавшееся вследствие внезапного разрыва гор; самый проход огорожен обитыми железом бревнами; под ними посередине течет вонючая река» [*Plin.* NH. VI. 30]. Их подробное описание оставил Марциан Капелла, автор V века: «Кавказ имеет ворота, которые зовут Каспийскими; это обрезы скал, заложенные еще железными брусьями для недопущения прохода посторонних, хотя в весеннее время они непроходимы и из-за змей» [*Martian. De nupt.* VI. 691]. Диодор Сицилийский, ссылаясь на Ктесия, локализует их на территории Албании [*Diod.* II. 2. 3], а Страбон прямо пишет о том, что «области албанцев принадлежит и область Каспиана, названная по исчезнувшему теперь племени, именем которого названо и море» [*Strab.* XI. 4. 5]. По свидетельству епископа Ипполита Портского, жившего в первой половине III в., «албаны живут против Каспийских ворот» [*Известия древних писателей*, 1906, с. 35]. Эти сообщения заставляют сузить место поиска Каспийских ворот на территории исторического расселения албанских племен или в непосредственной близости от нее.

В исторической науке существуют различные версии локализации Каспийских ворот. Большинство исследователей связывает их с горным проходом سر دره *Sar-e Darra* (варианты: *Tang-e Sar-e Darra*, *Сур-дара*, *Сурдари*, *Джжирдуни-Сурдара*, *Сер-Деи*, или *Сердара*

Хан) в южных отрогах горы Эльбурз, между Кавказскими и Табаристанскими горами, у которых, собственно, и обитали каспии; по этому ущелью пролегла главная дорога из Мидии на Восточный Кавказ [Jackson, 1911, pp. 127–137; Anderson, 1928, p. 130; Балахванцев, 2009, с. 9–14].

Не менее популярна версия о Каспийских воротах как Дербентском проходе [Gibbon, 1879, p. 102; Schottky, 1991, p. 123; Алемань, 2003, с. 61; Реза, 2013, с. 11 и др.]. Стремясь найти промежуточные даты в источниках, закрывающие лауну между поселением бронзового века на месте крепостной цитадели и албанским городом, основанным в I в. н.э., эту версию активно поддерживал А.А. Кудрявцев [Кудрявцев, 1982, с. 54]. В ряде исследований отмечается, что Дербент называли и Каспийскими, и Албанскими воротами [Кудрявцев, 1982; Chaumont, 2011, p. 806–810].

В 2020 г. увидела свет коллективная монография участников Совместной Британско-Грузинской экспедиции, в которой уже в заголовке Каспийские ворота отождествляются с Дарьяльским ущельем, причем «от античности до эпохи гуннов и средневековья» [Sauer, 2020]. Существуют и иные версии локализации Каспийских ворот: горный проход около Хачмаса [Kolendo, 1987, p. 141–148; Brentjes, Oelsner, 2015 и др.], перевал Гедук в Южном Прикаспии [Акопян, 1987, с. 40] и др.

Для определения точного месторасположения Каспийских ворот важен исторический контекст, в котором они упоминаются. Большинство свидетельств источников подкрепляют первую из вышеприведенных версий. Основные аргументы:

1. Курций, оставивший детальное описание похода Александра Македонского, сообщает о том, что на пути к Гиркании он с армией дошел до труднопроходимой страны с воинственным населением на берегу Каспийского моря, до местности, где есть «обширная равнина», которая вдаётся в море «двумя отрогами, посередине слабоогнутый залив, похожий на рога молодого месяца, когда он еще не достиг своей полноты» [Curt. VI. 4. 16]. Такая равнина с вогнутым заливом между каспиями и Гирканией может быть только в районе современного иранского города Решта: горный проход *Сар-е Дарра* между Малым Кавказским хребтом и горами Табаристана.

2. По Арриану, обращаясь к войску, среди стран, которые «этими трудами мы добыли себе», царь Александр называет и «земли за Каспийскими воротами, по ту сторону Кавказа» [Arr. Anab. V. 25]. Это значит, что войска все же прошли на другую сторону ворот, но не стали дальше углубляться в горы, а повернули на восток, обойдя Каспий с юга вдоль побережья. Иосиф Флавий связывает Каспийский проход с гирканами и Александром: аланы «завязали переговоры с гирканским царем, ибо последний господствует над проходом, который царь Александр сделал неприступным посредством железных ворот» [Jos. VI. VII. 7. 4]. Понятно, что царь гирканов, правивший на южном побережье Каспия, никак не мог владеть Дарьяльским проходом².

3. Страбон размещал Каспийские ворота «выше Гирканского моря, называемого нами Каспийским» [Strab. XI. 1. 7]. «С запада к ним прилегает Мидия», а «все области восточнее Каспийских ворот требуют вследствие своей дикости более простого описания» [Strab. XI. 12. 1]. Это довольно точное определение месторасположения *Сар-е дарра*.

²К.В. Тревер [Тревер, 1959, с. 126] со ссылкой на диссертацию С.Т. Еремяна и статью Я.А. Манандяна писала о том, что в античных источниках «названием Нугсания (парф. *Virkan*) обозначалась Грузия» [см. также: Манандян, 1948, с. 70]. Это предположение, впервые высказанное Й. Марквартом, раскритиковано А.С. Балахванцевым, который исключил трактовку Гиркании как Грузии [Балахванцев, 2009, с. 11]. Арабские авторы для того, чтобы отличить одну «Страну волков» от другой, различали Джурджан (совр. Горган, историческая Нугсания / *Υγκανία*, от др.-перс. *Varkāna* «Страна волков», арм. *Վիրք / vir-k* – Грузия) и Джурзан.

4. Страбон также отмечал, что от «реки Куры до Каспийских ворот – 5600 стадиев» [*Strab.* XI. 13. 6]. Учитывая, что греческий стадий равен около 178 м, получаем достаточно ясную цифру – 996,8 км. Эта цифра также соответствует расстоянию между Курой и проходом *Сар-е Дарра*, расстояние от Куры до Дарьяльского ущелья вдвое меньше.

5. Марциан Капелла пишет, что от Каспийских ворот «до Понта несомненно 200000 шагов» [*De nupt.* VI. 691]. Судя по тому, что в предыдущем предложении у Капеллы, восходящей к информации Курция, речь шла о том, что «в виду Каспийского моря начинается Мидия, которая опоясывается Кавказскими горами» [*De nupt.* VI. 690–691], по указанному до Черного моря расстоянию, имеется в виду проход *Сар-е Дарра* на территории Каспианы, между Гирканией и Албанией.

6. В подробном описании Плиния Каспийских ворот как горного перевала, который частично образует узкий проход с высокими скалистыми краями, содержится важная подробность о *соленой* воде, которая выходит из скалы и собирается в ручеек [*Plin.* NH. VI. 14–15]. По мнению А. Джексона, это описание как нельзя лучше подходит для *Сар-е Дарра*, где скальные и глиняные склоны имеют различный цвет, тускло-коричневый и охристый, как будто от огня, и соль выщелачивается из земли [Jackson, 1911, p. 132–134].

7. Наконец, главный аргумент: античные источники сходятся в том, что Каспийские ворота получили свое название от каспиев, которые в I-м тыс. до н.э. жили в Каспиане на юго-западном побережье Каспийского моря, выше Гиркании. Страбон сообщает: «По словам Эратосфена, местные жители называют Кавказ Каспием, может быть, от имени [племени] каспиев» (*Strab.* XI. 2.15). Плиний повторяет, что владения каспийских племен начинаются сразу за Каспийскими вратами. И именно благодаря этой связи перевал получил свое название. Он также добавляет, что Каспийское море (*Caspium mare*) к северу от Каспийских ворот также названо в честь народа каспиев, населявшего часть его берегов [*Plin.* NH. VI. 38–39].

8. Данную локацию подтверждает Мовсес Хоренаци, описавший проповедническую деятельность св. Григория Просветителя, добравшегося «к Аланским воротам и каспам» (*ar drambk' Alanac' ew Kasbic'*) [*История Армении Моисея Хоренского*, 1893, §7.5.5], а также факт преемственности традиции и существования этого древнего топонима в качестве названия почтовой станции *Касп* в районе прохода *Сар-е Дарра* при Сасанидах. В арабизированной форме *Касб* он сохранялся и в средневековый период, в эпоху Арабского халифата: в частности, его упоминает не только Ибн Хурдадбих, но и Кудама б. Джа'фар, когда составлял «Китаб ал-харадж» – свой знаменитый труд по налоговому учету в Халифате [Herzfeld, 1968, p. 195].

Языковая соотнесенность народа, известного нам как каспии, не ясна³. Возможно, это был ираноязычный народ, но, скорее всего, он имел отношение к Кавказу и, соответственно, северокавказской языковой группе: поскольку, согласно Плинию, каспии жили рядом с удианами, а по Страбону, – входили в состав албанских племен, в фокусе внимания естественным образом оказываются прежде всего нахско-дагестанские языки. Юго-восточными из них по своему современному распространению являются языки лезгинской подгруппы и хиналугский. В таком случае напрашивается привлечение Плезг. основы **kāsə* 'человек, личность; некто' > лезг. *kas*, табас. *kas (-di, -ar)* [Lezget, 256]. В северо-восточных лезгинских языках произошла унификация показателя мн. числа с аффиксом *-ar*. Но в западно- и южно-лезгинских языках присутствует довольно продуктивный аффикс **-bi*, который продолжается в рут. *-bir*, цах. *-bi*, крыз. *-bi*, буд. *-be*. Таким образом, не исключено,

³Из сообщения Плиния о том, что «есть, правда, и другие ворота у каспийских народов (*Caspis Gentibus*), но об этом можно узнать только из рассказов Александра Великого» [*Plin.* NH. VI. 40], допустима интерпретация каспиев как собирательного названия группы народов (подробнее см.: [Акопян, 1987, с. 40]).

что это слово значило просто «люди» и соотносилось с народом лезгинской подгруппы северокавказских языков, куда входит и язык албанских палимпсестов – древнеудинский. Следует учитывать, что этот аффикс имеет общий нахско-дагестанский характер и хорошо отмечен в даргинской, андийской, цезской и нахской ветвях.

Альтернативные версии локализации Каспийских ворот существовали еще в античный период. Плиний, оставивший наиболее детальное описание «ворот», сетовал на то, что некоторые современные ему писатели ошибочно принимают «Кавказские ворота» (лат. *Caucasiae Portae*) в Иберии за Каспийские [Plin. NH. VI. 40]. Для ориентира очень важно, что он называл ближайшие к Каспийским воротам степи и два города, расположенные на вершинах скал и ранее служившие для сдерживания мидян, – Каллиопа и Иссатис – парфянскими [Plin. NH. VI. 17, 43; Standish, 1970, p. 17–18]. Против смешения Каспийских ворот с другими, Армянскими, воротами выступал Марциан Капелла: «в одном месте Армянские, в другом – Каспийские» (“*et alibi Armeniae, alibi Caspiae*”) [De nupt. VI. 683].

АЛБАНСКИЕ ВОРОТА (*PORTAE ALBANIAE*), ВРАТА ЧОРА, ДАРБАНД / БАБ АЛ-АББАБ («ВРАТА ВОРОТ»)

По мнению ряда исследователей, название *’l’nn BB’* в среденеперсидском тексте и *’l’nn TR’* в парфянском тексте надписей 260–262 гг. н.э. шаханшаха Шапура I (SKZ) и верховного жреца Картира (KKZ), которые упоминаются вместе с Албанией / Арраном, следует читать как «Албанские ворота» и подразумевать под ними Дербентский проход [Henning, 1952, p. 512; Honigmann, Maricq, 1953, p. 88–90; Maricq, 1958, p. 307, 336; Тревер, 1959, с. 135; Фрай, 1972, с. 295; Кудрявцев, 1978, с. 244; Касумова, 1979, с. 113–114; Гаджиев, 1982, с. 14; 2002, с. 43].

Тацит пишет о «проходе между морем и концом Албанских гор» «по каспийской дороге» [Tac. Ann. VI. 33], впервые однозначно обозначая Дербентский проход, который Птолемей называл Албанскими воротами (др.-греч. *Αλβάνιαι πύλαι*, лат. *Portae Albaniae*) [Ptol. Geog. V. 9. 15]. Этим греко-римским названиям, возможно, соответствует упоминаемая в визант. источниках *крепость Тзур*, точнее, *Цур* или *Чур* (*Τζούρ*) (с большой долей неуверенности – сирийск. *ворота Тораие*, что может быть «воротами Тавра»). Соответствия для византийской формы этого топонима присутствуют в армянских, грузинских и собственно местных источниках. Так, в древнеармянских памятниках (с V в. н.э.) дербентский проход упоминается под названиями «город Чола», «крепость Чора», «ворота Чора», «проход Чора» (арм. варианты *Չոր* или *Չոռ*, *Չոռիս* – *çor*, *çota*), что соотносится с др.-груз. *Чор*- (*წობო* – *çor-i*). Традиционно считается, что это слово представляет собой исторически исходное древнее наименование Дербента, сохранившееся в ряде современных дагестанских языков. Исследователями, начиная с XIX в., привлекались лезг. *Чур*, дарг. *Чулли*, лак. *Чурул*, авар. *Чор*.

В связи с этим следует обратить внимание на даргинские данные: ПДарг. **çürə* ‘Дербент 1, дербентец 2; Derbent 1, Derbent dweller 2’ > сев. **çürə*- : урах. *çulli 1*, *çullan* (-, -t) 2, южн. **çürə* > ицар. *çur* (*çul-li*, -) 1, ‘гряды, стена, не скрепленная раствором камней’, **çur-lò*- : хайд. *çullan 2*, куб. *çü 1*, *çulan* (-, -t) 2. С регулярными вторичными ассимиляциями конечно-го согласного *-r*- основы перед последующим *-l*- словоизменительных аффиксов [Мудрак, 2016, с. 176; Darget, 2413]. Данной даргинской основе этимологически соответствуют ПЛак. **çurbü* ‘w’ ‘лестница’ [Laket, 2294] и ПНах. **çire*- ‘выступ фундамента; фундамент’ [Нахет, 2637]. Собственно лак. название города *Чурул* является ранним освоенным даргинизмом, отражающим вариант косвенной основы. Армянский вариант названия *çota* отражает локативную даргинскую форму **çür-la* «в Чоре», которая с упрощением сочетания отмечена и в современных даргинских языках. Не вполне ясна глоттализиция начальной аффрикаты в лезг. форме *Чур* = *çur*, здесь может быть отражение вторичного сочетания вида **çw*- или

*č'- с последующей гортанной смычкой, но возможна и контаминация названия города с другой полнозначной основой лезг. *čir* 'пастбище, луг, выпас', имеющей как соответствие руг. *čir*, цах. *čije* 'земля, почва', буд. *čir* 'степь; степной' [Lezget, 209].

От этого наименования стоит отделять араб. форму باب الصول *Bāb aṣ-Ṣūl* – «врата Сула». У средневековых арабо-мусульманских авторов это название присутствует при передаче сведений, полученных ими из сасанидских источников: *ворота Сұл* (ат-Табари, Ибн Мискавайх, Ибн Хурдадбих), *крепость Сұл* (*Та'рих ал-Баб*), *город Сұл* (*Дербенд-наме*). Причем форма باب الصول *Bāb aṣ-Ṣūl* (именно в варианте без удвоения буквы лам – Сулл) засвидетельствована в факсимильном издании огласованной рукописи «Таджариб ал-умам» Ибн Мискавайха [Ibn Miskawayh, 1909, p. 192]. Этимология названия ворот Сула, так же как Сарматских ворот и ворот хонов, требует специального исследования.

Среднеперсидское название города Дарбанд зафиксировано с VI в., после того как шаханшах Хосров I завершил строительство мощных оборонительных укреплений в 568–569 гг. и надежно запер горный проход вдоль Каспия в самом узком месте: на всей протяженности Дербентского прохода в 3,5 км (от вершины горы до Каспийского моря), в нем появились две мощные стены из больших отесанных каменных блоков, более 12 м в высоту, имевшие соединения между собой в виде перпендикулярных стен. Ворота в этих стенах запирались. *Дар* + *банд* переводят как «Узел (связка) ворот», «Закрытые ворота».

Указание на многочисленность ворот в Дербенте видно и в арабском названии этого города – *Bāb al-abwāb* «Ворота ворот». Общее наименование всех ворот (горных проходов) дает *Дарбанд-нама* – *Дарпуш* или *Дарпушт* (ср.-перс. *Dar pušt* > араб. *Дарбуш*) [Аликберов, 2003, с. 45–48]. Арабские источники обозначают целую сеть «ворот» – укреплений в узких горных проходах, которые защищали маршруты передвижений через Кавказ с юга на север. И *Баб ал-абваб* оказывается главными вратами на этом маршруте. Тюркское по происхождению название города Дербента как *Темур-капы* < **deṃür qarıy* «Железные ворота» также связано с семантикой ворот.

АЛАНСКИЕ ВОРОТА (*ДАР-И АЛ, БАБ АЛАН)

Среднеперсидское название 'l'nn BB' и парфянское 'l'nn TR' в надписях SKZ и KKZ (III в.) многие исследователи предлагают читать как *Ālānān dar⁴* – «Аланские ворота», понимая под ними Дарьяльское ущелье [Sprengling, 1953, p. 14, 52; Chaumont, 1960, p. 344, 361–362; Hinz, 1970, S. 261; Back, 1978, S. 187–188, 286–287, 426]. Это название естественно сопоставлять не только с арм. *drownk Alanac* (букв. «Аланские ворота»), но и с араб. *Баб Алан*, который Ибн Хурдадбих включал в состав сасанидской оборонительной системы на Восточном Кавказе (см. выше).

С вопросом локализации Аланских ворот в некой мере связано и определение владений *алан-шахов*. Противоречивость сведений ранних источников вносит некоторые сомнения в правомерность однозначного, независимо от контекста и безапелляционного толкования местонахождения как **Дар-и Ал*, так и *Баб Алан*. Аланские ворота могли находиться не только на Центральном Кавказе, но и южнее – в Закавказье.

Сообщая о стенах до Дарбанда, построенных Сасанидами, *Дарбанд-нама* приводит данные о том, что «*падишах* по имени Исфандийар, сын Гуштасп-и Сухраба, вновь восстановил стену, носившую название Алан, и довел [ее] до моря. Сначала он установил там ворота. Ту стену называли Аланскими воротами (*Алан-капу*)» [Акташи, 1992, с. 43]. Название *Алан-капу* со вторым тюркским компонентом тождественно арабскому *Баб Алан*

⁴Реконструировано нами как *Ālānān* (вместо *Alānān*), без долготы последнего слога [Аликберов, Мудрак, 2020, с. 198].

и в некоей мере соответствует персидскому **Дар-и Ал*. Обращает на себя внимание то, что в персидском названии слово *Ал* стоит в единственном числе, что едва ли допустимо при использовании племенного названия «алан». Но в районе Дарьяльского ущелья нет моря, до которого было бы реально строить стену, а укрепления приморской зоны Сасаниды уделяли особое внимание, поскольку именно там пролегали наиболее удобные маршруты для передвижения караванов и кочевников.

Дарбанд-нама локализует *Алан-кану* где-то в Мугане или южной части Ширвана (что для определенного периода одно и то же), поскольку далее речь идет о строительстве крепостей в северной части Ширвана, Маскате и далее по направлению на север вплоть до Дарбанда (Шабиран, Каркар и др.) [Саидов, Шихсаидов, 1980, с. 27]. В свое время Ширван захватил Муган – княжество с одноименным центром на правом берегу Куры. Ал-Мас‘уди предупредил, что *Мукан* не следует путать с поместьем *ал-Муканийя* (Муганийя), расположенным в горах по соседству с Кабалой [Maçoudi, 1863, p. 211]. Н. Дашти также идентифицирует Дашт-и Балашакан с Муганской степью, отмечая, что в сасанидский период Балашаган простирается до Кавказского хребта и Дербентского прохода [Dashti, 2012, p. 38]. По Ибн Хурдадбиху, правитель Мугана носил титул *алан-шах*, который дал ему Ардашир, первый шаханшах из династии Сасанидов [Ибн Хурдадбех, 1986, с. 17].

Обозначая линию противостояния мусульман и немусульман после завершения хазаро-арабских войн, Ибн ал-Факих сообщил, что сеть крепостей (*ал-абваб* / «ворот») на Кавказе «состоит из 360 замков, из которых 110 замков находятся во владении мусульман вплоть до земель Табарсарана [включительно], а остальные остаются в землях Филана (в тексте ошибочно – Джилан. – А.А.), владельца ас-Сарира, до *Баб Алан*» [Compendium libri Kitab al-Boldan, 1967, с. 286]. Анонимный источник '*Аджа'иб ад-дунья* в разделе о Баб ал-абвабе уточняет, что остальные ворота остаются под властью «тюрок», т.е. кочевников на севере ['*Аджа'иб ад-дунья*, 1993, л. 196а]. Здесь, похоже, под Аланскими воротами имеется в виду как раз **Дар-и Ал* – Дарьяльский проход.

ВЫВОДЫ

Каспийские ворота не могут быть локализованы в Дербентском проходе, поскольку здесь нет с двух сторон гор и узкого ущелья: на одной стороне Дербентского прохода находится море. Прокопий Кессарийский [Война с готами. 1. 10] совершенно справедливо отделяет Каспийские ворота от ворот Чора: «Один из этих проходов называется Тзур, а другой носит старинное название Каспийских ворот».

Совершенно очевидно, что древние авторы называли Каспийскими разные ворота [см. также: Акопян, 1987, с. 35]. Для римлян, вторгавшихся в район Каспия с юго-запада с 66 г. до н.э., это был проход *Сар-е Дарра*, а для византийцев времен Прокопия Кессарийского – определенно Дарьяльский проход: «Азиатские Иверы обитают у самых Каспийских ворот, стоящих от них на севере» [О постройках. 1. 12].

Мы также можем выделить различные исторические периоды, в течение которых представления о «воротах» существенно менялись. При этом необходимо различать не один, а по крайней мере четыре (*sic!*) совершенно различных варианта локализации Аланских («Царских») ворот, разнесенных во времени. Топонимической параллелью во всех случаях выступает гора с одним и тем же названием *Ал-бурз*, т.е. «Царь-гора»:

1. Изначально, во времена Гекатея Милетского и последующих греко-римских авторов вплоть до Птолемея и даже позже, фигурировали Каспийские ворота. Вслед за большинством историков их следует локализовать в пределах Гиркании. Точнее – это известный Гирканский проход *Сар-е дарра* в горах *Эльбурз* между Мидией и Парфией, непосредствен-

но у южной границы исторической Каспианы, где обитали каспии. По мнению М. Шоттки, в те же времена это название использовалось и для дороги из Дарбанда на западный берег Каспийского моря [Schottky, 1991, p. 123].

2. После походов в Кавказскую Албанию Помпея и Канидия Красса, а также признания албанами зависимости от Рима, в греко-римских источниках упоминаются Албанские ворота (лат. *Albaniae portae*, греч. *Ἀλβάνια Πύλαι*). После Птолемея этот термин уходит из греко-римской традиции. Очень похоже на то, что «Албанские ворота» – окказиональное название кавказского прохода в одну эпоху по соседствующей стране.

3. Аланские «ворота» – скорее всего, это обезличенное обозначение «царских ворот». Для названий Аланских ворот следует предполагать старую форму родительного падежа **-эн*, которая есть в удинском и в остальных лезгинских языках. Напомним, что в др.-удин. отмечается слово *alye* в значении «старший; правитель». Таким образом форма **äl-эн* является поссессивом и значит «царя, царёв, царский». Для примера, Аланские ворота, которые *шаханиах* Шапур II (309–379) просил открыть албанского царя Урнайра [*История Армении Фавстоса Бузанда*, III.34], вряд ли могут быть локализованы вне пределов Албании. Маловероятно, чтобы это был проход *Сар-е Дарра* или Дарьяльский проход.

4. Задолго до того, как Хосров I в VI в. достроив из каменных блоков мощные крепостные стены Дербента и 42-километровую «Горную стену», территория Албании стала частью Ирана, а передние рубежи обороны империи были передвинуты до северных склонов Кавказа. Аланские ворота этого времени – это **Дар-и Ал*, более поздняя арабская форма – *Баб Алан* с крепостью Алан (*кал'ат Алан*). *Ал-бурз* называется доминирующая на центральном Кавказе гора, известная в современной географической номенклатуре как Эльбрус. В модели названий горного прохода и этих доминирующих гор – Эльбурз, Эльбрус, Шахбуздаг (в перс. тексте «Гюлистан-и Ирам» А.К. Бакиханова – *Шах Ал-бурз даг*) и др.⁵ – выступает севернокавказский корень **'äle-* -w- 'князь, царь, правитель, хозяин, господин'. Соответственно, по-персидски, **Дар-и Ал* – это «Ворота царя, Царские ворота», то же что и «Аланские ворота». Не случайно Аммиан Марцеллин, говоривший об «одинаково благородном происхождении» алан [*Amm.Marc.* XXXI. 21], связывал их имя с названием (*«царских») гор: «Аланы, получившие свое название от гор» (*"Halani... ex montium appellatione cognominati"*) [*Amm.Marc.* XXXI. 13]. Позднее арабское название *Баб Алан* отражает в случае с Дарьялом название прохода по соседствующему народу или государству.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / LIST OF ABBREVIATIONS

NCED – Nikolayev S.L., Starostin S.A. *A North Caucasian Etymological Dictionary*. M.: Asterisk Publishers, 1994.

Darget – Мудрак О.А. *Компьютерная этимологическая база данных даргинских языков* (более 3100 этимологий).

Laket – Мудрак О.А. *Компьютерная этимологическая база данных лакского языка* (более 2600 этимологий).

Lezget – Мудрак О.А. *Компьютерная этимологическая база данных лезгинских языков* (более 3350 этимологий).

Naхet – Мудрак О.А. *Компьютерная этимологическая база данных нахских языков* (около 3400 этимологий).

⁵ На османских картах, составленных на основе сведений турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби, все доминантные горы Кавказа обозначены как *Ал-бурз*. Именно на это указывает и позднейшая схолия к «Картлис цховреба»: «Кавказ – это Иалбуз» [КЦ, I, 4, пр. 2].

авар. – аварский	лат. – латинский
аккин. – аккинский	лезг. – лезгинский
араб. – арабский	осет. – осетинский
арм. – армянский	парф. – парфянский
буд. – будухский	перс. – персидский
греч. – греческий	рут. – рутульский
груз. – грузинский	ср.-перс. – среднеперсидский
диг. – дигорский	удин. – удинский
др.-арм. – древнеармянский	урах. – урахинский
др.-греч. – древнегреческий	хайд. – хайдакский
др.-перс. – древнеперсидский	цах. – цахурский
инг. – ингушский	чеберл. – чеберлоевский
иран. – иранский	чеч. – чеченский
ирон. – иронский	ПДарг. – пра-даргинский
кист. – кистинский	ПЛак. – пра-лакский
крыз. – крызский	ПЛезг. – пра-лезгинский
куб. – кубачинский	ПНах. – пра-нахский
лак. – лакский	ПСК – пра-севернокавказский

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

‘Аджа’иб ад-дунья (Чудеса мира). Критический текст, пер. с перс., введ., коммент. и указ. Л.П. Смирновой. М.: Вост. лит., 1993 [‘Aja’ib al-dunya (Wonders of the World). Critical Text, Transl. from Pers., Intro., Comment. and Indices by L.P. Smirnova. M.: Vostochnaia literatura, 1993 (in Russian)].

Акопян А.А. *Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках*. Ереван: изд-во АН АрмССР, 1987 [Акорян А.А. *Albania-Aluank in Greek-Latin and Ancient Armenian Sources*. Yerevan: Izd-vo AN ArmSSR, 1987 (in Russian)].

Акташи, Мухаммед Аваби. *Дербент-наме*. Пер. с тюрк. и араб. списков, предисл. и библиогр. Г.М.-Р. Оразаева и А.Р. Шихсаидова. Коммент. Г.М.-Р. Оразаева. Махачкала, 1992 [Aktashi, Muhammad Awabi. *Derbent-name*. Transl. from the Turk and Arab MSS, Preface and Bibl. of G.M.-R. Orazaevev and A.R. Shikhsaidov. Comment. by G.M.-R. Orazaevev. Makhachkala, 1992 (in Russian)].

Алемань А. *Аланы в древних и средневековых письменных источниках*. М.: «Менеджер», 2003 [Alemany A. *Alans in Ancient and Medieval Written Sources*. Moscow: “Manager”, 2003 (in Russian)].

Аликберов А.К. *Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака’ик» (XI–XII вв.)*. М.: Вост. лит., 2003 [Alikberov A. K. *The Era of Classical Islam in the Caucasus: Abu Bakr al-Darbandi and his Sufi Encyclopedia “Raihan al-haqa’iq” (11th–12th cc.)*. Moscow: Vostochnaia Literatura, 2003 (in Russian)].

Аликберов А.К., Мудрак О.А. Исторические названия Албания, Алуанк и Алан в пространстве кросскультурной коммуникации. *Вопросы ономастики*. 2019. Т. 16. № 2. С. 213–231 [Alikberov A.K., Mudrak O.A. Historical Names Albania, Aluank and Alan in the Space of Cross-Cultural Communication. *Questions of Onomastics*. 2019. Vol. 16. No. 2. Pp. 213–231 (in Russian)].

Аликберов А.К., Мудрак О.А. Арран и сопредельные страны в парфянском тексте трехязычной надписи III в. на скале Ка’ба-йи Зардушт (ŠKZ). *Вопросы ономастики*. 2/2020. С. 190–202 [Alikberov A. K., Mudrak O. A. Arran and Neighboring Countries in the Parthian Text of a Trilingual Inscription of the 3rd Century on the Rock Ka’ba-yi Zardusht (ŠKZ). *Questions of Onomastics*. 2/2020. Pp. 190–202 (in Russian)].

Балахванцев А.С. Сарматы I–IV вв. н.э. по данным античных авторов. *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии*. Вып. IV: Позднесарматская культура. М.: Вост. лит., 2009. С. 9–14 [Balakhvantsev A.S. Sarmatians in the 1st–4th Centuries AD according to the Data of

Ancient Authors. *Statistical Processing of Burial Sites of Asian Sarmatia*. Iss. IV: Late Sarmatian Culture. Moscow: Vostochnaia Literatura, 2009. Pp. 9–14 (in Russian)].

Гаджиев М.С. *Южный Дагестан в III–V вв.* Автореф. канд. дис. М., 1982 [Gadzhiev M.S. *Southern Dagestan in the 3rd–5th Centuries*. Abstract of thesis. Cand. dis. M., 1982 (in Russian)].

Гаджиев М.С. *Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период.* Махачкала, 1997 [Gadzhiev M.S. *Between Europe and Asia. About the Trade Contacts of Dagestan in Albano-Sarmatian Period*. Makhachkala, 1997 (in Russian)].

Гаджиев М.С. *Древний город Дагестана: Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа.* М.: Вост. лит., 2002 [Gadzhiev M.S. *The Ancient City of Dagestan: An Experience of Historical-Topographic and Socio-Economic Analysis*. Moscow: Vostochnaia Literatura, 2002 (in Russian)].

Ереванци, Симеон. *Джамбр* [Yerevantsi, Simeon. *Dzhambr* (in Russian)] <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Erevanci/frametext3.htm>. (accessed: 02.05.2021).

Ибн Хордадбех. *Книга путей и стран.* Пер. с араб., коммент., исслед., указ. и карты Наили Велихановой. Баку, 1986 [Ibn Khordadbeh. *Book of Paths and Countries*. Per. from Arabic, Commentary, Research, Indices and Maps by Nailya Velikhanova. Baku, 1986 (in Russian)].

Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Т. 2. Вып. 2. Собрал и издал с рус. пер. В.В. Латышев. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1906 [Messages from Ancient Authors, Greek and Latin, about Scythia and the Caucasus. Vol. 2. Issue 2. Collected and Published from Russian. by V.V. Latsyshev. Saint Petersburg: Imp. Acad. Sciences, 1906 (in Russian)].

История Армении Моисея Хоренского. Новый перевод Н.О. Эмина. М., 1893 [History of Armenia by Moses Khorensky. New Translation by N.O. Emin. M., 1893 (in Russian)].

История Армении Фавстоса Бузанда. Пер. М.А. Геворгияна. Ереван, 1953 [History of Armenia by Favstos Buzand. Transl. by M.A. Gevorgyan. Yerevan, 1953 (in Russian)].

Касумова С.Ю. К толкованию среднеперсидских надписей из Дербента. *Вестник древней истории.* 1979. № 1. С. 113–126 [Kasumova S. Yu. On the Interpretation of the Middle Persian Inscriptions from Derbent. *Journal of Ancient History*. 1979. No. 1. Pp. 113–126 (in Russian)].

Кудрявцев А.А. О датировке первых сасанидских укреплений в Дербенте. *Советская археология.* 1978. № 3. С. 243–257 [Kudryavtsev A.A. On the Dating of the First Sassanid Fortifications in Derbent. *Soviet Archeology*. 1978. No. 3. Pp. 243–257 (in Russian)].

Кудрявцев А.А. *Древний Дербент.* М.: Наука, 1982 [Kudryavtsev A.A. *Ancient Derbent*. Moscow: Nauka, 1982 (in Russian)].

Манандян Я.А. О местонахождении Caspia via и Caspiae portae. *Исторические записки.* Т. XXV. 1948. С. 59–70 [Manandyan Ya.A. About the Location of ‘Caspia via’ and ‘Caspiae portae’. *Historical Notes*. Vol. XXV. 1948. Pp. 59–70 (in Russian)].

Мудрак О.А. *Даргинские основы.* Т. I. М.: Языки народов мира, 2016 [Mudrak O.A. *Dargi Stems*. Vol. I. Moscow: Yazyki narodov mira, 2016 (in Russian)].

Реза Э. *Азарбайджан и Арран (Атурпатакан и Кавказская Албания).* Пер. с перс., предисл. и доп. Г. Асатряна. Ереван, 2013 [Reza E. *Azarbaydzhan and Arran (Aturpatakan and Caucasian Albania)*. Transl. from Pers., Foreword and Add. by G. Asatryan. Yerevan, 2013 (in Russian)].

Саидов М.С., Шихсаидов А.Р. «Дербент-наме» (К вопросу об изучении). *Восточные источники по истории Дагестана.* Махачкала, 1980. С. 24–39 [Saidov M.S., Shikhsaidov A.R. “Derbent-name” (On the Question of the Study). *Eastern Sources on the History of Dagestan*. Makhachkala, 1980. Pp. 24–39 (in Russian)].

Тревер К.В. *Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э. – VII в. н.э.* М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959 [Trever K.V. *Essays on the History and Culture of Caucasian Albania of the 4th Century BC – 7th Century AD*. Moscow – Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1959 (in Russian)].

Фрай Р. *Наследие Ирана.* М.: Наука. 1972 [Frye R. *The Heritage of Persia*. Moscow: Nauka. 1972 (Russian translation)].

- Anderson A.R. Alexander at the Caspian Gates. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1928. Vol. 59. Pp. 130–163.
- Back M. *Die Sasanidischen Staatsinschriften*. (Acta Iranica. 18. Textes et mémoires. Vol. VIII). Téhéran – Liège, 1978.
- Brentjes, Burchard; Oelsner, Joachim. “Albania”. *Brill’s New Pauly*. Antiquity volumes edited by: Hubert Cancik and Helmuth Schneider. Brill Online, 2015.
- Chaumont M.-L. L’Inscription de Kartir à la “Ka’bah de Zoroastre” (Texte, Traduction, Commentaire). *Journal Asiatique*. 1960. T. 248. Fasc. 3. Pp. 339–380.
- Chaumont M.-L. “ALBANIA”. *Encyclopædia Iranica*. Last Updated: July 29, 2011. Pp. 806–810 <https://www.iranicaonline.org/articles/albania-iranian-aran-arm>. (accessed: 19.07.2021).
- Compendium libri Kitab al-Boldan* auctore Ibn al-Fakih al-Hamadani. Ed. M.J. de Goeje. Leiden, 1967 (in Arabic and Latin).
- Dashti N. *The Baloch and Balochistan. A historical account from the Beginning to the fall of the Baloch State*. Bloomington: Trafford Publ., 2012.
- Gibbon E. *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*. Vol. 4. New York: Harper Brothers, 1879.
- Henning W.B. A Farewell to the Khagan of the Aq-Aqatārān. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1952. Vol. XIV. No. 3. Pp. 501–522.
- Herzfeld E. *The Persian Empire*. Wiesbaden, 1968.
- Hinz W. Die Inschrift des Hohenpriesters Kardēr am Turm von Naqsh-e Rostam. *Archäologische Mitteilungen aus Iran*. 1970. Bd. 3. Pp. 251–265.
- Honigmann E. von, Maricq A. *Recherches sur les Res Gestae Divi Saporis*. Bruxelles: Acad, 1953.
- Ibn Miskawayh. *The Tajārib al-umam* or History of Ibn Miskawayh (Abu ‘Ali Ahmad b. Muhammad) ob. A.H. 421. Reproduced in facsimile from the Ms. at Constantinople in the Āyā Sūfiyya Library. With a preface and summary by Leone Caetani. Leyden: E. J. Brill – London: Luzac & Co, 1909 (in Arabic).
- Jackson A.V.W. *From Constantinople to the Home of Omar Khayyam*. New York, 1911.
- Kolendo J. Sur le nom Caspiae Portae appliqué aus cols du Caucase. *Folia Orientalia*. 1987. Pp. 141–148.
- Maricq A. Res Gestae divi Saporis. *Syria*. 1958. T. XXXV. Pp. 295–360.
- Maçoudi. *Les Prairies d’or*. Vol. 2. ‘Alī ibn al-Husayn al-Mas‘ūdī. Paris: Imprimerie impériale, 1863.
- Sauer, Eberhard W. *Dariali: The ‘Caspian Gates’ in the Caucasus from Antiquity to the Age of the Huns and the Middle Ages: The Joint Georgian-British Dariali Gorge Excavations and Surveys of 2013-2016*. Oxford: Oxbow Books, 2020.
- Schottky M. Parther, Meder und Hyrkanier. *Archäologische Mitteilungen aus Iran*. 1991. Bd. 24. S. 64–135.
- Sprengling M. *Third Century, Iran, Sapor and Kartir*. Chicago, 1953.
- Standish J. F. The Caspian Gates. *Greece & Rome*. 1970. Vol. 17. No. 1. Pp. 17–24.
- Yacut’s geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin*. St. Petersburg, Paris, London und Oxford. Hrsg. von F. Wüstenfeld. Band I. Lpz., 1866 (in Arabic and German).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

АЛИКБЕРОВ Аликбер Калабекович – д.и.н., директор Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Alikber K. ALIKBEROV, DSc (History), Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

МУДРАК Олег Алексеевич – д.ф.н., главный научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН, профессор Института классического Востока и античности, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Oleg A. MUDRAK, DSc (Philology), Senior Research Fellow Department of the Ural-Altai Studies, Institute of Linguistics of the RAS, Professor, Institute for Oriental and Classical Studies, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080017105-2

ГРАНИЦЫ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ
(IV в. до н.э. – III в. н.э.).

© 2021

А.С. БАЛАХВАНЦЕВ ^a

^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3028-0109; balakhvantsev@gmail.com
Scopus Author ID: 35752863100; ID WoS: AAS-5863-2021

Резюме: *Вопрос о границах Кавказской Албании в античный период уже давно обсуждается в литературе, причём неспособность исследователей из разных стран прийти к согласованному решению объясняется не столько состоянием источников, сколько высокой степенью политизации проблемы. Единственное, что объединяет несогласных по большей мере друг с другом авторов – это непоколебимая уверенность в неизменности границ Кавказской Албании на протяжении всей античности. Однако у нас нет никаких оснований говорить о «вечной и неизменной» границе по Куре, Араксу или Алазани. Границы Албании постоянно менялись вслед за изменениями в соотношении сил между нею и её соседями: Мидией Атропатеной, Арменией и Иберией. Экспансия Арташесидской Армении во II в. до н.э. сменяется в I в. до н.э. расширением территории Албании, которой позднее, в I–II вв. н.э. приходится считаться с растущей мощью Иберийского царства. В первые века нашего летоисчисления на политическую ситуацию в Закавказье и конфигурацию границ всё большее влияние стала оказывать борьба двух сверхдержав Древнего мира – Рима и Аршакидского, а затем Сасанидского Ирана – за господство на Ближнем Востоке. Так, установление границы Армении и Албании по Куре связано с подписанием крайне невыгодного для Сасанидов Нисибисского мира с Римской империей в 298 г. н.э. Единственной «вечной» была восточная граница по Каспию, но и она в IV–II вв. до н.э. претерпела серьёзные изменения. Дальнейшее уточнение границ Кавказской Албании возможно лишь на основе углублённого и честного, избавленного от следования политической конъюнктуры, анализа античной нарративной традиции и непрерывно растущего массива археологических данных.*

Ключевые слова: Кавказская Албания, Армения, Иберия, Мидия Атропатена, Римская империя, Аршакиды, Сасаниды.

Для цитирования: Балахванцев А.С. Границы Кавказской Албании (IV в. до н.э. – III в. н.э.). *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 31–42. DOI: 10.31857/S086919080017105-2

THE BOUNDARIES OF CAUCASIAN ALBANIA
(4th CENTURY BC – 3rd CENTURY AD)

© 2021

Archil S. BALAKHVANTSEV ^a

^a – Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3028-0109; balakhvantsev@gmail.com
Scopus Author ID: 35752863100; ID WoS: AAS-5863-2021

Abstract: *The issue of the borders of Caucasian Albania in the ancient period has long been discussed in the literature, and the inability of researchers from different countries to come to an agreed solution is explained not so much by the state of the sources as by the high degree of politicization of the problem. The only thing that unites the most disagreeing authors with each other is their resolute confidence in the invariability of the borders of Caucasian Albania throughout antiquity. However, we have no reason to speak of an “eternal and unchanging” border along the Kura, Aras or Alazani. Albania’s borders were constantly changing in the wake of changes in the balance of power between it and its neighbors: Media Atropatena, Armenia and Iberia. In the future, the political situation in Transcaucasia and the configuration of borders were increasingly influenced by the struggle of the two superpowers of the Ancient World – the Rome and Iran – for domination in the Middle East. Thus, the establishment of the border between Armenia and Albania along the Kura is associated with the signing of the Nisibis peace between Diocletian and Narses. The only “eternal” was the eastern border along the Caspian Sea, but it also in the 4th–2nd centuries BC underwent major changes. Further clarification of the borders of Albania is possible only on the basis of an in-depth and honest analysis of the ancient narrative tradition and an ever-growing array of archaeological data, free from following the political conjuncture.*

Keywords: Caucasian Albania, Armenia, Iberia, Media Atropatena, Roman Empire, Arsacids, Sasanians.

For citation: Balakhvantsev A.S. The Boundaries of Caucasian Albania (4th Century BC – 3rd Century AD). *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5. Pp. 31–42. DOI: 10.31857/S086919080017105-2

Вопрос о границах Кавказской Албании в античный период уже давно обсуждается в литературе, причём неспособность исследователей из разных стран прийти к согласованному решению объясняется не столько состоянием источников¹, сколько высокой степенью политизации проблемы. Единственное, что объединяет несогласных по большей мере друг с другом авторов – это непоколебимая уверенность в неизменности границ Кавказской Албании на протяжении всей античности [Мамедова, 1986, с. 116; Акопян, 1987, с. 36]. Но так ли обстояло дело в действительности?

Начнем с самого раннего упоминания об албанах в письменных источниках. Оно принадлежит Флавию Арриану, который отмечает присутствие албанов – наряду с мидянами, кадусиями и сакесинами – в составе войск, находившихся в 331 г. до н.э. под командованием мидийского сатрапа Атропата [*Arr. Anab.* III. 8. 4]. Иногда высказываются предположения, что эти племена были то ли наёмниками, то ли союзниками самого Атропата, а не подданными Дария III [см.: Дьяконов, 2008, с. 434, прим 106; Тревер, 1959, с. 53 (с предшествующей литературой); Алиев, 1989, с. 15, 52]. Однако согласиться с такой точкой зрения трудно. Во-первых, глагол $\xi\upsilon\nu\epsilon\tau\acute{\alpha}\tau\tau\omicron\nu\tau\omicron$ – «построены вместе», которым Арриан объединяет албанов, кадусиев и сакесинов с мидянами, такого значения не имеет [LSJ, s.v. $\sigma\upsilon\nu\tau\acute{\alpha}\sigma\sigma\omega$]. Во-вторых, в параграфах 3–6 данной главы Арриан повествует о боевых силах персидских сатрапов, приведших своих людей к Гавгамелам. Из всего этого списка автор «Анабасиса»

¹ Работа основана на анализе данных античной нарративной традиции, сасанидской эпиграфики и археологических изысканий. Средневековые письменные источники, вопреки сложившейся в науке традиции [Меликишвили, 1959, с. 297; Мамедова, 1986, с. 120–121; Акопян, 1987, с. 15; Gagoshidze, 2008, p. 8–9; Laghishvili, 2016, p. 49], используются только при реконструкции политической ситуации III в. н.э., так как представления их авторов о более ранних этапах истории Закавказья зачастую являются совершенно фантастическими [ср.: Балахванцев, 2017, с. 9–10].

выделяет лишь среднеазиатских саков во главе с Маваком, специально отмечая, что они были не подданными бактрийского сатрапа Бесса, а союзниками непосредственно Дария [Arr. Anab. III. 8. 3]. Представить же обратную ситуацию, когда какие-то племена подчиняются только сатрапу, а не царю, просто невозможно. Таким образом, слова Арриана однозначно свидетельствуют о том, что албаны, сакесины и кадусии входили в простирившуюся до Большого Кавказа мидийскую сатрапию Атропата [ср.: Newsen, 1983, pl. I]².

Какое же место в ней занимали собственно албаны? Сакесины, потомки ираноязычных саков, обитали в области Сакасена, расположенной как на правом, так и на левом берегах Куры между современными городами Шамкиром и Шеки [Дьяконов, 2008, с. 262, 358; Тревер, 1959, с. 49; Алиев, 1975, с. 163; Муравьев, 1983, с. 137, прим. 40; Мамедова, 1986, с. 130]. Кадусии заселяли внутренние районы Иранского Азербайджана и побережье Каспийского моря от Сефидруда до Талышских гор и Карадага [Дьяконов, 2008, с. 116, 240, 341; Балахванцев, 2017, с. 102]. Всё это позволяет утверждать, что на долю албанов приходились земли по обоим берегам Куры от Мингечаура до Каспия [ср. Алиев, 1992, с. 25].

Поскольку речь зашла о Каспии как восточной границе Кавказской Албании, не лишним будет упомянуть о том, что вопрос о локализации морского побережья в IV–III вв. до н.э. все ещё недостаточно выяснен. В соответствии с гипотезой С.Н. Муравьева, в эту эпоху в связи с резким повышением уровня Каспия морем были затоплены низменные районы современного Азербайджана вплоть до Мингечаура [Муравьев, 1983, с. 129–130, 144]. Хотя данная точка зрения получила определенное распространение в научной литературе [Newsen, 1984, pl. XXV], мне представляется, что её автор проявил чрезмерную доверчивость к цифровым выкладкам, содержащимся в работах античных авторов. Однако уллучайская стадия новокаспийской трансгрессии V–III вв. до н.э. является все же неоспоримым фактом. В это время уровень моря поднялся приблизительно до отметки –22,5 м ниже уровня Мирового океана, что на 6 м превышает современный (–28 м) [Балахванцев, 2017, с. 24–25]. Это означает, что значительные части Юго-Восточной Ширванской и Сальянской равнин были скрыты водами Каспия. Следует также принять во внимание данные античной традиции о раздельном впадении в Каспий Аракса и Куры [Strab. XI. 4. 2; Plut. Pomp. 34. 3]. Поскольку Муганская равнина образована речными наносами, а в древности ложа Куры и Аракса находилось на более низком уровне [Гюль и др., 1971, с. 205], то обе реки могли впадать в Каспий значительно западнее нынешней дельты Куры. Поэтому свидетельства Страбона и Плутарха выглядят вполне достоверными. Впрочем, окончательную ясность в изучаемую проблему внесут будущие археологические и естественно-научные изыскания.

Какие изменения произошли в положении албанов после того, как в 321 г. до н.э. Атропат стал независимым правителем Малой Мидии, или Атропатены? Нам известно, что в 220 г. до н.э., во время похода Антиоха III против царя Атропатены Артабазана, владения последнего доходили до Гирканского моря [Polyb. V. 55. 7]. Это означает, что как минимум часть кадусиев подчинялась Артабазану. Однако за несколько десятилетий до этого, когда в 285–281 гг. до н.э. селевкидский наварх Патрокл исследовал Каспий, на его западном побережье он отмечал только албанов и кадусиев, ни слова не говоря об Атропатене [Strab. XI. 6. 1, 7. 1; Plin. NH. VI. 36]. Скорее всего, свидетельство Патрокла можно объяснить тем, что между 321 и 281 гг. до н.э. албаны и кадусии, по крайней мере те из них, которые заселяли прибрежные области, сумели добиться независимости.

² Открытие ахеменидских дворцов в Караджамирли (р-н Шамкира, северо-западный Азербайджан) и Гумбати (р-н Цюри, восточная Грузия) является неоспоримым доказательством вхождения этих территорий в состав империи.

Оставим в стороне кадусиев и зададимся вопросом: что можно сказать о территориальных и временных рамках процесса образования у албанов своего государства? Вплоть до начала армянской экспансии при Артаксии I в 180–160 гг. до н.э. Атропатена владела Каспианой, Фавнитидой и Басоропедой [Strab. XI. 14. 5]. Каспиана занимала равнину к югу от нижнего течения Аракса вплоть до его впадения в море [Newsen, 1984, p. 352, 365, pl. XXV]. Басоропеда скорее всего соответствует горной области Карадаг к югу от среднего течения Аракса [Newsen, 1984, p. 353, pl. XXV]. Фавнитида³ же охватывала территории между озером Севан и Араксом [Newsen, 1984, p. 352–353, pl. XXV; 2001, p. 34]. Всё это вместе взятое позволяет утверждать, что основная масса албанов с последней четверти IV в. до н.э. оказалась вне пределов Мидии Атропатены.

Поначалу каждое из двадцати шести албанских племён имело своего собственного царя [Strab. XI. 4. 6], или, скорее, племенного вождя. С этим сообщением Страбона хорошо соотносится тот факт, что после крушения Ахеменидов был заброшен дворец в Караджамирли: если бы у всех албанов уже тогда был царь, то он бы вполне мог использовать этот дворцовый комплекс в качестве своей резиденции. Впервые общеалбанский царь надёжно фиксируется источниками в связи с событиями 60-х гг. до н.э. [Plut. Pomp. 34. 4, 35. 2; Dio Cass. XXXVI. 54.1]. О датировке возникновения единого албанского государства будет сказано ниже. Здесь же можно заметить, что этот процесс занял довольно продолжительное время, заполненное борьбой предводителей различных албанских племён за первенство.

Территориальное ядро, вокруг которого формировалось новое царство, несомненно, находилось на левобережье Куры в районе ставшей главным городом Албании Кабалы (Кабалаки) [Plin. NH. VI. 29; Ptol. Geog. V. 12. 6]. То, что именно эта область смогла захватить лидерство в объединительном процессе, объясняется по меньшей мере двумя факторами. Во-первых, она находилась на максимальном удалении от основных центров силы на Южном Кавказе того времени – Мидии Атропатены, Армении и Иберии. Во-вторых, судя по находкам монетных кладов в Шаракуне [Гаджиев, 1999, с. 152, 157] и Кабале [Балахванцев, 2012], именно через неё в IV–II вв. до н.э. проходил Каспийский торговый путь из Средней Азии к Понту, ставший своеобразным катализатором социально-политического развития близлежащих территорий.

Завоевания Артаксия I не только сделали Армению соседкой Кавказской Албании, но и дали толчок ведущейся и в наше время дискуссии о локализации границы между двумя государствами. Ряд исследователей считает, что как минимум со II в. до н.э. южная граница Кавказкой Албании на всей своей протяжённости проходила по Куре [Тревер, 1959, с. 58; Новосельцев, 1979; Акопян, 1987, с. 21–27; Newsen, 2001, p. 34, 41; Связян, 2015, с. 50, 56]. Это мнение в первую очередь основывается на прямых заявлениях Плиния Старшего и Клавдия Птолемея. Так, первый из них указывает, что Великая Армения тянется до реки Кир (Куры), а всей равниной от Кира владеет племя албанов [Plin. NH. VI. 25, 29]. С этим утверждением перекликается следующее замечание об албанах как о живущих по Кавказским горам и занимающих земли до реки Кир, образующей границу между Арменией и Иберией [Plin. NH. VI. 39]. Второй автор свидетельствует, что Кир «течёт вдоль всей Иберии и Албании, отделяя от них Армению» [Ptol. Geog. V. 12. 3].

Иную картину рисует Страбон. Он делает стержнем своего рассказа о географическом положении Иберии реку Кир, последовательно описывая ее от истоков вниз по течению. Кир берет начало в Армении, затем, [пройдя Боржомское ущелье. – А.Б.], выходит на [Внутреннекартлийскую. – А.Б.] равнину, где принимает несколько притоков, в том числе Араг (Арагви). «Через речную теснину [в районе Тбилиси. – А.Б.] он прорывается в

³ Попытка локализовать Фавнитиду к югу от Аракса [Акопян, 1987, с. 14] не выдерживает критики.

Албанию. Между ней⁴ [тесниной. – А.Б.] и Арменией⁵» он принимает ещё больше рек: Алазаний (Алазани), Сандобан, Ройтак и Хан, а затем впадает в Каспийское море [Strab. XI. 3. 2]. Ниже, в описании Албании, Страбон говорит, что страна на юге граничит с Арменией [Strab. XI. 4. 1], а Кир протекает через Албанию [Strab. XI. 4. 2]. Таким образом, о границе Армении и Албании по Куру у Страбона не сказано ни слова.

Чем же можно объяснить противоречие, существующее между нашими источниками? Вряд ли его причина сводится к одной хронологии. В самом деле, хотя Страбона и Клавдия Птолемея разделяет почти 150 лет, оба автора, как, впрочем, и Плиний, не основывались при описании Закавказья только на одном современном для каждого из них источнике [Geus, 2021, p. 37], но активно использовали информацию, отражавшую реалии ещё эллинистического времени и восходящую к участникам экспедиции Патрокла и походов Помпея и Канидия Красса.

При оценке свидетельств Плиния и Птолемея следует помнить, что стремление проводить границы между частями и областями света по водным преградам (рекам) появилось ещё у ионийских географов, прежде всего – Гекатея Милетского [Asheri et al., 2007, p. 252–253]. И хотя уже Геродот [Hdt. II. 15–17] критиковал мнение, согласно которому Нил является границей между Азией и Ливией⁶, даже авторитета «отца истории» не хватило для того, чтобы побороть эту тенденцию. Поэтому, учитывая данное обстоятельство, необходимо обязательно проверить обоснованность общего утверждения о Куру в качестве северной границы Армении путем сопоставления его с конкретными историческими фактами.

Но начнем мы не с Албании, а с Иберии. Даже после завоеваний Артаксия I области Триалети, Джавахети, Эрүшети и Артаани, расположенные на правом (южном) берегу Куры, в I в. до н.э. – I в. н.э., да и позднее, оставались в руках иберийских царей [Hewsen, 2001, p. 35, 39; Gagoshidze, 2008, p. 4–5]. Особенно показателен тот факт, что столица Иберии в позднеэллинистическое и раннеримское время Армозика (Армазихе) тоже находилась на правом (южном) берегу Куры. Принятие точки зрения Плиния и Птолемея с неизбежностью привело бы нас к абсурдному выводу, что крепость должна была принадлежать Великой Армении.

По данным Страбона, в гористой области Камбисена⁷ армяне граничат и с иберами, и с албанами [Strab. XI. 4. 1]. Камбисена находилась на левом берегу Куры, охватывала низовья Иори и на северо-востоке доходила до Алазани в её нижнем течении [Меликишвили, 1959, с. 123; Gagoshidze, 2008, p. 7]. Она не могла включать в себя земли на правом берегу Куры, которые относились к армянской Гогарене⁸. Это с неизбежностью означает, что во II в. до н.э. владения Армении заходили на севере за Куру примерно до хребта Чобандаг.

⁴ А.А. Акопян склонен понимать под ταύτης не теснину, а Албанию [Акопян, 1987, с. 22]. Однако такая трактовка текста не соответствует логике авторского повествования, в котором все упомянутые Страбоном элементы гидрографической системы Куры последовательно перечисляются в направлении с запада на восток, но ни разу с севера на юг.

⁵ Под Арменией в данном случае имеется в виду захваченная Артаксием I Каспиана, что заставляет отнести этот отрывок ко II в. до н.э.

⁶ Геродот отмечал, что в таком случае придётся одну часть Египта отдать Ливии, а другую – Азии.

⁷ Невозможно согласиться с гипотезой А.А. Акопяна о существовании ещё одной Камбисены, расположенной рядом с Хорзеной (Кларджети) и граничащей с Иберией и Колхидой [Акопян, 1987, с. 28–30]. Упоминание Страбоном Хорзены и Камбисены вместе [Strab. XI. 14. 4] вовсе не означало, что обе области находились рядом друг с другом. Их объединяет отнюдь не соседство, а то, что они являются самыми северными областями Армении. Аналогично Страбон называет вместе Сакасену и Бактрию только потому, что им в разное время пришлось испытать нашествие саков [Strab. XI. 8. 4].

⁸ Гогарена, отторгнутая Артаксием I от Иберии [Strab. XI. 14. 5], охватывала территории на правобережье Куры до Памбакского хребта на юге и реки Дзегамчай на юго-западе [Gagoshidze, 2008, p. 4].

К Камбисене мы ещё вернемся, а теперь рассмотрим вопрос о том, где в декабре 66 г. до н.э. произошло сражение между Помпеем и албанским царём Оройсом? В настоящее время практически общепринятым стало мнение, что место зимовки легионов Помпея и последующей битвы с албанцами следует локализовать в районе современного Казеха (Гогарена) [Тревер, 1959, с. 93; Джафаров, 1985, с. 103–104, 107 (с предшествующей литературой); Аюбян, 1987, с. 23, прим. 16; Gagoshidze, 2008, p. 4]. Но кому – Армении или Албании – принадлежал этот регион?

Дион Кассий именуется Оройса царём албанов, живущих за Кирном (Курой), и подчеркивает, что после победы Помпей хотел вторгнуться в их землю [*Dio Cass.* XXXVI. 54. 1, 5]. Получается, что битва произошла в пределах Армении. Однако Плутарх в биографии Помпея рисует события по-другому: римский полководец требует от албанов пропустить его через их землю, те сначала соглашались, но когда римляне праздновали Сатурналии в этой стране (ἐν τῇ χώρᾳ)⁹, албанцы переправились через Куру и атаковали их [*Plut. Pomp.* 34. 2]. Но тогда, следовательно, правобережье Куры в районе Казеха входило в состав Албании [Джафаров, 1985, с. 107; Дреер, 1994, с. 24, прим. 33; Gagoshidze, 2008, p. 8, not. 69]. Чья же точка зрения является верной?

При сравнении свидетельств Плутарха и Диона Кассия сразу же обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Дион Кассий явно стремится снять с Помпея обвинение в неспровоцированном нападении на албанов, агрессию против которых было трудно признать *bellum iustum*¹⁰. Поэтому он делает агрессором не Помпея, а албанского царя Оройса, коварно напавшего на мирно празднующих Сатурналии римлян, к тому же находившихся на земле дружественного теперь им Тиграна Великого. Кроме того, наш автор приводит довольно странные мотивы, которыми руководствовался Оройс: стремление помочь находившемуся в римском плену Тиграну Младшему и – главное – не допустить римлян в Албанию. Оставляя в стороне первую причину, которая вряд ли была весомой, позволим себе спросить: откуда Оройс взял, что римляне вообще собираются вторгнуться в Албанию, и как он рискнул атаковать огромную римскую армию на чужой территории?

Картина, рисуемая Плутархом, выглядит гораздо более реалистичной и логичной: требование Помпея пропустить римскую армию через Албанию не оставило Оройсу другого выбора, кроме как дать на это притворное согласие, попытаться усыпить бдительность противника, а затем нанести по вступившему в страну врагу внезапный удар. Поэтому мне представляется, что версия Плутарха гораздо лучше соответствует сути происшедших в 66 г. до н.э. событий и свидетельствует о принадлежности Албании как минимум восточной части Гогарены.

Теперь попытаемся найти ответ на вопрос: зачем Помпей требовал от Оройса предоставить римской армии проход через Албанию? В самом деле, для того, чтобы из Армении вторгнуться в Иберию, а затем двигаться в Колхиду, пытаясь догнать бежавшего понтийского царя Митридата [*Plut. Pomp.* 34. 1], вовсе не обязательно идти через Албанию. В распоряжении Помпея был более короткий путь, идущий по долине Куры [*Strab.* XI. 3. 5]. Скорее всего, римляне собирались напасть на иберов, откуда те их не ждали – со стороны Албании [Тревер, 1959, с. 92–93; Джафаров, 1985, с. 101, 103]. Это означает, что Помпей хотел воспользоваться идущим из Албании в Иберию проходом через пойму Алазани, т.е. через Камбисену [*Strab.* XI. 3. 5, 4. 5].

⁹ В данном случае артикль выполняет дейктическую функцию, заменяя собой указательное местоимение.

¹⁰ Не лишним будет напомнить, что хотя нравам предков в Риме уже давно никто не следовал, но в аналогичной ситуации в 55 г. до н.э. враги Юлия Цезаря предложили выдать его тем германцам, на которых он напал без удовлетворительной причины [*Suet. Iul.* 24. 3; *Plut. Caes.* 22. 3].

Кому принадлежала Камбисена в I в. до н.э.? Поскольку требование Помпея открыть дорогу через Камбисену было обращено именно к Оройсу, а албаны переправились через Куру в сравнительной близости от расположившихся в районе современного Казахстана римлян [Plut. Pomp. 34. 3], то необходимо признать, что к 66 г. до н.э. армянская часть Камбисены уже перешла к албанам [Gagoshidze, 2008, p. 8].

К югу и востоку от Камбисены располагалась упоминавшаяся выше Сакасена [Алиев, 1975, с. 163]. Страбон называл её в числе армянских областей [Strab. II. 1. 14; XI. 7. 2, 8. 4], а также отмечал, что она сопредельна Албании, Гогарене и реке Кир [Strab. XI. 14. 4]. Но, судя по тому, что в 66 г. до н.э. и армянская часть Камбисены, и восток Гогарены входили в состав Албании, последняя к этому времени контролировала и лежащие на правом берегу Куры – между Дзегамчаем и Мингечауром – земли Сакасены.

Окончательную ясность в понимание политической ситуации, сложившейся в первой трети I в. до н.э. в междуречье Куры и Аракса, вносит замечание Плутарха об участии в битве при Тигранокерте 6 октября 69 г. до н.э. вольных (не знающих царской власти) племен с берегов Аракса, которых Тиграну II удалось привлечь на свою сторону лаской и дарами [Plut. Luc. 26. 4]. И хотя была предпринята попытка объявить Аракс Амударьёй [Манасерян, 1992, с. 153–155], предложенная гипотеза не выдерживает никакой критики.

Во-первых, после походов Александра в античной традиции Амударья именуется Оксом, название же Аракс употребляется только у тех авторов эллинистическо-римского времени [Манасерян, 1992, с. 153], которые следовали традиции и словоупотреблению Геродота. В источнике же, использованном Плутархом для описания битвы при Тигранокерте, это, разумеется, исключалось. Более того, присутствию в составе разгромленной армии Тиграна среднеазиатские кочевники, этот факт обязательно был бы особо выделен римскими историками, причём с использованием таких гидронимов и этнонимов, которые бы не допускали никакой двусмысленности в вопросах их локализации.

Во-вторых, хорошо известно, что правивший Парфией с 70 г. до н.э. Фраат III не оказал Тиграну никакой помощи и занял во время римско-армянской войны позицию «третьего радующегося» [Dio Cass. XXXVI. 3. 3]. Предположение же о том, что среднеазиатские кочевники-сакарауки, не спрашивая разрешения Фраата, прошли через территорию Парфии и соединились с Тиграном [Манасерян, 1992, с. 156–159], не соответствует исторической действительности. Ведь именно при помощи сакарауков в 77 г. до н.э. пришел к власти отец Фраата Синатрук [Frye, 1984, p. 197], который сохранял дружбу с ними до конца своего правления [Балахванцев, 2020, с. 150]. Спрашивается: для чего сакараукам в такой ситуации было действовать против сына своего ставленника?

В-третьих, а это самое главное, Тигран слишком поздно стал воспринимать угрозу со стороны Лукулла всерьёз [Plut. Luc. 25–26]. Поэтому у него просто не было времени для того, чтобы просить, а тем более – успеть получить помощь из-за Каспийского моря. Следовательно, слова Плутарха однозначно свидетельствуют о существовании независимой области на берегах Аракса (Мильская равнина), население которой не подчинялось ни Тиграну, ни Оройсу. Возможно, что именно с послами этих племён в 65 г. до н.э. заключил мир Помпей [Dio Cass. XXXVII. 5. 1; ср. Дреер, 1994, с. 29].

Завершая рассмотрение вопроса о том, могла ли Кура на всём своём протяжении служить «вечной и неизменной» границей Армении и Албании, мы закономерно подошли к Каспиане. Как уже отмечалось выше, Страбон упоминает о захвате этой области Артаксием I у атропатенцев [Strab. XI. 14. 5]. Вместе с этим, тот же автор пишет о вхождении Каспианы в состав Албании [Strab. XI. 4. 5]. Казалось бы, что оба свидетельства можно удовлетворительно интерпретировать лишь одним образом: ко времени как минимум написания «Географии», албаны отвоевали Каспиану у Великой Армении. С критикой этой точки

зрения выступил А.А. Акопян, который пришёл к выводу, что у Страбона речь идет о двух разных областях: одна – армянская – Каспиана [*Strab.* XI. 14. 5] находится к югу от нижнего течения Куры, а другая [*Strab.* XI. 4. 5] – это приморская область Албанского царства [Акопян, 1987, с. 51–52].

Однако приводимые А.А. Акопяном многочисленные аргументы, призванные подкрепить предложенное им решение проблемы, трудно признать весомыми. В самом деле, можно ли, даже собрав представительный перечень упоминания каспиев начиная от Геродота и кончая армянскими средневековыми авторами, утверждать, что по Страбону на побережье Каспийского моря одновременно существовали две области Каспианы, границей между которыми служила Кура [Акопян, 1987, с. 54]? Представляется, что положительный ответ на этот вопрос был бы явно неуместен. Хотя этноним каспии был в древности очень широко распространён и применялся к различным прикаспийским народам, это никак не доказывает того, что у Страбона речь идёт о двух совершенно разных, хотя и граничащих друг с другом одноимённых областях.

В связи со всем изложенным выше закономерно возникает вопрос: когда Албания смогла вернуть себе территории на правобережье Куры? Уже сама постановка вопроса предполагает, что процесс образования единого албанского государства к этому времени должен был быть завершён: в противном случае ни о какой активной внешней политике не могло идти и речи. Что же касается абсолютной хронологии, то, на мой взгляд, наиболее подходящим временем для этого стало начало правления Тиграна II. Именно тогда, в 90-х гг. до н.э. Армения оказалась серьёзно ослабленной, а сам Тигран, находившийся в заложниках у парфянского царя Митридата II, был вынужден за своё освобождение уступить Аршакидам обширные территории [*Strab.* XI. 14. 15]. Однако смерть Митридата II в 91 г. до н.э. и начавшаяся в Парфии междоусобица открыли дорогу для быстрого роста могущества Армении и превращения её – на короткий срок – в одну из великих держав Ближнего Востока.

Но, спрашивается, если всё происходило именно так, то почему же Тигран не вернул себе земли на правобережье Куры, завоёванные его предками? Представляется, что Тигран сознательно отказался от войны с только что образовавшимся Албанским царством и предпочёл сделать его не врагом, а ценным в военном отношении [*Strab.* XI. 4. 5] союзником¹¹. К тому же экспансия на юг и запад сулила армянскому царю гораздо больше выгод, чем попытка овладеть землями на востоке, чьё экономическое значение не шло ни в какое сравнение с Северной Месопотамией, Сирией и Малой Азией.

Тогда же, в I в. до н.э., территория Албании расширилась и в западном направлении. Выше уже отмечался переход к Албании армянской части Камбисены. Попробуем теперь определить, где проходила в этот период граница между албанами и иберами. Данные письменной традиции на этот счёт достаточно противоречивы. У Плиния Старшего граница проходит по реке Алазоне (Алазани) [*Plin.* NH. VI. 29]. У Птолемея граница расположена к западу от безымянной реки, текущей с Кавказа и впадающей в Куру [*Ptol.* Geog. V. 11. 1, 12.3]. Сложно сказать, была ли этой рекой Алазани или Иори. Мало что даёт для интересующего нас вопроса описание похода Помпея против албанов в 65 г. до н.э.: римляне пересекают Куру, проходят по Камбисене до реки Камбис (Иори), а затем форсируют реку Абант (Алазани) [Акопян, 1987, с. 28; Gagoshidze, 2008, p. 8], после чего происходит сражение с царём Оройсом. Это вовсе не означает, что граница Албании и Иберии шла по Алазани [ср. Laghiashvili, 2016, p. 52]: албаны могли совершенно сознательно предоставить Помпею возможность совершить утомительный переход по безводной Камбисене [*Dio*

¹¹ Судя по тому, что албаны до самого конца остались верны Тиграну и сражались вместе с армянами при Тигранокерте [*Plut.* Luc. 26. 4], расчёт полностью оправдался.

Cass. XXXVII. 3. 5], чтобы выиграть время для сбора войск на левом, обрывистом берегу Алазани.

К счастью, ситуацию способны прояснить находящиеся в нашем распоряжении археологические источники. В I в. до н.э. на правобережье Алазани появляются памятники ялойлутепинской культуры, носителями которой было одно из албанских племён – удины [Gagoshidze, 2008, p. 9; Laghiashvili, 2016, p. 39–40, 43–44]. Это свидетельствует о том, что, как и указано у Птолемея [Gagoshidze, 2008, p. 8], Албания в это время распространила свою власть на ряд районов к западу от Алазани.

Новый комплекс сведений, позволяющих охарактеризовать ситуацию с границами Кавказской Албании в I в. н.э., появляется в связи с борьбой за трон Армении в 35–36 гг. н.э. Начнём с севера. До этого в нашем распоряжении были только расплывчатые указания Страбона на то, что Албанию и Сарматию разделяет Кавказ, восточная часть которого называется Керавнийскими горами [*Strab.* XI. 2. 15, 4. 1]. Какой из многочисленных хребтов горного Дагестана имеется здесь в виду, сказать сложно. Однако в рассказе о неудачной попытке сарматских союзников Парфии пройти в Закавказье между Каспием и отрогами гор в районе Дербента Тацит называет их Албанскими [*Tac. Ann.* VI. 33. 3]. Это доказывает, что северная граница Албании к этому время проходила у Дербента и далее на запад по Джалганскому хребту [Акопян, 1987, с. 35].

Албания сыграла достаточно важную роль в осуществлении римского плана по выводу Армении из сферы влияния Аршакидов и утверждению на троне в Артаксате римского ставленника Митридата, брата царя Иберии [*Tac. Ann.* VI. 33–35]. Естественно, что неизвестный нам по имени албанский царь желал получить в качестве «компенсации за труды» пограничные земли Армении, возможно, Отену [*Plin.* NH. VI. 42], расположенную к северу от Аракса. Это вряд ли могло устроить иберийского царя Фарасмана I, который уже начал лелеять планы по установлению контроля над всей Арменией [*Tac. Ann.* XII. 44]. Нам неизвестно, сумела ли тогда Албания получить Отену или её часть. Однако уже в 40-х гг. н.э. между бывшими союзниками, не сумевшими, очевидно, поделить армянскую добычу, разгорелся конфликт [*Tac. Ann.* XII. 45. 1]. Не исключено, что его результатом¹² стало перенесение албано-иберийской границы на Алазани, что нашло отражение у Плиния Старшего [*Plin.* NH. VI. 29].

Во II в. н.э., после окончательного попадания Закавказья в сферу *Pax Romana*, число конфликтов между Иберией, Албанией и Арменией значительно сократилось, а те, что возникали, решались при посредничестве Империи. Так, ок. 136 г. н.э., после того как Албания подверглась нападению приглашённых царём Иберии Фарасманом II аланов [*Dio Cass.* LXIX. 15. 1], границы между иберами и албанами устанавливал легат императора Адриана Флавий Арриан [*Themist.* Or. XXXIV. 8. 20–21].

Можно ли уточнить наши представления о северных пределах Албании на основе труда Клавдия Птолемея, самые поздние данные которого относятся к первой половине II в. н.э.? Иногда приходится сталкиваться с мнением, что по Птолемею кавказская граница Албании проходит по Керавнийским горам, которые отождествляются с цепью хребтов Андийского и Салатау [Гаджиев, 2015, с. 32–33 (с предшествующей литературой)]¹³. Однако согласиться с такой интерпретацией не представляется возможным. И прежде всего потому, что обитающие между Керавнийскими горами на севере и Кавказом на юге племена тусков (тушин) и

¹² Сложно сказать, находится ли в какой-либо связи с этим конфликтом исчезновение памятников ялойлутепинской культуры на территории Кахети в начале I в. н.э. [Gagoshidze, 2008, p. 9; Laghiashvili, 2016, p. 39].

¹³ Следует подчеркнуть, что эта граница совершенно справедливо понимается М.С. Гаджиевым отнюдь не в политическом, а в этнокультурном и географическом смысле [Гаджиев, 2015, с. 39].

дидуров (дидойцев) [Акопян, 1987, с. 34; Гаджиев, 2015, с. 33] относятся Птолемеем не к Албании, а к Азиатской Сарматии [*Ptol. Geog. V. 9. 22*].

Политическая ситуация резко изменилась в середине III в. н.э., когда Восточное Закавказье попало под власть Сасанидов. Как можно судить по надписям Шапура I [Maricq, 1958, p. 307] и верховного жреца Картира [Лукин, 1969, с. 87], Албанское царство было разделено на две административные области: собственно Албанию и Баласакан, простиравшийся на север до Албанских ворот (Дербент) [Frye, 1984, p. 298].

Существует мнение, что граница Албании и Армении в III в. н.э. проходила по Куре [Акопян, 1987, с. 35]. При этом ссылаются на автора второй половины V в. н.э. Агатангела, упоминающего о пребывании армянского царя Хосрова в городе Халхал (область Утик), где находилась зимняя резиденция правящей династии [*Agathang. 28*]. Однако представленная у Агатангела версия истории Армении последних десятилетий III в. н.э. абсолютно не соответствует действительности [Thomson, 1976, p. XXXV–XXXVI]. Хосров мог править только в Западной Армении, находившейся в зависимости от Рима, а трон захваченной персами Восточной Армении в 260–290-х гг. н.э. последовательно занимали сыновья Шапура I Хормизд-Ардашир и Нарсе [Frye, 1984, p. 294, not. 27]. Таким образом, как минимум с 262 г. н.э. ни о какой резиденции армянских царей на правом берегу Куры не могло быть и речи.

Почему же тогда в работе армянского историка V в. н.э. Фавстоса Бузанда при описании событий 330-х и 370-х гг. н.э. утверждается, что граница Албании и Армении проходит по Куре [*Faust. III. 7, V. 12*]? Данные свидетельства, на мой взгляд, можно объяснить лишь тем, что пограничная ситуация претерпела серьезные изменения в 298 г. н.э., когда Сасанидам в лице шаханшаха Нарсе пришлось подписать крайне невыгодный для них договор с Диоклетианом. Этому предшествовало сокрушительное поражение персов от цезаря Галерия в Великой Армении [*Lact. De mort. IX. 6; Aur. Vict. Caes. 39. 34; Fest. Brev. 25. 2; Eutr. IX. 25. 1; Amm. Marc. XXIII. 5. 11*]. Не удивительно, что по Нисибисскому миру Иран не только полностью утратил контроль над Арменией [Frye, 1984, p. 308], но и был вынужден уступить этому важнейшему союзнику Рима на востоке значительную часть земель¹⁴ оставшейся под властью Сасанидов Албании. Но это уже была совсем другая история.

Таким образом, на протяжении всей античности границы Албании с сопредельными странами постоянно изменялись. Разумеется, нет никаких оснований говорить о «вечной и неизменной» границе по Куре, Алазани или Араксу. Единственной «вечной» была восточная граница по Каспию, но и она в IV–II вв. до н.э. претерпела серьезные изменения. Дальнейшее уточнение границ Кавказской Албании возможно лишь на основе углубленного и честного, свободного от следования политической конъюнктуры анализа античной нарративной традиции и непрерывно растущего массива археологических данных.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

FHG – *Fragmenta Historicorum Graecorum*. Vol. IV. Ed. Karl Müller. Paris: Firmin Didot, 1851.

LSJ – *A Greek-English Lexicon*. Compiled by Henry George Liddel and Robert Scott. Revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones. Oxford: Clarendon Press, 1996.

¹⁴ В условиях Нисибисского мира, сохранившихся в отрывке из сочинения византийского автора VI в. н.э. Петра Патрикия [Petr Patr. F 14. FHG IV, p. 189], подробно перечисляются области, переходящие от Ирана к Риму, но по поводу Армении сообщается лишь то, что её граница с Мидией Атропатеной устанавливается у крепости Зинта. Это позволяет с уверенностью утверждать, что большая часть информации о восточных границах единого Армянского царства либо осталась автору неизвестна, либо была им сознательно опущена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Акопян А.А. *Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках*. Ереван, изд-во АН АрмССР, 1987 [Акопян А.А. *Albania-Aluank in Greek-Latin and Ancient Armenian Sources*. Yerevan, Izd-vo AN ArmSSR, 1987 (in Russian)].
- Алиев И.Г. К интерпретации параграфов 1, 3, 4 и 5 IV главы XI книги «Географии» Страбона. *Вестник древней истории*. 1975. № 3. С. 150–165 [Aliiev I.G. On the Interpretation of Strabo XI 4, §§ 1, 3–5. *Journal of Ancient History*. 1975. No. 3. Pp. 150–165 (in Russian)].
- Алиев И.Г. *Очерк истории Атропатены*. Баку: Азернешр, 1989 [Aliiev I.G. *Essay on the History of Atropatena*. Baku: Azerneshr, 1989 (in Russian)].
- Алиев К.Г. *Античная Кавказская Албания*. Баку: Азернешр, 1992 [Aliiev K.G. *Ancient Caucasian Albania*. Baku: Azerneshr, 1992 (in Russian)].
- Балахванцев А.С. Эллинистическая Кабала на торговых путях между Западом и Востоком (по нумизматическим данным). *Древнегородская культура Азербайджана в контексте мировой урбанизации*. Тезисы. М.Н. Рагимова (ред.). Баку: Университет Хазар, 2012. С. 65 [Balakhvantsev A.S. Hellenistic Kabala on the Trade Routes between West and East (According to Numismatic Data). *Ancient Urban Culture of Azerbaijan*. Abstracts. Ed. M.N. Rahimova. Baku: Khazar University, 2012. P. 65 (in Russian)].
- Балахванцев А.С. *Политическая история ранней Парфии*. М.: ИВ РАН, 2017 [Balakhvantsev A.S. *Political History of Early Parthia*. Moscow: IOS RAS, 2017 (in Russian)].
- Балахванцев А.С. Еще раз о дате погребения у с. Косика. *Волго-Уральский регион от древности до средневековья: материалы VI Нижневолжской Международной археологической научной конференции*. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2020. С. 149–151 [Balakhvantsev A.S. Again on the Date of the Burial near the Village of Kosika. *Volga-Ural Region from Antiquity to the Middle Ages: Materials of the VI Lower Volga International Archaeological Scientific Conference*. Volgograd: Volgograd State University Publishing House, 2020. Pp. 149–151 (in Russian)].
- Гаджиев М.С. Шаракунский клад (Дагестан). *Древности Северного Кавказа*. В.И. Марковин (ред.). М.: ИА РАН, 1999. С. 152–160 [Gadjiev M.S. Sharakun Treasure (Dagestan). *Antiquities of the North Caucasus*. V.I. Markovin (ed.). Moscow: IA RAS, 1999. Pp. 152–160 (in Russian)].
- Гаджиев М.С. Кавказская Албания и Дагестан: историко-географический и административно-политический аспекты. *Albania Caucasicca. Вып. I*. Отв. ред. А.К. Аликберов, М.С. Гаджиев. М.: ИВ РАН, 2015. С. 28–40 [Gadjiev M.S. Caucasian Albania and Dagestan: Historical, Geographical, Administrative and Political Aspects. *Albania Caucasicca. Issue I*. Eds. A.K. Alikberov, M.S. Gadjiev. Moscow: IOS RAS, 2015. Pp. 28–40 (in Russian)].
- Гюль К.К., Гулиев А.Н., Надиров А.А. *Азербайджан*. М.: Мысль, 1971 [Gul K.K., Guliev A.N., Nadirov A.A. *Azerbaijan*. Moscow: Mysl, 1971 (in Russian)].
- Джафаров Ю.Р. О локализации храмовой области в Кавказской Албании. *Вестник древней истории*. 1985. № 2. С. 97–107 [Dzhafarov Yu.R. On the Localization of the Temple Area in Caucasian Albania. *Journal of Ancient History*. 1985. No. 2. Pp. 97–107 (in Russian)].
- Дреер М. Помпей на Кавказе: Колхида, Иберия, Албания. *Вестник древней истории*. 1994. № 1. С. 20–32 [Dreher M. Pompey in the Caucasus: Colchis, Iberia, Albania. *Journal of Ancient History*. 1994. No. 1. Pp. 20–32 (in Russian)].
- Дьяконов И.М. *История Мидии*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008 [Diakonoff I.M. *History of Media*. Saint Petersburg: Faculty of Philology, SPbSU, 2008 (in Russian)].
- Луконин В.Г. *Культура Сасанидского Ирана*. М.: Наука, 1969 [Lukonin V.G. *Culture of the Sasanian Iran*. Moscow: Nauka, 1969 (in Russian)].
- Мамедова Ф.Дж. *Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н.э.–VIII в. н.э.)*. Баку: Элм, 1986 [Mamedova F.J. *Political History and Historical Geography of Caucasian Albania (3rd century BC – 8th century AD)*. Baku: Elm, 1986 (in Russian)].

Манасерян Р.Л. Международные отношения на Переднем Востоке в 80–70-х годах до н.э. (Тигран II и войска с берегов Аракса). *Вестник древней истории*. 1992. № 1. С. 152–160 [Manaseryan R.L. International Relations in the Near East in the 80s–70s BC (Tigran II and Troops from the Coast of the Araks). *Journal of Ancient History*. 1992. No. 1. Pp. 152–160 (in Russian)].

Меликишвили Г.А. *К истории древней Грузии*. Тбилиси: издательство АН ГССР, 1959 [Melikishvili G.A. *On the History of Ancient Georgia*. Tbilisi: Izd-vo AN GSSSR, 1959 (in Russian)].

Муравьев С.Н. Птолемея карта Кавказской Албании и уровень Каспия. *Вестник древней истории*. 1983. № 1. С. 117–147 [Mouraviev S.N. Ptolemy's Map of Caucasian Albania and the Level of the Caspian Sea. *Journal of Ancient History*. 1983. No. 1. Pp. 117–147 (in Russian)].

Новосельцев А.П. К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании в античный период. *Кавказ и Византия*. Вып. I. Ереван: Издательство АН АрмССР, 1979. С. 10–18 [Novoseltsev A.P. On the Question of the Political Border between Armenia and Caucasian Albania in the Antique Period. *Caucasus and Byzantium*. Iss. I. Yerevan: Izd-vo AN ArmSSR, 1979. Pp. 10–18 (in Russian)].

Свазян Г.С. Снова о южной границе Албании (I в. до н.э. – сер. V в. н.э.). *Albania Caucasicca*. Вып. I. Отв. ред. А.К. Аликберов, М.С. Гаджиев. М.: ИВ РАН, 2015. С. 48–56 [Svazyan G.S. Again about the Southern Border of Albania (1st Century BC – mid 5th Century AD). *Albania Caucasicca*. Issue I. Eds. A.K. Alikberov, M.S. Gadjeiev. Moscow: IOS RAS, 2015. Pp. 48–56 (in Russian)].

Тревер К.В. *Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э. – VII в. н.э.* М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959 [Trever K.V. *Essays on the History and Culture of Caucasian Albania 4th Century BC – 7th Century AD*. Moscow – Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1959 (in Russian)].

Asheri D., Lloyd A., Corcella A. *A Commentary on Herodotus. Books I–IV*. Oxford: Oxford University Press, 2007.

Frye R.N. *The History of Ancient Iran*. München: C.H. Beck, 1984.

Gagoshidze I. Kartli in Hellenistic and Roman Times. General Aspects. *Iberia and Rome. The Excavations of the Palace at Dedoplist Gora and the Roman Influence in the Caucasian Kingdom of Iberia*. Furtwängler A., Gagoshidze I., Löhr H., Ludwig N. (eds). Langenweißbach: Beier & Beran, 2008. Pp. 1–40.

Geus Kl. Armenia in Ptolemy's Geography (ca. AD 150): A "Parody" of His Work? Some Corrections and Suggestions. *Electrum*. 2021. Vol. 28. Pp. 21–40.

Hewsen R.H. Introduction to Armenian Historical Geography II: The Boundaries of Achaemenid "Armina". *Revue des Études Arméniennes*. 1983. Vol. 17. Pp. 123–43.

Hewsen R.H. Introduction to Armenian Historical Geography III: The Boundaries of Orontid Armenia. *Revue des Études Arméniennes*. 1984. Vol. 18. Pp. 347–366.

Hewsen R.H. *Armenia: A Historical Atlas*. Chicago: University of Chicago Press, 2001.

Laghiashvili G. *The Yaloylutepe Culture in the Alazani Valley*. Tbilisi, 2016.

Maricq A. *Classica et Orientalia*: 5. Res Gestae Divi Saporis. *Syria*. 1958. T. 35. Fasc. 3–4. Pp. 295–360.

Thomson R.W. Introduction. *Agathangelos. History of the Armenians*. Translation and Commentary by R.W. Thomson. Albany: State University of New York Press, 1976.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БАЛАХВАНЦЕВ Арчил Савелич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Archil S. BALAKHVANTSEV, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080016664-7

К ВОПРОСУ О МОТИВАЦИИ ВТОРОГО ПОХОДА ПОМПЕЯ
В КАВКАЗСКУЮ АЛБАНИЮ

© 2021

Г.О. ГОШГАРЛЫ^а

^а – Институт археологии и этнографии НАНА, Баку, Азербайджан
ORCID: 0000-0002-8593-223; kkosshkarly@yahoo.com

Резюме: В 66–65 гг. до н.э. римский полководец Гней Помпей в ходе Митридатовых войн во время своей Кавказской кампании дважды вторгся на территорию Кавказской Албании. Это было первое появление римских легионеров на территории дальней кавказской страны, до этого знакомой римлянам только по косвенным известиям древних авторов. Если первое вторжение римлян в Албанию с территории Армении в 66 г до н.э. было неоднократно и подробно проанализировано в научной литературе, то второй поход римских войск, осуществленный после покорения Иберии в 65 г. до н.э., еще ждет своего объяснения исследователями. В немалой степени это было обусловлено необычным маршрутом войск Помпея в Албанию – не с территории Иберии, а обходным маршрутом опять-таки с территории Армении. В исторической литературе по данному вопросу доминирует вывод о том, что главной причиной второго похода Помпея в Кавказскую Албанию стало то, что в период пребывания Помпея в Колхиде и Иберии царь Албании Оройс нарушил заключенный им ранее с Помпеем мирный договор и, подняв восстание, снова стал готовиться к войне с римлянами, чем и спровоцировал новое вторжение римлян в эту страну. Однако детальный анализ событий, а также характер действий римлян и албан в период осуществления этого второго похода позволяет усомниться в исторической реальности данной причины и предположить иную мотивацию в качестве основной причины этого похода, а именно установить полный контроль Рима над транскавказским участком международной торговой трассы, известной в исторической литературе под названием «дорога Страбона».

Ключевые слова: Кавказская Албания, Помпей, Оройс, Парфия, Иберия, Алазани, Кура.

Для цитирования: Гошгарлы Г.О. К вопросу о мотивации второго похода Помпея в Кавказскую Албанию. *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 43–48. DOI: 10.31857/S086919080016664-7

ON THE REASON OF POMPEY'S SECOND CAMPAIGN
TO CAUCASIAN ALBANIA

© 2021

Qoshqar O. QOSHQARLI^а

^а – Institute of Archaeology and Ethnography,
Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan
ORCID: 0000-0002-8593-223; kkosshkarly@yahoo.com

Abstract: In 66–65 BC Roman commander Gnaeus Pompey during the Mithridates Wars and his Caucasian campaign twice invaded the territory of Caucasian Albania. This was the first appearance of Roman legionnaires in the territory of a distant Caucasian country, previously

familiar to the Romans only by the indirect news of ancient authors. If the first Roman invasion to Albania from the territory of Armenia in 66 BC was repeatedly and in detail analyzed in the scientific literature, the second campaign of the Roman troops, carried out after the conquest of Georgia in 65 BC, is still awaiting its explanation by researchers. To a large extent, this was due to the unusual route of Pompey's troops to Albania – not from the territory of Iberia, but again from the territory of Armenia. Such an opinion prevails in historical literature, that the reason of Pompey's second march to the Caucasian Albania is that when Pompey was in Colchis, Albania's king Oroys violated the peace treaty he had signed with Pompey, rebelled and began preparing for the new war with the Romans which led to the new intervention of the Romans in this country. However, detailed analysis of the events, as well as the acts of the Romans and Albanians during this second march gives reason to have some doubts on the historical reality of this cause and assume a desire, namely to take the complete control of the Transcaucasian area of the international trade route known in historical literature as the "Strabo's Path".

Key words: Caucasian Albania, Pompey, Oroys, Parthia, Iberia, Alazan, Kur.

For citation: Qoshqarlı Q.O. On the Reason of Pompey's Second Campaign to Caucasian Albania. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5. Pp. 43–48. DOI: 10.31857/S086919080016664-7

Следует отметить, что до похода римских войск под командованием Гнея Помпея в период Митридатовых войн на Южный Кавказ Албания и соседняя Иберия для средиземноморской римской цивилизации во многом оставалась ещё terra incognita. За исключением отрывчатых сведений о некоторых племенах этого региона, встречаемых у Геродота, Патрокла и других ранних авторов, чётких сведений у римлян об этих странах ещё не было. В 66–65 гг. до н.э. римский полководец Гней Помпей в ходе Митридатовых войн во время своей Кавказской кампании дважды вторгся на территорию Кавказской Албании. Это было первое появление римских легионеров на территории далекой кавказской страны, до этого знакомой римлянам только по косвенным известиям древних авторов.

В 66 г. до н.э. Помпей, разбив в битве у Дастира царя Понта Митридата VI, который сбежал в Колхиду, и подчинив Риму царя Армении Тиграна II, решил, прежде чем отправиться преследовать Митридата VI, разобраться с двумя государствами Южного Кавказа – Албанией и Иберией. Оба в период похода предшественника Помпея Лукулла помогли Понту и Армении и уже за это, с точки зрения Рима, должны были быть наказаны [Тревер, 1959, с. 88–90]. Осенью 66 г. до н.э. Помпей из Армении вторгся через Дилиджанское ущелье в пределы Албании в районе области Камбисена. Здесь в период зимовки римлян на берегу Куры произошло первое сражение между Помпеем и царём Албании Оройсом (Оройс). Эта завершившаяся победой римлян битва неоднократно подробно описана в научной литературе [Манандян, 1939, с. 70–82; 1943, с. 187–210; Тревер, 1959, с. 91–96; Алиев, 1992, с. 173–176; Расулова, 2008, с. 124–128]. После этого, заключив с царём Албании Оройсом мир, Помпей двинул свою армию в Иберию. Здесь быстро разбив царя Иберии Артока, который признал свою зависимость от Рима и передал Помпею в качестве заложников своих сыновей [Тревер, 1959, с. 97], он ушёл в Колхиду и вскоре прибыл в город Фасис, где его уже ждал прибывший сюда римский флот. Но Митридата VI здесь уже не было. Он успел уйти в Боспор. Как сообщают римские источники (Плутарх и Дион Кассий), в Фасисе Помпей получил известие о том, что албаны вновь готовятся к войне с ним, и из двух дилемм – завершить преследование Митридата VI или же отправиться вновь усмирять албанов, Помпей выбрал вторую. Но при этом он отправился в поход на Албанию не коротким путём через уже покорённую Иберию, а окружным – через Армению.

Исследователи по-разному объясняют столь странный маршрут. Сам Дион Кассий сообщает: «Он не пошёл самым прямым путём, но сначала повернул в Армению, чтобы таким поведением, принятым в связи с перемирием, застичь их врасплох» [Dio Cassius, *Hist. rom.*, XXXVII, 3, 3]. К.В. Тревер соглашаясь с выводом Диона Кассия тем не менее не отрицает и возможность других причин. В целом исследователи давно обратили внимание на то, что Помпей не очень-то активно и преследовал Митридата VI после его бегства из Понта и Армении. Возможно, он считал его уже не опасным для основных интересов Рима и по ходу этого преследования больше внимания уделял другим вопросам, а именно установлению римского контроля над Южным Кавказом с целью не допустить усиления влияния Парфии к северу от Атропатены. По мнению К.В. Тревер, такой окружной маршрут мог быть выбран Помпеем в связи с нежеланием раздражать Иберию, с которой недавно был заключён договор, т.к. новое вторжение могло нарушить хрупкий мир и превратить Иберию в союзника Албании [Тревер, 1959, с. 97]. К.В. Тревер не исключает и такой вариант, что Помпей вообще из Колхиды направлялся в Малую Азию, в Понт, а известие о действиях албанов застали его в районе Ганлиджи, откуда он и осуществил резкий поворот на восток в сторону Албании [Тревер, 1959, с. 97]. Анализ выдвинутых в источниках и на их базе в научной литературе версий позволяет предположить, что второй поход в Албанию Помпеем не планировался. Он собирался либо завершить преследование Митридата VI, либо, считая его уже не опасным для Рима, вернуться в Малую Азию, но эти планы были нарушены албанами, которые стали собирать армию и готовиться к новой войне с Помпеем.

Но в таком случае совершенно непонятна мотивация албанов. Если Помпей не собирался вторгаться в Албанию, зачем её царю Оройсу собирать армию для борьбы с ним?

Уже первое столкновение между албанами и Помпеем в 66 г. до н.э. на Куре показало абсолютное превосходство римлян над албанами в военной сфере, и албаны, учитывая это, должны были дорожить достигнутым с Помпеем миром и не провоцировать новое вторжение римлян в Албанию. Предположить, что Оройс сам собирался преследовать Помпея и с этой целью собирал армию с учётом военных и экономических возможностей Албании, абсолютно нереально. Скорее всего, причину второго вторжения Помпея в Албанию следует искать в иной сфере. В связи с этим мы хотим предложить свою версию исторической реконструкции этих событий.

Как уже отмечалось, после победы Помпея над албанами в битве на Куре и заключения с их царём Оройсом мира, Помпей вторгся в Иберию, а отсюда после победы над её царём Артоком он двинулся в Колхиду и вскоре прибыл в Фасис. Логично предположить, что путь римлян из Иберии в Колхиду проходил по уже веками «обкатанному» торговому маршруту, т.е. по иберо-колхидскому участку «дороги Страбона». Прибыв в Фасис, Помпей, скорее всего, лично убедился в том, какую большую роль в торговле с Центральной Азией, Индией и Китаем играла этот древнегреческий эмпорий. Не исключено и то, что наряду с многочисленными увиденными им здесь восточными товарами, он мог иметь контакты и с купцами из Центральной Азии, Индии и даже, возможно, из самого Китая. Наличие на рубеже двух эр в Фасисе постоянно функционирующих колоний торговых людей из Бактрии и Индии неоднократно отмечалось в научной литературе [Юсупов, 1984, с. 77–97; Тезджан, 2012, с. 142–158]. Вероятнее всего, именно в Фасисе Помпей принимает решение взять под контроль Рима и албанский участок «дороги Страбона». Это позволяло решить сразу две задачи. Во-первых, как уже отмечалось не допустить роста влияния Парфии на Южном Кавказе к северу от Атропатены, во-вторых, выйти на центрально-азиатский участок Великого шелкового пути, минуя Парфию.

Рассматривая маршрут второго похода Помпея в Албанию необходимо иметь в виду, что, если сообщения Кассия Диона и Плутарха о том, что Оройс собирал новую армию для

борьбы с легионами Помпея, соответствуют истине, то круговой маршрут из Фасиса через Хоспию в Армению с последующим резким разворотом через Дилижан в сторону Албании выглядит крайне нелогичным. Таким маршрутом Помпей сам предоставлял Оройсу необходимое время для подготовки к войне. Хорошо известно, что скорость и внезапность всегда были основными «козырями» военной стратегии и тактики Помпея. Но в данном случае Помпей вопреки логике и своим же военным принципам двинулся на Оройса не коротким и уже апробированным им путём из Колхиды в Иберию, а оттуда в Албанию, а выбрал вышестепенный окружной путь. Предположение К.В. Тревер, что «возможно, конечно, ещё одно объяснение: только что, закончив примирением борьбу с иберами, которым он нанёс несколько тяжёлых поражений, и получив в качестве заложников сыновей царя Артока, Помпей не считал возможным с войском снова появляться на территории Иберии и поэтому предпочёл дальний круговой путь через Армению» [Тревер, 1959, с. 97]. Но такое предположение выглядит крайне сомнительным и малоубедительным. Полностью разбитый Арток, отдавший в заложники Помпею своих сыновей, был окончательно нейтрализован, и ничего не мешало Помпею идти в Албанию этим коротким путём. Единственное, что терял Помпей, двигаясь в Албанию через Иберию, это фактор внезапности. Но при условии, что Оройс сам готовился к войне с Помпеем, такой фактор просто отсутствовал. Другое дело, если албаны не собирались воевать с Помпеем и соблюдали условия заключённого с римлянами мира. Тогда действия Помпея выглядят абсолютно закономерными. Двигаясь через Армению, он до последнего момента мог «маскировать» свои истинные намерения, а затем развернуть армию в районе Дилижана в сторону Албании и застигнуть Оройса врасплох. Подробно описывающий этот поход Помпея Дион Кассий именно это и отмечает: «Помпей ... тем временем направился против албанов. Он не пошел самым прямым путем, но сначала повернул в Армению, чтобы таким поведением, принятым в связи с перемирием, застичь их врасплох» [*Dio Cass.* XXXVII. 3. 3].

Маршрут Помпея по территории Албании и поведение албанов наглядно показывают неподготовленность албанов к новой войне с Помпеем. Римляне на этот раз, не встречая сопротивления, проникают вглубь Албании. При этом Помпей движется в зону, где Алазани впадает в Куру, т.е. к началу албанского участка «дороги Страбона». Оройс не пытается, как это было при первом походе Помпея, встретить римлян на границе своей страны, а лишь стремится, по сообщению Плутарха, задержать римлян сооружением частокола на левом берегу Куры в удобном для переправы войск месте [*Plut. Rompr.* 35]. Но летняя жара сделала Куру мелководной, и Помпей перешёл реку в другом месте. На длительном пути от Куры до реки Иори, а затем от Иори до Алазани Помпей не встречал сопротивления албанов. Всё это показывает, что сообщения римских авторов о подготовке албанов к новой войне с римлянами, что якобы и спровоцировало этот поход Помпея, не соответствуют действительности. По информации Плутарха, Помпей «получил известие о новом бунте албанов (Ἀλβανοὶ δὲ αὐτῆς ἀφεστῶτες αὐτῷ προσηγγέλθησαν). В раздражении и гневе Помпей повернул назад, против них; он снова перешёл реку Кирн – с трудом и подвергая войско опасности, ибо варвары возвели на реке длинный частокол. Т.к. ему предстоял долгий и мучительный путь на безводной местности, он приказал наполнить водой десять тысяч бурдюков» [*Plut. Rompr.* 35]. Не ясно, чем было вызвано это восстание албанов, против кого мог быть направлен этот мятеж, если Помпеем не были оставлены легионы в Албании.

Вероятнее всего, Плутарх и Дион Кассий были введены в заблуждение сообщениями Феофана Митиленского, спутника Помпея, сопровождавшего его в период всего Кавказского похода и оставившего не дошедшее до нас подробное описание этого похода, которое частично было использовано Страбоном и некоторыми другими римскими авторами. Скорее всего, именно Феофан Митиленский, стараясь снять с Помпея ответственность

за коварное нарушение заключённого с албанским царём Оройсом договора, переложил ответственность за его нарушение на самих албанов.

Только перейдя Алазани, т.е. достигнув глубоких внутренних регионов Албании, римляне встретились с албанским войском. Здесь в 65 г. до н.э. произошла вторая крупная битва римлян с албанцами, и вновь римляне одержали победу. К.В. Тревер, анализируя сообщения Диона Кассия об этой битве, обратила внимание на то, что римский историк отмечает численное превосходство войска Помпея над албанским в этом сражении [Тревер, 1959, с. 101]. В частности, он пишет: «Тогда Помпей очень захотел вовлечь Оройса в сражение, пока последний не узнал о численности римлян, т.к. боялся, что, узнав о ней, Оройс может отступить» [*Dio Cass.* XXXVII. 4. 1]. Плутарх, наоборот, сообщает, что албаны выставили против Помпея 60 тыс. пехоты и 12 тыс. всадников [*Plut. Romp.* 35], что по справедливому замечанию К.В. Тревер является явным преувеличением, служившим «для большего возвеличивания римского оружия» [Тревер, 1959, с. 99]. Из сообщения Диона Кассия следует, что на Алазани Помпей столкнулся с фактически наспех собранным и плохо вооружённым народным ополчением из горских племён, а Оройс с основной армией отошёл в горы. Ударной силой этого пешего в основном ополчения, в составе которого участвовали и женщины, была и многочисленная (12 тыс. всадников) конница под командованием брата Оройса Косиса (Κῶσις), призванная усилить ополчение. И именно разгром Помпеем этой конницы решил исход битвы на Алазани.

Эта победа открывала Помпею дорогу на столицу Албании Кабалу, но Помпей не стал штурмовать столицу Албании, а начал переговоры с Оройсом, который отправил Помпею письмо с признанием своего подчинения Риму, богатые дары и двух знатных заложников, которые впоследствии участвовали в триумфе Помпея в Риме [Тревер, 1959, с. 105]. Вслед за этим Помпей приступил к осуществлению главной цели своего второго похода в Албанию – добраться до Каспия по албанской части «дороги Страбона» и установить полный контроль Рима над этой международной торговой трассой на участке от Чёрного до Каспийского морей.

К сожалению, римские авторы, подробно описывающие события второго похода Помпея в Албанию, после его победы на Алазани очень скудно и противоречиво описывают последний этап этого похода, а именно попытку Помпея добраться до побережья Каспия. Согласно Плутарху, Помпей до Каспия не дошёл и повернул назад «из-за множества ядовитых пресмыкающихся, хотя находился от моря на расстоянии всего трёх дней пути» [*Plut. Romp.*, 36]. И исследователи в целом единодушны в том, что Помпей и его легионеры не увидели Каспия, хотя много позже Аммиан Марцеллин устами императора Юлиана (361–363) писал об обратном [*Amm. Marc.* XXIII. 5. 16].

Действительно, в летнее время в Мильской, Ширванской и Муганской степях много ядовитых змей. Но это вряд ли могло остановить легионы Рима, завоевавших половину ойкумены. По мнению В.И. Левиатова, повернуть назад Помпея заставило сопротивление албанов, но и эта версия выглядит малоубедительной, т.к. источники не сообщают о новых крупных столкновениях римлян с албанцами [Левиатов, 1950, с. 82]. Вероятнее всего, вернуться в Малую Азию, не дойдя до Каспия, Помпея заставило известие об изменении политической ситуации в Передней Азии.

Следует понимать, что походы Помпея, как и его предшественников Суллы и Лукулла в Переднюю Азию, нельзя рассматривать в отрыве от глобального противостояния Рима с Парфией, длившегося более трёх веков.

В начале похода Лукулла, а затем Помпея в Малую Азию и на Южный Кавказ парфянский царь Фраат III сохранял нейтралитет [Алиев, 1992, с. 35]. Он предпочитал избавиться от своих конкурентов в лице Митридата VI Евпатора и Тиграна II руками Рима. Но когда

цель была достигнута, Парфия не собиралась и дальше оставаться нейтральной и позволить Риму беспрепятственно установить прямые торговые связи с Центральной Азией, Индией и Китаем в обход Парфии. Пользуясь тем, что Помпей «увяз» в Албании Фраат III стал разорять области, подвластные армянскому царю Тиграну II, а фактически Риму, дошёл до Евфрата, а затем, вторгся в Кордуену, ставя под угрозу все военно-политические успехи Помпея на востоке Малой Азии [Джавадов, 1973, с. 14–15].

Вероятнее всего, именно это и вынудило Помпея срочно покинуть Албанию и сосредоточиться на борьбе с Парфией. Скорее всего, получив от Оройса твёрдые гарантии пропускать по «дороге Страбона» товары, предназначавшиеся для Рима, Гней Помпей покинул Албанию и вернулся в Малую Азию. Но с того времени Рим постоянно держал весь Южный Кавказ под своим контролем, защищая здесь свои военно-политические и торгово-экономические интересы, предпринимая и в последующем попытки контроля международных торговых путей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алиев К.Г. *Античная Кавказская Албания*. Баку: Азернешр, 1992 [Aliiev K.G. *Ancient Caucasian Albania*. Baku: Azerneshr, 1992 (in Russian)].

Джавадов И.Ш. *Кавказская Албания и международные отношения середины I в. до н.э.* Автореферат канд. дисс. М., 1973 [Javadov I.Sh. *Caucasian Albania and International Relations in the Mid of the 1st Century BC*. Abstract of the PhD Dissertation. Moscow, 1973 (in Russian)].

Левиатов В.И. Азербайджан с V в. до н.э. по III в. н.э. *Известия АН Азерб.ССР*. 1950. № 1. С. 65–92 [Leviatov V.I. Azerbaijan from the 5th Century BC to the 3rd Century AD. *News of the Academy of Sciences of Azerbaijan SSR*. 1950. No. 1. Pp. 65–92 (in Russian)].

Манандян Я.А. Круговой путь Помпея в Закавказье. *Вестник древней истории*. 1939. № 4. С. 70–82 [Manandian Y.A. Pompey's Circular Path in Transcaucasia. *Journal of Ancient History*. 1939. No. 4. Pp. 70–82 (in Russian)].

Манандян Я.А. *Тигран II и Рим*. Ереван: Издательство Арм. ФАН СССР, 1943 [Manandian Y.A. *Tigran II and Rome*. Yerevan: Armenian FAN SSSR, 1943 (in Russian)].

Расулова М.М. *Торгово-экономические и культурные связи Кавказской Албании с античным и эллинистическим миром*. Баку: Элм, 2008 [Rasulova M.M. *Trade, Economic and Cultural Ties of Caucasian Albania with the Ancient and Hellenistic World*. Baku: Elm, 2008 (in Russian)].

Тезджан М. Торговля с Востоком в эллинистический и римский периоды и борьба за восточно-западную торговлю на Кавказе. *Кавказ и Глобализация*. Т. 6. Вып. X. 2012. С. 142–158 [Tezjan M. Trade with the East in the Hellenistic and Roman Periods and the Struggle for East-West Trade in the Caucasus. *Caucasus and Globalization*. Vol. 6. No. X. 2012. Pp. 142–158 (in Russian)].

Тревер К.В. *Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э. – VII в. н.э.* М.-Л.: Издательство АН СССР, 1959 [Trever K.V. *Sketches on the History and Culture of Caucasian Albania. 4th Century BC – 8th Century AD*. Moscow – Leningrad: AN SSSR, 1959 (in Russian)].

Юсупов Х. Археологические памятники Узоя и проблемы водного пути из Индии в Каспий. *Туркмени в эпоху раннежелезного века*. Ашхабад: Ылым, 1984. С. 77–97 [Yusupov H. Archaeological Monuments of Uzboy and the Problems of the Waterway from India to the Caspian. *Turkmenistan in the Early Iron Age*. Ashkhabad: Ylym, 1984. Pp. 77–97 (in Russian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гошгарлы Гошгар Орудж оглы – доктор философии по истории, заведующий отделом «Археологическая служба» Института археологии и этнографии НАНА, Баку, Азербайджан.

Qoshqar O. QOSHQARLI, PhD (History), Head of Archeological service department, Institute of Archaeology and Ethnography, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan.

DOI: 10.31857/S086919080016928-7

ОБ ОДНОЙ ДЕТАЛИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА АНТИЧНОЙ КАБАЛЫ

© 2021

Дж.Т. ЭМИНЛИ^а, Э.А. ИСКЕНДЕРОВ^б

^а – Институт археологии и этнографии НАНА, Баку, Азербайджан
ORCID: 0000-0003-2144-755X; ceminli@mail.ru

^б – Институт археологии и этнографии НАНА, Баку, Азербайджан
ORCID: 0000-0002-8000-1008; emil-iskenderov@mail.ru

Резюме: *Статья посвящена рассмотрению и интерпретации своеобразной детали погребального обряда, наблюдаемой на могильниках античного времени в исторической округе Кабалы – столицы Кавказской Албании. Внимание уделено обнаруженным в захоронениях среди погребального инвентаря керамическим сосудам с преднамеренно сделанными отверстиями. Сосуды с отверстиями выявлены в могильниках Узунтала и Гушлар в грунтовых могилах I в. до н.э. – I в. н.э. с погребениями в скорченной позе на боку, а также в катакомбном погребении Сальбира I–III вв. н.э. В погребениях №№ 3–7 Узунтала однотипные сосуды имели отверстия в центре дна и были положены в могилу вверх дном. Подобный обычай наблюдался в грунтовом захоронении в скорченной позе на боку могильника Тепебаши (Шекинский район) того же времени. В погребении № 5 могильника Узунтала и в погребении № 3 могильника Гушлар были найдены вазы с отломанной ножкой и отверстием в дне. В катакомбном захоронении Сальбира I–III вв. н.э. две однотипные вазы имели крупные отверстия на боку корпуса. Указанная деталь погребального обряда, носящая специфический характер, эпизодически прослеживается на территории Азербайджана уже с эпохи бронзы и продолжала существовать вплоть до эпохи поздней античности. Эта деталь погребального обряда Кавказской Албании находит аналоги в погребальных памятниках Дагестана этого и более позднего времени и позволяет говорить о существовании ритуала, который проводился во время погребальной церемонии и отражал какие-то религиозные представления, связанные с похоронной идеологией. Авторы статьи полагают, эти сосуды должны были, по бытовавшим верованиям, служить для «исхода души» покойного и не имеют связи с обычаем порчи инвентаря. При этом не исключается возможность захоронения в этих сосудах органа тела покойника, связанного в религиозных представлениях древнего населения с человеческой душой (сердце, печень, глаза?) или воплощавшего ее.*

Ключевые слова: Кавказская Албания, Кабала, погребальный обряд, сосуды с отверстиями.

Для цитирования: Эминли Дж.Т., Искендеров Э.А. Об одной детали погребального обряда античной Кабалы. *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 49–58. DOI: 10.31857/S086919080016928-7

ABOUT ONE DETAIL OF FUNERAL RITE OF ANCIENT QABALA

© 2021

Jeyhun T. EMINLI^a, Emil A. ISKENDEROV^b

^a – Institute of Archaeology and Ethnography,
Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan
ORCID: 0000-0003-2144-755X; ceminli@mail.ru

^b – Institute of Archaeology and Ethnography,
Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan
ORCID: 0000-0002-8000-1008; emil-iskenderov@mail.ru

Abstract: *This article is devoted to the consideration and interpretation of a peculiar detail of the funeral rite observed at the cemeteries of ancient period in the historical region of Qabala – the capital of Caucasian Albania. Attention is focused on ceramic vessels with intentionally made holes, which were revealed in the burials among the grave goods. The vessels with holes were found in the ground burials of Uzuntala and Gushlar cemeteries of the 1st century BCE – 1st century CE, along with skeletons in a contracted position on their sides; as well as in the catacomb burial of Salbir, dating to the 1st–3rd centuries CE. In burials nos. 3–7 of Uzuntala, vessels of this type had holes in the center of their bases, and were placed upside down in the grave. In the catacomb burial of Salbir, 1st–3rd centuries CE, two vases of the same type had large holes on the side of the body. The specific detail of the funeral rite, which is of a particular nature, has been episodically traced in the territory of Azerbaijan since the Bronze Age and continued to exist until the Late Antique period. It allows us to talk of the existence of a ritual that was carried out during the funeral ceremony and reflected some religious ideas associated with the funeral ideology. The authors of the paper suppose that these vessels should, according to prevailing beliefs, symbolize the “exodus of the soul” of the deceased and have no connection with the custom of damage to the inventory.*

Keywords: Caucasian Albania, Qabala, burial rite, vessels with hole.

For citation: Eminli J.T., Iskenderov E.A. About One Detail of the Funeral Rite of Ancient Qabala. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5. Pp. 49–58. DOI: 10.31857/S086919080016928-7

Как известно, столицей Кавказской Албании до раннего средневековья (до второй пол. V в. н.э.) являлся город Кабала, который Плиний Старший называет «*praevalent oppida Alabaniae Cabalaca*» – «первенствующий (главный) город Албании Кабалака» [Plin. NH. VI. 29]. Остатки античного городища Кабалы расположены вблизи современного села Чухур Кабала (азерб. Çuxur Qəbələ), где с 1967 г. ведутся стационарные археологические исследования [Бабаев, 1990, с. 19], особенно активизировавшиеся с 2006 г. [Babayev, 2012, p. 81–102].

В результате многолетних археологических исследований, проводимых на территории античного городища Кабалы и в его исторической округе, было исследовано несколько могильников с разнотипными захоронениями (рис. 1)¹. Здесь были выявлены грунтовые, кувшинные, ванночные и катакомбные погребения, датируемые последними веками до н.э. – первыми веками н.э. Такое многообразие погребальных сооружений, очевидно, объясняется, с одной стороны, различиями в религиозно-идеологических представлениях (погребальной идеологии) населения этой зоны, с другой, его этническим разнообразием.

¹ Рисунки 1–5 находятся на цветной вклейке.

При этом необходимо учитывать и иные факторы, а именно: половозрастной, социально-статусный и др.

Несмотря на различия в такой ведущей черте погребальной обрядности, как погребальная конструкция, для различных типов захоронений характерны и объединяющие их общие черты обряда. К таковым, в частности, можно отнести положение умершего скорченно на правом или левом боку, сходство в погребальном инвентаре, использование в похоронном ритуале огня, заклание жертвенного животного, совершение поминальной тризны, обозначающие общие близкие, общие религиозные верования, связанные с похоронно-погребальными обычаями. Вместе с тем в отдельных захоронениях наблюдаются своеобразные детали погребальной обрядности, которые не получили повсеместного распространения, но отражают определенные религиозные представления, которые не всегда удается установить. Одной из таких редко встречающихся деталей погребального обряда является положение в могилу вместе с другим инвентарем керамических сосудов с преднамеренно пробитыми отверстиями, которые делались на корпусе или дне сосуда.

Указанный обычай устройства в сосуде сквозного отверстия был прослежен, в частности, в нескольких погребениях могильника Узунтала, расположенного близ с. Солтаннуха, в 3,5 км к СВ от античного городища Кабалы. Отметим, что Узунтала (в пер. с азерб. – «Длинная поляна») – низменная удлинённая местность, охватывающая значительную территорию и ограниченная с востока и запада лощинами и оросительными каналами. Еще в 1980-х гг. на этой территории проводились археологические раскопки, в результате которых были найдены база колон и кровельная черепица античного периода, а также расчищено одно грунтовое погребение [Qədirov, 1981, с. 15–34]. После долгого перерыва на могильнике в 2009 г. вновь были проведены раскопки, в ходе которых было расчищено два погребения [Искендеров, 2010, с. 41–46]. Кроме этого, тогда же при проведении оросительного канала здесь был найден бронзовый шлем, очевидно, происходящий из разрушенной могилы, что вызвало интерес к проведению дальнейших исследований на могильнике. Заметим, что аналогичный шлем был найден в 1965 г. в районе г. Ахсу [Османов, 1972, с. 71–75; 1982, с. 139, табл. VI; Osmanov, 2006, s. 8].

Однако раскопки на могильнике вновь были возобновлены только в 2014 г. и тогда здесь было вскрыто семь погребений, совершенных в грунтовых ямах [Eminli, Iskandarov, 2016, p. 105–113]. Три из них были парные, остальные одиночные. На основе анализа погребального инвентаря выявленные захоронения могильника были датированы I в. до н.э. – I в. н.э.

Интересующие нас сосуды с преднамеренно пробитыми отверстиями в могильнике Узунтала встречены в погребениях №№ 3, 4, 5, 6 и 7. Приведем краткую характеристику этих погребений.

Погребение № 3 (рис. 2, 1) представляло обширную грунтовую яму размерами 1,9×3,5 м, следов перекрытия которой обнаружено не было. В могиле было совершено парное захоронение – основное и сопровождающее погребения. Причем, основное захоронение принадлежало ребенку в возрасте 9–11 лет, скелет которого находился в скорченном положении на правом боку, головой на СЗ. В северной части погребальной камеры находился еще один скелет подростка в возрасте 12–15 лет, положенный в той же позе скорченно на правом боку, но головой на ЮВ так, что оба захоронения почти были обращены головами друг к другу. Погребальный инвентарь второго захоронения состоял только из одной бронзовой изогнутой булавки, тогда как основное детское захоронение выделялось относительным богатством и многочисленностью погребального инвентаря, включавшего разнообразную керамическую посуду, железный наконечник копья, серповидный железный нож, стеклянные бусы, бронзовые гривны, браслеты и кольца. В могильной яме прослеживались следы ритуала, связанного с огнем. В ногах основного захоронения располагались остатки скеле-

тов четырех жертвенных овец. Отдельные кости животных имелись внутри сосудов, под и между сосудами. Керамические сосуды были уложены в погребение без какой-либо системности, они были сконцентрированы к СЗ и ЮЗ от скелета ребенка, т.е. в изголовье и так, что погребенный был как бы обращен к посуде с напутственной пищей. В погребальную камеру всего было уставлено 36 сосудов, в том числе 13 – светлого обжига и 23 – темного обжига. Один из сосудов был поставлен в 35 см от лицевых костей ребенка – он лежал вверх дном, в центре которого имелось преднамеренно сделанное узкое отверстие. Именно наличие отверстия на дне сосуда диктовало положение сосуда. Сосуд горшковидной формы, одноручный (ручка была отломана в древности), широкоустный [Eminli, Iskandarov, 2016, p. 107–109] (рис. 6, 1). Отверстие в сосуде было сделано, очевидно, непосредственно перед установлением его в могилу.

Погребение № 4 также представляло захоронение в крупной грунтовой яме, границы которой проследить не удалось, но, судя по расположению погребального инвентаря, она имела размеры около 1,2×2,8 м. Сохранность скелета была неудовлетворительной, но по сохранившимся *in situ* отдельным костям, можно считать, что умерший ребенок (пол и возраст не установлены) был уложен в скорченном положении на правом боку, головой на СЗ. Как и в погребении № 3, керамические сосуды светлого и темного обжига были установлены перед погребенным и в изголовье. Погребальный инвентарь состоял из 35 керамических сосудов и каменной ступки. Внутри сосудов и между ними на уровне пола камеры имелись различные кости мелкого рогатого скота. Один из сосудов, близкий по форме горшкообразному сосуду из погр. № 3, но меньшего размера, имел отверстие на дне в центре и был положен дном вверх (рис. 6, 2). Рядом с указанным сосудом лежал целый череп животного [Eminli, Iskandarov, 2016, p. 109–110]. Сосуд с отверстием был установлен в центре поставленных в одну линию сосудов параллельно погребенному. Отверстие в сосуде также было сделано, очевидно, в процессе погребального ритуала, как и в погр. № 3.

Погребение № 6 (рис. 2, 2) было осуществлено в яме размерами около 0,9×2,0 м. Скелет подростка (пол и возраст не установлены) находился в скорченном положении на правом боку, головой на СЗ (рис. 2, 2). Керамические сосуды, также светлого и темного обжига, были бессистемно установлены перед погребенным, в изголовье и в ногах. Здесь также внутри сосудов и между ними на уровне пола камеры были обнаружены различные кости мелкого рогатого скота. В западной части погребения под скоплением керамических сосудов было зафиксировано скопление костей животных, т.е. сосуды были уложены в могилу поверх напутственной (или жертвенной) мясной пищи. В ногах погребенного также был установлен вверх дном одноручный кувшин с высоким широким горлом (рис. 6, 3), и также имевший отверстие в центре дна [Eminli, Iskandarov, 2016, p. 111–112].

Погребение № 7 представляло захоронение в узкой яме размерами 0,4×1,3 м, вытянутой по направлению СЗ–ЮВ. Несмотря на неудовлетворительную сохранность детского скелета, определено, что ребенок был положен в слабо скорченной позе на правом боку, головой на СЗ. Погребальный инвентарь состоял из 8 различных керамических сосудов. У юго-восточной поперечной стенки камеры был положен горловиной вниз керамический сосуд (рис. 6, 4) с отверстием в центре дна [Eminli, Iskandarov, 2016, p. 112–113], почти аналогичный сосуду из погр. № 4.

Таким образом, в четырех погребениях из семи могильника Узунтала были обнаружены сосуды, поставленные дном вверх и с отверстием в центре дна. Обращает внимание, что все захоронения осуществлены по единому (несмотря на мелкие различия) погребальному обряду в грунтовых ямах, в скорченном положении на правом боку, с ориентацией головой на СЗ, и все они принадлежат подросткам, вероятно, еще не прошедшим обряд инициации, не перешедшим в новую социально-возрастную категорию. Отметим, что захоронения в

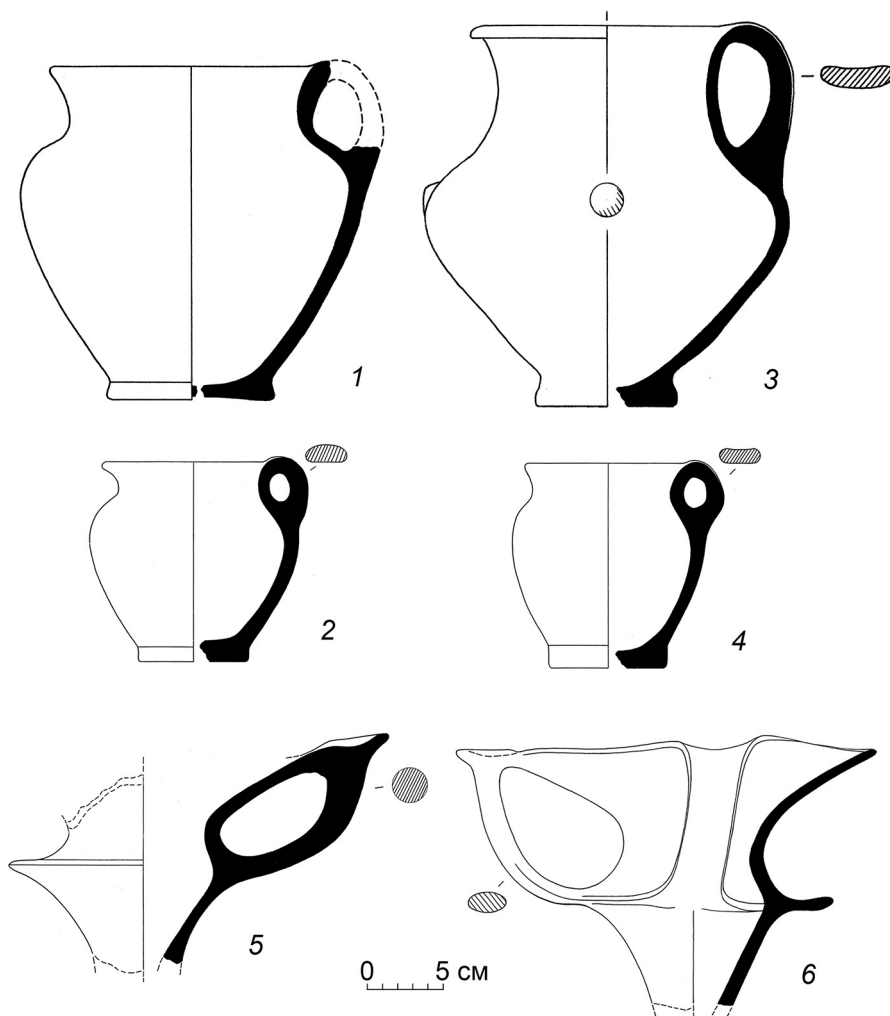

Рис. 6. Сосуды с отверстиями: 1 – Q.S.N.2014. No.12, Узунтала, погр. № 3; 2 – Q.S.N.2014. No.93, Узунтала, погр. № 4; 3 – Q.S.N.2014. No.125, Узунтала, погр. № 6; 4 – Q.S.N.2014. No.147, Узунтала, погр. № 7; 5 – Q.S.N.2014. No.103, Узунтала, погр. № 5; 6 – inv. No. 35, Гушлар, погр. № 3.

Fig. 6. The vessels with holes: 1 – Q.S.N.2014. No.12, Uzuntala, burial No. 3; 2 – Q.S.N.2014. No.93, Uzuntala, burial No. 4; 3 – Q.S.N.2014. No.125, Uzuntala, burial No. 6; 4 – Q.S.N.2014. No.147, Uzuntala, burial No. 7; 5 – Q.S.N.2014. No.103, Uzuntala, burial No. 5; 6 – inv. No.35, Gushlar, burial No. 3.

ямах в скорченном положении на боку – характерный и распространенный обряд погребений в Кавказской Албании античного времени.

По имеющимся на сегодня данным, трудно судить об ареале и степени распространения отмеченной выше детали погребальной обрядности на территории Кавказской Албании. Кроме Кабалы этот обряд был зафиксирован в Шекинской зоне, т.е. в соседней с Кабалой исторической области Кавказской Албании [Muxtarov, 2014, s. 6–7]. Здесь в 2014 г. во время раскопок на могильнике Тепебаши, расположенном близ сел. Фазыл, было исследовано грунтовое погребение, датируемое I в. до н.э. – I в. н.э., аналогичное по обрядности захо-

ронениям могильника Узунтала – погребенный был похоронен в яме, в скорченной позе на правом боку, головой на СЗ. В состав погребального инвентаря входили пять керамических сосудов и фрагменты железного наконечника копья. Четыре сосуда располагались у колен и в ногах погребенного, а один сосуд был установлен напротив лица (лицевых костей) умершего дном вверх и имел отверстие в центре дна (рис. 5). Таким образом, мы наблюдаем полное повторение обрядности, прослеженной в могильнике Узунтала.

В могильниках Кабалы встречаются и другие вариации этого обычая. В частности, в некоторых случаях отверстие было не перфорировано, а пробито и сделано сломом. Следует отметить, что сосуды с такой вариацией обычая, отличаются по форме от сосудов вышерассмотренных погребений.

Эта вариация наблюдается в том же могильнике Узунтала, в грунтовом погребении № 5, в котором сосуд в форме широкоустной вазы, нижняя часть которого в древности отломана, образуя отверстие, был поставлен вверх дном [Eminli, Iskandarov, 2016, p. 110], (рис. 3, 1; 6, 5). Также в могильнике близ сел. Гушлар в 8 км к ЮЗ от Чухур-Кабалы в грунтовой могиле в яме, в которой взрослый погребенный был захоронен в скорченном положении на правом боку, головой на запад, в сопровождении нескольких керамических сосудов и железного кинжала с кольцевым навершием, один из сосудов – двуручная широкоустная ваза, положенная на боку в изголовье – имел отбитое основание с образовавшимся вследствие поломки отверстием [Eminli, Iskandarov, 2017, p. 159–160] (рис. 3, 2; 6, 6).

Сосуды с пробитыми отверстиями на корпусе были обнаружены в катакомбном погребении, выявленном при работах в северной части городище Кабала, именуемой Сальбир, территория которой обживалась в I–XI вв. [Seonbok et al., 2015, p. 62]. Само катакомбное погребение датируется I–III вв. В погребальной камере полностью отсутствовали остатки скелета. Погребальный инвентарь состоял в основном из керамических сосудов, среди которых особое внимание привлекают два почти аналогичных по форме сосуда – характерные для указанного времени двуручные вазы на высокой узкой ножке с широким основанием с раздутым корпусом и раструбовидным широкоустным горлом. В отличие от других сосудов, которые были поставлены вертикально на полу камеры, эти вазы были уложены на боку в горизонтальном положении рядом друг с другом. На корпусе обоих сосудов в месте наибольшего расширения тулова имелись крупные отверстия, пробитые каким-то орудием (рис. 4).

Приведенные материалы свидетельствуют о существовании на территории Кавказской Албании в античный период обычая проделывания отверстия в отдельных керамических сосудах, входящих в состав погребального инвентаря. Причем, в одних случаях мы наблюдаем пробивание отверстия каким-то предметом, в других – просверливание отверстия. Также, на основании данных могильника Узунтала, в котором этот обычай наблюдался в 4 из 7 погребений, мы можем, несмотря на небольшую выборку, говорить об определенной распространенности этого обычая, его систематической встречаемости, приобретающей признак характерной детали погребального обряда в захоронениях подростков. Обращает внимание и то, что в каждом из таких погребений представлен один сосуд с отверстием, несмотря на относительно большое количество керамической посуды в том или ином захоронении. Другая черта, связанная с данной категорией сосудов, это установка сосудов с просверленными отверстиями вверх дном, а сосудов с пробитыми или сделанными в результате специальной поломки отверстиями на боку.

Приведенные материалы позволяют говорить о существовании ритуала, проводимого в процессе похоронно-погребальной обрядности и имеющего в своей основе какие-то религиозные представления, связанные с погребальной идеологией. Но какова смысловая нагрузка этой обрядности, что именно символизировало наличие в погребениях таких сосудов с отверстиями, какие религиозные верования отражал этот обычай?

Сосуды с отверстиями изредка встречаются в погребальных памятниках Азербайджана эпохи бронзы [Hüseynov, 2009, s. 5, 13; Ибрагимли, 2015, с. 50] и последующих эпох. Но особенно важны данные по синхронным объектам на сопредельных территориях.

Керамические сосуды с отверстиями эпизодически встречаются в памятниках Дагестана албано-сарматского периода (III в. до н.э. – IV в. н.э.) [Бакушев, 2005, с. 42–50; 2008, с. 130–141], в том числе его южной части, очевидно, входившей в состав Кавказской Албании. Ритуальный амфоровидный двуручный чернолощенный сосуд с крупным округлым отверстием на сферическом тулове был обнаружен в погр. № 13 Таркинского могильника первых веков н.э. – он находился в ногах скелета вместе с девятью другими сосудами [Крупнов, 1951, с. 219]. Рядом с погребением № 2 II–I вв. до н.э. Хабадинского могильника был найден кувшин-ойнохоя, лежавший на жертвеннике, с пробитым на тулове прямоугольным отверстием, сделанным, видимо, ударом ножа или кинжала [Бакушев, 2005, с. 42, 50, рис. 1, 12]. В предгорной зоне Южного Дагестана, памятники которого тяготеют к памятникам Северо-восточного Азербайджана, также обнаружены керамические сосуды с отверстиями, входившие в состав погребального инвентаря: в погребении № 4 Сиртичского могильника рубежа эр найден сосуд с отверстием на дне, а в погребении № 72 последних веков до н.э. Шаракунского могильника – кувшинчик-поильник с трубчатой ручкой с пробитым отверстием на тулове [Бакушев, 2005, с. 42–44, рис. 1, 11; 2008, с. 132–133]. В ямном одиночном захоронении Хучнинского могильника, датированном первыми веками н.э., среди различного погребального инвентаря также был представлен серолощенный кувшин с пробитым на тулове отверстием (информация проф. М.С. Гаджиева; см.: [Гаджиев, 1986, с. 79, 89, прим. 64]). В грунтовых ямных погребениях №№ 1 и 6 Дербентского могильника рубежа III–IV вв. также были найдены кувшины с пробитыми заостренным предметом маленькими отверстиями [Кудрявцев, Гаджиев, 1991, с. 89, 107, 109, рис. 2, 2, 16, 4]. Встречаются такие сосуды с отверстиями и в погребениях Дагестана IV–V вв. [Бакушев, 2005, с. 44; 2008, с. 133].

Таким образом, приведенные данные указывают на наличие этой детали погребального обряда в памятниках Дагестана албано-сарматского и гуннского времени. Факты находок керамических сосудов с пробитыми отверстиями на территории Дагестана рассматривались исследователями в контексте выявленного обычая ритуальной порчи предметов погребального инвентаря, который имел распространение у многих народов Евразии, в т.ч. Кавказа. Ритуальной порче подвергались различные предметы погребального инвентаря – керамика, оружие, украшения и др. М.А. Бакушев, который посвятил специальную статью и отдельный параграф книги обычая порчи инвентаря в дагестанских памятниках указанного времени [Бакушев, 2005, с. 42–50; 2008, с. 130–141], также привел и некоторые сравнительные материалы с территории Азербайджана. В частности, он сослался на мнение К.Г. Алиев, который говоря о религиозных представлениях населения Кавказской Албании, отмечал, что «пробиваемые небольшие отверстия в кувшинах в момент захоронения были результатом представлений о беспрепятственном выходе духа умершего из погребения» [Алиев, 1974, с. 342]. Почему-то М.А. Бакушев посчитал, что речь идет о сосудах из грунтовых погребений Албании [Бакушев, 2005, с. 46; 2008, с. 137], тогда как К.Г. Алиев имел в виду не кувшины, положенные в могилу вместе с прочим погребальным инвентарем, а собственно погребальные кувшины, т.е. захоронения в больших пифосах-*кюпах* или, как их именуют, кувшинные погребения – ниже по тексту он отмечал, что для «исхода души» «на верхней стороне уложенного на бок погребального кувшина пробивалось небольшое отверстие, прикрываемое осколком керамического изделия» [Алиев, 1974, с. 344].

Отверстия, пробитые в погребальных кувшинах, отмечались многими исследователями, которые и давали свою трактовку этой детали погребального обряда. С.М. Казиев при описании мингечаурских могильников отмечал, что в основном кувшинные погребения

с отверстиями характерны для мужских захоронений и связывал их наличие «с каким-то первобытным верованием» [Казиев, 1949, с. 32]. С религиозно-культурными представлениями связывали эти отверстия в погребальных кувшинах и другие исследователи [Халилов, 1985, с. 79].

Как нам представляется, возможно, в представлениях древнего населения существовала идея исхода души «со стороны ног», ближе к которым и располагались отверстия в кувшинных погребениях. Подтверждением этой идеи может служить, в частности, кувшинное погребение № 3 могильника Нюди, в котором находился полуистлевший скелет ребенка. Детское тело было уложено в погребальный кувшин как обычно в скорченном положении, но головой ко дну, что наблюдается редко. Ближе к месту, где располагались остатки таза и ног погребенного ребенка, и было сделано в сосуде отверстие, что автор раскопок также связывал с религиозными представлениями [Osmanov, 2006, s. 51].

Как представляется, отверстия на керамических сосудах, входивших в состав погребального инвентаря в грунтовых ямных захоронениях, и отверстия на погребальных кувшинах, предназначенных для захоронения умершего, несмотря на различие в предназначении этих сосудов, служили одной идее.

Подводя итоги, отметим, что в числе различных деталей погребальной обрядности населения Кавказской Албании и, в частности, исторической округи Кабалы, наблюдается обычай преднамеренного устройства отверстия (путем сверления, пробивания, слома основания-ножки) в отдельных керамических сосудах. При этом наблюдается некоторая закономерность, на которую обращалось внимание: в частности, сосуды, установленные вверх дном и с просверленным отверстием в центре дна, относятся к одному типу (одно-ручные горшковидные сосуды); сосуды, в которых отверстия делались путем пробивания корпуса или слома основания-ножки, укладывались на бок и относятся к типу ваз на ножках. Обращает внимание, что в погребениях представлено только по одному сосуду с отверстием.

Отверстия во всех сосудах были сделаны после их изготовления и, очевидно, во время похоронно-погребальной церемонии. Как мы полагаем, эти сосуды, как и погребальные кувшины с отверстием, должны были, по верованиям древних, служить для исхода души покойного. Идея исхода «души вещи» [Гаджиев, 1986, с. 85] и связь таких сосудов с обычаем порчи инвентаря, нам представляется не совсем верной. Погребальный инвентарь, в том числе керамическая посуда, укладывался в могилу, по бытовавшим верованиям, с целью их перемещения с погребенным в иной, загробный, потусторонний мир. При этом не проясненным остается вопрос, почему не подвергался порче весь погребальный инвентарь, а только его некоторые категории, отдельные предметы. Другой версией, объясняющей устройство отверстий в некоторых сосудах и к которой мы относимся с осторожностью, может быть идея о том, что эти сосуды предназначались для хранения души умершего, т.е. какого-то органа человеческого тела, связанного в представлениях древнего населения с человеческой душой (сердце, печень или глаза?) или олицетворявшего ее. Обе высказанные нами версии взаимосвязаны.

Рассмотренная интересная и неординарная деталь погребальной обрядности проливает определенный свет на религиозно-идеологические представления, связанные похоронно-погребальными обычаями и ритуалами, и дальнейшее накопление археологического материала, углубленное изучение погребальных памятников позволит нам шире представить духовную культуру и домонотеистические воззрения древнего населения Кавказской Албании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алиев К.Г. *Кавказская Албания (I в. до н.э. – I в. н.э.)*. Баку: Элм, 1974 [Aliev K.G. *Caucasian Albania. (1 cent. BCE – 1 cent. CE)* Baku: Elm, 1974 (in Russian)].
- Бабаев И.А. *Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. – III в. н.э.* Баку: Элм, 1990 [Babayev I.A. *Cities of Caucasian Albania in 4th Cent. BCE – 3rd Cent. CE.* Baku: Elm, 1990 (in Russian)].
- Бакушев М.А. Обряд порчи инвентаря в погребальных памятниках Дагестана албано-сарматского времени. *Вестник Института истории, археологии и этнографии*. № 3. 2005. С. 42–50 [Bakushev M.A. Rite of Inventory Spoilage in Burial Grounds of Daghestan of the Albanian-Sarmatian period. *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. No. 3. 2005. Pp. 42–50 (in Russian)].
- Бакушев М.А. *Погребальный обряд населения Дагестана албано-сарматского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.)*. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2008 [Bakushev M.A. *Funeral Rite of the Population of Daghestan of the Albanian-Sarmatian time (4th Cent. BCE – 3rd Cent. CE.)*. Rostov-on Don: Rostizdat, 2008 (in Russian)].
- Гаджиев М.С. Погребальные памятники Южного Дагестана позднеалбанского и раннесредневекового времени (I–VII вв.). *Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана*. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1986. С. 71–89. [Gadjiev M.S. Burial Monuments of Southern Daghestan of the Late Albanian and Early Medieval Times (1st-7th Centuries). *Rites and Cults of the Ancient and Medieval Population of Daghestan*. Makhachkala: Daghestan branch of the Academy of sciences of the USSR, 1986. Pp. 71–89 (in Russian)].
- Ибрагимли Б. О погребальных памятниках Нахчывана эпохи поздней бронзы и раннего железа. *Azərbaycan arxeologiyası*. № 1. 2015. С. 47–60 [Ibragimli B. On the Burial Grounds of Nakhchivan of the Late Bronze and Early Iron Ages. *Azerbaijan Archaeology*. No. 1. 2015, Pp. 47–60 (in Russian)].
- Искендеров Э.А. Античные погребения с. Толы, близ городища Кабалы. *Azərbaycan Arxeologiyası və Etnoqrafiyası*. № 2. 2010. С. 41–46 [Iskenderov E.A. Antique Burials in the Village Tola, Near the Settlement of Cabala. *Azerbaijan Archaeology and Ethnography*. No. 2. 2010. Pp. 41–46 (in Russian)].
- Казиев С.М. Археологические раскопки в Мингечауре. *Материальная культура Азербайджана*. Т. I. Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1949. С. 9–49 [Kaziev S.M. Archaeological Excavations in Mingechevir. *Material Culture of Azerbaijan*. Vol. I. Baku: Academy of sciences of Az.SSR, 1949. Pp. 9–49 (in Russian)].
- Крупнов Е.И. Новый памятник древних культур Дагестана. *Материалы и исследования по археологии СССР*. № 23. 1951. С. 208–225 [Krupnov E.I. New Monument of Ancient Cultures of Daghestan. *Materials and Studies on Archeology of the USSR*. No. 23. 1951. Pp. 208–225 (In Russian)].
- Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. Погребальные памятники Дербента позднеалбанского времени (по материалам раскопа XIV). *Горы и равнины Дагестана в древности и средние века*. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1991. С. 87–115 [Kudriavtsev A.A., Gadjiev M.S. Burial Monuments of Derbent during Late Albanian Time (On the basis of the XIV excavation). *Mountains and plains of Daghestan in Antiquity and the Middle Ages*. Makhachkala: Daghestan branch of the Academy of sciences of the USSR, 1991. Pp. 87–115 (in Russian)].
- Османов Ф.Л. Бронзовый шлем, найденный в Ахсунском районе Азербайджанской ССР. *Доклады АН Азерб. ССР*. XXXVIII.1. 1972. С. 71–75 [Osmanov F.L. A Bronze Helmet Found in the Akhsu Region of the Azerbaijan SSR. *Reports of the Academy of Sciences of Azerbaijan SSR*. XXXVIII.1. 1972. Pp. 71–75 (in Russian)].
- Османов Ф.Л. *Гафгаз Албанијасынын мадди мәдәнијјәти (е. э. IV – б. э. III әсрләри)*. Баку: Elm, 1982 [Osmanov F.L. *Material Culture of Caucasian Albania (4th cent. BCE – 3rd cent. C.E.)* Baku: Elm, 1982 (in Azerbaijani)].
- Халилов Дж. А. *Материальная культура Кавказской Албании. IV в. до н.э. – III в. н.э.* Баку: Элм, 1985. [Khalilov J.A. *Material Culture of Caucasian Albania. 4th cent. BCE – 3rd cent. C.E.* Baku: Elm, 1985 (in Russian)].

Babayev I.A. The Archaeological Excavation Report of the Ancient Site, Gabala, 2006. *Reports of the Gabala Archaeological Expedition (2005–2010)*. Baku: CBS, 2012. Pp. 81–102.

Eminli J., Iskandarov E. Report on the Archaeological Investigations in the 5th Excavation Area of the Selbir Site and in the Village of Soltannukha, Gabala in 2014. *The Gabala Archaeological Expedition: Reports, Findings 2014*. Baku: CBS, 2016. Pp. 102–127.

Eminli J., Iskandarov E. Report on the Archaeological Investigations in Gabala in 2016 (the 3rd Excavation Area of the Selbir Site, Investigation of the Ancient Burials in the Village of Gushlar). *The Gabala Archaeological Expedition: Reports, Findings 2015–2016*. Baku: CBS, 2017. Pp. 156–171.

Hüseynov M.M. Goranboy Muncuqlutərə nekropolu. *Azərbaycan Arxeologiyası və Etnoqrafiyası*. 2009. № 1. S. 4–20 [Huseinov M.M. Goranboy Munjuqlutapa Necropolis. *Archaeology and Ethnography of Azerbaijan*. 1. 2009. Pp. 4-20 (in Azerbaijani)].

Muxtarov N.M. Şəki Arxeologiya-folklor qrupu və Şəki-Qax-Oğuz arxeoloji ekspedisiyasının 2014-ci ildə gördüyü işlərin Hesabatı. *AMEA Arxeologiya və Etnoqrafiya İnstitutunun Elmi arxivi*. Hesabat 809 [Muxtarov N.M. Report on the Work of the Sheki Archaeological and Folklore Group and the Sheki-Gakh-Oguz Archaeological Expedition in 2014. *Scientific Archive of the Institute of Archeology and Ethnography, Azerbaijan National Academy of Sciences*. Report 809 (in Azerbaijani)].

Osmanov F. *Ağsu ərazisində arxeoloji tədqiqatlar*. Bakı: Adilöglü nəşriyyatı, 2006 [Osmanov Fazil. *Archaeological Research on the Territory of Aghsu*. Baku: Adiloglu, 2006 (in Azerbaijani)].

Qədirov F.V. Qəbələ (Səlbir) və onun ətrafında aparılan çöl-tədqiqat işlərinin elmi hesabatı (1981-ci il). *AMEA Arxeologiya və Etnoqrafiya İnstitutunun Elmi arxivi*. Hesabat 249 [Gadirov F.V. Scientific Report on Field Research Carried Out in Qabala (Salbir) and Its Surroundings (in 1981). *Scientific Archive of the Institute of Archeology and Ethnography, Azerbaijan National Academy of Sciences*. Report 249 (in Azerbaijani)].

Yi Seonbok, Kim Jongil, Kwon Ohyoung, Seong Jeongyong. Brief report on the archaeological investigations at the Selbir site, Gabala in 2013. *The Gabala Archaeological Expedition: Reports, Findings 2013*. Baku: CBS, 2015. Pp. 59–73.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЭМИНЛИ Джейхун Тофиг оглы – доктор философии по истории, ведущий научный сотрудник отдела «Античная археология Азербайджана» Института археологии и этнографии НАНА, Баку, Азербайджан.

Jeyhun T. EMINLI, PhD (History), Leading researcher of the Department of “Antique Archaeology of Azerbaijan”, Institute of Archaeology and Ethnography, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan.

ИСКЕНДЕРОВ Эмиль Алисахиб оглы – доктор философии по истории, ведущий научный сотрудник отдела «Античная археология Азербайджана» Института археологии и этнографии НАНА, Баку, Азербайджан.

Emil A. ISKENDEROV, PhD (History), Leading researcher of the Department of “Antique Archaeology of Azerbaijan”, Institute of Archaeology and Ethnography, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan.

DOI: 10.31857/S086919080016630-0

THE ROLE AND PLACE OF MIDDLE PERSIAN LANGUAGE AND WRITING IN CAUCASIAN ALBANIA

© 2021

Murtazali S. GADJIEV^a

^a – Institute of History, Archaeology and History,
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
ORCID: 0000-0002-4592-0527; murgadj@rambler.ru

Abstract: A significant political influence of Sasanian Iran on Caucasian Albania gives reasons to consider the spread of Middle Persian language and writing among Albanian nobility and authorities. This process contributed by the existence of close dynastic ties between the Arsacids of Albania and the Sasanian royal family at least since from the reign of King Urnayr (ca. 350–375) up to the abolition of Albanian kingdom at the beginning of the 6th century. Written sources provide the correspondence of the rulers of Albania, Armenia, Iberia with the Sasanians and the written decrees of the *shāhanshāhs* sent to the Transcaucasian provinces of Iran, which indirectly indicates the spread of Middle Persian language and writing here.

Currently, there are three known unique gem-seals that date back to the end of the 4th and the beginning of the 6th century and belonged to the representatives of higher secular and church authorities. These are the seals of the King of Albania Aswahan, Crown Prince Asay and the Great Catholicos of Albania and Balasakan. They are of great interest for the study of cultural and political ties between Sasanian Iran and Albania, Albanian sphragistics. The title inscriptions on these official seals are made in *pārsīg* (*pahlavi*), which shows the role of Middle Persian language and writing among the highest Albanian nobility and the highest Christian clergy of the country, clearly indicates the huge political and cultural influence of Sasanian Iran on Caucasian Albania. These monuments of glyptics show that Middle Persian language and writing had the official status in Early Medieval Albania.

Keywords: Caucasian Albania, Sasanian Iran, Middle Persian, Sasanian gem-seals, Asay, Aswahan, Great Catholicos of Albania and Balasakan.

For citation: Gadjiev M.S. The Role and Place of Middle Persian Language and Writing in Caucasian Albania. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5. Pp. 59–70. DOI: 10.31857/S086919080016630-0

In memory of Sara Kasumova

A significant political influence of Sasanian Iran on Caucasian Albania (*Gr.* Ἀλβανία, *Lat.* Albania, *Arm.* Ałuank', *Georg.* Rani, *Syr.* Aran, *Parth.* Ārdān, *Mid. Pers.* Ārān, Ālbān, *Arab.* ar-Ran/Arran) since the 330s AD (to the expiry of the forty-year Nisibin Treaty) and its subsequent incorporation into Eranshahr, the presence of large Sasanian military contingents, the Iranian administration, and the acolytes of Zoroastrianism allow us to consider the spread of Middle Persian language and script among Albanian nobility and administration. This process was facilitated by the establishment of close dynastic ties between the Arsacids of Albania and the Sasanian royal family.

At least since the reign of King Urnayr (ca. 350–375), we can speak of the establishment of these dynastic ties, which became habitual and continued right up until the abolition of Albanian

kingdom at the beginning of the 6th century. Thus, King Urnayr of Albania (*ca.* 350–375) was married to the sister (or daughter) of the *shāhanshāh* Shapur II (309–379); King Aswahan (*ca.* 415–440) was the son of the sister of Shapur III (383–388) and the husband of daughter of *shāhanshāh* Yazdagird II (439–457); King Vache II (*ca.* 440–462) was the son of the sister of the *shāhanshāhs* Hormizd (457–459) and Peroz (459–484) and was married to their niece; and finally, a passionate follower of Christianity, King Vachagan III the Pious (*ca.* 485–510) was also “from the royal family of Persia”, son (or nephew) of Yazdagird II and brother (or nephew) of Vache II [Gadjiev, 2015, p. 68–75; Gadjiev, 2020, p. 29–35]. Prince (*ishkhan*) of Gardman¹ Mihran (late 6th century), whose descendants founded a new dynasty of rulers of Albania, was also of Iranian origin.

There is some discernible confusion surrounding the nature of the degree of kinship – brother or nephew, sister or niece – for which an explanation is revealed in the forms of marriage that were practiced among the higher nobility of Sasanian Iran. The above-mentioned Albanian king Vache II, as the nephew of Yazdagird II (i.e. son of a sister) and Peroz I (i.e. son of his sister, who was also the sister of Yazdagird II, as Peroz was married to his own aunt – sister of Yazdagird II), was married to the niece of Peroz, that is, to his own sister or cousin. Along with dynastic and property considerations, Zoroastrian religious norms also played the significant role here [Perikhanyan, 1983, p. 65].

Written sources provide the correspondence of the rulers of Albania, Armenia, Iberia with the Sasanians and the written decrees of the *shāhanshāhs* sent to the Transcaucasian provinces of Iran, which indirectly indicates the spread of the Middle Persian language and writing here. For instance, Eghishe (5th century), writing about the preparation of Yazdagird II for the war with the Kushans, reports that the *shāhanshāh* sent an order to the vassal countries to provide and collect troops: “... the edict was received in the lands of the Armenians, Iberians, Albanians, Lpink[’], Tsawdeik[’], Korduk[’], Aldznik[’], and in many other distant parts ...” [Eghishe 1971, p. 30; Elishē, 1982, p. 64]. Later, early in the 6th century, the incorporation of Albania into the Sasanian Empire on the rights of *marzbāndom* assumed its inclusion in the sphere of administrative office work and the written culture of Iran.

The use of Middle Persian language and *pārsīg* (*pahlavi*) in Albania is evidenced by the Middle Persian inscriptions of Derbent, dating from the time of the *shāhanshāh* Khosrow I Anushirvan (531–579), more precisely 568–569 AD [Gadjiev, 2008, p. 1–15]. These inscriptions can be considered monuments of the Middle Persian epigraphy of Caucasian Albania, given their location in the historical territory of Albania (as an integral part of Eranshahr), at the same time taking into account the fact that they were written by the Iranians, as indicated by the proper names in them – Dariuš, Ādurgušnasp, Mōšīg, Rašn(u) [Gadjiev, Kasumova, 2006].

There are, however, three unique monuments of lapidary paleography, which are monuments of the Middle Persian epigraphy of Albania – gem-seals that belonged to representatives of the highest secular and religious nobility of Caucasian Albania. These are unique intaglios of the Crown Prince of Albania Asay, King of Albania Aswahan and the Great Catholicos of Albania and Balasakan. They are of great interest for the study of cultural and political ties between Sasanian Iran and Albania, Albanian sphragistics.

The seal of Asay, the Crown Prince of Albania (fig. 1).

The seal is made of banded brown and white agate in the Sassanian style. The central field of the gem is occupied by a deep three-dimensional image of a recumbent deer with branched antlers; there is a clear Middle Persian inscription below it and on its side. Unlike most images of a deer in Sasanian glyptics, this intaglio shows the animal in a rather realistic and expressive

¹ Gardman – one of the provinces (*ghavar*) of Albania.

Рис. 1. Оттиск печати наследного принца Албании Асая, рубеж IV–V вв. (по: [Lerner, 2009]).
 Fig. 1. Seal impress of Asay, Crown Prince of Albania, at the turn of the 4–5th c. (see: [Lerner, 2009]).

manner, which demonstrates the high professionalism of the gemcutter and the prestigious nature of the product. This gem-seal, the origin of which is unfortunately unknown, was first published in 2009 by J.A. Lerner [Lerner, 2009, p. 83–89]. In her paper, in particular, a detailed description of the gem, its historical and cultural analysis are given along with a translation of the Middle Persian inscription on it (without transliteration and transcription) made by P.O. Skjærvø: “Asay, Prince of Alan” [Lerner, 2009, p. 83]. Based on its overall carving style, J. Lerner dates the print to the 4th–5th century; she notes that “its actual style, however, is not completely typical and sets it apart, as will be seen, from seals of this time. The orthography of the inscription, too, is not completely typical but “is in part provincial, an assessment that... fits well with the seal’s ownership and choice of image” [Lerner, 2009, p. 83]. Based on the translation of the inscription and the image of the deer, the gem is attributed to the Scytho-Alanian culture [Lerner, 2009, p. 83–89]. However, this conclusion, as well as the translation of the inscription, are incorrect.

In 2013 E. Khurshudyan in his article [Khurshudyan, 2013, p. 191–201] gave the historical attribution of the gem and the correct translation of the inscription on it:

‘s’dy ZY’ld’n BRPYT’y
Āsāy ī Ārān vispuhr
 “Āsāy, the Crown Prince of Ārān”.

The researcher not only pinpoints the reading of Ārān (not Ālān) as a well-known Parthian and Middle Persian name of Caucasian Albania, but also compares the name of its owner mentioned in the inscription on the gem with the famous king Asay, mentioned in the list of kings of Caucasian Albania by Movses Dasxurantsi/Kalankatuatsi [Dasxuranci, 1961, I, 15; Kalankatuatsi, 1984, I, 15]. According to the chronology of the kings of Caucasian Albania proposed by me, Asay ruled in around 405–415 AD [Gadjiev, 2015, p. 68–75; Gadjiev, 2020, p. 29–35]. Since Asay has the title of the Crown Prince in the seal inscription – *vispuhr* (Av. *vīsō puθra* – literally “son of the [royal] clan / house”), and not the king, then the gem should be dated to the previous period, i.e. to the boundary of the 4–5th centuries. It can be assumed that Asay was the son or younger brother of one of the previous kings – Mrhavan (Merhavan) (ca. 385–395) or Satoy (ca. 395–405). Thus, we have a gem with an absolute date, which serves as a chronological marker for dating the monuments of the Sassanian glyptics with the Middle Persian texts.

The seal of Aswahan, the King of Albania (fig. 2).

This cornelian gem-seal from M.A. Pirousan’s collection of the Sasanian intaglios was published by Ph. Gignoux in 1975. The seal has a monogram (*nīsān*) – so called “Moon chariot” – in

Рис. 2. Отгиск печати царя Албании Асвагена (ок. 415–440) (по: [Gignoux, 1975]).
Fig. 2. Seal impress of Aswahen, King of Albania (ca. 415–440) (see: [Gignoux, 1975]).

the center and a circular Middle Persian inscription. Ph. Gignoux provided the reading of the inscription, performed in a traditional formula and lapidary style as follows:

'hyphyny ZY 'ld'n MLK'
"A....., roi de Alains".

In doing so, author noted that “le nom du roi ne se laisse pass faciliement identifier, mais sa titulature me paraît certaine” [Gignoux, 1975, p.17, pl. I, fig. 2.2].

Later S.Yu. Kasumova paid attention to the gem and justly pointed out that we deal with “la première gemme avec le nom et le titre d’un roi albain” and the word *'ld'n* means “Albania”, not “Alans” [Kasumova, 1991, p. 31–32]. She also suggests to read the inscription “Axipxin (?), roi d’Albanie” and noted that “sur la base moyen-perse (et plus largement, en iranien) le nom *'h/wphy/wny* n’a pas d’etymologie; il paraît vraisemblable que ce nom est “caucasien” (Lezgingo-Daghestani)” [Kasumova, 1991, p. 32].

In my paper regarding this seal [Gadjiev, 2003, p. 102–119], I highlight the fact that the said variant of the reading of the name of the Albanian king cannot be considered correct; one should keep in mind that such a name is not mentioned anywhere in written sources. I have also noted that the third mark in the name of the king represented in the shape (must be interpreted as *c* (*sādē*), not as *y* (*yōd*) – the same spelling of the letter *c* is characteristic for the Middle Persian inscriptions on the Sasanian seals, – and a forth mark in the name representing 2-shaped form may clearly be interpreted as *w* (*wāw*), not as *p* (*pē*) – such a denoting of the letter *wāw* is widely spread in Middle Persian orthography. Basing on the said definitions of these alphabetical marks, I offered the reading of the seal inscription:

'hcwhyny ZY 'ld'n MLK'
Āhzwahēn i, Ārān šāh
“Āhzwahēn, King of Aran (Albania)”.

The king of Albania appears in the works of his contemporaries – Koryun [Koryun, 1962, 17], Moses Khorenatsi [Khorenatsi, 1990, III, 54], as well as in the works of later authors – Dasxurantsi/Kalankatuatsi [Dasxuranci, 1961, I, 15, 23, II, 3; Kalankatuatsi, 1984, I, 15, 23, II, 3], Kirakos Gandzaketsi [Gandzaketsi, 1976, X, 193], Stepanos Orbelyan [Orbelyan, 1910, p. 15].

In manuscripts this name is presented in the forms of *Arsval*, *Arsvalēn*, *Esvālēn*, *Eswālēn*, *Ēsvalēn*. Obviously, the variations of the spellings of the name are accounted for by the adaptation of this (Eastern Caucasian?) name to another language, by its non-native written transformation. And the Middle Persian form *Āhzwahēn* on the seal is quite conformed to the spelling in Old Armenian language.

According to the written sources, Aswahlen was contemporary of *shāhānshāhs* Yazdagird I (399–421) and Varhran V (421–439) and possibly Yazdagird I (439–457). He was a son of a sister of *shāhānshāh* Shapur III (383–388) and a grandson of Shapur II (309–379). By permission of Aswahlen, King of Albania, and Jeremiah, Bishop of Albania, original Albanian system of writing was invented in the early 5th century (*ca.* 420 AD). According to my chronology of the Albanian Arsacids, King Aswahlen ruled in *ca.* 415–440 AD [Gadjiev, 2015, p. 68–75; Gadjiev, 2020, p. 29–35].

The “Moon chariot” monogram in the center of the seal may be considered as Aswahlen’s royal emblem, and perhaps the emblem of other Arsacid-Sasanian kings of Caucasian Albania. This symbol, also called “Halbmond über gestürztem Wagen” (R. Göbl), “Mondwagenwappen” (H. Jänichen) or “le symbole des Ephtalites” (E. Specht), “signe hephtalite” (R. Ghirshman), “Hephtalitentamga”, “das Tamga der Alxon” (R. Göbl), is not unique and can be seen on some Sasanian gems and Kushan-Sasanian and Chionite, Alkhon/Alkhan (Alxano), Napka/Nezak and Bamiyan (Hephtalite) princes’ coins (and seals [Staviskiy, 1961, p. 54–56²]). I suggest to interpret the “Moon wagon” monogram as a symbol of dynastic ties with the Sasanians and of belonging to this powerful royal family, “descending from gods” [Gadjiev, 2003, p. 106–117].

The seal of King Aswahlen determines the title *šāh* (MLK’) for Albania for the first time. Later, the title was reflected in the family name of influential Albanian princes of the 8th–9th centuries *Aranšahik* // *hEranšahik* [Dasxuranci, 1961, III, 22; Kalankatuatsi, 1984, III, 22], who ruled in Shakki, and then was adopted in the Arabic form *Arranšah*, according to the chronicle “*Tarikh al-Bab wa-Sharwan*” (early 12th century)³, by the Muslim Shaddadid dynasty, established in Ganja in the end of the 10th century.

In this regard, it should be noted that A.I. Kolesnikov, examining the administrative-territorial structure of the late Sasanian Iran, came to the conclusion that granting the title *šāh* to the *marzbans* and some of the *spahbeds* of Eranshahr was the recognition of the considerable independence of border rulers [Kolesnikov, 1970, p. 55]. This conclusion can be rightfully applied to the East Caucasian rulers – holders of this title – well known from Arab and Persian authors of the 9th–10th and later centuries. Granting the rulers of small but strategically important state formations of the Eastern Caucasus the title *šāh* was in accordance with the norms of the Sasanian nomenclature, hierarchical practice, reflected, in particular, in the order of the “Letter of Tansar”: “No other man, not being of our house, shall be called king (*šāh* – *M.G.*), but the Lords of the Marches – of Alān and the western region, of Xwārezm and Kābul” [Boyce, 1968, p. 35]. In view of the abovementioned close dynastic ties between the Albanian kings and the Sassanians, as well as the well-known information of al-Baladhuri and other Arab and Persian authors of the 9th–10th centuries and afterwards (al-Masudi, Ibn Khordadbeh, Ibn al-Faqih, Hamza Ispahani) about granting the title *šāh* to the owners (Arab. *mulūk*) and leaders (Arab. *kuwwad*) of various regions of the North-Eastern Caucasus and Caucasian Albania⁴ by Khosrow I Anushirwan (531–579), it

² The gem, published by B. Y. Stavisky, depicts not only the Moon chariot, but also the so-called “wing ornament”, placed in the base of the bust of King Aspurbakh (ՕՏԵՍՈՒՅՈՒՆ – V.A. Livshits’ reading), which appears in the number of Sasanian type coins of kings of Alxano (for example, kings Khingila, Javukha/Zabokho, Mehama, Mihirakula) in the same place.

³ This title was held by the ruler (*malik*) of Arran Fadl b. Shavur (1067–1073) [Minorsky, 1963, p. 61 (Arab. Text: p. 17)].

⁴ These titles are Aran-šāh, Širwan-šāh, Lakzan-šāh, Filan-šāh, Tabasaran-šāh, Liran-šāh, Vahrarzan-šāh (Vahraran-šāh), Jurjan-šāh (*Gurgan-šāh) and others, formed both under the name of a region (corresponding to the name of the

seems to be reasonable to read *Arans* (*l'n'n* = *Ārānān*), i.e. “Albanians”, and not *Alans*, given that in Middle Persian the letters *l* and *r* were indicated by the same symbol⁵. Such reading fully corresponds to the data of written sources, the historical situation and the significance of the border regions of the Eastern Caucasus in the late Sassanian period.

It seems that the misreading of the toponym *ld'n* of the Middle Persian inscriptions on the seals of Prince Asay and King Aswahan was the result of researchers' poor knowledge of Albania compared to their better expertise in Alans.

The seal of Great Catholicos of Albania and Balasakan (fig. 3).

This carnelian gem-seal is part of the collection of carved stones of the National Library in Paris; however, it is not presented in the catalog of L.J. Delaporte [Delaporte, 1920; 1923]. R. Göbl first published it in 1973 as one of the samples of gems with a cross, providing no commentaries to it [Göbl, 1973, taf. 33.102a]. The image of a cross with slightly widened arms, almost equilateral with a slightly elongated lower descending arm, occupies the central field on the front of the intaglio. A crescent with horns upward and a six-rayed star are carved under the side arms; under the cross there is a ring, on which the Christian symbol seems to stand. On both sides of the central image, there is a Middle Persian inscription in cursive, similar to the Late Sasanian paleography.

Later the seal was published by J.A. Lerner in her monograph [Lerner, 1977, p. 31, pl. I, 3], in the appendix to which R.N. Frye proposed the first reading of the inscription - *'lšn W bl'nyk' tlykwny*, and attributed the gem by paleographic features to the 7th century [Frye, 1977, p. 41]. A year later, Ph. Gignoux gave a generally correct reading of the legend, with the exception of one toponym word: *[kws]ty Y hlb'n W bl'skn wcwlk <k> tlykws* “Grand Catholicos de Hulvān et de Balāsagān”. Relying on the specific spelling of the letter *k* in words *bl'skn*, *wcwlk*, *k'tlykws*, he cautiously dated this seal 6-7th centuries [Gignoux, 1978, p. 64, no.7.5, pl. XXIII; 1980, p. 299–314, pl. I, fig. 1].

Later A.I. Kolesnikov, studying the administrative toponyms on the Sasanian seals, drew attention to a number of circumstances: firstly, the fact that the toponym *Hulvān* on the gem's impression on a bulla at the Iraq Museum in Baghdad is written like *hlw'n*, and not *hlb'n*; secondly, which is especially important, Hulwan is located close to Baghdad, but at a distance of about 700 km from the Balasakan region. This made it possible for the researcher to give preference to the variant *'lb'n / 'rb'n / 'rr'n*, “interpreting it as an indication of Caucasian Albania, Arran – a province that traditionally bordered on Balasakan and in certain periods of history constituted a single administrative unit and ecclesiastical diocese with it” [Kolesnikov, 1985, p. 182–183; 1989, p. 249–250]. Thus, researchers accepted the reading of *kust ī Ālbān ud Balāsagān wuzurg kātolicos* as the “Great Catholicos, [province] of Albania and Balasakan” [Kasumova, 1991, p. 23–24; Gyselen, 1993, p. 155, No. 60.13, pl. XLII, 60.13⁶].

S.Yu. Kasumova noted that “the paleography of the inscription does not allow us to give the exact dating: cursive letters on gems appear no later than in the 5th century, and were used in the same varieties for several centuries” [Kasumova, 1991, p. 28–29]. She was inclined to date the seal to the 6th century. At the same time, she views the title “Catholicos of Albania and Balasakan” as a reflection of the situation that developed after the anti-Sasanian uprisings in 481–484, when, in her

dominant ethnic group), and under the name of animals depicted on a granted robe-kaba [Ispahani, 1844, p. 57].

⁵ Middle Persian “Letter of Tansar”, composed in the mid-6th century, was translated to Arabic by Ibn al-Muqaffa in the mid-8th century, and in the early 13th century it was translated from Arabic to Persian by Ibn Isfandiār, who included it in his “*Tarih-i Tabaristan*”. Apparently, an *error lapsus* occurred during the translation. For to the same reason, Hamza Ispahani translated the title *Ārān-sāh* as the *King of Ranens*, and not the *King of Aran (Albania)* [Ispahani, 1844, p. 57].

⁶ The publication of R. Gyselen has some discrepancy: *kust ī ārrān ud balāsagan wuzurg kātolicos* “Le grand catholicos, “region” d’Arran et de Balāsagan”, in which the name *ālbān* was replaced by *ārrān*.

Рис. 3. Печать Великого католикоса Албании и Баласакана, начало VI в. (по: [Lerner, 1977]).

Fig. 3. Seal of the Great Catholicos of Albania and Balasakana, early 6th c. (see: [Lerner, 1977]).

opinion, Balasakan “united with Albania” [Kasumova, 1991, p. 31; 2005, p. 49]. But the sources lack documentary data on the unification of these two state formations, and this point of view is based on an assessment of the general political situation in the region. According to the researcher, Shubkhalishoy could be the first to accept this title (Syr. *šubhā l-išōṣ* – “glory to Jesus”) – “Chief Episkoposapet”, “Archbishop of Partaw”, “Catholicos from Jerusalem” [Dasxuranci, 1961, I, 23, 26, III, 24; Kalankatuatsi, 1984, I, 23, 26, III, 24], and this title itself existed until mid-6th century, when a new one was introduced – “Catholicos of Albania (Aḥuank’), Lpinia (Lpink’) and Chor” [Kasumova, 1991, p. 31; 2005, p. 50].

In the article devoted to the attribution of this intaglio, based on the paleographic comparison of the inscription on it with the inscriptions of the 6-7th centuries on seals from the collection of the State Hermitage and bullas from the Archive of the Ādur Gušnasp temple (Taxt-e Solaymān; no later than 624 AD), I dated the seal of the Great Catholicos from the 6th to the early 7th century [Gadjiev, 2004, p. 466–467]. In the same article, I noticed that in the inscription the term *kwsty* (district, province) is reconstructed by researchers – there are only final letters in the text – [*kws*]/*ty*... This does not exclude the possibility of seeing here not the indication of the administrative unit, but the name of the Great Catholicos himself. In this case, we are dealing with the usual construction “name – toponym (region, city, temple) – title”, standard for lapidary Middle Persian texts. Such a structure is presented, for example, in the inscriptions on the seals of Prince Asay and King Aswahan (see above), in the Middle Persian inscriptions of Derbent (*Dariusš ī Ādurbādagan āmārgar*) [Gadjiev, 2000, p. 116–129; Gadjiev, Kasumova, 2006, p. 35–61, 73–83] and on many other Sasanian gems (for example: *Warahrān Kermān Šāh*, *Vehdenšapuhr ī Ērān āmbarakpat*, *Bāfarak ī Mēšan magupat*, *Wēšahpuhr ī Ārdahšir-Hwarra magupat* etc [Borisov, Lukonin, 1963, p. 21, 39–40, 48–49]). Taking into account the names of the heads of the Albanian Church known to us, we can reconstruct the name on the seal – **Pānty* / **Pāndy* [Gadjiev, 2004, p. 472].

Catholicos Pant appears in the lists of the heads of the Albanian Church by Movses Daskhurantsi/Kalankatvatsi, Kirakos Gandzaketsi, Mkhitar Ayriyanetsi and Mkhitar Gosh [Dasxuranci, 1961, III, 23; Kalankatuatsi, 1984, III, 23; Gandzaketsi, 1976, Gosh, p. 8; Ayriyanetsi, 1860, p. 19]. An analysis of these lists made it possible to attribute the reign of Catholicos Pant to the beginning of the 6th century [Gadjiev, 2004, p. 472–473]. Apparently, one of the monasteries of the Albanian Church in Jerusalem, mentioned by Dasxurantsi/Kalankatuatsi in the list of Albanian monasteries

and located east of the Mount of Olives [Dasxuranci, 1961, III, 23; Kalankatuatsi, 1984, III, 23], was named after him.

Thus, we currently have three unique individual (personalized) gem-seals, dated back to the end of the 4th and the beginning of the 6th century, that belonged to the representatives of the highest secular and ecclesiastical authorities of Caucasian Albania.

The title inscriptions on the official seals of the Albanian king, under which the Albanian script was developed and introduced, of the Crown Prince and the Great Catholicos of Albania, are made in *pārsīg* (*pahlavi*) script. This proves the significant (and obviously prestige) role of Middle Persian language and writing among both the highest Albanian nobility and the highest clergy of the country, and clearly demonstrates the huge political and cultural influence of Sasanian Iran on Caucasian Albania. These monuments of glyptics and epigraphy clearly indicate that Middle Persian language and writing had the official status in Early Medieval Albania.

It is no coincidence that on the seal of the Catholicos, the central image of the Christian symbol (cross) is accompanied on its sides by images of the main Zoroastrian symbols – a crescent moon and a star, and on the seal of the Christian King Aswahan – the Zoroastrian, Sasanian symbol of the “Moon chariot” is used as the state emblem. This clearly demonstrates the dynastic ties with the Sasanians, belonging to this powerful “divine” royal family.

As we know, the Sasanian official gem-seals with personal names and titles belong exclusively to representatives of the secular nobility (*shāhanshāhs*, *shāhs*, *vispuhr*, *spāhbeds*, *shahrahs*, *marzbāns*, *kanārangs*, *shāhryārs*, *ostandārs*, *satraps*, *āmārgars*, *framadārs*, lawyers, judges, scribes etc.) and religious officials (*magupats*, *mags/mobeds*) [see, for example: Ritter, 2017, p. 284–288]. Having a seal with a personal name and title/position engraved on it was a legal privilege of the upper strata of Iranian society. In Caucasian Albania, judging by the available data (gems-seals, Dasxuranci/Kalankatuatsi’s information), the possession of the seal was also the prerogative of the secular aristocracy (*shāh*, *vispuhr* (crown prince), *hramanatar* (vizier, chancellor), *hazarapet* (steward), *sparapet* (commander-in-chief), *azgapet* (head of noble clans), *nahapet* (patriarch, head of princely families), *azat* (nobility) and clergy (catholicos/archbishop, bishop, chorbishop, abbot, priest).

In addition to the seals considered, there are specific, documentary facts from written sources about the use of seals in Albania among both secular and religious people. For example, the Ordinances (Canons) of the Council of Ałuēn in 488, called by King Vachagan III the Pious (*ca.* 485–510), is a legal document sanctioned by the state and the church, that were sealed with the seals of the representatives of the secular nobility who were present at the council. The text of the Canons reads as follows:

“I, Vačagan, king of the Albania, with Šup‘hališoy, archbishop of Partaw, Manasē, bishop of Kapałay, Yunan, bishop of Hašu, Anania and Sahak chorbishop of Uti, Yovsep‘, priest of Kałankatuk‘, Mataw, priest of Part, of the royal court, Pōlos, priest of Gegač, Šmawon, chor-episcopus of Tsri, Mat‘ē, priest of Darahoč, Abikaz, priest of Bed, Urvat, priest of Ayrmanušay, Yovel and Parmidē and Yakob, priests, and the nobles and heads of clans (*azgapetk‘*) of Artsakh, Bakur, head of clan of Kałankatuk‘, and many others who have assembled before me in my summer-residence at Ałuēn, ordained thus ...” [Dasxuranci, 1961, I, 26; Kalankatuatsi, 1984, I, 26].

The text of the Ordinances ends with the words:

“These ordinances were signed (sealed) by Mucik, the king’s chancellor (*hramanatar*), Mirharik, the steward (*hazarapet*), the heads of clans (*azgapetk‘*) Marut‘, Tirazd, Sprakos, Łama, Bakur, Ratan, Arš‘ēs, Vardan the Brave, lord of Gardman, Xurs, Bermusan, Xoskēn, P‘iwrog, patriarch (*nahapet*), and all the nobles of Albania. As confirmation of this writ the seal of Vačagan, king of Albania, was affixed” [Dasxuranci, 1961, I, 26; Kalankatuatsi, 1984, I, 26].

The same Vachagan, according to the story of Daskhurantsi/Kalankatuatsi, sealed with the royal ring the casket with the relics of St. Grigoris [Dasxuranci, 1961, I, 23; Kalankatuatsi, 1984, I,

23]. In other passage, Movses Daskhurantsi/Kalankatuatsi provides information on the discovery in the chapel under the altar of two silver kiots, sealed with lead seals [Dasxuranci, 1961, II, 29–30; Kalankatuatsi, 1984, II, 29–30].

The information of the Albanian historian about the collection of gifts for the Hun and Khazar nobility dates back to the time of the reign of Catholicos Viroy (596–630), more precisely to 628 AD: “for the nobles, princes, barons (*naxarark*), generals, and the chiefs of the various tribes in the entire army”. These gifts were actually a payoff to the nomads who invaded Albania under the leadership of the king’s son Shat, son of Jebu Khakan. Viroy “distributed the gifts accordingly, having regard to the names of the families; writing these on each of them, he sealed them and ordered them to be carried by bearers and carts” [Dasxuranci, 1961, II, 14; Kalankatuatsi, 1984, II, 14].

A number of evidences on the use of seals to certify official acts and legal documents can be attributed to the post-Sasanian time, specifically, to the very beginning of the 8th century. Thus, the Catholicos of Albania Nerses Bakur (689–706) “signed and sealed with his seal” the decree of non-recognition of the decisions of the Chalkedonian Council [Dasxuranci, 1961, III, 3; Kalankatuatsi, 1984, III, 3]. Later, he nevertheless accepted Chalcedonian Christology, for which he was anathematized at the Council of Partaw (704 AD), at which “the bishops and the entire assembly of the Church cursed him in a sealed statement with the mediation of God and agreement” [Dasxuranci, 1961, III, 9; Kalankatuatsi, 1984, III, 9]. Of particular interest is the information of an Albanian historian about a letter sent at the same time by the clergy and secular nobility of Albania to the Catholicos of Armenia Elia (703–717), concerning church strife. Movses Daskhurantsi/Kalankatuatsi provides the full text of this letter, which has the following closing lines: “This document was written by mutual agreement... and was sealed in accordance with the wishes of those whose names are written above” [Dasxuranci, 1961, III, 8; Kalankatuatsi, 1984, III, 8]. Among those who signed this epistle and put their seals, 11 representatives of the Albanian church are listed, then the prince-*ishkhan* of Albania Sheroy and 11 representatives of the highest aristocracy. Among the first we can see the Catholicos of Albania Simeon, bishops, abbots of monasteries, three monks; among the latter – *sparapet* of Albania Juankoy and representatives of various noble families (*azatk*).

From the examples given, it can be seen that not only representatives of the highest secular (king, crown prince, vizier, steward, chancellor, commander-in-chief) and religious (catholicos, archbishop, bishops, chorbishops, abbots) aristocracy had personal seals, but also the nobility of lower ranks of the hierarchy (heads of noble clans and families), as well as some ordinary church ministers – priests, monks. It can be assumed that in Caucasian Albania, as in Sasanian Iran, the possession of the personal seals was also the prerogative of the secular aristocracy and clergy.

Written sources contain indications of official correspondence, various normative acts of the Albanian kings (decrees, decisions, appointments), which had the force of law and operated on the territory of Albania. One can think that these decrees were also sealed by the royal seal. Thus, for example, at the turn of the 4-5th centuries, due to the development of writing and the adoption of the Albanian alphabet, King Aswahan and the Bishop of Albania Jeremiah “wrote a decree” on the organization of schools and the teaching of new writing. The decree might have had the seal of Aswahan, which survived and was attributed 1600 years later.

One can hope that in the future, a comparison of the names known from the Middle Persian inscriptions on intaglios from various collections of the world with the names of real historical figures recorded in narrative sources will reveal the seals of the representatives of the secular aristocracy and the clergy of Caucasian Albania. Currently we already have the data and materials that make it possible to a certain extent to judge the Albanian sphragistics, and the considered gem-seals demonstrate the important role of Middle Persian language and writing, comparable to the significance of Arabic language and writing in the subsequent period of the history of the Eastern Caucasus.

REFERENCES

- Ayrvanetsi M. *The History of Armenia*. Publ. by M. Emin. Moscow, 1860 [in Old Armenian].
- Borisov A. Ya., Lukonin V.G. *Sasanian Gems*. Leningrad: State Hermitage Publishing House, 1963 (in Russian) [Борисов А.Я., Луконин В.Г. *Сасанидские геммы*. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1963].
- Boyce M. *The Letter of Tansar*. Roma: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1968.
- Dasxuranci. *The History of the Caucasian Albanians by Movses Dasxuranci*. Transl. by C.J.F. Dowsett. London: Oxford University Press, 1961.
- Delaporte L. *Catalogue de cylindres, cachets et pierres gravées de style oriental du Musée du Louvre. I. Fouilles et Missiones*. Paris: Librairie Hachette, 1920.
- Delaporte L. *Catalogue de cylindres, cachets et pierres gravées de style oriental du Musée du Louvre. II. Acquisitions*. Paris: Librairie Hachette, 1923.
- Eghishe. *About Vardan and Armenian War*. Translation from Old Armenian by Academician I.A. Orbeli, Preparation for Publication, Preface and Notes by K.N. Yuzbashyan. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of Arm. SSR, 1971 (in Russian) [Егише. *О Вардане и войне армянской*. Пер. с древнеарм. акад. И.А. Орбели, подгот. к изд., предисл. и примеч. К.Н. Юзбашяна. Ереван: Издательство АН Арм. ССР, 1971].
- Elishē. *History of Vardan and the Armenian War*. Translation and Commentary by R.W. Thomson. Cambridge: Harvard University Press, 1982.
- Frye R.N. *Appendix: The Pahlavi Inscriptions on the Seals*. Lerner J.A. *Christian Seals of the Sasanian Period*. Istanbul: Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut te Istanbul, 1977. P. 41.
- Gadjiev M.S. Recent Finds and Topography of the Middle Persian Inscriptions of Derbent. *Journal of Ancient History*. 2000. No. 2. Pp. 116–129 (in Russian) [Гаджиев М.С. Новые находки и топография среднеперсидских надписей Дербента. *Вестник древней истории*. 2000. № 2. С. 116–129].
- Gadjiev M.S. A Seal of Āhzwahēn, King of Caucasian Albania. *Journal of Ancient History*. 2003. No. 1. Pp. 102–119 (in Russian) [Гаджиев М.С. Гемма-печать царя Албании Асвагена. *Вестник древней истории*. 2003. № 1. С. 102–119].
- Gadjiev M.S. Attribution of the Gem-seal of the Great Catholicos of Albania and Balasakan and the Problem of Rule Sequence of the Heads of Albanian Church. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. Issue XIV. Moscow–Magnitogorsk: Magnitogorsk State University Publishing House, 2004. Pp. 465–479 (in Russian) [Гаджиев М.С. Атрибуция геммы-печати Великого католикоса Албании и Баласакана и вопрос очередности патриаршества владык Албанской церкви. *Проблемы истории, филологии, культуры*. Вып. XIV. М.–Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского государственного университета, 2004. С. 465–479].
- Gadjiev M.S. On the Construction Date of the Derbend Fortification Complex. *Iran and the Caucasus*. 2008. 12/1. Pp. 1–15.
- Gadjiev M.S. Chronology of Albanian Arsacids. *Albania Caucasica*. Issue 1. Moscow: IOS RAS, 2015. Pp. 68–75 (in Russian) [Гаджиев М.С. Хронология Аршакидов Албании. *Albania Caucasica*. Вып. 1. М.: ИВ РАН, 2015. С. 68–75].
- Gadjiev M.S. The Chronology of the Arsacid Albanians. Hoyland R.G. Ed. *From Caucasian Albania to Arrān: The East Caucasus between Antiquity and Medieval Islam (c. 300 BCE – 1000 AD)*. Piscataway: Gorgias Press, 2020. Pp. 29–35.
- Gadjiev M.S., Kasumova S.Yu. *The Middle Persian Inscriptions of Derbent, 6th Century CE*. Moscow: Vostochnaia literatura, 2006 (in Russian) [Гаджиев М.С., Касумова С.Ю. *Среднеперсидские надписи Дербента VI века*. М.: Восточная литература, 2006].
- Gandzaketsi Kirakos. *History of Armenia*. Translation from Old Armenian, Preface and Commentary by L.A. Khanlaryan. Moscow: Nauka, 1976 (in Russian) [Гандзакеци Киракос. *История Армении*. Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Л.А. Ханларян. М.: Наука, 1976].

- Gignoux Ph. Intailles sasanides de la collection Pirouzan. *Monumentum H.S. Nyberg*. III (*Acta Iranica*. 6. Deux Séries). Téhéran–Liège, 1975. Pp. 13–32.
- Gignoux Ph. *Catalogue des sceaux, camées et bulles sasanides de la Bibliothèque Nationale et du Musée du Louvre. II. Les sceaux et bulles inscrits*. Paris: Bibliothèque nationale de France, 1978.
- Gignoux Ph. Sceaux chrétiens d'époque sasanide. *Iranica Antiqua*. Vol. XV. 1980. Pp. 299–314.
- Gyselen R. *Catalogue des sceaux, camées et bulles sasanides de la Bibliothèque Nationale et du Musée du Louvre*. Paris: Bibliothèque nationale, 1993.
- Gosh Mkhitar. *The Albanian Chronicle*. Preface, Transl. and Commentary by Z.M. Bunyatov. Baku: Elm, 1960 (in Russian) [Гош Мхитар. *Албанская хроника*. Предисл., пер. и коммент. З.М. Бунятова. Баку: Элм, 1960].
- Göbl R. *Der sāsānidische Siegelkanon*. Braunschweig: Klinkhardt & Biermann, 1973.
- Ispahani. *Hamza Ispahani Annalum libri X*. T. I. Textus arabicus. Ed. J.M.E. Gottwald. Petropoli Lipsiae, 1844.
- Kalankatuatsi Movses. *History of the Land of Aluank*. Translation from Old Armenian, Preface and Commentaries by Sh.V. Smbatyabn. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of Arm. SSR, 1984 (in Russian) [Каланкатуаци Мовсес. *История страны Алуанк*. Пер. с древнеарм., предисл. и комментарии Ш.В. Смбабяна. Ереван: Издательство АН Арм. ССР, 1984].
- Kasumova S.Ju. Le sceau du Catolicos d'Albanie et du Balāsagān. *Studia Iranica*. 1991. T. 20. Fasc. 1. Pp. 23–32.
- Kasumova S.Yu. *Christianity in Azerbaijan in the Early Middle Ages*. Baku: Master Print & Publishing, 2005 (in Russian) [Касумова С.Ю. *Христианство в Азербайджане раннем средневековье*. Баку: Master Print & Publishing, 2005].
- Khorenatsi Movses. *History of Armenia*. Translation from Old Armenian, Introduction and Notes by G. Sarkisyan. Yerevan: Ayastan, 1990 (in Russian) [Хоренаци Мовсес. *История Армении*. Пер. с древнеарм., введ. и примеч. Г. Саркисяна. Ереван: Айастан, 1990].
- Khurshudyan E.Sh. Seal of Asay, Crown Prince of Aran. *Commentationes Iranicae. Collection of Articles for the 90th Anniversary of Vladimir Aronovich Livshits*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013. Pp. 191–201 (in Russian) [Хуршудян Э.Ш. Печать наследного принца Арана Асая. *Commentationes Iranicae. Сборник статей к 90-летию Владимира Ароновича Лившица*. СПб: Нестор-История, 2013. С. 191–201].
- Kolesnikov A.I. Iran at the Beginning of the 7th Century. *Palestinian Collection*. 22 (85). Leningrad: Nauka, 1970 (in Russian) [Колесников А.И. Иран в начале VII века. *Палестинский сборник*. Вып. 22 (85). Л.: Наука, 1970].
- Kolesnikov A.I. Administrative Toponyms on the Sasanian Seals. *Written Monuments and Problems of the History of Culture of the Peoples of the East. The 18th Annual Scientific Session of the Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences*. Papers and Reports. Vol. I. M.: Nauka, GRVL, 1985. Pp. 180–185 (in Russian) [Колесников А.И. Административные топонимы на сасанидских печатях. *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVIII годовичная научная сессия Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР*. Доклады и сообщения. Т. I. М.: Наука, ГРВЛ, 1985. С. 180–185].
- Kolesnikov A. I. Problems of Attribution of Administrative Toponymy on Official Sasanian Seals. *Eastern Historical Source Studies and Special Historical Topics*. Issue 1. Moscow: Nauka, GRVL, 1989. Pp. 247–254 (in Russian) [Колесников А.И. Проблемы атрибуции административной топонимии на официальных сасанидских печатях. *Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины*. Вып. 1. М.: Наука, ГРВЛ, 1989. С. 247–254].
- Koryun. *The Life of Mashtots*. Translation by Sh.V. Smbatyan and K.A. Melik-Oganjanyan. Yerevan: Aurretat, 1962 (in Russian) [Корюн. *Житие Машицоца*. Пер. Ш.В. Смбабяна и К.А. Мелик-Оганджяна. Ереван: Айпетрат, 1962].

Lerner J.A. *Christian Seals of the Sasanian Period*. Istanbul: Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut te Istanbul, 1977.

Lerner J.A. An Alan Seal. *Bulletin of the Asia Institute*. N.S., 2009. Vol. 19. Pp. 83–89.

Minorsky V.F. *The History of Shirvan and Derbend of the 10th–11th centuries*. Moscow: Izdatel'stvo Vostochnoi literatury, 1963 (in Russian) [Минорский В.Ф. *История Ширвана и Дербенда X–XI веков*. М.: Издательство восточной литературы, 1963].

Orbelyan Stepanos, Archbishop. *History of the Sisakan region*. Tiflis: N. Aganians Printing House, 1910 (in Old Armenian) [Ստեփանոս Օրբելեան արքեպիսկոպոս: *Պատմություն նսահանգի ն Միսակուն: Թիֆլիս: տպ. Ե. Աղանեանցի*, 1910].

Perikhanyan A.G. *Society and Law in Iran in the Parthian and Sasanian Periods*. Moscow: Nauka, 1983 (in Russian) [Периханян А.Г. *Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды*. М.: Наука, 1983].

Ritter N.C. Gemstones in Pre-Islamic Persia: Social and Symbolic Meanings of Sasanian Seals. Hilgner A., Greiff S., Quast D. (eds). *Gemstones in the First Millennium AD: Mines, Trade, Workshops and Symbolism*. International Conference, October 20th–22nd, 2015, Römisch-Germanisches Zentralmuseum, Mainz. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 2017. Pp. 277–292.

Staviskiy S.Ya. A Khionite Gem-Seal. *Reports of the State Hermitage Museum*. Vol. 20. Leningad: Iskusstvo, 1961. Pp. 54–56 (in Russian) [Ставиский Б.Я. Хионитская гемма-печать. *Сообщения Государственного Эрмитажа*. Т. XX. Л.: Искусство, 1961. С. 54–56].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ГАДЖИЕВ Муртазали Серажутдинович –
доктор исторических наук, профессор,
заведующий отделом археологии Института
истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского
центра Российской академии наук, Махачкала,
Россия.

Murtazali GADJIEV, DSc (History), Prof., Head
of Department of Archeology of the Institute of
History, Archeology and Ethnography, Dagestan
Federal Research Center of the Russian Academy
of Sciences, Makhachkala, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080014885-0

ПО ПОВОДУ ДАТИРОВКИ ХРИСТИАНИЗАЦИИ
КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

© 2021

А.А. АКОПЯН ^а^а – Институт востоковедения НАН РА, Ереван, Армения
ORCID: 0000-0003-4524-2145; jakobialex@yahoo.com

Резюме: Данная статья посвящена вопросам уточнения хронологии официального принятия христианства в Кавказской Албании, произошедшего в начале IV века н.э. Изучение сведений «Жития Григория Просветителя» (варианта «Истории» Агатангелоса), «Грамоты Гюта святому Вачэ», «Повести о Вачагане Благодетелем», «Истории Албании» Мовсэса Дасхуранци и других армянских источников позволяет полагать, что христианство в Албанском царстве было официально принято в 313 или 315 годах. Царём страны в это время был основоположник Аршакидской династии Албании Вачаган I Храбрый (а не его внук Урнайр), а царем Армении – Трдат (Тиридат) III Великий, представитель династии армянских Аршакидов. Как установила в 1969 г. Мари-Люиз Шомон, Трдат III с помощью Григория Просветителя принял христианскую веру на государственном уровне в июне 311 г., т.е. через два месяца после издания Сардикского эдикта императора Галерия (293–311) «О терпимости», в котором христианству был дан статус разрешённой религии. В 313 году после принятия в правление соимператоров Константина Великого (306–337 гг.) и Лициния (308–324) Миланского эдикта, который провозгласил религиозную терпимость на всей территории Римской империи, Трдат III привлёк к процессу христианизации также и младших союзников Армении Иверию – Картли, Албанию – Алуанк' и Лазикю – Егерк' (Колхиду). В первой половине 315 года Григорий Просветитель крестил прибывшего в Армению албанского царя Вачагана Храброго и рукоположил для его страны первого епископа Фому (основателя Албанской церкви с центром в столице Капалак), который был родом из города Сатала в Малой Армении. Весьма вероятно, что на этом же этапе христианизация охватила всю Кавказскую Албанию античного периода, т.е. территорию к северу от реки Кура до берега Каспийского моря и Дербентского прохода.

Ключевые слова: Албания, христианизация, «Житие Григория», «Повесть о Вачагане», Мовсэс Дасхуранци.

Для цитирования: Акопян А.А. По поводу датировки христианизации Кавказской Албании. *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 71–81. DOI: 10.31857/S086919080014885-0

ABOUT THE DATING OF THE CHRISTIANIZATION
OF CAUCASIAN ALBANIA

© 2021

Aleksan A. HAKOBYAN ^а^а – Institute of Oriental Studies of National Academy of Sciences RA,
Yerevan, Armenia
ORCID: 0000-0003-4524-2145; jakobialex@yahoo.com

Abstract: *The article is devoted to the issues of clarifying the chronology of official christianization of Caucasian Albania, which took place in the beginning of 4th century AD. The study of the information from the “Life of Gregory” (a variant of Agathangelos’ “History”), “Letter of Giut to Saint Vachē”, “Tale of Vachagan”, “History of Albania” by Movses Daskhuranci and other Armenian sources suggest that christianity in the Albanian kingdom was officially adopted in 313 or 315 years. The king of the country then was the founder of the Arsacid dynasty of Albania Vachagan I the Brave (but not his grandson Urnayr), and the king of Armenia was Tiridat III the Great, also Arsacid. As M.-L. Chaumont established in 1969, the latter, with the help of Gregory the Illuminator, adopted the Christian faith at the state level in June 311, two months after the publication of the Edict of Sardica “On Tolerance” by Emperor Galerius (293–311). In 313, after the appearance of the Edict of Milan, Tiridat attracted the younger allies of Armenia Iberia-Kartli, Albania-Aluank’ and Lazika-Egerk’ (Colchis) to the process of christianization. In the first half of 315, Gregory the Illuminator baptized the Albanian king (who had arrived in Armenia) and ordained the first bishop Tovmas (the founder of the Albanian church, with the center in the capital Kapalak) for his country: he was from the city of Satala in Lesser Armenia. Probably, at the same stage, christianization covered the whole of antique Albania, i.e. territory north of the Kura River, to the Caspian Sea and the Derbend Pass.*

Keywords: Albania, christianization, “Life of Gregory”, “Tale of Vachagan”, Movses Daskhuranci.

For citation: Hakobyan A.A. About the Dating of the Christianization of Caucasian Albania. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5. Pp. 71–81. DOI: 10.31857/S086919080014885-0

В научной литературе инициатором христианизации Кавказской Албании изначально считался царь Урнайр Аршакид (ок. 338–373), внук родоначальника Аршакидской царской династии страны Вачагана Храброго (ок. 298–318)¹. Ранее мной была аргументирована дата официального принятия христианства в Албанском царстве 315 годом [Акопян, 1987, с. 126], и эта версия была принята многими исследователями [Кананчев, 2001; Мамедова, 2005, с. 536–537²; Айвазян, 2015, с. 26]. Однако в настоящее время необходима определенная коррекция аргументации указанной датировки.

Согласно средневековым армянским источникам, в Албанском царстве христианство в качестве официальной религии было принято в начале IV в. в годы царствования в Армении Трдата (Тиридата) III Великого (298–330). Так, «национальный» или «армянский» вариант «Истории Армении» Агатангелоса (Агафангела), который считается составленным во второй половине V в., сообщает, что просветитель Армении Григорий (Григор), сын парфянского вельможи Анака, с помощью царя Трдата распространил христианство по всей стране и до пределов Кавказского хребта: «...простирает [Григор] проповедь Евангелия: от города саталийцев до края Халтик³, до Кларджк³, до самых [северных] пределов [страны] маскутов, до врат Аланских и до врат Каспийских»³. Под «вратами», несомненно,

¹ См., напр.: [Бархутарянц, 1902, с. 56–58; *Очерки*, 1958, с. 323 (автор раздела «Идеология и культура Албании III–VII вв.» – акад. С.Т. Еремян)]. Хронология правления албанских царей уточнена нами [Акопян, 2003, стб. 63–71].

² З.В. Кананчев и Ф.Дж. Мамедова предпочитают датировку 314 годом.

³ См.: [Агатангелос, 1909, § 842, с. 439–440 (далее перечисляются: «...до города Пайтакарана в царстве Армянском, от города Амиды до Мицины, дошел до пределов Ассирии, в земле Нор-Ширакан и области Кордук³, до неприступной страны маров, до дома ишкана Махк’р-Туна, до Атрпатакана простирает свою проповедь Евангелия»)]. Перевод по изданию (с моими небольшими правками): [Агатангелос, 2004, с. 246]. Ср. также: [Lafontaine, 1973, § 152, p. 323]. Приведенное чтение «до врат Каспийских» вместо «до пределов Каспийских»,

выступают Дарьяльский и Дербентский проходы, следовательно, в указанные автором пределы распространения новой религии входили как территория Албанского царства IV в., так и расположенного к востоку от него (от устья Куры до Дербента) царства Маскутов (Баласакан).

О принятии христианства в Албании и соседних странах более подробно рассказывает другой вариант сочинения Агатангелоса, который в научной литературе именуется «Житием Григория». Его несохранившийся армянский оригинал был составлен, по мнению издателя греческого текста Ж. Гаритта, раньше так называемого национального Агатангелоса, в первой половине V в. В настоящее время «Житие» известно в переводах на греческий [Garitte, 1946]⁴, арабский [Март, 1906; Жамкочян, 2016]⁵, каршунский (арабо-сирийский) и сирийский [Van Esbroeck, 1971; 1977]⁶. Его текст содержит важные подробности, не попавшие в «армянский» Агатангелос, в том числе и уникальные сведения об Албании, Иверии и Лазике.

По рассказу версий «Жития Григория», решаемые в царстве Великой Армении особой значимости государственные дела нередко касались также и трех соседних царств – Албанского, Иверского и Лазского⁷. При перечислении участников важнейших событий цари этих стран упоминаются (хотя и без использования имен) сразу после армянского царя Тиридата (Трдата III) и перед армянскими князьями-*нахарарами*. Так, примкнув к христианской вере, которую проповедовал освобожденный из заточения Григорий Просветитель, царь Тиридат собирает у себя всех армянских князей и посылает приглашения царям Албании, Иверии и Лазики, которые прибывают к нему [Март, 1906, с. 114–115; Garitte, 1946, § 92, 98, р. 70–72; Жамкочян, 2016, с. 163–164]. Вместе с этими царями он отправляет Григория с большой свитой (16 влиятельных князей во главе со спарпапетом Артаваздом Мамиконяном, с 3 тыс. всадников) в Каппадокийскую Кесарию (центр восточных провинций Римской империи) и вместе с ними же встречает его по возвращении в царской летней резиденции Багаван (в верховьях Арацани, совр. р. Мурад) [Март, 1906, с. 132–133; Garitte, 1946, § 159, р. 97; Жамкочян, 2016, с. 181]⁸. В Кесарии в сентябре 314 г. Григорий торжественно получает сан архиерея-епископа Армении на епископском соборе во главе с архиепископом Леонтием Кесарийским (собор, видимо, состоялся 14 сентября в церковный праздник Поминовения всех мучеников, как этого требовали «Апостольские каноны»). Имена участвовавших в соборе 20 епископов (по «Житию») сохранила только «Армянская книга канонов» в конце списка участников Никейского собора 325 г. в небольшой вставке под заглавием «И те, кто собрались в Кесарии» [Армянская книга канонов, 1964, с. 150].

После возвращения из Кесарии на родину свита Григория делает большой объезд на юг, в сторону области Тарон, где закладывается основание церкви Св. Предтечи (т.е. монастыря Сурб Карапет недалеко от г. Муш). Просветитель оставляет там мощи Св. Иоанна Крестителя и Св. Афиногена, полученные от Леонтия Кесарийского, после чего отправляет проповедников в разные области Армении и соседних стран [Garitte, 1946, § 163, р. 98]. Затем Григорий прибывает в область Багреванд (на юге провинции Айрарат), где после 30 дней подготовки он крестит в р. Арацани близ с. Багаван великое множество народа –

имеющегося в изданиях, передают вторая (древнейшая) группа рукописей армянского варианта и две греческие рукописи (см. в подстрочниках).

⁴ Перевод на новоармянский: [Новоявленная греческая редакция, 1966]. Ср. также т. наз. смешанный или Охридский вариант «Жития»: [Garitte, 1965].

⁵ Ср. также частичное издание: [Тер-Гевондян, 1973].

⁶ Перевод сирийского текста «Жития» на новоармянский: [Тер-Петросян, 1987; 1988; 1989].

⁷ В арабской версии соответственно указаны Аланское (ошибочно), Грузинское и Абхазское царства.

⁸ Подробнее всего об этих исторических событиях и их датировке см.: [Ананян, 1960, с. 146–170 (переизд.: Венеция, 1998, с. 70–86); Chaumont, 1969, р. 147–164 (гл. VII «Le sacre à Césarée et le baptême à Bagawan»)].

370 тыс. чел. Вместе с другими крещение принимают Трдат III со своей семьей, а также цари Лазики, Иверии и Албании, имена которых, к сожалению, не называются [Garitte, 1946, § 164, p. 99; ср.: Марр, 1906, с. 134–135; Жамкочян, 2016, с. 181–182].

«Житие Григория» сообщает и о епископе Албании, назначенном Просветителем после крещения царей и народа. Григорий рукополагал и отправлял в разные области страны, а также в соседние три царства иереев и епископов. Так, в Иверию он послал епископом Иринарха⁹, который был диаконом из Себастии в Малой Армении, где по пути в Кесарию и обратно Просветитель останавливался и набирал для Армении священнослужителей; в Лазикю был отправлен епископ Софроний, бывший иерей из Каппадокии; а «...в Албанию же [Григорий] отправил Фому, мужа благочестивого (в переводе Н. Марра – «избранного») из маленького города Саталы» (“Εἰς δὲ Ἀλβανίαν Θωμᾶν ὄσιον ἄνδρα. ἐκ τῆν Σαταλέων τῆς μικρᾶς πόλεως”) [Garitte, 1946, § 170, p. 101–102; ср.: Марр, 1906, с. 136–137; Жамкочян, 2016, с. 184].

Итак, из «Жития Григория» мы узнаем о крещении царя Албании спустя какое-то время после рукоположения Просветителя в Кесарии и о первом албанском епископе – Фоме из Саталы (в Малой Армении). Основываясь на этом, я относил официальное принятие христианства Албанией к концу весны 315 г., считая, что после собора в Кесарии (сентябрь 314 г.) обратное путешествие Просветителя в Багаван, где он совершил обряды крещения царей и рукоположения епископов, могло завершиться лишь через несколько месяцев, т.е. уже после зимы 314/315 г. [Акопян, 1987, с. 126]. Но попытаемся уточнить эту датировку. В первую очередь, обратимся к подробностям принятия христианства в Армении, а затем в Иверии.

Дату рукоположения Григория в Кесарии (сентябрь 314 г.) уточнил архимандрит Погос Ананян [Ананян, 1960]. Но, специально не коснувшись проблемы уточнения даты исхода Просветителя из Хорвирапа, с чем связано принятие христианства в Армении, он допустил возможность датировки этого события предшествующими месяцами 314 г., т.е. уже после Миланского эдикта, подписанного соимператорами Константином (306–337) и Лицинием (308–324) в 313 г., по которому прекращались гонения на христиан и их вера объявлялась одной из равноправных религий империи. Однако в 1969 г. Мари-Луиз Шомон показала, что официальное принятие христианства в Армении, начавшееся исходом Григория из Хорвирапа и прибытием в столицу Вагаршапат, произошло намного раньше Миланского эдикта, а именно сразу после эдикта «О терпимости» императора Галерия (293–311), изданного в иллирийском городе Сардика 30 апреля 311 г. (за 5 дней до своей смерти) и давшего христианству статус разрешенной религии. После этого восточные провинции Рима, соседние с Арменией, объявили о своей приверженности христианской вере, а вместе с ними её приняло на государственном уровне и Армянское царство [Chaumont, 1969, p. 147–164]. Так можно понять прямое свидетельство современника событий Евсевия Кесарийского о том, что легионы соимператора Максимиана (305–313), который в отличие от Константина и Лициния вскоре отказался следовать положениям Сардикского эдикта и возобновил в подвластных ему восточных провинциях гонения на христиан, зимой 311/312 гг. вторглись в «издавна дружественную и союзническую Римлянам» Армению, чтобы заставить армян отказаться «от истинного Бога христиан» и вернуться к жертвоприношениям языческим «идолам и чудищам», но получили отпор и «с позором ушли оттуда» [Eus. HE, IX, 8]. Ныне многие учёные, занимавшиеся проблемой датировки этих событий, принимают точку зрения М.-Л. Шомон [см.: Mahé, 2002, S. 111; Mardirossian, 2001–2002; Юзбашян, 2006, с. 12].

⁹ В обеих арабских рукописях из-за lapsus calami переписчика Н. Марр и А. Жамкочян смогли прочитать лишь имя рукоположенного в митрополиты Грузии – «Ибир-б-з-хуа» [Марр, 1906, с. 137; Жамкочян, 2016, с. 184, ср. прим. 182].

Развивая ее версию, я показал, что данные армянского церковного календаря позволяют датировать «исход Григория из Хорвирапа» и христианизацию Армении 24 июня 311 г. [Акопян, 2011, стб. 256–258; 2015(2): 2020, с. 77–80].

Следует помнить, что часть учёных и Армянская Апостольская Церковь, придерживаются традиционной датировки официального принятия Арменией христианства 301–302 гг., которая, кстати, была высчитана с помощью хронологических построений Хоренаци еще в раннем средневековье, вероятно, в начале VII в. Вртанэсом Кертохом. Аргументация этой датировки в начале XX в. обобщена в «Азгапатуме» («Национальная история») М. Орманяна [Орманян, 2002, § 53–60, с. 82–92]. Другие учёные, в основном зарубежные, предпочитают датировку мхитариста П. Ананяна 314 годом. Появляются также попытки обосновать дату 305–306 гг. [см.: Манасерян, 1997, с. 197–201; Арутюнян, 2006] или даже 294–296 гг. [Yevadian, 2008, p. 365–370]. Но обращает внимание, что сторонники тех или иных дат обходят молчанием аргументы М.-Л. Шомон.

Ранее я полагал, что по данным «Жития Григория» христианизацию Иверии также следует датировать 315 годом, но ныне есть основания отнести это событие к 311 г.¹⁰ На это указывают сведения в специальной главе «О блаженной Нунэ и о том, как она стала причиной спасения иверов» в труде Мовсэса Хоренаци. Приведу перевод этого отрывка с нашими некоторыми поправками: «Некая женщина по имени Нунэ из числа рассеявшихся сподвижниц Рипсимэ, ускользнув, добралась до Иверской страны, до Мцхита, их первопрестольного города. Великим смирением она обрела дар исцеления, посредством которого излечила множество недужных, и совершенно [исцелила] жену предводителя иверов Михрана. По этому поводу Михран спросил ее: “Какой силой ты творишь эти чудеса?”, и услышал проповедь Евангелия Христова. ... Тут *дошла до него и весть* [здесь и далее выделено мной. – А.А.] о чудесах, случившихся в Армении с царём и нахарарами, и о подругах блаженной Нунэ. ... Случилось так, что Михран *в эти дни* отправился на охоту. Он заблудился на трудных горных тропах из-за мглы... Придя в ужас, он вспомнил услышанное о Трдате, как тот, пустившись в дорогу с намерением поохотиться, был поражён Господом... Обуянный великим страхом, он стал молитвенно просить, чтобы воздух прояснился, и он мог возвратиться с миром, и обещал поклониться Богу Нунэ. Обретя испрошенное, *он выполнил обещание*. Блаженная же Нунэ разыскала верных людей и послала их к святому Григору узнать, что он прикажет ей делать дальше, ибо иверы с готовностью приняли проповедование Евангелия. И получила она повеление сокрушить идолы, как это сделал он сам, и воздвигнуть знамение честного креста до того дня, *пока Господь не даст им пастыря в предводители*» [Хоренаци, 1990, гл. II, 86, с. 131–32]¹¹.

Отмеченные нами фразы, полагаю, прямо указывают на время, непосредственно следовавшее за исходом Григория из Хорвирапа (после Сардикского эдикта 311 г.) и до его согласия отправиться для рукоположения в Кесарию (после Миланского эдикта 313 г.). Поэтому можно полагать, что в 314 г. царь Иверии Михран (Мириан) прибыл в Армению по приглашению Трдата (как сообщает «Житие Григория») уже примкнувшим, как и сам Трдат, к христианству. Представляет интерес небольшая подробность «Картлис Цховреба» о том, что царь Мириан отправился на свою судьбоносную охоту 20 июля, и это мог быть июль 311 г., т.е. спустя месяц после прибытия Григория из Хорвирапа в Вагаршапат

¹⁰ Об этом в декабре 2011 г. я прочитал доклад на республиканском симпозиуме «Кавказский культурный мир и Армения», посвященном 35-летию Отдела Христианского Востока Института востоковедения НАН РА [Акопян, 2015(2), с. 9–11].

¹¹ В конце главы Хоренаци обобщает рассказ о св. Нунэ: «Став, дерзну сказать, апостолом, она [прошла], проповедуя от Кларджк'а вдоль Аланских и Каспийских ворот и вплоть до пределов мазкутов, как по этому поводу наставляет тебя Агатангелос».

(24 июня 311 г.). В грузинской историографии поддерживается традиционная датировка официальной христианизации страны 337 годом, которая восходит к акад. И. Джавахишвили и основывается на хронологических построениях средневековых грузинских источников и рассказа Геласия Кесарийского (кон. IV в.) (сохранившегося у Руфина, Сократа Схоластика и др.), услышавшего его от некоего Бакура из грузинской царской семьи (см., напр.: [Ингорюк, 1941, с. 317; Кекелидзе, 1955, с. 19–20; 1957, с. 252–292; Меликишвили, 1958, с. 161; Мгалоблишвили, 1988; *Очерки истории Грузии*, 1988, с. 49])¹². Но на основании приведенных данных можно утверждать, что официальная христианизация Грузии имела место в 311 г.

Но остается вопрос: можно ли на основании представленной даты христианизации Иверии допустить, что в 311 г. к новой религии одновременно с Арменией и Грузией примкнула и Албания? Представляется, что при отсутствии прямых указаний источников ответ должен быть отрицательным. Однако вероятно допустить, что положение должно было измениться после появления Миланского эдикта 313 г. и решения Трдата отправить Григория для рукоположения в Кесарию, после чего были отправлены письменные приглашения соседним царям (см. выше). Логично полагать, что в этих письмах сообщалось о причине приглашения, следовательно, не только иверский, но и албанский, и лазский цари приезжали к Трдату уже подготовленные к новой вере.

В «Житии Григория» не сохранилось имя албанского царя, принявшего христианство. В «Грамоте епископа Гюта святому Вачэ» (критическое изд.: [Гют, 2003, с. 1075–1089]), приведенной у Мовсэса Дасхуранци (кон. X в.), содержится рассказ о принятии христианства албанским царем Урнайром (ок. 338–373) [Акопян, 2003, стб. 63–71]. Армянский католикос Гют Арахезаци (461–471) пишет, что в своё время царь Урнайр прибыл в Армению, после 40 дней поста принял крещение от Григория Просветителя, получил от него благословение и первого епископа Албании, который был «родом из Рима», и, вернувшись на родину, просветил свою страну [Каланкатуаци, 1983, гл. I, 11, с. 18–20; ср.: *Dasxuranc'i*, 1961, p. 10–12; Каланкатуаци, 1984, с. 29–30]. У Дасхуранци имеется также небольшая глава об Урнайре, «просветителе Албании» [Каланкатуаци, 1983, гл. I, 9, с. 14–15]. Еще в 1987 г. я попытался показать, что, хотя общая картина рассказа Гюта совпадает со сведениями «Жития Григория», само имя Урнайра является в дошедшем до нас тексте анахронизмом и явно вымышленной подробностью, т.к. исторический Урнайр – третий в списке Аршакидских царей Албании – правил во времена не Трдата III (298–330), а его правнука, армянского царя Папа (368–374) [Фавстос, 1953, гл. V, 4–5, с. 148–154; Хоренаци, 1990, гл. III, 37, с. 177; ср.: Каланкатуаци, 1983, гл. I, 13, с. 31]¹³. Тогда, следуя за Н. Акиняном, я предположил, что «Грамота» может не принадлежать перу католикоса Гюта, а быть написанной позже (в нач. VIII в.) с целью поддержать борьбу армянских церковных кругов против автокефальных устремлений Албанского католикосата [Акопян, 1987, с. 126–127; ср.: Акинян, 1970, с. 124–150]. Но позже, в 2003 г., я показал, что «Грамота» Гюта аутентична, а имя Урнайра в ней является вставкой Дасхуранци на основании поздней легенды (VII века, когда была создана и легенда об апостоле Елишае) [Акопян, 2003, стб. 74–78; ср.: Акопян, 2020, с. 84–85].

В этой же статье было показано, что имя албанского царя, реального просветителя страны, т.е. Вачагана I Храброго, сохранилось в «Повести о Вачагане» – достоверном источнике, написанном в нач. VI в. и включенном в «Историю Албании» Мовсэсом Дасхуранци в X в. В последней главе «Повести о Вачагане» сохранился такой текст: «...славу которого [т.е. Вачагана. – А.А.] я считаю ничуть не меньшей, чем слава владыки Запада – импера-

¹² Обзор литературы и источников см.: [Акинян, 1949, с. 1–52; Давтян, 2013, с. 25–50].

¹³ Отдельные учёные связывают христианизацию Албании именно с царем Урнайром [Bais, 2001, p. 106; Мамедова, 2005, с. 537; *The Caucasian Albanian Palimpsests*, 2008, p. 11–12; Свэзьян, 2019, с. 107–109].

тора Константина, или [царя] Трдата Аршакуни, добывшего спасение Великой Армении» [Каланкатуази, 1983, гл. I, 23, с. 55]. Но в самом источнике, анонимный автор которого далёк (в отличие от историка-компилятора конца X в.) от чрезмерных преувеличений и параллелей, данное сравнение с персонажами IV века Константином Великим и Трдатом могло касаться не Вачагана Благочестивого (ок. 485–523), как представлено в дошедшем до нас тексте Дасхуранци, а основателя династии Аршакидов Албании Вачагана Храброго (ок. 298–318) [Акопян, 2003, стб. 78–84].

На каких же территориях Албании распространилось христианство в 313–315 гг.? Включала ли епархия первого епископа страны Фомы кроме собственно Албанского царства со столицей в Капалаке (Кабала) также и район Дербента-Чора? Известно, что в нач. III в. из состава царства античной Албании вышли его приморские территории от Куры до Дербента, где армянские, сирийские и другие источники помещают Маскутское царство или страну Баласакан (см.: [Акопян, 1987, с. 96–109]). Из сообщений историков V в. (Фавстос Бузанд, Хоренаци) известно, что в нач. 330-х гг. рукоположенный Григорием Просветителем епископом Албании и Иверии его внук Григорис начал энергичную миссионерскую деятельность, но при проповеди христианской морали среди маскутов был убит их царём Санесаном на поле Ватнеай, южнее Чора-Дербента [Фавстос, 1953, гл. III, 5–6, с. 11–14; Хоренаци, 1990, гл. III, 3, с. 259–260]. Из армянской литературы известно, что «поле Ватнеай» соответствует зоне пос. Старый Хачмас, куда спускается дорога из г. Куба [ср. Акопян, 2015(1), с. 139–140]; там сохранились некоторые христианские древности, в т.ч. несколько могильных камней с армянскими эпитафиями, в которых упомянуты цари-«крейсары» развитого средневековья [Джалалянц, 1858, с. 420; Бархударянц, 1893, с. 134; 1902, с. 195; Смбатянц, 1896, с. 544], известные по «Хронографии» Маттэоса Урхаеци (XII в.) [Маттэос, 1898, с. 3–4, 231]. Правда, я полагаю, что эти эпитафии были написаны в позднем средневековье и на литературной основе, а именно по данным Маттэоса; т.е. это фактически кенотафы, которые не могут служить доказательством существования «Армяно-албанского царства» в районе Дербента, как в свое время полагал С. Бархударян [Бархударян, 2011, с. 148, прим. редактора; см. также: Акопян, 2011, стб. 248–255; 2020, с. 281–287].

На основании этих сведений можно было бы полагать, что в 313–315 гг. район Дербента мог стоять в стороне от проникновения христианства. Но нельзя забывать и о сообщении Агатангелоса о том, что проповедь христианства Григорием Просветителем дошла «...до самых пределов [страны] маскутов, до врат ... Каспийских» [Агатангелос, 1909, § 842, с. 439–440; Lafontaine, 1973, § 152, р. 323], т.е. до Дербентского (или Чорского) прохода. Следовательно, можно полагать, что официальное принятие христианства в Албании имело место в 313–315 гг., и оно охватило всю страну к северу от р. Куры до Каспийского моря и Дербента.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

ЗВОИРАО – Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества (СПб.) [*ZVOIRAO* – Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Агатангелос. *История Армении*. Подготовили Г. Тер-Мкртчян и Ст. Канаянц. Тифлис: Типография М. Мартиросянца, 1909 (на армянском) [Agathangelos. *History of Armenia*. Prepared by G. Ter-Mkrtschean and St. Kanayants. Tiflis: M. Martiroseants Printing house, 1909 (in Armenian)].

Агатангелос. *История Армении*. Пер. с древнеарм., вступит. статья и комментарии К.С. Тер-Давтян и С.С. Аревшатыан. Ереван: Наиря, 2004 [Agathangelos. *History of Armenia*. Translation from the Ancient Armenian, Preface and Commentary by K.S. Ter-Davtyan and S.S. Arevshatyan. Yerevan: Nairi, 2004 (in Russian)].

Айвазян Г. Об удинской этноконсолидации собственно албанцев-христиан в эпоху средневековья. *Армения и Христианский Кавказ. Республиканский симпозиум, посвященный 1700-летию принятия христианства в Кавказской Албании и Грузии*. Ереван: Гитутюн, 2015. С. 20–44 [Ayuzyan G. About Udi Ethnoconsolidation in the Middle Ages. *Armenia and Christian Caucasus. Republican Conference devoted to the 1700-th Anniversary of Adoption of Christianity in Caucasian Albania and Georgia*. Yerevan: Gitutyun, 2015. Pp. 20–44 (in Russian)].

Акинян Н. *Вхождение христианства в Армению и Грузию согласно традиции князя Бакура*. Вена: Типография Мхитаристов, 1949 [Akinean N. *The Entrance of Christianity into Armenia and Georgia according to the Tradition of Prince Bakur*. Vienna: Mechitharisten Buchdruckerei, 1949 (in Armenian)].

Акинян Н. *Мовсэс Дасхуранци (называемый Каланкатуацци) и его История Албании*. Вена: Типография Мхитаристов, 1970 [Akinean N. *Movsēs Dasxurançi (called Kalankatuaci) and His History of Albania*. Vienna: Mechitharisten Buchdruckerei, 1970 (in Armenian)].

Акопян А.А. *Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках*. Ереван: АН Арм. ССР, 1987 [Akopyan A.A. *Albania-Aluank in Greek-Roman and Old-Armenian Sources*. Yerevan: Academy of Sciences of Arm. SSR, 1987 (in Russian)].

Акопян А. «Повесть о Вачагане» и проблема Аршакидского царства Албании IV–VI веков. *hАндэс Амсореа*. Год СХVII. Вена, 2003. Стб. 45–142 [Hakobean A. “Tale of Vachagan” and the Problem of Arsacid Kingdom of Albania in the 4th–6th Centuries. *Handēs Amsorya*. CXVII. Vienna, 2003. Col. 45–142 (in Armenian)].

Акопян А. Царства Собственно Албании и Восточных краев Армении в IX–X веках. *hАндэс Амсореа*. Год СХХV. Вена, 2011. Стб. 189–260 [Hakobean A. The Kingdoms of Proper Albania and Eastern Regions of Armenia in the 9th–10th Centuries. *Handēs Amsorya*. CXXV. Vienna, 2011. Col. 189–260 (in Armenian)].

Акопян А.А. К хронологии завершения этноконсолидации удинов и лезгин (Период ослабления Арабского халифата). *Albania Caucasia*. Вып. I. Отв. ред.: А.К. Аликберов, М.С. Гаджиев. М.: ИВ РАН, 2015(1). С. 129–147 [Hakobean A.H. A Chronology of the Process of Consolidation of the Udis and the Lezgins (During the Descent of the Arab Caliphate). *Albania Caucasia*. I. Alikberov A.A., Gadjiiev M.S. (eds.). Moscow: Institute of Oriental Studies, 2015(1). Pp. 129–147 (in Russian)].

Акопян А. Проблема датировки вхождения христианства в Грузию, Лазик и Албанию. *Армения и Христианский Кавказ. Республиканский симпозиум, посвященный 1700-летию принятия христианства в Кавказской Албании и Грузии*. Ереван: Гитутюн, 2015(2). С. 3–15 (на армянском) [Hakobean A. The problem of the Christianity Entrance Dating in Iberia, Lazika and Albania. *Armenia and Christian Caucasus. Republican Conference devoted to the 1700-th Anniversary of Adoption of Christianity in Caucasian Albania and Georgia*. Yerevan: Gitutyun, 2015(2). Pp. 3–15 (in Armenian)].

Акопян А. *Царские и княжеские роды Собственно Албании и Восточных краев Армении с античности до XIII века (Историко-источниковедческий анализ)*. Ереван: Гитутюн, 2020 [Hakobyan A. *The Royal and Princely Houses of Proper Albania and Eastern Regions of Armenia from Antiquity to the 13th Century (Historical and Source Study Examination)*. Yerevan: Gitutyun, 2020 (in Armenian)].

Ананян П. *Дата и обстоятельства рукоположения Св. Григора Просветителя*. Венеция: Св. Лазар, 1960 [Ananecan P. *Date and Circumstances of the Consecration of St. Gregory the Illuminator*. Venice: St. Lazare, 1960 (in Armenian)].

Армянская книга канонов. Предисловие, научно-критич. текст и примеч. В. Акопяна. Т. I. Ереван: АН Арм. ССР, 1964 [Armenian Book of Canons. Preface, Scientific Critical Text, and Notes by V. Hakobyan. Vol. I. Yerevan: Academy of Sciences of Arm. SSR, 1964 (in Armenian)].

Арутюнян Б. Когда христианство было провозглашено в Армении государственной религией? *hАндэ Амсореа*. Год СХХ. Вена, 2006. Стб. 85–195 [Harutiunean A. When was Christianity Declared the State Religion in Armenia? *Handēs Amsorya*. СХХ. Vienna, 2006. Col. 85–195 (in Armenian)].

Бархударян С. *Страницы из истории Арцаха и армяно-албанских отношений*. Научные ред.: А. Акопян и К. Асагрян. Ереван: НАН РА, 2011 [Barkhudaryan S. *Pages from the History of Artsakh and the Armenian-Albanian Relations*. A. Hakobyan and K. Asatryan (eds.). Yerevan: NAS of RA, 2011 (in Russian)].

Бархударянец М. *Страна Албания и соседи*. Тифлис: Типография М. Шарадзе, 1893 [Barkhutareants M. *The Land of Albania and its Neighbors*. Tiflis: Printing house of M. Sharadze, 1893 (in Armenian)].

Бархударянец М. *История Албании*. Т. I. Вагаршапат: Типография Н. Аганянца, 1902 [Barkhutareants M. *The History of Albania*. Vol. I. Vagharshapat: Printing house of N. Aghaneants, 1902 (in Armenian)].

Гют Арахезаци. Грамота Святому Вачэ. Критич. текст и предисловие А. Акопяна. *Армянские классические писатели (Матенагирк' hАйоц)*. Т. I. V век. Антилиас, 2003. С. 1075–1089 [Gyut Arahezaçi. Epistle to St. Vachē. Critical text and Preface by A. Hakobyan. *Armenian Classical Writers (Matenagirk' Hayoc)*. Vol. I. Antilias, 2003. Pp. 1075–1089 (in Armenian)].

Давтян Г.К. Христианизация Грузии. Армянский взгляд. *Вэм*. № 2. Ереван, 2013. С. 21–50 [Davtyan H.K. Christianization of Georgia. Armenian view. *Vem*. No. 2. Yerevan, 2013. Pp. 21–50 (in Armenian)].

Джалалянц С. *Путешествие в Великую Армению*. Ч. II. Тифлис: Типография Духовной семинарии, 1858 [Djalaleants S. *Travel to Great Armenia*. Part II. Tiflis: Printing house of Theological Seminary, 1858 (in Armenian)].

Жамкочян А.С. *Житие св. Григория Просветителя Армении по арабской синайской рукописи 455*. Ереван: Гитутюн, 2016 [Jamkochyan A.S. *The Life of St. Gregory the Illuminator of Armenia in Ms. Sin. Ar. 455*. Yerevan: Gitutyun, 2016 (in Russian)].

Ингороква П. Древнегрузинская хроника «Обращение Картли» и список иберийских царей античной эпохи. *Вестник Гос. музея Грузии*. Т. XI. 1941 [Ingorokva P. The Ancient Georgian Chronicle “Conversion of Kartli” and the List of the Iberian Kings of the Ancient Era. *Herald of State Museum of Georgia*. T. XI. 1941 (in Georgian)].

Каланкатуаци, Мовсэс. *История страны Алуанк'*. Критич. текст и предисловие В. Аракеляна. Ереван: АН Арм. ССР, 1983 [Movsēs Kalankatuaci. *History of the Country of Alouank'*. Critical Text and Preface by V. Arakelyan. Yerevan: Academy of Sciences of Arm. SSR, 1983 (in Armenian)].

Каланкатуаци, Мовсэс. *История страны Алуанк'*. Пер. с древнеарм., предисловие и комментарий Ш.В. Смбагыана. Ереван: АН Арм. ССР, 1984 [Movsēs Kalankatuaci. *History of the Country of Alouank'*. Trans. from the Ancient Armenian, Preface and Commentary by Sh.V. Smbatyan. Yerevan: Academy of Sciences of Arm. SSR (in Russian)].

Кананчев З. К вопросу о датировке христианизации народов Кавказской Албании и Армении. *The History of the Caucasus*. № 1. Баку, 2001. С. 41–46 [Kananchev Z. On the Question of Dating the Christianization of the Peoples of Caucasian Albania and Armenia. *The History of the Caucasus*. No. 1. Baku, 2001. Pp. 41–46 (in Russian)].

Кекелидзе К.С. *Этюды по истории древнегрузинской литературы*. Т. III. Тбилиси: Мецниереба, 1955 [Kekelidze K. *Etudes in the History of Old Georgian Literature*. Vol. III. Tbilisi: Metsniereba, 1955 (in Georgian)].

Кекелидзе К.С. *Этюды по истории древнегрузинской литературы*. Т. IV. Тбилиси: Мецниереба, 1957 [Kekelidze K. *Etudes in the History of Old Georgian Literature*. Vol. IV. Tbilisi: Metsniereba, 1957 (in Georgian)].

Мамедова Ф. *Кавказская Албания и албаны*. Баку: Центр исследований Кавказской Албании, 2005 [Mamedova F. *Caucasian Albania and the Albans*. Baku: Research Center of Caucasian Albania, 2005 (in Russian)].

Манасерян Р. *Армения от Артавазда до Трдата Великого*. Ереван: Арег, 1997 [Manaseryan R. *Armenia from Artavazd to Trdat the Great*. Yerevan: Areg, 1997 (in Armenian)].

Март Н. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием (Арабская версия). *ЗВОИРАО*. Т. 16. СПб., 1906. С. 63–211 [Marr N. Epiphany of Armenians, Georgians, Abkhazians and Alans by St. Gregory (Arab Version). *ZVOIRAO*. Vol. 16. St.-Petersburg, 1906. Pp. 63–211 (in Russian)].

Маттэос, Урхаеци. *Хронография*. Вагаршапат: Св. Эджмиацин, 1898 [Matthēos Urhayeci. *Chronography*. Vagharshapat: St. Ejmiatsin, 1898 (in Armenian)].

Мгалоблишвили Т. Раннехристианская Картли (IV–V вв.). *Мацне*. Сер. языка и литературы. № 1. Тбилиси, 1988 [Mgaloblishvili T. Early Christian Kartli (4th–5th centuries). *Matsne*. Language and Literature Series. No. 1. Tbilisi, 1988 (in Georgian)].

Меликишвили Г. К вопросу о хронологии истории Картли (Иберии). *Труды Института истории*. Т. IV. Вып. I. Тбилиси, 1958. С. 161–168 (на груз. яз.) [Melikishvili G. On the Question of the Chronology of the History of Kartli. *Works of the Institute of History*. Vol. IV. Part I. Tbilisi, 1958. Pp. 161–168 (in Georgian)].

Новоявленная греческая редакция (Житие) Истории Агатангелоса. Пер. Г. Бартияна. Предисловие и комментарии А. Тер-Гевондяна. *Эджмиацин*. 1966. № VII. С. 28–34; № VIII. С. 46–51; № IX–X. С. 79–87 [The Newly Found Greek Edition (Hagiography) of the History of Agathangelos. Transl. by H. Bartikyan. Preface and Commentary by A. Ter-Ghevondyan. *Ejmiatsin*. 1966. No. VII. Pp. 28–34; No. VIII. Pp. 46–51; No. IX–X. Pp. 79–87 (in Armenian)].

Орманян М. *Национальная история («Азганатум»)*. Вагаршапат: Св. Эджмиацин, 2002 [Ormanean M. *Azgaratum*. Vagharshapat: St. Ejmiatsin, 2002 (in Armenian)].

Очерки истории Грузии. Т. II. Грузия в IV–X веках. Тбилиси: Метцниереба, 1988 [Essays on the History of Georgia. Vol. II. Tbilisi: Metsniereba, 1988 (in Georgian)].

Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III–IX вв. Отв. ред. акад. Б.А. Рыбаков. М.: Изд-во АН СССР, 1958 [Essays of History of the USSR. The Crisis of the Slave System and the Emergence of Feudalism on the Territory of the USSR. 3rd–9th Centuries. B.A. Rybakov (ed.). Moscow: Academy of Sciences of USSR, 1958 (in Russian)].

Свазян Г.С. *Армяно-алванские церковные отношения во II–VIII вв.* Вагаршапат: Св. Эджмиацин, 2019 [Svazyan H.S. *Armenian-Alvanian Church Relations in the 2nd–8th Centuries*. Vagharshapat: St. Ejmiatsin, 2019 (in Armenian)].

Смбатянц М. *Описание монастыря Св. Степаноса в Сагиане и окрестных монастырей, городов и сёл Шамахинской епархии*. Тифлис: Типография Варданеанц, 1896 [Smbateants M. *Description of the Monastery of St. Stepanos in Saghian and the Surrounding Monasteries, Towns and Villages of Shamakhi Diocese*. Tiflis: Vardaneants Printing house, 1896 (in Armenian)].

Тер-Гевондян А. Новонайденный полный текст арабской версии Агатангелоса. *Историко-филологический журнал*. № 1. Ереван, 1973. С. 209–236 [Ter-Ghevondyan A. Newly Found Full Text of the Arabic Version of Agathangelos. *Historical and Philological Journal*. No. 1. 1973. Pp. 209–236 (in Armenian)].

Тер-Петросян Л.А. Сирийский перевод Агатангелоса. *Эджмиацин* (Вагаршапат). 1987. № XI–XII. С. 83–89 [Ter-Petrosyan L.A. The Syriac Transl. of Agathangelos. *Ejmiatsin* (Vagharshapat). 1987. No. 11–12. Pp. 83–89 (in Armenian)].

Тер-Петросян Л.А. Сирийский перевод Агатангелоса. *Эджмиацин* (Вагаршапат). 1988. № V–VI. С. 44–54 [Ter-Petrosyan L.A. The Syriac Transl. of Agathangelos. *Ejmiatsin* (Vagharshapat). 1988. No. 5–6. Pp. 44–54 (in Armenian)].

Тер-Петросян Л.А. Сирийский перевод Агатангелоса. *Эджмиацин* (Вагаршапат). 1989. № IV–V–VI. С. 90–99 [Ter-Petrosyan L.A. The Syriac Transl. of Agathangelos. *Ejmiatsin* (Vagharshapat). 1989. No. IV–V–VI. Pp. 90–99 (in Armenian)].

Фавстос, Бузанд. *История Армении*. Пер. с древнеарм. и комментарии М.А. Геворгяна. Ереван: АН Арм. ССР, 1953 [History of Armenia by Favstos Buzand. Transl. from the ancient Armenian and Commentary by M.A. Gevorgyan. Yerevan: Academy of Sciences of Arm. SSR, 1953 (in Russian)].

Хоренаци, Мовсес. *История Армении*. Пер. с древнеарм. яз., введение и примечания Г. Саркисяна. Ереван: Айастан, 1990 [Movses Khorenaci. *History of Armenia*. Transl. from the ancient Armenian, Preface and Notes by G. Sarkisyan. Yerevan: Hayastan, 1990 (in Russian)].

Юзбашян К.Н. *Введение в арменистику*. Ереван: Нойян Тапан, 2006 [Yuzbashean K.N. *Introduction to Armenology*. Yerevan: Noyean Tapan, 2006 (in Armenian)].

Bais M. *Albania Caucasicca. Ethnos, storia, territorio attraverso le fonti greche, latino e armeno*. Milano: Mimesis, 2001.

The Caucasian Albanian Palimpsests of Mount Sinai. Gippert J., Schulze W., Aleksidze Z., Mahé J.-P. (eds.). Vol. I–II. Turnhout: Brepols, 2008.

Chaumont M.-L. *Recherches sur l'histoire d'Arménie de l'avènement des Sassanides à la conversion du royaume*. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1969.

Dasxurançi. *The History of the Caucasian Albanians* by Movsēs Dasxurançi. Translated by C.J.F. Dowsett. London: Oxford University Press, 1961.

Garitte G. *Documents pour l'étude du livre d'Agathanghe*. Rome: Città del Vaticano, 1946.

Garitte G. La Vie grecque inédite de saint Grégoire d'Arménie (ms. 4 d'Ochrida). *Analecta Bollandiana*. T. 83. Fasc. 3–4 1965. Pp. 233–290.

Lafontaine G. *La version grecque ancienne du livre arménien d'Agathange (édition critique)*. Louvain-la-Neuve: Université catholique de Louvain, 1973.

Mahé J.-P. Die Bekehrung Transkaukasiens: Eine Historiographie mit doppeltem Boden. W. Seibt (ed.). *Die Christianisierung des Kaukasus. The Christianization of Caucasus (Armenia, Georgia and Albania)*. Referate des Internationalen Symposions (Wien 9. bis 12. Dezember 1999) (Veröffentlichungen der Kommission für Byzantinistik. 9. Vienna, 2002. Pp. 107–124.

Mardirossian A. Le Synode de Vagarshapat (491) et la date de la conversion au christianisme du royaume de Grande Arménie (311). *Revue des Études Arméniennes*. T. 28. 2001–2002. Pp. 249–260.

Van Esbroeck M. Un nouveau témoin du livre d'Agathange. *Revue des Études Arméniennes*. T. VIII. 1971. Pp. 13–167.

Van Esbroeck M. Le résumé syriaque de l'Agathange. *Analecta Bollandiana*. T. 95. Fasc. 3–4. 1977. Pp. 291–358.

Yevadian M.K. *Christianisation de l'Arménie, Retour aux sources*. Vol. II. *L'oeuvre de saint Grégoire l'Illuminateur*. Lyon: Sources d'Arménie, 2008.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АКОПЯН Алексан Акопович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения НАН РА, зав. Отделом Христианского Востока, Ереван, Армения.

Aleksan H. HAKOBYAN, DSc (History), Leading Research Fellow and Head of Department of the Christian Orient, Institute of Oriental Studies, Armenian National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia.

DOI: 10.31857/S086919080017082-7

THE CAUCASIAN TERRITORIAL CHURCHES
AND THE SĀSĀNID COMMONWEALTH

© 2021

Frank SCHLEICHER ^a^a – Friedrich-Schiller-University Jena, Germany

ORCID: 0000-0002-4798-6271; frank.schleicher@uni-jena.de

Abstract: *At the beginning of the sixth century, the kingships in Caucasian Iberia and Albania were eliminated by the Sāsānids. Thus, the system of vassal kings that served well for centuries was suddenly replaced by direct rule across the board. In this study, we want to ask why this change suddenly became possible. For the Sāsānian administration always needed a central contact person in the countries who could control the local nobility. It is striking that the establishment of a strong church structure always preceded the end of kingship. This can be seen particularly well in the example of Armenia, whose kingship had already been eliminated a century earlier. It is therefore reasonable to assume that after the end of kingship in Armenia as well as in Iberia and Albania, the regional churches took over its central functions of cooperation with the Sāsānian central administration. Now the church served the administration as an important local power factor, and allowed it the control of the powerful dynastic clans. Despite occasional conflicts, the churches cooperated with the Sāsānids and they were able to benefit greatly from this cooperation. Their advantages consisted in access to financial resources and, above all, in strengthening their position of power vis-à-vis the leaders of the local noble clans. Ecclesiastical power reached its peak when the Katholikoi finally also led their countries politically, as Kiwrión did in the case of Iberia at the beginning of the seventh century. Thus, the church became the state-forming institution in the Caucasian countries.*

Keywords: Iberia, Albania, Church, Vassal, Sasanian history, Armenian history, Catholicos, Caucasus, Caucasian kingship.

For citation: Schleicher F. The Caucasian Territorial Churches and the Sāsānid Commonwealth. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5. Pp. 82–93. DOI: 10.31857/S086919080017082-7

The settlement between the Roman emperor Theodosius I (379–395) and the Sāsānid *šāhān šāh* Šāpūr III (383–388) about the division of Armenia in 387 resolved the longstanding conflict over the Caucasian regions and laid the foundation for a peaceful cooperation in the fifth century [BP, 6, 1 (p. 233–Garsoian, 1989); Prok. aed., 3, 1, 9. See e.g.: Blockley, 1985; 1987, p. 222; 1992, p. 39. a. Toumanoff, 1963, p. 152]. The clear division of spheres of influence cleared the way for the establishment of permanent imperial dominion in the regions concerned. In this short study, we want to look at the administrative side of the exercise of power on the part of the Sāsānids, because they held the largest part of Caucasia with four fifths of Armenia, and all of Iberia and Albania.

At the beginning, the Sāsānids leaned on the traditional form of exercise of power, the vassal kingdom. However, they soon stroke a new path: First, the Armenian kingdom was abolished, and later also the kingdoms in Albania and Iberia. The indirect dominion had been superseded by direct dominion. Apart from periods of resistance, the new model was indeed successful and the dominion over Caucasia was secure until the seventh century. But why was this direct dominion suddenly possible and why was a local king no longer needed to control the powerful dynastic

clans of Caucasia? Apparently, the church had become an important pillar for the exercise of power and superseded the kingship as a central authority.

The basis for this study is a statement of the Arsen Sapareli (830–887), a Georgian bishop¹. The text of Arsen is a treatise justifying retrospectively the role of the Iberian church at the beginning of the seventh century with the schism of the Armenian church². There can be found the following statement:

Even more, certain Catholicoi and bishops were made sons by the king of the Persians and they were addressed by Kavādh and Ƙosrow adoptive sons. And they seized the rights of the state for their own benefit. They did not behave according to the canonical rule, but according to their own ideas. They did not spend the means of the church according to the law, but for themselves and for their own representation [Arseni Sapareli, 11, 3; Alek'size, Mahé, 2010, p. 115].

What makes this statement interesting is that several bishops – obviously only Armenian bishops – are said to be adopted sons of the *šāhān šāh*. This opened up the question if the Sāsānids had to use special instruments to work with the clerical authorities. How can the adoption be understood and what goal did the Sāsānids pursue?

The statement of Arsen makes it probable that the bishops used certain rights of the state for personal interests. Thus, the adoption had to be related to mundane stately purposes. In this specific case, the embezzlement of financial means seems feasible, used for personal representation instead of their original purpose. Therefore, the bishops must have been responsible for the levy of certain dues. Their close relation to the *šāhān šāh* suggests that those were at least the dues that had to be paid to the Sāsānid central administration, in a sense of 'tribute'.³ In specific cases, the Armenian church, therefore, assumed the functions of the civil administration. As Armenia was at least formally under Sāsānid rule, this means nothing else than that the Armenian church has to be seen as part of the Sāsānid administration or rather had been utilized as such. As we saw, Arsen explicitly mentioned two Sāsānids: Kavādh I (488–531) and his son Ƙosrow I Anuširwān (531–579). Now both of these rulers are the ones connected to extensive administrative reforms in the Sāsānid empire. Apart from a comprehensive fiscal reform and a 're-measurement' of the country related to it as well as the establishment of a bigger standing army, this consolidation phase also contained a crucial shift in the administration of Caucasia [Pourshariati, 2008, p. 83]: The vassal kings that were in charge of the land before were exchanged for a direct rule. Armenia, where the kingdom ended already in 428, falls a bit out of alignment, but the Albanian kingdom had been abolished verifiably around 510 and the Iberian kingdom in the 530s.⁴ Temporarily, there was a transitional phase in which there could be found a Persian *marzpān*, a provincial governor, next to the king of Albania as well as of Iberia, respectively [Schleicher, 2019, p. 87]. The route from the vassal rule to a direct one was thus a long-term development and not a clear cut, but it stands in direct connection with the reforms of Kavādh I. that were carried on successfully by his son Ƙosrow I.

If one wanted to exert direct rule in the Caucasus, however, he would be confronted with the problem that all these regions were strongly dynastically shaped. The proper rule here lay always

¹ For Arsen and his living environment see the extensive introduction in: [Alek'size, Mahé, 2010, p. 62; Alek'size, 2018(1), p. 65].

² For the Iberian-Armenian schism see esp. [Alek'size, 2018(1)], who claims (p. 65) that Arsen's text is not a polemic one but rather an attempt to incorporate the (chalcedonic) Armenian people of Tao into the Georgian church. For the schism see e.g.: [Garsoïan, 1999; Martin-Hisard, 2005, p. 1293ff; *Essays on the History of Georgia*, 1988, p. 165].

³ This of course does not mean that they only levied these dues; definitely, charges for the upkeep of the churches had to be levied.

⁴ Albania: [Gadjiev, 2015], Iberia: [Schleicher, 2019]. The case of Armenia: in the same period, the short-lived *marzpānat* of the Mamikonean family ended on the command of Kavādh I [Grousset, 1947, p. 233].

with the powerful aristocrats and dynasts.⁵ The Iberian kingdom had, for example, never been the powerful central authority the medieval Georgian sources wanted to make us believe. The same holds true for Armenia and Albania. The king was always only *primus inter pares*, whose power depended on the number of noblemen he could muster behind him or if he was able to rely on an external power (Rome / Sāsānids / North Caucasians)⁶. However, the kingdom was at least the connecting central authority the *šāhān šāh* (or of course the Roman emperor) could call on to control the respective area formally. His function was especially firmly established in the traditional sense. The Armenian sources nicely show the difficulties the Persian *marzpāns* had to endure in the fifth century to assert themselves in the country or rather enforce the Sāsānid interests⁷. The situation was similar in Albania and Iberia.

If an external power wanted to control Armenia, Iberia or Albania, and exercise their rule, after the abolishment of the kingdom, another central authority would be needed to control the local nobility and communicate with them. The respective regional churches offered themselves as an alternative.

1. CHURCH AND KINGDOM

Before the church was able to serve as an administration instrument, it had to have a distinctive structure. The development of the respective regional churches in contrast to the kingdom shows that a strong church structure had been ordinarily established immediately before the end of the kingdom. At any rate, this is told by the – oftentimes not quite unproblematic – sources.

Thus, the last king Vač'agan III (487–510) reformed the Albanian church and strengthened its hierarchical system [Movsēs Dasxuranc'i, 26 (Dowsett, 1961, p. 50–54); Mahé, 2013; Alek'size, 2018(2), p. 144; Trever, 1959, p. 295]. Especially the position of the bishops as opposed to the local nobilities had been strengthened. Formally, these were now above the secular aristocrats. The bishop had the right to punish them in the case of transgressions. It is admittedly doubtful that the secular princes always accepted a subordinate role, but with the reform that was carried out between 484 and 488, there had practically been established a new central authority next to the kingship. At first, this was based on its power, but it was exchangeable when an alternative offered itself.

A similar development can be observed in Iberia. Here the king Vaxtang Gorgasali (before 482 until 502) also implemented a church reform at the end of the fifth century [See e.g.: van Esbroeck, 1993]. It is more tangible regarding personal than substantial changes, but the 'promotion' of the Iberian head of the church to a Catholicos proves tellingly the strengthening of this position [K'art'lis C'xovreba, 1964; Thomson, 1996, p. 213]⁸.

A certain exception to this rule is Armenia, because the kingdom here had been abolished after a long time of the existence of a strict episcopal hierarchy. Here the gain in power of the Catholicos and the church itself is more of a natural development and not controlled by the crown. However, the role that the Catholicos Sahak played in and after the deposition of the last

⁵ Thus Movsēs Xorenac'i (3, 58, see at: [Thomson, 1978, p. 330] already stated: *The king of Persia, Bahrām (V), knowing that without the Armenian princes he could not hold the country, ...* For a detailed study of the dynastic structures in the roman part of Armenia see: [Adontz, Garsoñan, 1970].

⁶ For the nature of the Iberian kingdom see: [Rapp, 2014, esp. p. 265, 281ff]. Exemplary for the Parthian conditions see: [Widengren, 1969, p. 81].

⁷ How much the Persian Great King was dependent on the cooperation of the local nobility show the events prior to the Armenian uprising of 450/1 described by Łazar P'arpec'i [Łazar P'arpec'i, 25–31; Thomson, 1991, p. 84–101].

⁸ For the church reform of Vaxtang see: [T'arxnišvili, 1960, p. 116; Toumanoff, 1954, p. 167; Meyendorff, 1989, p. 106] and most recently [Shurgaia, 2012].

Armenian Arsacid Artāšēs IV (422–428) proves the importance of his office also regarding the relations to the Sāsānid *šāhān šāh*.

It can certainly not be argued that the respective kings intentionally cut the branch they were sitting on, but it can be assumed that a strong and centralised structure of the regional churches was an important condition for the abolishment of the kingdoms. With it, the Sāsānid administration as well as the local nobility had a competent contact that could even reach the most secluded valleys. And when the church was as able (or unable) as the kingdom to control the nobility, the latter, that had for a long time been necessary to govern the vassal realm, became suddenly expendable.

The strength of the church made the kingdom as a central authority at last superfluous. This strength had been caused by the kingdom itself to weaken the nobility and strengthen its own position.

After these rather theoretical deliberations a few examples are needed to prove this proposition. At first, there are those that prove the leading position of the Catholicos in a realm without a king:

a) In the Martyrdom of Evstat' i of Mc' xet' a, a delegation of Iberians negotiates with the Persian *marzpan* Arvand Gušnasp about the release of converts that had been arrested because of their conversion from Zoroastrianism to Christianity. The leading personality here is the Iberian Catholicos Samul flanked by the *mamasaxlisi* Grigor (supreme prince of Mc' xet' a) and the *pitiaxši* Aršuša (the prince of the fairly autonomous area of the Gogarene who commanded traditionally the Iberian contingents)⁹:

When the marzpan was setting out to go to the king the princes of Georgia assembled to say farewell to him. As the marzpan was mounting his horse the princes of Georgia, Samuel the Catholicos of Georgia, Gregory the mamasaxlisi of Georgia, Aršuša the pitiaxši of Georgia, and other scions of princely families, arose and said to the marzpan, 'We beg you to grant us the privilege of asking you one boon.' So he said to them, 'Tell me what it is you want. What have I failed to grant you?' [Martyrium Evstat' i 10; Lang 1956, p. 99]¹⁰.

In the middle of the 5th century, Iberia had been governed, therefore, by a council of noblemen under the leadership of the Catholicos.

b) At the end of the 6th and the beginning of the 7th century, the Armenian and Iberian church had a quarrel. Prior to the Schism of 607, the Iberian Catholicos Kiwrion had an intensive correspondence with his Armenian colleagues¹¹. The conversation shows clearly that Kiwrion is the most powerful man in the Iberian state:

After consulting with my bishops and the superiors of my country, I concluded that it is lawful not to reject all those who wish to come back [to the fold] after they have acknowledged their faults and have repented [Uxtanēs 2, 3; Arzoumanian, 1985, p. 47].

The Armenian bishop Uxtanēs of Sebasteia (10th century), who is responsible for one branch of the tradition of these letters, accuses the Catholicos Kiwrion of using questions of faith to manoeuvre Iberia politically between the two big empires of late antiquity [Uxtanēs 2, 57;

⁹ For the *pitiaxši* see: [Sundermann, 1989, p. 142; Č'xeiže, 1999; Khurshudyan, 2015, p. 21–69]. For the *mamasaxlisi*: [Toumanoff, 1963, p. 90. n. 128]. For the relation between *mamasaxlisi* and the Armenian *tanutēr* see: [Javakhov, 1905, p. 51, 100–107, 121–128, 136].

¹⁰ Another triumvirate representing the state exists in Armenia in the early 7th century: Smbat Bagratuni (*marzpan* of Hyrcania (595–602) and maybe *marzpan* of Armenia (607–616/7); against this [Greenwood, 2017, p. 153, n. 136], Gig, the *sparapet* (his function corresponds to the *pitiaxši* Aršuša) and Vrt'anes Vardapet in the function of the Catholicos [Uxtanēs, 2, 55; Arzoumanian, 1985, p. 104]. In contrast to Iberia, the secular prince is in charge here, because the Armenian Catholicate was not occupied in this time.

¹¹ In recent times, Stephen Rapp [Rapp, 2000, p. 170] has figured it as the turning point of the formation of Georgian identity; whereas Nikoloz Alek'size [2018(1), e.g., p. 15] has claimed, that the schism as it is presented in the Armenian and Georgian sources, should be an invention of the 10th century.

Arzoumanian, 1985, p. 107]¹². It is also beyond dispute that Iberia, which had been divided into a Roman and a Persian part at the time, also approached the Romans politically:

Smbat, of whom we spoke, the marzpan of Armenia, was a good, pious, and loyal man; he was also a firm adherent to the orthodox faith. Although he knew that Kiwrion was in agreement with the Greeks, he was unwilling to report his complaints about Kiwrion to the Emperor or to the King [of kings], knowing well that they would serve no purpose. He had learned at one time of the Emperors will, that the latter was in accord with Kiwrion, and that he had given orders for (Kiwriions deviation) [Uxtanēs 2, 5, Arzoumanian, 1985, p. 50].

In the eyes of Uxtanēs, Kiwrion was the one who controlled the politics of Iberia¹³. What holds true for Iberia, probably holds true for all of Caucasia. However, especially in the case of Albania, the politics of the ecclesiastical princes were limited by the strong military presence of the Sāsānids.

The aspect of the division into a Roman and a Sāsānid sphere of influence is not quite negligible for the evaluation of the political importance of the Catholicate, because theoretically the church – respectively the Catholicos – was able to wield influence on both parts. A king would not be able to do that because he was either subordinate to the Romans or the Persians.¹⁴ Nevertheless, that the church was de facto as much divided as the state is proven clearly by the religious policy of the post-Justinianic emperors in the case of Armenia.

2. THE CHURCH AND THE SĀSĀNID ADMINISTRATION

As long as there was a king, he was responsible to appoint a Catholicos. With the abolishment of the kingdom, it was generally recognized in Armenia that this right for investiture had been devolved upon the *šāhān šāh*: The Sāsānids – who had no experience with this new administrative structure – experimented at first and appointed foreign Catholicoi. In practice this happened as follows: After the Armenian Catholicos Sahak, mentioned above, refused to play a role with the deposition of the last Armenian Arsacid Artāšēs IV he was discharged by the *šāhān šāh* Bahrām V (421–439) and a certain Surmak was enthroned in his place. Even though he was the candidate of the local nobility, he was expelled within a year and precisely that nobility asked the *šāhān šāh* for a new Catholicos. After that, Syrians have been predominantly entrusted with this office and these have of course not been praised by our Armenian authors. The nobility soon seems to have had enough from these foreign bishops [Movsēs Xorenac’i, 3, 64; Thomson, 1978, p. 340–342].

After the problems with the local noblemen that were caused by the dispatch of foreign Syrians, the tactics were probably quickly changed. In 607, at any rate, it was common that

¹² The denomination has been seen and used as a political instrument by the Armenians already in the seventh century, as a letter of the Smbat Bagratuni proves: *Since then (506 and the refusal of the decisions of Chalcedon) all hostilities ended and Christ God was glorified. And as the faith of our blessed fathers and holy doctors was confirmed, we all who are the subjects of the King of kings became united in one faith.* [Uxtanēs 2, 55; Arzoumanian, 1985, p. 104 = GT’ 73, 322–324; Garsoian, 1999, p. 551–553; Alek’size, 1993, p. 72–75]. The possibly fictional accusation that Movsēs of C’urtavi worked together with the usurper Bahrām Čōbīn [Shahbazi, 1988; Uxtanēs, 2, 564; Arzoumanian, 1985, p. 106 = GT’ 74, 325–327; Garsoian, 1999, p. 554–556; Alek’size, 1993, p. 76–79], confirms the possibility of the involvement in geopolitical proceedings. For the polemical purposes of Uxtanēs see: [Alek’size, 2018(1)].

¹³ In later times, as claimed by Uxtanēs [2, 57; Arzoumanian, 1985, p. 107], Kiwrion tried to switch again to the Persian side, because he feared that the *šāhān šāh* would help Smbat and interfere in Iberian matters. If this is true, the recent turn is not connected to a change in the dogmatic position. On the person Kiwrion see: [Alek’size, 2018(1), p. 177; Alek’size, 1968, p. 167–273; Akinean, 1910].

¹⁴ Thus, Smbat tries to motivate the bishops of Roman Armenia in 607 to attend a second synod. A clear statement about the effect of this inquiry is difficult, because the political events overtook the religious ones. In 608, Theodosiopolis fell to the Persians and with it the majority of Roman Armenia. The bishops were placed under Persian control [Sebeos 33; Thomson et al., 1999, p. 64]. Uxtanēs states only that the Roman bishops later accepted the Miaphysit faith of Abraham [Uxtanēs 2, 35; Arzoumanian, 1985, p. 81].

the Sāsānids contented themselves with the confirmation of the respective candidates of the Armenians, as the example of the election of Abraham (607) shows:

Then after Lord Movsēs, Lord Abraham became Catholicos of Armenia, from the district of Rštunik', from the village of Albathan, at the command of Smbat Bagratuni, who was marzpan of Armenia at the command of Kōsrow (II) [Step'anos Taronec'i, 2, 2; Manukyan, 2012, p. 692; Greenwood, 2017, p. 153]¹⁵.

The confirmation took place only indirectly and was not even a concern of the King of kings himself, but of his officers. This, however, is not proof of his resignation, because especially this Smbat also interfered massively with the christological altercations of the Armenian church. This was accepted by the Armenians not at least because he was, apart from his work as a Sāsānid administration officer (*marzpan*), the most powerful Armenian nobleman of his time.

Even in this time however, the *šāhān šāh* was able to intervene in the nomination of bishops of the dioceses, even if this was more of a theoretical possibility that was seldom used in practice:

I (Smbat) told you (Movsēs) earlier that I am willing to write to the King of kings, who could give orders through his mercy for you to go back to your church and hold your office and administer to your people according to your beliefs [Uxtanēs 2, 59; Arzoumanian, 1985, p. 110 = GT^c 76, 331f.; Garsoïan, 1999, p. 558; Alek'size, 1993, p. 82–84].

Movsēs had been bishop of C'urtavi¹⁶, the capital of the important principedom Gugark' / Gogarene and was thus subordinate to the Iberian jurisdiction, on which Smbat had no bearing. The *šāhān šāh*, however, could very well have intervened, but it seems that Smbat Bagratuni did not pursue these concerns. On Armenian territory, the matter played differently: here, Smbat intervened directly with the filling of the Catholicate by enforcing his candidate at a small synod of chosen bishops.

At this time and at this juncture Smbat marzpan of Hyrcania, after consultation with the naxarars (nobles) and the aristocrats of Armenia, convened a council of bishops in order to elect a [new] Catholicos for the Armenians [Uxtanēs, 2, 30; Arzoumanian, 1985, p. 77]¹⁷.

After this was done in March 607, a bigger synod was convened later in the year¹⁸, in which the Armenian church was represented as a whole:

Smbat, marzpan of Hyrcania, in fact, sent an edict with the consent of the princes and the naxarars of the country, inviting [the bishops] to convene in the majestic, illustrious, and famous capital city of Dvin in Greater Armenia, the designated place for the council [Uxtanēs, 2, 35; Arzoumanian, 1985, p. 81].

That Smbat had the power to enforce something like this (the patriarchal chair had been vacant for the three previous years), is certain proof for the dependence of the dioceses on the Persian administration. Nothing different happens of course on the Roman side, but this cannot be addressed here¹⁹.

Therefore, there were very close relations between the churches and the Sāsānid administration. These did not limit themselves to the appointment of officials but lead to the direct integration of the churches into the administration of the ruled areas. In other words: the church was entrusted with certain tasks:

The most important task was the levy of dues²⁰: We have already seen, that the bishops and catholicoi were responsible for the levy of certain charges. Our Armenian sources connect this duty directly with the abolishment of the kingdom:

¹⁵ About the election of Abraham reports also [Sebeos 27; Thomson et al., 1999, p. 48].

¹⁶ For the localisation of C'urtavi see: [Plontke-Lüning, 2018, p. 193; Schleicher, 2017, p. 228, n. 6].

¹⁷ Hyrcania is a region on the Southeast coast of the Caspian Sea which was extremely important for the defences of the Sāsānid Eastern border.

¹⁸ On the 3rd council of Dvin see: [Alek'size, 2018(a), p. 100; Garsoïan, 1999, p. 283].

¹⁹ For the relation between church and state in Roman Armenian see: [Adontz, 1970].

²⁰ For the known kinds of taxes in Armenia see [Adontz, 1970, p. 363]. The levy of these charges was bound to the naxarar system [Adontz, 1970, p. 353]. Because the church arose from this system and was organised likewise,

He (Bahrām V.) gave the archiepiscopal throne to another Syrian, Samuel by name, so that he might be a rival and antipatriarch to Sahak, and he set as his duties: to assist the marzpan and to oversee the assessment of the required taxes, the law courts, and other secular institutions [Movsēs Xorenac'i, 3, 65; Thomson 1978, p. 343].

Further details are unknown²¹. From Sāsānid perspective it is understandable to use the churches for such a service, because they had mechanisms to collect charges that were due to them anyway. And that they were justified to levy them for themselves, is shown by the Kanones of Vač'agan III that were set by him during his church reform [Movsēs Dasxuranc'i, 26; Dowsett, 1961, p. 50–54]²². However, regular charges to the church are also attested for Armenia in the fifth century, for which a system had to be in place [Elišē, 2 p. 23; Thomson, 1989, p. 77].

Another important function of the clerical institutions was the jurisdiction. Several areas of the jurisdiction had of course been exercised by church officials already before the abolishment of the kingdoms²³. Without the royal central administration, this sphere of duties, however, will still have gained importance.

He received the thanks and gratitude from all in view of the fact that despite the so many years of vacancy, [Vrt'anes] had left nothing undone during his vicariate; on the contrary, he had carried out his duties, doing justice perfectly and thoroughly to all and at all times while in office. He always defended the rights of the destitute, did justice to the orphans, and rendered the widow her right, following the words of the Prophet [Uxtanēs 2, 38; Arzoumanian, 1985, p. 85]²⁴.

An intervention of the Persians in this area was as grave as one in financial respects for the Caucasians. The Armenian bishop Elišē reports from the time of the great Armenian revolt of 450/51 that Yazdegerd II (438–457) sent a *marzpan* to Armenia who not only performed a census for the increase of the tax burden, but also brought with him a *chief-magus, as judge of the land, so that they might corrupt the glory of the church* [Elišē 2 p. 23; Thomson, 1989, p. 76]. For the Armenians a Persian interference in this area was worse than the financial pressure through the tax increase.

Because our sources connect these measures always with a general suppression of Christians, it can only be viewed as a temporary phenomenon. Most of the time the church will have exercised its functions mostly unrestricted and in all probability in collaboration together with the Sāsānid sovereignty. The Sāsānids were also interested in the smooth working of this system. The Armenian, Iberian or Albanian Catholicos certainly carried out his task to assist the Persian *marzpan* usually in an acceptable manner.

The Caucasian regional churches had to be interested in a collaboration with the Persian power at least because it was useful to them in many ways. Principally, the following always applies to Caucasia: the bishop is a nobleman who often held an appropriate estate. The diocese, too, generally held property, or rather the respective church [Movsēs Dasxuranc'i, 26; Dowsett, 1961, p. 52]. The Armenian Catholicos, who followed in a sense in the footsteps of the Arsacid kings, held apart from an extensive 'crown dependency' also his own dominion²⁵. The interest of

it also adopted some of the functions: „The Armenian Church was feudal in structure; it reproduced the social and economic regulations customary in naxarar society, and preserved them in part after the disappearance of the secular feudal nobility” [Adontz, 1970, p. 366].

²¹ These charges were carried by the clerical institutions over the *marzpan* to the Persian central administration (as e.g. in the case of Vasak of Siwnik' who served as *marzpan* of Armenia until 452: *The tribute of all Armenia is under my control (...)* [Lazar P'arpec'i 45; Thomson, 1991, p. 129].

²² See also [Adontz, Garsoïan, 1970, 367].

²³ Clear descriptions of the responsibilities are hard to construct because the jurisdiction in Caucasia was based on tradition and custom and not on solid laws. Especially for Armenia see [Adontz, Garsoïan, 1970, p. 351–353]. There is no Armenian word for law, only an Iranian loan word [Sukiasian, 1963, p. 238–254, 381].

²⁴ Vrt'anes K'ert'ol filled the office of the Armenian Catholicos during the *sede vacante* prior to the election of Abraham 604–607. For his person see [Nersessian, 1945, p. 58].

²⁵ *He (Vrt'anes) then brought the deposit which he was entrusted with by Catholicos Movsēs of Armenia, just before he*

the individual in this dominion becomes tangible again in 428. After Sahak refused to ‘testify’ against the Armenian king, the nobility finds another ringleader, about whom is said:

Then Vřam (Bahrām V) in anger held an enquiry in the great court. Paying no heed to Artasřēs he eagerly listened to his detractors, and most especially to the base words of Surmak. For the malicious and contentious princes had promised him the archiepiscopal throne, so in self-interest he had rendered his tongue into a murderous sword [Movsēs Xorenac’i, 3, 64; Thomson, 1978, p. 341].

Linked with the seat of the Catholicos was extensive property that had been confiscated from the degraded Sahak and that Surmak now had high hopes for²⁶. When one had obtained such a territory, it could be extended in a second step, or one could enrich himself through the function he exercised for the Sāsānid administration, as the accusation cited above claims.

The cooperation with the Sāsānids provided apart from the financial gain especially power political benefits. Especially in Armenia, the dioceses had originally been pegged onto the aristocratic families. The principle of the ‘court bishops’, however, had been common in the whole of Caucasia²⁷. The Persian power could be – as the Iberian bishop claims – used as a tool to gain independence.

From then on (after the death of Vahan Mamikonian around 510), Persian *marz-pāns* dominated Armenia, the Christian custom was despised, the government of the churches was destroyed, the authority of the dynasts was overthrown by the Persian *marz-pān*, the Catholicos and the bishops turned away from the truth. They received the Persian ‘license’ to oppose the dynasts. They raised for themselves the taxes of the provinces, because the enemy had entrusted the land to the bishops and choir-bishops and made them obedient to the kingship of the Persians [Arseni Sapareli, 11, 2; Alek’size, Mahé, 2010, p. 114].

Even though the words of Arsen carry a lot of polemic, obviously the cooperation with the Persian sovereignty had to have been in the interest of the churches. Understandably, this is not really addressed in our Christian sources. Its existence can be seen, however, every time when it comes to fractions and when the cooperation does not work.

In summary, it can be said that, next to the kingdom, the church developed itself into another serious centralistic instance in the Caucasian states Albania, Iberia, and Armenia, with which the empires of late antiquity could collaborate. With the increasing power of the churches, in some cases supported by the monarchs, the kingdom itself become expendable. After the abolishment of the kingdoms, the churches undertook official functions like jurisdiction and the collection of taxes and they had to collaborate inevitably with the Sassanid administration. From this collaboration the churches profited immensely, in financial as well as power political aspects.

Fractions appeared when a *šāhān šāh* tried to substitute the clerical functions with an independent system (as in the case of Yazdegerd II). In our sources such phases appear as moments

died. It [included] the saving and life-giving cross of God and the relics of the holy apostles which St. Gregory had brought from Rome, given to him by the pious Constantine; also the throne and the crosier which were kept, honored, and adored, along with all the sacred vessels, such as, chalices, covers of the holy altar, curtains, censers, fans, the collar of the Catholicos, made of silk and adorned with precious stones and pearls, mounted in gold, and other garments and garbs of priests and deacons, reminding the specifications of the Prophet, such were the ones with a purple edge, and those bordered with purple, and still those which are specified before and after them. (The treasury) included also bright garments richly adorned: gold stuffs, fabrics, colorful purples in different shades and tints, all of which adorned and brocaded beautifully with patterns of colorful flowers. (Finally), there was the precious vestment of our pious King Trdat which was presented to the house of the Lord as a gift for sacred use which we have seen with our own eyes [Uxtanēs 2, 38; Arzoumanian 1985, p. 85].

²⁶ Finally, Vřam ordered Artasřēs to be stripped of his crown and imprisoned, and all the possessions of his family to be confiscated to the court; that Sahak the Great [should be treated] likewise and the domains of the Catholicos be confiscated to the court; (...) [Movsēs Xorenac’i, 3, 64; Thomson, 1978, p. 341]; Łazar P’arpec’i [Łazar P’arpec’i, 14; Thomson, 1991, p. 59] also mentions the dispossession of the domains of the Catholicos. Surmak [HANjB 1972 s. v. Surmak] was a priest from Arckē (mod. Alilcevaz). Already in the 4th century, the Armenian church was in possession of estates in 15 districts [BP, 4, 14; Garsoĭan, 1989, p. 139; Adontz, 1970, p. 100; Hewsens, 1992, p. 308–318].

²⁷ Ex. Varsk’en; the Canones of Vač’agan, at last also Movsēs of C’urtavi.

of the persecution of Christians or as attempts to spread Mazdaism forcefully. Actually, however, they were rather seen as assaults on their own power positions. Because of the strong local entrenchment of the regional churches, such phases, however, were always short-lived.

With the reforms of Kavādh's I and Kōsrow' I, a certain institutionalisation of the collaboration between the churches and the Persian empire can be found. The increasing spread of a direct Sāsānid rule is also based on this collaboration:²⁸ A fraction with the church, as happens at the end of the 560s [Evagr. HE 5, 7; Sebeos, 8, p. 68; Thomson, 1999, p. 7; Garitte, 1952, p. 175]; see also: [Turtledove, 1983, p. 299; Toumanoff, 1963, p. 379], is equivalent to the loss of the rule over the respective areas.

In conclusion, we want to return once more to the statement of the Arsen cited at the beginning, and the associated question regarding adoptions. This is not the only evidence for the function of adoptions in the collaboration between the Sāsānids and the regional churches. Photios, the patriarch of Constantinople (858-886) speaks about this in a letter, within the scope of a larger context covering the religious politics of the post-Justinianic emperors:

And the Persian king was happy about that. He was glad that the Armenians had withdrawn from the (Bishop's) consecration of the Romans. He praised Nerses and fulfilled the previously promised covenant and accepted him as the adopted son, and he confided to him and the bishops who sympathized with him the taxes of the Armenians [Photios, 1968, p. 67].

The details of the collaboration between the church and the administration and the legal situation of the adoption will have to be examined on the basis of Sāsānid law²⁹. The historical sources can only initiate further engagement with this subject. Further findings will enrich not only our knowledge about the organisation of the local churches but also about the Sāsānid administration itself.

ABBREVIATIONS

BP – Ps.-P'awstos. *Buzandaran Patmut'iwkn'*. St. Petersburg, 1883 (repr.: Delmar, NY. 1984) (in Armenian) [Ps.-P'awstos. *The Epic Histories*. St. Petersburg, 1883].

GT' – *Girk' T'lt'oc'*. Ed. N. Polarean. Jerusalem: St. James, 1994 [*The Book of Letters* Ed. N. Polarean. Jerusalem: St. James, 1994 (in Armenian)].

HAnjB – Ačařyan H. *Hayoc' Anjnanunneri Bařaran*. 5 vol. 2nd ed. Yerevan, 1972 [Ačařyan H. *Etymological Root Dictionary of the Armenian Language*. 5 vol. 2nd ed. Yerevan: Yerevan State University, 1972 (in Armenian)].

REFERENCES

Ačařyan H. *Hayoc' Anjnanunneri Bařaran*. 5 vol. 2nd ed. Yerevan, 1972 [Ačařyan H. *Etymological Root Dictionary of the Armenian Language*. 5 vol. 2nd ed. Yerevan: Yerevan State University, 1972 (in Armenian)].

Adontz N. *Armenia in the Period of Justinian* (trad. Garsořian N.). Louvain, 1970.

Akinean N. *Kiwriion Kat'otikos Vrac'*. Vienna, 1910 [Akinean N. *Kiwriion, Catholicos of the Georgians*. Vienna, 1910 (in Armenian)].

²⁸ This of course holds true for Iberia and Albania as well as for Armenia. In a letter of Kiwrion to Abraham exists a passage in which he invokes the authority of the *řāhān řāh*: *Especially since in my humble self the Lord our God gave our church more splendor, and strengthened our faith more, and raised me even more by the King of kings in glory, and let me progress further than my fathers did, and especially as all my colleagues*. [GT' 78, 336–338; Garsořian, 1999, p. 562–565; Alek'size, 1993, p. 88–91]. Here Kiwrion appears as the vassal Kōsrow II (590–628). See [Markwart, 1931, p. 157]. There is, however, no talk of adoption.

²⁹ Maybe there is some connection with the fact, that financial officers must have been noble by birth [Christensen, 1947, p. 127]. On adoption by itself see e.g. [Christensen, 1947, p. 326].

- Alek'size N. *The Narrative of the Caucasian Schism. Memory and Forgetting in Medieval Caucasia*. Louvain: Peeters Publishers, 2018(1).
- Alek'size N. *Caucasia: Albania, Armenia, and Georgia*. Eds. J. Lössl, N.J. Baker-Brian. *A Companion to Religion in Late Antiquity*, Hoboken: Wiley-Blackwell, 2018(2). Pp. 135–156.
- Alek'size Z. (ed.). *Epistolet'a cigni*. T'bilisi, 1968 [Alek'size Z. *The Book of Letters*. Tbilisi, 1968 (in Georgian)].
- Alek'size Z. (ed.). *Epistolet'a cigni, somxuri tek'sti k'art'uli t'argmanit', gamokvlevit'a da komentarebit' gamosc'a*. Tbilisi, 1993 [Alek'size Z. *The Book of Letters. Armenian Text with Georgian Translation, Study and Commentary*. Tbilisi, 1993 (in Georgian)].
- Alek'size Z., Mahé J.-P. (eds.). Arsen Sapareli. Sur la séparation des Géorgiens et des Arméniens. *Revue des Études Arméniennes*. Vol. 32. 2010. Pp. 59–132.
- Arsen Sap'areli. *Ganqop'isat'vis K'art'velt'a da Somext'a*. Ed. Z. Alek'size. Tbilisi, 1980 [Arsene Sapareli. *On the Separation of Georgians and Armenians*. Ed. Z. Alek'size. Tbilisi, 1980 (in Georgian)].
- Blockley R.C. Ed. *The History of Menander the Guardsman*. Liverpool: F. Cairns, 1985.
- Blockley R.C. The Division of Armenia between the Romans and the Persians. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. Bd. 36. 2. No. 36. 1987. Pp. 222–234.
- Blockley R.C. *East Roman Foreign Policy. Formation and Conduct from Diocletian to Anastasius*. Leeds: Cairns, 1992.
- Č'xeize T'. Termin pitiaxšis šesaxeb. *Axlo aǧmosavlet'i sa sak'art'velo*. 1999. No. 2. Pp. 195–202 (in Georgian) [Č'xeize T'. About the term *pitiaxši*. *Axlo aǧmosavlet'i da sak'art'velo* (=The Near East and Georgia). 1999. No. 2. Pp. 195–202].
- Christensen A. *L'Iran sous les Sassanides*. Copenhagen: E. Munksgaard, 1944, 2nd ed.
- Dowsett C.J.F. (ed.). *The History of the Caucasian Albanians by Movsēs Dasxuranči*. London – New York: Oxford University Press, 1961.
- Elišēi vasn Vardanay ew Hayoc' paterazmin*. Ed. E. Tēr-Minasean. Yerevan, 1957 (repr.: Delmar, 1993) (in Armenian) [*Elishe: History of Vardan and the Armenian War*. Ed. E. Tēr-Minasean. Yerevan, 1957].
- Essays on the History of Georgia. Vol. 2. Georgia in the 4th–10th centuries*. Eds. M.D. Lordkipanidze, D.L. Muskhelishvili. Tbilisi: Metsniereba, 1988 (in Russian) [Очерки истории Грузии. Т. 2. Грузия в IV–X веках. Ред.: М.Д. Лордкипанидзе, Д.Л. Мухелишвили. Тбилиси: Мецниереба, 1988].
- Gadjiev M.S. Chronology of Albanian Arsacids. *Albania Caucasicca*. Issue 1. Moscow: IOS RAS, 2015. Pp. 68–75 (in Russian) [Гаджиев М.С. Хронология Аршакидов Албании. *Albania Caucasicca*. Вып. 1. М.: ИВ РАН, 2015. С. 68–75].
- Garitte G. Ed. *La Narratio de rebus Armeniae*. Corpus scriptorum Christianorum orientalium. Vol. 132. Subsidia. T. 4. Louvain: L. Durbecq, 1952.
- Garsoïan N.G. (ed.). *The Epic Histories Attributed to P'awstos Buzand (Buzandaran Patmut'iwnk')*. Cambridge: Harvard University Press, 1989.
- Garsoïan N. *L'Église arménienne et le Grand schisme d'Orient*. Louvain: Peeters, 1999 (with part. French transl. of GT').
- Girk' T'it'oc'*. Ed. N. Połarean. Jerusalem: St. James, 1994 [The Book of Letters Ed. N. Połarean. Jerusalem: St. James, 1994 (in Armenian)].
- Greenwood T. Ed. *The Universal History of Step'anos Tarōnec'i: Introduction, Translation, and Commentary*. Oxford: Oxford University Press, 2017.
- Grousset R. *Histoire de l'Arménie des origines à 1071*. Paris: Pauot, 1947.
- Hewsen R.H. *The Geography of Ananias of Sirak (Ašxarhac'oyc')*. *The Long and Short Recensions*. Wiesbaden: Reichert, 1992.
- Javakhov I. *State system of ancient Georgia and ancient Armenia*. Vol. 1. Spb.: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1905 (in Russian) [Джавахов И. Государственный строй древней Грузии и древней Армении. Т. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1905].

K'art'lis C'xovreba. Ed. S. Qauxč'išvili. Vol. 1. T'bilisi. 1955 (repr.: Delmar, NY. 1998) (in Georgian) [*The Life of Kartli*. Ed. S. Qauxč'išvili. Vol. 1. T'bilisi. 1955].

Khurshudyan E.S. *State Institutes of Parthian and Sassanian Iran. 3rd century BC – 7th century AD*. Almaty: Publishing House "Institute of Asian Studies", 2015. (in Russian) [Хуршудян Э.Ш. Государственные институты Парфянского и Сасанидского Ирана. III в. до н. э. – VII в. н.э. Алматы: Институт Азиатских исследований, 2015].

Lang D.M. (ed.). *The Passion of St. Eustace the Cobbler. Lives and Legends of the Georgian Saints*. London: George Allen & Unwin, 1956. Pp. 94–114.

Lazar P'arpec'i. *Patmut'wn Hayoc'*. Eds. G Tēr-Mkrtč'ean, S. Malxasean. Tbilisi, 1904 [Lazar P'arpec'i. *The History of the Armenians*. Eds. G Tēr-Mkrtč'ean, S. Malxasean. Tbilisi, 1904 (in Armenian)].

Mahé J.-P. Vačagan III le Pieux et le culte des reliques. *Revue des Études Arméniennes*. Vol. 35. 2013. Pp. 113–128.

Markwart J. Die Bekehrung Iberiens und die beiden ältesten Dokumente der iberischen Kirche. *Caucasica*. Fasc. 7. 1931. Pp. 111–167.

Martin-Hisard B. Das Christentum und die Kirche in der georgischen Welt. von Charles und Piétri L. Eds. *Die Geschichte des Christentums*. Bd. Altertum 3. 2nd ed. Freiburg: Herder, 2005. Pp. 1231–1305.

Martyrium Evstat'i. Žveli K'art'uli agiograf'iuli literaturis žeglebi. Ed. I. Abulaže. Vol. 1. Tbilisi, 1963–64. Pp. 11–29 (in Georgian) [The Martyrdom of St. Eustace. *Monuments of Ancient Georgian Hagiographic Literature*. Ed. I. Abulaže. Vol. 1. Tbilisi, 1963–64. Pp. 11–29].

Meyendorff P. *Imperial Unity and Christian Divisions. The Church 450–680 A.D.* New York: St Vladimirs Seminary Press, 1989.

Movsēs Dasxuranc'i. *Patmut'wn Aluanic' ašxarhi*. Ed. V. Ařak'elyan. Yerevan, 1983 (in Armenian) [Movsēs Dasxuranc'i. *The History of the Country of Albania*. Ed. V. Ařak'elyan. Yerevan, 1983].

Movsēs Xorenac'i. *Patmut'wn Hayoc'*. Eds. M. Abelean, S. Yarut'iwnean. Tbilisi, 1913 (repr.: Delmar, 1981) (in Armenian) [Movsēs Xorenac'i. *The History of the Armenians*. Eds. M. Abelean, S. Yarut'iwnean. Tbilisi, 1913].

Neressian S. Une apologie des images du septième siècle. *Byzantion*. XVII. 1944–1945. Pp. 58–87.

Photios. T'ult' P'otay Patriark' i ar Zak'aria Kat'olikos Hayoc'. Ed. Akinean N. *Handes Amsorya*. Vol. 82. 1968. Pp. 65–100 (in Armenian) [*Letter of Patriarch Photius to Zachariah, Catholicos of Armenia*. Ed. Akinean N. *Handes Amsorya*. Vol. 82. 1968. Pp. 65–100].

Plontke-Lüning A. Culture and Art in the Gogarene in the 5th and 6th Centuries. Iberians and Armenians in Dialogue. Bacci M., Kaffenberger Th., Studer-Karlen M. Eds. *Cultural Interactions in Medieval Georgia*. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2018. Pp. 187–205.

Pourshariati P. *Decline and Fall of the Sasanian Empire. The Sasanian-Parthian Confederacy and the Arab Conquest of Iran*. London – New York: I.B. Tauris & Co Ltd, 2008.

Ps.-P'awstos. *Buzandaran Patmut'wnk'*. St. Petersburg, 1883 (repr.: Delmar, NY. 1984) (in Armenian) [Ps.-P'awstos. *The Epic Histories*. St. Petersburg, 1883].

Rapp St.H. Christian Caucasian Dialogues. Glimpses of Armeno-K'art'velian Relations in Medieval Georgian Historiography. *Peace and Negotiation. Strategies for Coexistence in the Middle Ages and the Renaissance*. Ed. D. Wolfthal. Turnhout: Brepols Publishers, 2000. Pp. 163–178.

Rapp St.H. *The Sasanian World through Georgian Eyes. Caucasia and the Iranian Commonwealth in Late Antique Georgian Literature*. Farnham: Routledge, 2014.

Schleicher F. Die Gogarene im ausgehenden fünften Jahrhundert. Politische Handlungsspielräume und religiöser Pragmatismus. *Anabasis. Studia Classica et Orientalia*. Vol. 8. 2017. Pp. 226–257.

Schleicher F. Die Chronologie der k'art'velischen Könige. Das Ende des iberischen Königtums. *Iberien zwischen Rom und Iran. Beiträge zur Geschichte und Kultur Transkaukasiens in der Antike*. Eds. F. Schleicher, T. Stickler, U. Hartmann. Stuttgart: Steiner, 2019. Pp. 69–98.

Sebeos. *Patmut'wn Sebēosi*. Ed. G.V. Abgaryan. Yerevan, 1979.

Shahbazi A.Sh. Bahrām VI Čōbīn. *Encyclopædia Iranica*. 3.5. 1988. Pp. 514–522.

Shurgaia G. La riforma ecclesiastica di Vaxt'ang I Gorgasali, re di Kartli († 502). *Orientalia christiana periodica*. 78. 2012. Pp. 393–438.

Step'anos Taronec'i. *Patmut'wn Tiezerakan*. Ed. G. Manukyan. *Matenagirk' Hayoc' 10th Century Book 2*. Vol. 15. *Ant'ilias* 2012. Pp. 617–829 (in Armenian) [Step'anos Taronec'i. *The Universal History*. Ed. G. Manukyan. *Matenagirk' Hayoc' 10th Century Book 2*. Vol. 15. *Ant'ilias* 2012. Pp. 617–829].

Sukiasyan A.G. *The Socio-Political System and Law of Armenia in the Era of Early Feudalism (3rd–9th Centuries)*. Yerevan: Yerevan University Publishing House, 1963 (in Russian) [Сукиасян А.Г. Общественно-политический строй и право Армении в эпоху раннего феодализма (III–IX вв.). Ереван: Издательство Ереванского университета, 1963].

Sundermann W. Bidaxš. *Encyclopædia Iranica*. Vol. 4.3. 1989. Pp. 242–244.

Tarchnishvili M. Die Entstehung und Entwicklung der kirchlichen Autokephalie Georgiens. *Kyrios*. Bd. 5. 1940/41. Pp. 177–193 (repr. *Muséon*. 73. 1960. Pp. 107–126).

Thomson R.W. (ed.). *Moses Khorenat's History of the Armenians*. Cambridge: Harvard University Press, 1978.

Thomson R.W. (ed.). Elishē. *History of Vardan and the Armenian War*. Cambridge, MA, 1989.

Thomson R.W. (ed.). *The History of Lazar P'arpec'i*. Atlanta: Scholars Press, 1991.

Thomson R.W. (ed.). *Rewriting Caucasian History. The Medieval Armenian Adaption of the Georgian Chronicles. The Original Georgian Texts and the Armenian Adaption*. Oxford: Clarendon Press, 1996.

Thomson R.W., Howard-Johnston J., Greenwood T. (eds.) *The Armenian History Attributed to Sebeos*. Liverpool: Liverpool University Press, 1999.

Toumanoff C. Christian Caucasia Between Byzantium and Iran. New Light from Old Sources. *Traditio*. Vol. 10. 1954. Pp. 109–189.

Toumanoff C. *Studies in Christian Caucasian History*. Georgetown: Georgetown University Press, 1963.

Trever K.V. *Essays on the History and Culture of Caucasian Albania of the 4th century BC – 7th century AD*. Moscow – Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959 (in Russian) [Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э. – VII в. н.э. Москва – Ленинград: Издательство АН СССР, 1959].

Turtledove H. Justin II's Observance of Justinian's Persian Treaty of 562. *Byzantinische Zeitschrift*. Bd. 76. 1983. Pp. 292–301.

Uxtanes. *Istoria gamoqop'isa k'art'velt'a somext'gan*. Ed. Z. Alek'size. T'bilisi. 1975. Engl. transl.: Arzoumanian Z. Ed. *Bishop Ukhtones of Sebastia. History of Armenia, Pt. 2, History of the Severance of the Georgians from the Armenians*, Fort Lauderdale: Self Published, 1985.

van Esbroeck M. Vakhtang Gorgasali et l'évêque Mikael de Mtskheta. Khintibidze E. Ed. *Proceedings of the Third International Symposium on Kartvelian Studies*. Tbilisi: Javakhishvili Tbilisi State University, 1993. Pp. 9–23.

Widengren G. *Der Feudalismus im alten Iran. Männerbund – Gefolgswesen – Feudalismus in der iranischen Gesellschaft im Hinblick auf indogermanische Verhältnisse*. Köln: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1969.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ШЛАЙХЕР Франк – приват-доцент,
философский факультет, кафедра древней
истории, Университет им. Фридриха Шиллера,
Йена, Германия.

Frank SCHLEICHER, Dr., Privatdozent, Faculty
of Philosophy, Department of Ancient History,
Friedrich Schiller University, Jena, Germany.

DOI: 10.31857/S086919080016471-5

ГРУЗИНСКИЙ И АЛУАНСКИЙ КАЛЕНДАРИ ПО ТОМАРУ (КАЛЕНДАРЮ)
АНАНИИ ШИРАКУНИ

© 2021

Г.А. БРУТЯН^a

^a – Матенадаран им. Месропа Маштоца,
Бюраканская Астрофизическая Обсерватория, Ереван, Армения
gbROUTIAN@gmail.com

Резюме: Анализ сведений Анании Ширакуни (VII в.) о Грузинском и Алуанском календарях показывает, что в 552 г. Армянская церковь решила свои календарные вопросы официальным принятием пасхалий, составленных Атанасом Таронаци (VI в.). Через 9 лет, в 561 г., собор календареведов в Александрии, несмотря на отсутствие представителей Армении, Грузии (Иверии), Албании и ряда других стран, учредил для них отдельные календари, которые были составлены по образцу Египетского календаря, с совпадающими началами года и месяцев и общей системой високосов. Однако, Армянская, Грузинская и Алуанская (Албанская) церкви, находившиеся тогда в религиозно-каноническом единстве, не приняли Александрийские календари. Но в начале VII в. Грузинская церковь окончательно разорвала с Армянской церковью и, как результат этого, в 781 г. перешла к новой (халкедонитской) пасхалии и применению календаря, созданного для грузин собором в Александрии (и известного как Грузинский Хроникон). Алуанская же церковь, находившаяся в каноническом единстве с Армянской церковью, не перешла на самостоятельную пасхалию, не создала собственного летосчисления и, вероятно, никогда не применяла календарь, составленный для алуанцев в Александрии.

В 666–667 гг. Ануания Ширакуни создал монументальный труд – К'нникон. В этом труде был изложен и календарь (Томар), состоящий из теоретической и прикладной частей. В Томаре представлены календари 15 христианских народов, в т.ч. грузин и алуанцев. Если для понимания Грузинского календаря, помимо Томара, имеются другие источники, то для Алуанского (Албанского) календаря труд Ануания является единственным первоисточником. Названия месяцев в Алуанском и Грузинском календарях имеют параллели в наименованиях месяцев Армянского календаря, представляют либо заимствования, либо имеют общую с ними семантику, что, очевидно, находит объяснение в длительных культурных контактах народов Южного Кавказа.

Ключевые слова: Ануания Ширакуни, Харнахоран, Александрийский собор, Алуанская церковь, Грузинский Хроникон.

Для цитирования: Брутян Г.А. Грузинский и алуанский календари по Томару (календарю) Ануания Ширакуни. *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 94–105. DOI: 10.31857/S086919080016471-5

GEORGIAN AND ALUANIAN CALENDARS AS PRESENTED
IN ANANIA SHIRAKOUNI'S *TOMAR* (CALENDAR)

© 2021

Grigor H. BROUTIAN^a

^a – Mesrop Mashtots Matenadaran,
Byurakan Astrophysical Observatory, Yerevan, Armenia
gbROUTIAN@gmail.com

Abstract: *The analysis of the information of Anania Shirakuni (7th century) about the Georgian and Aluanian calendars shows that in 552 the Armenian Church solved its calendar issues by the official adoption of the ecclesiastical calendar, compiled by Athanas Taronatsi. 9 years later, in 561, the Council of calendar scholars in Alexandria, despite the absence of representatives from Armenia, Georgia (Iberia), Albania and a number of other countries, established separate calendars for them, which were drawn up in the image of the Egyptian calendar, with the same beginning of the year and months and the general system of leap years. But at the beginning of the 7th century the Georgian Church finally broke with the Armenian Church and, as a result of this, in 781 switched to a new (Chalcedonite) ecclesiastical calendar and the use of the calendar created for Georgians by the Council in Alexandria (and known as the Georgian Chronicon). The Aluanian church, which was in canonical unity with the Armenian Church, did not switch to independent ecclesiastical calendar; did not create its own chronology and probably never applied the calendar compiled for the Aluans in Alexandria.*

In 666–667 AD, Anania Shirakuni created his monumental work – K'nnikon. The calendar (Tomar) consisting of theoretical and applied parts was represent in this work. The names of the months in the Aluanian and Georgian calendars have parallels in the names of the months of the Armenian calendar, represent borrowings or have semantics in common with them, which, obviously, is explained by the long cultural contacts of the peoples of the South Caucasus.

Keywords: Anania Shirakuni, Kharnakhoran, Council in Alexandria, Aluanian Church, Georgian Chronicon.

For citation: Broutian G.A. Georgian and Aluanian Calendars as presented in Anania Shirakouni's *Tomar* (Calendar). *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5. Pp. 94–105. DOI: 10.31857/S086919080016471-5

В 666–667 гг. Анания Ширакуни¹ по поручению Армянского католикоса Анастаса Акореци создал свой монументальный труд – *К'нникон* – новое учебное пособие для высших школ Армении. В этом труде кроме семи свободных дисциплин (сначала *quadrivium*, затем *trivium*) в числе других прикладных наук был изложен и календарь (*Томар*). Он состоял из теоретической и прикладной частей.

В теоретической части *Томара* (Календаря) даны объяснения и обоснования календарных положений тех церковных праздников, определения которых у Армянской церкви отличались от традиций западных церквей (Рождество, Пасха и другие). Прикладная часть

¹ Его имя в армянских источниках приводится в различных вариациях: Анания Ширакаци (из Ширака) или Ширакаванци (из Ширакавана), Анания Анеци (из Ани), Анания Ширакуни, Великий Анания, Анания Математик и т.д. В своих трудах он сам себя называл «Анания сын Йованнэса Ширакуни», т.е. Ширакуни – его родовое имя. Под этим именем его упоминают Григор Магистрос и Йованнэс Саркаваг. И правильнее пользоваться именем Анания Ширакуни, хотя в литературе он более известен как Ширакаци.

Томара состояла из двух основных больших таблиц – *Харнаخورана* и 532-летних пасхальных таблиц, и множества вспомогательных таблиц и объяснительных текстов.

В *Томаре* Анании представлены календари 15 христианских народов, в т.ч. грузин и алуанцев (метаэтноса Кавказской Албании). Это ценный источник для понимания всех 15 календарей [Broutian, 2009, p. 1–17]. Если для изучения Грузинского календаря, кроме *Томара* Анании, имеются сведения других источников последующих веков, то для Алуанского (Албанского) календаря труд Анании является единственным первоисточником.

Грузинский и Алуанский календари в *Томаре* представлены в разделе *Харнаخورан* (от арм. *харн* – «разный, смешанный», и *хоран* – «столбец», «таблица» в данном контексте). *Харнаخورан* Анании – это совокупность 12 таблиц, по одной для каждого (римского) месяца года. Кроме 12 больших таблиц имеются и вспомогательные – для определения фаз Луны, высоты Солнца, продолжительности дня и ночи и других параметров для каждого дня любого года, а также таблицы месяцев всех календарей с количеством дней, регулярами и некоторыми иными параметрами для каждого месяца. В *Харнаخورане* параллельно представлены календари 14 христианских народов – римлян, греков, сирийцев, евреев, арабов, македонян, египтян, эфиопов, афинян, вифинийцев, каппадокийцев, грузин, алуанцев и персов². Армянский календарь был представлен не в *Харнаخورане*, а в числе 532-летних таблицах пасх и других церковных праздников параллельно с Римским календарем. Для всех календарей *Харнаخورана* были отмечены начала года и всех месяцев, а также дни основных неподвижных праздников, солнцестояний и равноденствий³. Интерес представляют названия месяцев разных календарей. Среди них большую ценность имеют названия алуанских месяцев, которые и были специально изучены как редкие реликвии алуанского языка [Агаян, 1946, с. 61–64]⁴.

Представим названия грузинских и алуанских месяцев по *Томару* Анании.

Таблица 1

**Грузинские месяцы по манускриптам Матенадарана им. Маштоца (ММ)
№ 1973 и № 1999 [Абрамян, 1944, с. 119]**

	Грузинские месяцы		Число дней
	ММ 1973	ММ 1999	
1.	Ахалтцери	Ахлтцели	30
2.	Ст'или	Сит'или	30
3.	Тиридин	Тирист'и	30
4.	Тиридини	Тиридени	30
5.	Апани	Апани	30
6.	Нуккни	Нункни	30
7.	Мекрани	Никрани	30
8.	Игрика	Играка	30

² Во времена Анании у евреев, арабов и персов были христианские общины со своими иерархическими структурами, которые были частью общей Христианской Церкви.

³ Вероятно, в авторском варианте *Харнаخورана* Анании были отмечены также места, где вставлялись добавочные дни високосного года для каждого представленного календаря.

⁴ Э. Агаян пишет, что названия алуанских месяцев сохранили только два манускрипта Матенадарана – № 1973 и № 1999 [Агаян, 1946, с. 61–64]. Но названия алуанских месяцев, также как и названия месяцев других 13 народов, имеются и в некоторых *харнаخورанах* других манускриптов (например, №№ 817, 2001 и 2068).

9.	Вардопа	Вардуп	30
10.	Трели	Марили	30
11.	К'уба	К'ура	30
12.	К'убабалуба	К'убалуба	30

Таблица 2

Алуанские месяцы по манускриптам ММ №№ 817, 1973, 1999, 2068⁵

	Алуанские месяцы				Число дней
	ММ 1999	ММ 1973	ММ 817	ММ 2068	
1.	nawasardon	nawasardun	nawasar[d..]	nosardon	30
2.	tulen	tuen	tuini	tulini	30
3.	namoc'	kamoc'	namay	namay	30
4.	šili	c'ilē	c'ili	c'ili	30
5.	bokawon	bokawon	---	bokawon	30
6.	marē	bičukēn	marē	marē	30
7.	bočkonē	mreli	bočkon	bočkon	30
8.	saxolen	saxuli	saxulēn	saxulēn	30
9.	bundokē	bondukē	bontokē	bontokē	30
10.	orelin	orelin	orrelin	orelin	30
11.	exnea	exna	ēxnēay	ēxnēay	30
12.	xabnea	xibna	xabay	xabay	30

К концу года после 12 месяцев прибавляется по 5 дополнительных дней с общим названием *awelik'* – «добавочные», или *awurk' aweleac* – «добавленные дни». Таким образом, общая продолжительность годового цикла составляла 365 дней ($12 \times 30 + 5 = 365$).

Кроме идентичности структуры, у этих календарей общим является и то, что в *Томаре* они объединены в одну большую группу, содержащую календари семи народов. Это – так называемая группа «Египтян». В *Харнахоране* Анании календари этой группы представлены в одном столбце, под общим заглавием «*Египтян и своих*»⁶ [Брутян, 1998, с. 86–109]. Все календари этой группы имеют идентичное начало года – 29 августа. В этой группе объединены Египетский, Эфиопский, Афинский, Вифинийский, Каппадокийский, Грузинский и Алуанский календари. Естественно, идентичной должна быть и система високосных годов всех календарей данной группы.

Что касается системы високосных годов, то очевидно, что раз в 4 года необходимо было ввести в эти календари один добавочный день, как это имело место в Римском Юлианском календаре. Иначе невозможно было бы иметь сопоставление между Римским и календарями этой группы, как это представлено во всех *харнахоранах*, дошедших до нас. Не ясно только место дня високосного года. В *харнахоранах* нет никакого намёка на вставку дня високосного года до или после добавочных 5 дней. Во всех календарях Египетской груп-

⁵ Названия месяцев из манускриптов ММ №№ 1999 и 1973 приведены согласно А. Абрамяну [Абрамян, 1944, с. 118]. Остальные названия приведены из манускриптов ММ №№ 817 (с. 446b–458a) и 2068 (с. 360b–372a). В настоящей таблице в названии первого месяца из манускрипта ММ № 817 отсутствует концовка (последние буквы неразборчивы), а название 5-го месяца отсутствует полностью (по той же причине).

⁶ Это дословный перевод названия столбца; подразумевается «Календари египтян и народов той же группы».

пы добавочные дни начинались 24 августа и кончались 28. Начало года всех календарей этой группы – 29 августа, а последний месяц года кончается 23 августа [Брутян, 1998, с. 100–101]. Т.е. в промежутке между концом года и началом следующего нет места для включения дня високосного года.

Исходя из того, что в *Харнахоране* Анании сопоставление дней Римского календаря и календарей Египетской группы для всего года постоянное, можно заключить, что местом дня високосного года календарей этой группы надо считать день, предшествующий началу египетского месяца, ближайшего к концу февраля. Это 25 февраля. В обычные годы 25 февраля начинается египетский седьмой месяц Феменот (грузинский Никрани и алуанский Бочконэ). Значит, именно перед началом месяца Феменот (Никрани и Бочконэ) раз в 4 года должно было быть место дня високосного года. Тогда расхождение между Римским и календарями Египетской группы в високосные годы было бы минимальным. Такое расхождение должно было иметь место только в промежутке от 25 февраля и до 1 марта (всего 4 дня). А в промежутке от 1 марта до следующего 24 февраля соотношение дней Римского с календарями египетской группы оставалось неизменным. Таким образом, в високосные годы добавочный день (день високоса) в календарях египетской группы должен был быть вставлен на 24 февраля.

И именно такую картину мы видим в одном *Харнахоране*, сохранившемся в рукописи ММ № 2068 (XV в.). Это один из лучших и самых полных экземпляров, дошедших до нас редакций *Харнахорана* (отредактированных Йованнэсом Саркавагом Имастасэром в XI–XII вв.). Здесь есть заметки о месте дня високоса для всех календарей. К примеру, для Армянского календаря Саркавагадир («учрежденный Саркавагом») ⁷ такая заметка фигурирует на странице месяца Март. Вот, в *Харнахоране* в ММ № 2068 в таблице месяца февраль (л. 361б, 362а) (рис. 1) напротив 24 февраля на правой стороне таблицы есть приписка: «Египтяне и 7 своих добавочный день високоса ставят тут» (рис. 2).

Для полного понимания календарей Египетской группы, в частности, Грузинского и Алуанского, надо ответить и на вопросы:

- а) Что является причиной общности этих календарей?
- б) Когда начинается эта общность?
- в) Есть ли иная общность между Грузинским и Алуанским календарями и другими известными календарями?

Для понимания причин общности посмотрим сначала календарную и политическую ситуацию в регионе в период, непосредственно предшествующий созданию *Томара* Анании.

Известно, что в 552 г. закончились 200-летние пасхальные таблицы, составленные Андрэасом Византийским, которые имели общехристианское применение [Агаян, 1979, с. 122–139]. Возникла задача составления новых пасхалий, которая на Западе была решена 9 лет спустя – в 560–561 гг. на соборе 36 календареведов в Александрии. На этом соборе под председательством Эаса Александрийского были приняты 532-летний цикл (известный на Западе как Викторинский цикл или Великий индикт) и пасхальные таблицы, основанные на этом цикле ⁸.

Из участников собора в *Томаре* Анании поимённо упомянуты только 8 человек: Эас (Ēas) из Египта (Александрии) – председатель, Фенеез (P'enehez) из Иудеи (Тиверии), Гавриил (Gabriēl) из Сирии, Иоан (Yohan) из Аравии, Абдий (Abdiē) из Эфиопии, Сергий

⁷ В нач. XII в. Йованнэс Саркаваг (Имастатер) создал новый вариант Армянского календаря с неподвижным началом года (со средней продолжительностью года в 365.25 дней), который впоследствии называли *Саркавагадир* [Имастасэр, 1956]. Он ввёл этот календарь в свою редакцию *Харнахорана* Анании, и там на странице месяца март напротив 8 марта есть приписка: «Армяне ставят дополнительный [день] високоса здесь» [Брутян, 1998, с. 126–127].

⁸ Подробно эти события описывает и Анания [Ширакаци, 1943, с. 296].

(Sergi) из Македонии, Евлогий (Ewlogi) из Греции и Гиган (Gigan) из Рима [Ширакаци, 1943, с. 296]⁹.

В трудах Анании прямо указано, что все остальные участники Александрийского собора были из Египта [Ширакаци, 1943, с. 296]. Получается, что только 7 из 8 поимённо упомянутых участников этого собора были из других стран, т.е. остальные 29 участников (36 – 7 = 29) собора (в т.ч. и председательствовавший Эас) были из Египта.

Армянская церковь на этом соборе не участвовала, т.к. ещё в 551–552 гг. самостоятельно решила вопрос собственных пасхалий. В 552 г. по поручению католикоса Армении предводитель монастыря Св. Карапета (Предтечи) города Муш – Атанас Таронаци создал самостоятельные пасхальные таблицы на 95 лет¹⁰. Фактически был начат новый 19-летний лунный цикл. Но система эпакт была синхронизирована с системой эпакт Андрэаса Византийского, которой остались верны и участники собора в Александрии, вследствие чего не было расхождения пасхальных дат.

Хотя на Александрийском соборе календареведов не было участников из Армении, тем не менее собором был рассмотрен вопрос Армянского календаря, при этом был «забракован» Армянский самостоятельный христианский календарь (пасхалия), созданный девятью годами ранее Атанасом Таронаци. Более того, собор утвердил некий календарь для Армении, который, как нетрудно догадаться, не был удостоен внимания в Армении [Ширакаци, 1940, с. 89, гл. 82]¹¹. Можно назвать две возможные причины того, почему было столь отрицательное отношение к самостоятельному Армянскому календарю:

а) составление пасхальных таблиц (на основе Римского и других подобных календарей) в те времена было связано с определёнными трудностями вычислений. А составление этих же таблиц на основе блуждающего года Армянского календаря было гораздо труднее. Календареведам из разных стран были известны только неподвижные календари с фиксированным началом года, а Армянский календарь с фиксированной продолжительностью и блуждающим началом года был для участников Александрийского собора чужд;

б) факт рассмотрения Армянского календаря в отсутствие представителей Армении и составление для армян нового календаря означало определённое вмешательство в дела автокефальной Армянской церкви. А для такого вмешательства, естественно, надо было иметь веские «основания». С этой точки зрения отклонение Армянского календаря, созданного ранее Атанасом, могло бы стать «обоснованием» такого вмешательства.

Естественно, возникают вопросы: а) каким был календарь, созданный александрийцами для Армении?; б) был ли обсуждён на этом соборе вопрос только Армянского календаря, или были рассмотрены другие календари тоже, и, если «да», то какие именно?

Ответ на второй вопрос относительно легок. Неучастие армянской стороны в Александрийском соборе и рассмотрение вопроса Армянского календаря в отсутствие представителя из Армении находит объяснение в наличии определённых (прежде всего,

⁹ Та же информация приводится в труде Йованнэса Саркавага под названием «История Св. Пасхи» [Имастасер, 1956, с. 273]. Ясно, что Саркаваг взял эти сведения о соборе из трудов Анании. Первоисточником последующих упоминаний имён участников собора также является Анания Ширакуни.

¹⁰ Подробности событий того времени, связанные с принятием нового армянского календаря см.: [Брутян, 1997, с. 61–96].

¹¹ Хотя прямо не указано, что данное обсуждение имело место именно на Александрийском соборе, но, исходя из того, что правомочным обсуждать календари разных народов и создавать/предлагать новые календарные проекты мог только авторитетный собор календареведов, естественно, приписать это именно авторитетному Александрийскому собору. У нас нет также прямых свидетельств, что предложенный александрийцами календарный проект не был принят в Армении, но такое вероятное заключение вытекает из состояния Армянского календаря, предшествовавшего Йованнэсу Саркавагу. До него в Армении применялся лишь календарь Атанаса, реформированный в VII в. Ананией.

христологических) противоречий между Армянской церковью и церквями – участниками собора. Факт обсуждения Армянского календаря при отсутствии представителя Армянской церкви предполагает, что на соборе, кроме Армянского календаря, вероятно, должны были обсуждать ещё и вопросы календарей других церквей, канонически единых в это время с Армянской церковью, а именно Грузинского и Алуанского календарей.

Ответ же на первый вопрос становится понятным при сопоставлении списка участников Александрийского собора со списком календарей «египетской» группы, в которую входили календари Египта, Эфиопии, Афин, Вифинии, Каппадокии, Грузии и Алуании. Из этого списка только представители Египта и соседней Эфиопии приняли участие в соборе, остальные же – это страны, которые, как и Армения, не участвовали в работе собора. Таким образом, *в египетскую группу вошли календари тех народов, представителей которых не было на соборе*. Это означает, что Александрийский собор, рассматривая календари народов в присутствии представителей соответствующих стран, естественно, учитывал их требования к календарям (начало года, система високосов и т.д.), а календари народов, не имевших своих представителей на соборе, были обсуждены все вместе, без учёта их особенностей, и относительно их было принято *общее решение*¹². Если учесть, что из 36 участников собора 29 были представителями Египта, то станет очевидным, что собор составил новые календарные проекты, основываясь на Египетском календаре. Свидетельство в пользу такого вывода находим у Самуэля Анеци (XII в.), который писал о календаре: «Армяне учредили отдельную [систему] високосов, которую не одобрили знатоки науки. Учредили они для нашего народа календарь неподвижный, как у других народов, что находим установленным великим Саркавагом [курсив мой. – Г.Б.]» [Абрамян, 1952, № 1, с. 30–36; № 2, с. 34–43, 38]. Т.е., согласно Анеци, календарь, составленный Александрийским собором для Армении, был впоследствии применён Йованнэсом Саркавагом Имастасэром [Имастасэр, 1956]. Конечно, это не значит, что неподвижный календарь, созданный Саркавагом, не является авторским творением, а всего лишь применением календарного проекта, созданного Александрийским собором. Но это означает, что по Анеци, новосозданный календарь *Саркавагадир*¹³ был того же типа, что и календарь, предложенный для Армении Александрийским собором. Поскольку Анеци был учеником Саркавага, то вероятно, что его утверждение основывалось на сведениях, полученных от самого Йованнэса, и может считаться вполне достоверным. Таким образом, и Армянский, и другие календари, созданные Александрийским собором, были того же типа, что и Армянский календарь, составленный в конце XI в. Йованнэсом Саркавагом, т.е. календарь Юлианского типа (со средней продолжительностью года в 365,35 дней и с високосом раз в 4 года).

Что касается Грузинского и Алуанского календарей в том виде, как они представлены в *Томаре* Анании, то они должны были быть составлены в 561 г. Александрийским собором календареведов, и этим обусловлено совпадение начала года этих календарей с началом египетского года – 29 Августа. В связи с этим возникает вопрос: почему летосчисление Грузинского Хроникона начинается не со времени Александрийского собора, а 220 лет спустя – 29 августа 781 г.?

Ответ находим в том, что во время Александрийского собора ещё не произошёл раскол между Армянской и Грузинской церквями, которые, очевидно, пользовались одной

¹² Остаётся открытым вопрос Персидского календаря. Персидская церковь тоже не имела представителей на соборе, однако Персидский календарь не входит в «египетскую» группу и стоит особняком. Видимо, Персидская церковь решила вопрос собственного календаря ранее Александрийского собора, и это решение было приемлемо для участников собора.

¹³ Календарь Саркавага был типа Юлианского календаря – с 12 месяцами по 30 дней и 5 добавочными днями в конце года. Раз в 4 года вставлялся добавочный день в конце месяца Мехекан перед началом месяца Арег, что соответствовало 8 марта Юлианского календаря. Началом года было 1 Навасарди / 11 августа.

календарной системой, даже несмотря на наметившийся раскол в нач. VII в. Грузинский Хроникон начинается именно в 781 г. по той причине, что в 726 г. на Маназкертском соборе во главе с католикосом Йованнэсом Одзнеци было решительно осуждено халкидонство, что привело к окончательному разделению двух церквей. Можно полагать, что 781 год является временем принятия Грузинской церковью халкидонского пасхалия.

Параллельно с этим возникает и вопрос: чем объясняется отсутствие самостоятельного Алуанского календарного летосчисления, наличие которого можно было бы ожидать? Его отсутствие, очевидно, нужно связать с тем, что Алуанская церковь оставалась в каноническом единстве с Армянской церковью, которая была способна отстаивать свои интересы даже против авторитетного Александрийского собора восточных церквей. И, видимо, Алуанская церковь не испытывала необходимости создавать для себя собственную самостоятельную систему летосчисления. Напомню, что вопросы календаря и вытекающего из него летосчисления были исключительно в компетенции религиозных структур.

Как отмечалось, применение Грузинского летосчисления началось с 781 г. и с переходом на новые пасхалии. Вообще, расчёт летосчисления естественно возникал от пасхалии, как последовательная нумерация годов в ней, и поэтому применение Грузинского календаря в том виде, в каком он был составлен Александрийским собором, должно было начаться именно с 781 г. вместе с переходом на самостоятельную пасхалию¹⁴. Что же касается Алуанского календаря, то Алуанская церковь для определения дат праздников руководствовалась Армянским календарём, и необходимость отдельного применения собственного летосчисления не существовала.

Поскольку Грузинский календарь не применялся до 781 г., а Алуанский – не применялся вообще, то возникает вопрос: откуда сведения об этих календарях оказались у Анании Ширакуни, который создал свой труд в 666–667 гг.? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, что Анания написал свой труд по поручению католикоса Армении Анастаса Акореци, и, очевидно, что во время работы он должен был иметь доступ к патриаршим архивам, по крайней мере к тем документам, которые имели непосредственное отношение к вопросам, связанным с календарями. В этих архивах могли ещё существовать документы, относящиеся к Александрийскому собору календареведов 561 г.: например, приглашение на собор, или переписка, содержащая календарные вопросы, и постановления собора. В числе последних могли быть и проекты календарей, составленных для Грузинской и Алуанской церквей. Следовательно, Анания вполне имел возможность представить их в своём *Томаре*. С этим выводом созвучно и то, что он приводит довольно детальный список участников собора.

Для относительно полного понимания этих календарей, нужно ответить и на вопрос о значении (и, если возможно, возникновении) названий месяцев этих календарей.

Понимание происхождения названий месяцев и их соотношения в армянском, грузинском и алуанском календарях затруднено в связи с серьёзными проблемами в их этимологии. Относительно названий грузинских месяцев, как показано предыдущими исследователями, некоторые из них либо прямо заимствованы из соответствующих армянских названий, либо же имеют происхождение *via armeniasa* [Мурадян, 1964, с. 55–68].

Названия грузинских месяцев в *Томаре* Анании (и в трудах последующих авторов, для которых первоисточником служили труды Анании) в некоторых случаях отличаются от названий тех же месяцев, дошедших до нас в грузинских источниках. Для наглядности представим эти названия в таблице.

¹⁴ Именно с этого времени и с началом применения этой пасхалии представлена история Грузинского календаря на основе других данных в трудах К.С. Кекелидзе [Бадалян, 1970, с. 170–172], что свидетельствует в пользу верности наших рассуждений.

Таблица 3
Грузинские месяцы по манускриптам ММ 1973 и 1999
и по грузинским источникам

	ММ 1973	ММ 1999	По грузинским источникам ¹⁵
1.	Ахалтцери	Ахлтцели	Ахалтзлисай
2.	Ст'или	Сит'или	Ст'улисай
3.	Тиридин	Тирист'и	Тирискани
4.	Тиридини	Тиридени	Тиридини
5.	Апани	Апани	Апниси
6.	Нуккни	Нункни	Суртзхниси
7.	Мекрани	Никрани	Михракани
8.	Игрика	Играка	Игрика
9.	Вардопа	Варлуп	Вардобисай
10.	Трели	Марили	Мариали
11.	К'уба	К'ура	Т'ибисай
12.	К'убабалуба	К'убалуба	К'уелт'обисай

Как видно из таблицы, в двух случаях (в 6 и 11) мы имеем разные названия, а в остальных случаях отличия можно считать искажением вследствие передачи грузинских слов армянскими авторами, не владеющими грузинским языком. Причины различия наименований этих двух месяцев пока неясны.

В приведённом списке названия месяцев Тирискани (3-й месяц), Тиридини (4-й), Михракани (7-й), Игрика (8-й), Мариали (10-й) считаются прямыми заимствованиями из армянских соответствующих названий месяцев. Названия же Ахалтзлиса (1-й) и Ст'улиса (2-й) считаются смысловыми повторениями, переводами названий армянских месяцев Навасарди (1-й) – «новый год» или «новое время» и Кахоц (5-й) – «[месяц или время] сенокоса или жатвы». Основой для такого утверждения служат толкования названий грузинских месяцев, данных К.С. Кекелидзе [Кекелидзе, 1956, с. 99–104]. Но этими семью названиями не ограничиваются грузинские месяцы, имеющие общие с армянскими названия. К этому списку надо добавить и название месяца Тибиса (11-й), которое, согласно К.С. Кекелидзе, по-грузински означает «ровная местность, луг», что можно считать калькой названия армянского 11-го месяца Маргац (род. п. мн. числа от *марг* – «луг»).

Значение 12-го месяца К'уелт'обисай связывается с праздником, посвящённым душам усопших [Кекелидзе, 1956, с. 99–104]. А это, в свою очередь, указывает на смысловое отношение данного месяца к внегодичному периоду армянского Протогайковского календаря, который следовал после 10-месячного года, длился порядка 2 месяцев и ассоциировался с понятием подземного мира, Преисподней [Брутян, 1996, с. 135–164; 1997, с. 385–433].

Название 5-го месяца Апани (Апниси) сводится к перс. апам, или апан (корень – аб «вода») [Кекелидзе, 1956, с. 99–104] и соответствует названию 8-го месяца зороастрийского календаря – ср.-перс. *Ābān* – «Воды» [McKenzie, 1971, p. 1].

Название 6-го месяца Суртзхниси (по грузинским источникам) выводится из двух корней, означающих «вода» [Кекелидзе, 1956, с. 99–104].

¹⁵ По: [Кекелидзе, 1956, с. 99–104]. Выражаю благодарность востоковеду Азату Бозояну, за перевод с грузинского (см. также [Мурадян, 1964, с. 55–68]).

Название 9-го месяца Вардопа (Вардобисай) ассоциируется с понятием «новое» («новый урожай», «новое время») [Кекелидзе, 1956, с. 99–104]. Можно предположить, что данное название месяца может быть связано с армянским месяцем Навасарди («новое время», «новый год»), о котором известно, что в первый день данного месяца в Армении отмечался «Праздник нового урожая» [Агатангелос, 1983, с. 464–466].

Таким образом, 10 из 12 названий месяцев Грузинского календаря либо заимствованы из соответствующих армянских названий, либо имеют смысловую идентичность с соответствующими армянскими календарными реалиями.

О названиях месяцев Алуанского календаря сведения очень скудны. Кроме *Томара* Анании пока нет других источников этих названий. Их этимология затруднена и тем, что здесь также могло иметь место искажение слов при транслитерации алуанских названий в армянском. Несмотря на большую значимость этих названий, как ценных реликвий алуанского языка, они исследованы весьма недостаточно. Единственным известным нам исследованием, посвящённым названиям алуанских месяцев, является работа Эд. Агаяна [Агаян, 1946, с. 61–64]¹⁶. На основе сравнения названий алуанских месяцев со словами удинского языка (предполагаемого наследника алуанского языка), автор уточнил смысл названий некоторых месяцев. Ниже приведена таблица алуанских месяцев со значениями (Эд. Агаян).

Таблица 4
Алуанские месяцы и их значения

	Алуанские месяцы				Значения
	ММ 1999	ММ 1973	ММ 817	ММ 2068	
1.	nawasardon	nawasardun	nawasar[d..]	nosardon	от арм. Навасарди
2.	tulen	tuen	tuini	tulini	имеющий виноград
3.	namoc´	kamoc´	namay	namay	влажный ?
4.	šili	c´ilē	c´ili	c´ili	семя, род
5.	bokawon	bokawon	---	bokawon	разжигающий
6.	marē	bičukēn	marē	mare	от арм. Марери
7.	bočkonē	mreli	bočkon	bočkon	
8.	caxolen	caxuli	caxulēn	caxulēn	
9.	bundokē	bondukē	bontokē	bontokē	
10.	orelin	orelin	orrelin	orelin	
11.	exnea	exna	ēxpñay	ēxpñay	[месяц] жатвы, сенокоса
12.	xabnea	xibna	xabay	xabay	третий ?

В этой таблице два названия (1-ое и 6-ое) являются прямыми заимствованиями из соответствующих армянских названий: Навасардон (арм. Навасарди) и Маре (арм. Марери). Ещё два имеют общее смысловое значение с соответствующими армянскими. Так, название 11-го месяца Ехнеа объясняется как «[месяц] жатвы, сенокоса» и перекликается с названием 11-го месяца Армянского календаря – Маргац, производного от арм. *марг* – «луг, покос, сенокос» (см. выше).

Название 2-го алуанского месяца Тулен Эд. Агаян объясняет как «виноград». С этим названием перекликается арм. *толи* – «виноградная лоза». Это ничего общего не имеет с

¹⁶ Выводы автора повторены в издании алуанского палимпсеста [The Caucasian Albanian Palimpsests, 2008].

названием 2-го армянского месяца Ори (*hori*)¹⁷, но до нас дошло письменное свидетельство, что этот месяц изначально назывался Матран и был позже переименован легендарным Гайком в честь своего сына Хора [Алишан, 1895, с. 140; Брутян, 1997, с. 450–452]. (Слово *hori* можно принять как род. п. от имени *Hor*). Обращу внимание, что слово «сын» в армянском – *ворди/ворт* ‘и соответствует названию в армянском виноградной лозы – *ворт* ‘ (помимо прочих названий), т.е. эти слова являются омофониями. Из этого следует, что в древних (предшествовавших алфавитным) системах письменности одно из этих слов могло использоваться для графического обозначения другого, т.е. «виноградная лоза» могла быть использована для обозначения понятия «сын», т.к. последнее является абстрактным. В этом смысле названия месяцев Ори (как сына Гайка) и Тулен соответственно в Армянском и Алуанском календарях в определённой степени семантически перекликаются.

Название 4-го алуанского месяца Цили (или Шили) объясняется, как происходящее от удинского *цил* – «семья», «род» (ср.: арм. *цил* – «росток»). Поэтому ему даётся толкование «[месяц] сева, посевной». При такой трактовке название данного алуанского месяца становится смысловым синонимом армянского 4-го месяца Грэ, название которого однозначно связано с именем армянского языческого бога Тир и с наименованием зороастрийского 4-го месяца *Tir* [McKenzie, 1971, p. 83]. Осенний сев (озимь) в Армении назывался *Три цанк’с* – «сев Тира». Поскольку в Армении исторически применялась в основном именно озимь (для пшеницы и ячменя), следовательно, 4-й месяц в древнеармянском календаре был именно месяцем сева. Иначе говоря, названия армянского и алуанского 4-го месяца по смыслу синонимичны.

Таким образом, подводя итоги исследования, можно констатировать, что названия месяцев в Алуанском и Грузинском календарях имеют параллели в наименованиях месяцев Армянского календаря, представляют либо заимствования, либо имеют общую с ними семантику, что, очевидно, находит объяснение в длительных культурных контактах народов Южного Кавказа. Вероятно, дальнейший поиск толкований названий месяцев Албанского календаря, смысловое значение которых еще не раскрыто, следует вести и в обозначенном направлении семантического сравнения с наименованиями месяцев соседних народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абрамян А. *Научные труды Анании Ширакаци*. Ереван: Матенадаран, 1944 (на арм. яз.) [Abrahamyan A. *Scientific Works of Anania Shirakatsi*. Yerevan: Matenadaran Press, 1944 (in Armenian)].

Абрамян А. Календарно-космологический труд Самуэла Анеци. *Эджмиацин*. 1952. № 1. С. 30–36; № 2. С. 34–43 (на арм. яз.) [Abrahamyan A. Samuel Anetsi’s Calendar-Cosmological Work. *Ejmiatsin*. 1952. No. 1. Pp. 30–36; No. 2. Pp. 34–43 (in Armenian)].

Агатангелос. *История Армении*. Пер. с древнеарм. на новоарм. яз. и комментарии А.Н. Тер-Гевондяна. Ереван: Ереванский гос. университет, 1983 (на арм. яз.) [Agatangelos. *History of Armenia*. Transl. from the Ancient Armenian into New Armenian and Comments by A. Ter-Gevondyan. Yerevan: Yerevan State University, 1983 (in Armenian)].

Агаян Э. Названия Алуанских месяцев. *Известия АН Арм. ССР. Обществ. науки*. 1946. № 5. С. 61–64 (на арм. яз.) [Agayan E. The Names of the Aluan Months. *Izvestiya of the Academy of Sciences of Arm. SSR. Social Sciences*. 1946. No. 5. Pp. 61–64 (in Armenian)].

Агаян Э. Двухсотлетняя пасхалия Андрэаса Византийского и её армянский перевод. *Вестник Ереванского университета*. 1979. № 2. С. 122–139 (на арм. яз.) [Agayan E. Bicentennial Easter of Andreas of Byzantine and its Armenian Translation. *Yerevan University Bulletin*. 1979. No. 2. Pp. 122–139 (in Armenian)].

¹⁷ Эд. Агаян придерживался мнения, что название месяца Ори происходило от груз. ори – «два». Такое объяснение было принято в словаре Гр. Ачаряна [Ачарян, 1977, с. 114–115], но позже это толкование было отвергнуто С. Малхасянцем [Малхасянц, 1945, с. 176], с чем потом согласился Эд. Агаян [Агаян, 1986, с. 58–59].

Агаян Э. *Очерки по истории армянских календарей*. Ереван: Издательство АН Арм. ССР, 1986 (на арм. яз.) [Agayan E. *Essays on the History of Armenian Calendars*. Yerevan: Academy of sciences of Arm. SSR, 1986 (in Armenian)].

Алишан Г. *Древние верования или языческая религия армян*. Венеция: Изд-во Мхитаристов, 1895 (на арм. яз.) [Alishan G. *Ancient beliefs or pagan religion of Armenians*. Venice: Mechitharisten Buchdruckerei, 1895 (in Armenian)].

Ачарян Г. *Этимологический коренной словарь армянского языка*. Т. 3. Ереван: Ереванский гос. университет, 1977 (на арм. яз.) [Acharyan H. *Etymological Root Dictionary of the Armenian Language*. Vol. 3. Yerevan: Yerevan State University, 1977 (in Armenian)].

Бадалян Г.С. *История календаря*. Ереван: Издательство АН Арм. ССР, 1970 (на арм. яз.) [Badalyan H.S. *History of the calendar*. Yerevan: Academy of Sciences of Arm. SSR, 1970 (in Armenian)].

Брутян Г. О некоторых вопросах Армянского календаря: структура Протогайковского календаря. *Эджмиацин*. 1996. № 12. С. 135–164 (на арм. яз.) [Broutyan Gr. On Some Issues of the Armenian Calendar: the Structure of the Protohayk Calendar. *Ejmiatsin*. 1996. No. 12. Pp. 135–164 (in Armenian)].

Брутян Г. *Календари Армении*. Эчмиадзин: Изд-во Св. Эчмиадзина, 1997 (на арм. яз.) [Broutyan Gr. *Calendars of Armenia*. Ejmiatsin: St. Ejmiatsin Press. 1997 (in Armenian)].

Брутян Г. «*Харнахоран*» *Анани Ширакаци*. Эчмиадзин: Изд-во Св. Эчмиадзина, 1998 (на арм. яз.) [Broutyan Gr. “*Kharnakhoran*” of *Anania Shirakatsi*. Ejmiatsin: St. Ejmiatsin Press, 1998 (in Armenian)].

Имастасэр, Йованнэс. *Научные труды*. Сост. А. Абрамян. Ереван: Изд-во Ереванского университета, 1956 [Imastaser Yovannes. *Scientific Works*. Compiled by A. Abrahamyan. Yerevan: Yerevan University Press, 1956].

Кекелидзе К.С. *Этюды по истории древнегрузинской литературы*. Т. I. Тбилиси: Тбилисский гос. университет, 1956 (на груз. яз.) [Kekelidze K. S. *Etudes on the History of Ancient Georgian Literature*. Vol. I. Tbilisi: Tbilisi State University, 1956 (in Georgian)].

Малхасянц С. *Толковый словарь армянского языка*. Т. 4. Ереван: Госиздат Арм. ССР, 1945 (на арм. яз.) [Malkhasyants S. *Explanatory Dictionary of the Armenian Language*. Vol. 4. Yerevan: State Publishing House of Arm. SSR, 1945 (in Armenian)].

Мурадян П.М. Из истории Армяно-Грузинских культурно-литературных взаимоотношений. *Известия АН Арм. ССР. Общественные науки*. 1964. № 10. С. 55–68 (на арм. яз.) [Muradyan P.M. From the History of the Armenian-Georgian Cultural and Literary Relationship. *Izvestia of the Academy of Sciences of Arm. SSR. Social Sciences*. 1964. No. 10. Pp. 55–68 (in Armenian)].

Ширакаци Анания. *Космография и теория календаря*. Ереван: АРМГИЗ, 1940 (на арм. яз.) [Shirakatsi Anania. *Cosmography and Calendar Theory*. Yerevan: ARMGIZ, 1940 (in Armenian)].

Ширакаци Анания. *Научные труды*. Сост. А. Абрамян. Ереван: Матенадаран, 1943 (на арм. яз.) [Shirakatsi Anania. *Scientific Works*. Comp. by A. Abrahamyan. Yerevan: Matenadaran Press, 1943 (in Armenian)].

Broutian G. Persian and Arabic Calendars as Presented by Anania Shirakatsi. *Tarikh-e Elm. Iranian Journal for The History of Science*. 2009. No. 8. Pp. 1–17.

The Caucasian Albanian Palimpsests of Mount Sinai. Eds. Gippert J., Schulze W., Aleksidze Z., Mahé J.-P. Vol. I. Turnhout: Brepols Publishers, 2008.

McKenzie D.N. *A Concise Pahlavi Dictionary*. London: Oxford University Press, 1971.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БРУТЯН Григор Амбарцумович
(28.06.1955–11.04.2021) – астрофизик,
арменолог-календаревед, кандидат физико-
математических наук, заведующий отделом
историко-культурной астрономии
Бюраканской астрофизической обсерватории,
старший научный сотрудник Матенадарана –
Института древних рукописей им. св. Месропа
Маштоца, Ереван, Армения.

Grigor H. BROUTIAN (28.06.1955–11.04.2021),
Astrophysicist, Armenologist-Calendar Scientist,
PhD (Physical and Mathematical Sciences), Head
of the Department of Historical and Cultural
Astronomy of the Byurakan Astrophysical
Observatory, Senior Researcher at Matenadaran –
St. Mesrop Mashtots Institute of Ancient
Manuscripts, Yerevan, Armenia.

DOI: 10.31857/S086919080016817-5

REVISITING THE QUESTION OF THE TIME AND PLACE
OF WRITING OF THE CAUCASIAN ALBANIAN PALIMPSEST
ACCORDING TO NUMISMATIC DATA (PART I).

© 2021

A.V. AKOPYAN^a^a – Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-6846-0685, alexakopyan@gmail.com

Abstract: This article concerns the dating of the Caucasian Albanian palimpsest (Gospel of John) on the basis of a refined interpretation of the monetary term ***zaizowzña*. In the first part of paper the etymology of the word ***zaizowzña*, that derived from the Sasanian monetary term *zūzā* ‘dirham’ is offered and justified. The Albanian umbrella term ***zaizowzña* indicated a general concept of a ‘zuza-like (coin)’, which unified wide range of various imitations of Hormizd IV’s silver coins (or *ZWZWN*, as they named in Pahlavi on coins), struck in the end of the 6th century after defeating of Varhrān Čōbīn in 592 as payment to the Byzantine army, as well as typologically close to them pre-reform Islamic coins of the Sasanian type struck in the 7th – beginning of 8th centuries (so-called Arab-Sasanian coins). In the Caucasian Albanian Gospel of John the word ***zaizowzña* was used to translate the Greek *δηνάριον*, but in the corresponding places of Armenian or Georgian translations were used another words — *dahekan/drahkani*, *denar* or *satiri/statiri* (etymology of these words also discussed and shown that they are not related to Sasanian *zūzā*). Thus, the use of a special term for Greek *δηνάριον* is not associated with the established translation tradition and unequivocally indicates its local, Caucasian Albanian origin. The period of time when ***zaizowzña* coins were used in the Transcaucasia is outlined, and it is shown that the Sinai edition of the Albanian Gospel of John was completed between the beginning of the 6th century and the beginning of the 10th century.

Keywords: Caucasian Albania, Gospel, imitations, Islamic numismatics, Sasanian numismatics, zuza.

For citation: Akopyan A. V. Revisiting the Question of the Time and Place of Writing of the Caucasian Albanian Palimpsest According to Numismatic Data (Part I). *Восток (Oriens)*. 2021. №5. P. 106–115. DOI: 10.31857/S086919080016817-5.

*In memoriam Jim Farr (1948–2018),
first reader of this article*

INTRODUCTION¹

The discovery of two Caucasian Albanian palimpsests of the Gospel of John and Lectionary (hereinafter the language of these manuscripts is simply called Albanian) in the late 1990s in the collection of the St. Catherine monastery in the Sinai was a milestone event in Caucasian studies. The truly heroic work of reading the lower layer of the palimpsests, its decoding

¹ I am deeply grateful to late Dr. Jim (James A.) Farr for his patient language editing, to Dr. Timur A. Maysak (Institute of Linguistics of RAS) for the opportunity to get acquainted with *CAPS* and to Dr. Vesta Sarkhosh Curtis (British Museum) for discussion about the finds of Parthian coins.

and publication by the international team of researchers consisting of J. Gippert, W. Schulze, Z. Aleksidze and J.-P. Mahé [*CAPS* 1; *CAPS* 2; Maysak, 2010] that followed has greatly enriched our knowledge of Caucasian Albania. While in no way minimizing the outstanding accomplishments of the publishers, I would like to address in this article one particular aspect which, in my opinion, did not receive the correct interpretation, which influence on the dating of the Palimpsests (first part of the article) and which possibly point to the area of their writing (second part of the article).

I. THE TIME OF WRITING OF THE ALBANIAN GOSPEL OF JOHN:
ETYMOLOGY AND SEMANTICS OF THE ALBANIAN MONETARY TERMS
***zaiwowńa* AND ***da[hekan]*.

One of the key issues faced by the team of Albanian palimpsest researchers was the issue of their dating. In their preliminary publication J. Gippert and W. Schulze pointed out [Gippert, Schulze, 2007, p. 205] that the external dating of the manuscript is impossible since other Albanian manuscripts are missing, while the internal dating can be ascertained by a *hapax legomenon* in the text of the Gospel of John – the word ***{*me*}[*za*](*i*)*zow(z-ńa)* (here – in the editors' reconstruction) [*CAPS* 2, p. V–29], used as a translation of the Greek *δηνάριον* 'denarius' in John 6:7. Both in the preliminary publication and in the subsequent monographic edition of the palimpsests [*CAPS* 1, p. I–30], the publishers reproduced the word ***zaiwowńa* in the palimpsest by adding the syllable *me-* to the beginning of the word, transforming it into ***{*me*}[*za*](*i*)*zow(z-ńa)* (should be read as *mezaiwowńa*), and then etymologized it, but in an incorrect way from a numismatic point of view. According to W. Schulze, the constructed form originated from the Latinized version of the name of the usurper Mezezius (Μεζίζιος, Arm. *Mžež Gnumi*), whose year of reign (669) is the *terminus ad quem* of the use of this term [*CAPS* 1, p. I-30]. The *-ńa* suffix in Albanian, according to the text publishers, serves to express the relationship, and ***{*me*}[*za*](*i*)*zow(z-ńa)* was literally translated as a "coin that is characterized by the image of the emperor Mezezius," [*CAPS* 1, p. II-21], in other words – *Mizizius*' (*coin*).

Historically, this denominative way of forming coin names was really effective, but the reality makes the proposed reconstruction impossible. The fact is that the rebelling general Mezezius, according to Michael the Syrian, ruled Sicily only for seven months in 669, and managed to issue a limited quantity of donative gold solidi with his name, which to this day are among the rarest of Byzantine coins. Naturally Mezezius' short-term and limited emission in distant Sicily could not leave any trace in the money circulation of Byzantium or Transcaucasia, and, accordingly, had no reflection on either local language, or Greek and Syriac.

The Austrian numismatists W. Seibt and N. Schindel informed the publishers of this discrepancy. N. Schindel proposed an only correct connection between the Albanian term and the Syr. *zuzā* [Gippert, 2012, p. 242], meaning 'drachma'. However, in his improving publication, J. Gippert was not satisfied with the form *zaiwowńa*, suggesting the reconstruction of the Albanian word as *dai-zowńa*, with the *dai* part being translated as 'green'. The term *dai-zowńa*, according to him, "may be a genitive case form of the stem *dai-zowz*, denoting the 'denar' as a 'green', i.e. 'copper' or 'bronze' coin equivalent to a drachm, matching the genitives of *δηνάριον*, *dahekan* and *drahkani* in the Greek, Armenian and Georgian versions" [Gippert, 2012, p. 243]. However, this interpretation unfortunately also has neither historical nor typological confirmation, since in the course of its development *the name of a coin* made of one metal could be transferred for *naming the coin* made of another metal (see below), unlike the *name of a monetary unit*, which was never transferred to *another monetary unit* (*contra* "denar, ... equivalent to drachm," according to J. Gippert) with the *addition* of the metal or color name. Moreover, no special copper or gold

coins circulating in the Christian Transcaucasia are known to be so popular that their name could be used to translate the word from the $\delta\eta\nu\acute{\alpha}\rho\tau\omicron\nu$ / *dahekan* / *drahkani* group.

The importance of this *hapax* in the Albanian text makes one pay careful attention to its reconstruction and etymology, for which it is necessary to turn to the historical and economic context in which a new numismatic term for the Albanian gospel could appear.

It is known that during the sixth-seventh centuries the Sasanian authorities strengthened their position in Eastern Transcaucasia, culminating in the 560's construction of a series of Transcaucasian defensive structures by Xusrō I Anōšīrvān (r. 531–579), the largest of which was the fortification network in the region of Derbent [Gadzhiev, 2015, p. 7–8]. Xusrō I was succeeded by his son Hormizd IV (r. 579–590), whose government was overshadowed both by internal problems with the elite, and the ongoing war with Byzantium, which started back in 572. In 588, the Göktürks, instigated by the Byzantines, set off for Iran, and in spite of their numerical superiority, were defeated near Herat by the Sasanian army led by Varhrān Čōbīn. However, soon thereafter Varhrān Čōbīn refused to obey Hormizd IV and separated from him, which fueled the existing dissatisfaction with the *šāhanšāh* and led to the overthrow of Hormizd IV in 590 and his blinding by his wife's brothers; such that his son (and nephew of the conspirators) Xusrō II was declared *šāhanšāh*. Quickly gaining strength Varhrān Čōbīn refused to obey the new *šāhanšāh* and moved to Ctesiphon. Xusrō II and his associates were forced to flee to Byzantium, where he appealed to emperor Maurice (r. 586–602) with a request for military aid. This was a truly extraordinary event in the history of the tense relationship between Sasanian Iran and Byzantium. Nevertheless, the emperor agreed to grant Xusrō's request and allocated him 40 *centinaria* (1,440 kg) of gold, as well as to send his Mesopotamian army, led by John Mystacon and the Armenian commander Narses. Byzantine mission was successful – Varhrān Čōbīn was defeated in the Battle of Blarathon (near Ganzak-i Āturpātākān) and fled to Ferghana. In return, Xusrō II gave Byzantium substantial territories in Armenia, Iberia and Mesopotamia. In addition, according to al-Ṭabarī, after defeating Varhrān, Xusrō II sent to Maurice and distributed among his soldiers 20 million dirhams [Al-Tabari, 1879, p. 1000]. Michael the Syrian wrote, that Xusrō II gave each Byzantine warrior 400 *zūzā* [Michel de Syrien, 1901, p. 387; Anonymi auctoris Chronicon, 2000, p. 645]. Arab. *dirham* and Syr. *zūzi* ~ *zūza/zūzā* (also recorded in the Middle Persian ostracones and papyri of the 6th-7th centuries [Nikitin, s. a., p. [2]]), along with the Arm. *zowzay*, Georg. *zuzi* or Mishn. Hebr. *zūzā* [Ačāryan, 1973, p. 107] all denoted the same Sasanian silver coin, traditionally called *drachma* in the numismatic literature.

The payment of so many drachmas caused a significant financial strain in Iran – an average weight of drachmas of that time was four grams, so the total weight of the silver coins that the Byzantine army took to Mesopotamia was about 80 tons. Of course, a part of this volume was old coins left in the treasury, but the numismatic data testify a very special series of coins, apparently hurriedly issued just to pay for the services of the Byzantine troops.

This series consists of rather crude issues with the name of late Hormizd IV that are easily distinguished from his current coins (*fig. 1*)² in a number of iconographic, technological and epigraphic aspects, which excludes them from ordinary Sasanian coin emissions. The iconographic differences consist in a substantial simplification of depicting the portrait of the *šāhanšāh*, the reduction of the crown's and clothes' detailing. The technological innovation in the coins of this series was an additional stroke through a soft (lead?) strip on the reverse for a more convex rendering of the *šāhanšāh*'s profile on the obverse, which left characteristic traces on the reverse³

² Иллюстрации находятся на цветной вклейке.

³ I completely agree with the opinion of A.B. Nikitin on the origin of distinctive convexity of the *šāhinšāh*'s portrait on the coins of this seria precisely because of the additional stroke [Nikitin, s. a., p. [3]] *contra* opinion of I.G. Dobrovolsky about the “natural” formation of convexity due to the fineness of the coin blank and “filling” of

(this was easily done due to the constant orientations between of the Sasanian coin's dies of this time – always strictly 3 hrs). The epigraphic differences consisted of rough rendering and distortion of the inscriptions, often being completely unreadable, omitting words from the monetary legend and the barbaric mintname on a significant number of coins from this group (fig. 2). The Sasanian coin's canon was violated by exhibiting the immobilized (abnormally early) years of mintage (fig. 2–6, especially year “six” in this case), while in a significant number of these coins the mint is replaced by the denomination – the Aramaic ideogram *ZWZN*, *ZWZN*’ or *ZWZWN* written in Pahlavi letters [Nikitin, 1996, p. 171]⁴ (fig. 3, 4, 6). Many coins of this series have additions to the canonical legend, such as the names of the production regions: ’LMNY [Zeno, no. 107264], ’LMYN [Nikitin, s. a., no. 3.1.] (fig. 4), ’LMN’ [Nikitin, s. a., nos. 2.1–2.11, 4.1–4.5, 5.2–9.6.], ’LM [Nikitin, s. a., no. 1.7] for Armenia, GWLC’N [Nikitin, s. a., no. 1.8] for Georgia, the title of the issuing governor *bythš* ‘bidaxš’ [Nikitin, s. a., no. 12.1], and some other Pahlavi words that haven't yet been read.

The fact that the issue of these coins could be carried out in the operating Sasanian army without a permanent location, which resulted in denoting the coin's denomination, not the mintname, was initially pointed out by A.B. Nikitin [Nikitin, 1996, p. 172]. The coins of this time were executed quite carefully: they retain the weight of the Sasanian drachma and all the inscriptions are readable, but they already contain the denomination *ZWZN*’ and the immobilized year [Nikitin, s. a., p. [2]]. Soon, a huge output of one (or several, no less likely) coinage centers, organized to pay the Byzantine army, began to predominate over coins from other Sasanian mints in the monetary circulation of Transcaucasia [Nikitin, s. a., p. [2]] and gave rise to a large number of local anonymous imitations (with cross, names of regions, or the title of the issuer) and became a prototype for the issue of personalized coins with a progressive schematization of the image and inscriptions. A somewhat different group, according to A.B. Nikitin [Nikitin, s. a., p. [4]], consists of issues with well-read inscriptions made by the Iberian princes Guarum-Gurgenes I (r. 571 – ca. 590) (see coin in fig. 5), Vaxtang (r. end of 6th century) and Step’anoz I (r. ca. 590 – ca. 602).⁵ And another group consists of coins of Muḥammad ibn Marwān, Arab governor of the North in 684–709/710 (fig. 6), minted in Barḡa‘a or Derbent in the first decade of the 8th century (attribution, dating and the place of the issue of this coins are published with a question mark) [Sears, 2003, nos. 1–3].⁶

As was rightly pointed out by W. Seibt and N. Schindel, it is precisely the name of the silver drachma *ZWZWN* in Pahlavi that must be seen in the Alb. ***zaizowz-ña*. It is clearly related to the Arm. *zowzay*, with a quite common metathesis of borrowing that can be compared to Arm. *dang* > Alb. *dagin*. As for its real content, the use of the Albanian relative suffix *ña* after ***zaizowz* should have apparently indicated a more general concept of a ‘*zuza*-like (coin)’, which unified all various imitations of Hormizd IV coins, as well as the pre-reform Islamic coins of the Sasanian type (Arab-Sasanian coins), which were in circulation.

The terms derived from the Pahl. *zwzwn* are absent in the Armenian⁷, Georgian and Syrian translations of the Gospels, so it is impossible to assume the Albanian translation borrowed it *from them*, but it is necessary to assume the appearance of this term in the area where Albanian was

convexities of the obverse's die with silver [Dobrovolsky, 1977, p. 161]. Traces of using this strip are clearly visible on the coins presented in fig. 2, 3, 4 and especially in fig. 6.

⁴ E.A. Pakhomov specified 19 graphical variants of this ideogram on the imitations [Pakhomov, 1959, p. 8, Tab. 1, nos. 1–9, 19–28].

⁵ See the last review of the Georgian-Sasanian coins [Akopyan, 2011].

⁶ See also new coins of this seria in the Zeno.Ru – Oriental Coins Database (<https://www.zeno.ru/showgallery.php?cat=9685>).

⁷ The translation of the Holy Writ on Armenian was started from the Syrian, but it was continued and completed already with Septuagint without involving the Hebrew original [Novoseltsev, 1976, p. 58–59].

spoken. This happened only after the beginning of the 6th century, when the already abstracted term from the *dahekan* / *drahkani* group finally lost its real content (see below), but was still preserved in two *loci* of the original version of the Gospel translation and could be replaced by the term *zwzwn* that spread due to the Sasanian post-war huge coin emission⁸.

Thus, the period when the Pahl. *zwzwn* via Arm. *zowzay* could penetrate into the Albanian language, and in other words – *the time after which the Sinai edition of the Albanian Gospel of John was completed*, must be limited by the beginning of the 6th century. As for the upper limit of this process, it must be extended to the beginning of the 10th century. This position of the upper limit is due to the fact that the Sasanian-type coins did not come out of circulation immediately after the beginning of minting of post-reform Islamic dirhams in the early 8th century in the Transcaucasia (beginning from AH 81 / AD 700–701 in Dabīl-Dvin, AH 85 / AD 704 in Tifflis-Tp‘ilisi, AH 89 / AD 707–708 in Barda‘a-Partav and Albanaq-Kabalaka (?), AH 90 / AD 708–709 in Ğanza-Ganjak, AH 93 / AD 711–712 in Bāb-Derbent, see *fig. 7–8*) [Klat, 2002, p. 38, 44, 74, 90, 105, 252; Akopyan, 2019, p. 328–331].

The fact that both Sasanian coins and post-reform Islamic dirhams continued to co-exist at the same time is proven not only by numismatic data (to be discussed more fully in the second part of the article), but also by the narrative data – the terminology of both Armenian and Arab sources of the 8th–9th centuries reflects the separate naming of each of the coin groups, as strictly epigraphic Islamic dirhams cannot be confused with Sasanian coins bearing the images of the *šāhansāh* and *ātašdān* (fire altar) with two standing figures (compare *fig. 1–6* and *fig. 7–8*). Armenian chroniclers of this time know two kinds of real coins: the purely Islamic *dirham*, which was called Arm. *dram* (for example, “30 drams” in the *narratio* about the Baghdād events of 737 [Martyrdom of Vahan Gołtn‘ac‘i, 1994, p. 300]) and the Sasanian *zūzā*, which was known as Arm. *zowzay* (in calculating the tax from Armenia under Caliph as-Saffāh (r. 750–754) [Łewond, 1862, p. 89–90]). In describing the events of the 8th–9th centuries, these terms, connected to the Kufic *dirham* and the Sasanian *zuza*, were opposed by the general concepts of *dahekan* ‘money’ (when describing the events in Armenia in AH 85 / AD 704: “generously distributed *dahekans*” [Martyrdom of Vahan Gołtn‘ac‘i, 1994, p. 300]) and in the expression “annual salary” – Arm. *zdahekanac’ tareworn* [Łewond, 1862, p. 89–90]) or simple Arm. *arcat’* for ‘silver’.

This co-existence was similarly reflected in the Arab sources, for example the 9th century historian al-Balāḍurī, who describes the results of coinage reform of ‘Abd al-Malik (finished in AH 79 / AD 698–699), clearly distinguishing post-reform epigraphic dirhams and dinars (*al-dinānīr al-manqūṣat*, ‘dinars with a cut [inscription]’) from Byzantine dinars (*al-dinānīr rūmiyya*), as well as dirhams from Persia (*al-dirāhim min ǧarb al-ā‘āğam* or *al-dirāhim kasruwiyya*) and Ğimyar (*al-dirāhim Ğimyariyya*) [Al-Belādsorī, 1866, p. 465–467].

In order to understand why the Alb. *zazowzna*, which denoted a very specific circle of typologically similar silver coins, was engaged to translate in John 6:7 a term from the *δηνάριον* / *dahekan* / *drahkani* group, it is necessary to turn to the semantics of the Greek, Armenian and Georgian terms in the period, followed by the introduction of Christianity in Transcaucasia.

Both the Greek and Syr. *dīnār* terms in the Gospel derive from the name of the silver Roman coin *dēnārius* (literally ‘consisting of ten’) that was introduced into circulation in 268 BC and gradually devalued to a bronze coin by the time of Aurelian (r. AD 270–275), and then completely disappeared from the coinage. However, the devalued denarius was preserved in the form of a counting unit *denarius communis* fixed during the monetary reform of Diocletian (r. AD 284–305)

⁸ Of course, the first version of the translation of the Gospel into Albanian can be dated from the beginning of the 6th century. However, the replacement of the terms that have dropped out of use is not uncommon when correcting Biblical translations, which in the first place affected monetary terminology that quickly lost its relevance due to geographic and economic barriers.

[Sutherland, 1961], while a large amount of the latter was calculated in gold (*denarius aureus*). In the first half of the 3rd century the gold Roman denarius was adopted in Sasanian Iran both as a weight standard for the gold coin and its name *dynr – dēnār* (minted since the time of Ardašīr I (AD 224–240) for ceremonial purposes) [Gignoux, Bates, 1995], and at the end of the 7th century *dēnār* gave its name to the Arabian gold *dīnār*.

In contrast, the origin of the Arm. *dahekan* and the Georg. *drahkani* is associated with another coin – *darik* (δαρεικός, στατήρων Δαρεικῶν;⁹ Hebr. *darkemonin*,¹⁰ *adarkonim*¹¹), a gold coin weighing 8.4g, introduced by Darius I (r. 521–486 BC) in Asia Minor [Alram, 2012] and minted from high-grade gold until the expedition of Alexander the Great in 330 BC. Regarding its name, the ancient etymologist Julius Pollux (fl. 2nd century AD) confirms that it comes from the name of King Darius¹². This very same etymological relationship was reflected in the Armenian, in which the name of the *darik* – **darehakan* ‘[stamp or coin] of Darius’ was formed from Darius’ name in its Armenian form *Dareh* with the addition of a productive suffix *-akan*, used in the meaning of collective multiplicity (this is the main version in Hr. Ačaryan’s work on the subject [Ačaryan, 1971, p. 614–615])¹³. The earliest forms of this word are recorded in the oldest Armenian manuscript Gospel of Luke dated 989 – *darhekan* and *dahekan*, where the first is exceptionally remarkable by the preservation of *-r-*.¹⁴ In spite of the Iranian origin of the suffix *-akan*, the form **darehakan* was most likely formed in Armenian, since in ancient Persian the name of Darius *Dārayava(h)uš* in the possessive form would be **dārayawaka* [Shapur Shahdazi, 2012].

It makes clear that the semantics of the *dahekan* in 5th century Transcaucasia (based on the Armenian and Georgian translations of the Gospel) has shifted from the ‘gold coin’ to the ‘silver coin’. The process of changing of the meaning of the term *dahekan* hasn’t ended and in the future – *dahekan* began to denote any coin in general [Malxasyanc’, 1944, p. 483]¹⁵ and even more abstractly – a unit of something, the integer. Thus, the use of the word *dahekan* in the meaning of a *single estate* has been registered in legal documents [Malxasyanc’, 1944, p. 483]. And the same manner as in coins or in weights, a one-sixth part of a *dahekan* in the legal sense was called *dang* (from the Pers. *dāng* ‘one sixth part’), and one twenty-fourth part was called *t’asu* (from the Pers. *tasū* ‘1/24 part of a *miṭqāl*’) [Hinž, 1970, p. 20]. This sort of shift accompanied by the saving of the usual term with the devaluation of its metallic content and further abstraction from the physical object is well known to numismatics. As an additional illustration, we can once again point to an example of the Roman denarius (silver coin → base silver coin → copper coin → unit of account), as well as the evolution of the Islamic *dīnār* (gold coin → silver coin → base silver coin → copper coin → unit of account); and such examples are many.

It is quite obvious that in the light of the above, etymologies that connected δαρεικός to OPers. *dari* ‘gold’ [Herzfeld, 1938, p. 413–426], and Arm. *dahekan* to the OPers. *dah* ‘ten’ (similarly to Latin *dēnārius*) [Hübschmann, 1972, S. 133], should be rejected, as they are impeded by the semantics of these concepts. The fact is that in 141 BC denarius was equivalent to sixteen

⁹ Hdt. IV.166, VII.98.

¹⁰ Ezra 2:69; Neh. 6:19.

¹¹ 1 Chron. 29:7; Ezra 8:27.

¹² Pollux, *Onomas.* 3.87, 7.98.

¹³ In the Old Armenian unstressed *-e-* usually does not change in the word, however, in some cases it can disappear (*aseln / aslan*, *t’it’erən / t’it’ran*) or turn into *i* (*dew / diwi*) [Tumanyan, 1971, p. 25, 91]. It is quite possible to add *h* in a number of consonants *l*, *r* and *w*, before which the change of *-e-* is fixed. The search for analogies to confirm the fallout of *-e-* is seriously complicated by the fact that in case of **darehakan* > *darhekan* this process is most likely to date back to the pre-Grabar (i.e. pre-literate) period.

¹⁴ See: Luke 7:41 and Luke 10:35 (*darhekan*), Luke 20:24 (*dahekan*) in the “Gospel of Luke” of AD 989 (MS Matenadaran No. 2374, *olim* Ejmiačin No. 229); and Matt. 20:10 (*darhekan*) [CAPS 2, p. VI-48].

¹⁵ See also form of the end of 12th century *dahekanahat* ‘forger’ from *Lawcode* of Mxit’ar Goš [Mxit’ar Goš, 1975, p. 148].

asses (instead of ten), and later, as indicated, was steadily devalued. It is absolutely impossible to imagine that during the period 267–141 BC (while the denarius was still equal to ten asses), the Parthians, who at that time minted their own high-grade silver drachmas in a very different way, would use the coins of Rome – their eternal enemy, and more so, so intensely that they needed not only to borrow, but to *translate* their name: not a single find of Roman denarii has been detected on the territory of the Parthian Empire. Apparently, the border between Rome and Parthia was impenetrable for coins of neighboring states. Numismatic data indicate the circulation of Roman coins only in the Roman (Western) Transcaucasia and only from the 1st century BC (when the denarius equaled sixteen asses), whereas in the Iranian (Eastern) Transcaucasia, the Parthian coin was used [Pakhomov, 1926, p. 17]. Only at the change of epochs the denarii of Augustus (r. 30–14 BC) became the main coin in the areas of Roman rule, which at that time equaled sixteen asses [Pakhomov, 1926, p. 18]. In other words, the mass penetration of the Roman denarii to the East is recorded only in the era when it was equal to not ten, but sixteen asses. In Parthia itself denarii have not been archaeologically recorded at all, which makes it impossible to etymologize it by translating the meaning into Middle Persian. Singular cases of finding mixed hoards containing a small admixture of Roman and Parthian coins are known only from the limitrophic zone, saturated with coins of various states located between empires¹⁶. The translation of the meaning is pointless also due to the fact that the calculation of the denarii through the number of copper asses in it had no sense *outside* the Roman Empire issuing asses (due to the domestic nature of any copper coin). And only in the second half of the 5th century, during the reign of šāhanšāh Pērōz (r. 459–484), spread of denarii in Asia has been recorded, but of completely different denarii – a gold coins (*denarius aureus, aurei*) [Göbl, 1971, p. 27–28], the name of which was borrowed in the MPers. *dēnār* to denote gold emissions.

The use of terms derived from the Arm. *darehakan* in both the Armenian and Georgian Gospels for translating the Greek δηναρίον (the development of Arm. *darhekan* > *dahekan* corresponds respectively to the Georg. *drahkani* and *daekani* registered in the Georgian Gospel) suggests a word from the same group was also chosen for the Albanian translation.

And rightly so, in two places (Matt. 20:10 and 20:13), the Armenian *dahekan* corresponds to the partially preserved Albanian word started with *da-* (the rest of the word is nonrecoverable) [CAPS 1, p. I–30]. Despite the correct indication of the parallel Armenian forms (*darhekan* and *dahekan*), publishers for some obscure reason suggested reading this word in the form **da[gin]*. However, this recovery is impossible, because the Armenian word *dang*, which corresponds to it (as known by the publishers) [CAPS 1, p. II–18, IV–53] denoted in the Gospel translations solely a copper coin – ἀσσαρίος ‘ass’ (cf. Matt. 10:29, Luke 12:6; the antiquity of this correspondence is confirmed from the manuscript of 989¹⁷); moreover, it is the Alb. *dagin* (in the form of *dagn-own*) that was expected in the translation of the term *ass* in Matt. 10:29 [CAPS 1, p. III–23]. This is why the restoration of the Alb. **da[hekan]* or **da[rhekan]*, corresponding to the δηναρίον, *i.e.* in a form completely borrowed *via armeniaca*, looks quite natural (the necessary explanations for such restoration: the Albanian retained *-h-* in borrowings: Alb. *gehena* ~ Arm. *gehen* ~ Georg. *gehena* ~ γέενα *etc.* [CAPS 1, p. II–7]; while the evolution **da[ekan]* < Georg. *daekani* is obstructed by the fact that the diphthong *ae* is unrecorded in Albanian [CAPS 1, p. II–17]).

¹⁶ Only three mixed hoards of this kind are known: I) hoard of silver coins from Sarnakunk', Armenia — more than 178 silver coins, 99 of them Roman and 8 Parthian [Pakhomov, 1954, no. 1530; Mušelyan, 1973; *IGCH*, no. 1746], II) hoard of silver coins and silver items from Mallekhia, Caucasian Albania (village of Xınısli, modern nation of Azerbaijan) — more than 330 coins, 1 of them Roman and 162 Partian [Pakhomov, 1966, No. 2008; *IGCH*, no. 1745], and III) hoard of silver and copper coins from Nisibis — 1 silver denarius and 623 copper coins, one of which Parthian [*IGCH*, no. 1788].

¹⁷ “Gospel of Luke” of AD 989 (MS Matenadaran, no. 2374, *olim* Ejmiaçin, no. 229).

Thus, it is necessary to state the presence of at least two different Albanian words for *δηναρίων* – **zaiowz-ña* (mentioned once in the palimpsest) and **da[hekan]* (mentioned twice in the palimpsest). Such alliteration is usual for the Gospel translations – the Armenian translation in its turn offers two terms for the *δηναρίων* – the translation *dahekan*¹⁸ and the calque *denar*,¹⁹ and the Georgian text uses *drahkani*²⁰ and *satiri*²¹ / *statiri*²² (i.e. the *στῦτήρ* ‘stater’). It should be noted that the question of the causes and chronology of alternations and changes of the monetary terms in the Caucasian translations of the Holy Writ has not yet been explained, although the importance of such study is obvious, since the Bible translations are both the earliest (5th century) texts in the Transcaucasian languages, and the least modified ones due to canonicity of their content, so that all the novelties in them are indicative of describing certain processes.

Thus, based on the analysis of the time of usage of the Albanian monetary term **zaiowz-ña*, which denoted the whole of various imitations of the coins of Hormizd IV and pre-reform Islamic coins of the Sassanid type, *the time, not earlier than the Sinai edition of the Albanian Gospel of John was completed*, must be limited from the beginning of 6th century and until the beginning of the 10th century – the period of use of these coins in the Transcaucasia (that will be discussed in detail in the second part). This is in good agreement with publishers’ opinion about the time the writing of the manuscript “between the late 7th century and the 10th century, with a later date being a bit more probable than an earlier one” [CAPS 1, p. I–32]. Based on the data obtained in this work, in its second part, an attempt will be made to identify the area of writing Albanian Gospel.

ABBREVIATIONS

ANS – American Numismatic Society

CAPS – *The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai*. Vols. I, II. Ed. by J. Gippert, W. Schulze, Z. Aleksidze, J.-P. Mahé. Turnhout: Brepols, 2009.

IGCH – Inventory of Greek Coin Hoards

REFERENCES

Ačařyan Hr. *Hayeren armatakan bařaran. H. I. [Etymological Root Dictionary of the Armenian Language. Vol. I]*. Yerevan: Yerevan State Univ. Publ., 1971 (in Armenian).

Ačařyan Hr. *Hayeren armatakan bařaran. H. II. [Etymological Root Dictionary of the Armenian Language. Vol. II]*. Yerevan: Yerevan State Univ. Publ., 1973 (in Armenian).

Akopyan A.V. New in the Georgian-Sasanian Numismatics: the Second Known Type of the Coins of Gurgen I. *Numismatics & Epigraphy*. Vol. XVIII. Ed. by G.A. Koshelenko, N.M. Smirnova, S.A. Kovalenko. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2011. Pp. 187–190 (in Russian) [Акопян А.В. Новое в грузино-сасанидской нумизматике: второй известный тип монет Гургена I. Нумизматика и эпиграфика. Т. 18. Ред.: Г.А. Кошеленко, Н.М. Смирнова, С.А. Коваленко. М.: Памятники исторической мысли, 2010. С. 187–190].

Akopyan A.V. On the Localization of Several Mints in Armenia and Caucasian Albania (8th – early 14th centuries). Ed. by I.G. Kononova. *Istoricheskaia geografiia (=Historical Geography)*. Vol. IV. Moscow: Aqulon, 2019. Pp. 1–25 (in Russian) [Акопян А.В. О локализации некоторых монетных дворов в

¹⁸ Matt. 18:28, 20:2, 20:9, 20:10, 20:13, 22:19; Mark 6:37, 12:15, 14:5; Luke 7:41, 10: 5, 20:24; John 6:7 [Zōhrapean, 1805].

¹⁹ John 12:5; Rev 6:6 [Zōhrapean, 1805].

²⁰ Matt. 20:2, 20:10, 20:13; John 6:7 [CAPS 2, p. VI–46, VI–48, VI–49, V–29].

²¹ Matt. 20:8, 20:13 [CAPS 2, p. VI–48, VI–49].

²² Matt. 20:2 [CAPS 2, p. VI–46].

Армении и Кавказской Албании (VIII – начало XIV вв.). *Историческая география*. Т. 4. Отв. ред. И.Г. Коновалова. М.: Аквилон, 2019. С. 1–25] DOI: 10.21267/AQUILO.2020.4.52865.

Al-Beládsori. *Liber expugnationis regionum, auctore Imámo Ahmed ibn Jahja ibn Djábir Al-Beládsori*. Ed. by M.J. de Goeje. Lugdunum Batavorum: E.J. Brill, 1866.

Alram M. Daric. *Elr*. Vol. VII/1. 2012. Pp. 36–40.

Anonymi auctoris Chronicon. Tr. by N.V. Pigulevskaya. *Syriac Mediaeval Historiography: Research and Translations*. Saint-Petersbourg: Dmitry Bulanin, 2000. Pp. 673–709 (in Russian) [Из анонимной сирийской хроники 1234 г. Пер. Н.В. Пигулевской. *Сирийская средневековая историография: исследования и переводы*. СПб: Дмитрий Буланин, 2000. С. 673–709].

The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai. Vols. I, II. Ed. by J. Gippert, W. Schulze, Z. Aleksidze, J.-P. Mahé. Turnhout: Brepols, 2009.

Dobrovolsky I.G. Rare Georgian Coins in the Collection of the Hermitage. *The Past of Our Motherland in the Monuments of Numismatics*. Ed. by V.M. Potin. Leningrad: Aurora, 1977. Pp. 161–168 (in Russian) [Добровольский И.Г. Редкие грузинские монеты в собрании Эрмитажа. *Прошлое нашей родины в памятниках нумизматики*. Под ред. В.М. Потина. Л.: Аврора, 1977. С. 161–168].

Gadzhiev M.S. Derbent – a Monument of World History and Culture. *Vestnik instituta istorii, arkeologii i étnografii* (= *Journal of the Institute of History, Archaeology and Ethnology*). 2015. Vol. 1 (41). Pp. 5–20 (in Russian) [Гаджиев М.С. Дербент – памятник мировой истории и культуры. *Вестник института истории, археологии и этнографии*. 2015. Т. 1 (41). С. 5–20].

Gignoux P., Bates M. Dinar. *Elr*. Vol. VII/4. 1995. Pp. 412–416.

Gippert J. Fragments of St. John's Gospel in the language of the Caucasian Albanians. *Textual Research on the Psalms and Gospels. Recherches textuelles sur les psaumes et les évangiles. Papers from the Tbilisi Colloquium on the Editing and History of Biblical Manuscripts. Actes du Colloque de Tbilisi 19–20 septembre 2007*. Ed. by Ch.-B. Amphoux, J.K. Elliott, and B. Outtier. Leiden-Boston: Brill, 2012. Pp. 237–244.

Gippert J., Schulze W. Some Remarks on the Caucasian Albanian Palimpsests. *Iran and Caucasus*. 2007. Vol. 11. Pp. 201–211.

Göbl R. *Sasanian Numismatics*. Braunschweig: Klienhardt and Biermann, 1971.

Herzfeld E. Notes on the Achaemenid Coinage and Some Sasanian Mint-Names. *Transactions of the International Numismatic Congress 1936*. Ed. by J. Allan, H. Mattingly, E.S.G. Robinson. London: B. Quaritch, 1938. Pp. 413–426.

Hinz W. *Islamic Measures and Weights with Conversion in Metric System*. Tr. by Yu.E. Breygel. Moscow: Nauka, 1970 (Russian translation) [Хинц В. *Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему*. Пер. Ю.Э. Брейгеля. М.: Наука, 1970].

Hübschmann H. *Armenische Grammatik. Erster Teil. Armenische Etymologie*. Hildesheim – New York: Georg Olms, 1972.

Klat M.G. *Catalogue of the Post-Reform Dirhams. The Umayyad Dynasty*. London: Spink, 2002.

Lewond. *The History of the Caliphs by Vardapet Lewond, an Author of the 8th Century*. Transl. by K. Patkanov. St. Petersburg: The Imperial Academy of Sciences, 1862 (in Russian) [Гевонд. *История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII века*. Пер. К. Патканова. СПб: Имп. академия наук, 1862].

Malxasyanc' St. *Hayeren bac' atrakan bararan*. H. I. Yerevan: State Publ. House of Armenian SSR, 1944 (in Armenian) [Малхасьян Ст. *Толковый словарь армянского языка*. Т. I. Ереван: Изд-во АрмССР, 1944].

Martyrdom of Vahan Golt'n'ac'i. *Armenian Vitae and Martyrdoms of the 5th–17th Centuries*. Tr. and ed. by K.S. Ter-Davtyan. Yerevan: Nairi, 1994. Pp. 289–307 (in Russian) [Мученичество Ваана Гохтнаци. *Армянские жития и мученичества V–XVII вв.* Пер. и ред. К.С. Тер-Давтян. Ереван: Наири, 1994. С. 289–307].

Maysak T.A. Towards the Publication of the Caucasian-Albanian Palimpsests From the Sinai Monastery. *Voprosy Jazykoznanija* (= *Topics of the Study of Language*). 2010. No. 6. Pp. 88–107 (in Russian) [Майсак Т.А. К публикации кавказско-албанских палимпсестов из Синайского монастыря. *Вопросы языкознания*. 2010. № 6. С. 88–107].

Michel de Syrien. *Chronique de Michel le Syrien*. Vol. II. Ed. by J. Chabot. Paris: Ernest Leroux, 1901.

Mușețyan X. A. *Hayastani dramakan ganzzerə. I. [Монетные клады Армении. I]*. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR Publ., 1973 (in Armenian) [Мушеțян X. A. *Hayastani dramakan ganzzerə. I*. Yerevan, HSSH GA Hrat., 1973].

- Mxit'ar Goš. *The Lawcode*. Transl. by Kh. Torosyan. Erevan: Academy of Sciences Publ., 1975 (in Armenian) [Mxit'ar Goš. *Girk' datastani*. Transl. by X. T'orosyan. Yerevan: GA Hrat., 1975].
- Nikitin A.B. Leninakan Hoard and Imitations of the Coins of Hormizd IV in Transcaucasia. *Coins and Medals. Collection of Articles on the Materials of the Collection of the Department of Numismatics*. Ed. by N.M. Smirnova. M.: Pushkin State Museum of Fine Arts, 1996. Pp. 168–179 (in Russian) [Никитин А.Б. Ленинанаканский клад и подражания монетам Хормизда IV в Закавказье. *Монеты и медали. Сборник статей по материалам коллекции Отдела Нумизматики*. Под ред. Н.М. Смирновой. М.: ГМИИ, 1996. С. 168–179].
- Nikitin A. Post-Sasanian Coins of the Transcaucasian Region. S. a. [<http://www.charm.ru/info/library/Nikitin/Nikitin.%20Post-Sasanian%20coins%20of%20the%20Transcaucasian%20region.pdf>].
- Novoseltsev A.P. Old Armenian Translation of the Bible as a Source on the History of the Peoples of the Transcaucasus (Some Preliminary Results of the Study). *The Earliest States on the Territory of the USSR. Materials and Research*. 1975. Ed. by V.T. Pashuto. Moscow: Nauka, 1976. Pp. 57–64 (in Russian) [Новосельцев А. П. Древнеармянский перевод Библии как источник по истории народов Закавказья (некоторые предварительные итоги исследования). *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования*. 1975 г. Под ред. В.Т. Пашуто. М.: Наука, 1976. С. 57–64].
- Pakhomov E.A. *Coin Hoards of Azerbaijan* [Монетныеклады Азербайджана]. Baku: Obschestvo issledovaniia i izuchenii Azerbaidjana, 1926 (in Russian) [Пахомов Е.А. *Монетныеклады Азербайджана*. Баку: Об-во обслед. и изуч. Закавказья, 1926].
- Pakhomov E.A. *Hoard of Azerbaijan and Other Republics, Territories and Regions of the Caucasus*. Vol VI. Baku: Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR Publ., 1954 (in Russian) [Пахомов Е.А. *Клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа*. Т. VI. Баку: Изд-во АН АЗССР, 1954].
- Pakhomov E.A. *Hoard of Azerbaijan and Other Republics, Territories and Regions of the Caucasus*. Vol VIII. Baku: Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR Publ., 1959 (in Russian) [Пахомов Е.А. *Клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа*. Вып. VIII. Баку: Изд-во АН АЗССР, 1959].
- Pakhomov E.A. *Hoard of Azerbaijan and Other Republics, Territories and Regions of the Caucasus*. Vol IX. Baku: Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR Publ., 1966 (in Russian) [Пахомов Е.А. *Клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа*. Вып. IX. Баку: Изд-во АН АЗССР, 1966].
- Sears S.D. Before Caliphal Coins: Transitional Drahms of the Umayyad North. *American Journal of Numismatics, Second series*. 2003. Vol. 15. Pp. 77–110.
- Shapur Shahdazi A. Darius III. Darius I the Great. *Elr*. Vol. VII/1. 2012. Pp. 41–50.
- Sutherland C.H.V. Denarius and Sestertius in Diocletian's Coinage Reform. *The Journal of Roman Studies*. 1961. Vol. 51 (1, 2). Pp. 94–97.
- Al-Tabari. *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir al-Tabari*. Vol. I. Transl. and ed. by M.J. de Goeje. Lugdunum Batavorum: E.J. Brill, 1879.
- Tumanyan E.G. *Old Armenian Language*. Moscow: Nauka, 1971 (in Russian) [Туманян Э.Г. *Древнеармянский язык*. М.: Наука, 1971].
- Tyler-Smith S. *The Coinage Reforms (600–603) of Khusru II and the Revolt of Vistāhm*. London: Royal Numismatic Society, 2017.
- Zeno – ZENO.RU Oriental Coins Database [<https://www.zeno.ru/>].
- Zōhræpan H. *Patmowt' iwin Astowacašownč' groc' hin ew nor ktakaranc'* [Historical Bible: Old and New Testaments]. Venëtik: Vank' surb Lazari, 1805 (in Armenian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АКОПЯН Александр Владимирович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Alexander V. AKOPYAN, PhD (History), junior researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080016492-8

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ И САМОИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ТЕРМИНЫ УДИН-ХРИСТИАН ПО МАТЕРИАЛАМ АРМЯНСКИХ И УДИНСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

© 2021

Г.С. ХАРАТЯН^а

^а – Институт археологии и этнографии НАН РА, Ереван, Армения
ORCID: 0000-0003-4762-6409; hkharatyan@gmail.com

Резюме: После упразднения второго царства Кавказской Албании, сопровождавшегося процессом исламизации ее народов, остатки христиан-албан, сохранивших албанскую идентичность до XVIII в., были сконцентрированы в северо-западной части бывшей Албании – на территории исторических областей Шеки и Кабала. Эти области являлись религиозными и светскими центрами Албании античного и раннесредневекового времени, а также периода второго Албанского царства. Созданный в VII веке миф – нарратив об апостоле Егише в Албании – способствовал «национализации» христианства в регионе Шеки–Кабала. Параллельно с исламизацией и потерей общей албанской идентичности у исламизированных кавказоязычных групп постепенно вырисовывались процессы становления узко-этнического «я», «мы» и значительное количество разнообразных названий, близких к этнонимам. Христианско-албанское же самовосприятие вплоть до XVIII в. было сконцентрировано у хранителей культа апостола Егише. Наиболее ярко выраженной группой с албанской идентичностью были удины, являвшиеся одними из основных представителей населения Шеки-Кабалинского региона. В течение XVIII в. большинство удин было насильственно исламизировано и в отличие от исламизированных албанских народов ассимилировано. В среде остатков христиан-удин отпала культурно-политическая важность «албанского национально-религиозного диссидентства», возникли новые процессы самоопределения, приведшие к разноразличным групповым этно-религиозным примыканиям. Религиозная общность с Армянской церковью и армянским народом отразилась в простонародном удинском слове *китон* и литературном армянском слове *лусаворчакан*. Фиксируемыми в печатных письменных источниках, а в случае удин-последователей Армянской апостольской церкви также в эпитафиях формулировками «утиязычное племя армянского вероисповедания», «хай уди» (армянский удин) и «гюрджи уди» (грузинский удин) подчеркивался удинский компонент, удинская часть конфессионального целого через этнонимическую терминологию. Этнонимические обозначения «ути/уди», «утиязычное племя», «утиязычная нация» отражали собственно узкую этническую принадлежность. В удинском языке отсутствует слово, маркирующее этничность – эквивалент слов «народ», «нация», их заменяют заимствованные из тюркского языка слова *xalq*, *milleti*.

Ключевые слова: Кавказская Албания, Шеки, Кабала, апостол Егише, Армянская церковь, тюркоязычные удины, исламизация.

Для цитирования: Харатян Г.С. Идентификационные и самоидентификационные термины удин-христиан по материалам армянских и удинских письменных источников. *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 116–128. DOI: 10.31857/S086919080016492-8

IDENTIFICATION AND SELF-IDENTIFICATION TERMS
OF UDI-CHRISTIANS BASED ON MATERIALS OF ARMENIAN AND UDI
WRITTEN SOURCES

© 2021

Hranush S. KHARATYAN ^a

^a – Institute of Archeology and Ethnography,
National Academy of Sciences of RA, Yerevan, Armenia
ORCID: 0000-0003-4762-6409; hkharatyan@gmail.com

Abstract: After the abolition of the second kingdom of Caucasian Albania, accompanied by the process of Islamization of its peoples, the remaining Christian Albanians, who retained their Albanian identity until the 18th century, were concentrated on the territory of the historical regions of Shaki and Kabala. Created in the 7th century, the myth about the Apostle Yeghishe contributed to the “nationalization” of Christianity in the Shaki–Kabala region in Albania. In parallel with islamization and the loss of a common Albanian identity, among the islamized Caucasian-speaking groups of Albanians, processes of the formation of a narrow ethnic “me”, “we”, and a significant number of various names close to ethnonyms gradually emerged. The Christian-Albanian identity of the Christian part of the population was concentrated among the worshipers of the Apostle Yeghishe Albanian Christianity up to the 18th century. The most visible group with the Albanian identity were the Udins. During the 18th century most of them were forcibly islamized and assimilated. Among the remaining Christian Udins, the cultural and political importance of the “Albanian national-religious dissidence” disappeared, and new processes of self-determination emerged, leading to multi-level group ethno-religious loyalties. Religious commonality with the Armenian Church and the Armenian people was reflected in the common Udi word *qshton* and the literary Armenian word *lusavorchakan*. Ethnonymic designations “uti/udi”, “Udin-speaking tribe”, “Udin-speaking nation” reflected their own narrow ethnic belonging. In the Udi language, there is no word that marks ethnicity – the equivalent of the words “people”, “nation”, they are replaced by words *xalq*, *milleti* borrowed from the Turkic language.

Keywords: Caucasian Albania, Sheki, Kabala, Apostle Yeghishe, Armenian Church, Turkic-speaking Udis, Islamization.

For citation: Kharatyan H.S. Identification and Self-Identification Terms of Udi-Christians Based on Materials of Armenian and Udi Written Sources. *Vostok (Oriens)*. No. 5. Pp. 116–128. DOI: 10.31857/S086919080016492-8

Вплоть до XVIII в. на севере современного Азербайджана преобладало местное кавказско-албанское население в лице мусульман-суннитов – лезгин, цахуров, рутулов, аварцев, ингилойцев, хапутлинцев, джеков, крызов, хиналугцев и др., а также удин-христиан. Отдавая дань скептицизму о более или менее точной этнической идентификации и локализации современных этнонимов и этнонимов XVIII века с этнонимами тысячелетней и более древней давности, а также проблемному вопросу прямой преемственности не всегда ясных этно-языковых идентификационных названий населения бывшей Кавказской Албании [Аликберов, 2015, с. 129–147], укажу только, что для данной статьи вполне достаточен контурный консенсус в понимании топографии, этнонимии и названий северо-западной части Кавказской Албании – Шаки (в совр. транскрипции – Шеки) и Кабалы. В их локализации разногласий нет.

В регионе Шаки и Кабалы в начале XVIII в. большинство населения составляли христиане, в частности, удины с примесью пришлого с юга армянского населения. Такой расклад имел свои предпосылки из-за особенного значения регионов Шаки и Кабалы в политико-религиозной жизни раннесредневековой Кавказской Албании и в период второго царства Албании IX–XI вв.

Известно, что духовный центр в дохристианской Албании был в зоне Шаки, где располагалась храмовая область Селены-Анахиты во главе с верховным жрецом – вторым лицом после царя Албании [*Strab.* XI. 4. 7], а светский центр – в столице Кабале (лат. *Cabalasa*, греч. *Χαβαλα*; арм. *Karalak/Չիւշիւղիւ*) вплоть до образования Албанского марзпанства в V в. и появления новой столицы – города Партав. В VII в. при албанском католикосе Егиазаре (680–686), бывшим епископом Шаки, при попытке освобождения от юрисдикции армянского католикосата была создана легенда, нарратив новой версии о распространения христианства в Албании [Акопян, 1987, с. 196–199]. Согласно этой легенде, христианство в Албании было распространено не через Армению, как повествовала христианская традиция с IV в., а собственным путем, через «албанского», отличного от Армении и армян, апостола Елиша (в армянских источниках – *Եղիշե*, *Elishe*, Егише; ивр. *עִישָׁא* – Элиша), пришедшего непосредственно из Иерусалима в I веке, минуя Армению: «С тремя учениками он прибыл в гавар Ути... в Гисе построил церковь и отслужил обедню. На этом месте была основана наша, Восточного края, церковь. И стало [то место] духовной столицей и местом просвещения жителей Востока» [Каланкатуаци, 1984, гл. I, 6, с. 25–26]. В опубликованной в 1991 г. статье я пыталась показать, что в данном сообщении Каланкатуаци «гавар Ути» соответствует региону Шаки, где и поныне находятся сакрализованные места деятельности апостола Егише [Аракелян (Харатян), 1991, с. 69–86].

Созданная легенда о «собственном апостоле» в определенном смысле «албанизировала» распространение христианства в Албании, создавая предпосылки для независимости Албанской апостольской церкви. В дальнейшем, независимо от степени зависимости и/или свободы собственно Албанского католикосата, роль Шаки и нарратив об апостоле Егише помимо других начинаний приобрели сильные социокультурные и даже этноцентрические функции среди христиан-албан. Слово «апостол», по-армянски *аракйал* (этимологически от слова *аракел* [*առքել*] – «послать, посылать, отправлять, переслать, пересылать», в церковном языке – «апостол», греч. *ἀπόστολος* – «посол, посланник, представитель»), со временем стало и антропонимом Аракел, а апостол Елиша в народной речи стал известен, как Егиш Аракел. Названные в нарративе места деятельности Елиша сакрализовались и стали играть заметную роль в религиозных практиках албан. Памятники и церкви Егише Аракела были распространены в ареале левобережья Куры, в особенности в регионах Шаки, Кабалы и Ареша. До сих пор среди удин передаются фольклорные рассказы о Егише Аракеле, но в устном нарративе бывший апостол этнизирован – удинизирован [Харатян, 2001, с. 49–61; 2010, с. 19–75; Харатян-Аракелян, 2010, с. 435–495].

В X в., в период второго Албанского царства, несмотря на арабское владычество, в зоне Шаки–Кабала ислам и исламская культура, по сути, не были доминантами, как, впрочем, и на других соседних территориях (Кахети, Ширван). Об этом свидетельствуют как арабские, так и грузинские, и армянские источники. Например, ал-Масуди (ок. 896–956), будучи в X в. в упомянутом регионе, писал: «За ним (Самсхи)... лежит царство Санария [Кахетия. – Г.Х.]... Они христиане... За царством Санар идет Шакин, жители которого христиане, но среди них есть и мусульмане, а именно купцы и, помимо них, ремесленники... Царем шакийцев, когда мы писали эту книгу, был сын Амама Адарнасе... Затем идет царство Кабала, где городские жители мусульмане, а те, кто живет в поселениях и поместьях, – христиане» [Минорский, 1963, с. 210–211]. Ал-Муккадаси (946 – ок. 1000), перечисляя и характеризуя

поселения Аррана (Албании), о Шаки писал, что там «преобладают христиане, мечеть – на мусульманском рынке», в Кабале «соборная мечеть – далеко, на холме», а в Шабаране «преобладают христиане» [ал-Мукаддаси, 1994, с. 303].

Христианские писатели того времени даже не обсуждают христианско-исламские религиозные разногласия, ибо в кавказском регионе продолжал быть доминантным внутрехристианский религиозный дискурс между халкидонитами (монофизитами) и антихалкидонитами, а в Кавказской Албании продолжали конкурировать грузинское халкидонство (монофизитство) и армянское антихалкидонство. Албания-Арран продолжала быть антихалкидонской под юрисдикцией Армянской церкви, и именно в Шаки нашел приют от притеснений арабов армянский католикос Иованес Драсханакертци (898–929). В сочинении «История Армении», описывая свой побег от арабов, Драсханакертци пишет: «... прибыл в край Восточный – Алванк к великому ишхану Сахаку и к царю их Атрнерсеу, что на северо-востоке Кавказа, ибо и они из нашего народа и паства пажити нашей... Оттуда мы удалились в пределы Гугарка и там поселились, уповая, что Господь дарует нам спасение» [Драсханакертци, 1986, гл. XLIV, с. 162]. Очевидно, что католикос прибыл в Шаки-Камбеджан, где в 910 г. сын hАмама-Григора Барепашта Атрнерсеh из рода Багратуни стал царем. Драсханакертци словами «ибо и они из нашего народа и паства пажити нашей» без сомнения имел в виду то, что в Восточном крае – Алванке, в частности в Шаки, жили единоверцы-антихалкидониты или, что в данном случае одно и то же, христиане армяно-григорианского вероисповедания. Это подтверждается также письмом Константинопольского Патриарха Николая к Драсханакертци: «Полагаю, что для тебя, владыка мой боголюбивый, не остались сокрытыми глубокая печаль и великая скорбь нашего сердца о всей твоей пастве верующих в Армении, Вирке и Алванке... Я, низжайший, поторопился прежде всего дать Вам в письме небольшой дружеский совет. В связи с этим мы отправили письма также куропалату¹ и начальнику абхазов, убеждая их слушаться Ваших советов, забыть взаимные столкновения, обратить взоры к дружбе, единству, согласию и миру друг с другом и со всеми ишханами Армении и Алванка и, объединившись, бороться против нечестивого врага – сыновей Апусеца» [Драсханакертци, 1986, с. 188]. Драсханакертци пишет о солидарности кавказских народов в борьбе против арабов, передавая также этническую составную этих народов: «Теперь я продолжу свое повествование дальше речами горестными и скорбными, ибо соседи наши и народы, что вместе с нами², греки и егеры, гугарийцы и утийцы, проживающие у подножья Кавказа северные племена, полагая, что сумеют лишить злого остикана³ повода вторгнуться к ним» [Драсханакертци, 1986, с. 182]. Упомянутые католикосом «соседи наши», – это надо полагать, названные им «греки и егеры», а под «народами, что вместе с нами», скорее всего, следует понимать единоверных с армянами «гугарийцев и утийцев, проживающие у подножья Кавказа северные племена», ибо, как пишет католикос, «и они из нашего народа и паства пажити нашей». Названия «гугарийцы и утийцы» (Գուգարացիք և Սուխացիք / Gugarats'ik' yev Uteats'ik'), без сомнения, этнонимические обозначения.

В X в. среди правителей второго царства Кавказской Албании вновь возобновились попытки выхода из юрисдикции армянского католикосата, но в данном случае не через

¹ Имеется в виду царь Тао-Кларджети – Атрнерсеh.

² М.О. Дарбинян-Меликян этот отрывок («... դրացիք մեր և ազգք որ շուրջ գնեց են՝ Յունականք և Եգերացիք և Գուգարացիք և Սուխացիք, հիւսիսակա՛ն ազգք բնակեալք ան ռոմա՛նն Կովկասու...») перевел, как «...соседи наши – народы, что живут окрест нас: греки и егеры, гугарийцы и утийцы, [а также] проживающие у подножья Кавказа северные племена» [Драсханакертци, 1986, с. 182]. Правильнее будет: «...ибо соседи наши и народы, что вместе с нами (или «народы нашего окружения») – греки и егеры, гугарийцы и утийцы, проживающие у подножья Кавказа северные племена».

³ Католикос имел в виду арабского наместника Армении, сажидского эмира Йусуфа ибн Абу-с-Саджа (ум. 928). Остикан (из ср.-перс.) – «доверенный», «лицо, близкое к царю» [Тер-Гевондян, 1962, с. 247].

«национализацию» Албанской церкви, а через халкидонизацию/грузинизацию. Очевидно, что это была грузинская инициатива. По грузинским источникам, в X в. жена князя Шаки (Эрети) Атрнерсеа Баградуни Динар «из ереси [«еретиками» грузинские источники называли антихалкидонитов, в данном случае армян и албанов, эров. – Г.Х.] обратила в православную веру» [Меликсет-Бек, 1934, с. 16–17]; «в Эрети до царствования Ишханика первоначально все были еретиками. А Ишханик был племянником эристава эриставов Гургена, и мать его царица Динар обратила [его] в православие» [*Летопись Картли*, 1982, с. 266]; «до Ишханика Эрети был еретическим. А Ишханик был племянником эристава эриставов Гварама, сестра Гварама царица Динар обратила тот Эрети в православие» [Melikset-Beck, 1934, p. 98, 201].

Царице Динар помогали сменившие друг друга албанские католикосы Саһак (929–947) и Гагик (947–958), однако выбранному в 946 г. армянскому католикосу Анания Мокаци (946–968) удается пресечь попытки перехода «дома Албанского» в халкидонство [Анания, 1897]. Тем не менее находящиеся в соседстве с Грузией в Эрети (Шаки) албаны-халкидониты, которых, очевидно, было немало, по мнению Н.Я. Марра, огрузинились и вошли в состав Кахети [Марр, 1906, с. 6–7]. По удинскому субстрату в ингилойском диалекте грузинского языка В. Гукасян предположил, что ингилойцы, проживающие ныне чересполосно с аварцами, цахурами и азербайджанцами в Закатальском, Кахском и Белоканском районах Азербайджанской Республики, являются наследниками перешедших в X в. в халкидонство и огрузинившихся удин [Гукасян, 1981, с. 101–108].

Конкуренция между армянской и грузинской церквями продолжалась и позднее. В начале XIV в. фиксируется еще одна волна активизации грузинской церкви, о чем свидетельствует грузинская памятная запись от 1310 г., обрисовывающая территорию распространения диофизитства: «Когда блаженный наш патриарх посетил в Кахети Анцухскую епархию, оттуда перешел в Цахур, Как-Элисенэ и посетил храмы Троицы в Касри, Богородицы в Куме, святой равноапостольской Нино в Лекарте, святого великомученика Георгия в Зари, святого Або в Вардиане, Арчила в Ганухе, Богородицы в Киш-Нухе, Елисея в Вардашене, святого апостола Петра в Та[ба]саране, а также храмы Хунддзов, Нахчов, Тушети, Некреси, Лагоети, Белакана, Мадж-Пипинети...» [Мурадян, 2015, с. 237]. Однако в начале XV в. вновь активизируется Албанский антихалкидонский католикосат: на территории Шаки, близ удинского центра Варташен, в селе Чалет учреждается второй Албанский католикосат [Карапетян, 1982, с. 158], который почти столетие действовал параллельно с Гандзасарским престолом [Балаян, 2015, с. 252–260].

Несмотря на сложную военно-политическую ситуацию и полные вторжениями предыдущие столетия, общая этническая картина Шакийско-Кабалинского региона существенно не изменилась [Крымский, 1938, с. 383–384; Петрушевский, 1949, с. 10, 11, 137, 138]. Но среди местных кавказско-албанских (восточнокавказских) народов продолжался медленный процесс исламизации в его суннитской форме вплоть до начала Сефевидских завоеваний под флагом распространения шиизма в нач. XVI в. Происходивший процесс распространения суннизма глубоко не затронул этноидентичность местных народов, сохранялись местные этнонимы, в т.ч. многочисленные экзоэтнонимы [Харатян, 2015, с. 160–172].

Несмотря на процесс исламизации, вплоть до XVIII в. основная часть удин оставалась приверженцами христианства и, как увидим, последними носителями албанской идентичности и хранителями культа апостола Егише. А.А. Акопян не без основания полагает, что вокруг удин консолидировались и постепенно ассимилировались остатки христианского населения – представителей других народов, родственных албанам [Акопян, 2015, с. 129–147]. Правда, он этот процесс прослеживает до периода ослабления Арабского халифата, но исламизация народов бывлой Кавказской Албании, без сомнения, продолжалась и позже,

постепенно уменьшая количество христиан-албан. Думается, параллельно с постепенной исламизацией продолжалась и определенная консолидация христианских осколков кавказских албан. Вместе с тем в XVIII в. под влиянием существовавшей традиции воспринимать древних албан и других факторов (прежде всего, изменения самоидентификации и самосознания) наблюдается процесс отказа причислять исламизированных потомков албан к кавказским албанам.

К XVIII в. восприятие «албанов» сузилось в пределах зоны Шеки–Кабала, и в роли представителей албанов воспринимались исключительно удины-христиане. Так, католикос армян Симеон Ереванци (1763–1780) в ответ на запрос грузинского царя Ираклия, кто такие албаны отвечает, что в данный момент из албан остались только удины: «... որպէս իմանամք ի գրող և ի լրող, բնիկ Աղուանքն վերացեալ են ի Ղանդահար ի պղծոյն Լանկթամուրայ, որք այժմ կան անդ տանկական հաւատով... Բսկ սակաւքն ի նոցանէ, որք մնացեալ են ի բնիկ երկիրն իւրեանց գոն այժմ Քրիստոնէական հաւատով, որք ուտիք կոչին» [*Памятник Католикоса Симеона*, 1894, с. 418] («...как узнал из письменных и устных источников, коренные албаны увезены нечестивым Ленктемуром в Кандагар, где они и ныне есть в мусульманской религии, ... а малая их часть, что осталась в своей родной стране, ныне христиане и называются утийцами»). Микаэл Чамчянц (1738–1823) в связи нашествия в 1722 г. «лезгин» на Шеки писал: «...им оказали сопротивление из страны утийцев и гугарийцев... где владел некий князь Ованес...» [Чамчянц, 1786, с. 784]. Согласно М. Чамчянцу, «страна утийцев и гугарийцев есть Шаки». Касательно идентификации Шеки с Гугарком он писал: «Գուգարք-գաւս ոմանք կոչեն շաքի կամ շէքի... Այս որ գուգարաց աւի, ևս ինէլ ՚ի սահմանակցութեան Աղուանից և համարիւր մասն Աղուանից և այս վսկ՝ զի է առ երի ուտի երկիրն, որ յամարիւր մասն Աղուանից...» [Чамчянц, 1786, с. 142] («Гугарк – некоторые его зовут Шаки или Шеки... То, что называется Гугарком, имел границы с Албанией и считался частью Албании, и это из-за страны Ути, что считается частью Албании»). А Гевонд Алишан (1820–1901) в «Топографическом описании Великой Армении», перечисляя народы Закавказья, после армян, грузин и татаров называет «անդ և մնացորդք Աղուանից կամ Ուտիացիք, մերձակիցք Հայոց» («там же и близкие к армянам утийцы – остатки албан») [Алишан, 1855, с. 21].

Сложившееся равновесие мирных отношений между местными суннитами и христианами, а также местного мусульманского и христианского населения с Сефевидской властью в лице шиитов-кызылбашей, нарушилось турецко-персидской войной 1723–1727 гг. и вторжением османов на Южный Кавказ. Из «Челобитной удийцев к Петру I» от 20 марта 1724 г. явствует, что существовавшие этно-религиозные отношения на территории бывшей Кавказской Албании не отвечали политическим и этнокультурным интересам османов. В челобитной удины обращаются к императору с просьбой о помощи против насильственной исламизации, ибо «неверные сожгли наши церкви, причинили нам много зла из-за нашей веры... священников убили... женщин с детьми увели в плен... Соборы обезлюдели... а мы, оставшиеся, ни живы, ни мертвы... тайно нашу веру хранили, но нас заставляют быть турками...». Авторы письма представляются «Մէք աղուվամք էմք և ազգով Ուտիք: Եղիշէի ամարելոյն քարոզութեամբն մեր նախնիքն աստուած հաւատացեալք են. սուրբ ամարելոյն նահատակութեան դեղիքն առ մեզ է» («Мы албанцы, по нации утийцы. Благодаря проповеди апостола Егише наши предки уверовали в Бога. Места мученической кончины святого апостола [находятся] у нас»), и просят помощи «всем верующим армянам» [*Армяно-русские отношения*, 1967, с. 90–91]. Спустя три месяца 5 февраля 1725 г. архимандритом Мартиросом отправляется сообщение к грузинскому царю Вахтангу VI о том, что насильственная исламизация местного христианского населения продолжается: «37 деревень Кабалы разрушили.... Отюречили также села страны Шаки» [Эзов, 1898,

с. 388–389; *Армяно-русские отношения*, 1967, с. 231]. Христиане «из Кабалинской страны» еще раз обращаются к Петру I 28 октября 1725 г. Данное письмо зарегистрировано как «Послание армянских старшин шести деревень Петру I о скорейшей присылке войск» [*Армяно-русские отношения*, 1967, с. 263–264]. Это были известные удинские деревни Нидж, Джорлу, Бум, Сеид-Тала, Мехлуговах, Тосик. Обозначение при регистрации письма удин «армянами» исходило из традиции отождествления религиозной идентичности с этнической. В послании сообщается: «...все наши деревни и Шакийскую страну насильственно отюречили. Наши письма и церкви сожгли, наших священников перебили. Многие ради веры своей погибли. Теперь днем мы – турки, ночью – армяне» [*Армяно-русские отношения*, 1967, с. 264].

Очевидно, что в данном случае исламизация не ограничивалась сменой религии, требовалась и смены этничности. Надо полагать, что часть христиан Шеки–Кабалинской зоны под давлением османской Турции исламизировались в рамках суннизма, т.е. стали религиозно идентичны с родственными мусульманскими кавказоязычными народами, но в аспекте этноидентичности они подверглись тюркизации. Действительно, этнограф Е. Лалаян, посетив в 1915 г. село Чухур-Кабала, население которого состояло из переселившихся сюда во второй пол. XIX в. последних жителей Кабалы, разрушенной Сефевидами, сообщает, что в деревне проживают «сунниты удинского происхождения» [Лалаян, 1919, с. 41].

Позднее в ходе завоеваний Надир-шаха Афшара (1736–1747) в 1734–1735 гг. из стран Южного Кавказа было уведено в полон огромное количество армян, грузин, а также христианских потомков албан. Борьба дагестанских народов Восточного Кавказа против Надир-шаха приобретала и религиозную окраску – шла под флагом борьбы горцев-суннитов с шиитами [Бакиханов, 1991, с. 138–150].

Католикос Албанский Есайи Гасан Джалалаян (1702–1729) писал, что сунниты из Кабалы бежали в Дагестан к своим единоверцам, а затем возвращались оттуда, чтобы отомстить при поддержке суннитов-лезгин и ныне «провинция Кабала страны Ширвана находится под властью некоего мелика мусульманского рода из села Гутгашен (Գութղաշեն)». Таким образом, село Гутгашен (в совр. транскрипции Куткашен, ныне город Габала) было одним из первых удинских сел, обитатели которого становились суннитами. Его преемник мелик Маммад «всю Кабалинскую страну забрал в свой кулак и высосал все имущество жителей страны, которая была богатой, благоустроенной и густонаселенной как армянами, выходцами из Карабахской страны...» [Есайи, 1868, с. 26–27].

С точки зрения местного христианского населения Шаки–Кабала одним из таких преступников был известный Хаджи Челеби, по одной из родословных – сын исламизированного христианина, в 1747 г. убивший шекинского мелика, завладевший Шеки и основавший Шекинское ханство [Бакиханов, 1991, с. 149]. По местным преданиям, его отец, родом из удинского села Куткашен, принял шиизм, т.е. религию сефевидской власти, а его сын Хаджи Челеби, став ханом (1743–1755), насильно исламизировал христианское население Шекинского ханства. О Шеки архиепископ Саргис Джалалаянц (1819–1879) писал: «Это уезд Албанского мира (страны), а какое-то время – Утика... О населении Шеки рассказывают, что армянин по имени Хаджи Челепи и его отец Кара Кешиш приняли мусульманство..., затем разными способами – насильем, запугиванием, лживыми обещаниями, тяжелыми поборами, сажанием в темницу заставили более чем 14.000 семей принять персидскую веру» [Джалалаянц, 1858, с. 368] (по Бархутарянцу – 15.480 семей [Бархутарянц, 1893, с. 229; 1999, с. 147–148], по Г. Овсепяну – 74.000 человек [Овсепян, 1904, с. 64]). Это значит, что после исламизации 1724–1725 гг. (см. выше) в области Шаки оставалось довольно большое количество христиан, в основном удин, и значительное изменение этноконфессионального состава коренного населения региона происходило в течение XVIII в. Причем во время

правления Хаджи Челеби они становились шиитами, и это, кажется, первый засвидетельствованный случай массовой шиизации восточно-кавказских народов.

Учитывая, что данный виток исламизации сопровождался сменой этничности – тюркизацией, приходится говорить о процессе изменения всего этно-конфессионального облика региона и сильного осуждения последних носителей албанской идентичности, если даже не на уровне их самосознания, то на первых порах официальным признанием их тюрками, в российской этно-номенклатуре – «татарами». Например, в «Описании Шекинской провинции» 1819 г. татарскими названы такие известные в начале XIX в. удинские поселения, как Киш, Зягзит, Кюнгют, Мухас, Малух, Варташен, Орабан, Зараган, Куткашен, Бум, Чюхуркабала, Тоссык, Тиканни, Нидж, Меглы Куах и др., в т.ч. и армянские деревни Джалут, Неимад-абад (названия сел приводятся в правописании источника: [*Описание Шекинской провинции*, 1866, с. 11, 13, 14, 16, 36, 61, 77, 79]). В данном источнике татарскими представлены также некоторые хапутлинские поселения – Бюек Гапуты, Кичик Гапуты, Гапуты [*Описание Шекинской провинции*, 1866, с. 23, 24, 77].

Сложные этно-конфессиональные процессы отразились, естественно, также на основных маркерах идентичности. В армянских и удинских письменных источниках XIX в. для обозначения удин и социо-культурно-географического пространства их обитания (Нухинского [Шаки] уезда) фигурируют формулировки: «*n̄n̄h̄ungng ɛrɛrɛr̄ n̄n̄h̄ūh̄unu ɫ̄ ɛ̄r̄r̄ūh̄unu h̄ūj̄ɛ̄r̄*» [«утиязычные и тюркоязычные армяне страны утийцев»], «остатки албан – утийцы», «коренные», «коренные жители», «жители коренные, из племени утийцев», «коренные жители страны утийцев», «утийский армянин», «хай-уди», а само место обитания удин – «Утийский мир», «Утийская страна». Подобные выражения – «утиязычные и тюркоязычные армяне страны утийцев», села «утиязычного и тюркоязычного Утийского мира», «тюркоязычные села», «тюркоязычные армяне» и т.д. – широко представлены в книге удина по происхождению и самосознанию Газара Овсепяна [Овсепян, 1904, с. 15, 25, 47–48]. Он же описывает паломничества удин к наиболее почитаемым и любимым местам, связанным с апостолом Египше: «В дни Пятидесятницы после Пасхи из разных краев *Утийской страны* [здесь и далее выделено курсивом мной. – Г.Х.] толпами шли паломники, как истинные лусаворчаканы [григориане], так и отуреченные из *хайев* [армян] мусульмане» [Овсепян, 1904, с. 43]. Исламизированных удин Г. Овсепян называет «турками», например, в названии последних двух глав своей книги: «Следы язычества у армян и турок Утийской страны», «Турки мусульмане в Утийской стране», и жалуется на недружелюбное отношение турок (исламизированных «утийских армян») к христианам. Исламизированные удины становились не «утийскими турками», а «турками в утийской стране». Перечисляя более 40 исламизированных и отуреченных к началу XX в. удинских поселений, Г. Овсепян констатирует: «Теперь исключительно утиязычное население армянской веры осталось в больших поселениях Вардашен и Ниж... тюркоязычное армянской веры есть в деревнях Джорулу, Мирзабейлу, Султан-Нухи, Варданлу, Падар и т.д., и т.д.» [Овсепян, с. 11–12].

Слово «*h̄ūj̄*» [армянин] в «Утийском мире» в подаче Г. Овсепяна адресован исключительно к этническим удинам-григорианам. Лишь один раз он говорит об этнических армянах в зоне расселения удин: «В стране утийцев, – пишет он, – есть приблизительно три тысячи армянских семей, которые в разное время переселились со стороны Арцаха, Хоя, Тегерана, Испагана, которые разговаривают на принесенных ими армянских диалектах и которые со стороны местных называются горскими армянами (*даглы эрмани*). Горские армяне проживают на холмах и в долинах гор южной стороны Нухи» [Овсепян, 1904, с. 90].

Армянские авторы более осмотрительны. Ни С. Джалалянц, ни М. Бархутарянц удин армянами не называют. М. Бархутарянц ограничивается словами «коренные», «из племени утийцев», «по нации утийцы», «утийцы армянской веры». Он, например, пишет,

что в селе Султан-Нухи: «жители коренные, из племени утийцев, но говорят по-тюркски» [Бархутарянц, 1893, с. 241]; в селе Падар «большая часть жителей магометане... Имеется очень большое и старое кладбище утийцев армянской веры» [Бархутарянц, 1893, с. 245]; в селе Вартанлу «жители тюркоязычны, коренные, местные и по нации утийцы» [Бархутарянц, 1893, с. 245]; о селах Джоурлу и Мирзабейлу он ограничивается сообщением, что «жители коренные и тюркоязычные» [Бархутарянц, 1893, с. 244]. В данном случае для обозначения удин используется иной идентификационный компонент – «коренной». Язык и понятие «коренной» являются основными идентификаторами также для А. Арасханианца: «Армяно-григорианское население Нухинского уезда не отличается однородностью по племенному происхождению, языку и историческим судьбам. Коренными армянами в уезде являются удины, говорящие на своеобразном языке» [Арасханянц, 1887, с. 19–20].

Изобилие маркерных вариаций «армянин» не привело к смене или трансформации этнонима *ути/уди*. Христиане-удины в своих внутренних отношениях себя «армянами» (а также «грузинами») не называли. Внутри они употребляли этноним *ути*. Удины, последователи армяно-григорианской церкви нередко употребляли также термин *китон* (*քիտոն/qshton*). Е. Лалаян заметил, что из числа удиязычного населения последователи григорианского исповедания в Нидже и Варташене сами себя называли *ути* или *китон* и только чужим представлялись как *хай* или *эрмани*. Православные «грузинские удины» (халкидониты) *китонами* не назывались [Лалаян, 1926, с. 6]. Камал Саргис, работавший учителем в Нидже в 1890-х гг. замечал, что «ниджцы вместо того, чтобы говорить христианин, называли себя кштон» [Саргис, б/г, с. 51]. А. Ширвани, первая получившая образование женщина-удинка из Ниджа, тоже писала: «В Нидже живут утины или утийцы (сами себя называют кштоны (*քիտոն/qshton*), что, наверное, означает христиане. Кроме утийцев в Нидже живут также азербайджанцы (которых в досоветское время называли турками, утийцы их называют тажиками [əwɟhɬɨ])... В Нидже были и есть также несколько семей армян – переселенных из соседних армянских селений... Утийцы армян зовут армин» [Ширвани, б/г, с. 53–54].

Интересно, что Г. Овсепян слово *китон* из удинского на армянский переводит как *хай* – «армянин» [Овсепян, 1904, с. 60], в отличие от Е. Лалаяна, К. Саргиса и А. Ширвани, которые обозначали этим термином удин-христиан, последователей армяно-григорианского вероисповедания. Армян удины называли и называют не эндоэтнонимом *хай*, а вариациями экзоэтнонима «армянин», в Нидже – *арми/армин*, в Варташене – *армеин*. Армянский народ на удинском языке будет *армеин азукI* [*азукI* происходит, очевидно, от арм. *ազգ*, *азг* – «род, племя, нация». – Г.Х.], армянский язык – *армеийнун муз* [Гукасян, 1974, с. 47, 63]. В «Удинско-азербайджанско-русском словаре» В. Гукасяна слово *китон* не представлено. Этимология этого слова не ясна.

Мои православные респонденты-удины из Варташена в 1986 г. сообщали, что *китон*-ы – это удины-григориане и армяне, т.е. *китон* – религиозная общность, в данном случае – совокупность придерживающихся армяно-григорианской веры удин и армян. Тем самым термин *китон* у удин был синонимом, заменителем арм. *лусаворчакан* (от арм. *լուսիւնորիչ* *лусаворич* – просветитель), который по содержанию синонимичен слову «григорианин» в иноязыковой среде и объединял удин («утиязычных» и «тюркоязычных») удин армянской веры) и армян-григориан, но не включал удин-халкидонитов (*гюрджи уди*). Думается, в удинском восприятии слово *китон* был идентично общему *лусаворчакан* (надгрупповой уровень), имеющему два этнических композита – удинский и армянский. Употребляемое в просторечье слово *китон* в официальных или формальных условиях, особенно в письменной речи, заменялось словом *лусаворчакан*. Такое восприятие можно обнаружить по надписям эпитафий в селе Нидже. На могильном камне 1834 г. эпитафия сообщает, что здесь покоится «слуга Христа из утиязычного племени армянского вероисповедания лусаворча-

кан» (ՈՒՏԻՍԿԵՆՈՍ ՅԵՂԻՍ ԾԱՌԱՅ ԶԻ ՀԱՅ ԼՈՒՍԱՎՈՐԻՉ ԱՐՄԵՆ ՏԱՎԱՆՈՂԻՍ). На кладбище квартала Дарамакла села. Нидж на надгробии 1877 г. читаем, что там покоится ниджский князь «из утиязычного племени из нации лусаворича [просветителя]» (ԱՉԿԱԼ ԼՈՒՍԱՎՈՐԻՉԻՆ ՈՒՏԻՍԿԵՆՈՍ ՅԵՂԻՆ). Выражение «из нации лусаворича» указывает, как представляется, на «этнизацию» религиозной общности *лусаворчакан* – удин и армян, иначе говоря, *кистон*-ов, «григориан». На могильном камне 1881 г. некоего Саргиса записано, что он «из армянского вероисповедания лусаворчакан» (Ի ՀԱՅՈՑ ՏԱՎԱՆՈՒԹԵՆԵՆ ԼՈՒՍԱՎՈՐՉԱԿԱՆ). Оба выражения существенно отличаются друг от друга. Если первое определение («из утиязычного племени из нации лусаворича») представляет часть целого – этноконфессиональную группу удин, то второе – относится исключительно к религии и может употребляться по отношению к любому из *лусаворчакан*, т.е. к любому человеку армяно-григорианского вероисповедания вне зависимости от его этнической принадлежности.

В бытность автора в Нидже в 1986 г. во дворе церкви Св. Богородицы находились надгробия, на одном из которых, датированном 1877 г., эпитафия сообщала, что там покоится некий Галуст из «утиязычной нации» (ՅԱՉԳԵ ՈՒՏԻՍԿԵՆՈՍ). Другая эпитафия сообщает, что здесь покоится ниджский князь Маркос Агаджанян из «утиязычного племени нации армянского вероисповедания лусаворич» (ՈՒՏԻՍԿԵՆՈՍ ՅԵՂԻՍ ԱՉԳԱԼ ՀԱՅ ԳԱԲԱՆՈՂ ԼՈՒՍԱՎՈՐՉԻՍ). Здесь мы имеем дело с разными индикаторами: один из них – языковая принадлежность («утиязычный»), другой – этническая принадлежность («утиязычного племени»), третий – конфессиональная принадлежность («нации армянского вероисповедания лусаворич», т.е. «лусаворчакан» или армяно-григорианский). Вместе с тем в этой эпитафии наблюдается явление этнического смешения на почве религиозной общности. Необходимо отметить, что эпитафии нередко ограничивались только этнонимом *ути* без акцента на вероисповедание или язык, как, например, на надгробии 1872 г. во дворе церкви квартала Хожабайли в Нидже – «князь ути по имени Галуст», строивший, по сообщению надписи, данную церковь. И, конечно же, большинство из эпитафий не содержат информацию об этнической, языковой и конфессиональной принадлежности, но сам факт наличия такой информации на некоторых удинских эпитафиях указывает на важность для удин передачи таких сведений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ал-Мукаддаси, Шамс ад-Дин. Лучшее разделение для познания климатов. Пер. В.М. Бейлиса. *Восточное историческое источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины*. Вып. 2. М.: Наука, 1994. С. 282–309 [Al-Muqaddasi, Shams ad-Din. The Best Divisions for Knowledge of the Regions. Translated by V.M. Beilis. *Eastern Historical Source Study and Auxiliary Historical Disciplines*. Issue 2. М.: Nauka, 1994. Pp. 282–309 (in Russian)].

Акопян А. *Албания-Алуанк в греко-латинских и древнегреческих источниках*. Ереван: Издательство Академии Наук Армянской ССР, 1987 [Hakobyan A. *Albania-Aluank in the Greek-Latin and Ancient Greek Sources*. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of Arm. SSR, 1987 (in Russian)].

Акопян А.А. К хронологии завершения этноконсолидации удинов и лезгин (период ослабления Арабского халифата). *Albania Caucasica*. Вып. 1. М.: ИВ РАН, 2015. С. 129–147 [Hakobyan A.A. A Chronology of the Process of Consolidation of Udis and Lezgins (During the Decline of the Arab Caliphate). *Albania Caucasica*. Issue 1. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2015. Pp. 129–147 (in Russian)].

Аликберов А.К. Народы и языки Кавказской Албании. О языковом континууме как альтернативе койне. Язык письменности и «язык базара». *Albania Caucasica*. Вып. 1. М.: ИВ РАН, 2015. С. 81–116 [Alikberov A.K. Peoples and Languages of Caucasian Albania. The Language Continuum as an Alternative

for Koine. Language for Writing and “Language for the Bazaar”. *Albania Caucasia*. Issue 1. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2015. Pp. 81–116 (in Russian)].

Алишан, Гевонд. *Топографическое описание Великой Армении*. Венеци: Св. Лазарь, 1855 [Alishan, Ghevond. *Topographic Description of Greater Armenia*. Venice: San Lazzaro, 1855 (in Armenian)].

Анания, Католикос армян. О восстании дома Албании, [о том, что] время от времени рукоположение [албанского Католикоса] происходило вне престола Святого Просветителя. *Арапат*. 1897. № 3. С. 124–144 [Anania, Catholicos of Armenians. On the Uprising of the House of Albania, [about the fact] that from Time to Time the Ordination of [the Albanian Catholicos] Would Take Place Outside the Holy See of Gregory the Illuminator. *Ararat*. 1897. No. 3. Pp. 124–144 (in Armenian)].

Аракелян (Харатян) Г. Почитание Егише Аракела среди удин и к вопросу локализации провинции Ути. *Вестник общественных наук АН РА*. 1991. № 6. С. 69–86 [Araqelyan (Kharatyan) H. Worship of Apostle Elishe Among the Udis and Locating of Uti Gavar. *Herald of Social Sciences, NAS RA*. 1991. No. 6. Pp. 69–86 (in Armenian)].

Арасханянц А.Н. Экономический быт государственных крестьян Нухинского уезда, Елисаветпольской губернии. *Материалы для изучения экономического быта Государственных крестьян Закавказского края*. Т. VI. Ч. I. Тифлис, 1887 [Araskhanyanc A.N. Economic life of the State Peasants of the Nukhinsky District, Elisavetpol Province. *Materials for the Study of the Economic Life of the State Peasants of the Transcaucasian Region*. Vol. VI. Part I. Tiflis, 1887 (in Russian)].

Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Сборник документов. Т. 2. Ч. 2. Ереван: Издательство Академии Наук Армянской ССР, 1967 [Armenian-Russian Relations in the First Third of the 18th Century. Collection of Documents. Vol. 2. Part 2. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1967 (in Russian)].

Бакиханов, Аббас-Кули-Ага. Гюлистан-и Ирам. Редакция, комментарии, примечания и указатели З.И. Буниятова. Баку: Элм, 1991 [Baqikhanov, Abbas-Quli-Agha. Gyulistan-i Iram. Edition, Comments, Notes and Indexes by Z. Bunyatov. Baku: Elm, 1991 (in Russian)].

Балаян М.Г. Антипрестольный албанский католикосат в Ч’алет’е (XV в.). *Albania Caucasia*. Вып. 1. М.: ИВ РАН, 2015. С. 252–260 [Balayan M.G. The Anti-throne Albanian Catholicosate in Ch’alet’ (XV Century). *Albania Caucasia*. Issue 1. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2015. Pp. 252–260 (in Russian)].

Бархутарянц М. *Страна Алуанк и соседи*. Тифлис, 1893. 2-е изд.: *Страна Алуанк и соседи*. Арцах. Ереван: Гандзасар, 1999 [Barkhutariants M. *The Land of Aluank and the Neighbours*. Tiflis, 1893. Reprint: *The Land of Aluank and the Neighbours*. Artsakh. Yerevan: Gandzasar, 1999 (in Armenian)].

Гукасян В. *Удино-азербайджанско-русский словарь*. Баку: Элм, 1974 [Ghukasyan V. *Udi-Azerbaijani-Russian Dictionary*. Baku: Elm, 1974 (in Russian)].

Гукасян В.Л. Кавказский языковой ареал и вопрос субстрата. *Лингвистическая география и проблема истории языка*. Ч. 1. Нальчик, 1981. С. 101–108 [Ghukasyan V.L. Caucasian Linguistic Area and the Issue of Substratum. *Linguistic Geography and the Problem of the History of Language*. Part 1. Nalchik, 1981. Pp. 101–108 (in Russian)].

Джалалянц С. *Путешествие по Великой Армении*. Т. 2. Тпхис, 1858 [Jalalyants S. *A Trip to Great Armenia*. Part 2. Tphkhis, 1858 (in Armenian)].

Драсханакертци, Иованнес. *История Армении*. Пер. с древнеарм., вступ. ст. и коммент. М.О. Дарбинян-Меликян. Ереван: Советакан грох, 1986 [Draskhanakertsi Iovannes. *History of Armenia*. Transl. from the Ancient Armenian, Introduction and Commentary by M.O. Darbinyan-Melikian, Yerevan: Sovetakan Grokh, 1986 (in Russian)].

Есаи, Католикос Агванский из Гасан Джалалянов. *Краткая история страны Агванк*. Иерусалим: Типография Апостольского престола святого Иакова, 1868 [Esayi Hasan Jalalyan. *A Brief History of the Country Aghuank*. Jerusalem: Printing House of the Apostolic Throne of St. Hakob, 1868 (in Armenian)].

Каланкатуаци, Мовсэс. *История страны Алуанк*. Перевод с древнеарм. Ш.В. Смбастьян. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1984 [Kalankatuatsi, Movses. *History of the Country Aluank*. Transl. from the Ancient Armenian by Sh.V. Smbatyan. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of Arm. SSR, 1984 (in Russian)].

Карапетян А. Слова «Чагаг», «Чала» и их топонимические применения. *Историко-филологический журнал*. 1982. № 2. С. 153–161 [Karapetyan H. Words “čaġag”, “čala” and Their Application in Toponymy. *Patma-banasirakan handes (Historical-Philological Journal)*. 1982. No. 2. Pp. 153–161 (in Armenian)].

Крымский А. *Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана (классической Албании), Шеки*. Памяти академика Н.Я. Марра. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1938. С. 369–384 [Krymskiy A. *Pages from the History of Northern or Caucasian Azerbaijan (Classical Albania), Sheki*. In Memory of Academician N.Ya. Marr. Moscow–Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1938. Pp. 369–384 (in Russian)].

Лалаян Е. Раскопки в сел. Нидж и Варташен Нухинского уезда. *Известия Кавказского отдела Московского археологического общества*. Вып. 5. Тифлис, 1919. С. 37–47 [Lalayan Ye. Excavations in the Village Nij and Vartashen of the Nukhinsky District. *Izvestiya Kavkazskogo otdela Moskovskogo arĥeologicheskogo obshestva*. Issue 5. Tbilisi, 1919. Pp. 37–47 (in Russian)].

Лалаян Е. *Удины Ниджа и Вардашена с этнографической точки зрения*. Ереван, 1926 [Lalayan Ye. *The Udins Nizh and Vardashen from an Ethnographic Point of View*. Yerevan, 1926 (in Armenian)].

Летопись Картли. Перевод Г.В. Цулая. Тбилиси: Мецниереба, 1982 [Chronicle of Kartli. Transl. by G.V. Tsulaya. Tbilisi: Metsniereba, 1982 (in Russian)].

Марр Н. Аркауань, монгольское название христиан, в связи с вопросом об армянах-халкидонитах. *Византийский временник*. Т. XII. СПб., 1906. С. 1–68 [Marr N. Arkaun, Mongolian Name for Christians, in Connection with the Question of the Chalkedonite-Armenians. *Byzantina Xronika*. Vol. XII. St. Petersburg, 1906. Pp. 1–68 (in Russian)].

Меликсет-Бек Л. *Грузинские источники об Армении и армянах* Т. 1 (5–12 вв.). Ереван, 1934 [Melikset-Beck L. *Georgian Sources about Armenia and Armenians*. Vol. 1 (5th–12th Centuries). Yerevan: Melkonyan Foundation, 1934 (in Armenian)].

Минорский В.Ф. *История Ширвана и Дербента в X–XI веков*. М.: Издательство восточной литературы, 1963 [Minorsky V.F. *History of Shirvan and Derbent in the 10–11th centuries*. Moscow: Publishing House Eastern Literature, 1963 (in Russian)].

Мурадян П.М. Христианские древности грузино-армяно-Дагестанской контактной зоны в начале XIV века. *Albania Caucasica*. Вып. I. М.: ИВ РАН, 2015. С. 236–237 [Muradyan P.M. Christian Antiquity in the Georgian-Armenian-Dagestani Contact Zone at the Beginning of the 14th Century. *Albania Caucasica*. Issue I. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2015. Pp. 236–237 (in Russian)].

Овсепян Г. *Очерки об утийских и мусульманизированных армянах*. Тпхис, 1904 [Hovsepyan Gh. *Essays on Utia and Muslim Armenians*. Tphkhis, 1904 (in Armenian)].

Описание Шекинской провинции, составленное в 1819 г. генерал-майором Ахвердовым. Тифлис, 1866 [Description of the Sheki Province, Compiled by Major General Akhverdov in 1819. Tbilisi, 1866 (in Russian)].

Памятник Католикоса Симеона. Диван истории армян. Т. 3. Подготовил к изданию с биографией и комментариями Гют Аганянц. Тифлис: Типография Шарадзе, 1894 [Catholics Simeon's Memoires. Divan of Armenian History, Vol. 3. With Biography and Appendices and Acquaintances, Was Published by Priest Gyut Aghanians. Tiflis: Tipografiya Sharadze, 1894 (in Armenian)].

Петрушевский И.П. *Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX вв.* Л.: Издательство ЛГУ, 1949 [Petrushevsky I.P. *Essays on the History of Feudal Relations in Azerbaijan and Armenia in the 16th – Early 19th Centuries*. Leningrad: Izdatelstwo LGU, 1949 (in Russian)].

Саргис, Камал. *Об обычаях, праздниках и быте удинского села Нидж*. Рукопись в Матенадаре им. Маштоца, архив Сенекерима Тер-Акопяна, папка 72 [Sargis, Kamal. *About the Habits, Holidays*

and Life of the Village of Udian Nizh. Manuscript. Archive of Matenadaran Names in Mastots. Senekerim Ter-Akopyan's Fund, Folder 72 (in Armenian)].

Тер-Гевондян А. Замечания о слове «Востикан». *Patma-banasirakan handes (Историко-филологический журнал)*. Ереван, 1962. №. 4. С. 243–248 [Ter-Ghondyan A. Remarks about the word “Vostikan”. *Patma-banasirakan handes (Historical-Philological Journal)*. Yerevan, 1962. No. 4. Pp. 243–248 (in Armenian)].

Харатян Г. *Апостол Египте и его миссия*. Армянские святые и святыни. Ереван: Айастан, 2001. С. 49–61 [Kharatyan H. *Apostle Eghishe and his Mission. Armenian Saints and Saint Places*. Yerevan: Hayastan, 2001. Pp. 49–61 (in Armenian)].

Харатян Г. К вопросу об апостоле Египте, Григорисе и христианизации Кавказской Албании (По поводу публикации рукописи кавказско-албанского алимпецста). *Vazmavep: Арменоведческий-филологический-литературный журнал*. Том CLXVIII. № 1–2. Венеция, Св. Лазарь, 2010. С. 19–75 [Kharatyan H. Touching upon the Issues of Yeghishe the Apostle, Grigoris and the Christianization of the Caucasian Aghvank (Albania) (in Connection with the Publication of the Caucasian Albanian Palimpsest). *Vazmavep (Polyhistory)*. Armenological and philological-literary journal. Vol. CLXVIII. No. 1–2. Venice: San Lazzaro, 2010. Pp. 19–75 (in Armenian)].

Харатян Г.С. «Алванские этнонимы» армянских источников в современной ономастике лезгиноязычных групп. *Albania Caucasia*. Вып. I. М.: ИВ РАН, 2015. С. 160–172 [Kharatyan H.S. “The Alvan Ethnonyms” from Armenian Sources in the Modern Onomastics of Lezgian-speaking Groups. *Albania Caucasia*. Issue I. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2015. Pp. 160–172 (in Russian)].

Харатян-Аракелян Г. Религия и верования удин в XIX–XX вв. *Handes Amsorya*. Т. CXXIV. Вена–Ереван, 2010. С. 435–495 [Kharatyan-Araqelyan H. Religion and Beliefs of Udis in 19–20th Centuries. *Handes Amsorya (Monthly Review)*. Vol. CXXIV. Vienna–Yerevan: Hayastan, 2010. Pp. 435–495 (in Armenian)].

Чамчянц М. *История Армении с начала мироздания до года Господня 1784*. Т. 3. Венеция, 1786 [Chamcheants M. *History of Armenia, From the Beginning of the World to the 1784*. Vol. III. Venice, 1786 (in Armenian)].

Ширвани А. *Этнографические материалы села Нидж Аз.ССР*. Рукопись в архиве ин-та Археологии и этнографии НАН РА, папка 35 [Shirvan A. *Ethnographic Materials of the Azerbaijani Village of Nizh*. Manuscript. Archive of the Institute of Archeology and Ethnography, National Academy of sciences of Republic of Armenia, folder 35 (in Armenian)].

Эзов Г.А. *Сношения Петра Великого с армянским народом*. Документы. СПб.: Императорская Академия наук, 1898 [Ezov G.A. *Peter the Great's Relations with the Armenian People*. Documents. St. Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk, 1898 (in Russian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ХАРАТЯН Грануш Сергеевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Археологии и этнографии НАН РА, Ереван, Армения.

Hranush S. KHARATYAN, PhD (History), Leading Research Fellow, Institute of Archaeology and Ethnology, National Academy of Sciences of Republic of Armenia, Yerevan, Armenia.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.31857/S086919080015071-5

РЕЗОЛЮЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ ИСЛАМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО «АФГАНСКОМУ ВОПРОСУ» В 1980–1989 гг.

© 2021

Т.В. РАБУШ^а

^а – Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0001-8790-3402; taisarabush@mail.ru

Резюме: Статья посвящена рассмотрению политической позиции Организации Исламская Конференция и ее эволюции на протяжении 1980-х гг. в отношении афганского вооруженного конфликта с участием СССР. Источниковой базой послужили тексты посвященных ситуации в Афганистане резолюций и заключительных коммюнике Исламских конференций министров иностранных дел ОИК, проходивших в ООН координационных совещаний министров иностранных дел ОИК и Исламских конференций на высшем уровне стран-членов ОИК. Первый раздел статьи рассматривает чрезвычайную сессию Исламской конференции министров иностранных дел ОИК, состоявшуюся в январе 1980 г., – она стала первым международным мероприятием ОИК, на котором обсуждался «афганский вопрос», и принятые на ней решения заложили основы позиции ОИК в отношении афганского конфликта, которая с небольшими изменениями сохранялась на протяжении 1980-х гг. Во втором разделе изучаются последующие резолюции ОИК по Афганистану и их особенности.

В своем отношении к ситуации в Афганистане и ее аспектам ОИК солидаризировалась с ООН и Движением неприсоединения, хотя имелись и различия в подходах к отдельным вопросам – например, ОИК с января 1980 г. приостановила членство Афганистана, приглашая на все конференции членов афганских антиправительственных группировок в качестве представителей этой страны. Государства-члены ОИК в отношении «афганского вопроса» проявляли большую солидарность в рамках этой организации, чем в отношении аналогичного вопроса – страны-члены ООН или Движения Неприсоединения, хотя отдельные страны (из числа поддерживающих внешнюю политику СССР) высказывали оговорки по «афганским» резолюциям. В целом же позиция ОИК как крупнейшей международной организации, объединяющей страны исламского мира, в отношении ситуации в Афганистане на протяжении всех 1980-х гг. претерпела незначительные изменения.

Ключевые слова: ОИК, афганская война, афганский конфликт, Афганистан, ислам, мусульманский мир, международная организация.

Для цитирования: Рабуш Т.В. Резолюции Организации Исламская Конференция по «афганскому вопросу» в 1980–1989 гг. *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 129–140. DOI: 10.31857/S086919080015071-5

OIC RESOLUTIONS ON THE “AFGHAN QUESTION” IN 1980–1989

© 2021

Taisiya V. RABUSH ^a

^a – Saint Petersburg University of Industrial Technologies and Design,
Saint-Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0001-8790-3402; taisarabush@mail.ru

Abstract: *This article is devoted to a review of the political position of the Organization Islamic Conference (OIC) and its evolution regarding the Afghan armed conflict of 1980–1989. The source base for the article is the texts of the resolutions on the situation in Afghanistan and the final communiqués of the OIC Islamic Conferences of Foreign Ministers, the coordination meetings of the OIC Foreign Ministers and the Islamic Conferences at the highest level. The first section of the article examines the extraordinary session of the OIC Islamic Conference of Foreign Ministers held in January 1980, which discussed the “Afghan question” and the decisions taken therein laid the foundations for the OIC’s position on the Afghan armed conflict. The second section examines all subsequent OIC resolutions on Afghanistan and their features.*

The OIC solidarized with the UN and the Non-Aligned Movement in its attitude to the situation in Afghanistan, although there were differences in approaches to certain issues – for example, since January 1980, the OIC began to invite members of Afghan anti-government groups to all Islamic conferences as representatives of this country. The OIC member states in relation to the “Afghan issue” showed greater solidarity within the framework of this organization than the UN member states or the Non-Aligned Movement in relation to the same issue, although individual countries expressed their reservations on the “Afghan” resolutions of the OIC. The position of the Organization of the Islamic Conference regarding the Afghan issue remained stable throughout the 1980s, undergoing minor changes.

Keywords: OIC, Afghan War, Afghan Conflict, Afghanistan, Islam, Muslim World, International Organization.

For citation: Rabush T.V. OIC Resolutions on the “Afghan Question” in 1980–1989. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5. Pp. 129–140. DOI: 10.31857/S086919080015071-5

Организация Исламская Конференция (ОИК), известная сейчас как Организация Исламского сотрудничества (ОИС), создана в 1969 г. как своего рода «мусульманский» аналог ООН, должный выражать позицию стран, которые в своей политике руководствуются принципами ислама. Таким образом, ОИК изначально выказывала претензии на роль ведущей международной организации в мусульманском мире.

Известно, что ввод ограниченного контингента советских войск (далее ОКСВ) в Афганистан, состоявшийся в конце 1979 г., вызвал негативную реакцию значительной части международного сообщества. В настоящей статье автор хотел бы рассмотреть позицию ОИК на протяжении пребывания ОКСВ в Афганистане, а также изменения этой позиции, выраженные в текстах соответствующих резолюций Исламских конференций министров иностранных дел, Исламских конференций на высшем уровне и координационных совещаний министров иностранных дел стран-членов ОИК в ООН. Соответственно, источниковой базой для статьи послужили эти резолюции, взятые с официальных сайтов ООН и ОИК. Актуальность темы обусловлена тем, что ОИК и ныне играет значимую роль в мусульманском мире, а изучение ее позиции в отношении афганского военного

конфликта 1979–1989 гг. позволяет спрогнозировать линии поведения этой организации в иных конфликтных ситуациях.

Акт ввода ОКСВ в Афганистан в ряде мусульманских стран был интерпретирован не только как покушение Советского Союза на стабильность сложившейся системы международных отношений, но и как агрессия против мусульманского государства. Одной из разновидностей ответа на этот акт и стала политическая деятельность ОИК, выраженная в принятии соответствующих резолюций. Если говорить о роли ОИК в урегулировании афганского конфликта, то наиболее плотно к этой теме подошел В.С. Христофоров в статье «Политическое урегулирование афганской проблемы в контексте международных отношений в 1980-е гг.» [Христофоров, 2014], хотя она посвящена не роли ОИК в политическом урегулировании, а вообще процессу политического разрешения конфликта в Афганистане.

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СЕССИЯ ИСЛАМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ОИК И ЕЕ РЕШЕНИЯ ПО АФГАНИСТАНУ

В начале января 1980 г. состоялась 6-я чрезвычайная специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН, посвященная положению в Афганистане после ввода советских войск, на которой СССР был осужден большинством голосов в резолюции № ES-6/2 «Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности» от 14 января 1980 г. 27 января того же года по инициативе Бангладеш и Пакистана была созвана чрезвычайная сессия Исламской Конференции министров иностранных дел, прошедшая на территории Пакистана 27–29 января, в ходе которой была рассмотрена сложившаяся в Афганистане ситуация. Ее председателем был избран советник по иностранным делам Пакистана Ага Шахи [A/35/109, 1980, р. 3]. По итогам сессии была принята резолюция № 1/EOS «О советской военной интервенции в Афганистане и вытекающих из нее последствиях», осуждающая ввод советских войск в Афганистан как нарушение норм международного права и как «серьезную угрозу миру и безопасности в этом районе и во всем мире» [A/35/109, 1980, р. 9]. Эта резолюция заслуживает детального разбора, поскольку она заложила основы для позиции ОИК в отношении «афганского вопроса», сохранявшейся с незначительными изменениями на протяжении дальнейших почти десяти лет вплоть до вывода советских войск из Афганистана.

Членство Афганистана в ОИК было приостановлено: Конференция предложила государствам-членам ОИК разорвать дипломатические отношения с Афганистаном до вывода советских войск из этой страны и воздержаться от любой экономической помощи афганскому политическому режиму [A/35/109, 1980, р. 5, 10]. Вместе с тем конференция призвала к оказанию помощи афганским беженцам и «выразила свою солидарность со справедливой борьбой афганского народа за сохранение своей веры, независимости своей страны и ее территориальной целостности» [A/35/109, 1980, р. 5] – что, по сути, означало одобрение оказания помощи афганским антиправительственным группам. Конференция также заявила о солидарности с соседствующими с Афганистаном странами и готовности оказать им помощь, в том числе по вопросу сохранения суверенитета и территориальной неприкосновенности [A/35/109, 1980, р. 10].

В адрес СССР было направлено послание с призывом «прекратить свою военную интервенцию» [A/35/109, 1980, р. 3]. Также была достигнута договоренность о неучастии мусульманских стран в Олимпийских играх, которые должны были пройти летом 1980 г. в Москве – в случае, если советские войска не будут выведены из Афганистана [A/35/109, 1980, р. 6, 11]. Кроме того, на конференцию был приглашен представитель афганских антиправительственных организаций – Б. Раббани, лидер партии «Исламское общество

Афганистана» (ИОА), который, выступив от имени афганских оппозиционных партий, «дал всеобъемлющий обзор положения в Афганистане и рассказал об угнетении, которому подвергаются афганские мусульмане со стороны вторгшихся советских войск» [A/35/109, 1980, р. 7–8].

Что интересно, Конференция – несмотря на солидаризацию с Западом в отношении реакции на события в Афганистане – продемонстрировала вполне независимую позицию, заявив о том, что исламский мир проводит политику неприсоединения и что ситуация в Афганистане не может быть использована в деле соперничества сверхдержав, обратив «внимание на попытки, предпринимаемые в настоящее время некоторыми западными державами с целью использовать новое положение, возникшее в связи с советской вооруженной интервенцией в Афганистане, для возобновления империалистической интервенции в исламском мире, особенно в районе вблизи Афганистана» [A/35/109, 1980, р. 13].

Следует посмотреть и на результаты голосования. Так, «против» принятия резолюции проголосовала НДРЙ (Народно-Демократическая Республика Йемен); воздержались Алжир, Гвинея, Мали, Сирия, Уганда и ЙАР (Йеменская Арабская Республика); Ливия, Судан, Чад и Коморские острова не приняли участия в голосовании [*Die Sowjetische*, 1980, s. 383–384]. Интересно то, что почти все государства, голосовавшие «против» резолюции ОИК или воздержавшиеся от участия в голосовании – как правило, по причине наличия союзных отношений с СССР или солидарности с его политикой – голосовали также «против» резолюции № ES-6/2 «Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности» от 14 января 1980 г.

Решения этой чрезвычайной сессии заложили основу для последующих решений и в целом позиции ОИК по Афганистану, что мы увидим на примере последующих резолюций.

«АФГАНСКИЕ» РЕЗОЛЮЦИИ ОИК В 1981–1988 гг.

Вплоть до 1988 г. включительно ОИК принимала ежегодные резолюции, посвященные ситуации в Афганистане. Рассмотрим их в хронологическом порядке. Тексты резолюций взяты автором из двух источников: это официальный сайт ООН, где тексты резолюций представлял дипломат страны, на территории которой проходила Исламская конференция министров иностранных дел стран-членов ОИК или Исламская конференция на высшем уровне; и официальный сайт ОИС.

С 17 по 22 мая 1980 г. в Пакистане состоялась 11-я Исламская конференция министров иностранных дел, в ходе которой была принята резолюция № 19/11-Р «О положении в Афганистане». Страны-члены ОИК воззвали к прекращению советского военного вмешательства и отметили, что СССР «расширил свое военное присутствие в этой стране, несмотря на резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН, а также резолюцию Исламской конференции, принятую на чрезвычайной сессии в январе 1980 г. и призывающую Советский Союз немедленно и безусловно вывести свои войска», указали на право афганского народа выбирать свою форму политического правления без вмешательства извне, выразили обеспокоенность притоком афганских беженцев и обратились ко всем государствам с призывом оказать им помощь [Resolution No. 19/11-P, 1980], подтвердили резолюцию № 1/EOS чрезвычайной сессии ОИК и постановили «учредить Комитет в составе Генерального секретаря и министров иностранных дел Пакистана и Ирана для поиска путей и средств, включая соответствующие консультации, а также созыв международной конференции под эгидой ООН или каким-либо другим образом, всеобъемлющего решения серьезного кризиса, существующего в связи с положением в Афганистане» [A/35/419, 1980, р. 42]. Также в резолюции была выражена надежда на то, что Движение неприсоединения будет играть активную роль

в поиске решения афганского кризиса. Перед Политическим комитетом Конференции в качестве представителя Афганистана выступил А.Р. Сайяф, представитель антиправительственной афганской партии «Исламский союз за освобождение Афганистана».

Что примечательно, ОИК с самого начала стремилась к тому, чтобы обсуждать ситуацию в Афганистане с «представителями афганского народа», под которыми понимались афганские антиправительственные силы. Этот подход сложно было назвать конструктивным с позиций официального Кабула и Советского Союза – так, Афганистан с самого начала выступал против обсуждения «афганского вопроса» на конференциях ОИК. В январе 1981 г. Временный поверенный в делах Постоянного представительства Афганистана при ООН М. Фарид Зариф представил на имя Генерального секретаря ООН заявление МИД ДРА¹, в котором сообщалось, что включение в повестку дня совещания Исламской конференции на высшем уровне «афганского вопроса» «не имеет ничего общего с интересами исламских стран и преследует лишь цель ухудшить ситуацию вокруг Афганистана и развернуть антиафганскую и антисоветскую пропагандистскую кампанию» [A/36/80, 1981, р. 2], поскольку ситуация в Афганистане является его внутренним делом «и не представляет собой угрозу миру и безопасности в регионе и во всем мире», а программа политического урегулирования ситуации в Афганистане и его отношений с Пакистаном и Ираном представлена в Заявлении правительства ДРА от 14 мая 1980 г. Также в документе было указано, что советские войска находятся в Афганистане с целью отражения агрессии извне, жертвой которой стал Афганистан [A/36/80, 1981, р. 3]. Решение о приостановлении членства Афганистана в ОИК было охарактеризовано как несправедливое и необоснованное и подчеркивалось, что «ДРА не будет считать себя связанной решениями и резолюциями, которые будут приняты в отсутствие делегации Афганистана» [A/36/80, 1981, р. 4].

В 1981 г. «афганский вопрос» в ОИК обсуждался дважды – в январе в Саудовской Аравии на 3-й Исламской конференции на высшем уровне и в июне в Ираке на 12-й сессии Исламской конференции министров иностранных дел. Рассмотрим решения 3-й Исламской конференции на высшем уровне. Резолюция основывалась на решениях первой «афганской» резолюции ОИК, принятой в январе 1980 г. в Пакистане – в ней осуждалось советское военное присутствие в Афганистане (которое было названо «советской военной оккупацией» [A/36/138, 1981, р. 20]), содержался призыв к оказанию помощи афганским беженцам и констатировалось право Афганистана самому выбирать политическую систему. Конференция выражала «удовлетворение в связи с принятием Генеральной Ассамблеей ООН на ее 35-й сессии резолюции, осуждающей иностранную вооруженную интервенцию в Афганистане, и позицией международного сообщества в отношении этой интервенции» [Resolution No. 3/3-P(IS), 1981]. Представители «афганских муджахедов» также присутствовали на 3-й Исламской конференции.

Что же касается «афганской» резолюции, принятой в Ираке, то и она в целом повторяла основные пункты содержания предыдущих аналогичных документов (требование вывода советских войск, призыв к оказанию помощи беженцам, подтверждение права народа Афганистана выбирать форму государственного устройства) [Resolution No. 20/12-P, 1981] и призывала к сотрудничеству ОИК и ее стран-членов с Генеральным секретарем ООН и его представителем в целях урегулирования ситуации в Афганистане. При этом в своем письме в ООН по итогам Конференции министров иностранных дел ОИК Постоянный представитель Ирака при ООН Салах Омар Аль-Али отметил: «что касается положения в Афганистане, то Конференция министров иностранных дел выразила свою растущую озабоченность в связи с отсутствием прогресса в усилиях, направленных на политическое урегулирование» [A/36/603, 1981, р. 2].

¹ Аббревиатура от названия Демократическая Республика Афганистан.

В августе 1982 г. 13-я сессия Исламской конференции министров иностранных дел состоялась в столице Нигера, и резолюция по Афганистану, опираясь на решения предыдущих конференций – двух от 1980 г., конференции министров иностранных дел 1981 г. и 3-й Исламской конференции на высшем уровне 1981 г., а также на соответствующие резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и Движения неприсоединения – подтвердила высказанные ранее положения (немедленный вывод иностранных войск из Афганистана, право народа Афганистана самостоятельно выбирать социально-экономическую и политическую систему, призыв к возвращению беженцев на родину и к оказанию им помощи) [Resolution No. 11/13-P, 1982] и приветствовала усилия, направленные Генеральным секретарем ООН на отыскание политического решения афганской проблемы. Сотрудничать с ООН по вопросу поисков этого решения предписывалось Комитету министров в составе из Генерального секретаря ОИК и министров иностранных дел Пакистана, Ирана, Гвинеи и Туниса. Генеральный секретарь ОИК заявил, что «Советский Союз не обратил внимания на неоднократные призывы о выводе иностранных войск из Афганистана и об уважении его политической независимости... и характер этой братской исламской страны, придерживающейся позиции неприсоединения». Вместе с тем он отметил, что у мусульманского мира с Советским Союзом не существует никаких существенных разногласий, за исключением проблемы Афганистана [A/37/567, 1982, p. 146].

Несмотря на то, что США были одним из основных антагонистов СССР в афганском вооруженном конфликте 1979–1989 гг. и сотрудничали с Саудовской Аравией по вопросу поддержки афганских повстанцев, позиция ОИК в отношении Соединенных Штатов и отношений с ними была не столь однозначной – так, на 13-й сессии Исламской конференции министров иностранных дел конференция «призвала государства-члены ОИК пересмотреть свои дипломатические отношения с Соединенными Штатами Америки» [A/37/567, 1982, p. 154] – и связано это было в первую очередь с позицией США, занятой ими в отношении политики Государства Израиль на Ближнем Востоке.

В Нью-Йорке в Центральных учреждениях ООН 10 октября 1983 г. по итогам 13-й сессии Исламской конференции министров иностранных дел ОИК прошла координационная встреча министров иностранных дел стран-членов ОИК, она приняла в том числе резолюцию по Афганистану: «Конференция рассмотрела достойное сожаления положение в Афганистане, сложившееся в результате продолжения иностранного присутствия в этой стране. Она заявила, что проявляет интерес к усилиям, предпринимаемым специальным представителем Генерального секретаря ООН и Исламской Республикой Пакистан с целью изыскания решения проблемы, с которой столкнулась эта борющаяся мусульманская страна... В проекте резолюции содержится требование прекратить вооруженное вмешательство иностранных войск во внутренние дела этой братской страны» [A/39/236, 1984, p. 4].

14-я сессия Исламской конференции министров иностранных дел, прошедшая с 6 по 11 декабря 1983 г. в столице Бангладеш, приняла «афганскую» резолюцию, не содержащую новых положений в сравнении с предыдущими аналогичными документами [Resolution No. 13/14-P, 1983]. В заключительном коммюнике Конференция «проявила глубокую обеспокоенность по поводу продолжающегося советского военного вмешательства в Афганистане и связанных с этим препятствий, стоящих на пути осуществления афганским народом его права на определение своего политического будущего» и опять потребовала вывода иностранных войск из Афганистана [A/39/133, 1984, p. 192]. Координационное совещание министров иностранных дел стран-членов ОИК, состоявшееся 4 октября 1984 г. в Нью-Йорке по итогам 14-й сессии, в резолюции по Афганистану впервые отметило, что число афганских беженцев в Пакистане уже превышает 3 млн, и повторило призыв «к прекращению вооруженного вмешательства иностранных войск в дела Афганистана» [A/39/585, 1984, p. 2–3].

В январе 1984 г. в Марокко состоялась 4-я Исламская конференция на высшем уровне, на которой рассматривался и «афганский вопрос». Приглашенным представителем афганских муджахедов на конференции снова стал Б. Раббани, и участники «заслушали заявление представителя афганских муджахидинов² г-на Борхан-эд-Дина Раббани, рассказавшего об условиях, в которых находятся силы афганского сопротивления, об их справедливой борьбе за освобождение своей оккупированной родины и выразившего благодарность исламским странам за поддержку ими муджахидинов» [A/39/131, 1984, р. 9]. Особая обеспокоенность была выражена касательно количества афганских беженцев, ищущих убежище в Иране и Пакистане: была озвучена благодарность «правительству и народу Пакистана, добровольно принявшим миллионы афганских беженцев и предоставившим им убежище и защиту» [Resolution No. 9/4-P(IS), 1984].

15-я Исламская конференция министров иностранных дел ОИК состоялась в декабре 1984 г. в Йеменской Арабской Республике. В качестве наблюдателей уже традиционно присутствовали представители афганских муджахедов: «конференция... заслушала заявление, сделанное представителем афганских муджахидов, в котором он подтвердил решимость афганского народа продолжать борьбу за восстановление своих прав и призвал Конференцию предоставить полную поддержку афганскому сопротивлению и, таким образом, дать ему возможность достичь своих целей» [A/40/173, 1985, р. 12]. Здесь автор хотел бы отметить, что ЙАР и СССР поддерживали дружественные отношения и ими в октябре 1984 г. был заключен двухсторонний Договор о дружбе и сотрудничестве [Внешняя политика Советского Союза, 1985, с. 140–142], – но тем не менее это не мешало ЙАР принимать на своей территории афганских повстанцев в качестве официальных представителей по факту исключенного из ОИК социалистического Афганистана. Впервые в принятой в ОИК резолюции по Афганистану были упомянуты афгано-пакистанские пограничные столкновения – Конференция «выразила свою глубокую озабоченность в связи с нарушениями воздушного пространства и сухопутной границы Пакистана с афганской стороны и отметила сдержанность, проявляемую правительством Пакистана перед лицом этих провокаций» [A/40/173, 1985, р. 19, 226; Resolution No. 13/15-P, 1984].

9 октября 1985 г. по результатам 15-й Исламской конференции в Нью-Йорке прошло Координационное совещание министров иностранных дел ОИК, которое, рассматривая ситуацию в Афганистане, отметило, что в последние месяцы «войска Советского Союза и Кармалы³ активизировали свои военные действия против муджахидинов и неоднократно в ходе 1985 г. нарушали границы и воздушное пространство Пакистана». Также совещание заявило о поддержке афганского народа, который, «несмотря на ограниченные и примитивные средства, имеющиеся в его распоряжении, в течение шести лет ведет доблестную борьбу с оккупационными войсками», и выразило признательность правительствам Пакистана и Ирана за предоставление убежища 5 млн афганцев. Совещание высказалось в поддержку усилий Пакистана, направленных на поиск дипломатического урегулирования, и подтвердило, что урегулирование должно проходить на основе принципов, провозглашенных ОИК и ООН и «связанных с выводом советских войск из Афганистана, восстановлением исламского характера Афганистана и его статуса неприсоединившейся страны, правом народа Афганистана на выбор своей собственной социально-экономической и политической системы, а также возвращением афганских беженцев к своим очагам» [A/40/758, 1985, р. 4].

² Здесь и далее во всех цитатах наименование афганских повстанцев будет передано так, как оно употребляется в тексте цитируемого документа, хотя наиболее правильным вариантом в русском языке является слово «муджахеды».

³ Так в тексте – не Афганистана или ДРА, а Кармалы. Бабрак Кармаль – Генеральный секретарь ЦК НДПА и Председатель Революционного совета ДРА в 1979–1986 гг., по факту в эти годы был главой ДРА.

Очередная, 16-я, Исламская конференция министров иностранных дел состоялась в Марокко 6–10 января 1986 г. Конференция заслушала заявление представителя «афганских муджахидинов и дала высокую оценку их борьбе за освобождение их страны от иностранного вторжения, за сохранение их национальной независимости... Конференция приветствовала единство, достигнутое муджахидинами, и настоятельно призвала государства-члены укреплять сотрудничество с ними» [A/41/326, 1986, р. 11]. Таким образом, с 1986 г. можно увидеть призывы не просто к оказанию помощи афганским антиправительственным группировкам, но и к признанию их как самостоятельных политических акторов. В докладе Председателя Комитета по политическим и информационным вопросам 16-й Исламской конференции впервые было отмечено, что ряд резолюций были приняты с оговорками со стороны членов ОИК. Собственно, по резолюции № 19/16-Р оговорки высказали Алжир, НДРЙ, Сирия, Палестина и Ливия (по всему тексту) и Ирак по пунктам 6–10 [A/41/326, 1986, р. 25–26].

Помимо уже ставших традиционными пунктов резолюции, таких как призыв к выводу ОКСВ из Афганистана, указание на право народа Афганистана определять форму правления, напоминание о необходимости помощи беженцам и создания условий для их возвращения на Родину, высокая оценка борьбы афганских антиправительственных сил с советскими войсками, рекомендация Комитету министров продолжать усилия по урегулированию афганской проблемы в сотрудничестве с Генеральным секретарем ООН, ОИК выказала одобрение позиции Пакистана, занятой им в не прямых переговорах с ДРА, проводимых при посредничестве ООН, и снова отметила, что вывод советских войск из Афганистана «будет содействовать устранению основного препятствия в отношениях между исламскими странами и Советским Союзом» [Resolution No. 19/16-P, 1986]. Также Организация вновь выразила «глубокое сожаление по поводу неоднократных нарушений воздушного пространства Пакистана и обстрелов его территории с афганской стороны» [A/41/326, 1986, р. 65].

На координационном совещании министров иностранных дел ОИК в октябре 1986 г. в процессе рассмотрения ситуации в Афганистане было отмечено, что в 1986 г. «советско-кабульские силы⁴ активизировали свои действия против муджахидинов и неоднократно нарушали границу и воздушное пространство Пакистана». Также совещание выразило поддержку афганскому народу, «который в течение семи лет ведет мужественную борьбу против оккупационных сил» [A/41/740, 1986, р. 4] и признательность правительствам Пакистана и Ирана за предоставление помощи более чем 5 млн афганских беженцев и поддержку их усилий, направленных на достижение политического урегулирования ситуации в Афганистане. Помимо этого, совещание призвало СССР указать сроки вывода своих войск из Афганистана, с тем чтобы обеспечить возможность завершения переговоров, и подтвердило, что урегулирование должно соответствовать таким принципам, как «вывод советских войск из Афганистана, признание права афганского народа избрать свою... систему и возвращение домой афганских беженцев в условиях полной безопасности» [A/41/740, 1986, р. 5].

5-я Исламская конференция на высшем уровне, состоявшаяся с 26 по 29 января 1987 г. в Кувейте, также рассмотрела положение в Афганистане. В числе ее гостей присутствовали представители афганских муджахедов: «Конференция с симпатией и пониманием заслушала выступление представителя Исламского союза афганских муджахидинов профессора Абдура Раб Расула Саяфа, в котором он рассказал о справедливой борьбе афганского народа за освобождение своей оккупированной родины и поблагодарил за поддержку» [A/42/178, 1987, р. 11]. Резолюция по Афганистану, как и предыдущие, опиралась на решения более

⁴ Так в тексте.

ранних Исламских конференций на высшем уровне и Исламских конференций министров иностранных дел, а также на «афганские» резолюции Генеральной Ассамблеи ООН начиная с 35-й сессии и 6-й чрезвычайной специальной сессии, и на решения совещаний на уровне конференций глав государств и правительств неприсоединившихся стран.

В резолюции снова выражалось сожаление по поводу продолжения обстрелов территории Пакистана со стороны Афганистана и нарушений его воздушного пространства [A/42/178, 1987, р. 44], и приветствовались усилия Генерального секретаря ООН в деле проведения непрямых переговоров и позиция Пакистана в этом вопросе, сделавшая «возможным достижение значительного прогресса в направлении... урегулирования» [A/42/178, 1987, р. 44]. Из пунктов документа хотелось бы отметить следующее: резолюция потребовала, чтобы для вывода советских войск были предоставлены короткие сроки; высоко оценила «героическую борьбу народа Афганистана за освобождение своей родины от иностранных войск и... роль Афганского союза муджахидинов, добывающегося восстановления статуса независимости и неприсоединения Афганистана»; и обратилась с призывом к ОИК и его государствам-членам с тем, чтобы они «установили более тесные отношения сотрудничества с Афганским союзом муджахидинов для достижения целей справедливой борьбы афганского народа» [Resolution No. 11/5-P(S), 1987]. Нахождение ОКСВ в Афганистане было охарактеризовано, как и ранее, в качестве основного препятствия в отношениях между исламскими странами и Советским Союзом.

В апреле 1988 г. члены Президиума 5-й Исламской конференции на высшем уровне и председатели постоянных комитетов ОИК провели совещание в Эль-Кувейте, где члены Президиума приветствовали заявление СССР о выводе советских войск из Афганистана и Женевские соглашения об урегулировании в Афганистане, и подчеркнули необходимость восстановления экономики Афганистана при содействии исламских государств и Исламского банка развития [A/43/319, 1988, р. 5].

И наконец, последняя в период пребывания ОКСВ в Афганистане 17-я Исламская конференция министров иностранных дел была проведена в Иордании в конце марта 1988 г., и там же была принята «афганская» резолюция. В ней констатировалось: «После восьми лет оккупации Советский Союз, по-видимому, осознал бесплодность своих усилий оккупировать Афганистан и проявил определенные признаки того, что он готов вывести свои силы из этой страны на определенных условиях. На данном решающем этапе переговоров о выводе советских сил Исламская конференция должна продолжать оказывать поддержку Пакистану и афганскому сопротивлению, с тем чтобы обеспечить восстановление в Афганистане прочного мира» [A/43/393, 1988, р. 18]. Участники Конференции «заслушали выступление представителя Исламского союза афганских муджахетдинов, в котором он рассказал о справедливой борьбе афганского народа... и просил Исламскую конференцию и далее оказывать поддержку афганским муджахетдинам» [A/43/393, 1988, р. 21].

В этой резолюции повторяются основные пункты всех предыдущих – в том числе пункт о приостановлении членства Афганистана в ОИК – и приветствуется заявление Генерального секретаря ЦК КПСС «г-на Михаила Горбачева от 8 февраля 1988 года, в котором сообщается о намерении Советского Союза вывести свои войска из Афганистана» [Resolution No. 23/17-P, 1988]. Члены ОИК оценили «борьбу народа Афганистана за освобождение своей родины от иностранных войск» и снова постановили «установить отношения тесного взаимодействия с Союзом афганских муджахетдинов». Исламская конференция выразила сожаление по поводу нарушений воздушного пространства Пакистана и обстрелов его территории с афганской стороны. Что касается процесса вывода советских войск и будущего Афганистана, то ОИК призвала советские войска воздержаться от боевых действий; потребовала прекращения военных поставок всем противоборствующим

сторонам; отметила необходимость продолжения помощи афганским беженцам; постановила «сохранять свободным место Афганистана в ОИК до полного вывода иностранных войск из Афганистана, возвращения афганских беженцев и формирования правительства, приемлемого для народа Афганистана» [Resolution No. 23/17-P, 1988]; и поручила Исламскому банку развития разработать программы восстановления экономики страны [A/43/393, 1988, p. 27–28]. Некоторые государства-члены ОИК высказали оговорки по этой резолюции или ее частям. Так, по всей резолюции это сделала Сирия; по пункту 4 – Ливия.

29 сентября 1988 г. – уже после начала процесса вывода советских войск – в Нью-Йорке было проведено координационное совещание министров иностранных дел ОИК, на котором совещание «призвало к созданию опирающегося на широкую базу правительства, приемлемого для народа Афганистана, что открыло бы эру мира и позволило бы афганским беженцам вернуться в свои дома». Также Совещание обратилось к государствам-членам ОИК с призывом продолжать оказывать помощь афганским беженцам и внести свой вклад в восстановление Афганистана [A/43/692, 1988, p. 4].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом Организация Исламская Конференция на протяжении 1980-х гг. разделяла негативное отношение большинства членов мирового сообщества и крупных международных организаций (ООН, Движения неприсоединения) к пребыванию советских войск в Афганистане и их участию в гражданской войне на его территории, и солидаризировалась с общемировой политической линией в этом вопросе. Кроме того, ОИК выдвигала предложения мирного урегулирования и принимала активное участие в оказании помощи афганским беженцам. С другой стороны, стремление привлечь к процессу урегулирования представителей афганской вооруженной оппозиции и «заменить» ими в стенах организации представителей официального Афганистана не способствовало развитию диалога ОИК с Советским Союзом и самим Афганистаном.

Если говорить о позиции внутри самой организации, то в случае с афганским конфликтом 1979–1989 гг. была продемонстрирована достаточно высокая степень солидарности – хотя некоторые просоциалистические государства-члены ОИК отходили от генеральной линии организации. Но было бы преувеличением утверждать, что ОИК сыграла значимую роль непосредственно в деле политического урегулирования конфликта – скорее, о позиции Организации Исламская Конференция в афганских событиях 1980-х гг. можно говорить как о показательном примере мусульманской солидарности, проявленной на институциональном уровне. Также следует отметить, что политика ОИК в отношении «афганского вопроса» оставалась почти неизменной на протяжении 1980-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

A/36/80. Рассмотрение осуществления декларации об укреплении международной безопасности. Письмо Временного поверенного в делах Постоянного Представительства Афганистана при ООН от 23 января 1981 г. на имя Генерального секретаря. *Официальный сайт ООН* [A/36/80. Consideration of the Implementation of the Declaration on the Strengthening of International Security. Letter Dated 23 January 1981 from the Charge d'Affaires of the Permanent Mission of Afghanistan to the UN addressed to the Secretary-General. *Official Website of the UN* (in Russian)] <https://undocs.org/ru/a/36/80> (accessed: 12.05.2021).

A/39/131. Письмо Постоянного представителя Марокко при ООН от 13 марта 1984 г. на имя Генерального секретаря. *Официальный сайт ООН* [A/39/131. Letter Dated 13 March 1984 from the

Permanent Representative of Morocco to the UN Addressed to the Secretary-General. *Official website of the UN* (in Russian)] <https://undocs.org/ru/a/39/131> (accessed: 12.05.2021).

Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1984 год: Сборник документов. Сост. И.А. Кириллин, Н.Ф. Потапова. М.: Международные отношения, 1985 [*Foreign Policy of the Soviet Union and International Relations. 1984: Collection of Documents.* Comp. Kirillin I.A., Potapova N.F. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1985 (in Russian)].

Христофоров В.С. Политическое урегулирование афганской проблемы в контексте международных отношений в 1980-е гг. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения.* 2014. № 18 (140). С. 116–125 [Khristoforov V.S. Political Settlement of the Afghan Problem within the Context of International Relations in the 1980s. *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Political Science. History. International Relationships.* 2014. No. 18 (140). Pp. 116–125 (in Russian)].

A/35/109. Letter Dated 11 February 1980 from the Permanent Representative of Pakistan to the UN Addressed to the Secretary-General. *Official Website of the UN.* <https://undocs.org/en/a/35/109> (accessed: 12.05.2021).

A/35/419. Letter Dated 20 August 1980 from the Permanent Representative of Pakistan to the UN Addressed to the Secretary-General. Annex 1. *Official Website of the UN.* <https://undocs.org/en/a/35/419> (accessed: 12.05.2021).

A/36/138. Letter Dated 25 March 1981 from the Charge d'affaires a.i. of the Permanent Mission of Saudi Arabia to the UN Addressed to the Secretary-General. Annex 1. *Official Website of the UN.* <https://undocs.org/en/a/36/138> (accessed: 12.05.2021).

A/36/603. Cooperation between the United Nations and the Organization of the Islamic Conference. Letter Dated 14 October 1981 from the Permanent Representative of Iraq to the UN addressed to the Secretary-General. *Official Website of the UN.* <https://undocs.org/en/a/36/603> (accessed: 12.05.2021).

A/37/567. Letter Dated 21 October 1982 from the Permanent Representative of the Niger to the UN Addressed to the Secretary-General. *Official Website of the UN.* <https://undocs.org/en/a/37/567> (accessed: 12.05.2021).

A/39/133. Letter Dated 15 March 1984 from the Charge d'Affaires a.i. of the Permanent Mission of Bangladesh to the UN Addressed to the Secretary-General. *Official Website of the UN.* <https://undocs.org/en/a/39/133> (accessed: 12.05.2021).

A/39/236. Letter dated 2 May 1984 from the Charge d'Affaires a.i. of the Permanent Mission of Niger to the UN Addressed to the Secretary-General. *Official Website of the UN.* <https://undocs.org/en/a/39/236> (accessed: 12.05.2021).

A/39/585. Letter Dated 12 October 1984 from the Permanent Representative of Bangladesh to the UN Addressed to the Secretary-General. *Official Website of the UN.* <https://undocs.org/en/a/39/585> (accessed: 12.05.2021).

A/40/173. Note Verbal Dated 11 March 1985 from the Charge d'Affaires a.i. of the Permanent Mission of Yemen to the UN Addressed to the Secretary-General. *Official Website of the UN.* <https://undocs.org/en/a/40/173> (accessed: 12.05.2021).

A/40/758. Letter Dated 15 October 1985 from the Permanent Representative of Yemen to the UN addressed to the Secretary-General. *Official website of the UN.* <https://undocs.org/en/a/40/758> (accessed: 12.05.2021).

A/41/326. Letter dated 5 May 1986 from the Permanent Representative of Morocco to the UN Addressed to the Secretary-General. *Official Website of the UN.* <https://undocs.org/en/a/41/326> (accessed: 12.05.2021).

A/41/740. Note Verbale Dated 21 October 1986 from the Permanent Mission of Morocco to the UN Addressed to the Secretary-General. *Official Website of the UN.* <https://undocs.org/en/a/41/740> (accessed: 12.05.2021).

A/42/178. Letter Dated 3 March 1987 from the Permanent Representative of Kuwait to the UN Addressed to the Secretary-General. *Official Website of the UN.* <https://undocs.org/en/a/42/178> (accessed: 12.05.2021).

A/43/319. Letter Dated 19 April 1988 from the Permanent Representative of Kuwait to the UN Addressed to the Secretary-General. *Official Website of the UN*. <https://undocs.org/en/a/43/319> (accessed: 12.05.2021).

A/43/393. Letter Dated 6 June 1988 from the Permanent Representative of Jordan to the UN Addressed to the Secretary-General. *Official Website of the UN*. <https://undocs.org/en/a/43/393> (accessed: 12.05.2021).

A/43/692. Letter Dated 7 October 1988 from the Permanent Representative of Jordan to the UN Addressed to the Secretary-General. *Official Website of the UN*. <https://undocs.org/en/a/43/692> (accessed: 12.05.2021).

Die sowjetische Intervention in Afghanistan. Bearbeitet von H. Vogel. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1980.

Resolution No. 19/11-P. The Situation in Afghanistan. 1980. *OIC Official Website*. <https://ww1.oic-oci.org/english/conf/fm/11/11%20icfm-political-en.htm#RESOLUTION%20No.%2019/11-P> (accessed: 12.05.2021).

Resolution No. 3/3-P(IS). The Situation in Afghanistan. 1981. *OIC Official Website*. [https://ww1.oic-oci.org/english/conf/is/3/3rd-is-sum\(political\).htm#03](https://ww1.oic-oci.org/english/conf/is/3/3rd-is-sum(political).htm#03) (accessed: 12.05.2021).

Resolution No. 20/12-P. The Situation in Afghanistan. 1981. *OIC Official Website*. <https://ww1.oic-oci.org/english/conf/fm/12/12%20icfm-political-en.htm#RESOLUTION%20NO.%2020/12-P> (accessed: 12.05.2021).

Resolution No. 11/13-P. Afghanistan. 1982. *OIC Official Website*. <https://ww1.oic-oci.org/english/conf/fm/13/13%20icfm-political-en.htm#RESOLUTION%20No.%2011/13-P> (accessed: 12.05.2021).

Resolution No. 13/14-P. Afghanistan. 1983. *OIC Official Website*. <https://ww1.oic-oci.org/english/conf/fm/14/14%20icfm-political-en.htm#RESOLUTION%20NO.%2013/14-P> (accessed: 12.05.2021).

Resolution No. 9/4-P (IS). On Situation in Afghanistan. 1984. *OIC Official Website*. [https://ww1.oic-oci.org/english/conf/is/4/4th-is-sum\(political\).htm#09](https://ww1.oic-oci.org/english/conf/is/4/4th-is-sum(political).htm#09) (accessed: 12.05.2021).

Resolution No. 13/15-P. Afghanistan. 1984. *OIC Official Website*. <https://ww1.oic-oci.org/english/conf/fm/15/15%20icfm-political-en.htm#RESOLUTION%20NO.13/15-P> (accessed: 12.05.2021).

Resolution No. 19/16-P. Afghanistan. 1986. *OIC Official Website*. <https://ww1.oic-oci.org/english/conf/fm/16/16%20icfm-political-en.htm#RESOLUTION%20NO:%2019/16-P> (accessed: 12.05.2021).

Resolution No. 11/5-P(S). On Situation in Afghanistan. 1987. *OIC Official Website*. [https://ww1.oic-oci.org/english/conf/is/5/5th-is-sum\(political\).htm#11](https://ww1.oic-oci.org/english/conf/is/5/5th-is-sum(political).htm#11) (accessed: 12.05.2021).

Resolution No. 23/17-P. Afghanistan. 1988. *OIC Official Website*. <https://ww1.oic-oci.org/english/conf/fm/17/17%20icfm-political-en.htm#RESOLUTION%20NO.%2023/17-P> (accessed: 12.05.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РАБУШ Таисия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия.

Taisiya V. RABUSH, PhD (History), Associate Professor of Department of Social Sciences, Saint Petersburg University of Industrial Technologies and Design, Saint-Petersburg, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080016633-3

РОССИЯ – МОНГОЛИЯ – КИТАЙ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

© 2021

С.Г. ЛУЗЯНИН ^а

^а – Национально-исследовательский университет «Высшая Школа Экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия; ORCID: 0000-0001-9578-6023; eLibrarySPIN-код: 2864-9951, luzyanin.sergey@mail.ru

Резюме: История расширения «русской Азии» в XVII–XIX вв. связана с формированием трансграничного пространства, вобравшего миграционные потоки и энергетику российской (православной), монгольской (буддийско-кочевой) и китайской (даосско-конфуцианской) цивилизаций. Русские ментально и политически воспринимались монгольской элитой как спасители, а Российская империя – как реальный противовес китайской угрозе поглощения. В XIX – начале XX вв. Монголия, пройдя фазу кратковременного возрождения буддийской монархии Богдо-гэгэна (1911–1919), гражданской войны и установления патерналистских отношений Советской России с монгольскими революционерами, в 1924 г. превратилась в Монгольскую Народную Республику, находившуюся под формальным сюзеренитетом Китая. Международно-правовые «нестыковки» статуса МНР были ликвидированы решениями Ялтинской конференции союзников (февраль 1945 г.), монгольским референдумом с последующим признанием его результатов Чан Кайши в 1946 г. Треугольник «СССР – МНР – Китай» приобрел законченную форму с полным международно-правовым оформлением.

Постсоветские очертания во многом определялись подписанием в 1993 г. российско-монгольского и в 1994 г. монголо-китайского Договоров о дружбе и сотрудничестве, появлением «третьего соседа» – США, Японии, Южной Кореи и др., усилением Китая на торговых и инвестиционных площадках, а также экономическим ослаблением России в Монголии. Запуск китайской инициативы «Один Пояс» обусловил создание в 2016 г. российско-монголо-китайского «коридора», включая транспортную и энергетическую (углеводородную) составляющие. Подписание в 2019 г. российско-монгольского Договора о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве политически укрепило российско-монгольский вектор, усилив общую стратегическую основу треугольника. Монгольский участок в плане увеличения экономической доли Китая и его влияния в целом, остается «слабым звеном» трехсторонней структуры.

В статье анализируются исторические и современные реалии взаимодействий трех государств, российский и китайский компоненты, их политические и финансово-экономические измерения, сильные и слабые стороны двусторонних отношений в треугольнике.

Ключевые слова: Россия, Монголия, Китай, цивилизации, геополитика.

Для цитирования: Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай: исторические и современные трансформации. *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 141–152. DOI: 10.31857/S086919080016633-3

RUSSIA – MONGOLIA – CHINA:
HISTORICAL AND MODERN TRANSFORMATIONS

© 2021

Sergey G. LUZYANIN ^a

^a – National Research University
«Higher School of Economics» (NRU HSE), Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0001-9578-6023; eLibrary SPIN: 2864-9951,
luzyanin.sergey@mail.ru

Abstract: *The history of the expansion of “Russian Asia” in the 17th – 19th centuries is associated with the formation of a transboundary space that has absorbed migration flows and energy of Russian (Orthodox), Mongolian (Buddhist-nomadic) and Chinese (Taoist-Confucian) civilizations. The Russians were mentally and politically perceived by the Mongol elite as saviors. In the 19th–early 20th centuries Mongolia, turned into the Mongolian People’s Republic, which was under the formal suzerainty of China. International legal “inconsistencies” in the status of the MPR were eliminated by the decisions of the Yalta Conference of the Allies (February 1945), the Mongolian referendum followed by the recognition of its results by Chiang Kai-shek in 1946. The triangle “USSR – MPR – China” acquired a complete form with full international legal registration.*

The post-Soviet outlines were largely determined by the signing in 1993 of the Russian-Mongolian and in 1994 the Mongolian-Chinese Treaties of Friendship and Cooperation, the emergence of a “third neighbor”, the strengthening of China on trade and investment platforms. The signing in 2019 of the Russian-Mongolian Treaty on Friendly Relations and Comprehensive Strategic Partnership has politically strengthened the Russian-Mongolian vector, strengthening the overall strategic foundation of the triangle. The Mongolian sector, in terms of increasing China’s economic share and its influence in general, remains the “weak link” of the tripartite structure.

The article analyzes the historical and modern realities of the interactions of the three states, the Russian and Chinese components, their political, financial and economic dimensions, the strengths and weaknesses of bilateral relations in the triangle.

Keywords: Russia, Mongolia, China, civilizations, geopolitics.

For citation: Luzyanin S.G. Russia – Mongolia – China: Historical and Contemporary Transformations. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5. Pp. 141–152. DOI: 10.31857/S086919080016633-3

ВВЕДЕНИЕ. МЕТОДОЛОГИЯ И ГИПОТЕЗЫ

Актуальность заявленной темы, с одной стороны, связана со 100-летним юбилеем официальных российско-монгольских отношений, установленных Советской Россией с монгольскими революционерами в Москве 5 ноября 1921 г., а с другой, – со сложными и противоречивыми современными политическими, торгово-экономическими и гуманитарными реалиями в системе «Россия – Монголия – Китай».

Методологически при анализе проблемы «треугольника» просматривается два концептуальных подхода. Во-первых, базовый историко-цивилизационный, связанный с взаимодействием монгольской (буддийско-кочевой), китайской (конфуцианской), российской (православной) цивилизаций, включая широкое понятие «монгольского мира», его рас-

ширение и сжатие. Разработанная в российском монголоведении концепция монгольской цивилизации и ее места в современных реалиях [Железняков, 2016], позволяет более точно определить цивилизационные российско-монголо-китайские «стыки», их специфику и перспективы существования.

Во-вторых, это «геополитический подход», сформировавшийся в рамках западной теории «монгольского сателлизма», как в жестком [Rupen, 1964], так и в мягком [Lattimore, 1962] ее вариантах в биполярную эпоху, дополненной российскими исследованиями [Гольман, 2001]. Основной посыл большей части западных монголоведов не изменился и сегодня. Он сводится к определяющей внешней детерминанте – эффекту геополитической «зажатости» Монголии от «характера китайско-российских отношений» [Campi, 2004, p. 268–287]. Однако этот подход жестко фиксирован только на российско-китайском факторе и не оставляет места для анализа влияния других страновых («третьего соседа» – США, ЕС, Японии и др.), региональных и глобальных процессов, включая глобализацию.

В рамках этих двух подходов видны сильные и слабые стороны складывавшейся более 400 лет российско-монголо-китайской структуры взаимовлияний, поглощений и конфликтов. В настоящее время особый интерес представляют сложившиеся в 1990-е гг. механизмы взаимодействия трех государств, их эволюция и развитие в 2000-е гг. Основной исследовательский интерес в данной статье сконцентрирован на анализе ключевых «внутренних» процессов в треугольнике, выявлении доминирующих тенденций на перспективу. Можно ли говорить сегодня, что он остается внутренне стабильным и равновеликим, либо речь идет о его системной деформации за счет усиления одного государства?

ИСТОРИЯ РАСШИРЕНИЯ «РУССКОЙ АЗИИ». КИТАЙСКО-МОНГОЛЬСКИЕ СЕГМЕНТЫ В XVII–XX вв.

Во многом история расширения «русской Азии» в XVII–XIX вв. связана с историей формирования границ, которые отделяли российские сибирско-дальневосточные территории от восточноазиатских государств. Речь шла, с одной стороны, об установлении официальных демаркационных линий, а с другой, о формировании широкого трансграничного пространства, вобравшего миграционные потоки и энергетику монгольской (буддийско-кочевой), китайской (даосско-конфуцианской) и других цивилизаций.

Формирование сибирско-монгольского участка Евразии на российско-монгольских рубежах было длительным и противоречивым. Казаки на традиционном русском кураже, войдя в контакт с монгольскими ханами Западной и Северной (Халха) Монголии в XVII в., положили начало созданию огромной зоны российско-монгольского буферного (от Китая) пространства.

Экономический и цивилизационный феномен его заполнения совпал со сменой кода монгольской цивилизации, которая при сохранении кочевой основы, за 200–300 лет из агрессивной, имперско-чингисхановской превратилась в буддийско-ламаистскую. Жестокий воин-захватчик уступил место мирному ламе, бредущему по степи и перебирающему четки. Эта «духовная революция» совпала с китайским административным поглощением Монголии, формально превратившейся в часть Поднебесной. При этом русские, идущие с Севера, ментально и политически воспринимались монгольской духовной и княжеской элитой как спасители, а Российская империя – как реальный противовес китайской угрозе поглощения.

В XIX – начале XX вв. Внешняя (Халха) Монголия, пройдя фазу кратковременного возрождения ламаистской монархии Богдо-гэгэна (1911–1919), гражданской войны и установления патерналистских отношений Советской России с молодыми монгольскими

революционерами, в 1924 г. превратилась в Монгольскую Народную Республику, развивавшуюся в достаточно специфической международной среде, внутренние и внешние контуры которой определялись тремя моментами:

1. МНР формально (де-юре), согласно ст. 5 Советско-китайского договора 1924 г., была частью Китайской Республики, но де-факто оставалась под сильным экономическим, идеологическим и политическим влиянием СССР.

2. Приоритеты советской политики по отношению к МНР до поражения Коминтерна в китайской революции 1925–1927 гг., определялись ценностью китайского революционного движения, которое, как полагали тогда в Москве, может перерасти в революцию мировую. После поражения китайской революции отношения СССР и МНР сконцентрировались исключительно на углублении двусторонней советско-монгольской модели.

3. Усиление угрозы со стороны милитаристской Японии в начале 1930-х гг. еще больше сблизило Улан-Батор и Москву, сформировав советско-монгольскую военную «ось» в 1936 г. (Протокол о взаимопомощи 1936 г.), которая доказала свою эффективность в конфликте с Японией на р. Халхин-гол в 1939 г.

Международно-правовые «нестыковки» статуса МНР были окончательно ликвидированы решениями Ялтинской конференции союзников (февраль 1945 г.), итогами советско-китайских переговоров в Москве в 1945 г. и монгольским референдумом с последующим признанием его результатов Чан Кайши в 1946 г. Треугольник «СССР – МНР – Китай» приобрел законченную на тот период форму с полным международно-правовым оформлением монгольского статуса [Лузянин, 2003].

В 1949 г. победившая в Китае Китайская Коммунистическая партия во главе с Мао Цзэдуном приняла, хотя и не безоговорочно, сложившиеся границы разделения в «треугольнике», включая официальный статус МНР. 4 февраля 1949 г. в беседе советского министра внешней торговли А.И. Микояна с будущим китайским руководителем КНР Мао Цзэдуном последний зондировал возможность включения Внешней Монголии (МНР) в состав китайского государства, когда у власти будут китайские коммунисты. На что получил категорический отказ с пояснением, что «китайское государство, так же, как и советское государство, признало независимость Внешней Монголии... и вряд ли (Монголия) добровольно от независимости откажется» [Телеграмма, 1949].

После 1949 г. китайское руководство периодически поднимало «монгольский вопрос» в форме отдельных эмоциональных высказываний председателя Мао. Однако это не повлияло на реальное изменение сложившегося политико-демаркационного статус-кво между СССР, МНР и КНР. Нормализация советско-китайских отношений в конце 1980-х – начале 1990-х гг., включая вывод советских войск из Монголии, восстановили баланс и стабильность отношений в трехсторонней структуре. Однако распад СССР и монгольская демократическая революция вновь создали условия политической неопределенности взаимоотношений трех государств.

РОССИЯ, МОНГОЛИЯ И КИТАЙ ДО ЭПОХИ «ПОЯСОВ И ПУТЕЙ» (1991 – 2013)

Постсоветские очертания треугольника появились в 1993 и 1994 гг. после подписания соответственно российско-монгольского и китайско-монгольского Договоров о дружбе и сотрудничестве. Договор «О дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией» от 20 января 1993 г. с Россией имел для Монголии ряд особенностей, характерных в целом для той эпохи «десоветизации» и отхода Улан-Батора от союзнических отношений с Москвой. Он снизил уровень взаимодействия с союзнического [Договор, 1966] до отношений «дружественных государств» (ст. 1) [Договор,

1993, с. 19]. В апреле 1994 г. в Улан-Баторе был подписан договор «О дружественных отношениях и о сотрудничестве между Монголией и Китайской Народной Республикой», который стал базовым уже в монголо-китайских двусторонних отношениях.

Позитивным было то, что китайская сторона подтверждала независимость МНР, в то время как в договоре МНР и КНР «О дружбе и взаимной помощи» 1960 г. этот термин отсутствовал. С другой стороны, в монголо-китайском договоре отсутствовал прописанный механизм решения спорных вопросов и положение о неприкосновенности границ. Аналогичный российско-монгольский документ 1993 г. предусматривал разрешение этих чувствительных для монголов вопросов [Родионов, 2009, с. 162].

Особенностью трехсторонних отношений в этот период было их развитие вне китайской мегаинициативы Один пояс и один путь, запущенной в 2013 г. Российско-монгольский и монголо-китайский двусторонние треки развивались тогда в рамках трех ключевых процессов:

- Радикального обновления концепций внешней политики и безопасности Монголии (де-юре и де-факто), включая появление «третьего соседа» – приоритетного, после традиционных России и Китая, партнера (США, Японии, ЕС, Южной Кореи и др.).
- Ухода России из Монголии в начале 1990-х и постепенного возвращения ее в 2000-е гг.
- Апробации Китаем стратегии выдавливания конкурентов с монгольского рынка и формирования своей доминирующей экономической роли.

По оценкам экспертов переломным для Китая стал 1999 год, когда он впервые опередил Россию в объемах внешней торговли с Монголией. На рынке прямых иностранных инвестиций (ПИИ) Китай начал «атаку» в горнодобывающий сектор, ставший ключевым драйвером экономического роста республики. Однако, КНР пока отставала от конкурентов. 80% ПИИ в 2011–2012 гг. составляли инвестиции австралийско-британского ТНК «Rio Tinto» в освоении крупнейшего в мире месторождения меди «Оюу – Толгой» [Макаров, Макарова, Андреев, 2020, с. 85].

Торговое наполнение треугольника «Россия – Монголия – Китай», по монгольским данным, происходило за счет роста российской и китайской долей, но с разными темпами. Монгольский экспорт в Россию с 27 млн долл. в 2005 г. возрос до 77 млн долл. в 2014 г. Соответственно в эти же годы в Китай – с 513 млн долл. до 5073 млн долл. Монгольский импорт из России – с 408 млн долл. (2005 г.) до 1549 млн долл. (2014 г.) и из Китая – с 303 млн долл. (2005 г.) до 1768 млн долл. (2014 г.) [Даваасүх, Цэнддорж, 2019].

Товарная структура монгольского экспорта в Китай состояла в основном из сырьевых товаров и продукции животноводства. 95% приходилось на уголь, медный концентрат, золото, серебро, уран, молибденовые руды. Импортировала Монголия из КНР продукцию обрабатывающей промышленности и машиностроения [Ли, 2020, с. 6]. Структура российского импорта в Монголию отличалась от китайского. Основу (66,3%) составляют минеральное топливо (нефть и нефтепродукты), а также машины и оборудование (9,3%), продовольственные товары (9,2%) [Шурубович, Пылин, 2021, с. 180].

Инвестиционное наполнение треугольника также было ориентировано на китайский «угол». Объем прямых китайских инвестиций с 2003 до 2011 гг. вырос в 27,5 раз и оценивался в 2,9 млрд долл. 68% китайских ПИИ шли в горнодобывающие сектора [Ли, 2020, с. 6]. Общий объем ПИИ составлял в 2011 г. 4,9 млрд долл. В 2012–2013 гг. происходил дальнейший рост китайских инвестиций примерно по 320–350 млн долл. в год.

В этих условиях монгольское руководство, начиная с 2012–2013 гг., предпринимает усилия по регулированию инвестиционного потока за счет поощрения деятельности ком-

паний из Северной Америки, Европы и Японии, которые стали рассматриваться в качестве приоритетных инвесторов. Для них создавались правовые и административно-бюрократические «зеленые коридоры» для входа в стратегические проекты. Попытки же таких китайских компаний, как China Aluminium Company, China Shenhua Energy, Petro China и др. ограничивались или пресекались [Макаров, Макарова, Андреев, 2020, с. 86].

Китайский исследователь Ван Вэйян, анализируя борьбу китайских компаний за «Таван – Толгой»¹ и «Оую – Толгой», отмечает, что несмотря на то, что компания China Shenhua Energy дважды выигрывала тендер в 2011 и 2014 гг., монгольское правительство пересматривало результаты, создавая «дискриминационные условия для Китая». Подобные явления эксперт объясняет массовым «антикитайским сознанием большинства монгольского населения» и его правящих элит [Ван Вэйян, 2017].

В отличие от Китая, Россия после 1991 г. не сталкивалась с массовыми антироссийскими настроениями. В отличие от стран Восточной Европы и Прибалтики, Монголия это – единственное постсоциалистическое государство, в котором полностью отсутствует русофобия как общественно-политическое явление. Другой положительный фактор – наличие трех крупных совместных с Монголией проектов, оставшихся от советского наследия – ОАО ГОК «Эрдэнэт» (49% и 51% соответственно российская и монгольская доли), «Монголросцветмет» (49% и 51%) и ОАО «Улан-Баторская железная дорога» (50% и 50%), а также 768 мелких и средних предприятиях с российским участием [Грайворонский, 2014].

Для российского бизнеса основной фронт инвестиционной борьбы также разворачивался на угольном, медно-молибденовом и урановом направлениях. Борьба шла с переменным успехом, в 2008–2009 гг. был сформирован серьезный пул из капитанов крупного российского бизнеса, в составе компаний «Ренова», «Норникель», «Базовый Элемент», «Интеррос» для борьбы за «Таван – Толгой» и другие проекты. В 2009 г. было подписано соглашение о создании российско-монгольской компании «Дорнод уран» для разведки, добычи и переработки урановых месторождений в Восточной Монголии.

Однако окончательной победы в борьбе за выгодные концессии, включая строительство новых железных дорог достичь не удалось. Налицо были неготовность и нежелание российского бизнеса вести жесткую конкурентную борьбу, сохранение в российских элитах старых иллюзий относительно Монголии, которая «никуда не денется» от России и передаст контрольные пакеты на выгодных ей условиях и др.

Треугольник Россия – Монголия – Китай активно наполнялся китайским экономическим содержанием при вытеснении на периферию российского присутствия. Трехсторонняя структура постепенно превращалась в китайскую. При этом, «третий сосед» (Запад, Япония, Южн. Корея) пытался ограничить китайское доминирование, выступая конкурентом на ресурсных площадках, но полностью остановить «китайский каток» ему не удалось.

ПУТИ, ПОЯСА И КОРИДОРЫ – НОВАЯ ЖИЗНЬ «ТРЕУГОЛЬНИКА»?

Официальная «презентация» председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. в Астане (Казахстан) сухопутного Экономического пояса Шелкового пути и в Джакарте (Индонезия) морской версии Шелкового пути, фактически, открыли новую глобальную эпоху «поясов и путей», вобравшую и российско-монгольское пространство. В мае 2015 г. Москвой и Пекином было подписано соглашение о сопряжении между Россией и Китаем, строившееся на желании сторон совместно развивать и осваивать «Большую Евразию». 24 июня 2016 г. в Ташкенте на полях саммита Шанхайской Организации Сотрудничества президентом РФ В.В. Путиным, председателем КНР Си Цзиньпином и президентом Монголии

¹ Таван Толгой – крупнейшее угольное месторождение на юге Монголии

Ц. Элбегдорчжем была подписана «Программа создания экономического коридора Китай – Монголия – Россия». Рамочный документ обозначил сибирско-монгольский вектор на сопряжение Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и монгольского Степного пути (СТ), включая реализацию 32 проектов в области транспорта, электроэнергетики, таможенного регулирования и др. [Борисов, Дондоков, Намжилова, 2017, с. 103].

Часть сибирских экспертов считала, что коридор являлся некоей альтернативой китайскому ЭПШП [Бадараев, Винокурова, Литвинова, 2017].

На самом деле трехсторонний проект был изначально просчитан китайцами как один из шести основных коридоров Пояса и Пути. Китайские эксперты рассматривают инфраструктурный «треугольник», как некую новую региональную версию не только освоения евразийского пространства, но и подтягивания Автономного района Внутренней Монголии (АРВМ) и двух соседних провинций Северо-Востока КНР к монголо-сибирским ресурсным территориям [У Юньонг, Ванбин Фэн, 2020]. Со стороны Китая явно просматриваются два субрегиональных варианта/версии дальнейшего развития экономического коридора Россия – Монголия – Китай [Янь чжун мэнь, 2019].

Во-первых, это – «хэйлунцзянская модель», основанная на подключении ресурсов данной провинции к российско-монголо-китайскому треку. На региональном уровне в 2018 г. была разработана специальная программа – «Экономический пояс сухопутно-морского Шелкового пути провинции Хэйлунцзян», рассчитанная до 2025 г. и ориентированная на усиление железнодорожного транзита: Владивосток – Суйфэньхэ – Харбин – Маньчжоули – Транссиб [Ставров, 2017, с. 43, 46].

Во-вторых, это – «цзилиньская модель», созданная в провинции Цзилинь в 2018 г. как «План развития вдоль экономического пояса и пути Китая, Монголии и России (2018–2025 гг.)» [Янь чжун мэнь, 2019]. Данный вариант нацелен на совмещение треугольника Россия – Монголия – Китай с преференциальной зоной реки Туманган, где географически стыкуются Россия, Китай и Северная Корея.

В мае 2017 г. во время визита монгольского премьер-министра Ж. Эрдэнэбата в Китай было согласовано монголо-китайское «сопряжение» между китайской инициативой «Пояса и Пути» и монгольским «Степным Путем». Был подписан 21 документ о монголо-китайской транспортной кооперации. При этом в ходе монголо-китайских переговоров первичное официальное название монгольской инициативы «Степной Путь» было изменено на «Путь Развития» [Грайворонский, 2018, с. 52].

Изменение названия либо имени для китайцев никогда не бывает формальным актом. За этим всегда стоит определенный стратегический смысл. В данном случае, скорее всего, монгольская часть сопряжения встраивается в китайскую долговременную стратегию, все очертания которой пока до конца не видны. Ясно, что китайская редакция обусловлена транзитной и геополитической мотивацией.

В апреле 2019 г. в ходе государственного визита Х. Баттулги в Китай программа сопряжения была расширена и уточнена. В частности, были проработаны варианты 1200 км маршрута от Улан-Батор до порта Тяньцзинь (через Внутреннюю Монголию) и 1400 км от г. Чойбалсан (Восточная Монголия) до порта Далянь (через Внутреннюю Монголию и Маньчжурию) [Ulagran, 2021].

В разгар пандемии в феврале 2020 г. монгольский президент еще раз посетил Китай. Кроме «пандемической повестки» – помощи КНР в предоставлении китайских вакцин и других медицинских услуг – основной вопрос переговоров касался текущей монгольской задолженности Китаю по ранее предоставленным льготным кредитам в рамках реализации программы Один пояс и один путь. Китай пошел навстречу Монголии, и 31 июля

2020 г. стороны продлили кредитное соглашение на три года, что частично спасло ее от неминуемого дефолта, однако проблема задолженности сохранилась. В настоящее время в Монголии реализуется на льготные китайские кредиты 17 различных инфраструктурных проектов [Монгол Улс, 2020].

Монгольская мотивация участия в трехстороннем «коридоре» формируется исходя из двух предположений. Во-первых, из желания монгольских бизнес-элит, связанных с внешней торговлей, использовать возросшие в условиях монголо-китайского сопряжения транзитные возможности. Монголия, как известно, не имеющая выходов к морю, рассчитывает на дополнительные экспортные поступления за счет использования морских портов в Тяньцзине и Даляне [Ulagran, 2021].

Во-вторых, из наметившейся смены акцентов в Монголии относительно китайской угрозы. Если до «эпохи поясов и коридоров» существовал негласный межпартийный консенсус монгольских партий относительно экономического вызова Китая в сфере торговли и инвестиций, то в настоящее время, среди отдельных экспертов и политиков все чаще звучит мысль о том, что формирующаяся трансграничная кооперация, в которой Монголии объективно принадлежит ключевая роль связующей территории, не создает таких системных рисков и угроз от Китая, как его инвестиционное проникновение на стратегические месторождения.

Данный подход отчасти оправдан, поскольку объективно основывается на главном китайском приоритете сегодня – реализации мегапроекта Один пояс и один путь. Китайские власти и бизнес уделяют первостепенное внимание новым трансграничным коридорам, выделяя гигантские деньги на модернизацию и строительство дорог, аэропортов, пограничных переходов, мостов, тоннелей и пр.

С другой стороны, на монгольском участке Китай может спокойно расширить повестку монголо-китайского сопряжения, диверсифицировав ее за счет включения инвестиционных направлений, включая горнодобывающую промышленность, как это уже успешно сделано Пекином на пакистанском, киргизском, таджикском и других пунктах великого «Шелкового похода». Поэтому проблема поиска оптимального и безопасного для Монголии соотношения между угрозами и возможностями китайского участия остается чрезвычайно актуальной и долговременной.

Российская мотивация в рамках нынешнего треугольника также во многом обусловлена транспортно-транзитными интересами, она усилена не только достигнутым в 2015 г. российско-китайским сопряжением, но и складывающейся после 2016 г. спецификой положения России на монгольском инвестиционном рынке. В 2016 г. пакеты российских долей акций (49%) в совместных российско-монгольских предприятиях ГОК «Эрдэнэт» и «Монголросцветмет» были проданы монгольской стороне российской госкорпорацией «Ростех». Причинами этого шага были нерентабельность данных предприятий в связи с низкими мировыми ценами на медь и цветные металлы, влияние монгольских «налогов на сверхприбыль», технические сложности взаимодействия российских акционеров с монгольскими и др.

Фундаментальная причина была связана со сложившейся еще в 1990-е гг. неблагоприятной для России стратегией по экспорту меди, медного концентрата, других минералов, ориентированной исключительно на Китай и другие страны, при которой дальнейшее российское участие не изменило бы данную схему, а только усиливало российско-китайский разрыв в горнодобывающем и других минеральных сегментах.

Ключевой приоритет Россия отдает транспортной и энергетической составляющей, опираясь на совместное российско-монгольское предприятие «Улан-Баторская железная дорога» (УБЖД), где сохраняются равные доли (50/50), и российская сторона не собирается

продавать монголам часть своих акций. Россия активно вкладывается в модернизацию дороги и строительство новых веток, связывающих основную магистраль с угольным месторождением Таван – Толгой.

Приоритетом также становится углеводородный (газовый) транзитный вектор. В декабре 2019 г. состоялся визит тогдашнего премьер-министра Монголии У. Хурэлсуха в Россию, в ходе которого был подписан меморандум о взаимопонимании между монгольским правительством и российской компанией «Газпром», создана совместная рабочая группа, а в январе 2021 г. в Монголии образована совместная компания «Союз Восток» для разработки технико-экономического обоснования (ТЭО) и проведения исследовательских работ по маршруту газопровода Сила Сибири-2, который соединит западную и восточную газотранспортную инфраструктуру России, пройдет через монгольские территории во внутренние районы Китая. В апреле 2021 г. разработка и утверждение ТЭО были завершены и стороны приступили к практической подготовке маршрутов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. КУДА ДВИЖЕТСЯ «ТРЕУГОЛЬНИК»?

После выхода системы Россия – Монголия – Китай в 1991 г. на новый политический уровень российский «полюс» в прежнем его виде, традиционно выступавший в качестве противовеса (в период царской России и Советского Союза в годы советско-китайской конфронтации) политическому и экономическому влиянию Китая, полностью исчез. В новом виде он, оформленный российско-монгольским Договором 1993 г., снизившим отношения с союзнического уровня до «добрососедских», уже де-юре и де-факто не мог и не должен был выполнять свои прежние функции, в том числе в качестве главной сдерживающей Китай силы. Эпоха монгольского «сателлизма», как и времена гигантской и безвозмездной помощи монголам закончилась.

Сформировалась обновленная структура, в которой, появился «четвертый угол» – коллективный Запад во главе с США, официально оформленный в монгольской внешнеполитической концепции в качестве «третьего соседа», который неформально противостоял России и Китаю. Регионализация и вхождение Монголии в глобальные и восточноазиатские экономико-интеграционные проекты, включая мировые финансовые и торговые (ВТО) институты, получение большой донорской помощи и др., объективно усиливали позиции «третьего соседа», но не смогли переломить сформировавшуюся в конце 1990-х – начале 2000-х гг. тенденцию усиления КНР в монгольской республике в частности, и в рамках данного «треугольника» в целом.

К чувствительным моментам относится формирующаяся российско-китайская экономическая асимметрия потенциалов, к сожалению, не в пользу России, которая пока компенсируется высоким политическим уровнем стратегического партнерства и доверия РФ и КНР и отчасти влияет на треугольник. После запуска китайского мега-проекта «Один Пояс и Один Путь» произошло дальнейшее усиление экономического влияния КНР на Монголию, особенно в сфере финансово-кредитных отношений.

Запуск китайской инициативы обусловил создание и оформление российско-монголо-китайского «коридора», включая транспортную и энергетическую (углеводородную) составляющие. Монголо-китайское и российско-монгольское звено сопряжения являются органичной частью общей стратегической (евразийской) политики Китая в рамках «Одного Пояса» при полном сохранении двусторонней российско-монгольской и монголо-китайской специфики.

Россия и Монголия пока объективно не могут идти по пути максимальной экономической либерализации и открытости в отношениях с Китаем. Перспективным выглядит

либерализация российско-монгольских опций, включая формирование между Евразийским Экономическим Союзом (ЕАЭС) и Монголией зоны свободной торговли (ЗСТ), а также своеобразное обновление/расширение «треугольника» за счет интеграции Монголии в Шанхайскую Организацию Сотрудничества (ШОС) в качестве ее постоянного члена.

Подписание 3 сентября 2019 г. в Улан-Баторе президентами В.В. Путиным и Х. Баттулгой Договора о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между РФ и Монголией политически укрепило треугольник на российско-монгольском и монголо-китайском векторах, усилив общую стратегическую основу. Монгольский участок в плане увеличения экономической доли Китая на монгольских рынках и его влияния в целом, остается «слабым звеном».

В перспективе, учитывая активизацию администрации Д. Байдена (США) на российском и китайском направлениях, теоретически просматривается американский сценарий создания из Монголии на границах РФ и КНР враждебного Москве и Пекину государства. Данный сценарий, на наш взгляд, маловероятен, поскольку монгольская элита (независимо от партийной принадлежности), хотя и готова принять рекомендации и вести диалог с Вашингтоном, но принципиально не готова пойти на подрыв региональной стабильности в треугольнике и демонтаж стратегического партнерства с северным (Россия) и южным (Китай) соседями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бадараев В.В., Винокурова А.В., Литвинова Т.Н. Создание экономических коридоров «Китай – Монголия – Россия» как альтернатива «Шелковому Пути». 2017 [Badaraev V.V., Vinokurova A.V., Litvinova T.N. Creation of Economic Corridors “China – Mongolia – Russia” as an Alternative to the “Silk Road”. 2017. (in Russian)] https://mgimo.ru/library/publications/sozдание_ekonomicheskikh_koridorov_kitay_mongoliya_rossiya_kak_alternativa_shelkovomu_puti/ (accessed: 23.03.2021).

Борисов Г.О., Дондоков, З.Б., Намжилова В.О. Экономический коридор Китай – Монголия – Россия: режим ожидания. *ЭКО*. 2017. № 5. С. 103 [Borisov, G.O., Dondokov, Z.B., Namzhirova, V.O. Economic Corridor China – Mongolia – Russia: Standby Mode. *EKO*. 2017. No. 5. P. 103 (in Russian)] <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskii-koridor-kitay-mongoliya-rossiya-rezhim-ozhidaniya/viewer> (accessed: 23.03.2021).

Гольман М.И. Западные авторы об отношениях России и Монголии в XX веке. *Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке*. М.: ИВ РАН, 2001 [Golman M.I. Western Authors on the Relations Between Russia and Mongolia in the 20th Century. *Russia and Mongolia: A New Look at the History of Relations in the 20th Century*. Moscow: IOS RAS, 2001 (in Russian)].

Грайворонский В.В. Китайский мега-проект «Экономический пояс Шелкового пути»: место и роль Монголии. *Восточная аналитика*. 2018. № 3. С. 52 [Graivoronskiy V.V. Chinese Mega-project «The Economic Belt of the Silk Road»: the Place and Role of Mongolia. *Eastern Analytics*. 2018. No. 3. P. 52 (in Russian)] <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskiy-mega-proekt-ekonomicheskii-poyas-shelkovogo-puti-mesto-i-rol-mongolii> (accessed: 18.03.2021).

Грайворонский В.В. Монголия: светлые перспективы динамичного развития. *РСМД*. 20 января 2014 г. [Grayvoronskiy V. Mongolia: Bright Prospects for Dynamic Development. *RSMD*. January 20, 2014 (in Russian)] <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mongoliyasvetlye-perspektivy-dinamichnogo-razvitiya/> (accessed: 23.03.2021).

Договор о дружбе и взаимопомощи между СССР и МНР. 1966 *Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Сборник документов*. Т. 2. М., 1979. С. 317–322 [Treaty of Friendship and Mutual Assistance between the USSR and the Mongolian People’s Republic. 1966. *Soviet-Mongolian relations. 1921–1974. Collection of Documents*. T.2. M., 1979. Pp. 317–322 (in Russian)].

Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией от 20 января 1993 г. *Дипломатический вестник*. Москва, 1993. № 2. С. 19 [Agreement on Friendly Relations and Cooperation Between the Russian Federation and Mongolia dated January 20, 1993. *Diplomatic Journal*. Moscow. 1993. No. 2. Pp. 19 (in Russian)].

Железняков А.С. *Монгольская цивилизация: история и современность. Теоретическое обоснование атласа*. М.: Весь Мир, 2016 [Zheleznyakov A.S. *Mongolian Civilization: History and Modernity. Theoretical Substantiation of the Atlas*. Moscow: Ves Mir, 2016 (in Russian)].

Ли С. Приоритетные направления китайско-монгольских отношений в начале XXI века. *Международные отношения*. 2020. № 4. С. 6 [Li S. Priority Directions of Sino-Mongolian Relations at the Beginning of the 21st Century. *International Relations*. 2020. No. 4. P. 6 (in Russian)].

Лузянин С.Г. *Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг.* М.: ИДВ РАН, 2003 [Luzyanin S.G. *Russia – Mongolia – China in the First Half of the 20th Century. Political Relations in 1911–1946*. Moscow: Institute of Far Eastern Studies of the RAS, 2003 (in Russian)].

Макаров А.В., Макарова Е.В., Андреев А.Б. Внешнеэкономические отношения Монголии на современном этапе. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2020. № 7. С. 85, 86 [Makarov A.V., Makarova E.V., Andreev A.B. Mongolia's Foreign Economic Relations at the Current Stage of Development. *Russian foreign economic journal*. 2020. No. 7. Pp. 85, 86 (in Russian)].

Родионов В.А. *Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XX века*. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2009. С. 162 [Rodionov V.A. *Russia and Mongolia: a New Model of Relations at the Beginning of the 20th Century*. Ulan-Ude: Buryat scientific center of the Siberian Branch of the RAS, 2009. P. 162 (in Russian)].

Ставров И.В. Экономический коридор Китай – Монголия – Россия в стратегии социально-экономического развития провинции Хэйлунцзян. *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. 2017. № 2(79). С. 46, 48 [Stavrov, I. V. Economic Corridor China – Mongolia – Russia in the Strategy of Socio-economic Development of Heilongjiang Province. *Customs Policy of Russia in the Far East*. 2017. No. 2 (79). Pp. 46, 48(in Russian)].

Телеграмма. А.И. Микоян – И.В. Сталину. 5 февраля 1949 г. *О политике в национальном вопросе. Об объединении внешней и внутренней Монголии* [Telegram. A.I. Mikoyan – I.V. Stalin. February 5, 1949 *About Politics in the National Question. On the Unification of Outer and Inner Mongolia* (in Russian)]. https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/MikoyanStalin/S-M-100-103.pdf (accessed: 23.03.2021).

Шурубович А.В., Пылин А.Г. Роль России в экономике и внешнеэкономических связях Монголии в современных условиях. *ЭКО*. 2021. № 4. С. 177, 180 [Shurubovich A.V., Pylin A.G. The Role of Russia in the Economy and Foreign Economic Relations of Mongolia in Modern Conditions. *ЭКО*. 2021. No. 4. Pp. 177, 180 (in Russian)].

Ван Вэйян (王惟旻). Куанчань цзыюань фужао дэ Мэнгу, вэйхэ луньло дао цзиньжи чжэ фань тяньди (矿产资源富饶的蒙古, 为何沦落到今日这番田地) (Ван Вэйян. Почему Монголия, богатая полезными ископаемыми, имеет землю, которая принадлежит ей?) [Wang Weiyang: Why did Mongolia, Rich in Mineral Resources, Fall to the Land it is Today? (in Chinese)]. https://www.guancha.cn/WangWeiYang/2017_10_04_429770_2.shtml (accessed: 05.03.2021).

Даваасух Д., Ценддорж Д. *Хятадын эдийн засгийн Монгол улсад узуулэх нолоолол*. Монголбанк Судалгааны ажил «Товхимол-9». 2019 (Даваасух Д., Ценддорж Д. Влияние экономики Китая на Монголию. Банк Монголии Исследовательская работа «Буклет-9» 2019). [Davaasukh D., Tsenddorj D. Impact of the Chinese Economy on Mongolia. Bank of Mongolia Research Work «Booklet-9» 2019 (in Mongolian)]. <https://www.mongolbank.mn/documents/tovhimol/group9/9-05.pdf> (accessed: 18.03.2021).

Монгол Улс Хятадын өрийн хавханд орох хамгийн өндөр эрсдэлтэй орон 2020 оны 9 сарын 25 (Монголия – страна, наиболее подверженная риску попасть в долговую ловушку Китая. 25 сентября 2020 г.) [Mongolia is the Country Most at Risk of Falling into China's Debt Trap. September 25, 2020 (in Mongolian)]. <http://itoim.mn/article/2ejnM/23685> (accessed: 28.03.2021).

У Юньонг, Ванбин Фэн (吴云勇, 王炳峰). *Чжунъэ цюйюй цзинмао хэцзо мяньлинь дэ цзюйюй, цуньцзай дэ вэньти цзи юхуа цзяньи* 2020.08.26. (中俄区域经贸合作面临的机遇、存在的问题及优化建议 2020.08.26). (У Юньонг, Ванбин Фэн. *Возможности, существующие проблемы и предложения по оптимизации китайско-российского регионального торгово-экономического сотрудничества* 2020. 08.26) [Wu Yunyong, Wang Bingfeng. *Opportunities, Existing Problems and Optimization Suggestions for Sino-Russian Regional Economic and Trade Cooperation* 2020. 08.26 (in Chinese)] <http://www.chinaru.info/zhongejmyw/jingmaotegao/61663.shtml> (accessed: 10.04.2021).

Янь чжун мэнь э кайфа кайфан цзинци дайфа чжан гуйхуа (018 нянь – 2025 нянь) 2019. (沿中蒙俄开发开放经济带发展规划 2019. (2018年–2025年)) (План развития экономического пояса и пути Китая, Монголии и России (2018–2025)) [Development Plan along the Development and Opening Economic Belt of China, Mongolia and Russia (2018–2025). 2019 (in Chinese)] http://jldrc.jl.gov.cn/zcfb/zcfg/201907/t20190729_6014824.html (accessed: 10.04.2021).

Campi A. *Mongolia in Northeast Asia – the New Realities. Geopolitical relations between Contemporary Mongolia and Neighboring Asian Countries*. Chinese Culture University, Taiwan, 2004. Pp. 268–287.

Lattimore O. *Nomads and Commissars. Mongolia Revisited*. New York, 1962.

Rupen R. *Mongols of 20th Century*. Mouton: Indiana University Press, 1964.

Ulagpan Y. Belt and Road Initiative: Opportunities and Challenges for Mongolia. *The Asia-Pacific Journal*. 2021. Vol. 19. No. 3 (3). <https://apjif.org/2021/3/Ulagpan.html> (accessed: 10.04.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛУЗЯНИН Сергей Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор Национально-исследовательского университета «Высшая Школа Экономики», Москва, Россия.

Sergey G. LUZYANIN, DSc (History), Professor of the National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080016629-8

ШОС 20 ЛЕТ: ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ И РОЛЬ КИТАЯ

© 2021

Л. В. ШКВАРЯ^а, С. ВАН^б

^а – Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия
ORCID 0000-0001-6653-939X; destard@rambler.ru

^б – Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия
ORCID 0000-0002-7535-7923; sichzhe@163.com

Резюме: В статье анализируется процесс развития Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в историческом аспекте и современное состояние Организации. Организация создавалась как региональное объединение для поддержания стабильности и безопасности. Сегодня Китай активизирует свои попытки нарастить региональное экономическое сотрудничество.

На основе анализа статистических данных ЮНКТАД за 2001-2019 гг. авторы обосновали вывод о том, что экономический потенциал ШОС значительно увеличился. Однако этот рост связан не с торгово-экономическим взаимодействием стран внутри Организации (с интеграционным экономическим процессом), а, во-первых, с расширением состава ШОС, и, во-вторых, с ростом экономик отдельных стран-членов, прежде всего КНР. На взгляд авторов, это предопределяется асимметричностью и несбалансированностью экономического потенциала ШОС в страновом аспекте.

Проведенный авторами анализ подтверждает, что в то же время в ШОС растут доля двусторонней торговли, объемы взаимных (особенно китайских) инвестиций. Межнациональное сотрудничество в отдельных направлениях, например, в сфере транспорта, сельского хозяйства, также имеет мало реальной поддержки на уровне Организации в целом. В то же время имеющиеся успехи стран ШОС в экономической сфере, привлечение значительных иностранных инвестиций и современных технологий, постепенная диверсификация национальных экономик, а также новые инициативы КНР предопределяют углубление экономического взаимодействия, механизмы которого вызывают научный интерес.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения особенностей эволюции ШОС и позиций отдельных стран Организации. Исследование вносит значительный вклад в понимание природы и особенностей процессов экономического сотрудничества и развития в регионе и позиций отдельных стран.

Ключевые слова: ШОС, Китай, Россия, региональное сотрудничество, внешняя торговля, прямые иностранные инвестиции.

Для цитирования: Шкваря Л.В., Ван С. ШОС 20 лет: основные достижения и роль Китая. Восток (Oriens). 2021. № 5. С. 153–167. DOI: 10.31857/S086919080016629-8

SCO 20 YEARS: KEY ACHIEVEMENTS AND THE ROLE OF CHINA

© 2021

Liudmila V. SHKVARYA ^a, Xizhe WANG ^b

^a – Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
ORCID 0000-0001-6653-939X; destard@rambler.ru

^b – Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
ORCID 0000-0002-7535-7923; sichzhe@163.com

Abstract: *The article analyzes the process of development of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) in the historical aspect and its current state. SCO was created as a regional association to maintain stability and security. Today, China is stepping up its efforts to boost regional economic cooperation.*

Based on the analysis of UNCTAD statistics for 2001–2019, the authors justified the conclusion that the economic potential of the SCO has significantly increased. However, this growth is related not to the economic interaction in SCO, but with the expansion, and with the growth of the individual countries' economies, primarily the PRC.

The analysis confirms that the share of bilateral trade and the volume of mutual (especially Chinese) investments in the SCO are growing. International cooperation in certain areas has little real support at the level of the Organization as a whole. At the same time, the existing successes of the SCO countries in the economic sphere, the attraction of significant foreign investment and modern technologies, the gradual diversification of national economies, as well as new initiatives of the People's Republic of China, determine the deepening of economic cooperation, the mechanisms of which are of scientific interest.

The relevance of the study is determined by the need to study the peculiarities of the SCO evolution and the positions of individual countries in SCO. The study makes a significant contribution to the understanding of the nature and features of the processes of economic cooperation and development in the region and the positions of individual countries.

Keywords: SCO, China, Russia, regional cooperation, foreign trade, foreign direct investments

For citation: Shkvarya L.V., Wang X. SCO 20 Years: Key Achievements and the Role of China. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5. Pp. 153–167. DOI: 10.31857/S086919080016629-8

В 2021 г. Шанхайской Организации Сотрудничества исполняется 20 лет. ШОС была создана шестью странами (Россией, Китаем, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном) как «многостороннее объединение для обеспечения безопасности и поддержания стабильности на обширном евразийском пространстве, объединения усилий по противодействию возникающим вызовам и угрозам, активизации торгового и культурно-гуманитарного сотрудничества» [Alimov, б.г.] без целей региональной экономической интеграции. Стоит отметить, что такая же первичная идея была заложена, например, в АСЕАН [Shkvarya et al., 2016], которая предназначалась изначально для решения политических задач – поддержания мира и безопасности в регионе.

При создании ШОС речь шла об устранении территориальных споров между странами-участниками [Шкваря, 2007], о поддержании безопасности на огромной части (более 2/3) территории Евразии, где на 2001 г. проживало порядка 1,5 млрд человек, а сейчас – более чем 3 млрд (табл. 1), о разрешении проблем в различных сферах, касающихся безопасности стран.

Таблица 1.
Основные показатели ШОС в 2001 и в 2019 гг., млн долл. США¹

	2001	2019
Страны-участницы	Российская Федерация, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан (6 стран)	Российская Федерация, Китай, Индия, Казахстан, Киргизия, Пакистан, Таджикистан, Узбекистан (8 стран)
Территория, млн км ²	30,189	34,3
Население, тыс. чел.	1 496 261	3 229 909
% от мирового	24,0	41,6
Совокупный ВВП	1 684 036	19 497 597
% от мирового	5,03	22,2
Совокупный экспорт,	380 455	3 341 439
% от мирового	6,1	17,6
Совокупный импорт,	307 732	2 937 269
% от мирового	4,8	15,2
Совокупный товарооборот	688 187	6 278 708

Источник: составлено и рассчитано по данным UNCTAD.

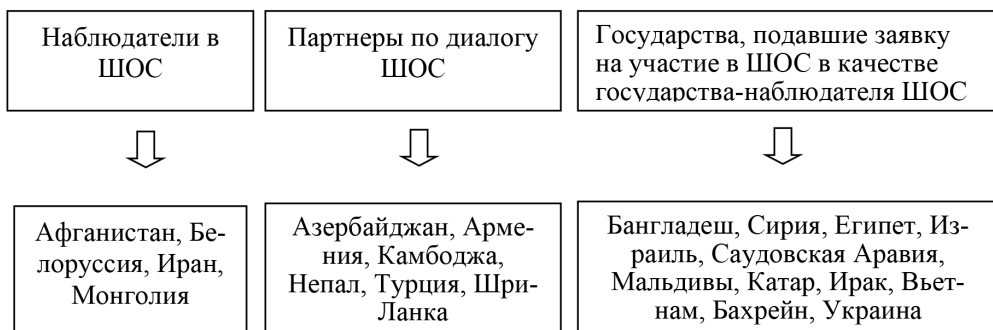

Рисунок 1. Состав ШОС

Источник: составлено авторами.

В 2017 г. членами ШОС стали Индия и Пакистан. Весьма вероятно, что количество стран-участниц увеличится. Сегодня членами организации уже являются 8 государств (в том числе Российская Федерация – крупнейшая по территории в мире, а Китай и Индия традиционно занимают соответственно 1-е и 2-е места в мировых рейтингах по количеству населения).

За 20 лет ШОС прошла большой путь в своем развитии – количественном и качественном. Её присутствие в мире существенно увеличилось (табл. 1), и она стала, по сути, одним из полюсов глобальной экономики.

Помимо этого, 4 страны-наблюдателя, 6 партнеров по диалогу ШОС, а также 12 стран, подавшие заявку на участие в ШОС в качестве государства-наблюдателя (рис. 1), при опре-

¹ Далее – долл. Здесь и далее в текущих ценах по текущему курсу.

деленных условиях могут войти в состав Организации. Это отражает рост интереса к ШОС и, по сути, востребованность организации, а также ее растущую легитимность.

У некоторых исследователей сохраняется неоднозначное отношение к дальнейшему количественному росту ШОС [Колегова, 2013], но, по нашему мнению, расширение ШОС обеспечивает усиление ее геополитических и геоэкономических позиций, а также возможностей развития.

В любом случае можно говорить о том, что влияние ШОС, её авторитет и привлекательность усиливаются, особенно в Азии. Этому содействует и рост экономической мощи Организации.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ШОС

Экономический потенциал ШОС многие исследователи признают значительным [Визарат, 2018], и с этим можно согласиться (табл. 2).

Как видно из табл. 2, в 2001 г. совокупный ВВП ШОС (6 стран) составил 5% от мирового валового продукта, в том числе доля Китая – 4%, России – 0,9%. В 2019 г. совокупный ВВП ШОС (8 стран) вырос до 22,2% мирового ВВП, в том числе 16,2% – вклад Китая и 1,9% – России.

Таблица 2.

ВВП в странах ШОС в 2001–2019 гг., млн долл.

	2001	2010	2015	2017	2018	2019
Китай	1339401	6087192	11015562	12143572	13608152	14227968
Индия				2625091	2779352	3059962,4
Казахстан	22152,69	148047,3	184388,4	166805,8	179340	177636,96
Киргизия	1527,21	4794,362	6678,177	7702,938	8092,834	8436,579
Пакистан				303091,9	282345,6	258323,18
Россия	308800,8	1539845	1366031	1581443	1660514	1701119,4
Таджикистан	1080,899	5642,176	7854,581	7157,83	7522,934	8374,5724
Узбекистан	11074,19	46909,05	81847,41	59159,95	50499,92	55776,763
ВСЕГО ШОС	1684036	7832430	12662362	16894024	18575819	19497597

Источник: составлено и рассчитано по данным UNCTAD.

Таким образом, за исследуемый период стоимостной объём совокупного ВВП ШОС увеличился в 11,6 раза, в том числе ВВП Китая – в 10,6 раз, а в относительном выражении – соответственно в 4,44 раза и в 3,24 раза.

В XXI в. растущее значение для Китая, помимо традиционных факторов [Мельянцева, 2019] приобретает инновационный фактор, в том числе трансфер технологий [Solovieva et al., 2017], а продукция китайской компьютерной промышленности (hardware) получила широкое признание в мире. Она включает в себя производство компьютеров, коммуникационного оборудования (например, мобильных телефонов), электронных компонентов и устройств. Общая выручка отрасли в 2018 г. составила около 2,1 трлн долл. [Innovation, 2019].

При этом, как видно из анализа представленных данных (табл. 2), ВВП Китая в 2019 г. был больше совокупного ВВП остальных стран ШОС в 2,7 раза (в 2001 г. – в 3,9 раза).

Это говорит, с одной стороны, о жесткой дифференциации стран-партнеров по уровню социально-экономического развития, о дисбалансе, что представляет собой одну из проблем Шанхайской организации сотрудничества. С другой стороны, эта дифференциация, возможно, имеет тенденцию к смягчению, особенно с учетом перспектив присоединения к ШОС стран-наблюдателей.

Эта же проблема дисбаланса встает в ШОС и в ракурсе величины подушевых доходов стран-участниц (табл. 3).

Таблица 3.

Динамика подушевых доходов стран ШОС в 2001–2019 гг., долл.

	2001	2005	2006	2010	2015	2016	2017	2018	2019
Китай	1031,0	1717,8	2056,3	4447,1	7830,0	7876,7	8545,7	9531,9	9923,4
Индия	456,4	717,7	805,7	1352,7	1638,6	1726,1	1961,0	2054,8	2239,4
Казахстан	1485,7	3708,7	5208,8	9109,3	10493,3	7698,9	9226,0	9789,5	9575,4
Киргизия	307,7	484,7	553,1	884,2	1120,7	1121,6	1244,5	1283,8	1315,0
Пакистан	501,9	734,3	831,1	972,6	1339,0	1362,9	1457,8	1330,4	1192,8
Россия	2117,5	5369,8	6970,7	10732,2	9421,9	8845,4	10866,8	11394,1	11661,7
Таджикистан	171,1	340,6	408,8	749,5	929,1	802,5	806,0	826,6	898,5
Узбекистан	441,1	646,5	769,4	1645,0	2646,3	2601,0	1851,1	1555,0	1691,1

Источник: составлено и рассчитано по данным UNCTAD.

Из табл. 3, а также рис. 2 видно, что 3 страны ШОС остаются лидерами по показателю подушевых доходов – Россия, Китай и Казахстан (причём последние две страны имеют примерно равные уровни подушевых доходов).

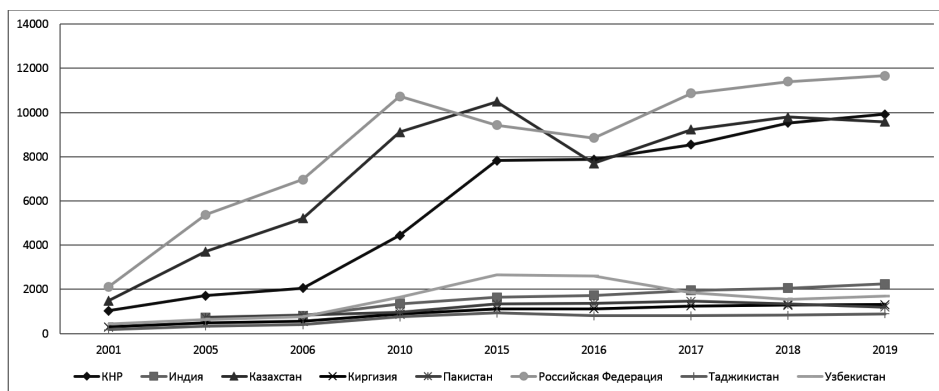

Рисунок 2. Динамика подушевых доходов стран ШОС в 2001–2019 гг., долл.

Источник: составлено и рассчитано по данным табл. 3.

В 2015 г. Казахстан превзошел Россию по этому показателю. Но у обеих стран, а также у Пакистана, Таджикистана и Узбекистана, ВВП на душу населения в разные периоды имеет различную динамику. А у Китая и Индии, наиболее крупных стран мира по населению,

сохраняется на протяжении всего исследуемого периода неизменная тенденция к росту душевых доходов (рис. 2), что представляется жизненно важным для этих стран с учётом численности их населения.

Как видно из табл. 3, ВВП на душу населения в Китае увеличился за исследуемый период в 9,6 раза (у Казахстана и России, соответственно, в 6,4 и 5,4 раза). Средний показатель душевых доходов стран ШОС вырос за исследуемый период с 925,7 долл. в 2001 г. (в России этот показатель был в 2 раза выше, чем в среднем в ШОС) до 4812,2 долл. в 2019 г. (т. е. в 5,2 раза). Это существенно выше, чем в среднем по миру (2,6 раза), что, собственно, отражает качественные процессы, последовательно развивающиеся в ШОС на страновом уровне.

Страны ШОС обладают значительным инвестиционным потенциалом, особенно Китай, Индия и Россия, и, несмотря на заметную дифференциацию по уровню социально-экономического развития, наращивают свои возможности (подчас значительные) в производстве промышленной и сельскохозяйственной продукции.

Стоит отметить, что Китай граничит со всеми странами ШОС, кроме Узбекистана. Узбекистан – с Казахстаном, Таджикистаном и Киргизией, Таджикистан – с Узбекистаном, Киргизией и Китаем, остальные страны имеют общую границу лишь с двумя партнерами по ШОС: Россия граничит лишь с Казахстаном и Китаем, Индия – с Пакистаном и Китаем, а Пакистан – с Индией и Китаем. По мнению Мирового банка, Китай, по сути, стал «центром экономического развития» в Центральной Азии [World Bank, 2016]. Это особенно заметно, если учесть экономическую мощь КНР и количество её населения, а также внешнеэкономические показатели страны и их динамику. Кроме того, для стран Центральной Азии Китай может обеспечить выход к морю, в то время как страны Центральной Азии могут помочь Китаю наладить внутренние коммуникации с Европой и Западной Азией и получать энергоресурсы, так необходимые КНР [Feng, 2019].

ВНЕШНЕТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШОС

Таблица 4.

Динамика экспорта в странах ШОС в 2001–2019 гг., млн долл.

	2001	2005	2010	2015	2017	2018	2019
Китай	266098	761953	1577754	2273468	2263346	2486695	2499457
Индия					299241,4	324778,4	324249,7
Казахстан	8639	27849	59970,8	45955,7	48303,7	60956,2	57308,7
Киргизия	476	672	1755,9	1441,4	1764,3	1836,8	1965,5
Пакистан					21569	23425	23334
Россия	101884	243798	400630	341419	352943	443914	419850
Таджикистан	650	909	1195,3	890,6	1198	1073,3	1250
Узбекистан	2708	4749	11695	9443,2	10079,2	10920,7	14023,8
ВСЕГО, ШОС	380455	1039930	2053001	2672618	2998445	3353599	3341438,8

Источник: составлено и рассчитано по данным UNCTAD.

Активно развивается внешняя торговля ШОС. На долю стран ШОС в 2019 г. пришлось 17,6% мирового экспорта и 15,2% мирового импорта, что, впрочем, ниже доли их

совокупного ВВП в мировом ВВП. Совокупный экспорт ШОС вырос с 2001 по 2019 г. в 8,8 раза, а импорт – в 9,5 раза (см. табл. 1). Этот рост стал результатом преимущественно усилий отдельных стран, прежде всего КНР, а не целенаправленного развития торгово-экономического и инвестиционного интеграционного сотрудничества в рамках ШОС. Динамика экспорта стран ШОС представлена в табл. 4.

Статистические данные подтверждают, что, если в 2001 г. совокупный экспорт ШОС составил 1,8% от мирового экспорта, то в 2019 г. – уже 17,6%. По стоимости экспорт вырос в 8,8 раза. В 2018 г. КНР заняла 1-е место в мире по стоимости экспорта, а её доля – 12,78% в мировом показателе. КНР остается лидером во внешней торговле и в рамках ШОС.

Как видно из табл. 4, экспорт Китая в 2019 г. по стоимости превосходил совокупный экспорт остальных стран ШОС в 3 раза (в 2001 г., соответственно, в 2,4 раза). Доля КНР в совокупном экспорте ШОС в 2001 г. составляла 70%, а в 2019 г. – уже 75% (см. рис. 3), т. е. увеличилась не только в абсолютном выражении в 9,4 раза, но и в относительном, несмотря на рост количества стран-участниц ШОС. Это положение – результат переориентации в последние 10 лет экспорта Китая на продукцию с более высокой добавленной стоимостью.

Доля России в совокупном экспорте ШОС составляла 27% в 2001 г. и 12% в 2019 г. (рис. 3). Таким образом, за эти годы она увеличилась в стоимостном выражении в 4,1 раза и сократилась в относительном более чем в 2 раза.

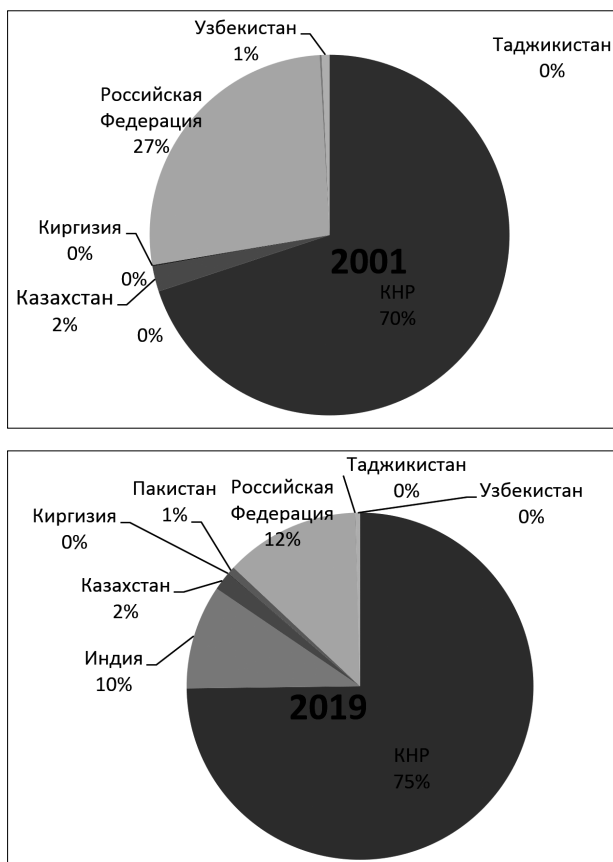

Рисунок 3. Доли стран ШОС в совокупном экспорте в 2001 и 2019 гг., %.

Источник: составлено по данным UNCTAD.

В абсолютных показателях экспорт России в страны ШОС вырос в 4,1 раза, несмотря на санкционное давление, падение цен на нефть, «торговую войну» между США и Китаем [Меланьина, 2018].

Как Россия, так и Китай сохраняют положительное сальдо во внешней торговле. При этом положительное сальдо Китая сокращалось в 2015–2018 гг. и увеличилось в 2019 г. в стоимостном выражении, хотя и не достигло исторического максимума за исследуемый период (2015 г., 593902 млн долл.). Положительное сальдо России сократилось в 2019 г. на 2,25% относительно 2018 г. в результате роста импорта.

Аналогичная ситуация складывается и в сфере импорта (табл. 5).

Таблица 5.

Динамика импорта в странах ШОС в 2001-2019 гг., млн долл.

	2001	2005	2010	2015	2017	2018	2019
Китай	243553	659953	1396247	1679566	1843792	2135748	2078386,4
Индия	50392	142870	350232,8	394131,4	449925	514464,1	486058,52
Казахстан	6446	17353	31106,7	30567,6	29266,1	32533,5	37756,9
Киргизия	467	1102	3222,8	4069,6	4494,7	5292	4903,8
Пакистан	10191	25357,3	37806,9	44168	57746	60078	50349
Россия	53764	125434	248634	193019	238384	248856	254598
Таджикистан	688	1330	2656,9	3435,6	2774,9	3151	3350
Узбекистан	2814	3666	8689,5	11460,5	12035,2	17312,3	21866,5
ВСЕГО, ШОС	317923	834195,3	1728364	1966286	2638418	3017435	2937269

Источник: составлено и рассчитано по данным UNCTAD.

По импорту Китай занимает 2-е место в мире (после США), а удельный вес китайского импорта достиг 10,79% в мировом показателе.

В 2012 г. мировая рецессия не затронула внешнеторговые показатели Китая, в отличие от других стран. Это связано с укреплением позиций Китая на мировом рынке после глобального финансового кризиса. Но в 2015–2016 гг. было зафиксировано и некоторое сокращение китайских внешнеторговых показателей из-за резкого падения объемов мировой торговли, связанных, в том числе и с антироссийскими санкциями [Меланьина, 2018] – главным образом вследствие падения мирового спроса на китайскую продукцию и усиления протекционистских тенденций, зачастую инициированных США.

Участие Китая в деятельности региональных организаций содействует стабилизации социально-экономической динамики и росту внешней торговли. Китай остается важным участником в БРИКС и ШОС, в АСЕАН+3. Кроме того, это участие позволяет Китаю усиливать своё присутствие на рынках стран-партнёров, наращивая свою торговую экспансию.

Следует отметить традиционную несбалансированность внешней торговли прочих стран ШОС, по товарному и географическому признаку – как в целом, так и в страны – партнеры по Организации, а также дисбаланс в торговле стран ШОС на двустороннем уровне.

Во многом аналогичная ситуация складывается и в сфере участия стран ШОС в глобальном инвестиционном процессе (рис. 4).

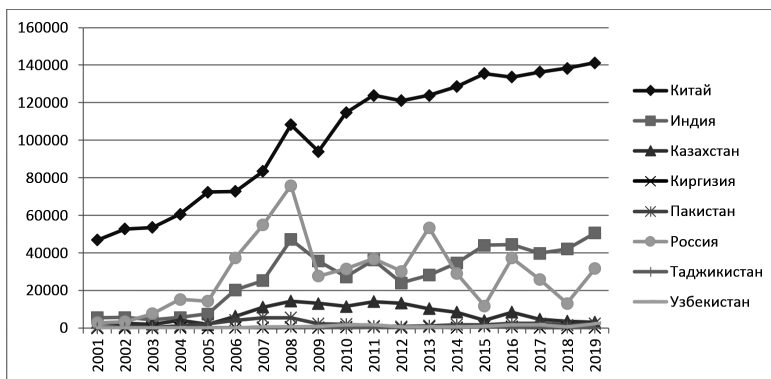

Рисунок 4. Приток ПИИ в страны ШОС в 2001–2019 гг., млн долл.

Источник: составлено и рассчитано по данным UNCTAD.

ШОС остаётся достаточно привлекательным рынком для иностранных инвестиций, хотя и в этой сфере наблюдается дифференциация стран-участниц – как по объёму привлекаемых ресурсов, так и по динамике и тенденциям их привлечения (рис. 4). Так, Китай, оставаясь вторым по значению рынком для глобальных инвестиций в мире (с 2008 г.) сохранил свою привлекательность для иностранных инвесторов, несмотря на «торговую войну» с США и негативные глобальные тренды, отмеченные в этой сфере. Можно согласиться с тем, что «важнейшими характеристиками мирового потока прямых иностранных инвестиций в условиях глобальной нестабильности... выступают его высокая волатильность и неустойчивость, а также значительная дифференциация как по регионам мира и по странам, так и по динамике странового рейтинга» [Чиниев, 2020, с. 38].

ПИИ, привлечённые в Россию, в 2019 г. более чем удвоились относительно 2018 г., причём одним из крупнейших инвесторов в РФ оказался Китай, который занял по этому показателю второе место после Германии.

ДВУСТОРОННЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ШОС

Развивается и экономическое сотрудничество стран-участниц ШОС на двустороннем уровне, так как, по мнению некоторых исследователей, евразийский континент тяготеет к внутриконтинентальной торговле [Salitskii et al., 2017]. И это очень важно и интересно для России, для Китая, для Индии. В этом смысле ШОС, по нашему мнению, – это площадка как конкуренции, так и консенсуса. Этот подход (консенсус) представляется наиболее перспективным и плодотворным для всех стран.

Двустороннее сотрудничество в рамках ШОС развивается по ряду направлений, одним из которых остаются прямые иностранные инвестиции. ПИИ КНР, как одного из крупнейших мировых инвесторов, в экономики стран ШОС в 2005–2019 гг. представлены в табл. 5. Они выросли за исследуемый период в 4,5 раза.

Из табл. 5 видно, что крупнейшим реципиентом китайских ПИИ остается Россия, хотя в последние 5 лет их объем сократился; 2-е место занимает Казахстан с еще более заметным сокращением притока китайских ПИИ. Индия и Пакистан, наоборот, наращивают ПИИ из Китая.

Китай поощряет, и с определенным успехом, развитие инфраструктуры, призванной облегчить торговлю с Центральной Азией, а также развитие и стабилизацию ситуации в Синьцзяне. Соответственно инвестиционный аспект сотрудничества будет еще более

востребован в перспективе. Если говорить о торговле, то крупнейшим экспортёром товаров во все страны ШОС, кроме Казахстана, также остается Китай, который последовательно наращивает своё присутствие на национальных рынках стран ШОС (рис. 5), что для Китая остаётся жизненно важным аспектом.

Таблица 5.
ПИИ КНР в страны ШОС в 2005–2019 гг., млн долл.

Страна	2005–2009	2010–2014	2015–2019	ИТОГО
Россия	6 190	15 720	11 950	33 860
Казахстан	9 900	7 690	1 480	19 070
Пакистан	960	3 370	10 570	14 900
Индия	1 800	500	12 450	14 750
Прочие страны	0	1 300	790	2 090
ИТОГО	18 850	28 580	37 240	84 670

Источник: составлено на основе: [Scissors, 2001].

Индия, как видно из рис. 5, – это крупнейший на 2019 г. экспортный рынок Китая среди партнеров по ШОС, 3-е место занимает Пакистан – с 2014 г.

Россия же остается на 2-й позиции, с резким сокращением присутствия китайских товаров на своих рынках в 2014 г. и при росте с 2016 г. российского импорта в целом, объём которого, однако, не достиг на 2019 г. максимального уровня, зафиксированного в 2013 г.

Падение стоимостного объёма экспорта Китая в Россию и центрально-азиатские страны ШОС в 2014 г. было связано с усилением нестабильности национальных валют этих стран к юаню и доллару, а также российскому рублю, что, в свою очередь, было вызвано антироссийскими экономическими санкциями западных стран.

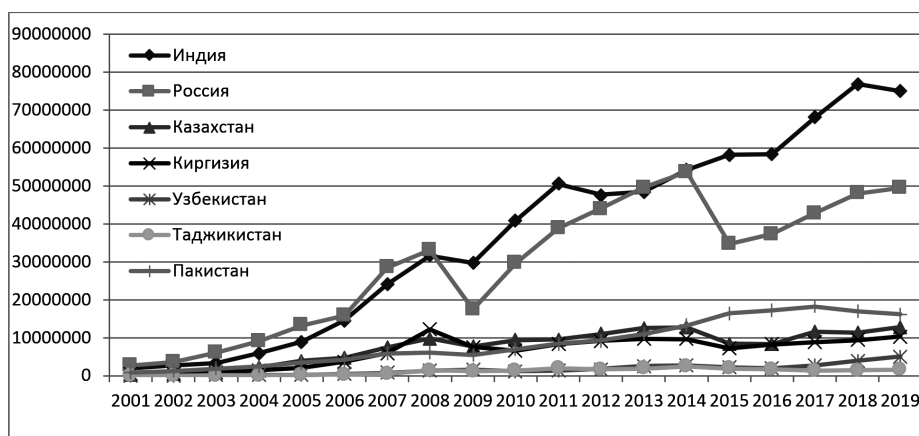

Рисунок 5. Товарный экспорт Китая в страны ШОС в 2001–2019 гг., млн долл.

Источник: составлено по данным UNCTAD.

Двусторонняя торговля Китая с другими странами ШОС, особенно центрально-азиатскими, не столь велика, но её объёмы имеют устойчивую тенденцию к росту. При этом анализ китайско-центрально-азиатской торговли отражает рост роли Китая как поставщика

готовой продукции, а стран Центральной Азии – как поставщиков сырья. В приграничных районах КНР, особенно в Синьцзяне, были построены мини-заводы и фабрики по переработке поступающего сырья из стран Центральной Азии сырья для последующего его экспорта обратно в Центральную Азию [Ibraimov, 2009].

В результате главной проблемой остаётся заполнение национальных рынков Таджикистана, Узбекистана, Киргизии и Казахстана китайскими товарами и, как следствие, деградация пищевой, машиностроительной, строительной и лёгкой промышленности этих стран. Следует также признать, что за пределами сырьевых секторов страны Центральной Азии, включая Казахстан, абсолютно неконкурентоспособны по сравнению с Китаем. При этом есть ощущение, что Китай совершенно не заинтересован в развитии экономик этих стран в аспекте восстановления созданного здесь в советские времена производства и тем более – в инновационном его развитии [Solovieva, 2020].

Для Казахстана, который остаётся важным рынком для стран ШОС, главный экспортёр товаров в этой группе государств – Россия. Это связано, в том числе с историческими аспектами, а также с развитием интеграционного процесса в рамках ЕАЭС (из стран ШОС в ЕАЭС входят Казахстан, Киргизия и Россия), отсутствием таможенного тарифа между странами-участницами ЕАЭС и установлением единого таможенного тарифа для стран-участниц. В то же время Китай, как и Россия, существенно нарастил свой экспорт в Казахстан за исследуемый период – в 39 и в 5,1 (!) раза, соответственно, оставаясь основными партнёрами по импорту для Казахстана (табл. 6).

Таблица 6.

Динамика экспорта стран ШОС в Казахстан, в 2001–2019 гг., тыс. долл.

	2001	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	Изменение, раз
КНР	327718,7	3896752	9320401	8441241	8292321	11564443	11326581	12816910	39,1
Инд.	54450,9	90256,3	146211,5	168372	125026,1	118499,9	138586	193684,4	3,6
Кир.	43512,9	132466	235490,4	229541,9	240782,5	279307,8	252140,4	302400,2	6,9
Пак.	7101,1	9967,6	5921,1	12843,88	24528,7	70441,07	86898,84	83207,99	11,7
РФ	2778015	6533853	10690358	10301606	10727516	13844260	12923331	14286933	5,1
Узб.	115010,2	283222,6	731464,5	724597,3	748593,7	936172,2	1328576	1341535	11,7
Тадж.	359,5	16004,9	17129,5	68454,7	91606,8	139678	104218,6	48603,1	135,2

Источник: составлено и рассчитано по данным UNCTAD.

Так, в 2001 г. на долю России и Китая в совокупности приходилось 53% всего импорта Казахстана, а в 2019 г. – 61,7%. Другие страны ШОС также существенно увеличили свое присутствие на рынке Казахстана, в том числе Таджикистан – в 135,2 раза. Интересно отметить, что экспорт Индии и Пакистана в Казахстан резко вырос по итогам 2018 г. – первого года членства этих стран в ШОС, в то время как у остальных стран ШОС (кроме Узбекистана) имело место его падение относительно предыдущего года.

На эти процессы существенное влияние оказывает глобальная ситуация (кризисы, санкции, пандемия), что отражается на объёме товарооборота.

На двустороннем уровне между странами ШОС, несмотря на географическую близость, длительную историю хозяйственного взаимодействия, определенную взаимодополняемость национальных экономических систем сохраняются и внутренние противоречия. Для Китая, например, это отчасти связано с проблемами провинции Синьцзян [Хэ, 2018].

На двустороннем уровне Китай установил со всеми странами Центральной Азии ряд «стратегических партнёрств», полные названия которых, тем не менее, свидетельствуют о строгой градации отношений. С Казахстаном партнёрство называется «стратегическим», это самый высокий уровень, и Казахстан также является наиболее чувствительным государством по причинам, связанным с его географической близостью, с тесными связями, которые существуют с Синьцзяном, но также с потенциалом сотрудничества в области энергетики.

С другими республиками условия гораздо менее «стратегические». С Кыргызстаном существует «партнёрство добрососедства и дружественного сотрудничества», с Узбекистаном – «партнёрство дружественного сотрудничества», с Таджикистаном – «партнёрство добрососедства и дружественного сотрудничества, направленное на XXI век». Интересно отметить, что с Туркменистаном, не входящим в ШОС, Китай установил «отношения дружественного сотрудничества на XXI век на основе равенства и общих интересов» [Niquet, 2006].

Политика Китая в отношении Центральной Азии обнаруживает способность к адаптации, гибкость и прагматизм. Всё это делает принятие решений и развитие торгово-экономического сотрудничества в ШОС на двустороннем уровне достаточно дифференцированным, особенно если учесть, что для Китая вопрос о расширении сферы влияния на регион Центральной Азии остается актуальным как минимум с 1991 г. Центральная Азия представляется сегодня не только рынком сбыта китайской продукции, выходящим за пределы приграничной торговли, но и источником энергоснабжения, значение которого для Китая значительно возросло.

Также за 20 лет количественно и качественно выросло и трёхстороннее сотрудничество в рамках ШОС, в том числе – со всё более активным втягиванием в эти процессы стран-наблюдателей. Так, подписана программа создания Экономического коридора Монголия – Россия – Китай, которая далеко выходит за транспортную составляющую трёхстороннего экономического взаимодействия.

Таким образом, внутренние и внешние факторы (причем роль последних неуклонно возрастает, что подтверждает и глобальная пандемия COVID-19, начавшаяся в 2020 г. и создающая ряд проблем в регионе) оказывают разнонаправленное влияние на развитие экономического сотрудничества.

Более того, среди некоторых исследователей даже есть точка зрения, что Китай создал Экономический пояс Шелкового пути (ЭПП) из-за неудачных попыток реализации «экономического измерения» ШОС [Лузянин, 2016].

Однако вместе с положительными эффектами, растет и негативное воздействие влияния мировой экономики на социально-экономическую динамику стран ШОС и их внешнеэкономическую сферу, включая и двустороннее сотрудничество, в результате роста волатильности глобальной экономической активности, усиления протекционистских тенденций, учащения случаев применения экономических санкций, и даже пандемии. Следовательно, для обеспечения стабильного социально-экономического роста странам ШОС важно приступить к разработке мер защиты от имеющихся и потенциальных угроз, которые могут нарушить этот процесс.

Поэтому есть все основания полагать, что в ближайшие годы ШОС может предпринять ряд шагов по практическому раскрытию заложенного в ней экономического потенциала в рамках многостороннего экономического интеграционного сотрудничества. В этом случае важно оценить имеющиеся риски и создать механизмы их нивелирования.

ВЫВОДЫ

Развитие ШОС за истекший период представляется весьма впечатляющим, однако главным образом – благодаря индивидуальным усилиям стран-партнеров. Имели место количественный и качественный рост Организации, включая её авторитет и значимость в Азии и в мире. Более того, Организация представляется неким регионом относительной стабильности.

Можно отметить, что сотрудничество в сфере экономики между государствами-членами ШОС на двустороннем и трёхстороннем уровне оказалось достаточно успешным, несмотря на сохранение торговых и инвестиционных дисбалансов (включая рост присутствия Китая на рынках стран Центральной Азии, Монголии и др., в том числе – в их стратегических сегментах), а также имеющейся конкуренции на рынке стран-участниц и третьих стран. При этом многие из таких дисбалансов вызваны объективными факторами – величиной экономического потенциала и соответствующих возможностей (и потребностей) государств, а ряд – глобальными, включая разноплановое внешнее экономическое давление на страны-участницы и государства, имеющие статус наблюдателя в ШОС. Присутствует, конечно, и некоторая разноплановость интересов стран-участниц ШОС. Однако в условиях роста глобальной нестабильности активизируется и актуализируется задача развития международного многостороннего хозяйственного взаимодействия в рамках ШОС.

При этом механизм экономического сотрудничества в рамках ШОС на региональном уровне в настоящее время не проработан, и существуют только декларации стран-участниц в этой сфере.

Изучение имеющихся документов ШОС, содержащих экономическую составляющую, позволяет сделать следующие выводы.

Лейтмотивом служит следующий подход: страны ШОС стремятся «добиваться сопряжения национальных стратегий развития и усиливать координацию своих торгово-экономических программ, ... формированию благоприятного инвестиционного и делового климата, реализации долгосрочных взаимовыгодных проектов в приоритетных направлениях сотрудничества и развитию инфраструктуры» [Ташкентская декларация, 2016];

Инициатива КНР о создании Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) зачастую рассматривается как один из инструментов формирования благоприятных условий для развития регионального экономического сотрудничества и реализации тех интересов внешнеторговой экспансии Китая в регион, которую сдерживает невозможность (пока) формирования зоны свободной торговли в ШОС, т. е. беспошлинного перемещения товаров КНР в страны Центральной Азии и РФ.

Региональное экономическое сотрудничество осуществляется на уровне проектов, отдельных отраслей экономики и/или направлений (сельское хозяйство, телекоммуникации, энергетика, таможенная и финансовая сферы, международные автомобильные перевозки, цифровая экономика) и отвечает интересам устойчивого экономического развития в регионе в целом.

В ШОС нужна предсказуемая многосторонняя торговая система, включающая расширение взаиморасчетов в национальных валютах стран-участниц. В целом можно утверждать, что развитие интеграционных процессов в экономической сфере в ШОС (при грамотной проработке условий) соответствует как интересам всех стран и объединения, так и росту их взаимодействия с третьими странами, что особенно важно в условиях продолжающейся мировой рецессии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Визарат Ш. Экономический потенциал и проблемы на пространстве ШОС. *Актуальные проблемы развития Шанхайской организации сотрудничества*. М., 2018. С. 98–101 [Vizarat Sh. Economic Potential and Problems in the SCO Space. *Actual Problems of the Development of the Shanghai Cooperation Organization*. Moscow, 2018. Pp. 98–101 (in Russian)].
- Колегова О.Ю. ШОС как инструмент региональной интеграции: проблемы расширения. *Вестник МГИМО*. 2013. №1 (28). С. 249–253 [Kolegova O.Y. SCO as an Instrument of Regional Integration: Expansion Problems. *MGIMO Review of International Relations*. 2013. No. 1 (28). Pp. 249–253 (in Russian)].
- Лузянин С.Г. Связанные одним поясом. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2016. Т. 9. № 6. С. 41–59 [Luzyanin S.G. Bound by One Belt. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2016. No. 9 (60). Pp. 41–59 (in Russian)].
- Меланьина М.В. Влияние санкционных ограничений на динамику внешней торговли России. *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*. 2018. № 11 (117). С. 4 [Melanyina M.V. Influence of Sanctions Restrictions on the Dynamics of Foreign Trade in Russia. *Management of economic systems: scientific electronic journal*. 2018. No. 11. Pp. 4 (in Russian)].
- Мельянцев В.А. КНР и США: кто кого: сравнение основных параметров экономического развития. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 8. С. 5–14 [Meliantsev V. A. The PRC and the USA, Who is Winning: a Comparison of the Main Parameters of Economic Development. *Asia and Africa Today*. 2019. No. 8. Pp. 5–14 (in Russian)].
- Ташкентская декларация пятнадцатилетия Шанхайской Организации Сотрудничества, 2016* [Tashkent Declaration of the fifteenth Anniversary of the Shanghai Cooperation Organization, 2016 (in Russian)] <http://rus.sectesco.org/documents/> (accessed 23.04.2021).
- Хэ М. Синьцзян: экономическая история, современность и борьба с международным терроризмом. *Россия и Азия*. 2018. № 2 (3). С. 37–44 [He M. Xinjiang: Economic History, Modernity and the Fight Against International Terrorism. *Russia and Asia*. 2018. No. 2 (3). Pp. 37–44 (in Russian)].
- Чиниев Д.Б. Пандемия против глобальных инвестиций: реалии 2020 года. *Россия и Азия*. 2020. № 3 (12). С. 36–43 [Chiniev J.B. Pandemic vs the Global Investments: Realities 2020. *Russia and Asia*. 2020. No. 3 (12). Pp. 36–43 (in Russian)].
- Шкваря Л.В. Шанхайская организация сотрудничества: современная специфика интеграционных процессов. *Вестник Российской таможенной академии*. 2007. № 1. С. 103–111 [Shkvarya L.V. Shanghai Cooperation Organization: Modern Specifics of Integration Processes. *The Russian Customs Academy Messenger*. 2007. No. 1. Pp. 103–111 (in Russian)].
- Alimov R. *The Role of the Shanghai Cooperation Organization in Counteracting Threats to Peace and Security*. <https://www.un.org/en/chronicle/article/role-shanghai-cooperation-organization-counteracting-threats-peace-and-security> (accessed 23.04.2021).
- Feng Yu. China's Strategy Towards Central Asia: Interests, Principles and Policy Tools. *Bulletin of St. Petersburg State University. International relations*. 2019. Vol. 12. Is. 1. Pp. 23–39.
- Ibraimov S. China-Central Asia Trade Relations: Economic and Social Patterns. *The China and Eurasia Forum Quarterly*. 2009. Vol. 7. Is. 1. Pp. 47–60.
- Innovation, Economic Development, and Intellectual Property in India and China. Comparing Six Economic Sectors*. Ed. L. Kung-Chung, Uday S. Recherla. Singapore, 2019.
- Niquet V. China and Central Asia. *China Perspectives [Online]*. 2006. No. 67. <https://journals.openedition.org/chinaperspectives/1045> (accessed 23.04.2021)
- Salitskii A. I., Zhao X., Yurtaev V. I. Sanctions and Import Substitution as Example by the Experience of Iran and China. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2017. Vol. 87. Is. 2. Pp. 205–212.
- Scissors D. *China's Coming Global Investment Recovery: How Far Will It Go?* January 14, 2021. <https://www.aei.org/research-products/report/chinas-coming-global-investment-recovery-how-far-will-it-go> (accessed: 25.04.2021).

Solovieva Yu.V., Chernyaev M.V., Korenevskaya A.V. Transfer of Technology in Asian-Pacific Economic Cooperation States. Regional Development Models. *Journal of Applied Economic Sciences*. 2017. Vol. XII. Is. 5. Pp. 1473–1484.

Solovieva Yu.V. Asian Technology Transfer in the Context of Global Instability. *Socio-economic Problems of the Regions in the Context of Global Instability*. Moscow, 2020. Pp. 151–162.

Shkvarya L.V., Strygin A.V., Rusakovich V.I. Geo-economic Factors of an Intensification Development of Laos in Association of Southeast Asian Nation Conditions. *International Review of Management and Marketing*. 2016. Vol. 6. Is. 6. Pp. 121–125.

World Bank, 2016. *The Impact of China on Europe and Central Asia*. <https://documents.worldbank.org/pt/publication/documents-reports/documentdetail/136351467990956476/the-impact-of-china-on-europe-and-central-asia> (accessed 23.04.2021).

UNCTAD https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en (accessed 23.04.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шкваря Людмила Васильевна – доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии Российского университета дружбы народов, директор Центра азиатских исследований РУДН, Москва, Россия

Lyudmila V. Shkvarya, Dsc (Economics), Professor of the Department of Political Economy of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Director of the Center for Asian Studies, RUDN, Moscow, Russia.

Ван Сичжэ – аспирант кафедры политической экономии Российского университета дружбы народов, Москва, Россия

Xizhe Wang, post-graduate student of the Department of Political Economy of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

АФРИКА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

DOI: 10.31857/S086919080016634-4

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ ОБ УЧАСТИИ ТАНЗАНИЙСКИХ НАРОДОВ
И ВОЖДЕЙ В РАБОТОРГОВЛЕ XIX В.¹

© 2021

О.В. ИВАНЧЕНКО^a

^a – Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-4343-9844; ayleen@yandex.ru

Резюме: Статья написана на основе результатов полевых исследований, проведенных в Танзании в 2018-2020 гг. А.А. Банщиковой, О.В. Иванченко и В.Н. Брындиной. Исследование было посвящено историческим воспоминаниям танзанийцев об арабо-суахилийской работорговле XIX в., а также возможному влиянию этой печальной страницы истории на современные межэтнические отношения в стране. Было собрано более 160 формальных и неформальных интервью на английском и суахили в Дар-эс-Саламе, Багамойо, Каоле, Танге, Пангани, на Занзибаре и в нескольких других населенных пунктах. Поиск информантов для интервьюирования проходил с учетом соблюдения репрезентативности выборки по уровню образования, полу, возрасту, конфессии, этнической принадлежности.

В данной статье рассматривается такой частный вопрос, как участие танзанийских вождей в работорговле. Респондентам задавались вопросы о том, участвовали ли вожди и местные народности в данном бизнесе; если да, то какие и в каком качестве, какова была их мотивация; сказываются ли возможные воспоминания об этом на современных отношениях между различными народами Танзании.

Было выяснено, что у танзанийцев нет негативного отношения к местным народам и вождям, участвовавшим в работорговле; более того, их участие довольно часто представляется как вынужденное (из страха перед арабами, обладавшими более современным оружием, либо в результате уловок и обмана с их стороны). При этом об участии арабов в работорговле известно гораздо более широко, в отношениях между афро- и арабо-танзанийцами наличествуют некоторые трения, в том числе связанные с историей. Вызывает интерес, что при ответе на вопросы об известных танзанийских лидерах, участвовавших в работорговле, респонденты часто вспоминали вождей, известных сопротивлением германской колонизации. Для танзанийцев история сопротивления колониальным властям и обретения независимости остается намного более важной и актуальной, чем воспоминания о работорговле.

Ключевые слова: Танзания, работорговля, межэтнические отношения, вожди, историческая память.

Для цитирования: Иванченко О.В. Культурная память об участии танзанийских народов и вождей в работорговле XIX в. *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 168–179. DOI: 10.31857/S086919080016634-4

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ 20-09-00361 «Культурная память об арабской работорговле XIX века и ее влияние на межэтнические отношения в современной Танзании».

PARTICIPATION OF TANZANIAN TRIBES AND TRIBAL CHIEFS
IN THE 19th CENTURY SLAVE TRADE

© 2021

Oksana V. IVANCHENKO ^a^a – Institute for African Studies, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-4343-9844; ayleen@yandex.ru

Abstract: *This article summarizes the results of three field studies conducted in Tanzania in 2018–2020 by A.A. Banshchikova, O.V. Ivanchenko and V.N. Bryndina. The research focused on Tanzanians' memories about the 19th century Arab-Swahili slave trade and its possible impact on the contemporary interethnic relations in the country. More than 160 formal and informal interviews in English and Swahili were taken in Dar es Salaam, Bagamoyo, Kaole, Tanga, Pangani, Zanzibar and several other locations. The choice of informants was carried out maintaining representativeness of the sample by the education level, gender, age, confession, ethnicity.*

This article highlights the participation of Tanzanian chiefs in the slave trade. Respondents were asked whether tribal chiefs and tribes took part in this business; which tribes and chiefs were involved; what was their motivation; do these memories affect nowadays interethnic relations in Tanzania.

It turned out that Tanzanians do not express negative attitude towards local tribes and chiefs involved in the slave trade; moreover, their involvement is often presented as enforced (due to the fear of Arabs, who possessed more modern weapons, or as a result of their dishonesty). Meanwhile, the engagement of Arabs in the slave trade is well known; there are some tensions in the relations between Afro- and Arab-Tanzanians, including those related to history. Talking about renowned persons involved in the slave trade, respondents often named chiefs famous for resisting German colonization. For them the story of resistance to colonial rule and gaining independence remains much more important than the memory of the slave trade.

Keywords: Tanzania, slave trade, interethnic relations, chiefs, historical memory.

For citation: Ivanchenko O.V. Participation of Tanzanian Tribes and Tribal Chiefs in the 19th Century Slave Trade. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5. Pp. 168–179. DOI: 10.31857/S086919080016634-4

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-00361.

Данная работа написана по итогам трех сезонов полевых исследований, посвященных изучению исторической памяти об арабской работорговле XIX в., проведенных А.А. Баншиковой, О.В. Иванченко и В.Н. Брындиной в 2018–2020 гг. в ряде населенных пунктов Танзании (Дар-эс-Салам, Багамойо, Каоле, Пангани, Танга и Занзибар и других). В ходе исследований было собрано более 160 формальных и неформальных интервью на английском и суахили, многие из которых были глубинными. Помимо общих вопросов о том, что респонденты знают о работорговле (например, кем были работорговцы, куда вывозили рабов и т.д.), и вопросов, призванных выявить возможное влияние данной ситуации на современные межэтнические отношения в стране, в интервью присутствовали вопросы об участии местных вождей в работорговле: какие именно вожди и народы известны в данном отношении, какова была мотивация их участия как это повлияло на современные отношения между разными народами Танзании.

АРАБО-СУАХИЛИЙСКАЯ РАБОТОРГОВЛЯ XIX в. НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ТАНЗАНИИ

На территории Африки, как и на территории современной Танзании, работорговля велась веками. Уже во втором веке нашей эры рабов из Африки вывозили в Египет, а в более позднее время они направлялись в Персию, Аравию, Индию и Китай, где использовались в качестве солдат, домашних слуг и рабочих [Law 1967, p. 183; Ofcansky, Yeager, 1997, p. 167]. Отношения рабства, патернализма, личной зависимости были неотъемлемой чертой большинства африканских обществ. Существуют ранние доколониальные свидетельства рабовладения у *берберов* Марокко и Алжира, *туарегов* Сахары, *эфиопов*, *египтян* и *сомалийцев*, *волоф* Сенегала и Гамбии, *лози* Замбии, а также среди народов *ньямвези* и *чагга* Танзании и оманских арабов прибрежных районов Восточной Африки [Bezemer et al., 2014, p. 5]. В доколониальную эпоху местными народами часто совершались рейды на территории соседей с целью захвата рабов; также рабами становились военнопленные и преступники; рабы могли быть получены в качестве дани, уплачиваемой завоеванными народами; иногда в рабство обращались свободные люди за долги [Iliffe, 1979, p. 17; Lovejoy et al., 1979, p. 19; Bezemer et al., 2014, p. 7]. Во времена голода вожди начинали активно заниматься набегами с целью захвата рабов, которые впоследствии обменивались на продовольствие [Gueye, 1979, p. 152].

То есть работорговля и сам институт рабства – феномен, возникший в Африке не в результате воздействия внешних сил (прибытия арабов, европейцев); многие ученые полагают, что именно существование автохтонных форм рабства и зависимости стало важной предпосылкой для дальнейшего вовлечения местных народов в «экспортную» работорговлю [Gueye, 1979, p. 150; Bezemer et al., 2014, p. 5].

В раннее Новое время работорговля велась в основном из внутренних районов бассейна Замбези (Мозамбик) и контролировалась португальцами. В XVIII в. французы основали плантации сахарного тростника на территории Маврикия (Иль-де-Франс) и Реюньона (Бурбон), которые нуждались в рабочей силе в больших объемах, чем могло предоставить местное население. В результате спрос на рабов повысился: большая часть поступала туда из Мозамбика, примерно четверть поставляла Килва [Gerbeau, 1979; Ogot, 1979, p. 177; Klein, 2005, p. 1384].

В первой половине XIX в. на Занзибаре и Пембе появились обширные плантации гвоздики, кокосов и зерна, которые требовали еще большей рабочей силы, чем плантации Маскаренских островов. Их владельцами были в основном оманские арабы, а также местные суахилийские дельцы с континента. Султан Сеййид Саид, правитель Маската, Омана и Занзибара, перенес столицу из первого в последний; в его правление остров стал ведущим мировым поставщиком гвоздики и крупнейшим невольничьим рынком Восточной Африки [Collins, 2006, p. 339]. Помимо удовлетворения нужд Занзибара и Пембы, рабов вывозили в Аравию, страны Персидского залива, Персию, Индию, на острова Реюньон, Маврикий, Мадагаскар, на Коморы и Сейшелы [Shepherd, 1980, p. 75; Austen, 1988, p. 21; Alpers, 2005, p. 7].

Арабы стремились во внутренние районы Танганьики с целью добычи рабов, со временем местные правители также включились в этот процесс. В обмен на рабов они хотели получить огнестрельное оружие, чтобы расширить свои территории и захватывать еще больше рабов. То есть, по сути, африканские вожди довольно часто стали выступать как посредники арабских купцов в работорговле [Овчинников, 1986, с. 70].

Через территорию Танганьики проходило три основных маршрута, по которым двигались караваны со слоновой костью и рабами. Центральный маршрут начинался в городе

Уджиджи на побережье озера Танганьика (регион Кигома), проходил через нынешние области Кигома, Тabora, Сингида, Додома, Морогоро и заканчивался в Саадани, Винде, Багамоё (область Пвани), Дар-эс-Саламе и Мбвамаджи (область Дар-эс-Салам) [Sheriff, 1988; Sheriff, 2005]. Северный маршрут начинался у озера Виктория и доходил до Момбасы (на территории современной Кении), Танги и Пангани (область Танга); южный маршрут вел от южной границы озера Малави до Килвы (область Линди) [Rockel, 2006, p. 5]. Как правило, работоторговлей занимались те народы Танганьики, через территории которых пролегли данные маршруты.

НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫЕ ПРАВИТЕЛИ ТАНГАНЬИКИ И ИХ СВЯЗЬ С РАБОТОТОРГОВЛЕЙ

Историки Танзании используют записки европейских путешественников и миссионеров как свидетельства участия местных вождей в работоторговле. Разумеется, эти источники имеют все недостатки мемуарной литературы: субъективность персонального восприятия, порой неглубокое погружение в описываемую реальность, возможные ошибки из-за недостаточного понимания происходящего в экзотическом регионе, в котором говорят на чужом языке. Помимо этого, существует устная традиция, также не всегда отражающая реалии, но достаточно широко распространенная среди современных танзанийцев. Хотелось бы привести краткие описания биографий самых известных вождей, вовлеченных в работоторговлю, и впоследствии сравнить исторические свидетельства с ответами наших респондентов.

Самым известным работоторговцем и рабовладельцем региона можно назвать Хамада бин Мухаммада аль-Мурджаби по прозвищу Типпу Тип (1837–1905)². Он был смешанного арабо-суахилийского происхождения. Ему удалось победить в войне с западными вождествами Увинза и Угалла (современные области Кигома и Катави соответственно) и создать собственную торговую империю в восточном Конго; он был одной из важнейших политических фигур региона [Brode, 1907; Laing, 2017].

Одним из самых важных местных вождей, вовлеченных в работоторговлю, являлся правитель народа *ньямвези*, основатель вождества Урамбо (современный регион Тabora) Мтиэла Касанда, более известный как Мирамбо (1840–1884), что различные авторы переводят как «идуший по трупам», «по бедра в трупах» или просто «трупы» [Unomah, 1977, p. 13; Piffé, 1979, p. 62; Овчинников, 1986, с. 81]. Ему удалось создать самое большое по площади государство в Восточной Африке XIX в. [Unomah, 1977, p. 45]. На западе его влияние распространялось почти до озера Танганьика, на севере – до озера Виктория и на юге – до территории рядом с озером Руква (подр. см.: [Bennet, 1971; Unomah, 1977]). Мирамбо контролировал наиболее важные торговые пути Центральной Африки, по которым вывозили слоновую кость и рабов. Благодаря торговле с европейцами он приобрел огнестрельное оружие и создал армию *руга-руга*, состоящую из молодых воинов, не имевших семей, из числа военнопленных, беглых рабов и дезертиров из караванов [Piffé, 1979, p. 61].

В период борьбы Танзании за независимость политики времен Джулиуса Ньерере воспринимали Мирамбо как националиста и ярого защитника африканского суверенитета. На собрании историков-африканистов в Дар-эс-Саламе в 1965 г. партия ТАНУ перефразировала одну из военных песен Мирамбо, «*Ohoo, chuma kimevunja kichwa*» (пер. суахили: «Ооо, железо разбило голову»), в строки «*Ohoo, TANU uajenga nchi*» (пер. суахили «ТАНУ строит страну»), ставшую практически вторым национальным гимном [Kabeya, 1976, p. ix–xi]. Впоследствии, однако, отношение к Мирамбо стало двойственным: некоторые считали

²Прозвище связано со звуком передергивания затвора винтовки перед выстрелом, так как он отличался большой жестокостью.

его олицетворением жестоких и травматичных потрясений доколониальной эпохи, в том числе потому, что он был одним из крупнейших работорговцев Восточной Африки, что не соответствовало романтическим идеям Ньерере о гармоничном африканском прошлом [Reid, 2019, p. 1050].

У Мирамбо был известный союзник, представитель королевской семьи Ньяньембе, вождь народа *кимбу*, Ньонгу-йя-Мавэ (?–1884), что означает «горшок из камня», т.е. горшок, который никогда не сломается. Он также командовал армией *руга-руга* и был известен своей жестокостью. Ньонгу-йя-Мавэ завоевал земли к югу от Укимбу (современная область Сингида) – местность, бывшую важным источником слоновой кости, но разделенную на отдельные мелкие вожества [Pliffe, 1979, p. 64]. Ньонгу-йя-Мавэ начал оспаривать арабское господство в Уняньембе и на центральных торговых путях в то же время, когда Мирамбо строил свое государство дальше на севере. Как и Мирамбо, Ньонгу успешно использовал внутренние противоречия между таборскими арабами, вступая с ними в сражения и на время успешно блокируя важные торговые пути.

На территориях *ньямвези* был еще один выдающийся вождь, также стремившийся к контролю над торговлей слоновой костью и рабами на центральном маршруте, – Исике (?–1893), правивший королевством Уняньембе (современный регион Тора) с 1876 г. Правление Исике можно условно разделить на два периода: первые годы были охарактеризованы борьбой за утверждение власти и попытками обуздания влияния арабов; в дальнейшем Исике и его королевство однозначно заняли доминирующую позицию со значительным влиянием за пределами Уняньембе и на большей части центральной и западной Танзании. С середины правления Исике позиции арабов в его королевстве сильно ослабли, арабским торговцам приходилось платить высокие пошлины за вербовку носильщиков и проезд караванов через территорию Уняньембе.

До второй половины девятнадцатого века *яо* жили в районе к востоку от озера Малави, со временем успешные торговцы стали устанавливать владычество над территориями, в том числе с помощью работорговли [Alpers, 1966, p. 2; Lovejoy, 2012, p. 229]. Вероятно, у *яо* до XIX в. не было династий вождей как таковых, однако в связи с экономическими изменениями в XIX в. они появились. Величайшими из вождей-основателей династий были Матака, Маканджила, Мпонда, Кавинга, Джаласи и Матипвири, каждый из них достиг славы и могущества благодаря торговле и набегам, сохраняя доминирующее положение с помощью военной мощи [Alpers, 1969, p. 413]. Самым известным из вождей был Матака I (1806–1879), который, отделившись от вожества матери, основал свой собственный клан. Сначала Матака и его последователи стали плести корзины и обменивать их на железные мотыги. Впоследствии они стали покупать рабов за мотыги, чтобы расширить клан. Вскоре Матака начал совершать набеги на соседние племена с целью захвата рабов, плетение корзин было оставлено, он воевал со всеми землями *яо* и в конце концов стал верховным правителем [Alpers, 1969, p. 414].

В записях христианского миссионера УМСА³ Джонсона Уильяма Персиваля Джонсона сообщается, что ему пришлось спешно покинуть территорию *яо* после того, как британцы освободили половину каравана рабов вождя, а тот, в свою очередь, посчитал миссионера виновным ([Johnson, 1925, p. 54], цит. по: [Alpers, 1975, p. 184]).

Также был известен вождь народа *самбаа* на севере нынешней Танзании (регион Танга), при котором королевство Усамбара достигло своего расцвета [Pliffe, 1979, p. 65], Кимвери-йе-Ньюмбаи (?–1862). Его помнят как самого могущественного правителя империи Килинди, поскольку ему удалось расширить королевство от горы Килимаджаро до прибрежной зоны между Тангой и Пангани [Feierman, 1968, p. 8; Lipschutz, Rasmussen, 1986, p. 108].

³UMCA – Universities Mission to Central Africa.

Начиная с 1840-х гг., он стал активно конкурировать с другими вождями за ружья и порох [Biginagwa 2012, p. 73]. Часто в обмен на оружие и боеприпасы продавали рабов из числа бунтовщиков, людей, обвиняемых в колдовстве, и военнопленных. Впоследствии Кимвери издал указ о том, что продавать соплеменников в рабство можно и за серьезное воровство [Feierman, 1990, p. 56, 89]. Со временем многие вожди заменяли смертные приговоры для соплеменников на продажу в рабство, в частности, для обвиняемых в колдовстве; наказание иногда распространялось и на родственников обвиняемого [Iliffe, 1979, p. 50].

Еще одним знаменитым вождем был Мквава, правитель народа *хехе* из региона Иринги. В ходе полевого исследования респонденты часто упоминали его в числе вождей, занимавшихся работоторговлей, однако нам не удалось найти свидетельств, связывающих его с этим бизнесом. Мквава бы известен тем, что воевал против Мирамбо и Ньюнгу-йя-Мавэ, арабских торговцев, состоял в союзе с Исике [Iliffe, 1979, p. 57]. Но больше всего он прославился ожесточенным сопротивлением немецким войскам, пришедшим на территорию *хехе* в 1891 г. Армия Мквавы, вооруженная в основном копьями, а не огнестрельным оружием, несколько раз наносила поражения немцам. В 1894 г. столица Мквавы Каленге была атакована, форт взят, однако он сумел бежать и перешел к партизанским военным действиям. 19 июля 1898 г. немецкие солдаты нашли его убежище, и Мквава застрелился, чтоб избежать казни. Его череп был вывезен в Германию и хранился в музее Бремена; в 1954 г. он был возвращен в Танганьiku и поступил на хранение в мемориальный музей Мквавы в Каленге (подр. см.: [Redmayne, 1968; Fischer, 2016]).

УЧАСТИЕ МЕСТНЫХ ВОЖДЕЙ В РАБОТОТОРГОВЛЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РЕСПОНДЕНТОВ

Информанты, которые рассказывали об участии местных вождей в работоторговле и их помощи арабам, проводили несколько повторяющихся из интервью в интервью идей. Первая – что без помощи «на местах» пришельцы-арабы не смогли бы вести свой бизнес успешно. Приведем ряд высказываний.

«Эти люди, арабы, они приходили за рабами. Но здесь не их территория, они должны были связаться с местными. Кто-то из местных вроде “большого человека”, верховного вождя. Надо было заплатить что-нибудь верховному вождю, после чего он разрешал им пройти», – сказал мусульманин, *ширази* с Занзибара.

«У тех людей, которые были торговцами, – у арабов – были свои специальные люди, которые ходили в деревню ловить рабов. Арабы обычно обращались к вождям, когда приезжали в деревню, а вожди им помогали. В те времена они [африканцы] жили в страхе, даже боялись выйти из деревни, потому что знали, что их поймут и поработят», – сообщил пожилой работник церкви со средним образованием.

Вторая важная мысль касалась безусловного авторитета вождя: если у него была договоренность с арабами, то те люди, которых он определял, должны были уйти с ними.

«Когда человек хотел купить человека... Он шел к вождю; не к верховному вождю вроде Мквавы, а к помощникам на местах. Все делалось очень, очень тайно, людей покупали за большие деньги и увозили. У проданных не было прав, если вождь говорил: “Иди!”, они соглашались. Им нечего было возразить – когда вождь приказывал, ему нельзя было сопротивляться», – рассказал сотрудник Мемориальной академии Мвалиму Ньерере, *хехе*.

«У нас вождества. В Африке, когда папа говорит что-то, то это закон в доме. Когда вождь говорит что-то – это закон в сообществе. Так что, если вождь приказывает – вы, юноши, и вы, девушки, [должны идти]... Хотя юношей выбирал вождь, а девушек – хозяйка. Но юношей выбирал вождь, потому что он был очень сильным и мог делать, что хотел...

Послушание: они все подчинялись правителю», – отметил молодой человек с высшим образованием, *маньема-хехе*.

Следующий блок, вычленимый в ответах респондентов, связан с представлениями о возможной мотивации вождей. Большинство информантов сходятся во мнении, что прежде всего это была возможность получения выгоды и прибыли, причем зачастую речь шла не о деньгах, а о желанных товарах: одежде, бусах, зеркалах, браслетах, стеклянной посуде.

«Да, лидеры, это были люди, которые все организовывали, им иногда платили деньги. Арабы и европейцы, они иногда приходили с одеждой, они давали местным лидерам одежду, а те им – рабов», – сказала девушка *самбаа*, учащаяся в колледже.

«Это [работоторговля] скорее походило на обмен в бизнесе. Они [работоторговцы] берут здесь рабов, сильных, тех, кто им понравится, а взамен дают вождю что-нибудь. Например, зеркала, чтоб увидеть себя, следить за лицом, такие вещи. В те времена зеркала казались настолько важными по сравнению с людьми, которых отдавали в рабство», – сообщил молодой человек, учащийся в колледже в Багамою.

«Арабы и иностранцы из других стран никогда не брали в рабство людей с побережья, потому что, когда они высаживались с лодки, они хотели быть в безопасности. Они старались вести себя дружелюбно, хорошо обращались с жителями побережья, но у них было много вещей... Подарков, как одежда, ружья, зеркала, ожерелья, бусины – у них это все было. Они говорили с вождем с побережья, а он говорил со своими людьми. Они [вожди] шли вглубь континента и говорили с местными вождями. ... Они вместе организовывали своих людей в поход для захвата пленников из маленькой деревни. То есть арабы и другие торговцы не ходили напрямую сами, чаще всего они оставались на побережье», – отметил молодой занзибарец.

Огнестрельное оружие упоминается респондентами реже, хотя исторически как раз оно являлось основным товаром для обмена на рабов. Наличие современного огнестрельного оружия укрепляло силу того или иного вождя и его народа, позволяло гораздо успешнее вести войны с соседями и таким образом захватывать еще больше рабов, а также продавать в рабство военнопленных. Но это не единственный способ укрепления власти вождя как следствие участия в работоторговле: помимо военнопленных, в рабство часто отправляли преступников и политических противников из числа соплеменников, что также отмечалось респондентами:

«Некоторые [продавали людей] из своего племени, особенно людей, которые считались... которые плохо себя вели в сообществе, они были изгнаны, проданы в рабство, они были проданы, чтобы избежать [неприятностей]», – рассказал молодой человек с высшим образованием из Дар-эс-Салама.

«Арабы нанимали вождей в качестве посредников, то есть источника получения людей для поддержания бизнеса. ... В основном они [вожди] использовали эту возможность как политическое преимущество, потому что племена соперничали. Всякий раз, когда была битва, победившее племя забирало сильных людей [из побежденных], потом вождь продавал врагов. Так что это использовалось для получения политических преимуществ. Но, с другой стороны, они продавали и собственных людей! Потому что местный вождь всегда знает, в каком доме живет сильный мужчина, а где живет слабый», – отметил во время экспертного интервью преподаватель университета в Дар-эс-Саламе.

«[Они продавали своих людей], потому что хотели избавиться от них, а не сажать в тюрьму, которой у них не было. Или убивать [нарушителей], что они редко делали, хотя в некоторых сообществах такое бывало. Но иногда им было гораздо проще продать этих людей, чтоб они ушли с караваном и исчезли: уходи вместе со своими проблемами!», – сказал немолодой шахтер, *паре-луо*.

В качестве другой возможной мотивации респонденты указывали на страх перед арабами. У них было современное огнестрельное оружие; отказ от сотрудничества с ними мог привести к неприятностям для самого вождя и его народа. Один из респондентов рассказал нам семейную историю о том, что его прапрадед был вождем *гого*, но однажды к нему пришли арабы в поисках рабов. Большинство вождей окрестных деревень согласились отдать своих людей, поскольку у арабов были ружья, но он отказался. Тогда арабы взяли его и его людей силой и отвели в Пангани. Там, по словам респондента, есть большой дом, в котором держали рабов в ожидании покупателей-немцев (*sic*). Вскоре его прадед последовал за караваном тайком, чтоб узнать, куда отвели пленников. Он прошел весь путь от Додомы до Пангани пешком, после чего вернулся домой и рассказал семье, что случилось с отцом – вождем, который отказался продавать своих людей.

«Когда вы идете к вождю, вы говорите: “Вождь, вот что вам нужно сделать”. Если вы не согласитесь, то они убьют вас и вашу семью... Да, вы можете быть из одного племени и делать плохие вещи только для того, чтобы спасти свою жизнь. Да, но даже в разных племенах были вожди, которые не хотели продавать людей из Танзании, они продавали из-за страха», – подытожил свой рассказ респондент-*гого*.

При этом некоторые танзанийцы верят в то, что вождей обманывали, предлагая им подарки и прося «одолжить» соплеменников для сопровождения и помощи с грузами. Но уходившие с караваном арабов, не возвращались, потому что были проданы.

«Итак, людям [работорговцам] были нужны люди в помощь. Но когда они уходили, то в итоге не возвращались. Когда они снова пришли за людьми, их спросили: “Где те люди, которые ушли с вами раньше? Где наши мужья, где наш папа?”. Вот тогда и стала понятна проблема. Да, они начали драться, кто-то начал сопротивляться, потом наконец догадались использовать силу [против работорговцев]», – сообщил молодой ювелир, *чагга*.

«Они часто не говорили, что собираются продать людей, они говорили, что все честно. Просто понесите мой багаж, у меня его много, я сам не могу донести, так что приведите мне ваших людей, они очень сильные, они могут помочь донести багаж из внутренних районов континента на побережье. А потом мы им заплатим, и они вернуться. Но когда они уходили, их в итоге продавали, вот и все. Позже вожди осознали: “Мы много людей послали на побережье, они не вернулись”. Они поняли, что ведется нечестная игра, и прекратили. Тогда арабы стали устраивать засады, захватывать деревни силой. Но раньше этого не было, из-за менталитета. Люди им доверяли и думали, что ушедшие вернуться», – сообщил гид из Багамою.

ПЕРСОНАЛИИ ИСТОРИИ РАБОТОРГОВЛИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В Таблице 1 подсчитано общее количество упоминаний того или иного деятеля за три сезона полевого исследования; каждый респондент мог называть любое количество персоналий.

Верхние две позиции в таблице (с отрывом в пользу первой) занимают Типпу Тип и султан Занзибара Сеййид Саид. Обращают на себя внимание следующие факты: а) в представлении респондентов главные акторы работорговой истории «базируются» на Занзибаре (Сеййид Саид там проживает; Типпу Тип имеет дом, существующий и наше время, также он похоронен на острове; через Занзибар ведется экспорт рабов либо они остаются на островах архипелага для работы на плантациях); б) и этнически, и культурно, и в религиозном плане оба они соотносятся с арабскими элементами на территории Танганьики, оманской миграцией и властью (султан напрямую представляет династию Бусаидов); в) их участие

в работорговле исторически достоверно и широко освещено в танзанийских школьных учебниках, в экспозициях музеев и в научно-популярной литературе.

Далее в таблице следует блок «Мквава – Мирамбо – Абушири» со значительным количеством упоминаний. Для Мквавы и Абушири нет исторических свидетельств, указывающих на связь с работорговым бизнесом (по крайней мере, на данный момент нам их обнаружить не удалось). Для Мирамбо они есть, но знаменит он прежде всего созданием сильного государства и борьбой с усилением арабского влияния на центральных торговых путях. Однако можно сказать и другое: все трое – самые известные деятели Танганьики; Мквава и Абушири широко известны как герои сопротивления германской колонизации. Если посчитать общее количество упоминаний для деятелей, связанных с работорговлей, и для тех, кто выделился в борьбе против немцев, то будет видно, что респонденты упоминали первых примерно в два раза чаще (что логично), однако массив ответов из второй группы также остается существенным: 41 упоминание из 135, чуть меньше трети. Из 15 упомянутых исторических личностей всего 6 связаны только с работорговлей, 9 (считая Мирамбо и Исике) известны борьбой с силами, которые воспринимались и воспринимаются до сих пор как чужеземцы, это арабы и немцы.

Таблица 1

Общее количество упоминаний того или иного деятеля за три сезона полевого исследования

Имя	N	Чем известен
Типпу Тип	42	Крупнейший работорговец региона; араб-суахили
Сейид Саид	25	Султан Занзибара, оманский араб; напрямую связан с работорговлей
Мквава	20	Вождь хехе, боролся с германской колонизацией
Мирамбо	16	Вождь ньямвези, связан с работорговлей, боролся с арабами
Абушири	12	Лидер антигерманского восстания
Кимвери	5	Вождь самбаа, связан с работорговлей
Исике	4	Вождь ньямвези, связан с работорговлей, боролся с арабами и с германской колонизацией
Султан Мангунгу	3	Правитель Усагары, подписавший «договор вечной дружбы» с К. Петерсом
Манги Мели	2	Вождь чагга, боролся с германской колонизацией
Абдаллах Фундикира III	1	Последний вождь ньямвези при независимости
Бвана Хери	1	Один из лидеров антигерманского восстания Абушири
Киниджикитиле Нгвале	1	Зачинатель и один из лидеров антигерманского восстания маджи-маджи
Мтеми Мазенго (Киголе)	1	Вождь гого, боролся с германской колонизацией
Мкама Ндуме	1	Правитель Пембы XV в.
Ньюнгу-йа-Маве	1	Вождь кимбу, связан с работорговлей

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, рассмотрение персоналий истории работорговли подтверждает выводы, сделанные по другим вопросам и материалам полевого исследования (см. подр.: [Banshchikova, Ivanchenko, 2019; Банщикова, Иванченко, 2020 (1); 2020 (2); Банщикова и др., 2020]). Для танзанийцев история сопротивления колониальным властям и обре-

тения независимости намного важнее и актуальнее, нежели воспоминания о работорговле. По сути, именно с истории борьбы за независимость и начинается национальная история Танзании. Политики поколения Джулиуса Ньерере пытались представить работорговлю как часть более длительного управления страной внешними силами, включая европейский колониализм [Giblin, 2005, p. 32]. Довольно часто при разговоре о событиях XIX в. у респондентов происходила подмена дискурса с работоргового на колониальный, они снова вспоминали сопротивление колонизаторам и историю борьбы за независимость, хотя интервью велось только про работорговлю. Примечательно, что за три сезона полевого исследования на вопрос о том, испытывают ли танзанийцы какие-либо негативные чувства по отношению к вождям или народам, которые помогали работорговцам, сами участвовали в продаже африканцев, соплеменников или представителей других народностей, ни один респондент не дал положительного ответа. Не удалось обнаружить ни малейшего «напряжения» во «внутренних» межэтнических отношениях в связи с работорговлей, хотя такое «напряжение» фиксируется и является достаточно существенным для «внешних» межэтнических отношений в Танзании, а именно отношений афро- и арабтанзанийцев как в связи с работорговой историей, так и «по касательной» от нее в связи с некоторыми современными реалиями [Банщикова, 2021].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Банщикова А.А., Иванченко О.В. Воспоминания об арабской работорговле и межэтнические отношения в современной Танзании: между семейной травмой и государственной политикой толерантности. *Антропологический форум*. 2020 (1). № 44. С. 83–113 [Banshchikova A.A., Ivanchenko O.V. Memories of the Arab Slave Trade and Interethnic Relations in Modern Tanzania: between Family Trauma And State Policy of Tolerance. *Forum for Anthropology and Culture*. 2020(1). No. 44. Pp. 83–113 (in Russian)].

Банщикова А.А., Иванченко О.В. Конец арабской работорговли XIX века в представлениях христиан и мусульман современной Танзании. *Stratum plus*. 2020(2). № 6. С. 349–359 [Banshchikova A.A., Ivanchenko O. V. Abolition of the 19th Century Arab Slave Trade in the Views of Christians and Muslims of Modern Tanzania. *Stratum plus*. 2020(2). No. 6. Pp. 349–359. (in Russian)].

Банщикова А.А., Брындина В.Н., Иванченко О.В. Представления о географии арабской работорговли XIX в. в современной Танзании: результаты полевого исследования. *Восток (Oriens)*. 2020. № 1. С. 82–93 [Banshchikova A.A., Ivanchenko O.V., Bryndina V.N. Perception of Geographical Destinations of 19th Century Arab Slave Trade in Modern Tanzania: Field Research Results. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 1. Pp. 82–93 (in Russian)].

Банщикова А.А. Танзания. Современное рабство, межэтнические отношения и групповая репрезентация арабов. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 5. С. 59–65 [Banshchikova A.A. Tanzania. Contemporary Slavery, Interethnic Relations and Group Representation of Arabs. *Asia and Africa Today*. 2021. No. 5. Pp. 59–65 (in Russian)].

Овчинников В.Е. *История Танзании в новое и новейшее время*. М.: Наука, 1986 [Ovchinnikov V.E. *History of Tanzania in the Early Modern and Modern Periods*. Moscow: Nauka, 1986 (in Russian)].

Alpers, E.A. *The Role of the Yao in the Development of Trade in East-Central Africa*. PhD thesis. SOAS University of London, 1966.

Alpers E.A. Trade, State, and Society Among the Yao in the Nineteenth Century. *The Journal of African History*. 1969. Vol. 10. No. 3. Pp. 405–420.

Alpers E.A. *Ivory and Slaves in East Central Africa. Changing Patterns of International Trade to the Later Nineteenth Century*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1975.

- Alpers E.A. Introduction: Slave Routes and Oral Tradition in Southeastern Africa. *Slave Routes and Oral Tradition in Southeastern Africa*. Ed. Zimba B., Alpers E.A., Isaacman A.F. Maputo (Mozambique): Folsom Entertainment, 2005. Pp. 1–12.
- Austen R.A. The 19th Century Islamic Slave Trade from East Africa (Swahili and Red Sea Coasts): A Tentative Census. *Slavery and Abolition*. 1988. Vol. 9 (3). Pp. 21–44.
- Banshchikova A., Ivanchenko O. Historical Memory of the 19th-Century Arab Slave Trade in Modern-Day Tanzania: Between Family Trauma and State-Planted Tolerance. *The Omnipresent Past. Historical Anthropology of Africa and African Diaspora*. Ed. D.M. Bondarenko, M.L. Butovskaya. Moscow: LRC Publishing House, 2019. P. 23–45.
- Bennett N.R. *Mirambo of Tanzania, 1840–1884*. Oxford University Press, 1971.
- Bezemer D., Bolt J., Leninsk R. Slavery, Statehood, and Economic Development in Sub-Saharan Africa. *World Development*. Elsevier, 2014. Vol. 57(C). Pp. 148–163.
- Biginagwa T. Historical Archaeology of the Nineteenth-Century Caravan Trade in Northeastern Tanzania: a Zooarchaeological Perspective. *Azania Archaeological Research in Africa*, 2012. 47(3). Pp. 405–406.
- Brode H. *Tippoo Tib, The Story of His Career in Central Africa, Narrated from His Own Accounts*. London: Edward Arnold, 1907.
- Collins R.O. The African Slave Trade to Asia and the Indian Ocean Islands. *African and Asian Studies*, 2006. Vol. 5. Issue 3–4. Pp. 325–346.
- Feierman S. The Shambaa. *Tanzania before 1900*. Ed. A. Roberts. Nairobi: East African Publishing House for the Historical Association of Tanzania, 1968. Pp. 1–16.
- Feierman S. *Peasant Intellectuals: Anthropology and History in Tanzania*. University of Wisconsin Press, 1990.
- Fischer G. Talking to Chief Mkwawa. *Ethnography*. 2016. Vol. 17. No. 2. Pp. 278–293.
- Gerbeau H. The Slave Trade in the Indian Ocean: Problems Facing the Historian and Research to be Undertaken. *The African Slave Trade from the Fifteenth to the Nineteenth Century. Reports and papers of the meeting of experts organized by UNESCO at Port-au-Prince, Haiti, 31 January to 4 February 1978*. Paris: Imprimeries Réunies de Chambéry, 1979. Pp. 184–207.
- Giblin J. The Slave Trade, the Hegemony of Paternalism, and their Place in the National History of Tanzania. *Slaves Routes and Oral Tradition in Southeastern Africa*. Ed. B. Zimba, E.A. Alpers, A. F. Isaacman. Maputo, 2005. Pp. 253–278.
- Gueye M. The Slave Trade within the African Continent. *The African Slave Trade from the Fifteenth to the Nineteenth Century. Reports and papers of the meeting of experts organized by UNESCO at Port-au-Prince, Haiti, 31 January to 4 February 1978*. Paris: Imprimeries Réunies de Chambéry, 1979. Pp. 150–163
- Illiffe J. *A Modern History of Tanganyika*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Kabeya J.B. *King Mirambo: One of the Heroes of Tanzania*. Nairobi: East African Literature Bureau, 1976.
- Klein M.A. Slavery: Mediterranean, Red Sea, Indian Ocean. *Encyclopedia of African History*. Ed. Shillington K. New York, London: Fitzroy Dearborn, 2005. Pp. 1382–1384.
- Laing S. *Tippu Tip. Ivory, Slavery and Discovery in the Scramble for Africa*. Cowes, Medina Publishing, 2017.
- Law R.C.C. The Garamantes and Trans-Saharan Enterprise in Classical Times. *The Journal of African History*, 1967. Vol. 8. No. 2. Pp. 181–200.
- Lipschutz M.R., Rasmussen R.K. *Dictionary of African Historical Biography*. University of California Press, 1986.
- Lovejoy P. *Transformations in Slavery: A History of Slavery in Africa*. Cambridge University Press, 2012.
- Lovejoy P., Kopytoff I., Cooper F. Indigenous African Slavery. *Historical Reflections / Réflexions Historiques*. Berghahn Books, 1979. Vol. 6 (1). Pp. 19–83.

Ofcansky T.P., Yeager R. *Historical Dictionary of Tanzania*. Second edition. London: Scarecrow Press Inc, 1997.

Ogot A. Population Movements between East Africa, the Horn of Africa and the Neighbouring Countries. *The African Slave Trade from the Fifteenth to the Nineteenth Century. Reports and papers of the meeting of experts organized by UNESCO at Port-au-Prince, Haiti, 31 January to 4 February 1978*. Paris: Imprimeries Réunies de Chambéry, 1979. Pp. 175–182.

Redmayne A. Mkwawa and the Hehe Wars. *The Journal of African History*. 1968. Vol. 9. No. 3. Pp. 409–436.

Reid R. Remembering and Forgetting Mirambo: Histories of War in Modern Africa. *Small Wars & Insurgencies*. 2019. Vol. 30 (4-5). Pp. 1040–1069.

Rockel S.J. Forgotten Caravan Towns in 19th Century Tanzania: Mbwamaji and Mpwapwa. *Azania: Journal of the British Institute in Eastern Africa*. 2006 (1). Vol. 41. Issue 1. 2006. Pp. 1–25.

Shepherd G. The Comorians and the East African Slave Trade. *Asian and African Systems of Slavery*. Ed. Watson J.L. University of California Press, 1980. Pp. 73–100.

Sheriff A. Localisation and Social Composition of the East African Slave Trade, 1858–1873. *Slavery & Abolition*. 1988. Vol. 9. Issue 3. Pp. 131–145.

Sheriff A. Slave Trade and Slave Routes of the East African Coast. *Slave Routes and Oral Tradition in Southeastern Africa*. Ed. B. Zimba, E.A. Alpers, A.F. Isaacman. Maputo, Mozambique: Folsom Entertainment, 2005. Pp. 13–38.

Unomah A.C. *Mirambo of Tanzania*. London: Heinemann Educational, 1977.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИВАНЧЕНКО Оксана Васильевна – младший научный сотрудник Института Африки РАН, Москва, Россия.

Oksana V. IVANCHENKO, Junior Researcher, Center of History and Cultural Anthropology, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080015110-8

БИАФРА: ВОЗРОЖДЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ СЕПАРАТИЗМА¹

© 2021

С.В. КОСТЕЛЯНЕЦ ^a, Т.С. ДЕНИСОВА ^b^a – Институт Африки РАН;

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanyets@gmail.com

^b – Институт Африки РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

Резюме: Слабая интеграция африканских обществ, обусловленная их этнической, языковой и религиозной неоднородностью, уровень которой примерно вдвое выше, чем в остальном мире, создает большие основания для распространения в Африке, нежели в других регионах мира, сепаратистских настроений. Именно поэтому в подавляющей части существующих работ по этой тематике отмечается склонность континента к сепаратизму и ирредентизму. Действительно, число сепаратистских движений в Африке постоянно растет; в настоящее время их больше, чем было в первые постколониальные десятилетия, хотя «успешных» среди них – единицы.

В статье анализируются причины возрождения – через несколько десятилетий после окончания гражданской войны 1967–1970 гг. между федеральным правительством Нигерии и сепаратистами Биафры – движения за отделение этого региона. Рассматриваются деятельность сепаратистских организаций, возникших в Биафре в 2000–2010-е гг., реакция на нее нынешнего правительства Мохаммаду Бухари и факторы, препятствующие реализации проекта создания нового «суверенного государства». Актуальность предмета исследования обусловлена как возрастанием угрозы сепаратизма в Африке, так и отсутствием в российской африканистике работ, посвященных современной ситуации в Биафре. Авторы предпринимают попытку восполнить этот пробел.

Используя для анализа угрозы сепаратизма на юго-востоке Нигерии теоретико-аналитический и системно-исторический подходы, авторы делают вывод о том, что в силу различных внешних и внутренних обстоятельств создание новой «Республики Биафра» по крайней мере в ближайшее десятилетие останется проектом-утопией, хотя сепаратистские настроения будут распространяться и препятствовать достижению внутривосточной стабильности в стране, и без того переживающей конфликты на северо-востоке – из-за деятельности исламистской группировки «Боко Харам», в Среднем поясе – между фермерами и скотоводами и на юге – в Дельте Нигера.

Ключевые слова: Нигерия, Биафра, сепаратизм, национальная безопасность, гражданская война, конфликт, сепаратистские движения, нефть

Для цитирования: Костелянец С.В., Денисова Т.С. Биафра: возрождение и распространение сепаратизма. *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 180–190. DOI: 10.31857/S086919080015110-8

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 21-18-00123 «Анализ и моделирование развития Африки в контексте внешнеполитических интересов России».

BIAFRA: THE REVIVAL AND PROLIFERATION OF SEPARATISM

© 2021

Sergey V. KOSTELYANETS ^a, Tatyana S. DENISOVA ^b

^a – Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences;
HSE University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanyets@gmail.com

^b – Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

Abstract: *The weak cohesion of African societies, predetermined by their ethnic, linguistic and religious heterogeneity, leads to a great propensity for the spread of separatist sentiments in Africa. The overwhelming majority of existing scholarly works note the continent's tendency towards separatism and irredentism. Indeed, the number of separatist movements in Africa is constantly growing; currently there are more of them than there were in the first postcolonial decades, although only a few of them have been "successful".*

The present paper analyzes the reasons for the revival of a secessionist movement in southeastern Nigeria several decades after the end of the 1967–1970 Biafran War. The authors consider activities of separatist organizations that emerged in Biafra in the 2000s–2010s, the reaction of the government of Muhammadu Buhari, and factors hindering the establishment of a new "sovereign state" in the region. The relevance of the present paper is determined both by the growing threat of separatism in Africa and by the lack of research on the current situation in Biafra in Russian-language literature.

The authors employ theoretical-analytical and systemic-historical methods to analyze the threat of separatism in Nigeria and conclude that the creation of a new "Republic of Biafra" will remain a utopian project for at least the next decade, yet separatist sentiments will spread and hinder the achievement of internal political stability in the country, which is already experiencing conflicts due to the activities of Boko Haram, tensions between farmers and pastoralists in the Middle Belt, and militancy in the Niger Delta.

Keywords: Nigeria, Biafra, separatism, national security, civil war, conflict, separatist movements, oil.

For citation: Kostelyanets S.V., Denisova T.S. Biafra: the Revival and Proliferation of Separatism. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5. Pp. 180–190. DOI: 10.31857/S086919080015110-8

ВВЕДЕНИЕ

Подъем сепаратистских настроений стал одной из наиболее острых политических проблем, с которыми Африка столкнулась в XXI в. В настоящее время сепаратистские движения с разной степенью интенсивности действуют по крайней мере в 24 африканских странах (Алжир, Ангола, Гана, Демократическая Республика Конго, Египет, Замбия, Камерун, Кения, Коморские острова, Кот'д-Ивуар, Маврикий, Мали, Марокко, Намибия, Нигер, Нигерия, Руанда, Сенегал, Сомали, Судан, Танзания, Экваториальная Гвинея, Эфиопия и ЮАР); около 25 группировок выступают с требованиями отделения территории, примерно столько же – большей автономии.

Структура и способы деятельности современных африканских сепаратистских организаций формировались посредством использования опыта подобных движений, возник-

кавших в Африке, – в Катанге (ДРК), Кабинде (Ангола), Биафре и т. д., а также в мире, в целом, однако на Черном континенте большинство проектов, нацеленных на отделение, были незначительными по размаху и безрезультатными, в то время как многие африканские государства пережили как минимум один затяжной внутренний конфликт, не связанный со стремлением к созданию нового государства.

Относительная редкость всплесков сепаратизма в Африке в первые постколониальные десятилетия удивительна: ведь «молодые» государства обладали не только полиэтничным и многоконфессиональным составом населения, но и огромными, разбросанными по периферии, запасами природных ресурсов, доходы от эксплуатации которых могли бы поддерживать сепаратистские движения. Кроме того, правительства независимых стран плохо справлялись с контролем над населением и территорией, что в известной мере «развязывало руки» местным политикам и племенным лидерам. К тому же, власть в центре зачастую «захватывалась» одной этнической группой, которая доминировала над другими, лишая их политического участия, если не преследуя.

Именно поэтому сепаратистские конфликты в тот период можно было пересчитать по пальцам, а более позднее отделение Эритреи от Эфиопии в 1993 г. и Южного Судана от Судана в 2011 г. – в обоих случаях после многолетних войн – оказались среди немногих в африканской истории, закончившихся успешно для сепаратистов. Хотя Сомалиленд фактически отделился в 1991 г. от развалившегося Сомали, его суверенитет до сих пор не признан ни одним другим государством.

Наблюдавшийся в 1960–80-е гг. «дефицит» сепаратизма в Африке объясняется материальными выгодами, которые этнические элиты получали, оставаясь в составе государства, и трудностями обретения сепаратистскими движениями международного признания. Ситуация изменилась в 1990-е гг. благодаря заметному «оживлению» политической жизни: проведению всеобщих президентских и парламентских выборов, результаты которых неминуемо вызывают недовольство отдельных групп населения; формированию гражданского общества; росту спроса на африканское сырье, приносящее большие доходы и добываемое на территориях компактного проживания того или иного народа; расширению прослойки более образованных, а потому и более честолюбивых африканцев, стремящихся захватить власть, в том числе путем создания нового государства; возможности пропагандировать свои цели в социальных сетях и получать не только сочувствие, но и материальную помощь от международных организаций; легкому приобретению оружия и т. д.

Все или почти все из перечисленных факторов послужили подъему сепаратистских настроений в современной Биафре, где на память о кровопролитной войне, которую игбо вели с федеральным правительством в 1960-е гг., накладывается недовольство жителей нефтеносного региона их сегодняшней политической и экономической маргинализацией.

Биафра – территория на юго-востоке Нигерии, включающая штаты Абия, Имо, Эбони, Энугу и Анамбра с преимущественным проживанием игбо, которые составляют 18% населения Нигерии и являются одной из трех (игбо, йоруба, хауса-фулани) крупнейших этнических групп страны [Home Office, 2020, p. 13].

Гражданская война, начавшаяся в 1967 г., закончилась 15 января 1970 г. полной капитуляцией войск «Республики Биафра», создание которой было провозглашено ее лидером Одумегву Оджукву 30 мая 1967 г. Возникновение конфликта тогда не было неожиданностью, для него было много причин: искусственное объединение отдельных народов, заметно различавшихся с точки зрения культуры и религии, в составе одной колонии, а затем – независимого государства; сохранившееся в постколониальный период несбалансированное распределение власти и государственных доходов между этническими группами и регионами и т. д. Конфликт, число жертв которого превышало, по разным оценкам, 2 млн, стал одним из

самых кровопролитных после окончания Второй мировой войны и потому привлек большое внимание мировой общественности, СМИ и академического сообщества. В Нигерии и на Западе причинам, ходу и жертвам войны – игбо было посвящено множество научных трудов [Uzokwe, 2010; Nwankwo, Ifejika, 1970; Byrne, 1997; Okonkwo, 2003] и художественных произведений [Achebe, 2013; Adichie, 2007; Saro-Wiwa, 1985; Обасанджо, 1984; Soyinka, 1972; Omotoso, 1972]. В российской науке число исследований вооруженного конфликта в Биафре значительно меньше, хотя и они стали вкладом в изучение событий 50-летней давности [Романов, 1987; Мокрушина, 2010; *Нигерия*, 2013; *История Нигерии*, 1981].

Усилия военных и гражданских правительств по полной интеграции игбо в нигерийскую нацию потерпели неудачу. В результате уже в 2000-е гг., и особенно после всеобщих выборов 2015 г., когда к власти пришло правительство Мохаммаду Бухари, на юго-востоке Нигерии началось движение за «возрождение» суверенного государства «Биафра» и появилось несколько организаций, с большим или меньшим упорством борющихся за отделение региона от остальной части страны. Феномен сепаратизма в сегодняшней Биафре пока не нашел сколько-нибудь заметного отражения в научной литературе. Авторы постарались восполнить этот пробел, используя для анализа данного феномена теоретико-аналитический и системно-исторический подходы и преимущественно опираясь на документы, принятые сепаратистскими движениями, отчеты международных правозащитных и иных организаций, сообщения в СМИ и исследовательские работы, касающиеся проблем социально-экономического и политического развития региона Биафра в целом.

«НОВАЯ БИАФРА»: ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗРОЖДЕНИЯ СЕПАРАТИЗМА

Повседневная жизнь в регионе постоянно напоминает о нерешенности многих проблем, которая особенно ярко проявляется при обсуждении вопросов распределения государственных доходов, экономического развития, разделения властей, прав человека и др. В результате, после длительного периода относительной постконфликтной «стабильности», обеспечивавшейся военными режимами, в годы Четвертой республики – при гражданских правлениях Олусегуна Обасанджо (йоруба, 1999–2007) и Умару Яр’Адуа (фулани, 2007–2010) – в Биафре началось движение за создание суверенного государства. В годы президентства Гудлака Джонатана (иджо, 2010–2015) накал страстей несколько снизился, так как игбо считали его – южанина, выходца из штата Байелса – «своим», а он, чтобы еще больше укрепить свой авторитет среди игбо, в 2011 г. выпустил из тюрем более тысячи сторонников отделения.

Нынешняя администрация М. Бухари, по мнению игбо, «пренебрежительно» относится к жителям Биафры, что выражается, в частности, в неадекватной представленности этой этнической группы в федеральном правительстве [Obasi, 2017]. Ни один игбо – после избрания 1 октября 1963 г. президентом Ннамди Азикиве (до 15 января 1970 г.) – не был гражданским главой государства. Единственный военный лидер-игбо – генерал-майор Агийи-Иронси был убит через семь месяцев после прихода к власти в 1966 г.

Враждебное отношение жителей Биафры к правительству Бухари отчасти объясняется тем, что перед президентскими выборами 2011 г., на которых победил Г. Джонатан, между политиками-игбо и представителями других этнических групп была достигнута негласная договоренность, что в 2015 г. президентом будет избран игбо, но этот пост занял северянин (фулани) Бухари [Okonta, 2012, p. 8].

Ситуация усугубляется заявлением, сделанным Бухари после прихода к власти, что округа, в которых за него проголосовали 5% избирателей, не могут претендовать на такое же отношение, как отдавшие за него 97% голосов. У многих жителей Юго-Востока, в

основном поддерживавших Джонатана, это заявление вызвало опасения, что распределение доходов, прежде всего от биафрской нефти, и государственных постов будет иметь еще больший перекося в пользу Севера и Юго-Запада. Действительно, департамент государственных служб, например, получил 165 новых работников-северян и лишь 44 с Юго-Востока [Obasi, 2017]. Кроме того, игбо не возглавляют ни одну из служб безопасности и не имеют голоса в таких органах, как Совет национальной обороны.

Между тем репрессии в отношении лидеров Биафры и ответные протесты усиливают давление на и без того перегруженные «работой» силовые структуры, погрязшие в борьбе с «Боко Харам» на северо-востоке Нигерии [Крюкова, 2017]. Так, в мае 2016 г., во время празднования в Онице, Нкпоре и Асабе Дня памяти погибших во время войны в Биафре, солдатами регулярной армии были убиты около 150 игбо, против которых применялись слезоточивый газ и огнестрельное оружие. Демонстранты, в свою очередь, бросали камни и жгли автопокрышки. Масштабы репрессий против игбо во второй половине 2010-х гг. заметно выросли, и они либо инспирируются, либо игнорируются правительством Бухари, объясняющим насилие «необходимостью обеспечения государственной безопасности» [Human Rights, 2020].

Однако главным поводом для разногласий между Юго-Востоком и федеральным правительством остается несправедливое распределение доходов от добычи нефти. Хотя Биафра не столь богата «черным золотом», как соседняя Дельта Нигера, запасов нефти в ней достаточно, чтобы в случае отделения – при надлежащем управлении – регион стал средне-развитым по африканским меркам государством. Отчасти и поэтому спустя 50 лет после окончания гражданской войны стремление игбо к созданию независимого государства не исчезло, и в настоящее время в регионе действуют несколько организаций, требующих его отделения.

СЕПАРАТИСТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Первая влиятельная сепаратистская организация – Движение за создание суверенного государства Биафра (МАССОБ, Movement for the Actualization of the Sovereign State of Biafra, MASSOB) – была основана 13 сентября 1999 г., т. е. вскоре после прихода к власти в Нигерии законно избранного гражданского правительства. Видимо, борцы за отделение полагали, что с «демократическими» лидерами им будет легче договориться либо о возможном отделении, либо о большей автономии региона в составе Нигерии.

Возглавил МАССОБ молодой (тогда ему было 39 лет) юрист Ральф Увазурике, проживавший в Лагосе. 1 ноября 1999 г. он отправил в офис ООН в Нью-Йорке документ, в котором говорилось, что жители Биафры намерены добиваться создания суверенного государства на следующих основаниях: 1) в доколониальный период регион был самостоятельной территорией; 2) Биафра была объединена с другими территориями 1 января 1914 г. для удобства британских колониальных властей; 3) между Биафрой и остальной частью Нигерии сохраняются враждебные отношения; 4) поражение в войне вернуло игбо в состав Нигерии против их воли; 5) из-за поражения в войне с игбо обращаются, как с рабами. Далее в документе содержались требования к правительству Нигерии: допустить самоопределение Биафры без обращения к насилию; прекратить в регионе добычу нефти; вернуть игбо собственность, утраченную во время войны и т. д. [Okonta, 2012, p. 22–23].

Уже в первые месяцы внутри движения начались разногласия по поводу его целей. Увазурике последовательно призывал к отделению, но вскоре оказалось, что эту идею поддерживали лишь часть лидеров и рядовых членов, большинство же полагало, что организация должна оставаться группой давления на правительство, которому нельзя было

позволить забывать о проблемах игбо. Получая политические должности и экономические возможности, многие руководители выходили из МАССОБ. Тем не менее к 2010 г. число его членов достигало 7–8 млн [Okonta, 2012, p. 22–23].

Несмотря на разногласия по поводу целей движения, консенсус был достигнут по крайней мере в одном: с самого начала МАССОБ позиционировало себя как «мирное движение», намеренное добиваться независимости Биафры путем переговоров с центральным правительством [Тауо, Мбах, 2017]. Однако, несмотря на провозглашенный мирный характер борьбы, у МАССОБ были постоянные проблемы с органами безопасности. Уже в июле 2000 г. Увазурике был арестован за вторжение на заседание 36-го саммита Организации африканского единства в Ломе (Того), где он заявил о создании «государства Биафра» [Awofeso, 2017]. В 2001 г. движение было запрещено нигерийским правительством, поэтому на время перенесло свою деятельность за пределы страны [Thompson et al., 2016].

В 2005 г. правительство признало МАССОБ «организацией, представлявшей угрозу безопасности и суверенитету нации», Увазурике на два года был заключен под стражу по обвинению в государственной измене [Тауо, Мбах, 2017]. В 2007 г. он был освобожден под залог и, наконец, оправдан в 2011 г. – после прихода к власти Г. Джонатана. Однако из-за долгого отсутствия лидера движение заметно ослабло [Ouweto, 2019], хотя и продолжало проводить демонстрации и печатать «валюту Биафры».

Как и большинство сепаратистских движений, МАССОБ изначально привлекало людей с разными интересами и амбициями, поэтому его дробление было лишь вопросом времени: оно началось в середине 2010-х гг. [Home Office, 2020, p. 7]. Однако в мае 2013 г. президент Джонатан квалифицировал организацию как одну из трех (кроме МАССОБ – «Боко Харам» и «Народный конгресс Одуа» – сепаратистское движение йоруба) «экстремистских групп, угрожавших безопасности Нигерии» [Amnesty International, 2016].

В 2012 г. от МАССОБ откололась группа, назвавшая себя «Коренные народы Биафры» (КНБ, Indigenous People of Biafra, IPOB). Ее главной заявленной целью стало восстановление независимого государства «Биафра» посредством соответствующего референдума. С 2014 г. организация начала создавать свои отделения за пределами Нигерии – в странах с большими диаспорами игбо. Возглавил КНБ британец нигерийского происхождения Ннамди Окву Кану, родившийся 25 сентября 1967 г., т.е. в начале гражданской войны, в г. Умуахия на территории «старой» самопровозглашенной «Республики Биафра».

В 2015 г. Увазурике привлек Ннамди Кану, проживавшего в Великобритании и оттуда руководившего КНБ, к работе на лондонской онлайн-радиостанции «Радио Биафра» (Radio Biafra), созданной для трансляции требований сепаратистов (ежедневное вещание ведется на английском и игбо). В своих передачах Кану нередко использовал риторику, призывавшую к насильственному сопротивлению, и предлагал запастись оружием.

КНБ с самого начала была более агрессивной организацией, нежели МАССОБ. В 2015 г. в некоторых южных штатах были запрещены марши сторонников отделения Биафры, однако протесты, демонстрации и собрания не прекратились. В октябре того же года в ходе столкновений с солдатами регулярной армии и с полицией были убиты примерно 10 и арестованы более 100 членов КНБ, в том числе – 14 октября – Кану и другие лидеры организации, которым были предъявлены обвинения в государственной измене. С этого времени протесты были приурочены к их появлениям в суде.

Кану был выпущен под залог 28 апреля 2017 г. при условии, что больше не будет призывать к отделению, однако он продолжил словесную войну с правительством [Fredman, 2019]. В сентябре 2017 г. КНБ была объявлена «боевой террористической организацией» [EASO, 2018], ее деятельность запрещена; были арестованы сотни членов КНБ, прежде всего использовавших флаги и другую символику Биафры. Аресты происходили в основ-

ном во время демонстраций и редко сопровождалось судебными разбирательствами, но арестованные подвергались жестокому насилию – пыткам, побоям, калечению – со стороны сотрудников силовых структур, которые, как правило, были представлены другими этническими группами.

Среди других отколовшихся от МАССОБ групп – Революционная организация Биафры (Biafran Revolutionary Organization), Восточный народный конгресс (Eastern People Congress), Объединенный революционный совет Биафры (Joint Revolutionary Council of Biafra), Крестоносцы – освободители Биафры (Biafra Liberation Crusaders), Спасители Биафры (Salvation People of Biafra), Сионистское движение Биафры (СДБ, The Biafran Zionist Movement) и др. Часть их в 2017 г. объединилась в Национальный совет народа Биафры (Biafran People National Council), другие в 2019 г. создали коалицию Движение за освобождение Биафры (Biafra Liberation Movement) [Home Office, 2020, p. 16].

Из этих группировок заметным влиянием пользуется лишь СДБ во главе с юристом Бенджамином Онвукой. СДБ было создано в 2010 г., но получило известность 5 ноября 2012 г., когда объявило о создании независимого государства на митинге, во время которого были арестованы более 100 его участников. Попытка Онвуки объявить себя лидером Биафры привела к перестрелке с полицией и к последующему аресту его и ряда членов движения, которым было предъявлено обвинение в государственной измене. 8 марта 2014 г. группа на 4 часа захватила здание правительства Энугу и на входе в него установила флаг Биафры. В 2018 г. Онвука и его ближайшие соратники были вновь арестованы и с тех пор содержатся под стражей.

Почему движение называется «сионистским»? В последние несколько десятилетий игбо, считающие себя «евреями» и претендующие на происхождение от одного из 10 «потерянных колен Израилевых», приступили к «возрождению» иудаизма в Нигерии и начали проводить субботние службы. Многие из них поддерживают отделение Биафры и являются членами КНБ. Заявляя о принадлежности к «евреям», часть игбо отстаивает свою иудейскую веру и отвергает «христианство колонизаторов». Следует отметить, однако, что, хотя иудаизм популярен среди сепаратистов-игбо, среди населения он не распространен: из 30 млн игбо лишь около 30 тыс. считают себя евреями. Однако, если фактическая идентификация с евреями и практика иудаизма относительно редки, параллели с Холокостом сепаратистами проводятся довольно часто.

Сегодняшний сионизм среди игбо имеет свои корни и в гражданской войне 1967–1970 гг., так как Израиль поставлял в «старую» Биафру продовольствие, оружие и боеприпасы. Многие игбо рассматривают биафрский сепаратизм и израильский сионизм как сходные проявления национализма в его «патриотическом» смысле. Многие сепаратистские лидеры восхищаются Израилем, подающим пример успешного государственного строительства, и рассматривают его в качестве «естественного союзника» [Fredman, 2019].

СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ

Не все игбо поддерживают сепаратистские настроения. Так, в июле 2017 г. традиционные вожди Биафры организовали митинг в г. Энугу, в ходе которого выразили свою приверженность «единой Нигерии» и осудили призывы к отделению, призвав вместо этого к реструктуризации государства для «построения справедливого общества» [BBC News, 2017]. В известной мере это можно рассматривать как неудачную попытку снизить напряженность: неудачную, потому что уже в сентябре того года нигерийская армия начала на территории Биафры военную операцию Python Dance II (15 сентября – 14 октября 2017 г.) – вторые²

² Аналогичные учения проводились в Ониче (штат Анамбра) в 2016 г. и длились 3 месяца.

в течение года военные учения на юго-востоке. Формально операция со штаб-квартирой на родине Ннамди Кану – в Умуахии (штат Абия) – была нацелена на противодействие «похищению людей, сектанству, вооруженным ограблениям, сепаратистской агитации» и другим преступлениям, однако она переросла в жестокое противостояние; несколько членов КНБ были убиты, разрушен дом отца Кану – Эзэ Израэля Кану – традиционного вождя общины Афаракву в штате Абия [The Guardian, 2017]. В ходе операции, по утверждениям КНБ и МАССОБ, погибло более 2 тыс. человек, около 750 пропали без вести, около 600 обратились в больницы с ранениями. В результате действия армии не заставили сепаратистов замолчать, а из Кану сделала мученика.

С августа 2020 г. конфронтация между КНБ и федеральными силовыми структурами стала еще более острой. В том же месяце во время митинга в Энугу были убиты более 20 мирных участников, и в декабре Кану объявил о создании военизированного крыла КНБ – Восточной сети безопасности (ВСБ, Eastern Security Network, ESN) якобы для защиты игбо от фулани. Посчитав неприемлемым существование негосударственной военной структуры в самом центре Биафры, правительство нанесло удар по лагерям ВСБ, и в конце января 2021 г. в г. Орлу (штат Имо) произошли серьезные бои, в результате которых многие жители бежали из района. Боевые действия приостановились лишь когда Кану объявил о прекращении огня и заявил, что направляет ВСБ против пастухов-фулани [Campbell, 2021]. То есть теперь у сепаратистов есть своя «армия», а потому можно предположить, что уровень насилия, исход которого непредсказуем, будет расти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время правительству Нигерии приходится решать множество проблем, связанных с «пресловутым» национальным вопросом, – маргинализации, распределения доходов, возросшей «этнической воинственности», терроризма, контроля над ресурсами, президентской ротации и др. Одним из результатов нерешенности многих проблем становится появление групп, требующих самоопределения для территории их проживания. Хотя появление сепаратистских движений не является новым явлением в нигерийской политической жизни, их деятельность на фоне других конфликтов, экономического спада и пандемии COVID-19 обретает характер особой угрозы.

В течение 60-летнего постколониального периода власти Нигерии стремились решить проблему объединения многочисленных племен в крепкую единую нацию, но путь, который они избрали, – вооруженного подавления народных выступлений – способствовал росту недоверия между отдельными группами населения.

Сепаратистские настроения свойственны народам, проживающим в этнически и культурно разнообразных странах; нет ничего удивительного в том, что некоторые из них в условиях экономического и политического неравенства стремятся к независимости. При этом одни действуют из соображений личной выгоды, другие действительно полагают, что достижение региональной автономии или отделения будет на пользу гражданам. Что касается Биафры, то здесь память о гражданской войне 1967–1970 гг., на которую накладывалось современное недовольство политикой федерального правительства, очень сильна и подпитывает сепаратистские настроения.

Однако исследование африканского сепаратизма показало, что внутри как отдельных группировок, так и каждого региона, претендующего на отделение, существует множество внутренних противоречий, что не может не препятствовать достижению сепаратистами своих целей. Например, организация КНБ создала карту Биафры как объединения многих этнических групп, в т. ч. проживающих в Дельте, но большинство жителей региона

отказались войти в состав «будущего государства Биафра»³. Значительная часть игбо на юго-востоке и в других частях страны также не поддерживает сепаратистов и предпочитает оставаться гражданами Нигерии – при условии, что в ней будут уважаться права всех народов.

Приход к власти в стране президента-игбо не решит проблему сепаратизма: во главе Нигерии в течение восьми лет находился представитель йоруба О. Обасанджо, но это не предотвратило – как раз при его правлении – деятельность «Народного конгресса Оодуа», выступавшего за самоопределение йоруба, а президентство Джонатана – южанина-иджо не решило проблему дельты Нигера.

«Биафра» остается «проектом-утопией» прежде всего потому, что перспективы отделения региона весьма слабы. Тому есть несколько причин: во-первых, большинство государств и международных организаций выступают за территориальную целостность Нигерии и не оказывают сепаратистам никакой иной, кроме моральной, поддержки. Во-вторых, правительство Бухари применяет против сепаратистов репрессивную тактику, которая ограничивает деятельность МАССОБ, КНБ и других организаций мирными протестами и, по сути, не позволяет им перейти от слов к делу. В-третьих, между движениями и их лидерами, а также внутри сепаратистских фракций существуют разногласия по поводу способов достижения цели и ведется борьба за власть и влияние на население Биафры, что препятствует реализации сепаратистской повестки дня. Следует отметить, однако, что и в случае ее реализации жители региона не будут защищены от проблем, связанных с отсталостью, коррупцией, ненадлежащим руководством и т. д.

Таким образом, даже если признать, что претензии игбо на отделение не лишены оснований, реализация проекта «Биафра» в ближайшем будущем представляется невозможной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

История Нигерии в новое и новейшее время. Под ред. Ю.Н. Зотовой, И.В. Следзевского. М.: Наука, 1981 [*History of Nigeria in Modern and Contemporary Times.* Eds. Yu.N. Zotova, I.V. Sledzevskiy. Moscow: Nauka, 1981 (in Russian)].

Крюкова Т.В. Африканская сеть ИГ: «Боко Харам». *Азия и Африка сегодня.* 2016. № 12. С. 55–60 [Kryukova T.V. An African Network of the Islamic State: Boko Haram. *Asia and Africa Today.* 2016. No. 12. Pp. 55–60 (in Russian)].

Мокрушина З.В. История гражданской войны (1967–1970 гг.) в Нигерии (по произведениям нигерийских писателей и публицистов). *Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки.* 2010. № 4. С. 9–16 [Mokrushina Z.V. The History of the Civil War (1967–1970) in Nigeria (Based on the Works of Nigerian Writers and Publicists). *Vestnik Yaroslavskego gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Series the Humanities.* 2010. No. 4. Pp. 9–16. (in Russian)].

Нигерия. Справочно-монографическое издание. Под ред. И.Г. Большова, Т.С. Денисовой. М.: ИАФР РАН, 2013 [*Nigeria. A Reference Monograph.* Ed. I.G. Bolshov, T.S. Denisova. Moscow: Institute for African Studies of the RAS, 2013 (in Russian)].

³ Многие биафрские сепаратисты полагают, что Дельта является частью Биафры и что это северяне разделили Восточный регион на две части, чтобы ослабить его. Действительно, сепаратисты Биафры пользуются определенной поддержкой боевиков Дельты. Например, когда в 2017 г. Кану еще был в заключении, вооруженные группировки Дельты выдвинули правительству 31-дневный ультиматум – освободить его или они возобновят похищения и нападения на нефтяные объекты [NDPI, 2017].

Обасанджо О. *Нигерия в огне*. М.: Прогресс, 1984 [Obasanjo O. *Nigeria on Fire*. Moscow: Progress, 1984 (in Russian)].

Романов А.И. *Нигерия в борьбе за единство, 1967–1970*. М.: Наука, 1987 [Romanov A.I. *Nigeria in a Struggle for Unity, 1967–1970*. Moscow: Nauka, 1987 (in Russian)].

Achebe Ch. *There Was a Country: A Memoir*. London: Penguin Books, 2013.

Adichie Ch. N. *Half of a Yellow Sun*. New York: Anchor, 2007.

Amnesty International. *Nigeria: 'Bullets were Raining Everywhere'. Deadly Repression of Pro-Biafra Activists*. 25 November 2016. <https://www.refworld.org/docid/583840864.html> (accessed: 04.05.2021).

Awofeso O. Secessionist Movements and the National Question in Nigeria: A Revisit to the Quest for Political Restructuring. *IJRDO-Journal of Social Science and Humanities Research*. 2017. Vol. 7. No. 2. Pp. 33–55.

BBC News. *Nigeria's Igbo Leaders Reject Call for Biafra State*. 3 July 2017. <https://www.bbc.com/news/world-africa-40481323> (accessed: 05.05.2021).

Byrne T. *Airlift to Biafra: Breaching the Blockade*. New York: Columbia Press, 1997.

Campbell J. *Security Deteriorating in Nigeria's Former "Biafra"*. 8 February 2021. <https://www.cfr.org/blog/security-deteriorating-nigerias-former-biafra> (accessed: 07.05.2021).

EASO. *Country of Origin Information Report: Nigeria Targeting of Individuals*. 27 November 2018. https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/2018_EASO_COI_Nigeria_TargetingIndividuals.pdf (accessed: 01.05.2021).

Fredman N. *The Sun Still Rises: Neo-Biafran Secessionism, Zionism, and the Question of Nigeria*. 26 April 2019. <https://brownpoliticalreview.org/2019/04/sun-still-rises-neo-biafran-secessionism-zionism-question-nigeria> (accessed: 02.05.2021).

Home Office. *Country Policy and Information Note. Nigeria: Biafran separatists*. April 2020. <https://www.justice.gov/eoir/page/file/1267611/download> (accessed: 30.04.2021).

Human Rights Abuses In Nigeria: Indigenous People Of Biafra Chronicle Injustices In Letter To United Nations. 25 March 2020. <https://www.prnewswire.com/news-releases/human-rights-abuses-in-nigeria-indigenous-people-of-biafra-chronicle-injustices-in-letter-to-united-nations-301029891.html> (accessed: 02.05.2021).

NDPI. *Conflict Briefing: Biafra Agitation and Ethno-Political Polarization in Nigeria*. November 2017. <https://www.ndpifoundation.org/wp-content/uploads/2018/09/Biafra-Agitation-and-Ethno-Political-Polarization-in-Nigeria.pdf> (accessed: 01.05.2021).

Nwankwo A.A., Ifejika S.U. *Biafra: the Making of a Nation*. New York: Praeger Publishers, 1970.

Obasi N. *Nigeria: How To Solve A Problem Like Biafra*. 29 May 2017. <https://africanarguments.org/2017/05/nigeria-how-to-solve-a-problem-like-biafra> (accessed: 02.05.2021).

Okonkwo M.N. *In the Bowels of Biafra*. Enugu: Vougasen, 2003.

Okonta I. *Biafran Ghosts. The MASSOB Ethnic Militia and Nigeria's Democratisation Process*. Uppsala: Nordiska Afrikainstitutet, 2012. <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:538466/FULLTEXT01.pdf> (accessed: 02.05.2021).

Omotoso K. *The Combat*. London: Heinemann Educational Books, 1972.

Oyewo H.T. Threat of Secession. The Biafran Story. *Conflict Trends*. 2019. No. 3. <https://www.accord.org.za/conflict-trends/threat-of-secession> (accessed: 02.05.2021).

Saro-Wiwa K. *Sozaboy: A Novel in Rotten English*. Port-Harcourt, Nigeria: Saros International Publishers, 1985.

Soyinka W. *The Man Died: Prison Notes*. London: Rex Collings, 1972.

Tayo S., Mbah F. *Calls for Biafran Independence Return to South East Nigeria*. 9 November 2017. <https://www.chathamhouse.org/2017/11/calls-biafran-independence-return-south-east-nigeria> (accessed: 08.05.2021).

The Guardian. *Whereabouts of Kanu, father, mother unknown*. 15 September 2017. <https://guardian.ng/news/whereabouts-of-kanu-father-mother-unknown> (accessed: 08.05.2021).

Thompson O., Ojukwu C., Nwaorgu O.G.F. United We Fall, Divided We Stand: Resuscitation of the Biafra State Secession and the National Question Conundrum. *Journal of Research in National Development*. 2016. Vol. 14, No. 1. Pp. 1–14. <https://www.transcampus.org/JORINDV14JUN2016/24.pdf> (accessed: 02.05.2021).

Uzokwe A.O. *Surviving in Biafra. The Story of the Nigerian Civil War*. New York: Writers Advantage, 2003.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

КОСТЕЛЯНЕЦ Сергей Валерьянович – к. полит. н., в. н. с., зав. Центром социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия; с.н.с., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Sergey V. KOSTELYANETS, PhD (Political Science), Leading Researcher, Head of the Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Senior Researcher, HSE University, Moscow, Russia.

ДЕНИСОВА Татьяна Сергеевна – к. и. н., в. н. с., зав. Центром изучения стран Тропической Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Tatyana S. DENISOVA, PhD (History), Leading Researcher, Head, Centre for Tropical Africa Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

РОССИЯ И ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080016946-7

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОРЬБЫ ПРОТИВ АПАРТЕИДА
ОБ УЧЕБЕ В СССР (1960–1980-е гг.)¹

© 2021

Д.А. ТУРЯНИЦА ^a, В.Г. ШУБИН ^b^a – Институт Африки РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-1019-7823, darya.turyanitsa@gmail.com

^b – Институт Африки РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-9944-5135, vlgs@yandex.ru

Резюме: *Статья представляет собой обзор мемуаров южноафриканских курсантов и студентов, которые проходили подготовку/переподготовку и разнообразные формы обучения в Советском Союзе в рамках помощи в борьбе против апартеида. Большая их часть была бойцами вооруженного крыла Африканского национального конгресса (АНК) «Умконто ве Сизве».*

Основным источником для статьи стали опубликованные воспоминания и интервью участников движения, изданные в ЮАР в последние годы. В работе рассматриваются и любопытные стороны советской жизни, отмеченные южноафриканцами, среди которых был экс-президент ЮАР Табо Мбеки, а также многие бывшие и нынешние руководители органов власти этой страны. Стоит сказать, что авторы изданных мемуаров выделяли не только положительные стороны своего пребывания в Советском Союзе, но и не скрывали некоторые негативные аспекты, предоставляя таким образом более «полную» картину. Однако не стоит забывать, что во многом описание тех или иных событий было напрямую связано с самим кругозором автора воспоминаний и могло отличаться от реального положения дел.

Авторов статьи особенно интересовало то, какими вопросами задавались приезжающие в Советский Союз, что они ожидали увидеть в СССР, каким образом выстраивались их отношения с советскими гражданами и какой опыт для себя они «вынесли» в конце обучения. Авторы попытались, частично цитируя воспоминания участников борьбы против апартеида, ответить на данные вопросы.

В конце, в качестве одного из главных итогов сотрудничества важно указать, что советские офицеры и другие преподаватели своим собственным примером, а также следуя «духу интернационализма» и нерасовости, смогли изменить расовые представления южноафриканцев, показав, какими могут быть «белые».

Ключевые слова: Советский Союз, Африканский национальный конгресс, мемуары, военная подготовка.

Для цитирования: Туряница Д.А., Шубин В.Г. Воспоминания участников борьбы против апартеида об учебе в СССР (1960–1980-е гг.). *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 191–202. DOI: 10.31857/S086919080016946-7

¹ Статья выполнена в рамках гранта РФФИ 19-514-60002 и южноафриканского Национального исследовательского фонда RUSA 180 7043 494 44 «Международная солидарность в борьбе против апартеида: историческая память в России и Южной Африке».

MEMORIES OF PARTICIPANTS IN THE STRUGGLE AGAINST APARTHEID
ABOUT STUDYING IN THE USSR (1960S–1980S)

© 2021

Daria A. TURIANITSA ^a, Vladimir G. SHUBIN ^b^a – Institute for African Studies, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-1019-7823, darya.turyanitsa@gmail.com

^b – Institute for African Studies, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-9944-5135, vlgs@yandex.ru

Abstract: *This article is a review of South African cadets' and students' memoirs that received political or/and military education in the Soviet Union as a part of Soviet assistance in solidarity against the apartheid. Most of them were fighters of the armed wing of the African National Congress (ANC) "Umkhonto we Sizwe".*

This paper examines and cites the curious aspects of Soviet life noted by the arriving students, among whom was the ex-President of South Africa Thabo Mbeki, as well as many former and current high-ranking authorities of this country. It is worth saying that the authors of the published recollections highlighted not only the positive aspects of their stay in the Soviet Union, but also did mentioned some negative sides, thus providing a more "complete" picture. However, one should not forget that in many ways the description of certain events was directly related to the student's outlook and could differ from the real state of affairs.

The authors of this article were especially interested in what trainees expected to see in the USSR, how their relations with Soviet citizens were built, and what experience they kept in mind at the end of their studies. The authors tried, partially quoting the memoirs of some freedom fighters, to answer these questions.

It is worth pointing out that as one of the main results of cooperation Soviet officers and other instructors, by their own example, were able to change the racial perceptions of South Africans by showing how "white" people could be.

Keywords: Soviet Union, African National Congress, memoirs, military training.

For citation: Turianitsa D.A., Shubin V.G. Reminiscences of Participants in the Struggle against Apartheid about Studying in the USSR (1960s–1980s). *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5. Pp. 191–202. DOI: 10.31857/S086919080016946-7

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 19-514-60002 and *South Africa's National Research Foundation RUSA 180 7043 494 44*.

ВВЕДЕНИЕ

Статья представляет собой обзор воспоминаний участников движения против режима апартеида в Южной Африке о своей учебе в Советском Союзе. Большинство из них были бойцами «Умконтэ ве Сизве» («Копье нации») – вооруженного крыла Африканского национального конгресса (АНК), которое было запрещено в ЮАС с 7 апреля 1960 г. (чаще его называли кратко «Умконтэ» или «МК»).

Сотрудничество в этой области было лишь частью разностороннего содействия, оказываемого СССР национально-освободительному движению в Южной Африке. Оно включало

политическую поддержку, гуманитарную помощь, подготовку кадров, лечение раненых и больных. Его объем был велик, но его значение было в первую очередь в том, что Советский Союз оказывал поддержку, когда другие не могли или не хотели этого делать, и это касается прежде всего военных вопросов.

Кроме военной подготовки, несколько сот южноафриканцев – членов АНК и его союзника – Южноафриканской компартии (ЮАКП) прошли в СССР академическую или политическую подготовку, и именно таковыми были первые студенты и слушатели, прибывшие в нашу страну в 1962 г. При этом следует иметь в виду, что приезжавшие на учебу южноафриканцы, как правило, имели паспорта других африканских стран, поэтому затруднительно даже сосчитать их точное количество². Кроме того, многие члены АНК за пределами ЮАР использовали другие имена, а для слушателей военных и политических курсов это было правилом.

В последнее время публикуется, правда в основном за рубежом, немало статей, анализирующих мемуары, воспоминания граждан из разных стран Африки, в том числе из ЮАР, обучавшихся в свое время в СССР. Особый интерес в данном контексте представляют рассказы членов АНК, получивших военную подготовку.

Почему же современные исследователи стали чаще обращаться к документам мемуарного характера? Во-первых, в отличие от первых лет существования демократической Южной Африки в последние годы вышло немало книг такого рода³. Во-вторых, источники непосредственного восприятия действительности, за редким исключением, служат дополнительной фактической информацией для более полной реконструкции некоторых событий прошлого. В-третьих, личные истории помогают познать индивидуальное восприятие и характер тех или иных действий и фактов. Авторы своими воспоминаниями дают возможность шире оценить события, участниками которых они являлись. Однако не стоит забывать, что, как отмечает оксфордский профессор Джоселин Александер, «даже самые честные личные истории бывших рядовых [участников] отражают ограниченный кругозор борца» [Alexander, 2016].

Основная цель этой статьи заключается в том, чтобы ответить на интересующие нас вопросы. Как представляли себе образ Советского Союза будущие учащиеся? Какое впечатление сложилось у них о гражданах Советского Союза? Какие успехи и проблемы Советского государства они наблюдали? С какими трудностями они сталкивались во время обучения в СССР? И как обучение в СССР повлияло на их дальнейшую судьбу?

Выбранные авторами мемуары для анализа, оценки и некоторых выводов отличаются своим разнообразием как с точки зрения характера учебного заведения, форм и методов обучения, так и времени. Например, в статье приводятся подробные воспоминания как первой группы южноафриканских студентов, прибывшей в 1962 г. по линии вузовской подготовки, так и первых бойцов «Умконто». Есть и упоминания об обучении в Институте общественных наук (ИОН) при ЦК КПСС, носившем в «закрытых» документах название Международная ленинская школа. Кроме того, в тексте статьи представлены воспоминания южноафриканцев, проходивших обучение в 1980-х гг. и ставших свидетелями начала «перестроечных перемен» в советском обществе.

Авторы считают необходимым пояснить одну существенную деталь – часть студентов сначала въезжала в Советский Союз для учебы в ИОН или в советском вузе, а затем уже проходила военную подготовку в специальных центрах.

² Например, дочь командующего «Умконто ве сизве» Джо Модисе, обучавшаяся в московском медицинском институте, числилась там дочерью замбийского бизнесмена.

³ Долгое время единственной подобной книгой были мемуары Рони Касрилса «Вооружен и опасен». Книга эта выдержала несколько изданий при изменении ее подзаголовка.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ УЧЕБА

Политическая подготовка осуществлялась под руководством Международного отдела ЦК КПСС в основном в расположенном в Москве Институте общественных наук и его филиале в Нагорном, недалеко от г. Пушкино⁴. Кроме того, южноафриканцы, правда в меньших количествах, обучались в Высшей школе профсоюзного движения и в Высшей комсомольской школе.

Первая группа южноафриканцев, направленная ЮАКП, прибыла в СССР в 1962 г. на политическую учебу. В ее состав входила Рут Момпати, одна из основательниц Федерации южноафриканских женщин, в будущем член парламента, затем посол в Швейцарии и наконец мэр ее родного города Фрейбурга (ныне входящего в район, названный в ее честь). Позднее на учебу в Институт общественных наук стали прибывать и активисты АНК.

Перед отъездом из ЮАР, оставляя своих детей на попечение родных, Р. Момпати уверила их, что вернется через год, который в конечном итоге обернулся 27 годами отсутствия в Южной Африке. Рут, учившаяся в ИОН в 1962–1964 гг., вспоминала: «Это был один из самых интересных периодов моей жизни... Изучали историю рабочего класса, политическую экономию, социалистическую философию, наблюдение, топографию, основы подрывной работы и т. п. После года учебы нас отправили на каникулы, на Черное море» [*The Road to Democracy*, 2008, p. 315].

Из обучавшихся в ИОН руководителей освободительного движения, а затем и демократической Южной Африки, несомненно, следует выделить Табо Мбеки, занимавшего в 1997–2007 гг. пост президента АНК, а в 1999–2008 гг. – пост президента ЮАР. Вспоминая о своей учебе в 1968–1969 гг., Мбеки отмечал, что кроме теоретических дисциплин и истории революционных движений, слушатели приобретали там практические навыки, необходимые для ведения борьбы в условиях, существовавших в их странах. Для южноафриканцев изучаемые предметы включали опыт работы подпольных организаций, а также написание и издание пропагандистских материалов в нелегальных условиях.

Мбеки особо подчеркивал, что библиотека ИОН содержала литературу не только по преподаваемым дисциплинам, но, например, прозу и сборники стихов. Сам он смог там ознакомиться со многими произведениями: от работ советских литературоведов о пьесах Шекспира до «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели в переводе на английский [Ndlovu, 2020, p. 21].

Другое большое преимущество Института было в том, что он предоставил возможность южноафриканским слушателям ознакомиться с положением в других странах мира, что, как выразился доктор Эссоп Пахад, который также был слушателем ИОН, а затем министром по делам президента в кабинете Мбеки, «углубляло наше понимание ситуации в контексте нашей международной борьбы против империализма» [Ndlovu, 2020, p. 21].

Мбеки подчеркивает, что Институт никогда не препятствовал общению между южноафриканцами и «простыми советскими гражданами» и не мешал последним «поделиться своими честными взглядами на свою страну с южноафриканскими товарищами». Он заявляет: «принимая сторона не стремилась управлять нашим взаимодействием с советской общественностью таким образом, чтобы добиться заранее определенного результата, неизменно положительного взгляда на СССР». Его «собственные экскурсии без сопровождающих» показывали, что, хотя его собеседники «высказывали жалобы на свою страну, они поддерживали социальную систему, которую она представляла» [Ndlovu, 2020, p. 22].

⁴ Первоначально ИОН использовал также здания в Серебряном Бору.

Несколько иной является тональность рассказа об обучении в ИОН, точнее, в его филиале, в конце 1978 г. Вуси Мавимбелы⁵, известного тогда под своим подпольным именем Клаус Мапепа. В отличие от Т. Мбеки, он вспоминает не литературу, прочитанную во время учебы, а более «земные» блага, отмечая, что «все было в изобилии... и неограниченные запасы алкоголя»⁶ [Mavimbela, 2018, p. 108].

Он также отмечал: «Наши контакты за пределами школы с внешним миром были ограниченными и контролировались. Нам выдавали месячную стипендию для наших персональных нужд и нам разрешали гулять на выходных в городе [Москве – авт.] по магазинам. Нас привозили на школьном автобусе, и он нас забирал обратно с того же места, где оставил» [Mavimbela, 2018, p. 112–113].

Пожалуй, также стоит отметить рассказ Тлоу Теофилиса Чоло или как его называли – «Ти Ти», обучавшегося в течение десяти месяцев в Москве в Высшей школе профсоюзного движения (ВШПД). Т.Т. – один из участников боевых операций, политический заключенный, в своих воспоминаниях уделил особое внимание учебе в СССР.

В то время руководство АНК и его союзника – Южноафриканского конгресса профсоюзов (САКТУ) подбирало людей для отправки на учебу за границу. В одну из таких групп и вошел Т.Т. Генеральный секретарь САКТУ Марк Шопе организовал его отъезд из ЮАР в Танганьiku, где в г. Мбея состоялась его встреча с Нельсоном Манделой и Оливером Тамбо.

Т.Т. полагал, что «они пробудут несколько дней или недель в одной из стран Африки до отправки на Восток (в СССР или КНР)», между тем ожидание в Дар-эс-Саламе растянулось на целых шесть месяцев. И только в декабре 1962 г. он прилетел в Москву «в типичную холодную русскую погоду» в составе первой южноафриканской группы в ВШПД.

Слушатели школы представляли разные страны, в том числе Кубу, Ямайку, Боливию, Замбию и Танзанию. Контакты и общение между ними давали возможность лучше узнать друг друга, обмениваться новостями международной жизни, событиями в своих странах. При этом Т.Т. и его товарищей «шокировали и удивили очень дружелюбные русские люди, в Южной Африке они привыкли к другому отношению со стороны белых» [Setumu, 2011, p. 57].

Сразу же после завершения учебы в профсоюзной школе он был направлен на военную подготовку в заведение, которое представители освободительных движений называли «Северным центром».

ВОЕННАЯ ПОДГОТОВКА

Первые группы бойцов «Умконто» прибыли в вышеупомянутый учебный центр, объекты которого находились в Москве и Подмосковье, летом 1963 г. В связи с учебой в «Северном» центре в Советский Союз впервые прибыл и Крис Хани⁷, будущий комиссар, а затем начальник штаба «Умконто ве сизве», который так писал о своих впечатлениях: «Как может рабочий класс забыть про Советский Союз? Я приехал в Москву на военную подготовку, когда мне был 21 год. Меня там приняли и со мной прекрасно обращались» [Ngculu, 2009, p. 76].

⁵ После смены власти в ЮАР он возглавлял разведывательную службу, был советником президента Т. Мбеки, а затем и главой администрации президента Дж. Зумы. В настоящее время он посол ЮАР в Египте.

⁶ Есть в книге и другие «странности», так, одного из сотрудников Международного отдела ЦК он именует «старшим офицером КГБ».

⁷ Крис Хани (настоящее имя – Мартин Тембесиле Хани), герой борьбы против апартеида, был убит в 1993 г. польским эмигрантом Янушем Валушем. В то время Хани был генеральным секретарем ЮАКП и считался вторым по популярности среди африканцев после Нельсона Манделы.

Возвратившись в Танзанию в декабре 1964 г., Т.Т. и его товарищи тут же были направлены на дополнительную подготовку в Китай. Примечательно, что, учитывая существовавшее в то время «соперничество между СССР и Китаем», они там не афишировали, что уже прошли специальное обучение в Советском Союзе [Setumu, 2011, p. 59, 75].

Обучение в «Северном центре» прошли и несколько групп южноафриканцев после получения дипломов в советских вузах. Входящий в первую группу Джастис Мпанза рассказывает об учебе в Москве. «Занятия велись в обычных московских квартирах... Нас обучали организации массового саботажа, учили командовать большим количеством людей... Обучение длилось больше года. Параллельно с нами проходила подготовку и группа Эрика Мтчали (*nom de guerre* Сталин)⁸» [The Road to Democracy, 2008, p. 343].

Немного позже, но в больших масштабах обучение южноафриканцев началось в Одесском высшем командном общевоинском краснознаменном училище. В двух группах в 1964–1965 гг. военную подготовку там прошли более 300 активистов АНК, среди них – Джо Модисо, ставший министром обороны в демократической Южной Африке, и Ронни Касрилс, ставший его заместителем, который подробно описал учебу в Одессе в своей книге.

Благодаря военной подготовке в СССР для многих южноафриканцев произошло «первое знакомство» с боевым оружием, так как на своей родине черные южноафриканцы не имели права пользоваться или владеть им.

Один из курсантов второй группы, Тула Бопела пишет в книге, написанной совместно с Далуколо Лутули⁹: «Жизнь в СССР открыла нам обоим глаза на многое... Советские люди были белыми, но дружелюбными. Стандартной формой обращения друг к другу было “товарищ”, а не “кафр”¹⁰. Что мы действительно знаем, так это то, что они [советские] относились к нам гораздо более достойно, чем к нам относились в нашей собственной стране... Русские также научили нас военному этикету, и мы узнали, как солдаты должны уважать друг друга... Мы провели очень плодотворный год в СССР» [Bopela, Luthuli, 2005, p. 38, 44]. Здесь стоит пояснить, что для многих африканских, в том числе южноафриканских, курсантов, разницы между «советскими» и «русскими» не было.

С ростом числа прибывающих на военную подготовку активистов национально-освободительных движений и ввиду необходимости особой программы обучения, советское руководство приняло решение открыть в 1965 г. военно-учебное заведение, которое в официальных документах называлось 165-й учебный центр, а чаще – просто «Перевальное», по названию села недалеко от Симферополя, где он находился. Называли его иногда и «Южным» по аналогии с «Северным» центром [Krylova, 2017].

Стоит указать, что подготовка в «Перевальном» носила специализированный характер, с использованием опыта крымских партизан времен Великой Отечественной войны. Крымские климатические условия позволяли проводить занятия, не опасаясь за здоровье и жизнь курсантов. Сроки учебы в СССР, как правило, зависели от пожеланий руководителей освободительных движений.

⁸ Мтчали под этой «партийной кличкой» был известен до отъезда из ЮАР, но в эмиграции ею не пользовался. Однако по возвращению на родину снова стал «Сталиным».

⁹ Судьба авторов показывает всю сложность политической жизни в ЮАР в тот период: в то время как Бопела, проведя 13 лет в тюрьме в Родезии, причем часть срока в камере смертников, остался верен АНК, Лутули после 10 лет тюремного заключения, вступил в Партию свободы Инкаты. Сделал он это по поручению АНК, но затем порвал с ним и даже стал руководить обученными армией ЮАР боевиками Инкаты, совершавшими нападения на ее противников. Но это не помешало ему получить звание подполковника в армии демократической Южной Африки.

¹⁰ «Кафр» – от арабского слова «кафир» – «неверный» раньше употреблялось в ЮАР как уничижительное слово по отношению к любому черному жителю, а сейчас за его использование можно быть привлеченным к уголовной ответственности.

Юрий Иванович Горбунов, работавший там в 1966–1968, а затем в 1971–1977 гг., сначала в качестве переводчика, а потом преподавателя социально-политических дисциплин, отмечал: «Я видел, как за короткий срок учебы курсанты – эти забитые и неграмотные люди – обретали чувство человеческого достоинства и на наших глазах преображались духовно. В них пробуждался дух равенства и справедливости» [Горбунов, 2013]. Однако, если это было правильно сказано в отношении, скажем, крестьян из Гвинеи-Бисау или Анголы, то уровень знаний южноафриканцев был, как правило, гораздо выше, а их жизненный опыт намного богаче.

Но и в отношении членов АНК центр в Перевальном сыграл важнейшую роль, когда в него в 1969 г. были направлены остававшиеся в строю бойцы «Умконто» после того как танзанийские власти закрыли лагерь АНК близ г. Конгва. А во второй половине 1980-х гг., когда центр был преобразован в Симферопольское военное училище, в нем стали готовить офицерские кадры для будущей армии демократической Южной Африки.

Большой интерес представляют наблюдения групп «поколения Соуэто», прошедших военное обучение в СССР после трагических событий в 1976 г.

Отдельная глава под названием «Роль Советского Союза» опубликована в книге Джеймса Нгкулу «Честь служить: воспоминания солдата “Умконто”», видного члена АНК, являвшегося после смены власти в ЮАР председателем одного из комитетов парламента и руководителем АНК в провинции Западный Кейп. Автор вспоминает: «Нетерпение посетить страну, однажды названную “новым Иерусалимом” президентом АНК Джосайей Гумед¹¹, было таким, что мало кто из нас мог устоять перед этим. Мы восхищались этими товарищами [кто прошел подготовку в 1960-е и 1970-е гг.] и хотели оказаться на их месте. Они рассказывали нам о местах, где побывали. Но самое главное – они рассказали нам о гостеприимстве советских товарищей, особенно женщин, которые заботились о них во время пребывания в СССР со всей ответственностью, становясь [им] почти матерями» [Ngculu, 2009, p. 73, 75].

В 1985 г. Джеймс Нгкулу прибыл на курсы подготовки в Москву. Он пишет, что «в лагерях [АНК] сочинялись песни в знак уважения той роли, которую сыграл СССР в нашем движении» [Ngculu, 2009, p. 76]. Нгкулу так рассказывает о быте слушателей в 1980-е гг.: «Советское правительство платило нам стипендию 25 рублей в месяц на мелкие личные расходы. После занятий нам разрешали выходить на улицу, и мы гуляли по Москве...». Но к 10 часам вечера слушатели должны были вернуться «на базу» и доложить по телефону дежурному в центр, что «все хорошо» [Ngculu, 2009, p. 81].

На особом положении находился в Москве Барри Гилдер¹², которого тогда называли Полом. В своей книге «Песни и Секреты. Южная Африка от независимости до руководства страной» в главе «Шпион, попавший в холод»¹³, он приводит слова офицера «Северного центра»: «Да, товарищ Пол, тебе будет немного тяжело – быть одному. Мы привыкли принимать большие группы слушателей» [Gilder, 2012, p. 98]. Гилдер описывает свои впечатления так: «Я был удивлен. Посетив страны Запада и впитав [оттуда] остатки знаний о Советском Союзе, смешанные с ...ожиданиями серьезности моей миссии, все это убедило меня, что я не буду свободно гулять по Москве». Оказалось, что это не так. Как ему сказали в первый же день: «Ты можешь выходить на прогулку. Квартира располагается недалеко

¹¹ Джосайя Гумед посетил СССР в 1927 г.

¹² После 1994 г. он занимал руководящие посты в спецслужбах ЮАР, был генеральным директором МВД, в настоящее время – посол в Сирии и Ливане.

¹³ Название главы – это перефразированное название книги британского автора 1963 г. Джона ле Карре «Шпион, пришедший с холода».

от Москвы-реки и Красной площади» [Gilder, 2012, p. 98]. Он снова повторяет в своей книге: «Я предполагал, все еще веря в остатки западных представлений об СССР, что меня будут обучать сотрудники КГБ. Но это было не так. Обучение было частью усиленного интенсивного военного взаимодействия АНК и Советской армии. Советские создали программу, которая позволяла пройти обучение по разным специальностям... В моем случае, я специализировался по разведке» [Gilder, 2012, p. 100].

Самое большое впечатление на «товарища Пола» оказало знакомство с его преподавателем по разведке и военно-боевой работе. Как он вспоминает, на своих занятиях «Василий» объяснял ему некоторые рабочие моменты, связанные с разведывательными службами, не смотря в свои конспекты и не ссылаясь на какие-либо документы. Гилдер на всю жизнь запомнил главную фразу инструктора: «Товарищ Пол, так они учат в книжках, а так происходит в жизни», которая стала его «кредо» на протяжении всей его карьеры.

Совсем другое мнение у него сложилось об «инструкторе по политике». Гилдер поясняет: «Что-то было искусственное в нем, с оттенком декадентства... Однажды он отвел меня в магазин “Березка” – это известные советские магазины, существовавшие для иностранцев, где можно было приобрести товары за валюту. Прямо у входа в магазин он... сунул мне в руку пачку американских долларов со словами: “Товарищ Пол, пожалуйста, возьмите деньги и заплатите за меня внутри. Я хочу достать пару вещей для своей *devushka*. Мне нельзя иметь валюту”¹⁴. После этого я почти не слушал его лекции» [Gilder, 2012, p. 105].

«БЫТ И ПРАВЫ» В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ИЛИ ЧТО ЗНАЧИЛО ЖИТЬ В СССР И ОБЩАТЬСЯ С СОВЕТСКИМИ ЛЮДЬМИ В 1960–1980-е гг.?

Что такое СССР для южноафриканских студентов или курсантов тогда? Что они ожидали увидеть? Как менялись или не менялись представления о советских людях у южноафриканцев?

В мемуарах Т.Т., в главе «Восток: там, где простираются наши надежды» есть примечательные строчки об учебе в СССР: «Каждый новобранец, покидавший Южную Африку, мечтал приземлиться в СССР или Китае для прохождения военной подготовки, чтобы в дальнейшем он или она могли вернуться в страну, держа в руках известный АК-47, с помощью которого можно избавиться от государства буров» [Setumu, 2011, p. 53]. С такими мыслями покидали Южную Африку многие новобранцы.

Однако были и те, кто задавался вопросами: «Как Советский Союз может предоставить бесплатное образование, бесплатное медицинское обслуживание, очень дешевое жилье и практически бесплатный общественный транспорт для всех граждан страны» [Mfenyana, 2017, p. 115].

Т.Т. и его товарищи были немало удивлены доброжелательностью белых людей, воспринимавших африканцев на равных, в противовес белым в ЮАР, которые «считали нас как второсортных людей». Т.Т. пишет: «радушные русских людей убеждало нас в том, что с белыми в Южной Африке было что-то не так. Пора им преподавать урок» [Setumu, 2011, p. 57].

Что касается студентов вузов, то, в январе 1962 г. прибыла первая группа из девяти студентов, среди которых были Фанеле Мбали, Сизакеле Сигкаше и Синдисо Мфеньяна¹⁵.

¹⁴ Покупка товаров за валюту в магазине «Березка» была запрещена советским гражданам.

¹⁵ Фанеле Мбали стал заведующим кафедрой экономики в университете, Сизакеле Сигкаше – руководителем внутренней разведки ЮАР, а Синдисо Мфеньяна – руководителем аппарата парламента, а затем верховным комиссаром (послом) ЮАР в Танзании.

Ронни Касрилс подчеркивает в своей книге: «...практически все в нашей большой группе впервые в жизни почувствовали доброжелательность, заботу и гостеприимство белых людей». Как и многие другие, он выделяет: «...для нас это была “социалистическая солидарность” и “пролетарский интернационализм” в действии. Мои товарищи впервые в своей жизни столкнулись с нерасистским отношением к себе» [Kasrils, 1998, p. 83].

Фанеле Мбали, учившийся в Киевском университете, вспоминал: «К концу нашего обучения в 1966 г. некоторые из нас изъявили желание провести каникулы, работая в Казахстане. Мы хотели испытать на себе и узнать лучше, как работает социалистическая система... Таким образом, мы выражали нашу благодарность за бесплатное образование, месячную стипендию и гостеприимство» [Mbali, 2012, p. 106].

Синдисо Мфеньяна поясняет некоторые детали, говоря, что «ежемесячная стипендия для иностранных студентов составляла 90 рублей в месяц», что, по его словам, было равно примерно 80 американским долларам, «но Вы могли купить гораздо больше за эти рубли в СССР... Стипендия советских студентов составляла всего лишь треть от нашей [стипендии – авт.] (минимум 25 рублей), но им [советским студентам. – авт.] часто с деньгами помогала семья» [Mfenyana, 2017, p. 146].

О своем пребывании в СССР в 1970-х гг. пишет и Барри Гилдер: «Мне нравится Москва... Я не скучал по агрессивной и кричащей яркой рекламе купить то или это... Наоборот, огромные плакаты с Лениным или политические призывы напоминали мне о борьбе и великих целях...». В то же время он отдает себе отчет: «Но я не был слеп... Ко мне приставали на улице подростки, вымогавшие джинсы» [Gilder, 2012, p. 112–113].

Авторам представляется, что наиболее объективную оценку в своих воспоминаниях дал покойный Арчибальд Сибекко, который после возвращения на родину был почетным президентом Южноафриканского профсоюза железнодорожников и портовых рабочих и заместителем председателя организации АНК в провинции Западный Кейп, опубликованных еще в 1996 г.: «Сейчас становится модным утверждать, что все что касается Советского Союза, было гнилым. Без сомнения, нам показывали некоторые образцовые места, и было очень многое, что мы не видели. Но мы не были глупыми. Мы увидели очень много хорошего, особенно для трудящихся, и мы были сильно впечатлены общественными объектами. Мы стали также уважать советскую армию и интернационализм, благодаря которому [советские. – авт.] власти приняли сторону черных с другого конца света, а также предоставили им заботу, обучение и материальную помощь» [Sibeko, 2015, p. 31].

Подробно о своей учебе в Москве рассказывает Чарльз Нкакула, нынешний советник президента ЮАР по вопросам безопасности: «После конференции в Кабве¹⁶ Носививе¹⁷ и я были выбраны для дальнейшего обучения в Советском Союзе... Наши занятия по политической подготовке всегда касались вопросов рождения нового Советского Союза и Горбачева, рыцаря в блистающих доспехах, который вел Советский Союз в новую политическую эйфорию... На мое представление о *perestroika* и *glasnost* могло повлиять разочарование в личности Сталина и сталинизме. Я поддерживал все, что представляло отход от этой позиции в сторону демократии и свободы мысли» [Nqakula, 2017, p. 165–167]. Но немного далее он продолжает: «Я не мог себе представить, что через пару лет *perestroika* и *glasnost* бумерангом ударят и нанесут урон... всему коммунистическому миру» [Nqakula, 2017, p. 169].

¹⁶ Консультативная конференция АНК состоялась в замбийском городе Кабве в 1985 г.

¹⁷ Ноисививе Маписа-Нкакула, жена Чарльза, ныне является министром обороны и по делам ветеранов, ранее военное ведомство возглавлял и он сам. Еще один член их группы Сипиве Ньянда стал командующим Южноафриканскими национальными силами обороны, а затем тоже был министром. Ныне он посол в Мозамбике.

Джеймс Нгкулу отмечает, что реформы Горбачева коснулись даже сферы продажи алкоголя. «Пивные киоски в разных частях Москвы были закрыты... Одним из последствий стало появление новых способов приобретения алкоголя. Неожиданно наш навык покупки алкоголя на “черном рынке” в Анголе оказался снова нужным. Теперь мы махали водителям такси и, когда они останавливались, мы говорили “товарищ, водка, спасибо”» [Ngculu, 2009, p. 82–83].

Касрилс пишет: «...Возможно, мы были бы более восприимчивы к недостаткам этой [советской. – *авт.*] системы, если бы западная пропаганда в духе “холодной войны” не была столь враждебной и лицемерной. В то время, когда Запад делал лишь благочестивые заявления о зле апартеида, Советский Союз предоставлял нам практическую помощь» [Kasrils, 1998, p. 83].

Несмотря на все радушие и уважение к учащимся, некоторые могли сетовать, что «зубная паста Колгейт и вакса для обуви компании Нуггет недоступны в магазинах» или «обувь, радио, костюмы, ... купленные в ГДР были лучшего качества, чем в СССР» [Mavimbela, 2018, p. 128]. Однако такого рода жалобы были легкомысленными, по заявлению одного из бывших студентов [Mbali, 2012, p. 104].

Труднее понять высказывания Вуси Мавимбелы, обучавшегося в филиале ИОН еще в конце 1970-х гг.: «Мы случайно наталкивались на студентов АНК, обучающихся в Московском университете¹⁸. Они говорили нам, что среди русских свирепствует расизм, что черным студентам было опасно ездить одним в отдаленные районы города. Они были убеждены, что советская экономика состоит из глины и что это просто обман, который легко развалится, как колода карт» [Mavimbela, 2018, p. 113].

Однако в тот период даже открытые противники Советского Союза так не считали. С другой стороны, следует, наверное, учесть, что южноафриканцы, прибывавшие на учебу в вузы, не проходили серьезного отбора в АНК. Зачастую они не были связаны с движением, не привыкли к дисциплине, да и слабая общеобразовательная подготовка мешала осваивать программу в вузах. В те годы до половины их вынуждены были прекратить учебу из-за постоянной неуспеваемости, а то и из-за недостойного поведения.

Мавимбела продолжает: «... В конце наших измышлений мы [южноафриканцы. – *авт.*] поняли, что, если мы начнем замечать все слабости и просчеты Советского Союза, то к кому бы мы могли тогда обратиться с просьбой помочь в освобождении нашей страны? Мы убедили себя, что готовы закрыть глаза на некоторые проблемы принимающей стороны. Самое важное было то, что Советский Союз был единственным обществом, которое было готово дать нам оружие, образование, политическую поддержку и другие средства, необходимые для освобождения наших людей. Для нас это был уже результат» [Mavimbela, 2018, p. 113].

О недостатках советского общества Нгкулу пишет так: «Это не означает, что мы видели все только хорошее... На наши взгляды влияло многое, не только туристические экскурсии. Мы видели пьяных людей в барах, и это могло оказаться для нас неприятностью» [Ngculu, 2009, p. 82].

Специфическим источником сведений о пребывании активистов АНК в СССР являются показания тех, кто был арестован властями ЮАР и стал затем «аскари», но на точность таких сведений никак нельзя полагаться. Словом «аскари», означавшим солдат-африканцев в колониальных войсках Англии или Германии, в ЮАР стали называть бывших бойцов «Умконто», перешедших на сторону режима. Это слово есть и в названии книги южноафриканского исследователя Джекоба Дламини об «истории сотрудничества с врагом и предательства в борьбе против апартеида» [Dlamini, 2015].

¹⁸ Неясно, какой университет имеет в виду автор. В МГУ в то время учился лишь один южноафриканец.

Основным ее «героем» является захваченный в Свазиленде и незаконно переправленный на территорию ЮАР Глори Седибе, известный в АНК как «Септембер»¹⁹. Он стал важным источником информации для спецслужб Претории, но в указанной книге приводятся неверные сведения о составе обучавшейся в Москве в 1983 г. группы во главе с Ронни Касрилсом, в которую «Септембер» входил [Dlamini, 2015, p. 70].

С другой стороны, допросы членов АНК, ранее обучавшихся в СССР, могли иметь и неожиданные последствия. В книге, написанной Бредли Стейном в соавторстве с журналистом Марком Файном, этот бывший сотрудник спецслужб ЮАР пишет, как допрос активиста АНК, которого он называет «Кумало», повлиял на него и подтолкнул к переходу на сторону АНК [Steyn, Fine, p. 112–117].

По словам «Кумало», «...они [члены АНК. – авт.] особо много не перемещались по Москве, но все равно [в СССР. – авт.] чувствовалась более “доброжелательная” обстановка, нежели, скажем, в Кейптауне. Возможно, это было связано с тем, что во время занятий они наблюдали, как белые русские офицеры и белые южноафриканцы, такие как [Джо] Слово²⁰ тесно работали “с нами, черными”» [Steyn, Fine, 2019, p. 116].

Когда Стейн и его коллега Нил де Бир начали работать в службе безопасности и разведки АНК, у него появилось уважение к тем советским людям, кто помогал этому движению, и «осознание жизненного пути борцов АНК, изменило его взгляды» [Steyn, Fine, 2019, p. 164].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, отметим, что ввиду ограниченности объема статьи, авторы не ставили своей целью рассмотрение всех опубликованных мемуаров о пребывании в СССР, однако даже в представленных работах прослеживается некоторая «разнородность» высказываний, связанных с ролью Советского союза. Особенно это можно наблюдать, сравнивая воспоминания разных групп слушателей, где уже наблюдается разница в описании действительности 1960-х и 1980-х гг. Можно проследить, как оценки слушателей становятся более критическими, а некоторые даже восхваляли роль Горбачева, не ожидая, что скоро Советский Союз прекратит свое существование и как следствие помощь АНК прекратится. Несмотря на эту противоречивость, южноафриканцы ценят знания и опыт, полученные в Советском Союзе, и используют их в своей нынешней работе. Из рассмотренных мемуаров видно, что они помнят, как Советский Союз стремился «в пределах своих возможностей» предоставить для слушателей, курсантов и студентов все возможные виды поддержки.

Особо подчеркнем – многие советские люди, поддерживая «дух интернационализма» и «солидарности в борьбе с апартеидом», помогли изменить тысячам «черных» южноафриканцев их представления о «белых», демонстрируя это на собственном примере. Активисты АНК стали более уверенными в себе, особенно после прохождения военных курсов подготовки, познав на собственном опыте, как владеть оружием.

К сожалению, приходится признать, что после распада Советского Союза десятилетия сотрудничества с борцами против апартеида были почти забыты, и тогдашнее российское руководство не воспользовалось «привилегированным» положением нашей страны и не торопилось расширять контакты с новыми властями Южной Африки. К счастью, ныне ситуация изменилась к лучшему.

¹⁹ Остается добавить, что «Септембер», как и некоторые другие агенты, был ликвидирован своими «хозяевами» незадолго до смены власти в ЮАР.

²⁰ Джо Слово был начальником штаба «Умконто ве Сизве», а затем министром в правительстве Нельсона Манделы.

А в конце статьи остается добавить, что работы на данную тему сохраняют свою актуальность, хотя бы потому, что в нынешнем кабинете, возглавляемом президентом Сирилом Рамапосой есть несколько женщин-министров, проходивших военную подготовку в СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Горбунов Ю.И. *Крым: Партизаны для Африки*. Часть 2. 2013 [Gorbunov Yu.I. *Crimea: the Guerillas for Africa*. Part 2. 2013 (in Russian)] <https://topwar.ru/37348-krym-partizany-dlya-afriki-chast-2.html> (accessed: 20.04.21).

Alexander J. Opening Dialogue: 'Keynote Address. Storied Wars: Personal Narratives & Liberation Struggle Histories'. *Armed Struggle Conference 2016*. University of the Witwatersrand. 24 November 2016.

Bopela T., Luthuli D. *Umkhonto we Sizwe: Fighting for a Divided people*. Alberton: Galago Publishing Pty Ltd; 1st edition, 2005.

Gilder B. *Songs and Secrets: South Africa from Liberation to Governance*. Johannesburg: Jacana Media. 2012.

Dlamini J. *Askari: A Story of Collaboration and Betrayal in the Anti-apartheid Struggle*. Oxford: University Press, 2015.

Kasrils R. *Armed & Dangerous. From Undercover Struggle to Freedom*. Mayibuye Books, Bellville and Jonathan Ball, Johannesburg. 1998.

Krylova N. Le centre Perevalnoe et la formation de militaires en Union soviétique. *Cahiers d'études africaines*. 2017. № 226. Pp. 399–416.

Mavimbela V. *Time is Not the Measure: A Memoir*. Johannesburg: Real African Publishers, 2018.

Mbali F. *In Transit Autobiography of a South African Freedom Fighter*. South African History Online (SAHO), 2012.

Mfenyana S. *Walking with giants*. South African History Online (SAHO), 2017.

Ndlovu S. Russia and South Africa: Historical Memory. Part 1. *Journal of the Institute for African studies*. No. 4 (53). 2020. Pp. 18–32.

Ngculu L. *The Honour to Serve: Recollections of an Umkhonto Soldier*. Cape Town: David Phillip Publishing, 2009.

Nqakula C. *People's War: Reflections of an ANC Cadre*. Johannesburg: Mutloatse Arts Heritage Trust, 2017.

Setumu T. *Heeding the Call to Fight for the Fatherland. The Life and Struggle of T.T Cholo*. Johannesburg: Fortuned Africa Publishing, 2011.

Sibeko A. (Zola Zembe), Leeson J. *Freedom of our lifetime*. Durban SA: Indicator Press, 1996.

Steyn B., Fine M. *Undercover with Mandela's Spies: The Story of the Boy who Crossed the Square*. Johannesburg: Jacana Media, 2019.

The Road to Democracy in South Africa: South Africans Telling Their Stories, 1950–1970. Vol. 1. SADET (SADET, Mutloatse Heritage Trust), 2008.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ШУБИН Владимир Геннадьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Африки РАН, Москва, Россия.

Vladimir G. SHUBIN, DSc (History), Prof., Principal Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ТУРЯНИЦА Дарья Андреевна – аспирант, младший научный сотрудник Института Африки РАН, Москва, Россия.

Daria A. TURIANITSA, Post Graduate, Junior Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

DOI: 10.31857/S086919080016660-3

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ДЕТЕРМИНАНТЫ
И ПРОБЛЕМЫ-ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РОСТА В РАЗВИТЫХ И РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ¹

© 2021

В.А. МЕЛЬЯНЦЕВ ^а

^а – Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9139-2753; vamel@iaas.msu.ru

Резюме: В статье, основанной на ряде авторских расчетов и моделей, показано, что в механизме современного (интенсивного) экономического роста (СЭР), который за последние двести лет привел к колоссальному прогрессу в ныне развитых государствах (РГ) и немалой части развивающихся стран (РС), в последние 3–4 десятилетия возникли серьезные сбои. Несмотря на информационную революцию, углубление международного разделения труда (МРТ), в РГ и многих РС произошло заметное сокращение среднегодовых темпов прироста (СГТП) подушевого ВВП (ПВВП) и совокупной факторной производительности (СФП).

Хотя РГ все еще с отрывом лидируют в мире в сфере фундаментальных технологических инноваций и по уровню производительности, они, вследствие потери демографического дивиденда, снижения эффективности госуправления, гипертрофированного (по сравнению с реальным сектором) развития финансовой сферы, заметно сдают ряд своих позиций в мировой экономике быстрорастущим РС.

В отличие от многих африканских, ближневосточных и латиноамериканских стран, в ряде азиатских стран, в т. ч. КНР, Индии, Индонезии, новых индустриальных странах (НИС), вследствие проведения в них политики прагматичных реформ и открытости, внедрения современных технологий и социальных инноваций, СГТП ПВВП и СФП в тенденции значительно повысились.

Вместе с тем, учитывая, что во многих РГ и РС после финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. не произошло существенного смягчения финансово-экономических и социальных проблем, а накануне и во время пандемии они обострились, нельзя исключать того, что, если в относительно короткие сроки в РГ и РС не будут проведены серьезные социально-ориентированные реформы и значительно увеличена помощь последним, в т. ч. в борьбе с пандемией, в мире в ближайшие год-два может возникнуть системный или достаточно глубокий финансово-экономический и социально-политический кризис.

Ключевые слова: развитые и развивающиеся страны, экономический рост, модели, финансовые, экологические и социальные проблемы.

Для цитирования: Мельянцев В.А. Основные тенденции, детерминанты и проблемы противоречия современного экономического роста в развитых и развивающихся странах. *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 203–215. DOI: 10.31857/S086919080016660-3

¹ Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «Страны Азии и Африки в мировой экономике и международных хозяйственных отношениях».

MAIN TRENDS, DETERMINANTS AND PROBLEMS OF MODERN ECONOMIC GROWTH IN DEVELOPED AND DEVELOPING COUNTRIES

© 2021

Vitalii A. MELIANTSEV ^a

^a – Institute of Asian and African Studies, MSU, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9139-2753; vamel@iaas.msu.ru

Abstract: *The article, based on a number of author's calculations, shows that in the mechanism of modern economic growth, which over the last two hundred years has led to enormous progress in the now advanced economies (AES) and a part of developing countries (DCS), there occurred serious failures in the last 3–4 decades. Despite the information revolution and deepening of the international division of labor, compound annual growth rates (CAGRS) of per capita GDP (PCGDP) and total factor productivity (TFP) in the AES and many DCS have demonstrated a significant tendency to slowdown.*

Although the AES are still leading the world in the field of fundamental technological innovations, due to the loss of the demographic dividend, decrease in the efficiency of government effectiveness, hypertrophied development of the financial sector, they are noticeably losing their positions in the world economy.

Unlike many African, Middle Eastern and Latin American countries, a number of Asian countries (including the PRC, India and NICS), due to the policy of pragmatic reforms and openness, has succeeded in acceleration of CAGRs of their PCGDP and TFP.

However, given that in many AES and DCS after the global crisis of 2009 there was no significant mitigation of financial and social problems, and on the eve and during the pandemic they aggravated, it cannot be ruled out that if serious socially oriented reforms are not carried out in the AES and DCS, a deep financial, economic and socio-political crisis may arise in the world in the next year or two.

Keywords: developed and developing countries, economic growth, models, financial, environmental and social problems.

For citation: Meliantsev V.A. Main Trends, Determinants and Problems of Modern Economic Growth in Developed and Developing Countries. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5. Pp. 203–215. DOI: 10.31857/S086919080016660-3

Мы живем в весьма турбулентную эпоху в мире, в котором: (а) значительно возросла интенсивность технологических изменений², (б) существенно усилилась межстрановая конкуренция, (в) происходит резкое обострение глобальных финансово-экономических, геополитических, экологических, эпидемических и социальных проблем³.

Двойной глобальный кризис – пандемийный и экономический – огромный стресс для жителей многих стран Запада, Востока и Юга. Общая смертность от коронавирусной

² Подчеркнем, что, например, прирост мощности наиболее производительных суперкомпьютеров в мире в 2015–2020 гг. оказался в 12 раз больше, чем в 2010–2015 гг. [*Technological Progress*, 2021].

³ См.: [Стиглиц, 2016; Мир 2035. Глобальный прогноз, 2017; Кувалдин, 2017; Афонцев, 2019; *Перспективы экономической глобализации*, 2019; Акимов, Мельянцева, 2020; Инновационная конкуренция, 2020; *Афро-азиатские страны и новые технологии*, 2020; *National Intelligence Council*, 2021].

пандемии (КП) уже весьма ощутима – не менее 4–5 (по уточненным оценкам – 7–13) млн человек. Это пока менее 0.2% численности мирового населения, что меньше в десятки и сотни раз, чем соответственно от «испанки» и «Черной смерти»⁴. Но КП, несмотря на ряд принятых мер, никуда не уходит, а ее вирус продолжает мутировать. Это увеличивает и без того высокие риски и неопределенности в мировой экономике и политике.

Несмотря на значительную, хотя весьма неравномерную по странам, финансовую накачку и ряд других противокризисных действий, в 2020 г. ПВВП в мире сократился на беспрецедентную величину за последние 3/4 века приблизительно на 4.3% (на 5% в РФ и 3.4% в РС) (рассч. по [IMF, 2021, p. 128]). По индексу человеческого развития (ИЧР), кумулирующему в одном показателе достижения экономики, здравоохранения и образования, планета в 2020 г. оказалась отброшенной приблизительно на 7–8 лет назад (рассч. по [The UNDP, 2020, p. 7, 350]).

Попробуем, не претендуя на окончательность выводов, произвести в сжатом виде диагностику весьма неоднозначных процессов современного мирового экономического развития, обобщая и сопоставляя доступную нам совокупность факторов и обстоятельств *текущего момента*, опираясь при этом на анализ долгосрочных и среднесрочных трендов экономической эволюции РФ и РС⁵.

LONGUE DURÉE

Если использовать броделевскую парадигму и дать оценку итогов развития мира в формате *longue durée* за время действия первых 3–4-х промышленных революций (ПР), т. е. периода *современного экономического роста*, начало исследования которого положено С. Кузнецом, П. Бэроком, Э. Мэддисоном [Kuznets, 1966; Bairoch, 1997; Maddison, 2007], можно обнаружить немалый, хотя и неравный по РФ и РС, прогресс.

В 1800–2020 гг., несмотря на длительный период колониализма, две мировые войны, Великую депрессию и другие кризисы, *объем производства в аграрном, индустриальном секторе и сфере услуг* на нашей планете увеличился соответственно в 10–12, 245–250 и 175–180 раз. При этом ПВВП землян вырос в 19–20 раз, в ныне РФ – в 26–27, в РС – в 9–10 раз (рассч. по ист. к граф. 1).

Масштабные технологические и организационно-институциональные инновации, произошедшие в эту эпоху, многократное увеличение *нормы вложений в физический и человеческий капитал*⁶, значительная *интенсификация внешнеэкономических связей*⁷, а также внушительный *рост уровня образования населения*⁸ вызвали существенное *увеличение СФП* – в 1800–2020 гг. в целом по миру в 5 раз; в среднем по РФ – в 9–10 и в РС (всего) в 2.5 раза (рассч. по данным граф. 2).

⁴ Рассчитано по [Jorda et al., 2020, p. 12–15; UN, 2021, p. 3; There have been, 2021].

⁵ Методологически весьма полезна мысль Дж. М. Кейнса о том, что «экономист высшей пробы ... должен изучать настоящее в свете прошлого во имя будущего» [Keynes, 2021].

⁶ В целом по миру показатель вырос с 3–4% ВВП в 1000–1800 гг. до 22–24% в 1800–2020 гг., в т.ч. в ныне РФ – с 5–7% до 26–28%, в РС – с 2–3% до 17–19% (рассч. по источникам к граф. 1, а также по: [Мельянцеv, 2013, с. 18–21]).

⁷ *Вклад экспорта в рост ВВП* в целом по миру повысился с менее 2% в 1500–1820 гг. до 1/10 в 1820–1950 гг. и 1/3 в 1950–2019 гг. (рассч. по источникам к граф. 1 по формуле: $V = [a \cdot 0.5 (b_1 + b_2) : c] \cdot 100$, %, где V – вклад экспорта в прирост ВВП, а и с – среднегодовые темпы прироста экспорта и ВВП, b₁ и b₂ – доля экспорта товаров и услуг в ВВП соответственно в начале и конце периода).

⁸ В целом по миру индикатор увеличился с менее 1 года *обучения взрослого населения* в 1800 г. до 9–10 лет в 2018/2019 г., в т.ч. в ныне РФ с ~ 1.7 лет до 17–18 лет, в РС – с ~ 0.5 года до 8–9 лет (составлено и рассчитано по источникам к граф. 1 и 3).

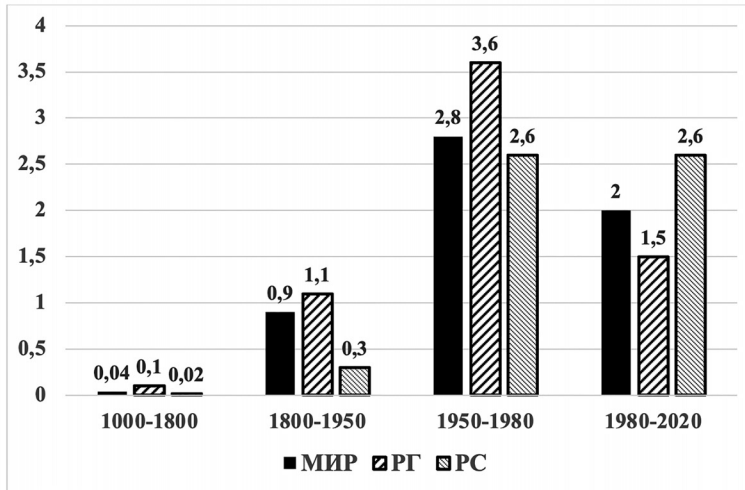

График 1. Среднегодовой темп прироста (СГТП) душевого ВВП (ПВВП) в ныне развитых государствах (РГ), развивающихся странах (РС) и в целом по миру, 1000-2020 гг., %

Расчитано по данным в ППС 2017 г. по [The World Bank, 2021, p. 4; Maddison, 2007, p. 376-383; Мельянцеv, 1996, с. 61, 145; 2009, с. 190, 206], а также по данным World DataBank (<http://databank.worldbank.org>); IMF Data (<http://www.imf.org/external/data.htm>); OECD (<http://stats.oecd.org>).

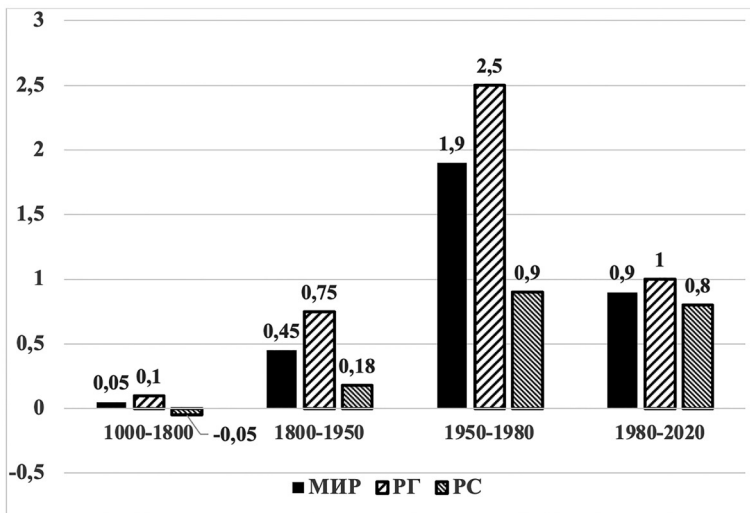

График 2. СГТП совокупной факторной производительности (СФП) в ныне РГ, РС и в целом по миру, 1000-2020 гг., %

Примечание. 1. РГ и РС – соответственно развитые государства и развивающиеся страны (включая НИС и переходные). 2. Расчитано по формуле: $y = \alpha \cdot l + (1-\alpha) \cdot k + r$, где y , l , k и r – среднегодовые темпы прироста ВВП, занятости, основного капитала и совокупной факторной производительности. 3. Средние показатели эластичности изменения ВВП по рабочей силе (α) и капиталу ($1-\alpha$) взяты равными соответственно в 1000–1800 гг. 0,8 и 0,2; в 1800–1950 гг. 0,7 и 0,3 и в 1950–2020 гг. 0,65 и 0,35.

Расчитано по источникам к граф. 1, [Meliantsev, 2004, p. 124–125, 127; Мельянцеv, 1996, с. 58, 95, 121, 143, 190–191, 198, 201, 224; 2009, с. 182, 208–209; 2013, с. 25–26], а также по данным UNCTADstat (<http://unctadstat.unctad.org>).

	Сектор	1500 г.	1800 г.	1950 г.	1980 г.	2000 г.	2019 г.
РГ	А	80	66	25	9	5	3
	В	10	17	35	36	27	22
	С	10	17	40	55	68	75
РС	А	80	77	71	62	48	32
	В	10	10	13	18	19	23
	С	10	13	16	20	33	45
Мир	А	80	75	60	52	40	27
	В	10	11	18	21	21	23
	С	10	14	22	27	39	50

Таблица 1. Динамика структуры занятости в ныне развитых государствах (РГ), развивающихся странах (РС) и в целом по миру, %

Примечание. А, В, С – соответственно аграрный сектор; промышленность и строительство; сфера услуг.

Составлено и рассчитано по [Bairoch, Tome 1 p. 597, Tome 2 p. 189; Tome 3 p. 740; Maddison, 1998, p. 69; The World Bank, 1998, p. 52, 60; Королев, 2003, с. 529-538; Мельянцева, 1996, с. 110, 161].

Произошли громадные изменения в социальной сфере. *Интенсивность сдвигов* в макроотраслевой структуре занятости населения в целом по миру (см. табл. 1) выросла в 3–4 раза с 1800–1950 гг. по 1950–2019 гг.⁹, а вклад фактора перемещения рабочей силы из отраслей с низкой в отрасли с более высокой производительностью труда в прирост ВВП удвоился – с 1/10 до 1/5¹⁰. Это было связано с тем, что доля населения, занятого в сельском хозяйстве, составлявшая в доиндустриальную эпоху в странах Востока и Запада не менее 3/4, сократилась в 1800–2019 гг. почти втрое ~ до 1/4. Правда, по группе РС показатель все еще на порядок выше, чем в среднем по РГ (32% vs 3%; см. табл. 1). Но то, что даже по РС рассматриваемый структурный показатель стал в среднем меньше 1/3, свидетельствует о том, что технико-экономическая и социальная модернизация затронула огромные пласты населения афро-азиатских и латиноамериканских государств.

Доля городского населения, составлявшая, по ряду расчетов и оценок, в целом по миру ~ 1% в 1 г. н.э., 3% – в 1000 г., 3–4% – в 1500 г., 7–8% – в 1800 г., увеличилась до 16% в 1900 г., 33.6% – в 1960 г. (в РГ – 62.2%, в РС – 23.5%), 39.4% – в 1980 г. (соответственно 70.3 и 30.6%) и 55.7% – в 2019 г. (80.8 и 50.8%)¹¹.

Если в XVIII в. в целом по миру детская смертность (в возрасте до пяти лет) достигала 1/3, то в 2019 г. она сократилась до 3–4%, в т. ч. в РГ – до 0.5%, в целом по РС – ~ до

⁹ Интенсивность сдвигов в макроотраслевой структуре занятости (J) рассчитана по следующей формуле: $J = \{[(100 + \sum_{i=1}^n \Delta A_{it} - A_{i0})/100]^{1/n} - 1\} * 100$, %, где A_i – доля сектора i в общей численности занятых в проц. пунктах в начальном или конечном моментах периода (0, t), n – число секторов (в данном случае – три: аграрный, индустриальный, третичный). Показатель изменился соответственно с 0.2% до 0.7–0.8%.

¹⁰ Расчеты произведены по источникам к граф. 1 и табл. 1 с использованием следующей формулы:

$$\Delta Y/L = \sum_{i=1}^n \Delta \left(\frac{Y_i}{L_i} \right) * L_{i0}/L_0 + \sum_{i=1}^n \Delta \left(\frac{L_i}{L} \right) * (Y_{i0}/L_0) + \sum_{i=1}^n \Delta \left(\frac{Y_i}{L_i} \right) * \Delta \left(\frac{L_i}{L} \right)$$

где Y/L , Y_i/L_i , Y_{i0}/L_{i0} – производительность труда, в т.ч. в i -й отрасли и в базовом периоде; L/L , L_i/L_i , L_{i0}/L_{i0} – доля i -й отрасли в совокупной занятости, в т.ч. в базовом периоде. Рост производительности труда декомпозируется на три эффекта: рост производительности труда по отраслям экономики, межотраслевое перемещение занятости, совместный эффект роста производительности и межотраслевого перемещения занятости.

¹¹ Сост. по источн. к граф. 1, а также [Sachs, 2020, p. 8, 129].

4%¹². Число убийств на 100 тыс. человек за последние два века снизилось в среднем по миру ~ в 8–10 раз до 6 человек (в среднем по РС – ~ до 7, в РГ – менее 1 человека)¹³. Средняя продолжительность предстоящей жизни от рождения выросла в целом по миру с 27–28 лет в 1800 г. до 43–44 лет в 1950 г. и 72–73 лет в 2018/2019 гг., в т. ч. по ныне РГ – с ~ 33 лет до 66 и 81 года, по РС – с ~ 26 до 37 и 71 года¹⁴.

Если в 1800 г. доля грамотных в мире достигала 10–12%, то в 2018–2019 гг. доля неграмотных в нем составляла ту же величину (в т. ч. в целом по РС 14–16% и в РГ менее 1–2%)¹⁵. ИЧР увеличился в 1800–2020 гг. весьма весомо – почти на порядок: соответственно ~ в 9; 9.5 и 7 раз (рассч. по данным граф. 3). При этом доля критически бедного населения на планете сократилась с 9/10 в 1800 г. до 1/2 в 1980 г. и 1/10 в 2020 г. (см. граф. 4). Если два века назад в более богатых странах на социальное обеспечение расходовалось не более 1% ВВП, то теперь до 20–25% [Pinker, 2018, p. 117, 322].

Произошел значительный прогресс в досуге, связанный с тем, что в мире за последние два столетия: (а) снизилось отработанное время в год на одного занятого более чем на 1/3 до 2000–2100 час. (в т. ч. в целом по РГ – в 1.8 раза до 1600–1700 час, по РС – на 1/3 ~ до 2100 час.); (б) доля рабочего времени¹⁶ в общем бюджете времени в течение жизни человека сократилась ~ на 1/5 до 15–17% (в т. ч. в РС – на 1/10 до 16–18%, в РГ – более чем вдвое до 10–11%); (в) колоссально и для многих стран населения выросло качество досуга и разнообразие способов его реализации¹⁷.

Однако, судя по данным ПРООН, доля мирового богатства (МБ), приходящаяся на высший 1% населения, сократившись в 1910–1980 гг.¹⁸ примерно с 1/2 до 1/4, выросла к 2017 г. как минимум¹⁹ на треть до 1/3, в то время как беднейшая половина мирового населения располагала менее 2% МБ [The UNDP, 2019, p. 131–133]. По расчетам Credit Suisse, произведенным по большему числу РГ и РС, доля топового 1% населения планеты в МБ могла в 2019 г. достигать 45%, а на долю низшей его половины приходилось всего 1% МБ [Credit Suisse, 2019, p. 168].

Обобщая сказанное, подчеркнем, что за сравнительно короткий период современного экономического роста, составляющий не более 1/25 всего периода существования человеческой цивилизации, несмотря на массу проблем, противоречий и кризисов, удалось, благодаря прогрессу технологий, социальных инноваций и систем управления, сделать очень много, что нужно ценить, из чего нужно извлекать опыт и уроки. Но сейчас, в условиях серьезно нарастающих глобальных вызовов, не происходит ли то, что, говоря словами Гамлета, «начинания, взнесенные мощно, сворачивая в сторону свой ход, теряют имя действия»?

¹² Рассч. по источн. к граф. 1, а также [Pinker, 2018, p. 117, 322].

¹³ Рассч. по источн. к граф. 1, а также [How Was Life, 2014, p. 146, 148, 150].

¹⁴ Сост. по источн. к граф. 3, а также: [Life Expectancy, 2021]. В результате прогресса медицины, достижений в области медтехники, фармацевтики, биохимии современные люди, многое воспринимающие как должное, резко улучшили качество своей жизни и стали активно пользоваться средствами анестезии, антибиотиками, а хирургические операции стали все менее инвазивными.

¹⁵ Сост. по источникам к граф. 1, а также: [How Was Life, 2014, p. 94; Pinker, 2018, p. 323].

¹⁶ В общественном производстве.

¹⁷ Расчеты и оценки сделаны по: [Maddison, 2007, p. 384; Working Hours; Average Annual Hours].

¹⁸ В т. ч. в результате двух мировых войн, ряда революций, Великой депрессии и повышения ставок налогообложения наиболее богатых слоев населения.

¹⁹ По оценкам, к середине 2010-х гг. в офшорах было скрыто 7-8 трлн долл., что было больше соответственного ~ на 1/5 и 1/4, чем совокупное учтенное активы богатейших 1645 миллиардеров мира и величина рыночной капитализации 20 крупнейших компаний мира. Это богатство эквивалентно ~ 1/10 глобального ВВП (рассч. по: [The UNDP, 2019, p. 244], а также по источн. к граф. 1).

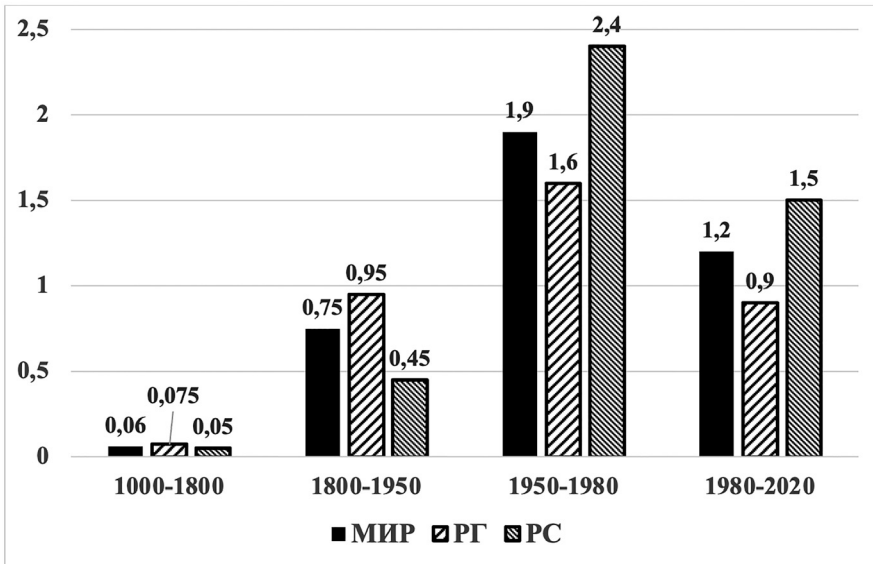

График 3. СГТП индекса человеческого развития (ИЧР) ныне РГ, РС и в целом по миру, 1000-2020 гг., %

Примечание. 1. Индекс человеческого развития (ИЧР) рассчитан как среднегеометрическое невзвешенное относительных показателей подушевого ВВП (в ППС 2017 г.), средней продолжительности предстоящей жизни от рождения, уровня образования взрослого населения (за 1000–1800 гг. оценено по грамотности, за 1800–2014 гг. – по среднему числу лет обучения взрослого населения). 2. ИЧР по группам стран и в целом по миру взвешен по численности населения.

Рассчитано по источникам к граф. 1, [Meliantsev, 2004, р. 124-125; Мельянцеv, 2013, с. 9.], а также по данным UNDP.Data (<http://hdr.undp.org/en/data>).

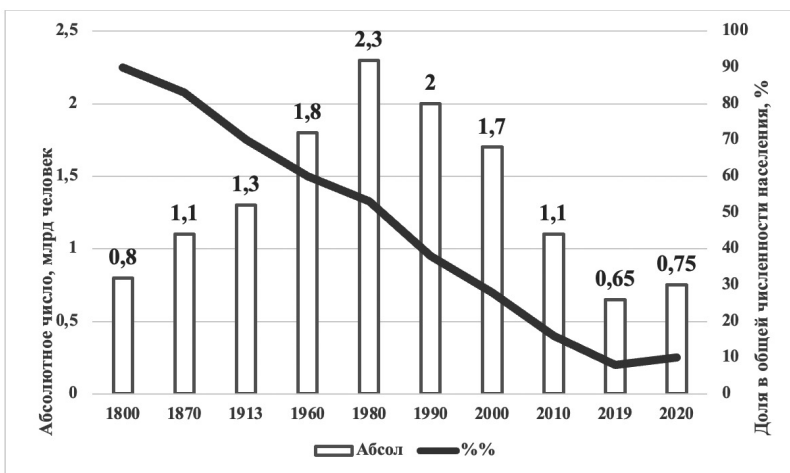

График 4. Мир, 1800-2020 гг.: динамика абсолютного и относительного числа критически бедных людей (критерий - дн. потребление менее 1,9 долл. в ППС 2011 г.)

Составлено и рассчитано по [The World Bank, 2020(2), р. 5; Мельянцеv, 2013, с. 32–33], а также по данным The World Bank DataBank (<https://databank.worldbank.org>).

ТОРМОЖЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И ЕГО ПРИЧИНЫ

Суть происходящего во многом парадоксального феномена – в том, что во время 3-й – 4-й ПР (в наших расчетах – 1950–2020 гг.) в мире, несмотря на трехкратное (по ср. с 1800–1950 гг.) повышение совокупной нормы капиталовложений²⁰, увеличение мощности компьютеров более чем в 10 трлн раз, двузначный в последние два десятилетия СГТП интернетизации и роботизации²¹, интенсификацию внешнеэкономических связей²², снижение СГТП численности населения (в 1980–2020 гг. по ср. с 1950–1980 гг. более чем на 1/4 до 1.4%), СГТП ПВВП сократился с 2.8% в 1950–1980 гг. до 2.0% в 1980–2020 гг. (см. граф. 1).

Торможение затронуло немалую часть РС, но в значительно большей мере – всю группу РГ, в которых рассматриваемый показатель снизился более чем вдвое – соответственно с 3.6% до 1.5% (в целом по РС он, если уменьшился, то минимально – всего с 2.6 до 2.5–2.6%). Примерно в той же пропорции произошло и сокращение СГТП СФП (см. граф. 2): в целом по миру с 1.9 до 0.9% (в РС – незначительно – с 0.9 до 0.8%, а в РГ резко – с 2.5 до 1%). По нашим расчетам, произведенным по двум формулам²³, существенное замедление роста ПВВП в среднем по РГ было связано соответственно на 1/5–1/4 и на 3/4–4/5 с уменьшением вклада капиталовооруженности труда и СФП²⁴.

Причины торможения роста в РГ исследованы далеко не полностью. Проанализируем в сжатом виде ряд наиболее важных из них. Во-первых, современная система национальных счетов, созданная более чем 3/4 века назад для анализа индустриальных экономических систем, как представляется, не вполне адекватно оценивает динамику количества, и особенно качества производства товаров и услуг в современных РГ²⁵. Не исключено, что СГТП их ПВВП и СФП недооценен ~ на 1/4–1/3, в т. ч. из-за недоучета сброса цен на принципиально новые товары и услуги после начала масштабирования их производства²⁶. Но это, полагаю, не главная причина.

Во-вторых, в РГ происходит существенное старение населения²⁷, увеличивающее социальные расходы, снижающее в тенденции норму сбережений, ведущее к уменьшению т.

²⁰ Доля вложений в физической и человеческий капитал в ВВП увеличилась целом по миру с 12–13% ВВП до 37–39%, в т. ч. в РГ – с 16–18 до 41–43%, в РС – с 8–9 до 31–33% (рассч. по источникам к граф. 1, а также по: [Мельянцеv, 2013, с. 18–21]).

²¹ Доля населения, подключенного к интернету, выросла в 2000–2020 гг. в целом по миру с 6.5% до 64.2%, в т. ч. в целом по РГ – с 27 до 88%, в РС – с 1.4% до 59%, а СГТП рассматриваемого показателя оказался равен соответственно 12%, 6% и 20–21%. Число промышленных роботов в расчете на 100 тыс. человек, занятых в обрабатывающей промышленности, увеличилось в среднем по миру в 2010–2019 гг. с 180–190 до 420–430 (СГТП ~ 9–10%). (рассч. по источникам к граф. 1, а также: [Мельянцеv, 2017, с. 163; *Top 500 supercomputers*, 2021; *Internet World Stats*, 2021; *International Federation of Robotics*, 2020]).

²² Приток ПИИ в ВВП, составлявший в целом по миру в 1950–1980 гг. менее 0.4–0.5%, вырос в 1980–2010-е гг. в 4–6 раз до ~ 2% (в РС в среднем – до 2.1%, в РГ до – 1.9%). Доля экспорта товаров и услуг в ВВП увеличилась в целом по миру тоже многократно: с 6–7% в 1800–1950 гг. до 12–14% в 1951–1980 гг. и 23–24% в 1981–2019 гг., в т. ч. в РГ – 23–25%, в РС – 22–23% (рассч. по источникам к граф. 1 и 2).

²³ $(y-p) = (e-p) + (1-\alpha)*(k-e) + r$ и $(y-p) = (h-p) + (1-\alpha)*(k-h) + r$, где y ; p ; e ; h ; k ; r – соответственно среднегодовые темпы прироста ВВП, численности населения, занятости, общего числа отработанных часов, основного капитала и совокупной факторной производительности; $(1-\alpha)$ – эластичность выпуска ВВП по капиталу (в 1950–1980 гг. – 0.35, в 1980–2020 гг. – 0.40). В каждой из двух формул рост ПВВП определяется вкладами/динамикой трех компонент – (а) относительной интенсивности трудовых затрат общества (в первой формуле по занятости населения, во второй – по отработанному времени в расчете на численность населения); (б) капиталовооруженности труда; (в) СФП. Рассчитано по источникам к граф. 1, а также: [Average Annual Hours].

²⁴ Вклад первой компоненты оказался минимальным.

²⁵ Это в определенной мере справедливо и для ряда продвинутых РС.

²⁶ Немалая часть весьма полезных и пользующихся возросшим спросом в мире, прежде всего цифровых, услуг предоставляется бесплатно или почти бесплатно. [Byrne et al., 2016, p. 150; Turner, 2017; Spence, 2019].

²⁷ В конце 2010-х гг. медианный возраст в среднем по РГ (42–43 года) был почти в полтора раза выше, чем в целом по РС (29–30 лет, без КНР – 26 лет). Рассчитано по [CIA World Factbook, 2021].

н. демографического дивиденда (ДД)²⁸. Согласно рассчитанной нами модели, торможение роста ПВВП в крупных РГ в 1980–2010-е гг. по сравнению с 1950–1980 гг. ~ на 1/3 могло быть связано с переходом развитых обществ в функциональный режим более или менее быстрой утраты ДД [Мельянцев, 2016, с. 50–51].

В-третьих, в среднем по РГ почти 3/5 замедления СГТП производительности труда (ПТ, с 3.4% в 1950–1980 гг. до 1.4% в 1980–2019 гг.) связано (а) с трехкратным торможением СГТП ПТ в сфере услуг (соответственно с 2.4 до 0.8%), в результате чего рассматриваемый показатель оказался втрое ниже, чем в сфере материального производства (2.4%) и (б) перераспределением в 1980–2019 гг. ~ 20 проц. пунктов занятости в сферу услуг, в которой уровень ПТ, бывший в 1980 г. в полтора раза более высоким, чем в индустриальном секторе, оказался в 2019 г. уже на 1/10 ниже, чем в последнем (подсч. по источн. к граф. 1, табл. 1).

Оборотная сторона масштабной сервисизации в РГ – это деиндустриализация в них структуры производства и занятости. Этот процесс в немалой мере вызван метаморфозой в эффективном спросе населения в РГ (в пользу услуг, по закону Э. Энгеля), а также углублением МРТ и передислокацией из них части производственных цепочек и весьма динамичных бизнесов в конкурентоспособные по производственным издержкам РС, в которых действует намного меньше социально-экологических ограничений.

В-четвертых, хотя развитие финансовой системы архиважно для экономического прогресса, чрезмерная финансиализация экономики в РГ²⁹, оборачивающаяся, как показывает немалое число исследований, недоинвестированием в физический и человеческий капитал их реального сектора [Fogoohar, 2018], сдерживает их развитие.

Сильная кредитная накачка, в т. ч. вследствие сохранения низких процентных ставок на заемные средства, может временно поддерживать на плаву экономику, но: (а) ведет к выживанию низкоэффективных и зомби-компаний, тормозящему переход к более инновационным методам производства, (б) способствует не столько наращиванию капиталовложений в оборудование и НИОКР, сколько, в т. ч. через распространение практики обратного выкупа акций (buyback)³⁰, возникновению финансовых пузырей³¹. При этом в целом по группе РГ вследствие снижения доли валовых капиталовложений (ВК) в ВВП (с 24–26% в 1950–1980 гг. до 20–22% в 1981–2019 гг.) и увеличения удельного веса амортизации в ВК (~ с 1/3 до 3/4), доля чистых капиталовложений в ВВП сократилась примерно в 2.5 раза – соответственно с 15–17% до 5–7% ВВП (рассч. по источникам к граф. 1, а также [Мельянцев, 2009. с. 204; *The Economic Report of the President*, 2021. р. 464, 480–481]).

В-пятых, олигополизация, концентрация производства и капитала, происходящие в РГ в целом: (а) ограничивают в них конкуренцию, (б) усиливают неравенство в распределении доходов, потребления и богатства, сдерживая рост эффективного спроса [Andrews et al.,

²⁸ Сравнительно высокая доля населения в возрасте от 15 до 64 лет от общей его численности.

²⁹ Показатель финансовой глубины (здесь – сумма кредитов частному сектору и рыночной капитализации по акциям к ВВП) вырос в 1980–2019 гг. в целом по миру с 95% до 224%, в т. ч. по РГ – с 113 до 252% и в РС – с 43 до 167% (рассч. по источникам к граф. 1), т. е. даже без учета деривативов объем финансовых активов к ВВП, возросший в целом по миру за последние (без малого) четыре десятилетия в 2–2.5 раза (в среднем по РГ – в 2.2 раза, в РС – ~ в 3.9 раза), превысил, по нашим расчетам, критическую «планку» (после прохождения которой, по модели, темпы прироста ВВП в тенденции снижаются) почти на 1/3, в т. ч. по РГ – более чем на 2/5 (подсч. по источн. к граф. 1).

³⁰ В США в 1980–2016 гг. доля обратного выкупа акций в прибыли нефинансовых корпораций выросла с менее 5% до 25%, а чистых капиталовложений, наоборот, сократилась с 45% до 25%. [*The World Economic Forum*, 2019, р. 33].

³¹ См.: [UN, 2021. р. 22]. Между тем финансовый показатель р/е (отношение рыночной стоимости акции к годовой прибыли, полученной за акцию) на рынках США в конце 2020 г. был вдвое выше (36) его долгосрочного трендового значения за последние 100 лет. Это может свидетельствовать о перегреве финансовых рынков [Wolf, 2021].

2019; Vollrath, 2020, p. 98–99, 170, 175]. А поскольку доля зарплат в национальных доходах РГ имеет тенденцию к сокращению, то не исключено, что увеличение части «общественного пирога» в РГ, приходящейся на прибыли и сверхвысокие оклады высших управленческих кадров, в расчете на сравнительно ограниченное число бенефициаров происходит более или менее динамично³².

Вследствие глобализации, дерегулирования рынков труда и капитала, интенсификации процессов офшоринга (выноса бизнесов, прежде всего в РС с их более низкими трудовыми издержками), иммиграции в РГ, внедрения трудосберегающих технологий, а также снижения налоговых ставок на доходы наиболее богатых слоев населения (с конца 1970-х по конец 2010-х гг. в целом по РГ – более чем на 1/3 ~ до 40%, по РС – почти наполовину – до 28–29%) [The UNDP, 2019, p. 242; UNCTAD, 2020, p. 67–69], в мире доля трудовых доходов в ВВП сократилась в 1980–2017/2018 гг. ~ на 1/10, в т. ч. в РГ до 54–56% и РС до 47–49%³³.

В среднем по РГ доля топового 1% населения в их национальном богатстве увеличилась с начала 1980-х гг. по конец 2010-х гг. ~ в полтора раза – с 19–20% до 29–30% (рассч. по [McKinsey Global Institute, 2019, p. 49; Credit Suisse, 2019, p. 168]). В результате того, что доходы и прибыли наиболее обеспеченной части населения РГ росли в 3–5 раз быстрее, чем у его остальной части, в среднем по РГ коэффициент Джини по распределению располагаемых доходов³⁴ вырос с начала 1980-х гг. по середину 2010-х гг. как минимум на 1/10, до ~ 0.35 [McKinsey Global Institute, 2019, p. 5; The UNDP, 2019, p. 125].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Акимов А.В., Мельянцев В.А. Что нас ждет впереди: проблемы и перспективы экономического роста в мире и странах Востока. *Восток (Oriens)*. 2020. № 1. С. 28–41 [Akimov A.V., Meliantsev V.A. What Is Ahead of Us: Problems and Prospects of Economic Growth in the World and the Countries of the East. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 1. Pp. 28–41 (in Russian)].

Афонцев С.А. Новые тенденции в развитии мировой экономики. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 5. С. 36–46 [Afontsev S.A. New Trends in the Development of the World Economy. *World Economy and International Relations*. 2019. Vol. 63. No. 5. Pp. 36–46 (in Russian)].

Афро-азиатские страны и новые технологии. Под ред. Н.Н. Цветковой. М.: ИВ РАН, 2020 [African-Asian Countries and New Technologies. Ed. N.N. Tsvetkova. Moscow: IOS RAS, 2020 (in Russian)].

Инновационная конкуренция. Под ред. Н.И. Ивановой. М.: Весь мир, 2020 [Innovative Competition. Ed. N.I. Ivanova. Moscow: Ves' mir, 2020 (in Russian)].

Королев И.С. *Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет*. М.: ЮристЪ, 2003 [Korolev I.S. *The World Economy: Global Trends for 100 Years*. Moscow: Iurist, 2003 (in Russian)].

Кувалдин В.Б. *Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения*. М.: Весь мир, 2017 [Kuvaldin V.B. *Global World. Politics. Economy. Social relations*. Moscow: Ves' mir, 2017 (in Russian)].

Мельянцев В.А. *Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность*. М.: Издательство Московского университета, 1996 [Meliantsev V.A. *East and West in the Second*

³² В США в последние сорок лет соотношение зарплат высшего управленческого звена и среднего работника в крупнейших (по продажам) 350 компаниях выросло почти в 10 раз до 280. При этом в США в 1990–2010-е гг. доля прибыли (после вычета налогов) в ВВП выросла вдвое [Wolf, 2019; Tett, 2019].

³³ Без учета сильно выросших окладов и бонусов руководителей компаний и высших групп менеджмента доля трудовых доходов снизилась намного больше – в целом по РГ до 1/2 и РС – 2/5 [The World Economic Forum, 2020, p. 31; UNCTAD, 2020, p. 65; McKinsey Global Institute, 2019, p. 49; Мельянцев, 2018, с. 111].

³⁴ После удержания налогов и предоставления субсидий.

Millennium: Economics, History and the Modern World. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1996 (in Russian)].

Мельянцев В.А. *Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен (сравнительная оценка эффективности роста в 1980–2000-е гг.)*. М.: Ключ-С, 2009 [Meliantsev V.A. *Developed and Developing Countries in an Era of Change (Comparative Assessment of the Efficiency of Growth in the 1980–2000s)*. Moscow: Klyuch-S, 2009 (in Russian)].

Мельянцев В.А. *Анализ важнейших трендов глобального экономического роста*. М.: Ключ-С, 2013 [Meliantsev V.A. *Analysis of the Most Important Trends in Global Economic Growth*. Moscow: Klyuch-S, 2013. (in Russian)].

Мельянцев В.А. Торможение глобальной экономики и (полу)периферийные страны. *Азия и Африка сегодня*. 2016. № 10. С. 27–34 [Meliantsev V.A. Slowdown of the Global Economy Growth and (Semi-)Peripheral Countries. *Asia and Africa Today*. 2016. No. 10. Pp. 27–34 (in Russian)].

Мельянцев В.А. Умные технологии, парадокс Солоу и социально-экономические противоречия развития в странах Запада и Востока в начале XXI века. *Восток (Oriens)*. 2017. № 3. С. 162–180 [Meliantsev V.A. Smart Technologies, Solow's Paradox and Contradictions of the Socio-Economic Development in the Countries of the West and East in the Early Twenty First Century. *Vostok (Oriens)*. 2017. No. 3. Pp. 162–180 (in Russian)].

Мельянцев В.А. Современная глобализация и ее воздействие на экономически продвинутые и развивающиеся страны. *Вестник Московского университета*. Сер. 13. Востоковедение. 2018. № 1. С. 98–119 [Meliantsev V.A. Contemporary Globalization and Its Impact on Economically Advanced and Developing Countries. *Vestnik Moskovskogo Universiteta*. Ser. 13. Oriental Studies. 2018. No. 1. Pp. 98–119 (in Russian)].

Мир 2035. Глобальный прогноз. Под ред. А.А. Дынкина. М.: Магистр, 2017. [World in 2035. *Global Forecast*. Ed. A.A. Dynkin. Moscow: Magistr, 2017 (in Russian)].

Перспективы экономической глобализации. Под ред. А.С. Булатова. М.: КНОРУС, 2019 [Perspectives of Economic Globalization. Ed. A.S. Bulatov. Moscow: KNORUS, 2019 (in Russian)].

Стиглиц Дж. *Великое разделение. Неравенство в обществе, или что делать оставшимся 99% населения?* М.: Эксмо. 2016 [Stiglitz J. *The Great Divide. Unequal Societies and What We Can Do About Them*. Moscow: Eksmo, 2016 (Russian translation)].

Andrews D., Criscuolo Ch., Gal P. The Best vs the Rest: The Global Productivity Slowdown Hides an Increasing Performance Gap across Firms. *The VoxEU*. 04.07.2019. <https://voxeu.org/article/productivity-slowdown-s-dirty-secret-growing-performance-gap> (accessed 04.07.2019).

Average Annual Hours Actually Worked per Worker. *OECD Data*. <https://stats.oecd.org/Index.aspx?ThemeTreeId=9> (accessed 29.03.2021).

Bairoch P. *Victoires et déboires. Histoire économique et sociale du monde du XVI siècle à nos jours*. Tomes 1, 2, 3. Paris: Gallimard, 1997.

Byrne D., Fernald J., Reinsdorf M. Does the United States Have a Productivity Slowdown or a Measurement Problem? *Brookings Papers on Economic Activity*. 2016. Spring.

CIA World Factbook. Median Age. <https://www.cia.gov/the-world-factbook/field/median-age/country-comparison> (accessed 19.03.2021).

Credit Suisse. Global Wealth Data Book, 2019. Zurich, 2019.

Foroohar R. Business Must Step Up and Help Fix American Education. *The Financial Times*. 29.04.2018. *How Was Life? Global Well-being Since 1820*. Ed. Van Zanden J.-L. et al. Paris: OECD, 2014.

IMF Data (<http://www.imf.org/external/data.htm>)

IMF. World Economic Outlook. Washington, D.C., 2021, April.

International Federation of Robotics. Executive Summary. World Robotics 2020 Industrial Robots. Frankfurt, 2020. https://ifr.org/img/worldrobotics/Executive_Summary_WR_2020_Industrial_Robots_1.pdf (accessed: 22.03.2021).

Internet World Stats. Internet Usage Statistics <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (accessed: 22.03.2021).

Jorda O., Singh S., Taylor A. The Long Economic Hangover of Pandemics. *The Finance and Development*. 2020. Vol. 57. No. 2. <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2020/06/long-term-economic-impact-of-pandemics-jorda.htm> (accessed 05.07.2020).

Keynes, John Maynard. *Quotes*. <https://www.goodreads.com/quotes/798690-the-master-economist-must-possess-a-rare-combination-of-gifts> (accessed 19.03.2021).

Kuznets S. *Modern Economic Growth*. New Haven: Yale University Press, 1966.

Life Expectancy. *Our World in Data*. <https://ourworldindata.org/life-expectancy> (accessed 02.04.2021).

Maddison A. *Chinese Economic Performance in the Long Run*. Paris: OECD, 1998.

Maddison A. *Contours of the World Economy, 1-2030 AD*. Oxford: Oxford University Press, 2007.

McKinsey Global Institute. Inequality: A Persisting Challenge and Its Implications. San Francisco: McKinsey Global Institute, 2019.

Meliantsev V. Russia's Comparative Economic Development in the Long Run. *Social Evolution and History*. 2004. Vol. 3. No. 1. Pp. 106–136.

National Intelligence Council. Global Trends, 2040. Washington, D.C., 2021.

OECD Data. Hours worked. <https://data.oecd.org/emp/hours-worked.htm> (accessed 19.03.2021).

OECD. <http://stats.oecd.org> (accessed 19.03.2021).

Pinker St. *Enlightenment Now. The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress*. New York: Viking, 2018.

Sachs J. *The Ages of Globalization. Geography, Technology and Institutions*. New York: Columbia University Press, 2020.

Spence M. The “Digital Revolution” of Wellbeing. *The Project Syndicate*. 28.06.2019. <https://www.project-syndicate.org/commentary/digital-revolution-impact-on-wellbeing-by-michael-spence-2019-06> (accessed 28.06.2019).

Technological Progress. Our World in Data. <https://ourworldindata.org/technological-progress> (accessed 02.04.2021).

Tett G. Does Capitalism Need Saving from Itself? *The Financial Times*. 06.09.2019.

The Economic Report of the President. Washington, D.C., 2021.

The UNDP. Human Development Report, 2019, 2020. New York.

The World Bank. DataBank. <http://databank.worldbank.org>.

The World Bank. Global Economic Prospects. Washington, D.C.: World Bank, January 2021.

The World Bank. Global Productivity. Trends, Drivers, and Policies. Washington, D.C.: World Bank, 2020 (1).

The World Bank. Poverty and Shared Prosperity 2020: Reversals of Fortune. Washington, D.C.: World Bank, 2020 (2).

The World Bank. World Development Indicators. Washington, D.C.: World Bank, 1998.

The World Economic Forum. The Global Competitiveness Report, 2019, 2020. Geneva.

There Have Been 7m-13m Excess Deaths Worldwide During the Pandemic. *The Economist*. 13.05.2021. <https://www.economist.com/briefing/2021/05/15/there-have-been-7m-13m-excess-deaths-worldwide-during-the-pandemic> (accessed 13.05.2021)

Top 500 Supercomputers. Top 500 Lists. <https://www.top500.org/lists/top500/2020/11> (accessed: 22.03.2021)

Turner A. Is Productivity Growth Becoming Irrelevant? *The Project Syndicate*. 18.07.2017. <https://www.project-syndicate.org/commentary/productivity-growth-becoming-irrelevant-by-adair-turner-2017-07> (accessed 18.07.2017).

UN. World Economic Situation and Prospects, 2021. New York, 2021.

UNCTAD. Trade and Development Report, 2020. Geneva, 2020.

UNCTADstat. <http://unctadstat.unctad.org>. (accessed 19.03.2021).

UNDPData. <http://hdr.undp.org/en/data>. (accessed 19.03.2021).

Vollrath D. *Fully Grown: Why a Stagnant Economy Is a Sign of Success*. Chicago: The University of Chicago Press, 2020.

Wolf M. Why the US Economy Isn't as Competitive or Free as You Think. *The Financial Times*. 15.11.2019.

Wolf M. Economies Can Survive a Stock Market Crash. *The Financial Times*. 16.03.2021.

Working Hours. *Our World in Data*. <https://ourworldindata.org/working-hours> (accessed 02.04.2021).

World DataBank <http://databank.worldbank.org> (accessed 19.03.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МЕЛЬЯНЦЕВ Виталий Альбертович – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой международных экономических отношений стран Азии и Африки Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Vitalii A. MELIANTSEV, DSc (Economics), Professor, Head of the Department of International Economic Relations of Asian and African Countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

КУЛЬТУРА И СОЦИУМ

DOI: 10.31857/S086919080016686-1

ОТ ПАПСКИХ ПОСЛОВ К МУЧЕНИКАМ ВЕРЫ: ПОПЫТКА ОБОБЩЕНИЯ ФРАНЦИСКАНСКОЙ ПРОПОВЕДИ В КИТАЕ В XIII–XVIII ВВ. ¹

© 2021

Д.В. ДУБРОВСКАЯ ^{a, b}^a – Институт востоковедения, Москва, Россия^b – Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-9372-6553; distan@gmail.com

Резюме: Статья представляет собой попытку систематизации проповеди ордена францисканцев в Китае, начиная с папских посольств к Великим ханам, завоевавшим Среднюю империю и основавших династию Юань, до конца XVIII в. Автор группирует информацию по нескольким крупным периодам, предлагая пятиэтапную периодизацию францисканской деятельности на Дальнем Востоке и рассматривая в настоящей публикации первые два. Отмечается смена проповеднической парадигмы в течение семисот лет непостоянного присутствия ордена миноритов в Китае: если первые разведывательные миссии, достигшие определенного успеха в проповеди неким китайским подданным монгольских императоров, носили преимущественно дипломатический характер, то в Новое время миссия, пользовавшаяся поддержкой испанской системы *patronato* (*патронажа*), прицельно концентрируется на проповеднической деятельности, в особенности, среди бедных слоев населения. С XVI в. начинается смена всей логистической парадигмы дальневосточного миссионерства. Если в Средние века Папе Римскому было достаточно отправить к «татарам» несколько босоногих францисканцев, то в Новое время церковь уже вынуждена считаться с разделившими мир странами-инициаторами эпохи Великих географических открытий, в первую очередь, с Испанией и Португалией, двумя тогдашними сверхдержавами, каждая из которых поддерживала «своих» проповедников, конкурируя за влияние на Индию, Китай и Японию и придавая стоявшим перед орденами задачам христианской проповеди дополнительное политическое измерение, нагруженное соперничеством и интригами. Статья представляет собой продолжение материала того же автора, посвященного теоретическим основам францисканской катехизации нехристианских народов, опубликованной ранее в журнале «Восток» [Дубровская, 2020(1)].

Ключевые слова: Франциск Ассизский, францисканцы в Китае, теория миссионерской проповеди, инкультурация, католические миссии в Китае, иезуиты в Китае, Спор о ритуалах.

Для цитирования: Дубровская Д.В. От папских послов к мученикам веры: попытка обобщения францисканской проповеди в Китае в XIII–XVIII вв. *Восток (Oriens)*. 2021. No. 5. С. 216–227. DOI: 10.31857/S086919080016686-1

¹ Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

The article was prepared at the State Academic University of the Humanities (GAUGN) within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2020-0001 “Historical and Cultural Traditions and Values in the Context of Global History”).

FROM PAPAL ENVOYS TO MARTYRS OF THE FAITH:
AN ATTEMPT IN GENERALIZATION OF FRANCISCAN PREACHING
IN CHINA IN THE 13TH– 18TH CENTURIES

© 2021

Dinara V. DUBROVSKAYA ^{a, b}^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences^b – State Academic University for the Humanities (GAUGN); Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-9372-6553; distan@gmail.com

Abstract: *The article is an attempt to systematize the preaching of the Franciscan order in China, starting with the papal embassies to the Great Khans who conquered the Middle Empire and founded the Yuan dynasty until the end of the 20th century. The author groups the information into several major periods, suggesting a five-stage periodization of the Franciscan presence in the Far East. A change in the preaching paradigm is noted during the 700 centuries of the fickle Minorites' presence in China. While the first reconnaissance missions, achieving modest success in preaching to non-Chinese subjects of the Mongol emperors, were mainly diplomatic in nature, in modern times the mission, enjoying the support of the Spanish Padroado system, is purposefully concentrated on preaching work, especially among the poor segments of the population. Since the 16th century begins a change in the entire logistic paradigm of the Far Eastern missionary work. If in the Middle Ages the Pope had enough to send several barefoot Franciscans to the Tatars, then in modern times the church is already forced to reckon with the countries that divided the world, initiating the Age of Exploration, first of all, with Spain and Portugal, the two then superpowers, each of which supported their own preachers, competing for influence in India, China and Japan and giving the task of preaching Christianity an additional political dimension, laden with rivalry and intrigue. The article is a continuation of the piece by the same author, focusing on theoretical foundations of the Franciscan proselytization, published earlier [Dubrovskaya, 2020(1)].*

Keywords: Franciscans in China, missionary thought, inculturation, Chinese catholic missions, Jesuits in China, Chinese Rites Controversy.

For citation: Dubrovskaya D.V. From Papal Envoys to Martyrs of the Faith: An Attempt in Generalization of Franciscan Preaching in China in the 13th–18th Centuries. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5. Pp. 216–227. DOI: 10.31857/S086919080016686-1

С самого начала своего существования орден, основанный св. Франциском Ассизским (1181/1182–1226), делал упор на проповедь за пределами Западного мира. Начиная с папских послов к монгольским правителям в XIII в. и до настоящего времени Серафические братья, как называют себя францисканцы, бесстрашно и упорно стремились в Монголию и Китай, добиваясь немалых успехов как на дипломатическом поприще, так и в сфере катехизации. По ряду исторических причин присутствие миноритов в Китае не могло оставаться непрерывным: терпимость правителей Поднебесной к проповедникам-иноземцам напрямую зависела как от конкретной политической ситуации, так и от национальной принадлежности самих правителей. Императоры иноземных династий (Юань, Цин) зачастую относились к монахам благосклоннее, чем представители автохтонной династии Мин или руководство Китайской республики. Но и в рамках Цинской маньчжурской династии чередовались периоды притяжения и неприятия христианского учения и его проповедников.

В статье делается попытка выстроить периодизацию францисканского присутствия и деяний в Китае и обобщить опыт серафической проповеди и ее достижений.

История францисканской миссии (по-китайски орден называется 方濟會; *фанцизихуэй*) в Срединной империи разлагается на пять основных периодов, два из которых будут рассмотрены в предложенной статье.

1. ПАПСКИЕ ПОСЛЫ К МОНГОЛАМ (1245–1370 гг.)

Первый этап деятельности миноритов на Дальнем Востоке начинается с отбытия из Лиона в 1245 г. в монгольские степи фра Джованни (Иоанна) да Пьян дель Карпине (Плано Карпини; Giovanni da Piano de Carpine; 1182–1252) и заканчивается свержением монгольской династии Юань (1271–1368). Святой Престол доверил монахам ряд важных посольских миссий в условиях надвигавшейся на христианскую Европу монгольской угрозы. Францисканцы выполняли разведывательные функции в ставках чингизидов, собирая информацию об их намерениях и способах ведения войны (эти задачи не входили в противоречие с проповедью по заветам Св. Франциска [Rachewiltz, 1971; Дубровская, 2020(1)], хотя порой и отступали на второй план), пытались даже заручиться их военной поддержкой на фоне круга проблем, связанного с Гробом Господним [Дубровская, 2021(2)].

После завоевания Венгрии и превращения Руси в удел Джучи речь шла о самосохранении Европы. На Лионском соборе 1245 г. папа Иннокентий IV (ум. 1254), заявив, что если Запад не сумеет противостоять монголам, христианство окажется под угрозой уничтожения, снарядил разведывательную миссию в степь [Roux, 1993, p. 312–313]. Так в Китай и Монголию отправился соратник и ученик св. Франциска 65-летний Плано Карпини, не имевший представления ни о странах, которые проезжал, ни об их языках, ни о собственном пути следования. Тем не менее Карпини достиг столицы Чингизидов – Каракорума и 22.07.1246 г., на Большом Курултае, в день восшествия Гуюка (1206–1248) на великоханский престол вручил ему папское послание «*Cum non solum...*» («Не только лишь при помощи...») [Jackson, 2005, p. 88]. Получив ответное письмо, Карпини удостоился прощальной аудиенции и вернулся назад в 1247 г. [Montalbano, 2015, p. 590]. В 1921 г. письмо Гуюка Иннокентию IV было обнаружено в ватиканских архивах: Гуюк требовал подчинения папы и его приезда в ставку для изъявления покорности², сам же Карпини докладывал, что монголы готовы за 18 лет завоевать Европу [Graffin, 1922–1923, p. 10].

Характерная фигура того времени – знаменитый францисканский монах фламандец Виллем Рубрук (Willem van Rubroeck; 1253–1255), по поручению Людовика IX Святого (1215–1270) всего за два года (1253–1255) сходящий босиком, как и положено францисканцам, из Константинополя в степь — в ставку брата Хубилая хана Мункэ (1208–1259) и обратно [Дубровская, 2008(1), Дубровская, 2020(2), с. 35–37]. Рубрук не обратил в христианство четвертого Великого кагана Монгольской империи (в 1251–1259 гг.), не заручился монгольской поддержкой против сарацинской угрозы на Святой земле, но создал знаменитую книгу, обычно именуемую по-русски «Путешествие в восточные страны» и представившую Европе почти реалистичное описание Монголии и Северного Китая³.

Отметим среди вдохновляющих мотивов францисканских хождений к монголам и легенду об обладавшем грандиозной властью христианском царе-священнике пресви-

² Цит. по: [Michaud, 1994, p. 28].

³ *Itinerarium fratris Willielmi de Rubruquis de ordine fratrum Minorum, Galli, Anno gratiae 1253 ad partes Orientales* – изначально в форме иллюминированной рукописи, которую Рубрук преподнес Людовику IX. Итинерарий Рубрука выдержал множество изданий и был переведен на основные языки мира. См.: [Джованни дель Плано Карпини...1957].

тере Иоанне, идентифицируемом то с потомком константинопольского архиепископа-ересиарха Нестория (ок. 386 – ок. 451), основателя учения, распространившегося от Сирии до Китая [Дубровская, 2008(2); Дубровская, 2020(4); Дубровская, 2021(1)], то с ханом Хулагу (1217–1265) или его сыном [Дубровская, 2021(3)].

Рубрук оказался более внимательным наблюдателем, чем Карпини, но выводы обоих послов оказались одинаково неутешительными: монголы не христиане, царства пресвитера Иоанна более не существует, еретики-несториане настолько далеко ушли от католиков Европы в вере и образе жизни, что поддержки от них ждать не приходится. Вывод францисканцев определил политику Папского Престола в отношении восточных христиан на весь последующий век.

После несториан именно францисканцы могут гордиться тем, что стали первыми христианами, прибывшими в Китай в XIII в. при династии Юань, основанной завоевателем Китая Хубилаем (император Шицзу; 世祖; 1260–1294 гг. пр.). Первая попытка основать постоянную миссию в Китае была сделана в 1288 г. добравшимся ко двору Хубилая через Индию миноритом Иоанном (Джованни) да Монтекорвино (Giovanni da Montecorvino; 1247–1328). Отправленный папой Николаем IV в миссию к «татарам», Иоанн в конце 1293 г. достиг резиденции Хубилая — Ханбалыка (Пекина) [Clark, 2011, p. 114–115].

Просветительская работа Монтекорвино незаурядна: его благосклонно принял внук Хубилая Темур-хан (император Чэн-цзун; 成宗; 1294–1307 гг. пр.), и отец Джованни вскоре принялся за апостольские труды. Столичные несториане отнеслись к Монтекорвино враждебно, поэтому ему стоило больших трудов построить две церкви и крестить около 6 000 человек [Kim, 2011, p. 60]. Проповеди францисканца вняли и представители знати: в его церквях пело 150 молодых татар, обученных латинскому и греческому; пение порой слушал и сам император, при поддержке которого Монтекорвино изучил монгольский язык, на который постепенно перевел Новый Завет, Псалмы Давида, 30 книг гимнов и два бревиария [Bays, 2011, p. 20–21].

Уже в первый год легат успешно обратил в католичество ранее принадлежавшего церкви Востока онгутского (одно из монгольских племен) «князя» (вана) «Георгия» (闊里吉思; Колицзисы) [Li Tang, 2013], владельца территории к северу от Великой китайской стены⁴ [O’Toole, 1929]; Георгий даже выстроил на своих землях церковь, открытую археологами в XX в. [Li Tang, 2016, p. 260], а в конце 1296 г. Иоанном (в честь миссионера) окрестили княжеского сына [Сун Лянь, 1976, цз. 118, л. 8 (об.)]⁵. В течение одиннадцати лет Монтекорвино оставался в миссии один, лишь в 1303–1304 гг. к нему присоединился немецкий монах Арнольд из Кельна [Wyngaert, 1929, p. CIX, 347]. Уже в 1298–1299 гг. в Ханбалыке строится первая христианская церковь, в 1305 г. появилась вторая, и в 1318 г. – третья [D’Ellia, 1934, p. 25].

В 1307 г. воодушевленный успехом миссии Клемент V послал в Ханбалык семерых францисканских епископов с поручением произвести Монтекорвино в сан епископа Пекинского и *summus archiepiscopus* – главного («общего») архиепископа сопредельных стран (именно это рукоположение позволило в 2010 г. отметить семисотлетие Китайской францисканской миссии) [Carballo, 2010]. До места назначения в 1308 г. добрались лишь три посла – Герардо Альбуини (Gerardo Albuini; ум. 1318), Перегрино де Кастелло (Peregrinus de Castello; ум. 1322) и Андреа да Перуджа (Andreas Perusinus; ум. 1332). Четыре года спустя Монтекорвино создал новый епископат в Цюаньчжоу (泉州; иначе – Цзайтун),

⁴ Князь, получивший христианское имя Георгий, упоминается в: [Сун Лянь, 1976, цз. 118, л. 8 (об.)] как Гаодянь, а его христианское имя восстанавливается по эпиграфическим источникам как «Колицзисы», то есть, «Георгий». См.: [Li Tang, 2016].

⁵ Этот человек назван там Шу-ань (術安), то есть, Иоанн.

в провинции Фуцзянь, назначив туда епископом Альбуини [Matrod, 1920, p. 106]; другие минориты отправились в Ханчжоу и в Янчжоу, Монтекорвино же помогли в столице два епископа: Андреа да Перуджа и Пьетро да Фиренце (Pietro da Firenze; ум. 1362) [Wyngaert, 1929, p. 367].

Опасаясь, что его труды канут в Лету, в 1305 г. Монтекорвино послал папе письмо, где утверждал: «Будь у меня хотя бы два-три брата в помощь, возможно, удалось бы окрестить и самого хана-императора» [Wyngaert, 1929, p. 345–349].

В 1322 г. еще один знаменитый францисканец, Одорико да Порденоне (Odorico da Pordenone; 1265–1331) [*I Nuovi e piu Accerati...* 1930] прибыл в Цзайтун и обнаружил там два францисканских монастыря. Проследовав на север по Великому каналу, он достиг Ханбалыка, где с 1325 по 1328 г. обратил в христианство ряд местных жителей, по инерции называвших его «раббан-ата», как было принято обращаться к несторианским проповедникам [Wyngaert, 1929, p. 474]. Решив попросить у папы для работы в Китае еще пятьдесят монахов, Одорико в 1328 г. покинул Китай и отправился в Европу [Willeke, 1947, p. 178].

После смерти Альбуини его преемником назначили Перегрино да Кастелло, но и он вскоре умер (1322 г.). Кастелло наследовал Андреа да Перуджа, уже не оставивший после себя преемника, но успевший построить новую церковь и большой монастырь. Подобное произошло и с архиепископским престолом в Ханбалыке: узнав о смерти Монтекорвино, папа Иоанн XXII назначил в столицу некоего францисканца Николу (Nicholas de Botras), но неизвестно, достиг ли тот пункта приписки [Habig, 1945, p. 23].

В 1336 г., при последнем юаньском императоре Тогон-Тэмуре (Шуньди; 順帝; 1330–1370 гг. пр.) христиане-аланы⁶ заявили о себе по случаю посольства, собиравшегося к папе Бенедикту XII. Миссия состояла из шестнадцати человек, пятнадцать из которых были аланами – гвардейцами хана, руководил же ими генуэзский купец Андало да Савиньоне (Andalò da Savignone, 1330 – ок. 1346). Миссия везла понтифику письмо с просьбой послать в Монголию нового папского легата, а главное – «жеребцов [цвета] заката и другие чудесные вещи» [Wyngaert, 1929, p. LXXXII–LXXXIII]⁷. В ответ папа назначил легатом Джованни де Мариньолли (Giovanni de' Marignolli; 1338–1353) [D'Elia, 1934, p. 29; Habig, 1945], прибывшего в Китай и принятого Шуньди 19.08.1342 г. (именно Мариньолли подарил Шуньди несколько прекрасных скакунов [Дубровская, 2021(4)]). Из опасения надвигающейся политической бури, позже приведшей к падению династии Юань, легат уже в 1345 г. покинул Китай и, вернувшись в Авиньон в 1352 г., прозорливо ходатайствовал о продолжении китайской миссии [Wyngaert, 1929, p. 518].

Следуя примеру предшественников, папа Иннокентий VI попросил верхушку ордена отобрать некоторое количество монахов для Китая и рукоположить нескольких в епископы. В анналах миноритов об этом сказано с некоторой грустью: «Ввиду недостатка усердия здесь и там со стороны обязанных развивать это предприятие, оно едва ли хоть как-то развилось»⁸. Еще три францисканца были назначены епископами Ханбалыка: Томмазо (Tommaso в 1362 г.), Гульельмо дель Прато (Guglielmo del Prato в 1370 г.) и Джакомо да Капуа (Giacomo da Capua в 1426 г.), но ни один из них так и не достиг места назначения [Brucker, 1910, p. 20].

Таким образом, уже во второй раз христианство в Срединной империи исчезло, толком не прижившись. Усилия францисканцев пропали даром, и о результатах первой после-

⁶ Аланы, обосновавшиеся в Средние века на Кавказе и соседних территориях, были известны в китайской истории под названием *аланья* (阿蘭聊). См., например: [Dubrovskaya. 2011, p. 69–79].

⁷ Английский перевод см. в: [Moule, 2011, p. 196].

⁸ “Tamen tepescitibus illis hinc inde qui negotium debebant promoveri ulterius modicum est processus”. Приведено в [Chronica XXIV Generalium, 1917, p. 548], написанной в основном до 1369 г. и современной оцениваемому «процессу».

довательной католической христианизации в Китае не осталось практически никакой информации. Обычно количество китайцев, обращенных францисканцами в этот период, доводят до 30 000 [Carballo, 2010], однако не вполне ясно, насколько широко были охвачены прозелитизацией сами китайцы: большая часть обращенных относилась к некитайским национальностям, – речь идет об аланах и монголах. Артур Моул писал: «История христиан в раннем и средневековом Китае – это не история начал христианской церкви, основанной на этой земле, но, скорее, запись сведений о жизни в Китае на протяжении более долгих, или более коротких периодов времени больших или меньших групп иностранцев, которые были по названию, или de facto христианами» [Moule, 1931, p. 456], приходя в другой работе к выводу, что «на протяжении всего... XV столетия существует только два или, максимум, три упоминания о существовании китайских христиан» [Moule, 2011, p. 150].

Историк-иезуит отец Ж. Брюкер указывал, что на рисунках к сюжетам Ветхого и Нового Завета, сделанных Монтекорвино, китайский язык полностью отсутствует, в отличие от латыни, уйгурского и персидского языков: «...возможно, все, или почти все крещенные им “неверные” принадлежали к... племенам Центральной Азии, к союзникам и данникам монголов, уже прежде предоставившим многих неопитов несторианам» [Brucker, 1901, p. 502]. Пельо и вовсе утверждал, что «дальневосточное христианство XIII–XIV в. было по большей части христианством некитайского населения» [Pellio, 1914, p. 643]. Тем не менее по подсчетам представителей ордена, в XIII–XIV вв. в Китай отправилось 242 минорита, включавшие трех архиепископов и одиннадцать епископов [Carballo, 2010].

Впечатляющий политический успех первой францисканской миссии объясняется неподдельным интересом монгольских правителей Китая к потенциалу конфессий, способных помочь в поддержании власти на огромных подчиненных территориях. Переход «Небесного мандата» к китайской династии Мин (1368–1644) ожидаемо привел к полной смене религиозной политики, и христианство в его францисканском изводе (во второй раз после первой «несторианской» прививки на древний ствол китайской мысли) было отвергнуто как иностранная доктрина. Христианству придется подождать два столетия, прежде чем его предложат Поднебесной еще раз.

2. ПАДРОАДО, ПАТРОАТО И КОНГРЕГАЦИЯ ВЕРЫ (XVI–XVIII вв.)

Успешные христианские миссии в Китай в Новое время появляются в последней четверти XVI в. Политический климат вновь начинает благоприятствовать проповеди нищенствующих орденов лишь во времена маньчжурской династии Цин (1644–1912), императоры которой, со временем превратившись в «просвещенных деспотов», относились к миссионерам терпимее, чем предшественники, императоры китайской династии Мин (1362–1644). Второй период францисканской миссии в Китае характеризовался несколькими волнами гонений, продолжавшимися до XIX в.

С 1552 по 1583 гг., еще при Минах, в Китай безуспешно пытались проникнуть пятьдесят миссионеров (25 иезуитов, 22 францисканца, два августинца и доминиканец). Этот новый поток открыли несколько миноритов: летом 1579 г. в Китай отправились Педро де Альфаро (Pedro de Alfaro; ум. 1580), Агустин де Тордесильяс (Agustín de Tordesillas; 1528–1629), Себастьян де Сан Франсиско де Баэца (Sebastian de San Francisco de Baéza), Джованни Баттиста Лукарелли да Песаро (Giovanni Battista Lucarelli da Pesaro; 1540–1604) и еще три брата. В Гуанчжоу монахи несколько месяцев безуспешно прождали вида на жительство и вернулись в Манилу – испанский миссионерский форпост в Восточной Азии [Boxer, 1953, p. 363–365].

В 1582 г. итальянские иезуиты Микеле Руджери (Michele Ruggieri; 羅明堅, Ло Минцзянь; 1543–1607) и Маттео Риччи (Matteo Ricci; 利瑪竇, Ли Мадоу; 1552–1610) добились раз-

решения основать постоянную миссию в Чжаоцине (肇慶) на юге Китая [Дубровская, 2001, с. 98; Дубровская, 2020(3)]. В булле *Ex pastorali officio* («От пастыря») от 28.01.1585 папа Григорий XIII предоставил иезуитам исключительные права проповеди Евангелия в Японии и Китае под патронажем португальской короны (система *padroado*)⁹. Однако Португалия не могла обеспечить необходимым количеством священников все курируемые ею миссии, поэтому с начала XVII в. посланцев в Китай приходилось набирать из числа испаноговорящих нищенствующих орденов (доминиканцев, францисканцев и августинцев), находящихся под покровительством испанского *patronato* (*patronato*)¹⁰.

Именно разделение сфер влияния между Испанией и Португалией объясняет, почему до конца XVII в. существовало два пути из Европы в Китай. Короткий маршрут подразумевал отплытие из пригородов Лиссабона, плавание на португальском корабле вокруг Африки и высадку в Гоа в Португальской Индии, после чего путешественник отправлялся в Макао на очередном португальском судне. Длинный маршрут предполагал путешествие через Атлантику на испанском корабле из Севильи в Мексику (Новую Испанию), пересечение Центральной Америки, и плавание на испанском корабле из Акапулько через Тихий океан в Испанские Филиппины. Путь с Филиппин в Китай был полон трудностей, т. к. португальцы могли арестовать в Макао любого человека без португальской визы, поэтому испанские францисканцы предпочитали нелегально высаживаться на берегу провинции Фуцзянь (Юго-Восток Китая) [Mungello, 2009, p. 37–38].

СВЯЩЕННАЯ КОНГРЕГАЦИЯ ПРОПАГАНДЫ ВЕРЫ АНТОНИО КАБАЛЬЕРО

Недостаток пасторов на миссионерских полях превратились в проблему, не решаемую даже вливанием сил извне систем патронажа, и Святой Престол решил отделить миссионерские усилия от коммерческой и колониальной деятельности португальцев и испанцев. 22 июня 1622 г. папа Григорий XV издал буллу *Inscrutabili Divinae Providentiae* («Непостижимое божественное провидение»), положившую основу Священной Конгрегации пропаганды веры (*Sacra Congregatio de Propaganda Fide*) для координации деятельности миссий на Востоке и создания там католической иерархии [*The Congregation for the Evangelization...* 2021]¹¹. С основанием Конгрегации руководство миссионерской работой вернулась в Ватикан.

Одним из первых деяний Конгрегации стала организация на Востоке новых епископатов. В начале XVII в. все побережье Южной и Восточной Азии, принадлежащее португальскому *padroado*, находилось в юрисдикции архиепископата в Гоа, что затрудняло контакт между епископами, миссионерами и рядовыми христианами на столь огромной территории [Standaert, 2001, p. 290]. Недопонимания с Португалией только возрастали, и Конгрегация

⁹ *Padroado* – «патронаж», соглашение между Папским Престолом и Португальским королевством, осуществлявшееся через серию конкордатов, делегирующими управление местными церквями и предоставляющими теократические привилегии португальским монархам. Возник в начале эпохи португальских географических открытий в сер. XV в. и был зафиксирован Львом X в 1514 г. Система называлась также *Padroado Real* («Королевский патронаж»), *Padroado Ultramarino Português* («Португальский заморский патронаж») и с 1911 г. (после принятия отделения в Португалии церкви от государства), *Padroado Português do Oriente* («Португальский патронаж Востока»). Главные привилегии *padroado* вытекали из двух булл папы Льва X: *Dum fidei constantiam* от 04.06.1514 и *Emmanueli Regi Portugalliae illustri* от 12.06.1514. См.: [Lach, 1965, p. 230–245].

¹⁰ *Patronato*, или *Patronato regio* («Патронаж», «Королевский патронаж»), как следует из названия, – испанская система, симметричная португальскому *Padroado*. В 1493 г. испанский король получил от папы Александра VI привилегии, аналогичные португальским. См.: [Lach, 1965, p. 230–425].

¹¹ Институтция была призвана поддерживать распространение католицизма и регулировать католические дела в некатолических странах.

пыталась разрешить проблемы через создание структур (*Vicariatus Apostolicus*), возглавляемых представителями папы – апостольскими викариями. Указ 1680 г. установил зависимость от викария как церковных, так и светских миссионеров, приносивших Конгрегации клятву верности [Standaert, 2001, p. 293].

В результате деятельности Конгрегации в Китае высадили новый десант: иезуиты под протекцией португальского *надроадо*, французские иезуиты, испанские доминиканцы, францисканцы и августинцы с Филиппин. Конгрегация спонсировала и членов Общества Иностранцев миссий в Париже (*Société des Missions étrangères de Paris*; М.Е.Р.), и независимых членов других орденов и конгрегаций. Количественным перевесом обладали итальянские францисканцы [Carballo, 2010].

В 1591 г. испанские францисканцы основали на Филиппинах «Провинцию Святого Григория Филиппинского братьев серафического отца Франциска босоногого» (*Provincia Sancti Gregorii Philippinarum Fratrum discalceatorum Seraphici Patris Francisci*), отвечавшую за дела ордена на Филиппинах, в Китае, Японии и в некоторых латиноамериканских странах [Mensaert, 1967, p. 129–165], однако попытки проникнуть в Китай через Манилу увенчались успехом только в 1630-х гг. В 1633 г. в провинцию Фуцзянь прибыл Антонио де Санта Мария Кабальеро (Antonio de Santa María Caballero; 利安當; Ли Аньдан; 1602–1669), позже назначенный первым апостольским префектом миссий францисканцев [Mensaert, 1967, p. 163].

Озабоченные участием обращенных иезуитами китайских христиан в церемониях, связанных с поклонением предкам, в 1635–1636 гг. францисканцы и доминиканцы провели в Фуани и в близлежащем Динтоу (頂頭) разбирательство, после чего Кабальеро и Моралес отвезли доклады в Манилу. Несколькими годами позже материалы, которым было суждено сыграть важную роль в первой фазе Спора о ритуалах (中國禮儀之爭; «Чжунго ли'и чжи чжэн»), достигли Рима [Margiotti, 1978, p. 126–180; Дубровская, 2020(5)].

Деятельность францисканцев, прибывших вслед за Кабальеро и проповедовавших в традиционных рясах, с распятиями в руках, стала одной из причин антихристианского инцидента 1637–1638 гг. в Фуцзяни [Menegon, 1997, p. 220–262]: монахов заключили под стражу, имущество конфисковали, церковь превратилась в конфуцианскую молельню. Фуцзяньские события явились отражением разраставшегося конфликта вокруг китайских ритуалов; минориты обвиняли в своих неудачах иезуитов, те же показали себя не с лучшей стороны, привлекая для поддержки влиятельных китайских обращенных. Францисканцев выслали, некоторые уехали по собственной воле¹². Кабальеро пробыл в Макао четыре года и вернулся в Китай лишь в 1649 году [Cacciotti, Melli, 2013, p. 197].

Итак, после первоначальной неудачи Кабальеро возвращает францисканскую миссию на материк, закладывая основы миноритской базы в Шаньдуне, где проповедник окрестил около 5 000 китайцев из числа бедноты [Standaert, 2001, p. 328]. Три года спустя, вследствие «Календарного казуса», инициированного Ян Гуансянем (楊光先, 1597–1669), поведшим яростную атаку на западный календарь и на христианство в целом¹³, большинство китайских миссионеров было выслано в Гуанчжоу и Макао [Standaert, 2001, p. 513–515].

В 1680-х гг. Конгрегация посылала в Китай итальянских миноритов. Французский епископ Франсуа Паллу (François Pallu; 陸方濟; Лу Фанцзи; 1626–1684), первый

¹² Francisco de Jesús Escalona (ум. 1659/60), живший в Фуцзяни в 1637–1639 гг., оставил примечательный рассказ о Китае тех лет: Escalona Francisco de Jesús. “Relación del viaje al reino de la gran China”, обнаруживаемый в книге: [Wyngaert, 1933, p. 215–314].

¹³ Китайский конфуцианец, в 1665–1669 гг. возглавлявший Бюро астрономии (欽天監監正; *Циньтянь цзянь-цзяньчжэн*). Ян Гуансянь написал «Трактат об ошибках» (摘謬論; *Чжаймюй лунь*), критикующий основы западного календаря и первый систематический трактат, оспаривающий принципы христианства «Трактат об отторжении зла» (辟邪論; *Бисе лунь*). См.: [Zhu, Hayhoe, 1990, p. 81–112].

апостольский викарий, дипломатично попросил итальянских миссионеров воздержаться от подозрений в том, будто он желает основать в Китае отдельную французскую миссию [Lach, 1965, p. 281]. И действительно: Паллу сопровождали итальянские францисканцы – начавший карьеру в Нанкине Бернардино делла Кьеза (Bernardino della Chiesa: 伊大任; И Дажэнь, 1644–1721), ставший в 1690 г. первым епископом Пекина Нового времени и еще три итальянских брата [Les Missions Etrangères, 2008, p. 304].

Постепенно миссия распространила деятельность и на другие области, но в результате гонений (после указа 1724 г.) [Шэнной гуансюнь, 2005; Дубровская, 2020(1)] большинство проповедников отступили в Гуанчжоу, а в 1732 г. одиннадцать испанских миноритов вместе с миссионерами других орденов выслали в Макао. Однако, вдохновившись самоотверженностью отважных итальянских собратьев, ушедших в подполье, но не покинувших материковый Китай, некоторые францисканцы последовали их примеру и тайно вернулись в места служения.

Многие францисканские миссионеры подвизались на научном поприще. Так, Педро де ла Пиñуэла (Pedro de la Piñuela) завершил и опубликовал важную работу доминиканца Франсиско Варо (Francisco Varo; 萬方濟各; Ваньфан Цзигэ; 1627–1687) о китайском языке “*Arte de la Lengua Mandarin*” (1703)¹⁴. Несколько миноритов занимали позиции при пекинском дворе; нужда в них особенно возросла после роспуска ордена иезуитов в 1773 г., когда двор дважды (в 1778 и 1781 гг.) выразил озабоченность полным отсутствием миссионеров на императорской службе. Поэтому в 1782 г. в Китай прибыли два францисканца – Ромуальд Коцельски (Romuald Kocielski; 羅機洲; Ло Цзичжоу; 1759–1791) и Николас Питиккьо (Nicholas Piticchio; 畢兄弟; Би Сюнди, ум. 1791), принятые с большими почестями [Liščák, 2014].

Таким образом, первый славный период работы миссии миноритов в Китае, период проповедников-послов, когда францисканцы заняли лидирующее место среди католических катехизаторов на Востоке, став послами самих Римских Пап, сменился в XVI–XVIII вв. необходимостью конкурировать с порой более успешными братьями по проповеди — в первую очередь, с иезуитами. В это время в религиозные дела проповедующих орденов вмешиваются интересы держав – Испании и Португалии и соответствующих им организаций, контролирующих тружеников миссионерских полей. Усложнение политической ситуации заставило францисканцев вступить в конфронтацию с братьями по проповеди, а ригористичность их подхода к катехизации прокладывала дорогу к репрессиям всех христианских проповедников в Срединной империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Джиованни дель Пано Карпини. *История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны*. Пер. А.И. Малеина. М.: Гос. Изд-во геогр. лит., 1957 [Giovanni del Plano Carpini. *History of the Mongals. Guillaume de Rubrouck. Travel to the Eastern Countries*. Tr. by A.I. Malein. Moscow: Gos. Izd. Geogr. Lit., 1957 (in Russian)].

Дубровская Д.В. *Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие*. М.: ИВ РАН, КРАФТ+, 2001 [Dubrovskaya D.V. *Jesuit Mission in China. Matteo Ricci et al.* Moscow: IOS RAS; KRAFT+, 2001 (in Russian)].

¹⁴ Полностью: Varo Francisco, Piñuela Pedro de la. *Arte de la lengua mandarina, compuesto por el M. R^o P^e. fr. Francisco Varo de la Sagrada Orden de N.P.S. Domingo, acrecentado y reducido a mejor forma por N^o H^o fr. Pedro de la Piñuela, P^{or} y Comissario Prov. de la Mission Serafica de China. Añadiose un Confesionario muy vtil y provechoso para alivio de los nueos Ministros*. Impreso en Canton año de 1703.

Дубровская Д.В. Монах Рубрук между Западом и Востоком. *Портал «Вокруг света»*. 07.05.2008(1) [Dubrovskaya D.V. Friar Rubruck between the West and the East. *Vokrug Sveta*. 07.05.2008(1) (in Russian)] <http://www.vokrugsveta.ru/telegraph/history/622/> (accessed 05.07.2020).

Дубровская Д.В. Несторианская стела из Сиани. *Эпиграфика Востока*. 2008(2). № XXVII. С. 121–147 [Dubrovskaya D.V. Nestorian Stele from Xian. *Epigrafika Vostoka*. 2008(2). No. XXVII. Pp. 121–147 (in Russian)].

Дубровская Д.В. Говорящие с птицами по-китайски. Теоретические основы францисканской проповеди в Средней империи. *Восток (Oriens)*. № 5. 2020(1). С. 205–213 [Dubrovskaya D.V. Speaking with Birds in Chinese. Franciscan Thought on the Middle Kingdom Proselytization. *Vostok (Oriens)*. 2020(1). No. 5. Pp. 205–213 (in Russian)].

Дубровская Д.В. *Все пути ведут из Рима. Христианские миссии в Поднебесной империи от несториан (VII в.) до папы Франциска*. М.: ИВ РАН, 2020(2) [Dubrovskaya D.V. *All Roads Lead from Rome. Christian Missions in the Celestial Empire from the Nestorians (7th Century) to Pope Francis*. Moscow: IOS RAS, 2020(2) (in Russian)].

Дубровская Д.В. Трактат «О Дружбе» Маттео Риччи как одна из причин успеха проповеди христианства в минском Китае. *Восток (Oriens)*. 2020(3). № 3. С. 175–186 [Dubrovskaya D.V. Matteo Ricci's *Dell'Amicizia* as Medium for Successful Christian Proselytization in Ming China. *Vostok (Oriens)*. 2020(3). No. 3. Pp. 175–186 (in Russian)].

Дубровская Д.В. Патриарх Несторий и «Сияющая религия» *цзинцзяо*: китайский лик византийской ереси. *Восточный курьер*. 2020(4). № 3–4. С. 230–244 [Dubrovskaya D.V. Patriarch Nestorius and 'Luminous Religion' *Jingjiao*: Chinese Face of Byzantine Heresy. *Oriental Courier*. 2020(4). No. 3–4. Pp. 230–244 (in Russian)].

Дубровская Д.В. «Черные монахи» против «Черных рясы»: истоки вражды между орденом доминиканцев и орденом иезуитов в Китае в XVI–XVIII вв. *История*. 2020(5). № 11(97) [Dubrovskaya D.V. Black Monks contra Black Robes: The Origin of Animosity between the Dominican and Jesuit Orders in China (16th–18th Centuries). *Istoriya (=History)*. 2020(5). No. 11(97). DOI: 10.18254/S207987840012619-9 (<https://ras.jes.su/history/s207987840012619-9>) (accessed 28.07.2021) (in Russian)].

Дубровская Д.В. Лоянская колонна – второй эпиграфический памятник «Сияющей религии» (*цзинцзяо*) и китайский «несторианский» канон. *Восток (Oriens)*. 2021(1). № 1. С. 144–157 [Dubrovskaya D.V. Luoyang Column, the Second Epigraphic Monument of the 'Luminous Religion' (*jingjiao*), and the Chinese 'Nestorian' Canon. *Vostok (Oriens)*. 2021(1). No. 1. Pp. 144–157 (in Russian)].

Дубровская Д.В. Последний рыцарь Иерусалима. *Восточный курьер*. 2021(2). № 1–2. С. 214–227 [Dubrovskaya D.V. The Last Knight of Jerusalem. *Oriental Courier*. 2021(2). No. 1–2. Pp. 214–227 (in Russian)].

Дубровская Д.В. Пресвитер Иоанн: деконструкция легенды. *Вестник ИВ РАН*. 2021(3). № 1. С. 104–116 [Dubrovskaya D.V. Prester John: Deconstructing the Legend. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2021(3). No. 1. Pp. 104–116 (in Russian)].

Дубровская Д.В. Францисканские миссионеры, аланская гвардия и вороной скакун, подчинивший юаньскому Китаю Папу Римского. *История*. 2021(4). № 4 (102) [Dubrovskaya D.V. Franciscan Missionaries the Alanian Guard and the Black Steed that Subdued the Pope to Yuan China. *Istoriya*. 2021(4). No. 4(102). DOI: 10.18254/S207987840015586-3 (<https://arxiv.gaugn.ru/s207987840015586-3-1/>). Accessed 23.07.2021) (in Russian)].

Сун Лянь (宋廉). *Юаньши* (元史; *История династии Юань*). Пекин: 中華書局 (Чжунхуа шуцзи), 1976 [Song Lian. *Yuan shi (The History of Yuan Dynasty)*. Beijing, Zhonghua shuji, 1976 (in Chinese)].

Шэньюй гуансюнь (聖諭廣訓; Расширенное толкование Священного указа). *Циндин сыку цюаньшу хуйяо* (欽定四庫全書薈要; *Высочайшее утвержденное полное собрание книг по четырем разделам*). Чанчунь: Цилинь чубаньшэ (吉林出版社), 2005. С. 16–20 [Shengyu Guangxun (Expanded Interpretation of Holy Decree). *Supremely Authorized Complete Library in Four Sections (Qingding Siku Quanshu Huiyao)*. Changchun: Jilin chubanshe, 2005. Pp. 16–20 (in Chinese)].

- Bays D.H. *A New History of Christianity in China*. Singapore: John Wiley & Sons, 2011.
- Boxer C.R. (Ed.). *South China in the Sixteenth Century: Being the Narratives of Galeote Pereira, Fr. Gaspar da Cruz, O.P. and Fr. Martín de Rada, O.E.S.A. (1550–1575)*. London: Routledge, 1953.
- Brucker J. Épisodes d'une confiscation, 1762. Les manuscrits jésuites de Paris. *Revue Études*. 1901. Vol. 88. Pp. 497–519.
- Brucker J. Le Père Matthieu Ricci fondateur des missions de Chine (1552–1610). *Revue Études*. 1910. Vol. 124. Pp. 5–27.
- Cacciotti A., Melli M. (Eds.). *I Francescani e la Cina. Un'opera di oltre sette secoli*. Milano: Edizioni Biblioteca Francescana, 2013.
- Carballo J.R. *Francescani in Cina*. 19 January 2010. http://www.fides.org/it/attachments/Francescani_in_Cina.doc (accessed: 29.08.2020).
- Chronica XXIV Generalium Ordinis Minorum, cum pluribus appendicibus inter quas excellit hucusque ineditus Liber de Laudibus S. Francisci. Analecta Franciscana*. Vol. III. B.A. Bessa (Ed.). Quaracchi: Ad Claras Aquas, 1897.
- Clark A.E. *China's Saints: Catholic Martyrdom During the Qing (1644–1911)*. Lanham: Lexington Books, 2011.
- D'Elia P. M. *The Catholic Missions in China: A Short Sketch of the History of the Catholic Church in China from the Earliest Records to Our Own Days*. Shanghai: The Commercial Press, 1934.
- Dubrovskaya D. Alans: The Missing Link between the Orient and the Occident during the Genghisid Era. *Languages and Cultures in the Caucasus. Papers from the International Conference "Current Advances in Caucasian Studies"*. V.S. Tomelleri, M. Topadze, A. Lukianowicz (Eds.). München, Berlin: Peter Lang, 2011. Pp. 69–79.
- Graffin R. Les Mongols et la Papauté. *Revue de L'Orient Chrétien*. 1922–1923. T. III (XXIII). Pp. 1–28.
- Habig M.A. Marignoli and the Decline of Medieval Missions in China. *Franciscan Studies*. New Series. 1945. Vol. 5. No. 1. Pp. 21–36.
- I Nuovi e piu Accerati Dati Cronologici del Beato Odorico. *VI Centenario del B. Odorico da Pordenone*. Udine: Conventa di San Francesco, 1930. No. 3. Pp. 41–43.
- Jackson P. *The Mongols and the West, 1221–1410*. London: Pearson Education, 2005.
- Kim H.Y. *Asian and Oceanic Christianities in Conversation: Exploring Theological Identities at Home and in Diaspora*. Amsterdam: Rodopi, 2011.
- Lach D.F. *Asia in the Making of Europe*. Vol. 1. *The Century of Discovery*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1965.
- Les Missions Etrangères. Trois siecles et demi d'histoire et d'aventure en Asie*. Paris: Editions Perrin, 2008.
- Li Tang. Rediscovering the Ongut King George: Remarks on a Newly Excavated Archaeological Site. *From the Oxus River to the Chinese Shores: Studies in East Syriac Christianity in China and Central Asia*. Li Tang, D.W. Winkler (Eds). Wien: Lit Verlag, 2013. Pp. 255–266.
- Liščák V. Franciscan Missions to China and the Czech Crown Lands (from the 16th to the 18th Century). *Archiv orientální*. 2014. No. 82. Pp. 515–538.
- Margiotti F. *L'atteggiamento dei francescani spagnoli nella questione dei riti cinesi*. Vol. 38. Madrid: Archivo Ibero-Americano, 1978.
- Matrod H. *Notes sur le Bienheureux Odoric de Pordenone (1265–1331), extrait des "Etudes Franciscaines"*. Paris: Société et Librairie Saint-François d'Assise, 1920.
- Menegon E. Jesuits, Franciscans and Dominicans in Fujian: The Anti-Christian Incidents of 1637–1638. *Monumenta Serica*. Monograph Series XLII. *Scholars from the West. Giulio Aleni, S.J. (1582–1649) and the Dialogue between Christianity and China*. Brescia, Sankt Augustin: Die Deutsche Bibliothek, 1997. Pp. 220–262.
- Mensaert G. Sinæ II. Tempore hodierno (1579–1957). *Historia Missionum Ordinis Fratrum Minorum*. Vol. I. *Asia Centro-orientalis et Oceania*. Roma: Secretariatus missionum O.F.M., 1967. Pp. 129–165.

- Michaud Ya. Chap. XI. Mongols et Mamlûks: L'état de monde musulman vers 709/1310. *Textes Spirituels d'Ibn Taymiyya. Le Musulman*. Paris: Association des étudiants Islamiques de France, 1994. Pp. 26–31.
- Montalbano K. A. Misunderstanding the Mongols: Intercultural Communication in Three Thirteenth-Century Franciscan Travel Accounts. *Information & Culture*. 2015. No. 50 (4). Pp. 588–610.
- Moule A.C. *Christians in China before the Year 1550*. Minneapolis: Martino Fine Books, 2011.
- Moule A.C. The Primitive Failure of Christianity in China. *The International Review of Missions*. 1931. Vol. 20. Iss. 3. Pp. 456–459.
- Mungello D.E. *The Great Encounter of China and the West, 1500–1800 (Critical Issues in World and International History)*. New York, Toronto, Plymouth, UK: Rowman & Littlefield Publishers, 2009.
- O'Toole G.B. John of Montecorvino, First Archbishop of Peking. *Bulletin of the Catholic University of Peking*. 1929. No. 6. Pp. 36–37.
- Pellio P. Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême Orient. *T'oung Pao*, 1914. Vol. 15. No. 5. Pp. 623–644.
- Rachewiltz I. *Papal Envoys to the Great Khans*. Stanford: Stanford University Press, 1971.
- Roux J-P. *Histoire de l'Empire Mongol*. (Biographies Historiques). Paris: Fayard, 1993.
- Standaert N. (Ed.) *Handbook of Christianity in China*. Vol. 1: 635–1800. Leiden: Brill, 2001.
- The Congregation for the Evangelization of Peoples*. 2021. https://www.vatican.va/roman_curia/congregations/cevang/documents/rc_con_cevang_20100524_profile_en.html (accessed 28.07.2021).
- Wyngaert A. Van Den (Ed.) *Sinica Franciscana*. Vol. I. Quaracchi: Collegium s. Bonaventurae, 1929.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДУБРОВСКАЯ Динара Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, Россия.

Dinara V. DUBROVSKAYA, PhD (History), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Assistant Professor of the State Academic University for the Humanities (GAUGN); Moscow, Russia.

КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ

DOI: 10.31857/S086919080016765-8

«УПАДЕШАМРИТА» КАК СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ БЕНГАЛЬСКОГО ВИШНУИЗМА¹

© 2021

Е.В. КАРИМОВА^a, В.В. ОСТАНИН^{b,c}, М.А. СУБОТЯЛОВ^{d,e}^a – ООО «ФинСофт ритейл», Новосибирск, Россия

ORCID: 0000-0003-4420-1288; ekaterina.berveno@gmail.com

Scopus Author ID: 56369868800

^b – Алтайский государственный аграрный университет, Барнаул, Россия^c – Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ORCID: 0000-0002-8126-1151; vadim_bh@mail.ru

^d – Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,

Новосибирск, Россия

^e – Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

ORCID: 0000-0001-8633-1254; subotyalov@yandex.ru

Scopus Author ID: 57192715959

Web of Science Researcher ID: AАН-4360-2019

Резюме: В статье представлен краткий обзор средневекового трактата «Упадешамрита» Рупы Госвами, являющегося ярким представителем вишнуизма, одного из направлений индуизма, и его средневековой ветви – бенгальского вишнуизма. Публикация ставит перед собой две задачи: проанализировать структуру текста «Упадешамриты» и рассмотреть его как источник по истории философии бенгальского вишнуизма. Авторы последовательно обосновывают актуальность данного исследования, приводя ссылки на работы российских и зарубежных ученых, а также ссылки на существующие комментарии на данный источник на различных языках. В статье приведена история трактата и изложена его структура. Поскольку текст «Упадешамриты» изложен стихах, в статье приводится анализ стихотворных размеров. Также приведен обзор содержания данного трактата и предложена авторская интерпретация связи стихов «Упадешамриты», исходя из различных гипотез. Согласно одной из рассмотренных в статье гипотез, последовательность стихов произведения обусловлена метафорой продвижения личности по пути духовного развития, от низшей ступени до высшей – достижения духовного совершенства. Этот подход характеризуется постепенностью и необходимостью дифференцировать религиозные практики для адептов различного уровня, и потому позволяет увидеть в тексте переход адепта от одного уровня квалификации к другому. Вторая гипотеза предполагает, что «Упадешамрита» предназначена для адепта, имеющего определенную квалификацию, и потому рассматривается как сжатое руководство по практике бхакти для учеников данного уровня. Таким образом, авторы демонстрируют, как в зависимости от духовного «портрета» читателя преобразуется суть послания, вложенного в текст произведения. По результатам анализа авторы рекомендуют рассматривать данный трактат в качестве источника по философии бенгальско-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44073 «Диалог науки и религии: исторические традиции, современные тенденции, проблемы и перспективы».

го вишнуизма, а также использовать его как учебное пособие по данной тематике, поскольку он не только формулирует в сжатой форме религиозно-философское кредо школы, но и является практическим руководством по его применению.

Ключевые слова: бенгальский вишнуизм, бхакти, индуизм, источниковедение, любовь к Богу, Рупа, Упадешамрита.

Для цитирования: Каримова Е.В., Останин В.В., Суботьялов М.А. «Упадешамрита» как средневековый источник по истории философии бенгальского вишнуизма. *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 228–238. DOI: 10.31857/S086919080016765-8

“UPADESHAMRITA” AS A MEDIEVAL SOURCE ON THE HISTORY OF THE PHILOSOPHY OF BENGAL VISHNUISM

© 2021 Ekaterina V. KARIMOVA^a, Vadim V. OSTANIN^{b, c}, Mikhail A. SUBOTYALOV^{d, e}

^a – “FinSoft retail” LLC, Novosibirsk, Russia;
ORCID: 0000-0003-4420-1288; ekaterina.berveno@gmail.com
Scopus Author ID: 56369868800

^b –Altai State Agricultural University, Barnaul, Russia

^c – Altai State University, Barnaul, Russia

ORCID: 0000-0002-8126-1151; vadim_bh@mail.ru

^d –Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

^e –Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

ORCID: 0000-0001-8633-1254; subotylov@yandex.ru

Scopus Author ID: 57192715959

Web of Science Researcher ID: AAH-4360-2019

Abstract: *The article focuses on the one of the classical Indian medieval texts written by Vaishnava thinker Rupa Goswami (1493–1564), a follower of the Bengal branch of Vishnuism, an influential Indian religious and philosophical movement. The text of “Upadeshamrita” (“Nectar of Instruction”) is one of the basic textbooks for the systematic study of Gaudiya Vishnuism since it not only sets out a concise form of philosophy but also is a practical guide to its application.*

The study analyzes structure and content of the text, estimates its role and significance for Bengal Vishnuism. The authors consistently substantiate the relevance of this research, citing references to the works of domestic and foreign scientists and links to comments on this source in various languages. The article provides the history of the treatise and outlines its structure. The article also analyzes the verse meters of “Upadeshamrita”. There are multiple approaches within the theoretical basis of Vishnuism to considering the structure of the text because it can derive the various meaning of the content. This analysis of the connections between the verses of “Upadeshamrita” defined the functionality of the manuscript and presented a few interpretations of the structure. The authors demonstrate how transforms the essence of the message embedded in the text of the work, depending on the spiritual “portrait” of the reader. Therefore, according to the results of the research, the authors conclude that “Upadeshamrita” is a particularly important contribution to Vishnuism therefore it is considered as a historical and philosophical source.

Keywords: Bengal Vishnuism, bhakti, Hinduism, love of God, Rupa, source study, Upadeshamrita.

For citation: Karimova E.V., Ostanin V.V., Subotyalov M.A. “Upadeshamrita” as a Medieval Source on the History of the Philosophy of Bengal Vishnuism. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5. Pp. 228–238. DOI: 10.31857/S086919080016765-8

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR research project No. 21-011-44073 “Dialogue between science and religion: historical traditions, modern trends, problems and prospects”.

Интерес к источникам по истории литературной, религиозной и философской традиции индуизма не только не угасает за последние десятилетия, но и приобретает все большую популярность как среди исследователей академической науки, так и среди искателей духовности большинства конфессий.

Одно из основных направлений индуизма – вишнуизм (вайшнавизм), отличительной особенностью которого является поклонение Вишну и его воплощениям (аватарам), преимущественно Кришне и Раме. Исследователь индуизма Стивен Розен отмечает, что, согласно Ежегоднику Британской энциклопедии за 1996 г., вишнуиты² составляют две трети 800-миллионного населения Индии [Розен, 2014, с. 6]. Верования и духовные практики вишнуизма базируются на таких источниках, как «Вишну-пурана», «Бхагавата-пурана», «Бхагавад-гита». Особенно примечательно, что данные тексты также привлекли внимание российских исследователей [Земляная, 2013; Корнеева, 1987; Останин, 2010; 2013; 2019; Тимошук, 2018(1)]. Многие исследователи, среди которых значатся такие корифеи отечественной индологии и востоковедения как А.Я. Сыркин, Г.М. Бонгард-Левин, Е.А. Торчинов, Е.П. Чельшев, отстаивают релевантность использования переводов санскритской эпической и философской классики в научной перспективе в качестве источников [Останин, 2010].

Исследовательский интерес российских и зарубежных ученых направлен как на вишнуизм в целом, так и на одно из известных направлений индуизма, а именно бенгальский вишнуизм³. Эта область знаний еще не достаточно исследована научным миром, хотя ее анализ в некоторой степени представлен в работах М.Т. Кеннеди [Kennedy, 1925], С.К. Дэ [De, 1961], Эдварда Димока [Dimock, 1966], Фреда Харди [Hardy, 1974], Норвина Хема [Hein, 1976], Дж.Т. О’Коннела [O’Connel, 1976; 1980], Н. Дельмонико [Delmonico, 1982; 1993], К.Л. Перуна [Perun, 2016; 2018], а в отечественной науке у В.А. Новиковой [Новикова, 1965], Н. М. Корабельник [Корабельник, 1989], В.В. Останина [Останин, 2005], А. С. Тимошука [Тимошук, 2018(2)], Н.И. Антоновой [Антонова, 2020]. Более целостный взгляд можно найти в монографии С.В. Ватмана «Бенгальский вайшнавизм» [Ватман, 2005], где автор делает серьезный акцент на актуальности рассматриваемой тематики: «Из-за отсутствия в отечественной науке исследований по бенгальскому вайшнавизму представляющаяся нам картина индийской культуры лишается важного фрагмента, что обедняет ее и делает менее ясными многие явления и процессы» [Ватман, 2005, с. 6].

Основоположник бенгальского вишнуизма – знаменитый религиозный проповедник и реформатор Шри Чайтанья (1486–1534 гг.), который в непростой период индийской истории

² Последователи вишнуизма.

³ Бенгальский вишнуизм (вайшнавизм) – религиозная традиция и одновременно религиозно-философская школа, представляющая собой направление вишнуизма, зародившееся в Бенгалии (восточная часть Индии) [Ватман, 2005].

провозглашал равенство всех людей перед Богом и считал, что универсальным духовным путем для всех людей, независимо от их касты, этнической и религиозной принадлежности, является *бхакти* (санскр.) – путь любви и преданности Богу [Ватман, 2005]. Однако, несмотря на то что он почитается в качестве основателя философии гаудия-вишнуизма⁴, Шри Чайтанья не оставил потомкам ни одного произведения, за исключением восьми стихов на санскрите, которые называют «Шикшаштакой». В этих стихах изложена суть его учения. Миссию по написанию обширных литературных трудов, раскрывающих духовные ценности, философию и практику сформулированного им учения, он возложил на своих учеников, позже прославившихся как Шесть Госвами⁵ Вриндавана⁶. Полностью посвятив исполнению наказа учителя свои жизни, они составили множество философских и богословских трудов, разъясняющих учение Шри Чайтаньи и доказывающих его соответствие изначальным ведическим писаниям.

Одним из них был знаменитый Рупа Госвами, величайший представитель духовной традиции гаудия-вишнуизма, выдающийся теолог, поэт и философ. Именно поэтому все, кто следует учению бенгальского вишнуизма, сейчас называют себя рупанугами («ануга» – «следовать», санскр.) [Тимошук, 2018(2), с. 290], а свою школу мысли – Рупануга-сампрадаей⁷, поскольку все писания гаудия-вишнуитов восходят к идеям, изложенным в трудах Рупы, а его книги составляют фундамент данной философии.

Одно из произведений, написанных Рупой Госвами – это «Шри Упадешамрита» [Rūpagosvāmī, 1997], или «Нектар наставлений» («упадеша» – наставление, «амрита» – нектар, санскр.). Указанный источник представляет собой сжатое изложение наставлений, полученных Рупой Госвами лично из уст Шри Чайтаньи в Пури (Индия) в начале XVI в. Подробное изложение этих наставлений Рупа Госвами сделал уже в «Бхакти-расамрита-синдху», а также в «Уджджвала-ниламани», своих наиболее значимых трудах. Анализ обозначенных источников встречается в работах С.В. Ватмана [Ватман, 2019(1); 2019(2)]. «Упадешамрита» же, являясь одним из классических религиозных трудов индийского средневековья [Каримова и др., 2020], похоже еще не подвергалась подробному научному анализу, что, возможно, связано с ее небольшим объемом.

Цель данной статьи – проанализировать структуру текста «Упадешамриты», рассмотрев его как источник по истории религиозно-философских воззрений бенгальского вишнуизма. «Упадешамрита» описывает в одиннадцати емких стихах суть учения Шри Чайтаньи, начиная с самых азов и до изложения самых возвышенных истин. Эта рукопись вполне может использоваться и отчасти используется как один из базовых учебников для систематического изучения гаудия-вишнуизма, поскольку не только формулирует в сжатой форме религиозно-философское кредо школы, но и является практическим руководством по его применению.

Актуальность источника в качестве классического текста подтверждается наличием комментариев известных богословов, задача которых заключается в том, чтобы представить сложные философские понятия в простой и легкодоступной форме для изучающих его современников. Следуя устоявшейся традиции комментирования писаний, известные философы и богословы традиции Чайтаньи написали несколько базовых комментариев на «Упадешамриту» [Ишани, 2000, с. 6]: Шри Радха-рамана дас Госвами (XVI в.) создал на

⁴ Гаудия-вишнуизм – иное название бенгальского вишнуизма (вайшнавиизма).

⁵ Госвами дословно означает: «го» – «чувства» (согласно словарю Монье-Вильямса [Monier-Williams, 1899, p. 363]: “go - an organ of sense cf. BhP. vii, 5, 30”), «свами» – «господин», т.е. «господин чувств». Титул «Госвами» употребляют по отношению к монаху, давшему обет отречения от мира.

⁶ Вриндаван – город в округе Магхура штата Уттар-Прадеш, Индия.

⁷ Сампрадая – санскритский термин, используемый для обозначения определенной богословской традиции, философское учение и культурные особенности которой передаются по линии духовных учителей – цепи ученической преемственности.

санскрите «Упадеша-пракашика-тика» («Комментарий, раскрывающий суть наставлений “Упадешамриты”») [Rupa Gosvami, 1942]; Шрила Бхактивинода Тхакур (1838–1914) написал на языке бенгали «Пийуша-варшини-вритти» («Поток нектарных объяснений») [Rupa Gosvami, 1942] и книгу «Бхактьялока» [Бхактивинода, 2004] – отдельный комментарий на знаменитые 2 и 3 стихи «Упадешамриты», а также стихотворный перевод всех стихов в размере «пайар» (санскр.) и 9 песен на тему наставлений «Упадешамриты», вошедшие в сборник «Шаранагати» (раздел «Бхаджана-лаласа» – «Стремление к духовной жизни», написанные в размере «трипади»(санскр.)); Шрила Бхактисиддхант Сарасвати (1874–1937 гг.) написал на языке бенгали «Анувритти» («Следование по стопам») [Rupa Gosvami, 1942] и поэтический перевод стихов «Упадешамриты»; а Бхактиведанта Свами Прабхупада (1896–1977 гг.) написал уже на английском языке так называемый «Нектар наставлений» [Бхактиведанта, 2015], который в итоге был переведен более чем на 80 языков мира [Розен, 2014, с. 143]. В предисловии к первому изданию на английском языке, напечатанному в 1975 г., издатели пишут:

«Пять с половиной веков назад появился этот компактный справочник по основам духовных учений. Как выбрать гуру, как практиковать йогу, даже где жить – все это вы найдете в этом бесценном произведении, изначально написанном на санскрите Шрилой Рупой Госвами, величайшим духовным гением средневековой Индии» [Bhaktivedanta Swami Prabhupada, 1975].

Кроме того, стоит упомянуть об обильном устном цитировании и комментировании рассматриваемого источника и комментариев на него в различных современных гаудия-вайшнавских организациях, таких как ИСККОН⁸ [Гопал Кришна Госвами, 1998; Ниранджана Свами, 2012] и Гаудия-матх [Шри Рупа Госвами, 2001]⁹.

ОБЗОР СОДЕРЖАНИЯ «УПАДЕШАМРИТЫ»

Исследуемый текст представляет собой 11 стихов на санскрите, описывающих путь бхакти, от самой низшей до самой высокой ступени, сопровождаемый практическими рекомендациями по их успешному прохождению. Описание пути опирается на классификацию религиозных адептов, подразделяющую их на три типа, в зависимости от этапов духовного развития личности – начинающий (*каништха*, санскр.), промежуточный (*мадхьяма*, санскр.) и совершенный (*уттама*, санскр.).

По форме произведение представляет собой трактат на санскрите, изложенный в стихах. Стихотворные размеры имеют различные вариации и передают меняющееся настроение послания. Примечательно, что в «Упадешамрите» используются сразу несколько размеров: 1–4 тексты – *ануштубх* (санскр.), 5–8 тексты – *васант-тилак* (санскр. «украшение весны»), 9–10 тексты – *шардула-викридитам* (санскр. «играющий тигр»), 11 текст – *манда-кранта* (санскр. «медленно, плавно текущий») [Ишани, 2000, с. 6].

Итак, рассматривая структуру текста источника, исходя из разных гипотез, можно заметить, как в зависимости от духовного «портрета» читателя преобразуется суть послания, вложенного в текст произведения.

Существует несколько взглядов на структуру источника.

Первый подход основан на гипотезе, согласно которой «Упадешамрита» предназначена для адепта второго уровня (*мадхьяма*, санскр.). В этом случае источник рассматривается

⁸ Международное общество сознания Кришны (англ. International Society for Krishna Consciousness – ISKCON) – вайшнавская религиозная организация, основанная бенгальским монахом Бхактиведантой Свами Прабхупадой в 1966 г. в Нью-Йорке.

⁹ Гаудия-матх (*матх* – «монастырь», санскр.) – название традиции или сообщества в гаудия-вайшнавизме.

как сжатое руководство по практике бхакти для ученика, имеющего эту квалификацию, и его структура выглядит следующим образом:

текст 1 – шесть признаков владеющего собой мадхьяма;

тексты 2–4 – его внешнее поведение и духовная практика: 6 аспектов, препятствующих успеху практики *мадхьяма*; 6 аспектов, благоприятствующих его успеху в практике; 6 форм социальной практики *мадхьяма*;

тексты 5–8 – его внутреннее развитие и видение;

тексты 9, 10 – последовательный порядок поклонения святым местам и личностям различного духовного уровня;

текст 11 – высочайшая слава и высшее благо.

Второй подход, как нам кажется, более интересен. Он рассматривает «Упадешамриту» как изложение концепции духовного развития, характеризующейся постепенностью и необходимостью дифференцировать религиозные практики для адептов различного уровня. Здесь уместна метафора движения по ступеням бхакти. С одной стороны, тексты с первого по одиннадцатый описывают подъем от первой до девятой ступени бхакти – они указаны ниже в скобках. С другой стороны, в структуре также отражен переход адепта от одного уровня квалификации к другому. В этой парадигме структура текста выглядит следующим образом.

Вступительные тексты описывают путь адепта начального уровня духовного развития:

текст 1 – квалификация духовного учителя, или госвами; шесть побуждений, мешающих неопиту развиваться на пути бхакти под руководством учителя, которые необходимо преодолеть;

текст 2 – *яма* (санскр.) – негативные ограничения (6 шт.); препятствия на пути преданного служения, что разрушают бхакти;

текст 3 – *нияма* (санскр.) – позитивные предписания (6 шт.), способствующие развитию бхакти (все три текста – первая ступень бхакти, называемая *шраддха* – «вера», санскр.);

текст 4 – *нияма – прити-лакшанам* (санскр.), шесть аспектов культуры общения с теми, кто также идет духовным путем (вторая ступень бхакти, *садху-санга* – «общение с преданными», санскр.).

Следующие тексты описывают практику адепта промежуточного уровня:

текст 5 – культура служения личностям трех уровней духовной квалификации (третья ступень бхакти, *бхаджана-крिया* – «несение практического служения», санскр.);

текст 6 – посвящен тому, каким образом избегать оскорблений по отношению к тем, кто идет духовным путем; содержит описание адепта высшего уровня (четвертая и пятая ступени бхакти, *анартха-нивритти* – избавление от неблагоприятного и *ништха* – «твердая вера», санскр.);

текст 7 – метод разрушения фундаментального невежества (*авидья*, санскр.) и способ культивирования вкуса к повторению святого имени Бога (Кришны) (шестая ступень бхакти, *ручи* – «вкус», санскр.);

текст 8 – правильная система поклонения Враджа-дхаме¹⁰ (обители Господа), метод развития привязанности к практике медитации на Господа (седьмая ступень бхакти, *асапти* – «привязанность», санскр.).

Заключительные тексты, описывающие цель и результат духовного пути:

текст 9 – сравнение святых мест;

текст 10 – сравнение уровней духовного прогресса;

¹⁰ Священное место у вишнуитов по аналогии, например, с Меккой у мусульман и Иерусалимом у христиан.

текст 11 – превосходство Радха-кунды¹¹; описание наивысшего положения, которого только можно достичь (восьмая и девятая ступени бхакти, *бхава* – «экстаз» и *према* – «любовь», санскр.).

Вышеизложенную классификацию предложил преподаватель Вриндаванского Института высшего образования (VINE) Пол Дэмьен Тарантина (1955–2010 духовный титул – Пурначандра Госвами).

Данный вариант структуры соответствует изданному переводу «Упадешамриты» [Рупа Госвами, 2011], где каждый текст озаглавлен схожим образом:

«Текст 1. Шесть побуждений, мешающих развитию бхакти, которые необходимо преодолеть.

Текст 2. Шесть препятствий на пути бхакти.

Текст 3. Шесть обетов, благоприятных для развития бхакти.

Текст 4. Общение, углубляющее бхакти.

Текст 5. Как преданный среднего уровня должен служить вайшнавам трех уровней.
Текст 6. Недопустимо судить об осознавших себя вайшнавах с мирской точки зрения.

Текст 7. Метод бхаджаны¹²: сосредоточение на имени и лилах¹³ Шри Кришны.

Текст 8. Практика бхаджаны и лучшее место для занятий бхаджаной

Текст 9. Самое святое место.

Текст 10. Самая дорогая возлюбленная Кришны.

Текст 11. Величие Шри Радха-кунды».

Анализируя жанр «Упадешамриты», показалось уместным рассмотреть ее как произведение в жанре катехизиса (лат. *catechesis*; от др.-греч. *κατηχησις* – «поучение, наставление»). В классическом понимании катехизис содержит основные положения вероучения, часто излагаемые в виде наводящих вопросов и ответов на них.

В предложенной парадигме связь стихов текста можно представить следующим образом:

«Ученик: О, духовный учитель, в чем заключается моя главная обязанность?

Учитель: Ты должен контролировать чувства. 1-й текст: 6 побуждений, неблагоприятных для практики бхакти.

Ученик: Учитель, но почему мне так трудно контролировать чувства? Что мне мешает?

Учитель: На пути бхакти есть следующие препятствия. 2-й текст: 6 препятствий на пути бхакти.

Ученик: А что помогает развиваться на пути бхакти?

Учитель: 3-й текст: 6 принципов благоприятных для бхакти.

Ученик: Учитель, а как мне общаться с другими вайшнавами?

Учитель: 4-й текст: 6 видов проявления любви между вайшнавами.

Ученик: Учитель, оказывается, есть разные вайшnavы. Как мне различать их и как я должен относиться к ним?

Учитель: 5-й текст: Три уровня вайшnavов и отношения с ними.

Ученик: Учитель, иногда я замечаю телесные недостатки у некоторых вайшnavов.

Как мне реагировать на них?

Учитель: 6-й текст: Тело вайшнава всегда чисто, подобно водам Ганги¹⁴.

¹¹ Священное место у вишнуитов, расположено в округе Матхура в штате Уттар-Прадеш, Индия.

¹² *Бхаджана* (санскр.) – духовная практика, прежде всего слушание, повторение и медитация, обращенные на имя, образ, качества и деяния Господа.

¹³ *Лила* (санскр.) – игра.

¹⁴ Ганга – священная река в индуизме.

Ученик: Учитель, у меня нет вкуса к преданному служению Богу: повторению святых имен Господа, памятованию о Шри Кришне. Что мне делать?

Учитель: Эта материальная болезнь называется невежеством. 7-й текст: Сладость имен Шри Кришны, материальная болезнь и средство ее излечения.

Ученик: Учитель, а в чем заключается суть всех наставлений?

Учитель: 8-й текст: суть всех наставлений: поселиться во Врадже¹⁵ и использовать все свое время для духовной практики, а именно слушания и воспевания имени, образа, качеств и деяний Господа, под руководством тех, кто достиг в этом совершенства.

Ученик: А почему нужно поселиться именно во Врадже? Разве существует разница между святыми местами?

Учитель: Да, даже во Врадже существует иерархия святых мест. 9-й текст: Иерархия святых мест и слава Радха-кунды.

Ученик: Учитель, а почему Радха-кунда занимает такое положение?

Учитель: Потому что она принадлежит Шримати Радхарани¹⁶. 10-й текст: Иерархия вайшнавов, Шримати Радхарани и Ее кунда.

Ученик: Учитель, а можно мне совершать омовение в Радха-кунде?

Учитель: Да, можно, но в правильном сознании. 11-й текст: Шримати Радхарани, Ее кунда и омовение в Радха-кунде».

Итак, анализируя структуру текста источника, исходя из разных гипотез, можно заметить, как в зависимости от «портрета» читателя преобразуется суть послания, вложенного в текст произведения его автором. Исследование структуры текста позволило определить функциональное назначение данного сочинения, проанализировать различные аспекты содержания текста, в особенности – вопросы соотношения религиозного пути для адептов различного уровня, а также тематику движения адепта через концепцию бхакти. Дальнейшее изучение текста «Упадешамриты» и существующих на него комментариев позволит уточнить предложенную интерпретацию.

Таким образом, можно отметить, что исследуемый трактат «Упадешамрита» можно рассматривать в качестве ценного источника по истории бенгальского вишнуизма. Он содержит актуальную теологическую информацию и несет в себе не только непреходящую историческую ценность, но и может быть использован в качестве учебного пособия по истории и философии бенгальского вишнуизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Антонова Н.И. К вопросу о решении научных проблем в области исследований гаудия-вайшнавизм. *Ориенталистика*. 2020. № 3(1). С. 110–118 [Antonova N.I. Some Aspects of the Gaudiya-Vaishnavism Research. *Orientalistica*. 2020. No. 3(1). Pp. 110–118 (in Russian)].

Бхактиведанта Свами Прабхупада А.Ч. *Нектар наставлений*. Пер. с англ. М.: The Bhaktivedanta Book Trust, 2015 [Bhaktivedanta Swami Prabhupada A.C. *Nectar of Instructions*. Trans. from English. Moscow: The Bhaktivedanta Book Trust, 2015 (in Russian)].

Ватман С.В. *Бенгальский вайшнавизм*. СПб.: Издательство СПбГУ, 2005 [Vatman S.V. *Bengal Vaishnavism*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2005 (in Russian)].

Ватман С. В. Вишнунитский трактат «Бхакти-расамрита-синдху», его структура, содержание и доктринальная роль. *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*. 2019. № 3. С. 212–224 [Vatman S. V. The Vishnuit

¹⁵ Врадж – еще одно наименование ранее упоминаемой Враджа-дхамы.

¹⁶ В гаудийской традиции Радхарани признается как Верховная Богиня всего сущего

Treatise “Bhakti-rasamrta-sindhu”, Its Structure, Content and Doctrinal Role. *Pushkin Leningrad State University Journal*. 2019. No. 3. Pp. 212–224 (in Russian)].

Ватман С. В. Метафизика духовной любви в вишнуитском трактате «Уджжвала-ниламани». *Вестник СПбГИК* № 3 (40). 2019. С. 22–27 [Vatman S. V. Metaphysics of Spiritual Love in the Vishnuite Treatise “Ujjwala-nilamani”. *Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture*. No. 3 (40). 2019. Pp. 22–27 (in Russian)].

Гопал Кришна Госвами. *Шри Упадешамрита (Нектар наставлений)*. Вып. 4. СПб.: Бхагаватпада-санга, 1998 [Gopal Krishna Gosvami. *Shri Upadeshamrita (Nectar of Instruction)*. St. Petersburg: Bhagavatpada-Sanga, 1998 (in Russian)].

Земляная Е.А. *Основы этического учения «Бхагавадгиты»*. Автореф. дис. ... канд. философских наук. СПб., 2013 [Zemlyanaya E.A. *Fundamentals of the Ethical Teaching of “Bhagavad Gita”*. Abstract of the PhD Thesis (philosophical sciences). St. Petersburg, 2013 (in Russian)].

Ишани Д.Д. *Нектар наставлений. Руководство по изучению. Курс «Бхакти-шастри»*. М.: Вайшнавский Университет, 2000 [Ishani D.D. *Nectar Of Instruction. Study Guide. Bhakti-Shastri Course*. Moscow: Vaishnava University, 2000 (in Russian)].

Каримова Е.В., Останин В.В., Суботьялов М.А. Феномен неявного цитирования в средневековом индийском трактате «Упадешамрита». *Восток (Oriens)*. 2020. № 6. С. 175–183 [Karimova E.V., Ostanin V.V., Subotyalov M.A. The Phenomenon of Hidden Quotation in the Medieval Indian Treatise “Upadesamrita”. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 6. Pp. 175–183 (in Russian)].

Корабельник Н.М. Некоторые вопросы социально-этического учения Чайтаньи. Литман А.Д. (ред). *Общественная мысль Индии. Прошлое и настоящее: сб. ст.* М.: ГРБЛ, 1989. С. 204–217 [Korabel'nik N.M. Some Questions of Chaitanya's Socio-Ethical Teaching. Litman A.D. (ed). *The Social Thought of India. Past and Present. Collection of Papers*. Moscow: Glavnaia Redaktsiia Vostochnoi Literatury, 1989. Pp. 204–217 (in Russian)].

Корнеева Н.А. *Источниковедческий анализ «Вишну-смирти»: проблемы хронологии и перевода*. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1987 [Korneeva N. A. *Source Analysis of “Vishnu-smriti”: Problems of Chronology and Translation*. Abstract of the PhD Thesis (pedagogical sciences). Moscow, 1987 (in Russian)].

Ниранджана Свами. *Книга лекций «Милость в наставлениях»*. Вып. 4–6. Днепропетровск: АРТ-ПРЕСС, 2012 [Niranjana Swami. *The Book of Lectures “Mercy through Instructions”*. Vol. 4–6. Dnepropetrovsk: ART-PRESS, 2012 (in Russian)].

Новикова В.А. *Очерки истории бенгальской литературы*. Л.: ЛГУ, 1965 [Novikova V.A. *Essays on the History of Bengali Literature*. Leningrad: LGU, 1965 (in Russian)].

Останин В.В. «Человек играющий» и вишнуитский Ренессанс XVI–XVII вв. *Вестник АГАУ*. 2005. № 1. С. 184–186 [Ostanin V.V. “A Man Playing” and the Vishnuite Renaissance of the 16th–17th Centuries. *Bulletin of the ASAU*. 2005. No. 1. Pp. 184–186 (in Russian)].

Останин В.В. *Антропология классической веданты: эволюция религиозно-философских идей*. Барнаул: Издательство АГАУ, 2010 [Ostanin V.V. *Anthropology of Classical Vedanta: the Evolution of Religious and Philosophical Ideas*. Barnaul: Publishing House of the Altai State University, 2010 (in Russian)].

Останин В.В. «Гита» в традиции гаудия (сумма методологий). *Вестник Томского гос. ун-та. История*. 2013. № 4 (24). С. 153–159 [Ostanin V.V. “Gita” in the Gaudiya Tradition (Sum of Methodologies). *Tomsk State University Journal. History*. 2013. No. 4 (24). Pp. 153–159 (in Russian)].

Останин В.В. Архитектоника «Бхагавата-пураны». *Ориенталистика*. 2019. № 2(1). С. 150–158 [Ostanin V.V. Architectonics of “Bhagavata-Puranas”. *Orientalistica*. 2019. No. 2(1). Pp. 150–158 (in Russian)].

Розен С.Д. *Неизвестное сокровище Индии*. Пер. с англ. М.: The Bhaktivedanta Book Trust, 2014 [Rosen S.D. *Unknown Treasure of India*. Transl. from English. Moscow: The Bhaktivedanta Book Trust, 2014 (in Russian)].

Тимошук А.С. Вайшнавизм: стратегии конструирования и концептуализации. *Народы и религии Евразии*. 2018(1). № 1(14). С. 72–80 [Tymoshchuk A.S. Vaishnavism: Design and Conceptualization Strategies. *Peoples and Religions of Eurasia*. 2018(1). No. 1(14). Pp. 72–80 (in Russian)].

Тимошук А.С. Эстетизация бенгальского вишнуизма в творчестве Рупы Госвами. *Ориенталистика*. 2018(2). № 1(2). С. 289–302 [Tymoshchuk A.S. Aesthetization of Bengali Vishnuism in the Works of Rupa Goswami. *Orientalistica*. 2018(2). No. 1(2). Pp. 289–302 (in Russian)].

Шрила Бхактивинода Тхакур. *Шри Бхактьялока*. Пер. с бенгали. Б.М.: Облако нектара, 2004 [Sri Bhaktivinoda Thakur. *Sri Bhaktyaloka*. Trans. from Bengali. S.I.: Oblako nektara, 2004 (in Russian)].

Шри Рупа Госвами. *Шри Упадешамрита (с комментариями Радхарамана даса Госвами, Бхактивиноды Тхакура, Бхактисиддханты Сарасвати)*. М.: Международное общество «Гаудияведанта», 2001 [Sri Rupa Goswami. *Sri Upadesamrita (with Commentary by Radharaman dasa Goswami, Bhaktivinoda Thakur, Bhaktisiddhanta Sarasvati)*. Moscow: Mezhdunarodnoe obshchestvo “Gaudiavedanta”, 2001 (in Russian)].

Шрила Рупа Госвами. *Шри Упадешамрита*. Пер. с санскр. и коммент. А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада. М.: The Bhaktivedanta Book Trust, 2011 [Sri Rupa Goswami. *Shri Upadesamrita*. Transl. from Sanscrit and Comments by A.Ch. Bhaktivedanta Swami Prabhupada. Moscow: The Bhaktivedanta Book Trust, 2011 (in Russian)].

Bhaktivedanta Swami Prabhupada A.C. *The Nectar of Instruction*. Los Angeles, California: Bhaktivedanta Book Trust, 1975.

De, Sushil Kumar. *Early History of the Vaishnava Faith and Movement in Bengal*. Calcutta: Firma K.L. Mukhopadhyay, 1961.

Delmonico N. *Time Enough for Play: “Religious Use of Time in Bengal Vaisnavism”*. Paper Presented at Bengal Studies Conference. 1982.

Delmonico N. Rupa Goswami: His Life, Family, and Early Vraja Commentators. *Journal of Vaisnava Studies*. Chatterjee, Chanda, 1993. Vol. 1. No. 2. Pp. 133–158.

Dimock E.C. Doctrine and Practice among the Vaisnavas of Bengal. *Krishna: Myths, Rites, and Attitudes*. Honolulu: East-West Center Press, 1966.

Hardy F. Madhavendra Puri: a Link between Bengal Vaishnavism and South Indian Bhakti. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1974. No. 1. Pp. 23–41.

Hein N. Caitanya Extasies and the Theology of the Name. *Hinduism: New Essays in the History of Religion*. Ed. by Bardwell L. Smith. Leiden: E.J. Brill, 1976. Pp. 15–32.

Kennedy M.T. *The Chaitanya Movement: A Study of the Vaishnavism of Bengal*. Calcutta: Association Press, 1925.

Monier-Williams M. *A Sanskrit-English Dictionary: Etymologically and Philologically Arranged with Special Reference to Cognate Indo-European Languages*. Oxford, The Clarendon Press, 1899.

O’Connel J.T. Chaitanya’s Followers and the Bhagavad Gita. *Hinduism: New Essays in the History of Religion*. Ed. by Bardwell L. Smith. Leiden: E.J. Brill, 1976. Pp. 33–52.

O’Connel J.T. Gaudiya Vaisnava Symbolism of Deliverance (uddhara, nistara...) from Evil. *Journal of Asian and African Studies*. 1980. Vol. XV. No. 1–2. Pp. 124–135.

Perun K. Hare Kṛṣṇa mahā-mantra from the Caitanya-vaiṣṇava Perspective. *Journal of Vaisnava Studies*. 2016. Vol. 24. No. 2. Pp. 213–257.

Perun K. Navadvīpa as Vaiṣṇava Tīrtha. *Journal of Vaishnava Studies*. 2018. Vol. 27. No. 1. Pp. 97–115. Rūpagosvāmī. *Śrī Upadeśāmṛta*. Mathurā, India: Gauḍīya Vedānta Publications, 1997 (in English and Sanskrit).

Rupa Goswami. *Śrī Śrī Upadeśāmṛtam, Śrī Śrīla Rūpa Gosvāmī Prabhu kṛtam, with Upadeśa-prakāśika Radharamana Goswami. Commentary Pīyūṣa-varṣiṇī, Bengali Poetic Arrangement and Series of Articles by Bhaktivinoda Thakura, Anuvṛtti Bhaktisiddhanta Sarasvati Goswami Prabhupada, Amṛtāvāṣeṣaleśa Bhakti Prasada Puri Goswami*. Ed. by Śrīmad Bhakti Pradīpa Tīrtha Gosvāmī Mahārāja. Published by Sundarānanda Vidyāvinoda, Gauḍīya Mission, 1942.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

КАРИМОВА Екатерина Викторовна – менеджер проектов, ООО «ФинСофт ритейл», Новосибирск, Россия.

Ekaterina V. KARIMOVA, project manager, “FinSoft retail” LLC, Novosibirsk, Russia.

ОСТАНИН Вадим Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный аграрный университет», доцент кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», Барнаул, Россия.

Vadim V. OSPANIN, PhD (Philosophy), docent of the philosophy department at the Altai State Agrarian University, assistant professor of the department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations department at the Altai State University, Barnaul, Russia.

СУБОТЯЛОВ Михаил Альбертович – доктор медицинских наук, профессор кафедры анатомии, физиологии и безопасности жизнедеятельности ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»; доцент кафедры фундаментальной медицины ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», Новосибирск, Россия.

Mikhail A. SUBOTYALOV, M.D., PhD, DSc., Professor of the Department of Anatomy, Physiology and Life safety at the Novosibirsk State Pedagogical University, docent of the Fundamental Medicine Department at the Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080016925-4

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ДАГЕСТАНСКИХ АРАБОЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД¹

© 2021

Р.С. АБДУЛМАЖИДОВ ^a, З.А. МАГОМЕДОВА ^b

^{a, b} – Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала, Россия
ORCID: 0000-0002-8960-2520; ramazana@yandex.ru;
ORCID: 0000-0001-8313-1716; zaynab@yandex.ru

Резюме. Среди источников по истории Северного Кавказа важнейшее место занимают арабоязычные материалы, сосредоточенные, главным образом, в Дагестане. Их изучение началось еще в XIX в., когда представители формировавшихся в России востоковедческих центров в Москве и Санкт-Петербурге, начали знакомство с дагестанскими историческими сочинениями. С образованием Центра восточных рукописей в Махачкале при Институте языка, истории и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР, начинается академическое изучение богатейшего массива северокавказских арабоязычных источников. Благодаря кропотливой работе дагестанских арабистов, был создан Фонд восточных рукописей (Рукописный фонд), вобравший в себя тысячи рукописей и документов.

В постсоветский период отечественные востоковеды обратили внимание на целый ряд еще недостаточно изученных арабоязычных источников. Поисковая работа продолжала выявлять все новые и новые источники, в значительной степени меняющие устоявшиеся представления о социально-правовой и военно-политической истории Дагестана. В научный оборот были введены обстоятельные исследования и переводы нескольких исторических хроник, широкий круг разнообразных источников периода Кавказской войны. Идет планомерная работа по изучению эпистолярных источников, хранящихся в Фонде восточных рукописей ДФИЦ РАН и в многочисленных частных рукописных собраниях.

Исследования арабоязычных письменных памятников зачастую остаются вне поля зрения не только широкого круга читателей, но и историков-кавказоведов. Настоящая статья, посвященная их обзору и анализу, призвана отчасти восполнить этот пробел. В ней дается краткая характеристика наиболее важным исследованиям дагестанских арабоязычных источников, подводя тем самым определенный итог многолетней поисковой и исследовательской работы по изучению этих письменных памятников, проведенным в постсоветский период.

Ключевые слова: археография, Восточный Кавказ, Дагестан, арабоязычная рукописная книга, дагестанские исторические сочинения, суфийская литература, памятники права.

Для цитирования: Абдулмажидов Р.С., Магомедова З.А. Обзор исследований дагестанских арабоязычных источников в постсоветский период. *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 239–249. DOI: 10.31857/S086919080016925-4

¹ Публикация подготовлена в рамках научного проекта РФФИ № 20-19-50149.

REVIEW OF STUDIES OF DAGESTAN ARABIC-LANGUAGE SOURCES
OF THE POST-SOVIET PERIOD

© 2021

Ramazan S. ABDULMAZHIDOV ^a, Zaynab A. MAGOMEDOVA ^b^{a, b} – Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Federal
Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia^a – ORCID: 0000-0002-8960-2520; ramazana@yandex.ru;^b – ORCID: 0000-0001-8313-1716; zaynab@yandex.ru

Abstract. *Materials in the Arabic language, mainly concentrated in Dagestan, occupy the most important place among the sources on the history of the North Caucasus. Its research has started since the 19th century. The academic study of these sources continued with the establishment of the Center of Oriental Manuscripts in 1963 in Makhachkala at the Institute of Language, History and Literature of Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences. In the post-Soviet period, Russian orientalists drew attention to a number of still insufficiently studied Arabic-language sources. The research work revealed more new sources that significantly changed established ideas about social, legal and military-political history of Dagestan. Extensive study and translations of several historical chronicles, a wide range of various sources from the period of the Caucasian War were introduced into scientific circulation. Systematic work is underway to study the epistolary sources kept both in the Fund of Oriental Manuscripts of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala (it includes now thousands of manuscripts and documents) and in numerous private manuscript collections. Studies of Arabic-language written monuments often remain out of sight not only for a wide range of readers, but also for the historians who specialize on the history of the Caucasus. This article devoted to their review and analysis is intended to fill this gap; it summarizes a certain result of enduring research work directed to the study of these manuscripts, carried out in the post-Soviet period.*

Keywords: archeography, Eastern Caucasus, Dagestan, Arabic-language handwritten book, Dagestan historical works, Sufi literature, monuments of law.

For citation: Abdulmazhidov R.S., Magomedova Z.A. Review of Studies of Dagestan Arabic-Language Sources of the Post-Soviet Period. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 5. Pp. 239–249. DOI: 10.31857/S086919080016925-4

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-19-50149.

Известный кавказовед А.Н. Генко отмечал, что среди источников по истории Кавказа «выдающаяся роль принадлежит источникам арабского происхождения или арабоязычным» [Генко, 1941, с. 81]. В этом отношении особенно выделяется Дагестан, арабоязычное письменное наследие которого столь масштабно и разнообразно, что до сих пор не определены его точные границы. До наших дней сохранились десятки тысяч манускриптов и документов.

Наибольший интерес у дагестанских востоковедов вызывали исторические сочинения, изучению которых уделялось самое пристальное внимание. Особое отношение было к хронике «Дербенд-наме» как одному из самых ранних и популярных исторических сочи-

нений Дагестана. Исследованием хроники занимались М.С. Саидов, А.Р. Шихсаидов, Г.М.-Р. Оразаев, И.Х. Абдуллаев, Д.М. Маламагомедов, П.М. Алибекова. Остаются открытыми вопросы датировки, языка оригинала и атрибуции этого сочинения. Однозначная трактовка, объявляющая его автором Мухаммада Аваби Акташи из Эндирея, выглядит спорной. По другой версии, происхождение создателя «Дербенд-наме» можно отнести к г. Агдаш, расположенному на территории современного Азербайджана. Промежуточным итогом изучения данной хроники следует считать объемный труд, вышедший под редакцией Г.М.-Р. Оразаева, включающий в себя научные описания списков «Дербенд-наме» и переводы на 15 языках: дагестанских, восточных и европейских [Мухаммад Аваби Акташи, 2018].

Столь же пристальное внимание уделялось и хронике «Тарих Дагестан». А.Р. Шихсаидов, изучив более 40 списков этого памятника, дал его общую характеристику и оценку, обзор истории изучения и переводов, и представил свой сводный и комментированный перевод. Существуют определенные разногласия по датировке этого сочинения. Т.М. Айтберов предложил свою, достаточно убедительную версию происхождения этой хроники. По его мнению, данное сочинение носит компилятивный характер и состоит из трех самостоятельных частей, в которых содержатся видоизмененные заимствования из различных восточных хроник. Дату его создания он возводит к XVIII в., а не XIV–XV вв., как предполагалось ранее [Айтберов, 2013].

Многoletний труд дагестанских востоковедов по изучению исторических хроник вылился в издание в 1993 г. фундаментальной работы под названием «Дагестанские исторические сочинения». Помимо упомянутых «Дербенд-наме» и «Тарих Дагестан», в нее были включены исследования и переводы ряда других хроник: «История Абу Муслима», «Ахты-наме», «История Маза», «История Каракайтага», «История Ирхана», «История Гирейхана», «История потомков Мухаммада Казикумухского», «О борьбе дагестанцев против иранских завоевателей», «Тарихи Эндирей» и «Тарихи Кызляркала» [Шихсаидов, Айтберов, Оразаев, 1993].

Большое внимание уделялось и вводу в научный оборот источников периода Кавказской войны. Важным событием стало критическое издание арабоязычных произведений Абдурахмана из Газикумуха. А.Р. Шихсаидов, Х.А. Омаров и Н.А. Тагирова осуществили издание двух его трудов – «Книга воспоминаний» и «Краткое изложение подробного описания дел Шамиля». Перевод первого из них, существующего в единственном списке, за исключением ряда отрывков, был выполнен блестящим знатоком арабоязычной литературы Дагестана М.-С. Саидовым. Его изданию в 1976 г. помешало целенаправленное преследование дагестанских востоковедов, которых обвиняли в пропаганде «реакционного ислама». В сочинении Абдурахмана из Газикумуха последовательно описываются события, связанные с деятельностью трех имамов, и затем приводится историко-этнографический очерк о дагестанском обществе, подробно описывающий хозяйство и традиции горцев, социальную и экономическую политику в Имамате. Только в 1997 г. А.Р. Шихсаидов и Х.А. Омаров, проведя сверку перевода М.-С. Саидова с оригиналом, осуществив дополнительный перевод пропущенных мест и научное комментирование, опубликовали это чрезвычайно интересное сочинение. Текст его был снабжен географическим, именным и терминологическим указателями и факсимиле рукописи [Абдурахман из Газикумуха, 1997].

Другое произведение Абдурахмана из Газикумуха под названием «Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля» (в нем автор раскрывает подробности, связанные с пребыванием имама Шамиля в Калуге) было издано в 2002 г. Перевод одного из трех известных списков этого сочинения и публикацию с комментариями осуществила Н.А. Тагирова [Абдурахман из Газикумуха, 2002]. Еще одно небольшое сочинение

Абдурахмана из Газикумуха под названием «Падение Дагестана и Чечни вследствие подстрекательства османов в 1877 г.» было введено в научный оборот еще Н.Г. Канчавели, которая опубликовала его перевод на грузинский язык [Канчавели, 1985]. В 2008 г. был опубликован его перевод на русский язык, сделанный с наборного текста сочинения [Мусаев, Гусейханов, 2008], а в 2012 г., после того как был получен доступ к оригиналу сочинения, выявивший некоторые разночтения, осуществлён его новый перевод [Мусаев, Шехмагомедов, 2012].

Т.М. Айтберов опубликовал ряд ценных источников по истории Кавказского имамата. Им были изданы историко-биографические очерки Хайдарбека Геничутлинского [Геничутлинский, 1992] и хроника Иманмухаммада Гигатлинского [Айтберов, Дадаев, 2010]. Он также предпринял попытку нового прочтения «фундаментального исторического труда» Мухаммадтахира ал-Карахи «Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах», однако был осуществлён лишь комментированный перевод первой части сочинения, и дальше работа не была продолжена [Мухаммед-Тахир аль-Карахи, 1992].

Объектом исследования дагестанских востоковедов стал еще один исторический трактат Мухаммадтахира ал-Карахи – автобиографическое произведение «Книга о значимости стремления улучшать свои деяния по мере сил». Его комментированный перевод с арабского на русский и аварский языки осуществили Р.С. Абдулмажидов, М.Г. Шехмагомедов и Д.М. Маламагомедов [Мухаммадтахир ал-Карахи, 2014]. Автор повествует в нем о различных перипетиях своей жизни, о получении им традиционного исламского образования и своей служебной деятельности в качестве кадия, муфтия и члена Диван-хана в Кавказском имамате, а затем в должности кадия Дагестанского народного суда. В ходе продолжившейся исследовательской работы были получены новые сведения о жизни и творчестве ал-Карахи. Был проведен ряд исследований, объектом которых являлись богословские и правовые сочинения ал-Карахи. Итогом этой работы стало издание книги, посвященной жизненному пути и творческому наследию ученого [Абдулмажидов и др., 2021].

Отдельно следует упомянуть об изучении дагестанскими востоковедами сочинений библиографического жанра. Основу здесь заложил А.Р. Шихсаидов, усилиями которого в свет вышел замечательный труд Назира из Дургели «Услада умов в биографиях дагестанских ученых» [Назир ад-Дургели, 2012]. Продолжается работа по подготовке к изданию трактатов в жанре *табакат* Шуайба ал-Багини и Али Каяева, в которых содержатся чрезвычайно интересные сведения о развитии духовной культуры народов Дагестана. Отдельные фрагменты из этих сочинений, касающиеся жизни и творчества ряда дагестанских ученых уже введены в научный оборот [Мусаев, 2014]. Существуют и публикации отдельных источников по этой теме [Шехмагомедов, Хапизов, 2018], а также изданы некоторые агиографические сочинения, в которых содержатся интересные сведения по истории различных областей Дагестана в XVII в. [Хапизов, Шехмагомедов, 2017; Ибрагимова, 2014].

Исследовательская работа по выявлению и публикации новых дагестанских арабоязычных исторических сочинений не прекращается. За последние годы были изданы небольшие по объему, но крайне интересные произведения, которые позволяют существенно дополнить картину религиозной, социальной и политической жизни Дагестана XV–XX вв. В их числе: «История Анкратля» [Шехмагомедов, Хапизов, 2016], посвященное описанию процесса исламизации Юго-Западного Дагестана в XV в.; «Очерк о событиях в Дагестане в 1294 году» Али-кади Салтинского [Шехмагомедов, Мусаев, 2011], посвященное восстанию 1877 г. в Дагестане и Чечне; «Обращение Умара ал-Хунзахи» [Абдулмажидов, Шехмагомедов, 2013], представляющее собой наиздания дагестанского ученого-богослова, проживавшего в Мекке в XVIII в. относительно правильного совершения хаджа, заключения разводов

и распития алкогольных напитков; «Тарих ал-харб» («История войны») [Абдулмажидов, Шехмагомедов, 2016] – написанное в стихотворной форме произведение Мустафы ал-Илисуви о событиях Первой мировой войны.

Важно отметить также, что проделана огромная работа по изучению эпистолярных памятников и актовых материалов из Фонда восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН и частных рукописных собраний. Особенно много внимания уделено переводу и публикации наиболее ценных писем периода Кавказского имамата. Большой вклад в их изучение внес Х.А. Омаров. Осознавая ценность писем имама Шамиля, он опубликовал обширную коллекцию этих документов вместе с их факсимиле [Омаров, 1997]. Другая его работа также содержит отличную подборку корреспонденции периода Кавказского имамата [Омаров, 2002]. Эта работа продолжается и в настоящее время. Исследователи, планомерно занимающиеся обработкой и научным описанием этой важнейшей источниковой базы, опубликовали целый ряд статей [Магомедова, 2013; Абдулмажидов, Магомедова, 2018; Магомедова, Ибрагимова, 2020, 2021; Шехмагомедов, 2014; Айтберов, Хапизов, 2014; Хапизов и др., 2014; Ибрагимова, 2012]. Подобного рода источники сосредоточены и в ряде других российских и зарубежных архивных фондов, в которых начата поисковая работа [Нурмагомедов, Абдулмажидов, 2016].

Результатом изучения локальных историй микрорегионов Дагестана, стало введение в научный оборот большого количества разнообразных арабоязычных документов. К примеру, в историко-документальном исследовании, посвященном Тленсеруху – одному из союзов общин горного Дагестана, опубликованы переводы около 300 писем, в основном связанные с деятельностью известного алима, кадия и муфтия Усмандибера из Ириба [Шехмагомедов и др., 2015]. То же самое можно сказать о работе «Муртазаали ал-Уради – верховный кадий Имамата» [Хапизов, Шехмагомедов, 2018]. Крупный блок арабоязычных источников различного жанра представлен также в монографическом исследовании Карахского союза общин [Хапизов, Шехмагомедов, 2019].

Как известно, подавляющее большинство арабоязычной литературы Дагестана посвящено религиозной тематике. Уже в начале XII в. в Дербенте был создан уникальный трактат под названием «Базилик истин и сад тонкостей». Его автор, Абу Бакр Мухаммад ад-Дарбанди, повествует о многочисленных суфийских терминах, правилах и морально-этических нормах. Изучением этого суфийского трактата занимался А.К. Аликберов, опубликовавший на его основе фундаментальный труд «Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия “Райхан ал-хака’ик”» (XI–XII вв.) [Аликберов, 2003].

Наибольшее количество религиозных сочинений было создано в Дагестане в XIX в., когда значительно усилилось влияние суфизма на духовную жизнь дагестанцев [Шихалиев, 2009]. Именно суфийские авторы были особенно плодотворными в этот период. Уже в начале века в Темир-Хан-Шуре, в типографии М.-М. Мавраева были изданы на арабском языке суфийские трактаты «ал-Адаб ал-мардийа» Джамалуддина ал-Газикумухи [Шихалиев, 2011], «ал-Машраб ан-накшбандийа» Абдурахмана ас-Сугури [Шейх Абдурахман-хаджи ас-Сугури, 1998], «Наджм ал-анам» Мухаммад ал-Кикуну [Ибрагимова, 2011], «ал-Асар» Мухаммада ал-Йараги [Абдулмажидов, Абдулаев, 2020].

В начале XX в. в Дагестане появились представители мусульманского реформаторства, которые вступили в идеологическое противостояние с местными сторонниками традиционной шафийитской правовой школы, главным образом, с апологетами суфизма. В свою очередь, суфийские шейхи активно включились в богословскую полемику со своими оппонентами. Представители обеих противоборствующих сторон создали целый ряд сочинений, в которых дискутировали по наиболее острым темам [Абдулмажидов, Шехмагомедов, 2019; Ибрагимова, 2018].

В Дагестане еще в XVII в. сложилась традиция кодифицирования правовых установлений и, вследствие этого, в отличие от соседних регионов, здесь сохранилось множество адатных кодексов. Их изучение началось еще во второй половине XIX в. и связано с именами А.Н. Комарова, М.М. Ковалевского, Ф.И. Леонтовича и др. В советский период эстафету у них переняли Х.-М. Хашаев и А. Омаров, которые опубликовали целый ряд сборников адатов, выявленных как в архивных фондах, так и в частных рукописных коллекциях. А в постсоветский период значительный вклад в изучение адатов народов Дагестана внесли В.О. Бобровников, посвятивший этой теме несколько работ [Бобровников, 2002; 2020] и Т.М. Айтберов, который собрал в формате хрестоматии множество интересных правовых соглашений [Айтберов, 1999].

Необходимо отметить и существование местной дагестанской правовой традиции в рамках мусульманского права шафиитского толка. В Дагестане, начиная с XVIII в. возникла практика вынесения правовых заключений по наиболее актуальным проблемам в формате вопрос–ответ. Известны подобного рода источники таких богословов-правоведов, как Хадис ал-Мачади (ум. 1770), Дауд ал-Усиши (ум. 1757), Титалав ал-Карати (вторая половина XVII – первая половина XVIII вв.), Ибрагим ал-Уради (1701–1770), Мухаммад ал-Убри (1683–1733). Уже в начале XX в. были опубликованы в оригинале без перевода популярное в Дагестане сочинение Мухаммадтахира ал-Карахи «Шарх ал-мафруз», посвященное различным правовым вопросам (1902), а также сборник правовых заключений «Джираб ал-мамнун» Гасана ал-Алкадари. Важным шагом в изучении подобных правовых источников стало сравнительно недавние исследования о полемике между Ибрагимом ал-Уради и Даудом ал-Усиши относительно легитимности военных походов дагестанских горцев в Грузию («лекианобы») [Мусаев, 2013], и запрете на употребление алкоголя в Дагестане [Мусаев, 2016].

Следует отметить и ряд правовых сочинений, возникших в ходе полемики о легитимности Кавказского имамата [Мусаев, 2014]. Начало было положено еще имамом Газимухаммадом, который написал трактат «Представление доказательства отступничества старшин Дагестана», посвященный критике существовавших в то время обычаев. Противоборствующий лагерь был представлен именами: потомственного ученого, кадия Хунзаха, Нурмухаммада ал-Авари, автора сочинения «Решения», написанного в противовес призывам первого имама Газимухаммада; известных дагестанских ученых-богословов Саида из Аракани и Юсуфа из Аксая, которые старались убедить своих оппонентов в нелегитимности Имамата с позиций шариата. Труды участников этого правового дискурса, за редким исключением [Кемпер, 2010], до сих пор оставались неисследованными. В данном контексте важным шагом стало издание хрестоматии «Фикх и мусульманский обычай на российском Кавказе: источники и исследования» [Бобровников и др., 2017].

Таким образом, изучение арабоязычных письменных источников Дагестана имеет длительную и богатую историю. Отечественные востоковеды в постсоветский период проделали огромный объем работы, scrupulously выявляя и исследуя арабоязычные источники. Опубликовано множество ценных трудов, но тем не менее, огромный пласт самых разнообразных арабоязычных материалов все еще не введен в научный оборот и хранится, как в архивных фондах, так и частных рукописных коллекциях. Поисковая работа в ходе ежегодных археографических экспедиций продолжает выявлять множество источников, представляющих чрезвычайную ценность, и значительно дополняющих картину социально-правовой и военно-политической жизни дагестанцев на протяжении многих столетий. В этой связи отечественным востоковедам необходимо продолжать исследование богатейшего арабоязычного письменного наследия народов Дагестана, что позволит значительно расширить и наши знания об историческом прошлом всего Кавказа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абдулмажидов Р.С., Абдулаев А.Г. «Асар» – памятник письменного наследия Мухаммада ал-Йараги: общая характеристика и источниковедческий анализ. *Ислам в современном мире*. 2020. Т. 16. № 4. С. 65–78 [Abdulmazhidov R.S., Abdulaev A.G. “Asar” – the Monument of the Written Heritage of Muhammad al-Yaragi: General Characteristics and Source Analysis. *Islam in the modern world*. 2020. Vol. 16. No. 4. Pp. 65–78 (in Russian)].

Абдулмажидов Р.С., Магомедова З.А. Эпистолярные источники по истории Имамата: корреспонденция Даниял-бека Елисуйского. *История, археология и этнография Кавказа*. 2018. Т. 14. № 2. С. 93–106 [Abdulmazhidov R.S., Magomedova Z.A. Epistolary Sources on the History of the Imam: Correspondence of Danial-Bek Elisusky. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 93–106 (in Russian)].

Абдулмажидов Р.С., Маламагомедов Д.М., Шехмагомедов М.Г. *Мухаммадтахир ал-Каракхи: жизнь и творческое наследие (исследования и тексты)*. Махачкала: ИИАЭ ДФИЦ РАН, 2021 [Abdulmazhidov R.S., Malamagomedov D.M., Shekhmagomedov M.G. *Muhammadtakhir al-Karakhi: Life and Heritage (Studies and Texts)*. Makhachkala: IIAE of DFRC RAS, 2021 (in Russian)].

Абдулмажидов Р.С., Шехмагомедов М.Г. Обращение Умара аль-Хунзахи к жителям Дагестана: общая характеристика и комментированный перевод. *Исламоведение*. 2013. № 1. С. 125–135 [Abdulmazhidov R.S., Shekhmagomedov M.G. Umar al-Khunzakhi's Appeal to the Residents of Dagestan: General Characteristics and Commented Translation. *Islamic Studies*. 2013. No. 1. Pp. 125–135 (in Russian)].

Абдулмажидов Р.С., Шехмагомедов М.Г. «Тарих ал-харб» (История войны) Мустафы афанди ал-Илисуви: предисловие, перевод и примечания. *Вестник Института истории, археологии и этнографии*. 2016. № 2. С. 45–52 [Abdulmazhidov R.S., Shekhmagomedov M.G. Tarikh al-Harb (History of the War) by Mustafa Afandi al-Ilisuvi: Preface, Translation and Notes. *Herald of the institute of history, archaeology and ethnography*. 2016. No. 2. Pp. 45–52 (in Russian)].

Абдулмажидов Р.С., Шехмагомедов М.Г. Апологетика и критика суфизма в Дагестане в нач. XX в. *Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение*. 2019. № 1. С. 23–38 [Abdulmazhidov R.S., Shekhmagomedov M.G. Apologetics and Criticism of Sufism in Dagestan at the Beginning of the 20th Century. *Moscow University Bulletin. Series 13: Oriental Studies*. 2019. No. 1. Pp. 23–38 (in Russian)].

Абдурахман из Газикумуха. *Книга воспоминаний*. Пер. с араб. М.-С. Саидова. Ред. перевода, подгот. факсимильного издания, комм. и указ. А.Р. Шихсаидова и Х.А. Омарова. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1997 [Abdurahman from Gazikumukh. *Book of Memories*. Transl. from Arabic by M.-S. Saidov. Ed., preparation of a facsimile edition, comment. and indices by A.R. Shikhsaidov and Kh.A. Omarov. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1997 (in Russian)].

Абдурахман из Газикумуха. *Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля*. Пер. с араб., введ., комм., указ. Н.А. Тагировой. М.: Вост. лит., 2002 [Abdurahman from Gazikumukh. *A Summary of the Detailed Description of the Affairs of Imam Shamil*. Transl. from Arabic, input., comm., indices by N.A. Tagirova. Moscow: Vostochnaia literatura, 2002 (in Russian)].

Айтберов Т.М. *Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII–XIX вв.* Ч. I–II. Издательство ДГУ. Махачкала, 1999 [Aitberov T.M. *Anthology on the History of Law and State of Dagestan in the 18th–19th centuries*. Part I–II. Makhachkala: Dagestan State university Publishing House, 1999 (in Russian)].

Айтберов Т.М., Дадаев Ю.У. *Хроника Иманмухаммада Гигатлинского – текст XIX в. об истории Имамата*. Махачкала: Дагестанский государственный университет, 2010 [Aitberov T.M., Dadaev Yu.U. *Chronicle of Imanmukhammad Gigatlinsky – the Text of the 19th Century on the History of the Imam*. Makhachkala: Dagestan State university, 2010 (in Russian)].

Айтберов Т.М. Вопросы датировки «Тарих Дагестан». *Актуальные проблемы развития государственности народов Кавказа*. Материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием), посвященной 80-летию со дня рождения видного ученого-кавказоведа М.Г. Магомедова. Махачкала, 2013. С. 63–70 [Aitberov T.M. Dating Issues of the “Tarikh Dagestan”. *Actual Problems of*

the Evolution of the State System of the Peoples of the Caucasus. Materials of the All-Russian Scientific Conference (with international participation), Dedicated to the 80th Anniversary of the Prominent Scholar in-Caucasian Studies M.G. Magomedov. Makhachkala, 2013. Pp. 63–70 (in Russian)].

Айтберов Т.М., Хапизов Ш.М. Письма дагестанских сторонников династии Каджаров эпохи русско-персидских войн (первая половина XIX века). *The Near East and Georgia, VIII.* Tbilisi: Iliia State University Press, 2014. С. 204–207 [Aitberov T.M., Khapizov Sh.M. Letters from Dagestani Supporters of the Qajar dynasty of the Era of the Russian-Persian Wars (first half of the 19th century). *The Near East and Georgia, VIII.* Tbilisi: Iliia State University Press, 2014. Pp. 204–207 (in Russian)].

Аликберов А.К. *Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Раихан ал-хака'ик» (XI–XII вв.)*. М., 2003 [Alikberov A.K. *The Era of Classical Islam in the Caucasus: Abu Bakr al-Darbandi and His Sufi Encyclopedia “Raikhan al-haka'ik” (11th–12th centuries)*. Moscow: Vostochnaia literatura, 2003 (in Russian)].

Бобровников В.О. *Мусульмане Северного Кавказа: обычаи, право, насилие (очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана)*. М.: Вост. лит., 2002 [Bobrovnikov V.O. *Muslims Of The North Caucasus: Custom, Law, Violence (Essays on the History and Ethnography of the Law of the Upland Dagestan)*. Moscow: Vostochnaia literatura, 2002 (in Russian)].

Бобровников В.О. Правовой словарь арабоязычных памятников дагестанского ‘адата XIV–XX вв. (некоторые итоги изучения исламских дискурсов). *История, археология и этнография Кавказа*. 2020. Т. 16. № 2. С. 291–315 [Bobrovnikov V.O. Legal Dictionary of Arabic-language Monuments of the Dagestan ‘Adat of the 14th–20th Centuries (Some Results of the Study of Islamic Discourses). *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2020. Vol. 16. No. 2. Pp. 291–315].

Бобровников В.О., Шехмагомедов М.Г., Шихалиев Ш.Ш. *Фихх и мусульманский обычай на российском Кавказе: источники и исследования. Хрестоматия*. СПб.: Президентская библиотека, 2017 [Bobrovnikov V.O., Shekhmagomedov M.G., Shikhaliev Sh.Sh. *Fiqh And Muslim Custom in the Russian Caucasus: Sources and Research. Anthology*. St. Petersburg: Presidentskaia biblioteka, 2017 (in Russian)].

Геничутлинский Х. *Историко-биографические и исторические очерки*. Пер. с араб. Т.М. Айтберова. Махачкала: ДНЦ РАН, 1992 [Genichutlinsky X. *Historical, Biographical and Historical Essays*. Transl. from Arabic by T.M. Aitberov. Makhachkala: DSC RAS, 1992 (in Russian)].

Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение. *Труды второй сессии арабистов*. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941 [Genko A.N. Arabic Language and Caucasian Studies. *Proceedings of the 2nd Session of the Arabists*. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1941 (in Russian)].

Ибрагимова З.Б. «Наджм ал-анам фи рийадат ал-‘авамм» Мухаммада-хаджи ал-Кикунни как источник по изучению идеологии суфизма в Дагестане. *Дагестанский востоковедческий сборник*. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2011. С. 49–56 [Ibragimova Z.B. “Najm al-anam firiyadat al-‘avamm” by Muhammad-haji al-Kikuni as a Source for the Study of the Ideology of Sufism in Dagestan. *Dagestan Oriental Studies Collection*. Makhachkala: IIAE of DFRC RAS, 2011. Pp. 49–56 (in Russian)].

Ибрагимова З.Б. Проблема мухаджирства в дагестанских памятниках эпистолярного жанра конца XIX – начала XX вв. *Вопросы истории*. 2012. № 4. С. 152–157 [Ibragimova Z.B. The Problem of Muhajirism in the Dagestan Epistolary Monuments of the Late 19th–Early 20th Centuries. *Voprosy istorii (=Questions of History)*. 2012. No. 4. Pp. 152–157 (in Russian)].

Ибрагимова З.Б. Продолжение богословской полемики начала XX в. в дагестанских арабографических сочинениях советского периода. *История, археология и этнография Кавказа*. 2018. Т. 14. № 3. С. 34–39 [Ibragimova Z.B. Continuation of Theological Polemics of the Early 20th Century in the Dagestan Arabographic Works of the Soviet Period. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2018. Vol. 14. No. 3. Pp. 34–39 (in Russian)].

Ибрагимова З.Б. К вопросу атрибуции и атетезы суфийского сочинения жанра биографий «Хикайя ва манакиб ал-машаих АН-накшбандийина». *Вестник Института истории, археологии и этнографии*. 2014. № 2(38). С. 93–100 [Ibragimova, Z.B. On the Issue of Attribution and Athetesy of the Sufi Composition of the Genre of Biographies “Khikaya va manakib al-mashaih al-Naqshbandiyina”. *Herald of the institute of history, archaeology and ethnography*. 2014. No. 2(38). Pp. 93–100 (in Russian)].

Канчавели Н.Г. «Падение Дагестана и Чечни вследствие подстрекательства османов в 1294 г.». *Мравалтави. Историко-филологические исследования*. Т. XI. Тбилиси, 1985. С. 230–254 [Kanchaveli N.G. “The Fall of Dagestan and Chechnya due to the Incitement of the Ottomans in 1294”. *Mravaltavi. Historical and Philological Studies*. Vol. XI. Tbilisi, 1985. Pp. 230–254 (in Russian)].

Кемпер М. Шариатский дискурс имамата в Дагестане первой половины XIX в. *Дагестан и мусульманский Восток*. Сост. и отв. ред. А.К. Аликберов, В.О. Бобровников. М.: Издательский дом Марджани, 2010. С. 107–124 [Kemper M. Shariah Discourse of the Imamate in Dagestan in the First Half of the 19th Century. *Dagestan and the Muslim East*. Comp. and ed. A.K. Alikberov, V.O. Bobrovnikov. Moscow: Mardjani, 2010. Pp. 107–124 (in Russian)].

Магомедова З.А. Сведения исторического характера в письмах наибов Дагестана (середина XIX в.). *Вестник Института истории, археологии и этнографии*. 2013. № 4 (36). С. 33–40 [Magomedova Z.A. Historical Information in the Letters of the Naibs of Dagestan (mid-19th Century). *Herald of the Institute of History, Archaeology and Ethnography*. 2013. No. 4 (36). Pp. 33–40 (in Russian)].

Магомедова З.А., Ибрагимова З.Б. Арабоязычные эпистолярные источники XIX – начала XX века: история изучения и тематическая характеристика (по материалам Фонда восточных рукописей). *Манускрипт*. 2020. Т. 13. № 11. С. 110–115 [Magomedova Z.A., Ibragimova Z.B. Arabic-language Epistolary Sources of the 19th–early 20th Centuries: History of Study and Thematic Characteristics (Based on the Materials of the Fund of Oriental Manuscripts). *Manuscript*. 2020. T. 13. No. 11. Pp. 110–115 (in Russian)].

Магомедова З.А., Ибрагимова З.Б. Дагестанские арабоязычные эпистолярные материалы XIX–начала XX веков. *Научный диалог*. 2021. № 1. С. 320–336 [Magomedova Z.A., Ibragimova Z.B. Dagestan Arabic-language Epistolary Materials of the 19th – Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog (Scientific Dialogue)*. 2021. No. 1. Pp. 320–336 (in Russian)].

Мусаев М.А. Взгляд на «Лекианоба» в контексте изучения правовых заключений дагестанских ученых-богословов XVIII в. *Фундаментальные исследования*. 2013. № 10–14. С. 3223–3228 [Musaev M.A. A Look at “Lekianoba” in the Context of Study of the Legal Opinions of Dagestani Scholars-Theologians of the 18th century. *Fundamental Research*. 2013. No. 10–14. Pp. 3223–3228 (in Russian)].

Мусаев М.А. Биографии дагестанских ученых-богословов, противников имама Шамиля, в изложении ‘Али ал-Гумуки (Каева). *Фундаментальные исследования*. 2014. № 6–3. С. 632–639 [Musaev M.A. Biographies of Dagestani Scholars-Theologians, Opponents of Imam Shamil, as presented by ‘Ali al-Gumuki (Kaeva). *Fundamental Research*. 2014. No. 6-3. Pp. 632–639 (in Russian)].

Мусаев М.А. Запрет на употребление алкоголя в исламе: религиозные императивы и практика на примере Дагестана XVII – первой половины XIX в. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2016. Т. 34. № 4. С. 92–117 [Musaev M.A. Prohibition of Alcohol Consumption in Islam: Religious Imperatives and Practice on the Example Of Dagestan in the 17th – First Half of the 19th Centuries. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2016. Vol. 34. No. 4. Pp. 92–117 (in Russian)].

Мусаев М.А., Гусейханов С.М. Абдурахман из Газикумуха. «Падение Дагестана и Чечни вследствие подстрекательства османов в 1877 году» (Предисловие, текст, перевод, комментарии). *Дагестанский востоковедческий сборник*. Махачкала, 2008. С. 52–66 [Musaev M.A., Guseikhanov S.M. Abdurrahman from Gazikumukh. “The Fall of Dagestan and Chechnya as a Result of the Incitement of the Ottomans in 1877” (Foreword, Text, Translation, Comments). *Dagestan Oriental Studies Collection*. Makhachkala, 2008. Pp. 52–66 (in Russian)].

Мусаев М.А., Шехмагомедов М.Г. Сочинение Абдурахмана из Газикумуха «Падение Дагестана и Чечни вследствие подстрекательства Османов в 1294 году» в редакции 1884 года. *Вестник Дагестанского научного центра*. 2012. № 43. С. 72–78 [Musaev M.A., Shekhmagomedov M.G. The Work of Abdurrahman from Gazikumukh “The fall of Dagestan and Chechnya due to the Instigation of the Ottomans in 1294” in the Version of 1884. *Herald of the Dagestan Scientific Center*. 2012. No. 43. Pp. 72–78 (in Russian)].

Мухаммад Аваби Акташи. «Дербенд-наме» на языках народов мира. *Тексты и комментарии*. Сост., предисл. Г. М.-Р. Оразева. Махачкала: Издательский дом «Дагестан», 2018 [Muhammad Avabi

Aktashi. “*Derbend-name*”: *Texts in the Languages of the Peoples of the World and Commentaries*. Compiled and Foreword by G.M.-R. Orazaev. Makhachkala: Izdatel'skiy dom “Dagestan”, 2018 (in Russian)].

Мухаммадтахир ал-Карахи. *Книга о значимости стремления улучшить свои деяния по мере сил*. Пер. с араб. и коммент. Р.С. Абдулмажидова, Д.М. Маламагомедова, М.Г. Шехмагомедова. М.: Наука, Восточная литература, 2014 [Muhammadtakhir al-Karakhi. *The Book about the Importance of Striving to Improve their Deeds to the Best of Their Ability*. Transl. from Arabic and Comments by R.S. Abdulmashidov, D.M. Malamagomedov, M.G. Shekhmagomedov. M.: Nauka, Vost. lit., 2014 (in Russian)].

Мухаммед-Тахир аль-Карахи. *Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах*. Пер. с араб. Т.М. Айтберова. Ч. 1. Махачкала, 1990 [Muhammad-Takhir al-Karakhi. *The Brilliance of the Dagestan Sabers in Some of the Shamil Battles*. Transl. from Arabic by T.M. Aytberov. Part 1. Makhachkala, 1990 (in Russian)].

Назир ад-Дургели. *Улада умов в биографиях дагестанских ученых: Дагестанские ученые и их сочинения*. Пер. с араб., коммент., факс. изд., указ. и библиогр. подгот. А.Р. Шихсаидовым, М. Кемпером, А.К. Бустановым. Москва: Издательский дом Марджани, 2012 [Nazir ad-Durgeli. *Delight of Minds in the Biographies of Dagestan Scholars: Dagestan Scholars and Their Works*. Transl. from Arabic, Commentary, Fax. Ed., Indices and Bibliography by A.R. Shikhsaidov, M. Kemper, A.K. Bustanov. Moscow: Mardjani, 2012 (in Russian)].

Нурмагомедов А.У., Абдулмажидов Р.С. Взаимоотношения имамата Шамиля и Османской Турции: новые источники. *Вестник Дагестанского научного центра*. 2016. № 63. С. 38–45 [Nurmagomedov A.U., Abdulmashidov R.S. The Relationship between Imamate of Shamil and the Ottoman Turkey: New Sources. *Herald of Dagestan Scientific Center*. 2016. No. 63. Pp. 38–45 (in Russian)].

Омаров Х.А. *100 писем Шамиля (Памятники письменности Дагестана)*. Вып. 1. Махачкала: Издательство ДНЦ РАН, 1997 [Omarov Kh.A. *100 Letters from Shamil (Written Monuments of Dagestan)*. Issue 1. Makhachkala: Publishing House of Dagestan Scientific Center of the RAS, 1997 (in Russian)].

Омаров Х.А. *Образцы арабоязычных писем Дагестана XIX в. (Хрестоматия по чтению, переводу и комментированию)*. Махачкала: Новый день, 2002 [Omarov Kh.A. *Samples of Arabic-language Letters from Dagestan of the 19th century. A Textbook on Reading, Translating and Commenting*. Makhachkala: Novy den', 2002 (in Russian)].

Хапизов Ш.М., Айтберов Т.М., Каяев И.А. Эпистолярные источники по взаимоотношениям правителей Грузии и Аварии (Ираклия II и Мухаммад-нуцала). *Кавказоведческие разыскания*. 2014. № 6. С. 257–266 [Khapizov Sh.M., Aitberov T.M., Kayayev I.A. Epistolary Sources on the Relationship between the Rulers of Georgia and Avaria (Heraclius II and Muhammad-nutsala). *Caucasiologic Papers*. 2014. No. 6. Pp. 257–266 (in Russian)].

Хапизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г. Агиографическое сочинение XVII в. «Рисала фи хикайа аджиба вакат фи-д-Дагистан фи карйат Ириб». *Восток*. 2017. № 6. С. 143–151 [Khapizov Sh.M., Shekhmagomedov M.G. Hagiographic Work of the 17th Century “Risala fi hikaya ajiba wakhat fi-d-Dagistan fi karyat Irib”. *Vostok (Orient)*. 2017. No. 6. Pp. 143–151 (in Russian)].

Хапизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г. *Муртазаали ал-Уради – верховный кадий Имамата*. Махачкала: ИД «Эпоха», 2018 [Khapizov Sh.M., Shekhmagomedov M.G. *Murtazaali al-Uradi is the Supreme Qadi of the Imamatus*. Makhachkala: ID “Epkha”, 2018 (in Russian)].

Хапизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г. *Карах в XII – нач. XX вв. (исторические и этнографические очерки)*. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2019 [Khapizov Sh.M., Shekhmagomedov M.G. *Karakh in the 12th – Early 20th Centuries (Historical and Ethnographic Essays)*. Makhachkala: IIAE of DFRC RAS, 2019 (in Russian)].

Шейх Абдурахман-хаджи ас-Сугури. «ал-Машраб ан-накшбандийа» (Накшбандийское направление). Пер. с араб. Наврузова А.Р. Абдулаев М.А. *Деятельность и воззрения шейха Абдурахман-хаджи и его родословная*. Махачкала: Юпитер, 1998. С. 201–268 [Sheikh Abdurahman Haji al-Suguri. Al-Mashrab an-Naqshbandiyya (Naqshbandi Line). Transl. from Arabic by A.R. Navruzov, Abdulaev M.A. *Activities and Views of Sheikh Abdurahman-Haji and His Genealogy*. Makhachkala: Yupiter, 1998. Pp. 201–268 (in Russian)].

Шехмагомедов М. Г. Источниковедение суфизма в Дагестане XIX в. переписка шейхов Мухаммада ал-Йараги и Мухаммада ал-Газикумухи с имамом Газимухаммадом ал-Гимрави. *Мавраевъ*. 2014. № 1. С. 48–50 [Shekhmagomedov M.G. Source Study of Sufism in Dagestan in the 19th century. Correspondence of the Sheikhs of Muhammad al-Yaragi and Muhammad al-Gazikumukh with Imam Gazimuhammad al-Gimravi. *Mavrayev*. 2014. No. 1. Pp. 48–50 (in Russian)].

Шехмагомедов М.Г., Мусаев М.А. «Очерк о событиях в Дагестане в 1294 году» Али-кади Салтинского: предисловие, перевод, примечания. *Дагестанский востоковедческий сборник*. Махачкала, 2011. С. 153–165; [Shekhmagomedov M.G., Musaev M.A. “Essay on the Events in Dagestan in 1294” by Ali-kadi Saltinsky: Preface, Translation, Comments. *Dagestan Oriental Studies Collection*. Makhachkala, 2011. Pp. 153–165 (in Russian)].

Шехмагомедов М.Г., Хапизов Ш.М. «История Анкратля» (перевод с арабского языка, комментарии и исторический контекст). *Вестник Дагестанского научного центра*. 2016. № 61. С. 23–37 [Shekhmagomedov M.G., Khapizov Sh.M. “History of Ankratli” (translation from Arabic, commentary and historical context). *Herald of the Dagestan Scientific Center*. 2016. No. 61. Pp. 23–37 (in Russian)].

Шехмагомедов М.Г., Хапизов Ш.М. «Биография Мухаммада ал-Кудуки», написанная Кудиявом Саидом ал-Кудуки (1842–1919): перевод и комментарии. *История, археология и этнография Кавказа*. 2018. Т. 14. № 3. С. 26–33 [Shekhmagomedov M.G., Khapizov Sh.M. “Biography of Muhammad al-Kuduki” by Kudiyaev Said al-Kuduki (1842–1919): Translation and Commentary. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2018. Vol. 14. No. 3. Pp. 26–33 (in Russian)].

Шехмагомедов М.Г., Хапизов Ш.М., Маламагомедов Д.М. *Тленсерух в конце XVIII–XIX вв.: Историко-документальное исследование (на основе изучения материалов коллекции Усмандибир ал-Ири)*. Махачкала: ИД «Эпоха», 2015 [Shekhmagomedov M.G., Khapizov Sh.M., Malmagomedov D.M. *Tlenserukh at the End of the 18th–19th Centuries: Historical and Documentary Research (Based on the Study of Materials from the Collection of Usmandibir al-Iri)*. Makhachkala: ID “Epokha”, 2015 (in Russian)].

Шихалиев Ш.Ш. Дагестанская суфийская литература XIX–нач. XX вв.: текстологический и источниковедческий разбор. *Исламоведение*. 2009. № 2(2). С. 75–91 [Shikhaliyev Sh.Sh. Dagestan Sufi Literature of the 19th–Early 20th Centuries: Textological and Source Analysis. *Islamic Studies*. 2009. No. 2(2). Pp. 75–91 (in Russian)].

Шихалиев Ш. Ш. «Адаб ал-мардийя» Джамалуддина ал-Газигумуки как памятник суфийской литературы Дагестана (краткий обзор). *Дагестанский востоковедческий сборник*. Махачкала, 2011. С. 28–34 [Shikhaliyev Sh.Sh. “Adab al-mardiyya” by Jamaluddin al-Gazigumuki as a Monument of the Sufi Literature of Dagestan (Brief Review). *Dagestan Oriental Studies Collection*. Makhachkala, 2011. Pp. 28–34 (in Russian)].

Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. *Дагестанские исторические сочинения*. М.: Наука, 1993 [Shikhsaidov A.R., Aitberov T.M., Orazayev G.M.-R. *Dagestan Historical Works*. Moscow: Nauka, 1993 (in Russian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

АБДУЛМАЖИДОВ Рамазан Султанович – кандидат исторических наук, врио директора Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального научного центра Российской академии наук, Махачкала, Россия.

Ramazan S. ABDULMAZHIDOV, PhD (History), acting director, Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia.

МАГОМЕДОВА Зейнаб Ахмеддибировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального научного центра Российской академии наук, Махачкала, Россия.

Zaynab A. MAGOMEDOVA, PhD (History), senior research fellow, Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia.

ПУБЛИКАЦИИ

DOI: 10.31857/S086919080016949-0

КУЛЬТОВЫЕ НАДПИСИ УЗУНДАРЫ

© 2021

Н.Д. ДВУРЕЧЕНСКАЯ^а, Ф.В. ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ^б^а – Институт археологии РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-5269-396X; nigoradvur@mail.ru

^б – независимый исследователь, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-6846-2856; shel-kov@yandex.ru

Резюме: В статье публикуются три греческих votивных граффито из цитадели крепости Узундара (Республика Узбекистан) и даётся характеристика их археологического контекста. Крепость Узундара расположена на северо-западной границе Бактрии и является важным звеном в протяженной на десятки километров пограничной фортификационной системе. Она была построена на высоте 1700 м над уровнем моря, состоит из основного, ромбовидного в плане, четырехугольника крепости, отдельно стоящей и примыкающей к нему подтреугольной в плане цитадели, отрезка выносных стен и трех выносных башен. Крепость расположена на узком (220 м) перешейке между отвесными стенами урочища Кара-Камар и ущелья Узундара, и блокирует проход для конного войска, который мог быть осуществлен в обход пограничной стены Дарбанда, расположенной в 7 км к северу. Основной задачей крепости являлось предотвращение внезапного нападения кочевников со стороны каршинских степей. Военный гарнизон был размещен в крепости Узундара – селевкидском фрурионе в первой четверти III в. до н.э. Очевидно, в это время он состоял из македонян и греков. Об этом ярко свидетельствуют археологические материалы, и в том числе, эпиграфические. В публикации рассматриваются три предмета с votивными граффито, посвященными Деметре Горной и Пограничной, Зевсу–Митре и Срошу.

Наиболее полная надпись – votив Деметре – сохранилась на трёх найденных в разные годы вокруг овального подвала Скального комплекса цитадели Узундара фрагментах тагоры (дутерия), которая могла использоваться для ритуального омовения. На фрагменте небольшого столового кувшина, диаметр тулова которого составлял всего 21 см, процарапана надпись, которая интерпретируется как фрагмент Орфического гимна Зевсу–Митре.

Фрагмент столового кувшина с граффито в три знака, обнаруженный во Входном комплексе цитадели крепости Узундара, интерпретируется как посвящение Срошу, или *vox tagica*.

Ключевые слова: граффито, надпись, слой, пласт, посуда, votив, божество, крепость, цитадель, стена, план, фортификация, гарнизон, чаша, кувшин, монета.

Для цитирования: Двуреченская Н.Д., Шелов-Коведяев Ф.В. Культурные надписи Узундары. *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 250–258. DOI: 10.31857/S086919080016949-0

RITUAL INSCRIPTIONS FROM UZUNDARA

© 2021

Nigora D. DVURECHENSKAYA ^a, Fedor V. SHELOV-KOVEDYAEV ^b

^a – Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-5269-396X; nigoradvur@mail.ru

^b – Independent Researcher, Moscow, Russia.
ORCID: 0000-0002-6846-2856; shel-kov@yandex.ru

Abstract: *The paper presents three Greek votive graffiti from the excavations of citadel of Fortress Uzundara (Uzbekistan) and describes their archaeological context. This fortress is located on the North-West Border of Ancient Bactria, and represents the crucial point in the tens-kilometers long borderline fortification system in this area. It is built at altitude of 1700 meters above the sea level. The fortress stands on the narrow (220 meters) neck between the precipitous walls of the natural boundary Kara-Kamar and the canyon Uzundara, and locks the pass for the equestrian troops intent to bypass the borderline wall of Darband in 7 kilometers northward. It consists of the principal rhomboid castle, a detached and adjacent triangular citadel, some sections of the external walls, and of three external towers. The main goal of this fortress was the warning of the sudden attack of nomads from the Karshin steppes. A military garrison was stationed in the Uzundara fortress – a Seleucid frurion in the first quarter of the 3rd century BC. Apparently at this time it consisted of Macedonians and Greeks. This is clearly evidenced by archaeological materials, including epigraphic ones.*

We analyze three artefacts voted to Demeter of the Mountains and the Borderline, Zeus–Mitra, and Zoroastrian Deity Srosh. The most complete inscription – votive to Demeter – persists on the three fragments of tagora (luterium) which could be used for the ritual ablution. They were founded in different years and in different places around the ovoid cellar on the rocky complex of the citadel Uzundara.

Keywords: graffito, inscription, layer, stratum, dishes, votive, deity, fortress, citadel, wall, plan, fortification, garrison, jar, bowl, coin.

For citation: Dvurechenskaya N.D., Shelov-Kovedyaev F.V. Ritual Inscriptions from Uzundara. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5. Pp. 250–258. DOI: 10.31857/S086919080016949-0

Крепость Узундара, открытая Э.В. Ртвеладзе в 1991 г. [Ртвеладзе, 1992, с. 4–5], получила широкую известность в мировой науке благодаря российско-узбекскому сотрудничеству на протяжении последних восьми лет.

Стационарные комплексные археологические исследования крепости Узундара были начаты в 2013 г. Бактрийским отрядом Среднеазиатской археологической экспедиции ИА РАН (БО САЭ ИА РАН) при участии сотрудников Института искусствоведения АН РУз. В рамках комплексных археологических исследований нами была привлечена большая группа специалистов из различных учреждений России и Узбекистана: археологов, архитекторов, историков-антиковедов, остеологов, геологов, специалистов по металлу и геофизиков. На сегодня полностью раскопана цитадель крепости Узундара, составлен ее архитектурный план. На основе тахеометрического топографического плана создана предварительная 3D модель всей крепости. Проведенные развернутые георадарные исследования позволили составить предварительную картину сохранности и устройства крепостных стен на памятнике [Двуреченская и др., 2020(1), с. 62–93]. Полученные материалы по осте-

ологии, керамике чрезвычайно обширны и находятся в стадии изучения и предварительных публикаций [Двуреченская, 2020, с. 385–397]. Корпус из почти двух тысяч индивидуальных находок также находится в стадии подготовки к развернутой публикации в отдельной монографии, посвященной результатам археологических исследований цитадели крепости Узундара (2013–2019).

Памятник расположен на северо-западе Сурхандарьинской области в горах Байсуна. Здесь БО САЭ ИА РАН была открыта серия фортификационных сооружений в виде выносных отрезков крепостных стен протяженностью от 100 м до более чем 2,7 км, перекрывающих все возможные проходы для конного войска противника через гору Сусизтаг, а также сигнальные башни, очевидно объединенные с крепостью Узундара и ранее открытой стеной Дарбанда единым стратегическим замыслом [Ртвеладзе, 1990, с. 135–145; Двуреченская и др., 2020(2), с. 518–520; Бельш, 2020, с. 371–384]. Эта вновь открытая протяженная фортификационная система на северо-западных рубежах Северной Бактрии была построена в раннеселевкидское время, масштабы столь крупного проекта не могли быть по силам правителям отдельных небольших областей. Перед нами стратегический замысел крупного государственного образования [Двуреченская, 2019, с. 106, 109–110].

В отличие от ранее исследованных эллинистических памятников правобережья Амударьи крепость Узундара не только не перекрыта более поздними культурными слоями, но, что немаловажно, ее богатый археологический комплекс и стратиграфия подкреплены обширным и разнообразным нумизматическим материалом (от посмертного выпуска монет «александрова типа», Антиоха I и Антиоха II до монет всех греко-бактрийских царей) [Горин, Двуреченская, 2018].

Крепость Узундара была построена на горе Сусизтаг на высоте 1700 м над уровнем моря. Она состоит из основного, ромбовидного в плане, четырехугольника крепости, отдельно стоящей и примыкающей к нему подтреугольной в плане цитадели, отрезка выносных стен и трех выносных башен. Общая протяженность крепостных стен – до одного километра, площадь памятника – менее 2 га. Мощные фортификационные укрепления в виде крепостных стен с внутрискладным эксплуатируемым пространством усилены на каждом изгибе башнями (по топографии их прослеживается не менее десяти) [Двуреченская и др., 2020(1)]. Крепость расположена на узком (220 м) перешейке между отвесными стенами урочища Кара-Камар и ущелья Узундара, и блокирует проход для конного войска, который мог быть осуществлен в обход пограничной стены Дарбанда, расположенной в 7 км к северу. Основной задачей крепости являлось предотвращение внезапного нападения кочевников со стороны каршинских степей.

Площадь вскрытой археологическими раскопками цитадели (см. рис. 1)¹ составляет более 2860 кв. м. Центр ее занимает Скальный комплекс. Он представлял собой здание с двумя объемными подвалами. От наземной части здания сохранились три стены – северная фасадная длиной 17 м и две торцевые – при максимально сохранившейся высоте последних до 1,25 м и длине до 14 м. Наземная часть стен сложена из обколотого камня средних размеров. Подвал № 1, прямоугольный в плане размером 10×5×4–4,5 м, целиком вырублен в скальной породе. Подвал № 2, овальный в плане, размером 9,4×7,7×2,4 м, выполнен в комбинированной технике. Наиболее ранняя его часть в северо-восточном углу сложена из каменных блоков. Они имеют вытянутую подпрямоугольную форму близкую параллелепипеду, максимальные размеры 0,75×0,45 м. В высоту северо-восточная стена, представленная тремя рядами кладки, сохранилась на 1,2 м.

Уже первый взгляд на полученные предметы материальной культуры крепости Узундара дают нам яркую характеристику быта греко-македонского гарнизона. Повседневная столо-

¹ Иллюстрации 1,2,4,6 находятся на цветной вклейке.

вая утварь отражает новые для Бактрии традиции в приеме пищи. В первую очередь здесь представлена индивидуальная посуда – чаши и тарелки маленьких размеров. Привычные для эллинов блюда и напитки требовали появления новой посуды – кратеров, рыбных блюдов, фиал, асков, канфаров, кувшинов и т.п. В военном гарнизоне, даже расположенном в суровых условиях высоко в горах, в сервировке использовались расписные кувшины типа гидрий, кувшины с горельефными налелями протом богинь, богато орнаментированные мегарские чаши, маленькие керамические солонки, рыбные блюда с соусницами, небольшие тарелочки, кратеры для смешивания вина с водой и т.д.

По обилию граффити на сосудах, происходящих с цитадели Узундара, мы можем судить о широкой образованности и использовании греческого письма воинами гарнизона, о чём говорят также и находки костяных стилусов.

Настоящая работа посвящена культовым граффито на керамических сосудах, найденных в цитадели крепости Узундара².

1. ВОТИВ ДЕМЕТРЕ

Наиболее полная надпись сохранилась на трёх сходящихся по изломам и найденных в разные годы и в различных местах и слоях цитадели фрагментах тагоры (лутерия) – крупной открытой чаши диаметром 38 см, которая могла использоваться для ритуального омовения.

Все места обнаружения обломков сконцентрированы вокруг Скального комплекса, а именно вокруг подвала № 2. Два меньших по размеру фрагмента (№ 344/2017, южная крепостная стена, кв. 6–7, нижний слой; 316/2018, западный сектор, юго-восточный угол, пласт 3; рис. 2, 3) были открыты к югу от подвала в нижнем, датируемом временем первого периода обживания цитадели (не позднее правления Антиоха) слое темно-коричневого суглинки, насыщенного продуктами горения. Слой перекрыл нивелировочную, заполнявшую неровности, яркую охристую обмазку скалы. Он содержал богатый керамический комплекс, дихалк Антиоха I и два бронзовых наконечника стрел, датируемых не позднее III в. до н.э. (типы 5 и 6 по Ягодину [Двуреченский, 2017, с. 214–215, рис. 1, 10–14]). Стратиграфически этот слой перекрыт более поздними напластованиями мощностью более 1,3 м.

Центральный, наиболее крупный фрагмент (№ 171/2017, западный сектор, шурф 4, лиственный слой; рис. 2) тагоры был выявлен при камеральной обработке керамического комплекса лиственного слоя в северо-восточной части Северного двора. Участок местонахождения фрагмента, прилегающий к северному фасу подвала № 2, и его материалы позволяют датировать слой более поздним временем – не ранее конца III в. до н.э. Граффито сопутствуют фрагменты «мегарской» чаши археологически целого профиля. Распространение этого типа столовой посуды (floral bowls) в Греции, согласно исследованию С.И. Ротрофф [Rotroff, 1982, p. 18, pl. 9–15], относится не ранее, чем к последней трети III в. до н.э.

Вопрос о том, каким образом крупный фрагмент был перемещен в более поздние слои, не может быть решен однозначно. Однако мы можем отметить неоднократно проводившиеся на этом участке не только ремонтные работы, но и полную перекладку почти всей северной стены подвала № 2 в период правления Евтидема I.

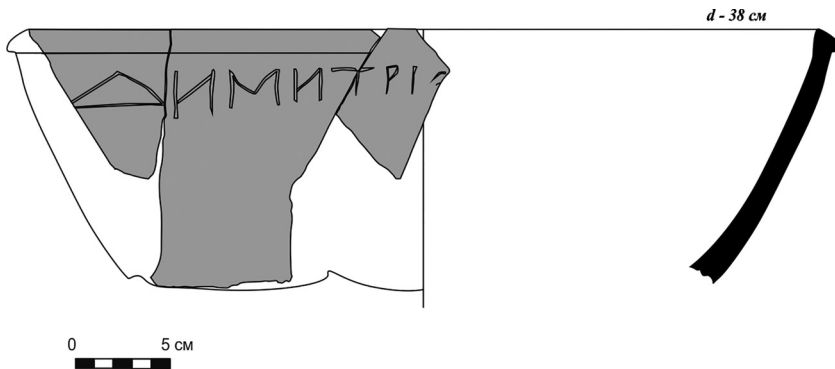
№ 171/2017 представляет собой неправильный пятиугольник (см. рис. 2). Его размеры: левый край – 130 мм, верхний – 100 мм, правый сверху – 85 мм, снизу – 50 мм, нижний – 70 мм. Здесь читаются *эта* (левая вертикаль 22 мм, правая – 18 мм, косая перекладина – 23 мм, ширина буквы – 22 мм), *мю* (ширина – 25 мм, левая стойка – 17 мм, правая – 16 мм, глубина

² Полный корпус надписей готовится к изданию в монографии, посвященной итогам исследования на цитадели крепости Узундара.

перемычки – 10 мм), *эта* (ширина 10 мм, левая опора – 15 мм, правая – 17 мм, перекладина – 17 мм) и начало перекладины *tau* (10 мм).

№ 344/2017 – трапеция, обращённая узкой стороной вниз (см. рис. 2, 3). Её левая грань равна 80 мм, верхняя – 68 мм, правая – 70 мм, нижняя – 10 мм. На черепке начертана лишь широкая приземистая дельта (основание 42 мм, левое бедро – 25 мм, правое – 30 мм).

№ 316/2017 – снова неправильный пятиугольник (см. рис. 2, 3). Его левый верхний облом протянулся на 45 мм, верхний край венчика – 16 мм, правый верхний скол – 27 мм, левый нижний – 48 мм, правый нижний – 56 мм. Тут чётко видны окончание *tau* (ножка – 15 мм, остаток перекладины – 8 мм), треугольное *rho* (спинка – 18 мм, горизонталь треугольной петли – 6 мм), *iota* высотой 17 мм и косо обломанный полукруг обычного *omicron* (радиус – 5 мм).

Ил. 3. Тагора (лутерий) с надписью «ΔΗΜΗΤΡΙΟ». Чертеж.

Fig. 3. Basin (louterion) with the inscription «ΔΗΜΗΤΡΙΟ». Profile.

Собранные вместе графемы дают ΔΗΜΗΤΡΙΟ (курсивом здесь и далее помечены частично сохранившиеся литеры). Учитывая, что граффито нанесено не на персональный предмет, но на предназначенный для коллективного использования в ритуальных действиях лутерий, и не на донце, а под венчиком, – оно не может быть признано владельческим (Δημητρίο[υ] et sim.). Это заставляет сделать выбор в пользу его посвятельного характера.

Тут можно было бы восстанавливать и Δημήτριος τῷ θεῖνι «Деметрий такому-то (божеству)». Однако, не слишком обычный (более распространена конструкция τῷ θεῖνι ὁ θεῖνα ἀνέθηκεν «такой-то такому-то посвятил»), порядок слов, к которому пришлось бы прибегнуть, чтобы принять подобную реконструкцию, побуждает избрать дополнение Δημήτριος Ὁρείαι/α. Она симпатична и потому, что допускает милую сердцу грека и весьма уместную в условиях Узундари игру слов: (τὸ) ὄρος «гора» (отсюда ὄρεῖα «горная», в т.ч. и как эпikleza различных богинь, включая Деметру) и такого же написания (но не произношения!) (ὄ) ὄρος «граница». Что в посвящении в пограничной горной крепости выглядит очень элегантно. Тем самым, возможно, образуется новый эпитет Деметры – «пограничная».

В укрепление предложенного чтения стоит привести следующие аргументы: (1) из Малой Азии селевкидского периода дошло немало солдатских посвящений хтонической Деметре и (2) принимая во внимание аббревиатуру ЕК на хуме и кувшине, происходящих из той же цитадели, надо вспомнить, что Деметра как имела эпитет Ἐκάτη, так и напрямую отождествлялась с Гекатой [Gruppe, 1906, Index s.v.]. Таким образом, публикуемое посвящение и буквосочетание ЕК могут образовывать единый, зафиксированный эпиграфически, культовый комплекс.

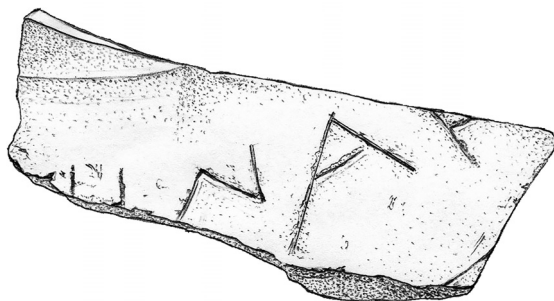
Отдельно надо сказать о шрифте граффито. Он сенсационно объединяет уменьшенный эллинистический *omicron*, архаичную форму *rho* с треугольной петлей с практически

византийской (ита) графикой *эты*. Столь яркое сочетание, казалось бы, несочетаемого, призывает вспомнить о ненадёжности палеографии надписей, особенно граффити, как датирующего признака.

2. ОРФИЧЕСКИЙ ГИМН ЗЕВСУ–МИТРЕ

Еще одна надпись (№ 184/2016: рис. 4, 5) была обнаружена на фрагменте небольшого столового кувшина, диаметр тулова которого составлял всего 21 см. Надпись процарапана на плечиках кувшина горизонтально – под горловиной. Переход от последней к тулову оформлен рельефным линейным пояском, что было традиционно в имитировании дорогой металлической посуды.

Данный фрагмент был также обнаружен на участке, расположенном к северо-западу от Скального комплекса и подвала № 2. Происходит он из дернового слоя, который предположительно датируется II в. до н.э. Обломок неправильной пятиугольной формы: левый излом – 22 мм, верхний – 93 мм, правый – 20 мм, правый изгиб – 20 мм, нижний – 65 мм.

Ил. 5. Фрагмент кувшина с надписью «ZHNA H». Чертеж.

Fig. 5. Fragment of a jug with the inscription «ZHNA H». Profile.

Аутопсия позволила установить, что по сколу справа виден верхний уголок зигзагообразной *дзеты*, а за ней следуют *эта*, *ню*, *альфа* и левая половина ещё одной *эты* (поскольку, кроме *альфы*, ни одна литера целиком не сохранилась, их измерение не проводилось). Наклонное *ню* с укороченной правой вертикалью и *альфа* с косой перекладиной снова выглядят поразительно архаично, особенно на фоне позднего облика *дзеты*.

Из первых четырёх букв уверенно выстраивается аккузатив имени Зевса (Ζῆνα). Следом надо ожидать его эписклезу. Лучше всего здесь подходят *Ἥλιος/ἠέλιος* «солнечный» или прямо *Ἥλιος* «солнце»: Зевс Солнечный / Солнце (Митра/Ахурамазда). Зевс–Гелиос на Востоке идентичен Митре [например: Струве, 1968, с. 117]. Отождествлялся он и с Ахурамаздой в ипостаси Ζεὺς Ὠροιάσθης [Gruppe, 1906, S. 1597]. Поэтому встретить его в Бактрии, сопричастной, как известно, рождению зороастризма, всего лишь естественно.

Недаром Зевса принял своим покровителем и правивший в 256–248 гг. до н.э. бактрийский царь Диодот I [например: Бикерман, 1985, с. 204 и прим. 61]. Как показывает изучаемое граффито, тот лишь опёрся на давнюю традицию, одинаково близкую всем его подданным – равно грекам и иранцам.

Зевс упомянут в винительном падеже. Для посвящений, где божества фигурируют в дативе, либо, на худой конец, генитиве – ситуация (что требовало бы специальных объяснений) нетривиальная, зато типичная для орфических гимнов. Сам Зевс выведен в аккузативе (κικλήσκω Δία/Ζῆνα κτλ.), например в *Orph.* 20 и 73. Как Гелиос он выступает в орфическом фрагменте 46 (123).

Ничего экстраординарного в предложенном понимании нет. Орфизм вообще включал в себя сильные зороастрийские мотивы [Gruppe, 1906, S. 1596 ff.]. Достаточно сказать, что Ахурамазду орфики отождествляли с Фанетом, создателем мира по их версии [Gruppe, 1906, S. 1597].

Сенсационно другое. Считается, что орфические гимны Зевсу возникли относительно поздно – не сильно задолго до 100 г. до н.э. [например: West, 1983, p. 24]. Теперь же можно сказать, что реплика одного из них (чем объясняется и особо тщательная гравировка граффито по *обожжённой* глине) встречена на северо-западной границе Бактрии не позднее II в. до н.э. И пусть то только аллюзия (оборот вроде κικλήσκω) Ζῆνα Ἡ[λιου/Ἡ[έλιου создаёт метрические затруднения): сложить полноценный гекзаметр из этих реликтов вряд ли когда удастся, если не будут найдены недостающие теперь фрагменты.

Но и без того – налицо самое настоящее открытие. Мало, что посвящение значительно удревяняет датировку подобных ему текстов и говорит о далеко зашедшем в рассматриваемом регионе религиозном синкретизме [ср. Пичикян, Шелов-Коведяев, 1989]. Не менее существенно, что оно показывает степень образованности, как минимум, командования гарнизона на так называемой «далёкой периферии». А заодно – географию и уровень распространения эллинской культуры и её носителей.

3. ПОСВЯЩЕНИЕ СΡΩΣΗ, ИЛИ VOX MAGICA

Фрагмент столового кувшина с граффито в три знака был обнаружен во Входном комплексе цитадели крепости Узундара, в золистом слое галереи (рис. 6). Этот пласт стал накапливаться в период, когда цитадель была полностью отрезана от сообщения с основной частью крепости через внутрискладный коридор. Галерея вела только во внутренние помещения Западной башни. По всей видимости, это произошло не ранее II в. до н.э. В это время здесь велась хозяйственная деятельность, ремонтные работы. Так, вдоль стен галереи стояли нижние части нескольких хумов, заполненные гипсом. Среди находок, кроме крупных одноручных кувшинов и керамических фляг, стоит также упомянуть каменные зернотерки и куранты.

Десятиугольный обломок неправильной формы (№ 343/2017, рис. 6). Изломы (по кругу слева направо и снизу вверх и затем вниз): 77 мм, 25 мм, 33 мм, 11 мм, 25 мм, 45 мм, 17 мм, 35 мм, 42 мм.

В районе правого верхнего угла, уходя в облом, хорошо читаются курсивные (что не редкость в III в. до н.э.) буквы, складывающиеся в невозможное в греческом языке звукосочетание – сρω (правая четверть *омеги* пропала). Высота *сигмы* и *ро* – 8 мм, ширина *сигмы* и оставшейся части *омеги* – 12 мм, ширина *ро* – 10 мм, высота её ножки до петли – 5 мм.

В силу указанных выше ограничений эллинской фонетики, приходится видеть в данном буквосочетании одно из двух: сρω есть либо *vox magica* демона, известного в заклятиях, демотических папирусах и египетской «Книге мёртвых», где он сочетается с Осирисом, а также солярными божествами, космическими силами и демиургом (Ра, Паном, Кмэф/Кнэф и т.п., например: [DT 28; 235.21; PGM IV 1009, 2094; VII 499, 952–958; XII 82, cf. 290; XXXVI 351; SM 44. 7–9; Bevilacqua, Ferradini Troisi, 2009, p. 252, 254–256; cf. Bull. ép. 2010, 637]), и в Узундаре, следовательно, открывающего заклятье, перечисляющее магические сущности; либо – начало имени Сроша/Сраоша, благовестника Ахурамазды, победителя дракона, одного из лиц «троицы» Гат (где он выступает вместе с Ахурамаздой и Артой [МНМ, 1998, с. 467; Дандамаев, Луконин, 1980, с. 328]).

Последнее наиболее заманчиво, так как оно поразительно – сразу не менее, чем на 600 лет – удревило бы огласовку Срош. Тогда как до сих пор она фиксировалась лишь в среднеперсидском языке Сасанидского Ирана (III–VII вв. н.э.). А тут она была бы найдена

в слове Π в. до н.э., и в регулярном для греческого слиянии ($\alpha + \omicron = \omega$), что позволяет привести новый аргумент в пользу влияния эллинических парадигм на персидскую речь.

Само посвящение Срошу на Узундаре логично. И из-за близости Бактрии родине зороастризма [Струве, 1968, с. 115 слл., 125–146; Дандамаев, Луконин, 1980, с. 305, 308, 328; ср. Пичикян, Шелов-Коведяев, 1989]. И из-за опубликованного выше (пункт 2) найденного неподалёку вотива Зевсу в облике Митры/Ахурамазды.

Впрочем, и первый вариант не менее замечателен. Он утверждает культурный континуум от Египта до крайнего северо-востока эллинистической ойкумены.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

МНМ – Мифы народов мира
 Bull. ép. – Bulletin épigraphique
 DT – Defixionum tabellae
 PGM – Papyri Graecae Magicae
 SM – Supplementum Magicum

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бельш О.В. Фортификационная система на северо-западной границе Бактрии. *Краткие сообщения Института археологии*. 2020. Вып. 259. С. 371–384 [Bel'sh O.V. The System of Fortification on North–West Border of Bactria. *Brief Reports of the Institute of Archaeology*. 2020. Issue 259. Pp. 371–384 (in Russian)].

Бикерман Э. *Государство Селевкидов*. М.: Наука, 1985 [Bickerman E. *Institutions des Séleucides*. Moscow: Nauka, 1985 (Russian translation)].

Горин А.Н., Двуреченская Н.Д. Каталог монет крепости Узундара (Южный Узбекистан). *Материалы Тохаристанской экспедиции*. Вып. XI. Ташкент, 2018 [Gorin A.N., Dvurechenskaya N.D. The Catalogue of Coins from Fortress Uzundara. *The Materials of Expedition in Tokharistan*. 2018. Issue XI. Tashkent, 2018 (in Russian)].

Дандамаев М.А., Луконин В.Г. *Культура и экономика Древнего Ирана*. М.: Наука, 1980 [Dandamayev M.A., Lukonin V.G. *The Culture and Economics of Ancient Iran*. Moscow: Nauka, 1980 (in Russian)].

Двуреченская Н.Д. К вопросу о северной границе Бактрии. *Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов: история, археология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Бориса Анатольевича Литвинского. (Москва, 16–18 апреля 2018 г.)* М.: ИВ РАН, 2019. С. 99–113 [Dvurechenskaya N.D. About the North Border of Bactria. *The Epoch of Empires. Proceedings of International Conference to the Memory of B.A. Litvinsky. (Moscow, 16–18 April, 2018)*. Moscow: IOS RAS, 2019. Pp. 99–113 (in Russian)].

Двуреченская Н.Д., Двуреченский О.А., Морозов П.А., Гладченков А.А. Георадарные исследования крепости Узундара. *Древние памятники, культуры и прогресс. A caelo usque ad centrum. A potentia ad actum. Ad honores*. Сб., посвященный Д.В. Рукавишникову. Отв. ред.: И.В. Рукавишникова, О.А. Радюш. М.: Ин-т археологии РАН, 2020(1). С. 62–93 [Dvurechenskaya N.D., Dvurechenko O.A., Morozov P.A., Gladchenkov A.A. Georadar Researches of the Fortress Uzundara. *Ancient Sites, Cultures, and Progress. A caelo usque ad centrum. A potentia ad actum. Ad honores*. Eds.: I.V. Rukavishnikova, O.A. Radyush. Moscow: Institute of archeology RAS, 2020(1). Pp. 62–93 (in Russian)].

Двуреченская Н.Д., Двуреченский О.В., Двуреченская Т.О., Бельш О.В., Гладченков А.А., Шейко К.А. Новые открытия фортификационных сооружений на северо-западе Бактрии (Узбекистан) в 2016–2018 гг. *Археологические открытия*. 2020(2). С. 518–520 [Dvurechenskaya N.D., Dvurechenko O.V., Dvurechenskaya T.O., Gladchenkov A.A., Sheiko K.A. The new Discoveries of Fortifications on the Bactrian North–West (Uzbekistan) in 2016–2018. *Archaeological Discoveries*. 2020(2). Pp. 518–520 (in Russian)].

Двуреченская С.О. Предварительные итоги изучения остеологической коллекции из раскопок цитадели военной крепости Узундара. *Краткие сообщения Института археологии*. 2020. Вып. 259. С. 385–397 [Dvurechenskaya S.O. The Preliminary Results of the Study of the osteological Collection from the Excavations of the Citadel of Fortress Uzundara. *Brief Reports of the Institute of Archaeology*. 2020. Issue 259. Pp. 385–397 (in Russian)].

Двуреченский О.В. Бронзовые наконечники стрел крепости Узундара. *Краткие сообщения Института археологии*. 2017. Вып. 248. С. 207–219 [Dvurechenky O.V. The bronze Arrowheads from Fortress Uzundara. *Brief Reports of the Institute of Archaeology*. 2017. Issue 248. Pp. 207–219 (in Russian)].

Мифы народов мира. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1988 [*The Myths of the Peoples of the World*. Moscow: Soviet Encyclopedia Publishing House, 1988].

Пичикян И.Р., Шелов-Коведяев Ф.В. Греческие божества в эллинистической эпиграфике и изобразительном искусстве Западного и Восточного Ирана. *Историко-филологический журнал* (Ереван). 1989. № 3. С. 48–55 [Pichikyuan I.R., Shelov-Kovedyaev F.V. The Greek Deities in Hellenistic Epigraphy, and Fine Art of Western and Eastern Iran. *Historic-philological Journal* (Yerevan). 1989. No. 3. Pp. 48–55 (in Russian)].

Ртвеладзе Э.В. Из недавних открытий Узбекистанской Искусствоведческой Экспедиции в Северной Бактрии–Тохаристане. *Вестник древней истории*. 1990. С. 135–145 [Rtveladze E.V. Some recent Discoveries of Uzbek Fine-Art Expedition in Northern Bactria–Tokharistan. *Journal of Ancient History*. 1990. Pp. 135–145 (in Russian)].

Ртвеладзе Э.В. Фортификационные сооружения на северных границах Кушанского государства. *Маскан. Архитектура и строительство Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Таджикистана, Туркменистана* (Ташкент). 1992. № 5–6. С. 4–5 [Rtveladze E.V. The Fortifications on the Northern Borders of the Kushan State. *Maskan. The Architecture and Development of Uzbekistan, Kazakhstan, Azerbaijan, Tajikistan, Turkmenistan* (Tashkent). 1992. Nos. 5–6. Pp. 4–5 (in Russian)].

Струве В.В. *Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии*. Л.: Наука, 1968 [Struve V.V. *The Studies of History of the Northern Littoral of the Black Sea, Caucasus, and Central Asia*. Leningrad: Nauka Publishing House, 1968 (in Russian)].

Audolent A. *Defixionum tabellae*. P.: A. Fontemoing, 1904.

Bevilacqua G., Ferradini Troisi F. Due amuleti funerari dalla necropoli occidentale di Egnazia. *Annuario dalla Scuola Archeologica di Atene, 2007*. Vol. LXXXV (Serie III, 7). 2009. Pp. 249–261.

Gruppe O. *Griechische Mythologie und Religionsgeschichte*. Zwei Bände. München: Beck, 1906.

Preisendanz K. *Papyri Graecae Magicae*. Zwei Bände. Stuttgart: Teubner, 1972–1974.

Rotroff S.I. Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Moldmade Bowls. *The Athenian Agora*. Vol. 22. Princeton, 1982.

Supplementum Magicum. Bd. I–. Opladen: Wesdeutsche Verlag, 1990–

West M. *The Orphic Poems*. Oxford: Clarendon Press, 1983.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ДВУРЕЧЕНСКАЯ Нигора Давлятовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела классической археологии Института археологии РАН, Москва, Россия.

Nigora D. DVURECHENSKAYA, PhD (History), Research Fellow, Department of Classical Archaeology, Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia.

ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ Фёдор Вадимович – кандидат исторических наук, независимый исследователь, Москва, Россия.

Fedor V. SHELOV-KOVEDYAEV, PhD (History), Independent Researcher, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080016648-9

О БЕСЕДАХ С МАЛАБАРСКИМИ ЯЗЫЧНИКАМИ
(ПО ДОКУМЕНТАМ ДАТСКОЙ КОРОЛЕВСКОЙ
МИССИИ ТРАНКЕБАРА)

© 2021

К.Д. НИКОЛЬСКАЯ^a

^a – Институт стран Азии и Африки МГУ, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-5996-6318; sniff0210@gmail.com

Резюме: В начале XVII в. в Европе была создана Датская Ост-Индская компания (*Dansk Østindisk Kompagni*). Опорным пунктом датчан в Индии стал город Транкебар (крепость Дансборг). Еще через столетие, в самом начале XVIII в., на Коромандельском побережье появились первые лютеранские миссионеры. Именно в это время в Транкебаре была создана Датская Королевская миссия, финансируемая королем Фредериком IV и состоявшая, главным образом, из немцев, выпускников университета саксонского города Галле. Галльские миссионеры не только активно проповедовали среди местного населения, но и изучали языки региона, занимались переводами христианской литературы с последующей публикацией в созданной ими же типографии, обучали неофитов из числа местных детей. Одним из первых миссионеров в Транкебаре стал пастор Бартоломеус Цигенбальг, проживший в Индии с 1706 по 1719 г. Сведения о деятельности пастора в Датской королевской миссии сохранились в его письмах и отчетах. Эти письма и отчеты регулярно печатались в Галле в сообщениях Датской Королевской миссии (“*Der Königlich dänischen Missionarien aus Ost-Indien eingesandter ausführlichen Berichten*”). Однако кроме писем и отчетов в этом издании постоянно появлялись тексты особого рода, называемые «беседы» (*das Gespräch*). Они выглядели как диалоги между пастором Бартоломеусом Цигенбальгом и местными религиозными авторитетами. Брахманы излагали основы индуистской религии, а их оппонент демонстрировал им абсурдность их верования, сравнивая его с основными положениями христианства. Ниже приводится перевод одного такого диалога.

Ключевые слова: Индия, Транкебар, Цигенбальг, Датская Королевская миссия, христианство, индуизм.

Для цитирования: Никольская К.Д. О беседах с малабарскими язычниками (по документам Датской Королевской миссии Транкебара). *Восток (Orient)*. 2021. № 5. С. 259–268. DOI: 10.31857/S086919080016648-9

CONVERSATIONS WITH THE MALABAR PAGANS
(ACCORDING TO THE DOCUMENTS
OF THE DANISH ROYAL TRANQUEBAR MISSION)

© 2021

Kseniia D. NIKOLSKAIA^a

^a – Institute of Asian and African Studies (IAAS), Lomonosov Moscow State University; ORCID:
0000-0001-5996-6318; sniff0210@gmail.com

Abstract: *At the beginning of the 17th century, the Danish East India company (Dansk Østindisk Kompagni) was established in Europe. In particular, Tranquebar (Dansborg fortress) became the stronghold of the Danes in India. In another hundred years, at the very beginning of the 18th century, the first Lutheran missionaries appeared on the Coromandel coast. At this time the Danish Royal mission was established in Tranquebar, funded by king Frederick IV. It consisted mainly of Germans who graduated from the University of the Saxon city of Halle. Those missionaries not only actively preached among the local population, but also studied languages of the region, translated Gospels into local languages and then published it in the printing house they created. They also trained neophytes from among the local children. One of the first missionaries in Tranquebar was pastor Bartholomäus Ziegenbalg, who lived in India from 1706 to 1719. Information about Pastor's activities in the Danish Royal mission has been preserved in his letters and records. These letters and papers were regularly printed in Halle in the reports of the Danish Royal Mission. However, besides letters and reports, this edition constantly published texts of a special kind, called "conversations" (das Gespräch). They looked like dialogues between pastor Bartholomäus Ziegenbalg and local religious authorities. Those brahmans explained the basic principles of the Hindu religion, and their opponent showed them the absurdity of their creed by comparing it with the main tenets of Christianity. The following is a translation of one of these dialogues.*

Keywords: India, Tranquebar, Ziegenbalg, Danish Royal Mission, Christianity, Hinduism.

For citation: Nikolskaia K.D. Conversations with the Malabar Pagans (according to the Documents of the Danish Royal Tranquebar Mission). Восток (*Orient*). 2021. No. 5. Pp. 259–268. DOI: 10.31857/S086919080016648-9

С начала XVIII в. на юге Индии в крепости Транкебар на Коромандельском побережье (примерно в 250 км от совр. Ченнаи) жили и проповедовали лютеранские миссионеры, служащие Датской королевской миссии. Создана она была на деньги Датской короны по инициативе короля Фредерика IV (пр. 1699–1730). Работавшие в Транкебаре миссионеры проповедовали среди местных жителей, обучали их детей, изучали языки региона и переводили на них религиозную литературу, которую печатали в ими же созданной типографии.

С первых лет существования особую роль в работе миссии играли выходцы из саксонского города Галле. Именно Галльский университет, будучи центром пиетизма, выступал идеологом богоугодной деятельности своих «легатов». За полтора столетия из Галле в Индию было отправлено в общей сложности 60 миссионеров. В самом же университете работой миссии ведал профессор Август Герман Франке¹. Из Транкебара регулярно посылались в Галле письма и подробные отчеты – сперва самому Франке, а позднее его преемникам. В 1710 г. эти отчеты были впервые опубликованы под заголовком “Der Königlich dänischen Missionarien aus Ost-Indien eingesandter ausführlichen Berichten”², после чего стали печататься уже на постоянной основе. В течение многих лет именно в этом издании появлялись материалы о работе среди «малабарских язычников»³. Значительная их часть с начала XVIII в. ни разу не переиздавалась даже в самой Германии.

¹ August Hermann Francke (1663–1727) – профессор Галльского университета, в 1691 г. получил должность пастора в Глаухау, а затем стал преподавателем греческого и восточных языков в недавно основанном (1694) университете. В 1698 г. получил должность профессора на теологическом факультете того же университета (см.: <https://www.catalogus-professorum-halensis.de>, дата обращения: 26.06.2020).

² Die Franckeschen Stiftungen zu Halle/Saale Digitale Bibliothek: <http://192.124.243.55/digbib/hb.htm> (дата обращения: 20.02.2021).

³ В XVIII в. эта область во всех текстах проходила под наименованием Малабар (уже в XIX в. Малабаром называют лишь западное побережье).

Первые годы отчеты в основном составлялись Бартоломеусом Цигенбальгом – пионером миссии. Прибыв в 1706 г. на юг Индостана в компании своего коллеги, Генриха Плутшау, он, с двухгодичным перерывом прожил в Транкебаре вплоть до самой своей смерти в 1719. Благодаря его записям мы ясно можем представить себе и работу миссионеров, и детали их повседневной жизни, и характер взаимоотношений с местным населением и с представителями европейской администрации.

Большая часть таких публикаций представляет собой регулярно пересылаемые из Транкебара в Галле письма, отчеты, иногда дневниковые записи. Однако помимо этого на страницах вышеназванного издания постоянно появлялись и тексты иного рода. Публиковались они под заголовком «беседа» (*das Gespräch*) и строились в форме диалога. Одну сторону в таком диалоге всегда представлял кто-то из миссионеров (преимущественно сам Цигенбальг). Статус же его *vis-à-vis* мог быть разным. Чаще всего миссионер вел беседу с брахманом (или группой брахманов). Но с тем же успехом собеседником пастора мог оказаться и мусульманский священнослужитель (*der Mohrische Priester*). Содержание разговора неизменно касалось вопросов веры, и по форме текст, таким образом, оказывался типичным теологическим спором.

Судя по многочисленным сохранившимся посланиям пастора к друзьям и коллегам, для своего времени он был человеком весьма толерантным. В письмах все его высказывания относительно местных религиозных взглядов, обычаев, традиций, науки и культуры кажутся более чем уважительными: «Жителей этой страны только те считают дикарями, кто либо их не видал, либо не понимает их языка. Кто же с ними действительно *conversiret*⁴ и читал их книги, тот должен признать, что они вовсе не дикари, но цивилизованные люди» [Ziegenbalg, 1957, p. 115]. Эпистолярное наследие Цигенбальга демонстрирует нам вдумчивого наблюдателя и дотошного исследователя. Впрочем, без подобного отношения к чужой традиции не могли бы появиться ни “*Genealogie der Malabarischen Götter*”, ни “*Grammatica Damulica*” – два наиболее значимых его труда. Однако в беседах с брахманами Цигенбальг предстает перед нами совершенно в ином амплуа: темпераментным обличителем языческих заблуждений и пламенным агитатором. Вероятнее всего, объяснений подобному «раздвоению личности» может быть несколько.

Прежде всего, обращает на себя внимание массовость публикаций такого рода. «Теологические беседы» миссионеров с их оппонентами по количеству напечатанных текстов и регулярности их появления на страницах “*Der Königlich dänischen Missionarien aus Ost-Indien eingesandter ausführlichen Berichten*” вполне могут конкурировать с обстоятельными отчетами, составлявшимися тем же Цигенбальгом. Стоит предположить, что и эти диалоги, в некотором смысле, являлись «отчетами о проделанной работе», призванными продемонстрировать очевидные успехи миссии и оправданность затраченных на нее средств, как выделявшихся из датской казны, так и поступавших в Транкебар в виде добровольных пожертвований. Отсюда истовость, с которой пастор в «беседе» убеждает язычников в истинности христианского вероучения. Вряд ли в текстах такого рода уместно было бы демонстрировать излишнюю толерантность и любознательность...

С другой стороны, пафос реплик миссионера может быть продиктован и требованиями жанра. Впрочем, охарактеризовать этот жанр однозначно представляется несколько затруднительным. Беглый взгляд на «беседы» вызывает искушение сопоставить их с распространённым в Индии, начиная с эпохи древности, жанром «мировоззренческого диалога» [Парибок, 1989, с. 22 и далее]. Однако предположение это вряд ли осмысленно: первые тексты бесед с язычниками были составлены Цигенбальгом в самом начале пребывания в Индии, когда хоть и состоялось уже его знакомство с литературой региона, но это была литература по преимуществу «малабарская» (тамилская).

⁴ Общался (лат.)

Посмотрим внимательнее, как строятся беседы Цигенбальга. Круг обсуждаемых вопросов в каждом таком диалоге неизменно касается одной и той же темы – преимуществ веры в Иисуса Христа перед ложными учениями темных язычников. Именно эта мысль повторяется в бесчисленном количестве разных вариаций и с разными аргументами. По сути, каждый диалог создает ощущение, что миссионер, говорящий с брахманом (или с кем-то еще), все время ходит по кругу, практически «переливает из пустого в порожнее». Выдвигая разные доводы – то разоблачающие абсурдность языческих представлений о мире, то демонстрирующие логичность христианского вероучения, Бартоломеус Цигенбальг упорно возвращается к своему основному тезису: сколь необходимо для язычников принять крещение!

В сущности, такое построение бесед демонстрирует определенное сходство с античными диатрибами, проповедями-спорами. И в самом деле, жанр диатрибы требует выстраивать текст таким образом, чтобы задаваемые контрагентом вопросы заставляли автора-философа все время с разных сторон подходить к одному и тому же центральному тезису [Гаспаров, 1983, с. 473]. Рассчитанные на устную подачу, с определенного момента философские диалоги начинают оформляться в особый литературный жанр. В контексте нашей темы примечательно то, что именно произведения такого рода впоследствии легли в основу жанра христианской проповеди [Тронский, 1983, с. 231].

Впрочем, вряд ли следует думать, что диалоги с «малбарскими язычниками» намеренно уподоблялись диатрибам. Все же, учитывая тот факт, что Цигенбальг, получивший соответствующее образование в Галльском университете, без сомнения был прекрасно знаком с античной литературой, надо полагать, что ориентация его проповедей на классические образцы, могла происходить совершенно неосознанно.

Большая часть реплик пастора в диалогах содержит разъяснения догматов христианского вероучения и строится как прямой ответ на то, что он слышит от своего оппонента. Оппонент же, в свою очередь, говорит о религии своего народа – о богах, космогонии, формах богопочитания и т.п. Именно эти идеи и становятся немедленно мишенью для критики. Однако подлинность сведений, излагаемых брахманом, не вызывает сомнений. Очевидно, что перед нами не фальсификация, цель которой представить читателю образ языческого дикаря: не считая чуть искаженных имен богов, все, что говорит пастору его собеседник, в общем и целом вполне соответствует основным положениям индуистских верований. Известно, что Бартоломеус Цигенбальг живо интересовался культурой региона, куда забросила его судьба. Сведения о религиозных верованиях «малабарцев» время от времени (не слишком часто) даже попадала в его отчеты. Однако подобный интерес ожидаемо не вызывал бурных восторгов со стороны университетской профессуры Галле. Более того, даже фундаментальный труд пастора, “Genealogie der Malabarischen Götter”, отказались печатать в Европе при жизни Цигенбальга, обвинив его в попытке распространения языческих суеверий среди европейцев [Sweetman, 2004, p. 21]. Однако в душевспасительных диалогах между миссионером и брахманами сведения такого рода выглядели вполне уместно – тем более, что они немедленно подвергались яростной христианской критике одного из участников беседы. Выбранный жанр позволял Бартоломеусу Цигенбальгу совершенно легально знакомить своих читателей с тонкостями языческой теологии и экзотикой местных традиций!

Как уже говорилось выше, текстов такого рода существует огромное количество. Однако, в отличие от писем миссионеров, с момента публикации в начале XVIII в. они ни разу не переиздавались. Более того, в отличие от переписки и отчетов, они, в сущности, не привлекались историками к исследованиям. Между тем, необходимость специального изучения этого особого направления работы Транкебарской миссии кажется тем более

очевидной, что открывает актуальную не только для истории, но и для сегодняшнего дня тему межконфессионального диалога.

Наконец, еще одна проблема, которую, ожидаемо, ставят перед нами «Беседы с малабарскими язычниками», это вопрос их подлинности. Являются ли эти тексты записями реальных диалогов? Или же мы имеем дело с лишь парадными литературными отчетами, пересылаемыми «вышестоящим инстанциям»? Вероятнее всего, истину следует искать где-то посередине. Действительно, среди писем пастора мы постоянно находим свидетельства его регулярного живого общения с местными жителями на религиозные темы: «...когда я прихожу на морской берег, то нахожу там множество людей, кто-то чинит свои сети, кто-то уходит, кто-то приходит, кто-то в море, кто-то на суше, и часто с ними веду я беседы о Слове Божьем...» [Ziegenbalg, 1957, p. 118]⁵. Вполне вероятно, что именно это живое общение и легло в основу пересылаемых в Галле бесед. Однако, совершенно очевидно, что, будучи эстетом (достаточно обратить внимание на возвышенный стиль его писем!), Цигенбальг, конечно, подвергал авторской обработке реальные живые диалоги, в результате чего они постепенно оформлялись в особый литературный жанр, прекрасный образец которого приводится ниже⁶.

Первая беседа

с браманом⁷ о множестве богов у язычников, о происхождении зла и добра;

Item⁸ о том, как лишь верою в Иисуса Христа смогут достичь они праведности и блаженства.

В день 6-го марта года 1707 пришел ко мне, Цигенбальгу, один браман, считавшийся умнее и мудрее остальных.

Я спросил, что за нужда привела его ко мне?

На это он отвечал: Я пришел к вам, дабы провести истинный Discours⁹.

Я спросил его: он ли станет меня расспрашивать или я буду ему задавать вопросы?

Он выразил желание, чтобы я предложил ему несколько вопросов, по поводу которых он выскажет свое мнение.

Тогда я спросил его, верует ли он в единую божественную сущность?

Он отвечал: Да.

Я же спросил: Как такое может быть, ведь вы, малабарцы, поклоняетесь множеству богов?

Он сказал: Мы веруем лишь в единую божественную сущность, от которой все ведет свое происхождение¹⁰. Притом полагаем мы, что от этой божественной сущности произошли и три великих бога, а именно: Исурен¹¹, Виштну¹² и Бирума¹³. А затем от этих троих произошли и многие другие божества. По этой-то причине в наших книгах закона написано про великое множество богов. Однако и трое великих, и все другие малые божества

⁵ Перевод мой. – К.Н.

⁶ Перевод сделан по изданию: [Achte Continuation des Berichts Derer Koenigl, 1715, p. 505–514]. Текст оригинала размещен на сайте Frankesche Stiftungen zu Halle/Saale Digitale Bibliothek: <https://digital.francke-halle.de/fsdhm/periodical/pageview/144885> (дата обращения: 20.02.2021).

⁷ Традиционное для эпохи Нового времени европейское искажение слова «брахман».

⁸ Также (лат.).

⁹ Беседа, разговор (фр.).

¹⁰ Очевидно, речь идет о Брахмане – основе всего сущего.

¹¹ Искаженное «Ишвара» (Шива).

¹² Искаженное «Вишну».

¹³ Искаженное «Брахма».

ства произошли от сущности всех сущностей, что радеет обо всем видимом и невидимом. В этой-то сущности всех сущностей мы и почитаем высшего Бога, он же принимает подобное поклонение так, как если бы мы поклонялись лично ему.

Я отвечал: Бог дал вам, малабарцам, столь тонкий ум, что вы умеете здраво рассуждать о естественных вещах, но в то же время столь слепы и неразумны в делах духовных, что, не задумываясь, крепко верите в то, что некогда ваши поэты насочиняли и записали изящными стихами. Ибо разве это не глупость – полагать, что сущность всего сущего разделена на множество божеств? Не слишком ли пренебрежительно говорить подобное о непостижимом Господе? Заблуждение сие происходит от того, что Слово вечного Бога вам неведомо и непонятно. Отцы ваши не желали быть послушными Истине ради вечной жизни, потому Господь в справедливости своей и позволил им верить в ложное. И поелику они по сей день веруют в эту ложь, вы говорите такие глупости о Боге, чем являете то, что не поклоняетесь вообще никакому божеству. И даже если вы прямо должны будете признать, что есть лишь один Бог, от которого произошло всё, то не ведаете вы, что это за Бог, как явился он нам, людям, и каким образом следует его почитать. Нет у вас подлинного знания ни о сущности Бога, ни о качествах его, ни о его чаяниях. И ежели вы говорите, что существует множество богов, то не ведаете, кому из них следует поклоняться. Вы рассказываете о своих богах такие истории, из которых следует, что все они совершенно различны между собой. И коли вы будете поклоняться только Исурену, Виштну останется недоволен, но пожелает, чтобы молились ему одному и почитали лишь его. Станете вы молиться Виштну, на вас разозлится Исурен и сможет в гневе вам навредить, в то время как довольный Виштну будет творить для вас добро. Так может быть и с остальными вашими божествами лишь потому, что вы не будете знать, кому из них следует молиться. Дайте же спасти вас от этой путаницы и указать единственного истинного Бога.

Тогда браман ответил: Религия наша старейшая из всех. Нами правили благочестивые цари, жили среди нас святые пророки и ученые люди. Все они верили в то, во что и по сей день верим мы. Будь наша религия ложной, разве кто-нибудь из нас не увидел бы этого и не указал бы истинный путь? Разве Бог допустил бы, чтобы наша религия так широко распространилась и существовала столь долго, если была бы она ложной?

Я отвечал: Коли хотим мы знать, ложна или истинна религия, нам не надо смотреть на древность или многочисленность приверженцев оной. Ибо и дьявол, и грех тоже стары и имеют на свете многих приверженцев. И то было бы неверно, если считали бы мы, что в силу древности своей и многочисленности приверженцев дьявол свят, а грех приятен Господу. Истинность религии следует узнавать лишь из ее учения: происходит ли оно воистину от слов Господа или нет? Но поелику у язычников нет истинного Слова Божия, не могут они постичь учения, но верят всему, о чем в прежние времена лгали поэты ваши и о чем так красочно рассказывали. Но коли вы захотели бы просветить свой разум, то поняли бы, что в ваших запутанных догматах веры есть много абсурдного, во что ни один разумный человек поверить не сможет. Среди вас же самих были многие, отринувшие ваше учение с его многочисленными божествами и показной службой им. По сию пору есть среди вас те, что отвергают и подобные учения об идолах, и религии других стран, почитая их ложью. В том же, что Господь благоволил вашей ложной вере, раз позволил ей распространиться столь широко и существовать по сей день, вы сильно заблуждаетесь. Вы могли бы распознать Бога в акте творения и в гласе своей совести, но не распознали его. Вы стремитесь познать его, но, прилепившись к зримым существам, их почитаете божествами. Вы сопротивляетесь Истине. Так пусть же Бог попустит, чтобы в слепоте своей погибли вы и разложились. И не будет на нем вины за гибель вашу. Ибо искал он и отцов ваших, и вас самих, он ищет вас и по сию пору, дабы ныне приблизить к своему

Слову и к истинной вере. Но коли желаете вы и дальше прозябать, не применит он к вам силу, не потащит вас за волосы ко блаженству, но позволит быть при своем мнении, и не останется вам ничего иного, кроме гибели.

Браман отвечал: Бог сотворил добро и зло, он есть причина добродетели и греха, благословения и проклятия. Без него ничего на свете не случается. И коли одни добры, благочестивы и святы, так добры, благочестивы и святы они по воле Господа. Коли другие злы, грешны и безбожны, то, равным образом, они злы, греховны и безбожны по божьей воле. И уж ежели мы, малабарцы, в вере и службе Господу заблуждаемся, то лишь с божьего соизволения, что тут поделаешь? Ведь все, что должно произойти на свете, все, что должны мы пережить и сотворить, уже предначертано. Как можем мы изменить то, что Бог положил нам?

Я сказал: Разумеется, Господь сотворил все и вся, однако ж не злым и греховным, но добрым и святым, посему хулите вы Бога, когда говорите, что он есть причина греха и всякого зла, что творится в мире. Абсолютно всё происходит на свете по воле Господа, потому в соответствии с Божьей волей одни люди творят добро, другие же – зло. Но какая польза в мире от вас, браманов? Не затем ли Бог поставил на свете учителей, чтобы они наставляли людей невежественных? Не затем ли открыл он миру Слово свое? Не затем ли поставил он царей и других власть имущих, чтобы они карали зло и поощряли добро? Если бы Господь хотел, чтобы мы грешили и чтобы не отлеплялись от греха, то не нужны были бы на свете все эти установления, и смирился бы он со всем. В таком случае можно было бы сказать, что Бог должен столь же поощрять грехи, сколь и добродетели, ибо и те, и другие возникли по его воле. Из этого может следовать несколько абсурдных выводов: например, что Господь сам грешник, не имеющий святости, терпящий несовершенство созданий, следовательно, не могущий быть судьей, который воздает за добро и карает зло. Это мнение есть путь ко всяческому грехам, оно-то и отвращает вас от обращения. А проистекает оно от того, что нет у вас истинного знания о сотворении человека.

Он сказал: Мы говорим, что Бирума первоначально сотворил людей, и что некоторые из оных стали демонами, размножились до несметного числа. Другие же из них остались людьми и заселили мир.

Я отвечал ему: Эта точка зрения на сотворение человека ложна. Ибо не Бирума, но единственный истинный Бог, подобный сущности всего сущего, создал людей. И пусть не сразу множество, а для начала лишь одного, из ребра которого затем сотворил он женщину ему в придачу. Оба они были благословенны, и все люди должны были произойти от них. И сих наших родоначальника и родоначальницу сотворил Господь по своему образу и подобию, мудрому, благочестивому и справедливому. Сперва все было хорошо, и не было в мире ни греха, ни зла. Но после средь незримых созданий, средь множества ангелов, один из главных стал непослушен своему Создателю и надменен, от него отлепился и по своей собственной вине вместе со множеством других ангелов, что оказались с ним заодно, проклят был, и превратился в дьявола. И явился он в облике змея к нашей прама-тери, звавшейся Евой, и добился того, что поверила она ему более, чем своему Создателю. И тогда она и муж ее по имени Адам, соблазненные дьяволом, подчинившим себе их волю, отошли от Господа, завет его нарушили и не стали более подобны ему. Так грех пришел в мир, а через грех – всё то зло, что есть на свете. Из-за падшего человека после проклятие было наложено и на все зримые создания, так что теперь видим мы погибель и в мире, и в нас самих. Но не можем мы вину за эту погибель возлагать на Господа, сотворившего изначально все хорошим, но лишь на дьявола и на себя самих. Ведь если какой царь выстроит прекрасный дворец, и случится так, что огонь выжжет его, никто не сможет сказать, что в том виновен сам правящий царь, что он и поджег дворец тот, который строил

со столь великим тщанием. Подумают, что кто-то иной по недомыслию либо случайно стал причиной этого пожара. Когда же видим мы, что прекрасное здание рода человеческого, великого ли, малого ли мира, так портится, опустошается и разрушается, никто разумный не скажет, что Господь, который, сотворив сие здание столь прекрасным, сам живший в нем, его же опустошил и разрушил. Но должен он будет признать вину за (кем-то) другим. И если будет он внимать святым словам Господа, то увидит совершенно ясно, что причиной всего зла в мире являются дьявол и человек. Из этого вы можете заключить, сколь великая разница между вашей ложной верой и нашей истиной. И ежели выслушаете вы меня со вниманием, укажу я вам, как мы от сей погибели людей спасти сможем.

Он сказал: Ведь люди же мы, и живем на одном свете, и сотворил нас один Бог! Почему бы не послушать друг друга? Только если после у каждого сохранится свобода верить в то, во что он хочет.

Я продолжил: То, что мы были сотворены Господом безгрешными, по его подобию, я уже изложил. То же, что подобие Господу мы утратили и погрязли во грехах, то видим мы своими собственными глазами, ощущаем и внутри, и снаружи. Известно, что из-за грехов наших не можем мы достичь умиротворения. Справедливость же Господа требует, чтобы либо мы воздавали ей должное, либо за грехи свои вечно претерпевали наказание в аду. Ведь нет ни ангела на небесах, ни человека на земле, который воздал бы должное строгому Божьему суду за грехи человеческие. Но великая любовь и милосердие Господа скорее помогут роду людскому. Так случилось, что был обещан людям для спасения их сын Божий. Он пришел в мир, принявший человеческое обличие, дабы взять на себя грехи всех, и через страдания свои претерпеть наказание, освободив тем самым людей. И кто уверовал в Божия сына, те становились праведниками, получали силы для обращения и для возврата утраченной благодати. Кто же не верил в него, те оставались в своих грехах и гибели. Уверовавшие в него были подлинными христианами, ибо верили в сына Божия, коего звали Христос. И неважно, что имя это в те времена не было известно. Потому-то христианская религия среди всех религий первая и древнейшая. Те же, кто не поверил в сына Божия, стали именоваться язычниками. Вот потому-то и ваша языческая вера равным образом очень древняя. Как наша христианская религия сотворена Господом и зиждется на истине, так ваша языческая вера, созданная дьяволом и порочным рассудком, зиждется на баснях и лжи.

И все же домик этой истиной религии ныне еще очень мал, дом же религии ложной на свете очень велик. Малый домик истиной веры был выстроен народом Израиля, или иудейским народом, среди коего явил Бог множество знамений и чудес, и изложил письменно волю свою. В том-то народе и должен был родиться сын Господа как Спаситель мира. Задолго до того Бог через пророков своих обстоятельно разъяснял, у кого, где и в какое время он родится, как спасет он род людской и т.д. И все, что было обещано, исполнилось. Он родился человеком и получил имя Иисуса Христа, прожил 33 года среди людей, творил великие чудеса и являл знамения, учил каждого о Царствии Небесном, жил безгрешно, взял на себя все грехи человечества. Он претерпел все то, что должны были мы за грехи нынешние и будущие претерпеть, чтобы покаяться. Так через его страдания и смерть весь род человеческий был спасен и оправдан пред судом Божьим. И подобно тому, как нашими грехами был он предан смерти, так же через праведность нашу воскрес он. После, вознесшись на небо, послал он Св. Духа третьим воплощением Господа к своим ученикам, повелел им отправиться по свету, дабы возвестить Евангелие, творил через них чудеса великие, так что тысячи и тысячи язычников обратились ко Христу, Спасителю мира.

В то же время пришло Евангелие и к нам, европейцам, что прежде были все слепыми язычниками. Постепенно этим Христовым учением язычество из Европы изгнано было,

христианство утвердилось. И тогда к вам, язычникам, явился один из юных христиан по имени Св. Фома, который в этой земле провозгласил вам Евангелие. Но лишь немногие из вас вняли словам Истины. Посему вы и по сию пору блуждаете во мраке язычества. А меж тем Господь и теперь всё еще пытается спасти вас, и ясно указывает путь к блаженству. Так будьте послушны гласу Божьему, уверуйте в сына Господа Иисуса Христа, признайте грехи свои, покайтесь, отойдите от своего язычества и примите учение Христово. И будете вы осияны, и простятся грехи ваши, соединитесь вы с Господом и спасетесь от бед ваших, ибо через христианство ныне и присно, и во веки веков блаженны будете.

Браман сказал: В вашей земле, среди вас, белых христиан бог явил себя так, как было сейчас рассказано. Но в нашей земле, среди нас, темнокожих язычников, сделал он это иначе. Как бог явил себя у вас, так вы и веруете. А как явил он себя у нас, так веруем мы. У вас в Европе был человек Христос. У нас же в Ост-Индии Виштну был человеком. Таковы игры бога: он в этой земле является в таком образе, а в другой – в ином.

Я, отвечая ему, спросил: Многообразие воплощений Виштну, о которых у вас, малабарцев, так много сказано и написано, столь абсурдно и нелепо, что не может ли сойти не за игры истинного Бога, но за обман дьявола? Говорите вы, что в разные времена он приходил в мир то свиньей, то рыбой, то черепахой, то полульвом-получеловеком и т.п. Как же можете вы верить, что такое чудище, такой монстр станет вашим спасителем и избавителем? Да и кто сможет говорить с подобными тварями, чтобы утверждать, что оные – воплощения Господа? Не потому ли являлся он на свете в таких облициях – свиньи, рыбы, черепахи, льва и других тварей, что хотел спасти именно их? Ведь пожелай он спасти людей, являлся бы в обличие человека, чтобы уметь говорить с людьми. Хоть вы и полагаете, что как человек он приходил на земли под именами Вамана, Рама и Prschtnen¹⁴, но я нахожу эти истории ничем иным, как хитростью, которой он обманывал остальных, и своими постоянными войнами и мерзким кровопролитием, скорее вел мир к гибели, чем к блаженству. По правде говоря, я премного изумлен, что ваши браманы верят в такую нелепицу и остальным ее преподносят как великую святость.

Он сказал: Каждый может в своей религии обрести благодать, если избегает зла и творит добро.

Я сказал: Нельзя распознать ни зла, ни добра без Слова Божия. И если вы, язычники по своему здравомыслию уразумеете, что то – грех, а это – добродетель, то всю глубину порочности души вашей вы будете не в силах постичь, а еще менее – подлинную суть добродетели. И если, как вам покажется, вы далеко зайдете в познании добра и зла, и будете убеждены, что следует отринуть зло, но делать добро, то не достанет сил у вас без Иисуса Христа отойти ото зла и творить добро. Ежели хотите от зла отойти и творить добро, то должно вам уверовать во Христа и через святое крещение вступить в общину Вечного Бога. И когда душа ваша (через веру) изменится, озарится, обратится, переродится, будет очищена и тогда, воссоединенная с Господом, она обретет силу, дабы уклониться от греха и творить добро.

Он сказал: Я не могу осуждать то, что вы в этой беседе мне поведали. Но все же полагаю, когда кто-то верит лишь в одного единственного бога и ведет при этом тихую, праведную и святую жизнь, ему не столь уж необходимо верить (именно) во Христа и креститься.

Я отвечал: Необходимость в такой вере я продемонстрировал вам на словах, но саму веру в Иисуса Христа дать не могу. Идите, смиритесь перед Господом небесным и земным, стремитесь, следуя через те слова его, что услышали, к просветлению. И тогда познаете вы, сколь нужно грешнику верить в Иисуса Христа, его своим Спасителем почитая.

Он поблагодарил и попрощался.

¹⁴ Вероятнее всего, имеется в виду Пришни (Пришнигарбха) – одна из аватар Вишну.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Гаспаров М.Л. Греческая и римская литература I в. н.э. *История всемирной литературы*. Т. I. М.: Наука, 1983. С. 467–484 [Gasparov M.L. Greek and Roman Literature of the 1st Century AD. *History of World Literature*. Vol. I. Moscow: Nauka, 1983. Pp. 467–484 (in Russian)].

Парибок А.В. «Вопросы Милинды» и их место в истории буддийской мысли. *Вопросы Милинды (Милиндапаньха)*. М.: Наука, 1989. С. 19–62 [Paribok A.V. “Milinda’s Questions” and Their Place in the History of Buddhist Thought. *Milinda’s Questions (Milindapan’ha)*. Moscow: Nauka, 1989. Pp. 19–62 (in Russian)].

Тронский И.М. *История античной литературы*. М.: Высшая школа, 1983 [Tronskij I.M. *History of Ancient Literature*. Moscow: Vysshaya shkola, 1983 (in Russian)].

Achte Continuation des Berichts Derer Koenigl. Daenischen Missionarien in Ost-Indien... Halle: Verlegung des Waysen-Hauses, 1715.

Sweetman W. The Prehistory of Orientalism: Colonialism and Textual Basis for Bartolomäus Ziegenbalg’s Account of Hinduism. *New Zealand Journal of Asian Studies* 6, 2 (December, 2004). Pp. 12–38.

Ziegenbalg B. *Alte Briefe aus Indien. Unveröffentlichte Briefe von Bartholomäus Ziegenbalg (1706–1719)*. Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1957.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НИКОЛЬСКАЯ Ксения Дмитриевна –
кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории Южной Азии ИСАА МГУ имени
М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Kseniia D. NIKOLSKAIA, PhD (History),
Associate Professor, Department of South Asian
History, Institute of Asian and African Studies
(IAAS), Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia.

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31857/S086919080016639-9

Для цитирования: Оришев А.Б. [Рец. на:] Магомедханов В.М. *Курды – забытые союзники СССР*. Отв. ред. Л.М. Раванди-Фадаи; Институт востоковедения РАН; Фонд содействия технологиям XXI века. М.: ИВ РАН, 2020. 236 с. ISBN 978-5-89282-951-9. *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 269–273. DOI: 10.31857/S086919080016639-9

For citation: Orishev A.B. [Review of:] Magomedkhanov V.M. *The Kurds – Forgotten Allies of the USSR*. Ed. by L.M. Ravandi-Fadai; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Foundation for the Promotion of Technologies of the 21st Century. Moscow: IOS RAS, 2020. 236 p. (in Russian). ISBN 978-5-89282-951-9. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 5. Pp. 269–273. DOI: 10.31857/S086919080016639-9

МАГОМЕДХАНОВ В.М. *КУРДЫ – ЗАБЫТЫЕ СОЮЗНИКИ СССР*. Отв. ред. Л.М. Раванди-Фадаи; Институт Востоковедения РАН; Фонд содействия технологиям XXI века. М.: ИВ РАН, 2020. 236 с. ISBN 978-5-89282-951-9

© 2021

А.Б. ОРИШЕВ ^а

^а – РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-1953-9543; Orishev71@mail.ru

Рецензируемая книга посвящена одной из самых деликатных тем кануна и периода Второй мировой войны – попыткам советского руководства использовать в своих целях национальные движения на Востоке, а именно курдов. Проведенное исследование обращает на себя внимание прежде всего смелостью автора, решившегося на изучение столь непростого для отечественного востоковедения вопроса, т.к. мало кто из российских ученых пытается его поднимать. Действительно, разобраться в хитросплетениях политики великих держав, смотревших на курдов как на инструмент давления на иранское правительство, понять всю глубину противоречий в многонациональном Иране, показать эволюцию взглядов советского руководства на курдов и объяснить ее причины очень непросто. Заметим лишь, что поднятые В.М. Магомедхановым вопросы в свое время находили некоторое отражение в работах М.С. Лазарева [Лазарев, 2005] и О.И. Жигалиной [Жигалина, 1988]. Но делалось это на иной источниковой базе.

Актуальность исследования, кроме научной составляющей, имеет и важную политическую окраску. Курдское национальное движение и в наше время является не только одной из приоритетных внутренних проблем Ирана, Турции, Ирака и Сирии, но и серьезным дестабилизирующим фактором внутривосточной жизни региона.

Для В.М. Магомедханова рецензируемая книга – монографический дебют. Она результат многолетних исследований, которые автор начал еще будучи аспирантом Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина. В.М. Магомедханов не пошел по

хорошо известному многим пути, когда монография представляет собой косметически доработанную диссертацию. Здесь мы видим принципиально новый труд, в который включено много ранее неизвестных архивных материалов, доступ к которым автор получил уже после присвоения ученой степени, продолжив тем самым свой творческий и научный путь.

Сильная сторона монографии В.М. Магомедханова – источниковая база исследования. Материалы для книги собирались в нескольких архивах России. Впечатляет не столько список архивных папок и дел, поднятых исследователем, состоящий из 90 наименований, а тот факт, что автор смог получить доступ к ранее секретным документам Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Речь идет о фондах № 08, 028, 056; добиться права работать с ними по-прежнему невероятно трудно.

Не вызывает вопросов структура монографии, она хорошо продумана и отражает замысел автора – на основе ставших доступными документов из российских архивов и других источников, а также достижений отечественной и зарубежной историографии определить роль и место Иранского Курдистана в политике СССР на Среднем Востоке, что безусловно удалось В.М. Магомедханову. Главный научный результат, полученный автором, заключается в том, что на новой источниковой базе (большинство архивных документов из фондов АВП РФ, ЦАМО, РГВА, РГАСПИ¹ впервые вводятся в научный оборот) дана более или менее объективная картина многолетней борьбы Советского Союза за влияние в Иране и Иранский Курдистан показан как один из приоритетов политики СССР на Ближнем и Среднем Востоке.

Знакомство с книгой не оставляет сомнений: В.М. Магомедханов самым тщательным образом изучил всю имеющуюся в нашей стране литературу по данной теме. Отраднo, что автор не только хорошо владеет фактическим материалом, досконально изучив все работы своих предшественников, но и знаком с последними зарубежными исследованиями по данной теме [O'Sullivan, 2015; Rubin, 2014; Yesiltas, 2014].

Особый интерес вызывают главы, в которых автор описал непростые взаимоотношения советской военной администрации, представителей дипломатического корпуса с гражданской администрацией и курдами в Иране. Приводятся уникальные сведения о том, как вожди курдских племен и сами племена отреагировали на ввод в страну частей Красной Армии. Характерно, что эта реакция в целом была благожелательной, т.к. в лице советских солдат и офицеров курды увидели защитников своих интересов. И тому автор находит вполне логичное объяснение: СССР, провозгласивший ценности многонационального государства, созданного на принципах равноправия всех народов, его населявших, являлся ориентиром для национального движения курдского народа. Прежде всего это было актуальным в многонациональном Иране, где персы как титульная нация под владычеством Реза-шаха Пехлеви практически «не считались с идентичностью других народов» (с. 46). Подобные настроения не умозрительны, а подтверждаются исследователем конкретными фактами. Среди просоветски настроенных курдов автор называет Сартиб-ага, регулярно осуществлявшего пожертвования в фонд победы на Германией и открыто заявлявшего о том, что опыт СССР станет примером для курдов в их противостоянии с центральным правительством. Приводится факт о том, что этот курдский вождь в честь пленения 6-й армии Паулюса переименовал свою деревню в районе Резайе в «Сталинград» (с. 105).

Из книги мы узнаем, что среди курдских племен, придерживающихся шиитского направления в исламе, очень быстро распространились слухи о том, что Сталин есть Махди – последний преемник пророка Мухаммеда, которому предстоит явиться накануне конца света и его приход означает избавление от угнетений и несправедливости (с. 111).

¹ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны), Российский государственный военный архив (РГВА), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Не ограничиваясь деятельностью советской разведки в Иране, В.М. Магомедханов дал анализ подрывной работы германских спецслужб в Иранском Курдистане, что вполне понятно, т.к. во многом активность нацистов в этом регионе стала поводом для ввода войск Антигитлеровской коалиции в страну. Автор совершенно справедливо отмечает, что именно нацистская Германия в 1930-е гг. создала в Иране широкую шпионскую сеть, что мотивировало советское правительство «занять прочные позиции в Иране, особенно в его курдских ареалах» (с. 72).

Обратим внимание на то, как автор ранжирует проблемы, которые возникли перед советской военной администрацией. Автор верен себе, утверждая, что первоочередной задачей, которую предстояло решить командованию советских войск, дислоцировавшихся на территории Ирана, было «наладить отношения с независимыми курдскими племенами» (с. 8). Также мы узнаем о том, что советские дипломаты, пытаясь привлечь на свою сторону курдов, организовали поездку курдских вождей в Баку в конце 1941 г.

Не мог автор оставить без внимания такой вопрос, как обвинения иранских властей в адрес советского военного командования о вмешательстве во внутренние дела Ирана. В.М. Магомедханов, приводя данные о нотах протеста со стороны правительства Ирана, категоричен: «Советские представители строго придерживались линии невмешательства в курдский вопрос... они оказывали содействие и помощь местным властям в деле поддержания общественного порядка и спокойствия в районах с курдским населением» (с. 101). Заметим, что подобные заявления не голословны, а подтверждены многочисленными ссылками на архивные материалы.

Также вызывает одобрение попытка автора показать роль и место южного пути доставки военных грузов по ленд-лизу, определить значение в этом вопросе курдского фактора, т.к. нам хорошо известны попытки германской разведки использовать курдов с целью организации терактов на средствах коммуникаций с целью срыва этих поставок. В.М. Магомедханов указывает на позитивные моменты организации поставок по ленд-лизу для самих иранцев, упоминая в очередной раз курдов: «на полную мощность работала вся иранская промышленность, давая работу десяткам, сотням тысяч безработных. На транспортировке через Иран военных грузов союзников были заняты десятки тысяч курдов» (с. 102).

В.М. Магомедханов не обошел стороной и такие сложные для анализа темы как курдский вопрос в системе советско-британского партнерства в Иране. Следует признать, что отношения СССР с Англией были далеки от союзнических, что также отразилось и на курдах.

Как следует из рецензируемой книги, взаимодействие СССР с курдскими националистами стало весомым фактором для сдерживания агрессивных устремлений Турции, готовой в случае прорыва вермахта на Средний Восток развернуть здесь еще один антисоветский фронт. «Повстанческие и другие действия армян и курдов затрудняли перемещение турецких войск и пантюркистских группировок к границе СССР», – констатирует ученый (с. 107).

Весьма удачно В.М. Магомедханов определил роль СССР в создании Мехабадской республики, дал анализ отношениям между Азербайджаном и Курдистаном в их совместной борьбе за демократические и социальные права, выявил место и роль СССР в этом процессе. В книге мы находим ранее не опубликованные данные о такой известной личности того времени, как Казимохаммед, о деятельности в Мехабаде Культурного центра, созданного при участии советского консула в Резайе Хашимова.

Нельзя не сказать о том, как автор показывает деятельность советской пропаганды среди курдов, акцентируя наше внимание на том, что самой эффективной формой такой пропаганды стала бесплатная медицинская помощь. Как мы видим из книги, командо-

вание Красной Армии уже в первые месяцы своего пребывания в Иране помимо официальной медпомощи организовало повсеместные гуманитарные акции: военврачи из советских госпиталей регулярно оказывали медицинскую помощь местному населению. «Меня вылечил советский врач», – говорили иранцы (с. 113). И это были самые весомые аргументы в пользу пребывания советских войск на территории Ирана и пропаганда советского образа жизни.

Ради справедливости заметим, что автор не идеализирует советско-курдские отношения. Внимательное прочтение книги говорит о том, что просоветские настроения части курдских вождей можно объяснить элементарным страхом, который они испытывали перед Красной Армией. «Наше влияние среди курдов велико, и курды не только нам симпатизируют, но и побаиваются» (с. 111), эти утверждения, приведенные автором со ссылкой на материалы ЦАМО, заставляют задуматься и отказаться от редуцирования происходивших событий.

Успешной можно признать попытку автора показать эволюцию взглядов Сталина на национальный вопрос в Иране. Обращает на себя внимание его вывод о том, что Сталин, «симпатизировавший курдскому национально-освободительному движению в 1941–1942 гг., позднее в значительной степени под влиянием М. Багирова переориентировался на азербайджанских националистов» (с. 104).

Заслуживают внимания иллюстрации в книге. Все они выполнены в черно-белой гамме и отличаются разнообразием: здесь фотофиксация событий августа 1941 г. (операция «Согласие»), малоизвестные карикатуры на Гитлера и немецких агентов, действовавших в Иране, карта Мехабадской курдской республики в Иране. Особый интерес представляют уникальные фото курдских повстанцев. Также отдадим должное оформлению обложки книги, выполненной по всем правилам дизайнерского искусства: четко подобранные цвета, карта Иранского Курдистана на черно-золотом фоне, фото автора поверх каньона в Ревандузе смотрятся очень эффектно. Полагаю, что не только в научном, но и в маркетинговом плане книгу ждет успех.

Следует отметить стиль написания работы. Автору удалось описать события тех лет живым, понятным для читателя языком, что обусловит популярность книги среди не только историков-профессионалов, но и широкого круга любителей истории.

Книга В.М. Магомедханова не лишена недостатков. Прежде всего это отсутствие в библиографическом списке работ на персидском языке. Вызывает сожаление и тот факт, что автор не обращался к иранской прессе, хотя в 1940-е гг. материалы о курдах регулярно появлялись на страницах газет «Иран» и «Эттелаат» («Известия»). Также вызывает возражение то, что автор определяет борьбу курдского народа в этот период как «национально-освободительное движение» (с. 3). На наш взгляд более уместным выглядит ее идентификация как «национального движения». Однако эти замечания не носят принципиального характера и не умаляют достоинств книги, представляющей ценное для российской исторической науки исследование.

Рецензируемая книга вышла на русском языке тиражом в 300 экземпляров. Однако учитывая важность исследования, как в научном, так и в политическом плане, хотелось бы увидеть ее и на других языках. Это могло бы быть как и переиздание, так и новое издание настоящей работы.

Все вышесказанное позволяет заключить, что отечественное востоковедение в лице В.М. Магомедханова получило достойного продолжателя традиций Института Востоковедения РАН, заложивших М.С. Лазаревым и О.И. Жигалиной – патриархами российского курдоведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Жигалина О.И. *Национальное движение курдов в Иране (1918–1947)*. М.: Наука, 1988 [Zhigalina O. I. *National Movement of the Kurds in Iran (1918–1947)*. Moscow: Nauka, 1988 (in Russian)].

Лазарев М.С. *Курдистан и курдский вопрос (1923–1945)*. М.: Восточная литература РАН, 2005 [Lazarev M.S. *Kurdistan and the Kurdish question (1923–1945)*. Moscow: Vostochnaia literatura, 2005 (in Russian)].

O’Sullivan A. *Espionage and Counterintelligence in Occupied Persia (Iran). The Success of the Allied Secret Services, 1941–1945*. London, New York: Palgrave Macmillian, 2015.

Rubin В.М. В.М., Schwanitz W.G. *Nazis, Islamists and the Making of the Modern Middle East*. Yale University Press, 2014.

Yesiltas O. *Rethinking the National Question: Anti-Statist Discourses within the Kurdish National Movement*. Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Florida International University, 2014.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ОРИШЕВ Александр Борисович – д.и.н.,
заведующий кафедрой истории, Российский
государственный аграрный университет –
МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва,
Россия.

Aleksandr B. ORISHEV, DSc (History), Head
of the Department of History, Russian State
Agrarian University – Moscow Agricultural
Academy a. K.A. Timiryazev, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080016500-7

Для цитирования: Звягельская И.Д. [Рец. на:] Труевцев К.М. *Глобализация и арабский мир: до и после двух волн турбулентности*. Отв. ред. В.А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2020. 370 с. ISBN 978-5-907384-00-2. *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 274–278. DOI: 10.31857/S086919080016500-7

For citation: Zvyagelskaya I.D. [Review of:] Konstantin Truevtzev. *Globalization and the Arab World. Before and After the Two Waves of Turbulence*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2020. 370 p. (in Russian). ISBN 978-5-907384-00-2. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5. Pp. 274–278. DOI: 10.31857/S086919080016500-7

ТРУЕВЦЕВ К.М. *ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И АРАБСКИЙ МИР: ДО И ПОСЛЕ ДВУХ ВОЛН ТУРБУЛЕНТНОСТИ*. Отв. ред. В.А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2020. 370 с. ISBN 978-5-907384-00-2

© 2021

И.Д. ЗВЯГЕЛЬСКАЯ ^a

^a – Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-5937-9997; zvyagel@imemo.ru

Каждая книга имеет свою историю, и монография известного российского исследователя-арабиста Константина Михайловича Труевцева не исключение. Такая книга продумывается и пишется в течение многих лет – идеи апробируются в научных статьях и докладах на конференциях, основные положения вырабатываются и защищаются в ходе дискуссий. Новое исследование К.М. Труевцева – это размышление о государствах и обществах, о глобализации как главной тенденции XXI века, ее характере и культурно-цивилизационных характеристиках. К затронутым в ней важнейшим проблемам можно отнести глобализацию и мировой порядок, влияние глобализации на политические режимы (соотношение авторитаризм–демократия), на возникновение турбулентности и новых зон региональных конфликтов. В относительно краткой рецензии невозможно подробно остановиться на всех аспектах представленного исследования, т.к. любая из перечисленных тем могла бы стать предметом полноценной научной публикации. Были выбраны отдельные сюжеты, которые, как представляется, могут дать представления об особенностях авторского видения основных трендов современного развития.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Современная волна глобализации имела своим результатом взаимное культурное обогащение и развитие социальных и экономических связей между различными частями мира. Она соединила континенты и страны, отличающиеся политическим и экономическим уровнями развития, обладающими уникальной идентичностью и историческим опытом. В мире почти не осталось «медвежьих углов», куда не проникли бы смартфоны, интернет, где не звучат западные музыкальные ритмы, не пьют кока-колу и не носят футболки с надписями на английском языке. С другой стороны, западные государства стали центрами притяжения для выходцев из арабского мира, Африки, Индии, Пакистана и др., представленных как высококвалифицированной рабочей силой, так и рабочими-мигрантами. Все

больше неевропейских лиц можно заметить в заполняющей улицы толпе; строятся мечети, множатся кафе и рестораны с восточной кухней, появляются целые восточные кварталы. А в арабских монархиях Персидского Залива постоянно растет численность ищущих занятость мигрантов из стран Восточной Азии, из некоторых постсоветских государств.

Культурное наступление глобализма не было бесконфликтным. В Европе в связи со все более мощными волнами иммиграции из охваченных кризисами и гражданскими войнами арабских и африканских государств дают о себе знать трения между местным населением и вновь прибывшими. На Востоке культурное влияние глобализации на традиционные общества остается поверхностным и воздействует крайне слабо на сложившиеся внутри них отношения и иерархии.

Глобализация остается важнейшим трендом современности, несмотря на ряд расшатывающих ее элементов. Среди них все более углубляющиеся противоречия между глобализмом и национальным государствами. В этом контексте пандемия COVID-19 сыграла роль фактора, обнажившего имевшиеся проблемы, среди которых несостоятельность надежд на эффективность глобальных институтов, на возможность организации совместного отпора новым вызовам. Как очень точно отметил российский исследователь В.Б. Кувалдин, «сегодня мы наблюдаем обратный феномен: “ренационализацию” мировой политики и – в определенной мере – мировой экономики... Глобальный мир, даже в той, весьма несовершенной форме, в которой он существует ныне, – величайшее достижение человечества. И якорь спасения одновременно. Любые попытки возвращения в мир национальных государств – игра с огнем» [Кувалдин, 2021, с. 13].

Новизна авторского подхода К.М. Труевцева определяется тем, что основное внимание обращено на воздействие глобализации на политические процессы и структуры Востока, которые отличаются от западных образцов и по-своему реагируют на глобальные вызовы. В течение последних десятилетий в странах Запада и ряде других стран мира серьезно пересматривается роль государства, государственные институты постепенно трансформируются в направлении их демократизации, усиления горизонтальных связей как внутри самих институтов, так и между ними и обществом, большей открытости и прозрачности системы государственного управления (с. 39).

Действительно, в конце 1990–2000-х годах такое проявление глобализации (затронувшее далеко не все регионы и страны) внушало определенный оптимизм и надежды на более гармоничное мировое развитие. Однако они не оправдались. Автор и сам отмечает несостоятельность и политическую ограниченность представлений о прямой взаимосвязи между глобализацией и демократизацией. «Однозначные же представления о тождестве или практическом совпадении двух этих процессов невольно провоцирует на то, чтобы попытаться подтолкнуть процесс демократизации в тех или иных странах и регионах, тем более если один из первых опытов такого подталкивания увенчался успехом или по крайней мере показался относительно удачным» (с. 73).

Данный вывод имеет большое практическое значение с учетом роли внешнего фактора во всевозможных революциях и переворотах. Проблема здесь заключается в том, что политики склонны рассматривать внешнее вмешательство как единственный и главный фактор аккумуляции недовольства. На деле только внутренние причины создают среду, в которой могут успешно действовать в своих интересах внешние силы. В арабских государствах попытки внешнего вмешательства имели место, но, указывая на внешних игроков как на главных возмутителей спокойствия, местные авторитарные правители давали себе индульгенцию на коррупцию и пренебрежение законностью.

Судя по всему, отождествлять рост или снижение авторитарных тенденций исключительно с непосредственным влиянием глобализации также нет оснований. Она создает

механизмы, которые могут быть использованы различными силами – гражданским обществом или правящим меньшинством. Так, неформальные сетевые группировки дают выход общественным настроениям и обеспечивают возможности для консолидации людей, разделяющих сходные взгляды, или могут вести к установлению контроля за механизмами представительства гражданских интересов. Например, возникновение различных арен действия сетей и связанных с ними институтов, где, как справедливо отмечал российский исследователь А.И. Соловьев, «непосредственную выгоду от административных игр и переговоров получают лишь различные сегменты правящего меньшинства, демонстрирует неизбежное снижение общегражданского функционала публичных институтов... (что особенно заметно в переходных государствах с низким уровнем гражданского контроля, доминированием крупного бизнеса и масштабным nepотизмом)» [Соловьев, 2020, с. 55].

Таким образом, и «авторитаризация» режимов, и консолидация гражданского общества могут одновременно быть продуктами созданных в ходе глобализации механизмов.

АВТОРИТАРНЫЕ РЕЖИМЫ И ПОНЯТИЕ ГИБРИДНОСТИ

Особое место в монографии уделяется анализу авторитарных режимов, доминирующих в государствах арабского мира. К.М. Труевцев подходит к их рассмотрению с более широкой оптикой, чем та, которая господствовала в политологических исследованиях в конце XX века, «авторитарные режимы при определенных условиях способны создавать институты (“правила игры”), обеспечивающие поступательное развитие... могут в то же время вводить элементы гибкости, которые обеспечивают им необходимые параметры эволюционного развития» (с.82).

Автор полагает, что возникающий эффект «гибридности» ведет к размытости критериев современного авторитаризма. Вместе с тем авторитаризм имеет достаточно явно выраженные характеристики, а гибкость и умение отдельных политиков приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам в любом случае ограничивается их зависимостью от неформальных связей и стремлением сохранить сам режим и его бенефициаров.

С социальной точки зрения, «гибридизация», хоть и лучше, чем жесткий авторитарный режим, но все же не столь безобидна. Эволюция авторитарных режимов сопровождается попытками создать имитационные институты. Вводя новые политические практики (например, выборы), авторитарный режим предлагает неискушенному избирателю некий суррогат, создающий иллюзию представительства. Наконец, наиболее одиозные режимы все равно вынуждены капсулироваться внутри государственных границ при опоре на доминирующие сегменты местных консервативных обществ.

ВОЛНЫ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Масштабные социальные выступления, получившие название «арабская весна», стали сигналом общемирового неблагополучия. К.М. Труевцев вводит понятие «волн турбулентности», в качестве которых рассматриваются события 2011 г. и политический процесс 2012–2019 гг., обусловившие возникновение зон региональных конфликтов на территориях Ближнего Востока и Северной Африки.

Такая постановка вопроса является оригинальной. Традиционное понятие регионального конфликта, как правило, указывало на его включенность в глобальные международные отношения. В биполярном мире СССР и США реализовывали свое соперничество на региональном уровне, таившем меньше угроз масштабного военного столкновения. Некоторые исследователи современных международных отношений по-прежнему сохра-

няют склонность к рассмотрению регионального конфликта через призму глобального противостояния. «Хотя большинство региональных конфликтов началось в основном из-за межгрупповых или политических разногласий, все они были связаны (хотя и в разной степени) с геополитическими и геоэкономическими столкновениями между Россией и Западом» [Charap et al., 2019, p. 56]. В современных конфликтах роль глобальных сил иная: она не включает идеологической составляющей, на первый план в региональных конфликтах (если уж продолжать их так называть) вышли не глобальные, а региональные игроки, которые не всегда склонны учитывать подходы глобальных партнеров.

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КОНФЛИКТ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Оригинальное видение автором происходящих на Ближнем Востоке процессов особенно отчетливо проявилось в его трактовке понятия ближневосточный конфликт. Такое название традиционно относится к арабо-израильскому конфликту, в основе которого лежит неурегулированная палестинская проблема. Проблема национальных прав палестинцев в ее восприятии элитами арабских государств была существенно маргинализирована в результате появления новых конфликтов. Кроме того, имела место политическая усталость властных структур в арабских странах от представляющегося все менее реалистичным решения палестинского вопроса, а процесс нормализации отношений между Израилем и арабскими странами продемонстрировал возможность урегулирования двусторонних вопросов без их привязки к «палестинскому делу».

К.М. Труевцев, анализируя ближневосточный конфликт в новых реалиях, делает упор на территориальную взаимосвязь обозначившихся зон нестабильности. «О современном состоянии Ближневосточного конфликта с полной определенностью можно сказать, пожалуй, только одно – ясно очерчены его границы: с запада – Египет, с востока – Иран, с юга – Аравийское море, с севера – южное побережье Черного моря. Вся остальная территория, т.е. практически полностью регион Ближнего Востока, прямо или косвенно охвачена бушующим огнем» (с. 269). При этом Сирия рассматривается как эпицентр конфликта.

Судя по всему, речь идет о совершенно новой трактовке региональных конфликтов, которые анализируются как отдельные зоны, и собственно ближневосточного конфликта. Если ближневосточный конфликт постепенно утрачивает системообразующие функции, то это происходит под воздействием новых трендов в международных отношениях на Ближнем Востоке, которые не испытывают определяющего влияния арабо-израильского противостояния.

При этом в отличие от сирийского, ливийского, йеменского конфликта палестинская проблема обладает важнейшими ценностными характеристиками и остается одним из маркеров политической и религиозной идентичности в арабском и мусульманском мире.

Принципиальная особенность ближневосточного конфликта заключается еще и в том, что палестинская проблема была объединительным фактором для арабского мира и частично для мусульман, в то время как современные конфликты разворачиваются вокруг проблем, разъединяющих самих арабов и углубляющих противоречия между ними и неарабскими странами мусульманского мира – Турцией и Ираном.

Необходимо отметить, что Константин Михайлович Труевцев, анализируя конфликтные зоны, демонстрирует виртуозное владение фактами и деталями, которые не всегда знакомы не только широкому читателю, но и специалистам.

Книга К.М. Труевцева представляет собой один из лучших образцов современного научного исследования. Автор ставит многие вопросы, на которые трудно дать однозначные ответы. Тема глобализации и ее влияния на политические процессы и международные

отношения далеко не закрыта. Однако на пути ее дальнейшего изучения появилась важная веха – научный труд талантливого российского ученого Константина Михайловича Труевцева.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Кувалдин В.Б. Глобализация и национальное государство: вчера, сегодня, завтра. *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 1. С. 5–13 [Kuvaldin V.B. Globalization and Nation State: Yesterday, Today, Tomorrow. *World Economy and International Relations*. 2021. Vol. 65. No. 1. Pp. 5–13 (in Russian)].

Соловьев А.И. Государство: смыслы и образы. *Государство в политической науке и социальной реальности XXI века*. М.: Издательство «Весь Мир», 2020 [Solov'ev A.I. The State: Meanings and Images. *The State in Political Science: Transformations in a Twenty-First Century Social Context*. Ed. by I.S. Semenenko, V.V. Lapkin, V.I. Pantin. Moskva: Izdatel'stvo "Ves' Mir", 2020. Pp. 37–62 (in Russian)].

Charap S., Filipchuk V., Kuhn U., Popov A., Silaev N., Vartanyan O. Regional conflicts. *A Concensus Proposal for a Revised Regional Order in Post Soviet Europe and Eurasia*. Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, 2019. Pp. 53–77.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ Ирина Доновна, д.и.н.,
профессор, руководитель Центра
ближневосточных исследований,
Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных
отношений имени Е.М. Примакова Российской
академии наук (ИМЭМО РАН), Москва,
Россия.

Irina D. ZVYAGELSKAYA, Professor,
DSc (History), Head of Center for the Middle
East Studies, Primakov National Research
Institute of World Economy and International
Relations (IMEMO), Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia.

P E R S O N A L I A

IN MEMORIAM

ПАМЯТИ РОБЕРТА ГРИГОРЬЕВИЧА ЛАНДЫ

Отечественная арабистика понесла большую потерю: 21 июня 2021 г. ушел из жизни Роберт Григорьевич Ланда (1931–2021), выдающийся российский историк-арабист, исламовед, крупнейший специалист по странам Магриба, автор трех десятков монографий и шести сотен научных статей на русском, английском, немецком, французском и арабском языках.

Роберту Григорьевичу была дана долгая жизнь, он успел отпраздновать свой 90-летний юбилей. И большую часть своей долгой жизни он был сотрудником Института востоковедения РАН, куда поступил в 1957 г.

В 1953 г. Роберт Григорьевич закончил обучение в Московском институте востоковедения, получив большой объем знаний как арабист, овладев арабским, французским и английским языками, а также прослушав содержательные курсы по истории стран Востока. Преподавателями в те годы были академик В.А. Гордлевский, Н.И. Конрад, Х.К. Баранов и другие крупные востоковеды. В задачи МИВ входила подготовка «работников по всем отраслям работы на Востоке и в связи с Востоком». Об уровне этой подготовки свидетельствует последующая деятельность академика Е.М. Примакова, однокашника Ланды по МИВ.

В том, что Р.Г. Ланда после недолгой работы в издательстве пришел в академический институт, сказались его глубокий интерес к арабскому миру и готовность посвятить всю свою жизнь интереснейшему делу арабистики. Благодаря отличной подготовке и увлеченности арабской проблематикой, уже через год после прихода в ИВ РАН, Роберт Григорьевич защищает кандидатскую диссертацию на тему «Национально-освободительное движение в Алжире после Второй мировой войны». Алжир на долгие десятилетия стал одной из главных тем в научном творчестве Ланды, написавшем около 10 книг и брошюр по этой тематике. В 1974 г. он защищает докторскую диссертацию, в которой исследовал борьбу алжирского народа против европейской колонизации в 1830–1917 гг.

Роберт Григорьевич обладал открытым характером и живо откликался на события текущей жизни в стране и в мире. Он с готовностью принимал приглашения на участие в научных международных конференциях, в 1970 г. был участником XIII Международного исторического конгресса в Москве, а позднее в 1970–1980-е гг. выезжал с докладами на международные конгрессы в Лейпциге, Рабате, Мериленде (США), Касабланке, конечно, в любимом Алжире, в разных странах Арабского Востока и Европы. Его статьи и книги переводятся на французский и арабский языки. Ланда достойно представлял в мировом научном сообществе советскую и российскую науку, заслужил высокую репутацию. Известность Ланды в кругах арабистов росла, росло и признание его научных достижений, свидетельствами чего стали избрание членом Международной академии информатизации, государственная награда Алжира, золотая медаль И.Ю. Крачковского, а в 2014 г. – грамота Президента РФ.

Увлеченность Ланды арабистикой проявилась и в том, что при первой возможности он обратился к преподавательской деятельности, передавая накопленные знания и «заманивая» молодых людей на поприще арабистики. По подготовленным под руководством Ланды учебникам и учебным пособиям по общим проблемам Востока и истории отдельных стран учились несколько поколений студентов. Многие студенты Исторического факультета МГУ, Исторического факультета Педагогического университета, ИСАА и Восточного университета с благодарностью вспоминают лекции Роберта Григорьевича, а еще – его доброту на экзаменах и зачетах. Около четырех десятков диссертаций кандидатских и докторских были

защищены под руководством Ланды. Достаточно сказать, что академики А.Б. Куделин и В.В. Наумкин называют себя учениками Роберта Григорьевича.

Постепенно интересы Ланды выходили за рамки «чистой» арабистики. Тематика его статей расширяется, в круг его интересов входят проблемы социального развития, идеологии и религии на Ближнем Востоке. В 1964 г. он публикует статью о «некапиталистическом пути развития Алжира». В 1970 г. – статью об участии алжирских улемов в борьбе за независимость Алжира. И когда в 1972 г. Б.Г. Гафуров и Г.Ф. Ким организовали Отдел общих проблем развития современного Востока, сотрудником сектора социальных проблем нового Отдела, причем активным сотрудником, стал Роберт Григорьевич. Продолжая свои магрибинские штудии, Ланда углубляется в исследование социальных процессов модернизирующегося Востока, в частности, пишет статьи и руководит коллективными работами по проблемам буржуазии и государственной бюрократии в странах Востока. Позднее он принимает на себя нелегкие обязанности руководителя Отдела сравнительно-теоретических исследований в ИВ РАН, проявив себя и как крупный организатор науки.

В 1990-е гг. Ланда обратился к изучению современного российского ислама. Первым такого рода печатным исследованием в отечественной академической литературе стала его книга «Ислам в истории России» (1995), благодаря широкому спросу позднее переизданная.

Так шла жизнь Роберта Григорьевича, день за днем, год за годом. Ланда стал одним из самых видных представителей московской школы арабистики, в его научном творчестве получили развитие академические традиции, заложенные такими выдающимися знатоками арабского мира как Х.К. Баранов, В.Б. Луцкий, Е.А. Беляев и соученик по МИВ Е.М. Примаков. С 1958 г. по 2017 г. он опубликовал 567 работ, в том числе 32 монографии и брошюры, 56 статей на иностранных языках.

В последние годы жизни Роберт Григорьевич из-за проблем с здоровьем сократил объем своей деятельности. Однако в его лице отечественное востоковедение видело широко признанного знатока истории и политического развития стран Магриба, алжирского национально-освободительного движения, вопросов эволюции социально-политических структур арабских государств, межкультурного и межцивилизационного взаимодействия в Средиземноморье, ислама в России. Такие его работы, как «Кризис колониального режима в Алжире, 1931–1954» (М: Наука, 1980); «Управленческие кадры и социальная революция стран Азии и Африки: (Госсектор)» (М: Наука, 1985); «В стране аль-Андалус через тысячу лет: Мусульманская культура в Испании» (М: Наука, 1993) стали научной классикой. Большой интерес вызвала коллективная монография под его редакцией «Социальный облик Востока» (1999). Учебник «Социология современного Востока» вышел двумя изданиями в 2006 и 2008 г. и широко используется в разных учебных заведениях. Идеи, высказанные им относительно сущности колониальных режимов в Магрибе, специфики социального развития арабских государств, разработанные им подходы к изучению исторических процессов новейшего времени, наконец, его пристальное внимание к роли личности, ярко проявившееся в вышедших из-под его пера новаторских просопографических трудов – все это заложило основу для нескольких поколений будущих исследований и получило развитие в научном творчестве коллег-востоковедов и многочисленных учеников.

Нельзя не отметить и то, что живой характер Роберта Григорьевича проявлялся в общении с сотрудниками Отдела и Института, к нему можно было легко подойти, поговорить и посоветоваться. Чувство юмора Ланды было видно в проходившихся некогда знаменитых «капустниках» Отдела общих проблем. Конечно, это сказывалось и в его печатных работах. Даже самые фундаментальные и академические труды Ланды отличала легкость изложения, заботливое отношение к будущему читателю, увлекательность. Многие статьи и книги Роберта Григорьевича стали своеобразным эталоном стиля в отечественном гуманитарном знании.

Своими глубокими познаниями и замечательными человеческими качествами Роберт Григорьевич снискал уважение и любовь коллег, добрую память учеников и всех знавших его.

Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность
научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110166 от 18.01.1994 г.)

Подписано к печати 14.10.2021
Тираж 250 экз.

Формат 70×100 ¹/₁₆
Зак. 5/5а.

Уч.-изд. л. 23,1
Цена свободная

Учредитель: Российская академия наук
Издатель: Российская академия наук
20 экз. распространяется бесплатно
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-069-20
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

БАКАЛАВРИАТ
Востоковедение и африканистика

МАГИСТРАТУРА
Экспертно-аналитическое востоковедение

АСПИРАНТУРА
Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение одним из восточных и английским языками. **Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.**

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членв-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).